

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 3(24)/2020

Редакционная коллегия

Научный руководитель — ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н., генеральный директор издательства «Нестор-История» (Москва)

Ответственный редактор — СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Зам. ответственного редактора — ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург)

Ответственный секретарь — КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич, д.полит.н., заместитель директора ИНИОН РАН (Москва)

КОНОПЛЯНКО Константин Сергеевич, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)

ПРОЗУМЕНЩИКОВ Михаил Юрьевич, к.и.н., заместитель директора Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив новейшей истории» (РГАНИ) (Москва)

ТАНЬШИНА Наталия Петровна, д.и.н., профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук РАНХиГС (Москва)

ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

ТЕСЛЯ Андрей Александрович, к.филос.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград)

ТИХОНОВ Виталий Витальевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

УЛУНЯН Арутюн Акопович, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ (Москва)

Редакционный совет

ГЛУШКОВСКИЙ Пётр, к.и.н., зам. директора Института русистики Варшавского университета (Польша)

ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (assistant professor), Хьюстонский университет (США)

КАСЬЯНОВ Георгий Владимирович, д.и.н., проф., зав. отделом Института истории НАНУ (Украина)

КАРАВАШКИН Андрей Витальевич, д.ф.н., проф. кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ (Москва)

КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филос.н., доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ-«НИНХ»), сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (Новосибирск, Москва)

ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ (Москва)

СМИТ Кэтлин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

СПИВАК Моника Львовна, д.ф.н., заведующая филиалом ГМП «Мемориальная квартира Андрея Белого» (Москва)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, зам. директора Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и славистики Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год

ISSN 2409-6105

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3

Издатель ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.istorex.ru
Отпечатано в АО «Первая Образцовая Типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
тел. (499) 270 73 00
Тираж 300 экз.
Заказ № 2320
Дата подписания в печать 30.09.2020

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Глобальная память

9 *«Национализм — это ответ на вызовы двадцать первого века инструментами девятнадцатого столетия». Интервью с А. Эрль*

14 АСТРИД ЭРЛЛЬ

Миры памяти в эпоху коронавируса

35

Иоанн Павел II: «Коммунизм, фашизм и либерализм — это три лица “цивилизации смерти”». К 100-летию со дня рождения римского папы. Интервью с В. В. Волобуевым

Национальная память

59 И. И. БАРИНОВ

По ту сторону русификации: семейство Ульрих и русское революционное движение

Актуальные проблемы исторической памяти зарубежных стран

76 А. В. МИХАЛЕВ

Память о несостоявшемся будущем, или Неоконченная миссия сообщества «строителей социализма» в Азии

92 А. ГАЛУШКА

Протест против Черчилля: слова, дела и мифы. Мнение очевидца

Великая Отечественная война в современной российской памяти

101

«У нас еще много погибших и пропавших на войне людей, о судьбах которых мы не знаем. Это надо выяснять, людей надо находить — это наш долг, мы должны отдавать дань этой памяти». Интервью с В. И. Тумаркиным

116

«Мы никак не можем говорить о неких “случайностях” или виновности абстрактной “войны” как таковой. Виновники массовой гибели советских военнопленных — это руководство нацистского государства, командование вермахта, немецкие офицеры на местах и все те, кто участвовал в безжалостной эксплуатации людей». Интервью с Д. В. Стратиевским

131 К. В. САК

«Мыльная фабрика» профессора Шпаннера, или Было ли мыло из людей?

- 145 **К. В. САК, С. М. СОЛОВЬЕВ** *Неопубликованное сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о производстве мыла из человеческого жира*

Память о советско-польской войне

- 156 **А. В. ШУБИН** *Между Россией и Польшей: буферная модель военного коммунизма в 1919 г.*

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

Эпидемии

- 177 **И. ДУМИНИКА** *Как боролись с эпидемиями в Бессарабии царского периода*
- 184 **М. В. БАТШЕВ, С. А. ТРИФОНОВА** *Память о холере 1830–1831 гг. в Москве в дневниках, письмах и мемуарах*
- 202 **Д. А. ЛЕВЧИК** *Особенности изучения социальных последствий пандемий в истории человечества. Постановка исследовательских вопросов*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Мир

- 210 **Т. М. ФАДЕЕВА** *Рец.: Стросс-Шом А. Теневой император. Биография Наполеона III (Strauss-Schom A. The shadow emperor. A biography of Napoleon III. St Martin press. N. Y., 2018. 597 p.)*
- 215 **В. Э. МОЛОДЯКОВ** *Шарль Моррас и «Action française» в современной французской историографии*
- 224 **С. А. ТИХАНКИНА** *Рец.: Эдит Ева Эгер. Выбор. О свободе и внутренней силе человека. М.: ООО «Мани, Иванов и Фербер», 2019. 344 с.*

Российская империя

- 227 **М. И. ПАРФЕНЯ** *От частного к общему. Рец.: Новохатко О. В. Россия. Частная переписка XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 664 с.*
- 236 **М. СОРОКА** *Рец.: Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков / научный редактор А. Ю. Полунова. М.: Модест Колеров, 2018. 304 с.*
- 242 **А. Ю. ПОЛУНОВ** *К дискуссии вокруг сборника статей «Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков» / научный редактор А. Ю. Полунов. М.: Модест Колеров, 2018*
- 250 **В. И. ЦВИРКУН** *«Мне совсем не все равно, что скажет обо мне потомство». Рец.: Воробьева Н. Н. Фельдмаршал Гурко. От Дуная до Варшавы. М.: Вече, 2019. 316 с.*

- 256 **И. Н. СЕЛИВАНОВ** *Рец.: Животич А. Югославско-советские военные противоречия (1947–1957): искушения союзничества. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 230 с.*
- СССР**
- 262 **А. А. ТЕСЛЯ** *Отсутствующие альтернативы советскому мейн-стриму. Рец.: Крих С. Б. Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.*
- 267 **М. А. ПОПОВ, М. Ю. ШМАТОВ** *Закон или «порядок» в эпоху И. В. Сталина?. Рец.: Сырых В. М. Юридическая природа сталинского террора: по директивам партии, но вопреки праву. М.: Юрлитинформ, 2020. 504 с.*
- Обсуждение книги Б. Н. Миронова
«Российская модернизация и революция»
(СПб.: Дм. Буланин, 2019)**
- 275 *«Не дай вам Бог жить в эпоху перемен». Интервью с Б. Н. Мироновым*
- 310 **Д. Я. ТРАВИН** *Модернизационная теория революции Бориса Николаевича Миронова*
- 319 **И. В. ПОТКИНА** *Российская модернизация и революция в контексте научных дискуссий*
- 329 **А. Б. ЛЯРСКИЙ** *Модернизация в Российской империи: макропроцессы в микродействии*
- 343 **Л. М. АРТАМОНОВА** *Демографическое поведение как зеркало имперской модернизации*
- 352 **В. А. ШКУРАТОВ** *Революция против модернизации. Читая «Российскую модернизацию и революцию» Б. Миронова*
- 362 **Б. Н. МИРОНОВ** *Этюды исторического оптимизма*

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

- 377 **Д. В. ПАНЧЕНКО** *Перечитывая Макса Вебера*

ОСТОРОЖНО: ХАЛТУРА

- 383 **М. Ю. КОРОБКО** *«С каждым днем столица России хорошеет, меняется». Рец.: Гнилорыбов П. Москва растет. М.: Б. С. Г.-Пресс, 2019. 95 с.*
- 394 *Требования к публикации статей и материалов*

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

Global Memory

- 9 *"Nationalism is a nineteenth-century response to twenty-first century challenges". Interview with A. Erll*
- 14 **ASTRID ERLI** *Memory worlds in times of Corona*
- 35 *John Paul II: "Communism, fascism and liberalism are the three faces of the 'civilization of death'". To the 100th anniversary of the birth of the Pope. Interview with V. V. Volobuev*

National memory

- 59 **I. I. BARINOV** *Beyond Russification: The Ulrich Family and the Russian Revolutionary Movement*

Actual problems of national memory of foreign countries

- 76 **A. V. MIKHALEV** *Memory of the failed future, or The unfinished mission of community of "builders of socialism" in Asia*
- 92 **A. GALUSHKA** *Protest against Churchill: words, deeds and myths. Eyewitness opinion*

The great Patriotic war in modern Russian memory

- 101 *"We have a lot of people killed and missed in war, about whose fates we do not know. We should discover it, find this people — it is our duty, we should pay tribute to this memory". Interview with Viktor I. Tumarkin.*
- 116 *"We cannot speak about some 'accident' or about guiltiness of abstract 'war' as such. The stirrers of mass mortality of Soviet prisoners of war are leaders of Nazi state, command of Wehrmacht, German officers in the field and all those who took part in ruthless exploitation of people". Interview with Dmitri Stratievski*
- 131 **K. V. SAK** *"Soap Factory" of Professor Spanner, or Was there a soap made from human fat?*
- 145 **K. V. SAK, S. M. SOLOV'EV** *"Soap from human fat production" — one unpublished report of the Extraordinary State Commission*

Memory of the Soviet-Polish War

- 156 **A. V. SHUBIN** *Between Russia and Poland: the buffer model of War communism in 1919*

AS IT ACTUALLY WAS**Epidemics**

- 177 **I. DUMINIKA** *Fighting epidemics in Bessarabia of the Tsarist period*
- 184 **M. V. BATSHEV** *Memory of cholera in 1830–1831 in Moscow in diaries, letters and memoirs*
- 202 **D. A. LEVCHIK** *The methodology of history, plague, cholera, flu, COVID-19*

REVIEWS**The world**

- 210 **T. M. FADEEVA** *Rev.: Strauss-Schom A. The shadow emperor. A biography of Napoleon III. St Martin press. N. Y., 2018. 597 p.*
- 215 **V. E. MOLODYAKOV** *Charles Maurras and “Action française” in the contemporary French historiography*
- 224 **S. A. TIKHANKINA** *Rev.: Edit Eva Eger. Vybor. O svobode i vnutrennei sile cheloveka. Moscow: OOO “Mam, Ivanov i Ferber”, 2019. 344 p.*

The Russian Empire

- 227 **M. I. PARFENYA** *From particular to general. Rev.: Novokhatko O. V. Rossiia. Chastrnaia perepiska XVII veka. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2018. 664 p.*
- 236 **M. SOROKA** *Rev.: Rossiia i slavianskii mir v voynakh i konfliktakh XIX–XXI vekov, nauchnyi redaktor A. Yu. Polunov.. Moscow: Modest Kolerov, 2018. 304 p.*
- 242 **A. Yu. POLUNOV** *On the Discussion about the Collection of Essays “Russia and the Slavic World in the Wars and Conflicts of Nineteenth — Twenty First Century / ed. by A. Yu. Polunov. Moscow: Modest Kolerov, 2018”*
- 250 **V. I. CVIRKUN** *«It’s not at all indifferent for me what my descendants will say about me”. Rev.: Vorob’eva N. N. Fel’dmarshal Gurko. Ot Dunaia do Varshavy. Moscow: Veche, 2019. 316 p.*
- 256 **I. N. SELIVANOV** *Rev.: Zhivotich A. Iugoslavsko-sovetskie voennye protivorechiia (1947–1957): iskusheniia soiuznichestva. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2019. 230 s.*

USSR

- 262 **A. A. TESLYA** *Missing alternatives to the Soviet Mainstream. Rev.: Krikh S. B. Drugaia istoriia: “Periferiinaia” sovetskaia nauka o drevnosti. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 320 p.*

- 267 **M. A. POPOV, M. Yu. SHMATOV** *Law or ‘Order’ in J. V. Stalin’s era? Rev.: Syrykh V. M. Yuridicheskaya priroda stalinskogo terrora: po direktivam partii, no vopreki pravu [The Legal Nature of Stalinist Terror: per the Party’s Instructions but against the Law]. – M.: Yurlitinform, 2020 – 504 p.*
- Discussion of the book by B. N. Mironov
“Russian modernization and revolution”
(St. Petersburg: D.M. Bulanin, 2019)**
- 275 *“God forbid you to live in an era of change”. Interview with B. N. Mironov*
- 310 **D. Ya. TRAVIN** *Boris Mironov’s modernization concept of the revolution*
- 319 **I. V. POTKINA** *Russian modernization and revolution in the context of scientific discussions*
- 329 **A. B. LYARSKY** *Modernization in the Russian Empire: macro-processes in micro-action*
- 343 **L. M. ARTAMONOVA** *Demographic behavior as a mirror of imperial modernization*
- 352 **V. A. SHKURATOV** *Revolution against modernization. Reading “Russian modernization and revolution” of B. Mironov*
- 362 **B. N. MIRONOV** *Etudes of historical optimism*
-

RE-READING THE CLASSICS

- 377 **D. V. PANCHENKO** *Max Weber Revisited*
-

ATTENTION: TRASH

- 383 **M. Yu. KOROBKO** *“The Russian capital is changing for better every day”. Rev.: Gnilorybov P. Moskva rastet. Moscow: B.S.G.-Press, 2019. 95 p.*
- 394 *Requirements for publication of articles and documents*

«НАЦИОНАЛИЗМ — ЭТО ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ВЕКА ИНСТРУМЕНТАМИ ДЕВЯТНАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ».

Интервью с А. Эрлль

Ключевые слова: исследования памяти, промежуток трех поколений, система воспоминания-воображения, нарративы памяти, неявная коллективная память.

Аннотация. В своем интервью Астрид Эрлль рассказывает, почему она обратилась к исследованиям памяти, о работе «системы воспоминания-воображения», о том, как нарративы памяти формируют будущее, каким образом исследования памяти могут помочь преодолеть растущий национализм в Европе и о своих научных планах.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-9-13

Основные публикации: Travelling Narratives in Ecologies of Trauma: An Odyssey for Memory Scholars. Special Issue on Cultural Trauma, ed. by William Hirst. *Social Research* 87.3 (2020). P. 533–563; Ed. with Ann Rigney: Cultural Memory after the Transnational Turn. Special Issue of *Memory Studies* 11.3 (2018); Ed. with Ann Rigney: Audiovisual Memory and the (Re-)Mak-

ing of Europe. Special Issue *Image [& Narrative]* 18.1 (2017); *Media and the Dynamics of Memory: From Cultural Paradigms to Transcultural Premediation*. The Oxford Handbook of Culture and Memory, ed. Brady Wagoner. Oxford: Oxford UP 2017. P. 305–324; *Generation in Literary History: Three Constellations of Generationality, Genealogy, and Memory*. *New Literary*

© Историческая Экспертиза, 2020

Астрид Эрлль — профессор англоязычных литератур и культур в Университете имени Гёте (Франкфурт), где она также возглавляет Платформу исследований памяти (FMSP: www.memorystudies-frankfurt.com)

History45 (2014). P. 385–409; Memory in Culture. Basingstoke: Palgrave Macmillan 2011; Travelling Memory. Parallax. Special Issue Transcultural Memory. Ed. Rick Crownshaw 17.4

(2011). P. 4–18; The Social Life of Texts' – Erinnerungsliteratur als Gegenstand der Sozialgeschichte. IASL 36.1 (2011). P. 255–259.

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Дорогая профессор Эрль, думаю, что нет ничего предосудительного в том, чтобы спросить исследователя памяти, на сколько поколений простирается его семейная память. Каким образом ваше «пространство опыта» (Р. Козеллек) соответствует концепции «трех поколений» (80–100 лет) семейной памяти, общепринятой в исследованиях памяти?

А. Э. В данный момент я все еще имею возможность общаться с моей восьмидесятивосьмилетней свекровью, память которой достигает времен детства в Баварии 1930-х. Если моя восьмилетняя дочь слушает и передает рассказы бабушки, значит, наша семейная память в скором времени превзойдет временной промежуток в 80–100 лет. В связи с тем, что сейчас (по крайней мере в Германии, о которой идет речь) заводят детей позже, а пожилые люди в возрасте далеко за восемьдесят сохраняют душевное и физическое здоровье, а также способность рассказывать о своем прошлом, «коммуникативная память», похоже, способна растягиваться, подобно мехам аккордеона.

С. Э. Семейная память обычно играет важную роль в формировании нашей личной идентичности, включая выбор профессии. В этом смысле

случай исследователя памяти представляет особый интерес. Повлияла ли семейная память на ваш интерес к исследованиям памяти, или были другие причины для обращения к исследованиям в этой сфере?

А. Э. Я предполагаю, что лишь немногие исследователи памяти обратились к ней под влиянием семейной памяти — этой первичной и базовой рамки социального воспоминания. Это точно не мой случай. Мой интерес к памяти начался с замечательного учителя истории. Он сказал нам шестнадцатилетним, что изучение истории означает не зубрежку дат и фактов (какое облегчение! Я никогда не была сильна в этом занятии), а понимание того, как люди придают смысл кашеобразной массе происшествий прошлого. То есть это с самого начала была метаистория. Тогда мы с несколькими друзьями были увлечены Веймарской республикой, прежде всего тем, каким образом демократическая система была снесена столь легко и столь радикально.

В студенческие годы в университете я стала специализироваться в рамках междисциплинарного центра исследований «культур памяти», и мой научный руководитель был специалистом в теориях истории и культуры. Когда я получала мою первую ученую степень в области

психологии и готовилась к экзамену по психологии памяти, я почувствовала, что «культурная память» — это, возможно, больше, чем просто метафора. У меня тогда сохранялось увлечение 1920-ми. Я писала диссертацию на тему отражения памяти о Первой мировой войне в литературе того времени. Я столкнулась с разнообразными видами военных памятей. Анархисты, коммунисты, демократы, христиане, консерваторы, фашисты — все они рассказывали свои специфические военные истории и воображали ни в чем не совпадающие траектории будущего общественного развития.

С.Э. Начиная с XVIII в. немцы внесли огромный вклад в развитие русской науки, медицины, технологий и т.д. К сожалению, отношения между нашими народами были омрачены двумя мировыми войнами. Русским ученым было бы интересно узнать, содержатся ли в вашей семейной памяти какие-либо упоминания о России и русских. Относятся ли они только ко Второй мировой войне или также к другим историческим периодам?

А.Э. Если говорить о семейной памяти моих «кровных» родственников, то я по этому вопросу ничего сказать не могу. Возможно, гораздо важнее, что моя «интеллектуальная генеалогия» действительно имеет отношение к России. Я считаю, что ни литературоведение, ни исследование памяти сегодня невозможны без работ, скажем, Михаила Бахтина и Юрия Лотмана.

С.Э. Вы являетесь сторонником впечатляющей концепции взаи-

мозависимости между коллективными представлениями о прошлом и будущем. И те и другие работают в рамках воображения как «системы воспоминания-воображения». Франсуа Артог доказывает, что взаимозависимость прошлого и будущего не является симметричной: в публичном пространстве сегодня мы видим только представления о ближайшем будущем, основанные на краткосрочном мышлении, в то же время современные общества просто одержимы своим прошлым. Могли бы вы пояснить, как «система воспоминания-воображения» работает в нынешней ситуации? Могли бы вы указать, какие преобразования современной памяти способны возродить оптимистичные представления об отдаленном будущем, которые были присущи эпохе Модерна, или мы обречены жить без будущего?

А.Э. Меня никогда не вдохновляли иеремиады по поводу утраченной способности усматривать великие перспективы в будущем. За осуществление многих из этих взглядов пришлось дорого заплатить, в том числе и миллионами жизней. Сейчас индустрия наследия, соревнование жертв, наивная ностальгия и другие формы «легкой одержимости прошлым» приобретают смысл в связи с рецидивами крайних форм насилия, продолжающимся социальным неравенством или изменениями климата. Эта та точка, в которой мы сегодня находимся: мы хотим понять тревожащие нас истории, потому что они не остались в прошлом и по-прежнему воздействуют на наше общество.

Говоря о «системе воспоминания-воображения», я соединила термин, предложенный психологом Мартином Конвэем (Martin Conway) и его коллегами, с различием между «пространством опыта» и «горизонтом ожиданий» Райнхарта Козеллека. Я считаю, что способность общества к предвкушению и воображению будущего в значительной мере зависит от опыта и памяти. Но значительная часть коллективной памяти пребывает в скрытом состоянии. Люди не подозревают о ее существовании. Я считаю, что тупики во многих сферах общественной жизни (разоружение, климат, голод, бедность и болезни) возникли из-за того, что коллективная память скрытно тащит за собой и передает новым поколениям устаревшие верования, привычки и страхи, которые не дают нам продвигаться вперед. Выявив эту скрытую силу, таящуюся в глубинах коллективной памяти, и способы, которыми она влияет на социальную систему воспоминания-воображения, мы наметим стратегию, позволяющую расчистить путь для более смелого воображения будущего.

С.Э. Вы пишете: «Не стоит недооценивать власть нарратива в конструировании миров памяти». Означает ли это, что нарратив, основанный на опыте прошлого, неизбежно искажает любой новый опыт? Какими средствами возможно предохранить наш реальный опыт от подобных информаций?

А.Э. Эта цитата взята из моих рассуждений по поводу того, как люди пытаются рассказывать о пандемии коронавируса. Я не считаю, что есть, с одной стороны, «реальный

опыт» и «искажающий нарратив» — с другой. Чтобы стать осмысленным и приемлемым для других, любой до-нарративный опыт должен быть преобразован в нарратив, о чем говорили еще Хейден Уайт и Поль Рикёр. Но остается вопрос: нарратив какого рода? В разных частях света истории о коронавирусе крутятся вокруг очевидно недостоверных фактов, перепутывают последовательность событий, сталкивают добро со злом, воспроизводят отрицательные стереотипы или изобретают конспирологические теории, от которых волосы становятся дыбом. Все это никак не помогает в столкновении с глобальной пандемией. Но эти истории несут семена для будущего. Если они приобретут общественное влияние, новые поколения будут их вспоминать, жить ими и, возможно, действовать в соответствии с ними. Рассказывание историй — это в значительной мере политический акт, который формирует будущее.

С.Э. Бенедик Андерсен показывает, что реальность наций-государств была сотворена воображением ученых, писателей и деятелей искусства XIX в. Сейчас мы видим явный недостаток воображения: глобальная реальность проникла во все поры общественной жизни, но люди продолжают осмысливать мир с точки зрения устаревшей рамки нации-государства. Растущая популярность крайне правых партий по всей Европе, похоже, свидетельствует, что им удалось перегордить глобальный тренд. Как бы вы объяснили этот феномен с точки зрения исследований памяти? Как, по вашему мнению, исследователи должны реагировать на вызовы национализма?

А.Э. Я считаю, что возрождение популизма порождено скрытой силой, таящейся в глубинах коллективной памяти, о которой говорилось выше. В Германии крайне правое мышление продолжало быть частью мнемонического репертуара (во многих случаях без осознания этого факта его носителями) и сейчас воскрешается при благоприятном для него стечении политических и социальных обстоятельств. Возможно, это ответ на громадные преобразования (технологии, глобализация, миграции), которые мы видим по всему миру. Вероятно, это одно из противоречий процесса модернизации. Национализм — это ответ на вызовы XXI в. инструментами XIX ст. Исследователи памяти могут продемонстрировать механизмы, стоящие за этими процессами. Они должны делать это такими способами, которые будут понятны широкой публике.

С.Э. Традиционный вопрос о ваших научных планах.

А.Э. Я собираюсь закончить книгу «Одиссей», посвященную нарративам и памяти. Я надеюсь продвигаться дальше в изучении мнемонического мира, скрытого в глубинах коллективной памяти. Я обязательно займусь рассмотрением памятей о COVID-19, о том, как они возникают, перемещаются и преобразуются. Я очень надеюсь, что исследования памяти приобретут новое дыхание на основе широкого междисциплинарного сотрудничества. Я считаю, что пришло время для более тесного сотрудничества психологов, нейрофизиологов, историков, социологов, филологов, исследователей медиа и представителей других научных дисциплин.

С.Э. Спасибо огромное за интервью!

“NATIONALISM IS A NINETEENTH-CENTURY RESPONSE TO TWENTY-FIRST CENTURY CHALLENGES”. INTERVIEW WITH A. ERLI

Astrid Erll — professor of Anglophone Literatures and Cultures at Goethe University Frankfurt, where she also directs the Frankfurt Memory Studies Platform (FMSP: www.memorystudies-frankfurt.com)

Key words: memory studies, three generations time span, remembering-imagining system, narratives of memory, implicit collective memory.

Abstract. In her interview Astrid Erll tells how she was involved in memory studies, how “remembering-imagining system” works, how memory narratives shape the future, how memory studies are able helping us overcome the growing nationalism in Europe and about her academic plans.

МИРЫ ПАМЯТИ В ЭПОХУ КОРОНАВИРУСА*

Ключевые слова: COVID-19, пандемии и память, анализ ритмов, испанский грипп (испанка).

Аннотация. Статья посвящена временной и пространственной динамике памяти в эпоху пандемии коронавируса. Вначале рассматриваются новые социальные ритмы, возникшие в мире накануне COVID-19, затем исследуется роль коллективной памяти перед, во время и после пандемии. Цель статьи — наметить основу подхода, позволяющего рассматривать пандемию COVID-19 с точки зрения исследований памяти и таких понятий, как предварительное опосредование (premediation), запоминаемость (memorability), использование и злоупотребление памятью, национальная память, колониальная память, расовые стереотипы, цифровой архив, память поколения и эпоха Антропоцена.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-14-34

Статья посвящена глобальному, сложносоставному, чрезвычайно неоднородному режиму «времени коронавируса» в том виде, в каком он сложился весной 2020 г. Вначале рассматриваются новые социальные ритмы, возникшие в мире накануне COVID-19, затем исследуется роль коллективной памяти перед, во время и после пандемии. Это позволяет наметить сеть понятий (легко, как мы увидим далее, проницаемую различными темпоральностями), которая позволит «улавливать» пандемию COVID-19 с точки зрения исследований памяти.

Поскольку я пишу в разгар эпидемии, эта статья является редкой

и рискованной попыткой «схватить» текущий момент. В более общем виде в статье речь идет о том, каким образом исследования памяти, которые обычно задним числом рассматривают современные отголоски исторических событий, могут обращаться с глобальными происшествиями настоящего, еще не принявшими окончательную форму «события». С одной стороны, эта статья несет в себе то, что Ханс-Георг Гадамер (*Gadamer* 1960: 271) мог бы назвать «отчаянной неопределенностью» (*desperate uncertainty*). С другой стороны, нынешняя эпидемия актуализирует как различные логики памяти, так и различного рода переплетения прошло-

© Астрид Эрль, 2020

Астрид Эрль — профессор англоязычных литератур и культур в Университете имени Гёте (Франкфурт), где она также возглавляет Платформу исследований памяти (FMSP: www.memorystudies-frankfurt.com)

* Впервые опубликовано: *Astrid Erll. Memory worlds in times of Corona // Memory Studies. 2020. Vol. 13(5). P. 861–874.*

го, настоящего и будущего, которые наша дисциплина должна научиться критически анализировать.

НОВЫЕ РИТМЫ: ЧТО COVID-19 СДЕЛАЛ СО ВРЕМЕНЕМ

Пандемия коронавируса подчинила людей новым ритмам жизни: работа, уход за детьми, домашнее обучение, семейные визиты, развлечения, даже еда, сон и принятие душа изменились по сравнению с тем, к чему мы привыкли. Какой из ритмов, концепции «ритманализа» (*Lefebvre* 2017) соответствует глубоким темпоральным изменениям повседневной жизни, вызванным коронавирусом? Ограничения и режимы изоляции по всему миру показывают, каким образом «естественные образцы» социального времени могут быть разрушены и заменены другими.

Франкфурт, март 2020 г.: в результате режима изоляции расписание дня подверглось глубочайшим преобразованиям. Четкое деление рабочего и домашнего времени внезапно потеряло смысл. Разнообразные профессиональные и домашние обязанности стали распределяться в рамках того, что воспринимается как бесконечные дни, неупорядоченные недели и неразличимые месяцы. Современный повседневный опыт восприятия времени и пространства, когда, двигаясь в пространстве, мы представляем, как течет время, перестал соответствовать реальности. Все остановилось. Единственное, что

движется — это солнце. Повторяющиеся циклические шаблоны ощущения времени выходят на первый план.

Новые ежедневные ритмы во многом напоминают дневной распорядок средневековых людей, когда рабочее место (пекарня, гончарная мастерская, кузница) было частью жилья и рабочие ритмы переплетались с домашними. Индустриальная революция и недавнее «великое ускорение» эпохи глобализации вроде бы навсегда отменили старинные образцы пространственно-временной организации. Для тех, кто находился внутри спирали социального ускорения, режим изоляции, как заметил индийский писатель Амитав Гош (*Amitav Ghosh*), мог даже принести что-то «вроде облегчения, которое возникает в ходе болезни, вызванной изнуряющим периодом гиперактивности»¹. Как считает исследователь социального ускорения Хартмут Роза (*Hartmut Rosa*), принудительное коллективное замедление предоставляет возможность для вхождения в «резонанс» с нашим непосредственным окружением². Разумеется, что эти наблюдения сделаны со сравнительно комфортабельных позиций представителей среднего класса в независимости от того, где, во Франкфурте, Калькутте или Йене, они находятся. В разных мирах временного опыта ритмы коронавируса выглядят по-разному, и эти миры могут располагаться как вдалеке от нас, так и поблизости, в парализованных бездельем городах и селах. Люди

¹ URL: www.thehindu.com/books/what-we-have-to-think-about-above-all-is-how-to-slow-down-amitav-ghosh/article31414696.ece (дата обращения: 24.05.2020).

² URL: www.zeit.de/zeit-magazin/2020-04/hartmut-rosa-coronavirus-gesellschaft-wirtschaftssystem (дата обращения: 20.05.2020) (см. также: (*Rosa* 2017)).

из перенаселенных трущоб Южной Африки и Бразилии создают новый распорядок в связи с вынужденным пребыванием в своих лачугах, неприспособленных для того, чтобы находиться в них весь день³. Рабочие, не имеющие социальной страховки, от Соединенных Штатов до Кении вынуждены придерживаться прежнего распорядка, поскольку не могут позволить себе иного образа жизни⁴. Вспышки COVID-19 среди рабочих-мигрантов мясной промышленности Германии и строительного сектора Сингапура показывают, что даже в богатых странах у части людей нет возможности ни для замедления жизненного ритма, ни для социальной дистанции⁵. В этой перспективе новые ритмы, связанные с пандемией коронавируса, выглядят как признаки привилегированного положения. Нынешний застой в жизни среднего класса резко контрастирует с ускоряющимся потоком, в который вовлечены все продолжающие работать в критической ситуации, чьи рабочие часы увеличились беспрецедентным образом: водители грузовиков, полицейские, работники магазинов. Медики и политики работают круглые сутки без выходных и вынуждены принимать важные, ча-

сто экзистенциальные решения в несслыханные прежде краткие сроки.

Этот параллельный сверхскоростной мир — рост числа инфицированных по всему миру, политических решений, принимаемых *ad hoc* (по особым случаям — лат.), новые научные представления о нынешнем вирусе — все это приносится в режиме реального времени к тем, кто заточен в своих жилищах. Цифровые медиа позволяют отслеживать глобальное распространение вируса с небывалой точностью. Вместе с тем мы наблюдаем возвращение к старому уже почти забытому режиму масс-медиа: наряду с общепринятыми сейчас асинхронными способами получения информации (через цифровые новости и социальные медиа) люди вернулись к радиоприемникам и телевизорам или их цифровым аналогам, чтобы одновременно получать информацию о коронавирусе. Это возвращение к медиа-практикам, которые стали уходить в прошлое по меньшей мере с 1990-х. Нации вновь собираются для прослушивания 8- или 9-часовых выпусков новостей, чего они не делали уже многие годы⁶. Является ли эта практика виртуально собираться вместе в мире,

³ См., например, интервью со Стивеном Нвади (Steven Nwadi), который живет в поселке Александра возле Йоханнесбурга. URL: www.zdf.de/politik/auslandsjournal/auslandsjournal-clip-3-398.html (дата обращения: 24.05.2020).

⁴ URL: www.washingtonpost.com/outlook/2020/04/20/lockdown-developing-world-coronavirus-poverty/ (дата обращения: 20.05.2020).

⁵ URL: www.theguardian.com/world/2020/apr/23/singapore-million-migrant-workers-suffer-as-covid-19-surges-back; URL: www.dw.com/en/coronavirus-modern-slavery-at-the-heart-of-german-slaughterhouse-outbreak/a-53396228 (дата обращения: 20.05.2020).

⁶ Телевизионные новости, например немецкую программу «Тагесschau» (Tagesschau), смотрело необычно большое количество зрителей (URL: www.ndr.de/fernsehen/sendungen/zapp/Mit-Corona-schlaegt-die-Stunde-der-Qualitaetsmedien,coronavirus620.html (дата обращения: 20.05.2020)). В Великобритании выступление Бориса Джонсона по поводу коронавируса стало одной из самых просматриваемых программ за всю историю (URL: www.theguardian.com/tv-and-radio/2020/mar/24/boris-johnsons-covid-19-address-is-one-of-most-watched-tv-programmes-ever (дата обращения: 26.03.2020)).

где физическая близость запрещена, способом, позволяющим испытать и усилить чувство национальной общности?

По всей планете реализуются и другие практики ощущения синхронного существования в период радикального пространственного разделения. Испанцы, каждый вечер аплодирующие врачам, итальянцы, вместе поющие на балконах, дети из разных стран, раскрашивающие окна в цвета радуги. Создается впечатление, что в рамках «социальной эвритмии» формируется новая эстетика синхронности⁷.

Наличие детальной международной статистики заболевших и умерших во время пандемии порождает ощущение одновременности глобального существования. Невозможно отрицать, что это ведет к восприятию мира в планетарном масштабе. При этом далеко не всегда это ведет к повышению солидарности. Быстрое распространение коронавируса парадоксальным образом привело к тому, что мир продолжает жить текущим моментом и уделяет мало внимания размышлениям о будущем и не особо задумывается о том, что

выходит за узкие рамки национальной идентичности, например, о беженцах на границах Европы⁸. Если COVID-19 является проявлением того, что Ульрих Бек назвал «мировым обществом риска» (Beck 2009), тогда пандемия в большей мере продемонстрировала неравномерность мирового развития, чем состояние «космополитического момента»⁹. Синхронный опыт общения с вирусом не ведет к планетарной эвритмии.

МИР ДО КОРОНАВИРУСА: ЗАБЫВАНИЕ ПАНДЕМИЙ

Что вспоминается в качестве предшественников нынешней пандемии? Мы видим, что пандемии происходили регулярно: 2015–2016 гг. — вирус Зика, 2014–2016 гг. — Эбола, 2015 г. — MERS, 2009–2010 гг. — свиной грипп, 2004 г. — птичий грипп, 2002–2003 гг. — SARS (т.е. первый коронавирус), с 1980 г. — СПИД, 1977–1978 гг. — русский грипп, 1968–1970 гг. — гонконгский грипп, 1957–1958 гг. — азиатский грипп. Мы видим, что нынешняя пандемия — это не гром среди ясного неба. Пандемии возникают регулярно.

⁷ Один из примеров — выступление танцоров Берлинского государственного балета под музыку Седьмой симфонии Бетховена (еще один юбилей, сорванный коронавирусом), когда каждый выступал у себя дома и нарезка этих выступлений была соединена в коллективный поток: URL: www.youtube.com/watch?v=h7Vt2MVJk4o (дата обращения: 24.05.2020). Синхронность, разумеется, является порождением модерна, но приведенный пример возник под влиянием цифровых медиа, и не будет преувеличением охарактеризовать его как проявление «социальной эвритмии» (не в смысле Рудольфа Штейнера) как противоположность тому, что Лефевр критикует как «ложь искусственной одновременности», которая «маскирует время» и «различие мест, стран и народов» (Lefebvre 2017: 89).

⁸ URL: foreignpolicy.com/2020/04/20/europe-refugees-coronavirus-deportations-health-care/ (дата обращения: 20.05.2020).

⁹ Бек определяет «космополитический момент» как комбинацию «принудительного просвещения, коммуникации поверх любых границ, политической власти катарсиса, принудительного космополитизма, риска как будильника перед лицом неудачи правительств и возможности альтернативных форм управления в глобализованном мире» (Beck 2014: 55–56).

Но не в европейском сознании. Для большинства европейцев идея пандемии проецируется либо на «своего» средневекового предка (чума), либо на культурно и географически «другого»: Эбола как проблема Западной Африки и недавние вспышки гриппа, которые, судя по их не соответствующим реальности названиям, касались Азии.

Если недавние пандемии не особенно памятливы, то огромное число жертв гриппа-испанки должно было гарантировать этой катастрофе заметное место в памяти. Три волны испанки, прокатившиеся по всему миру с весны 1918 до начала 1920 г., унесли, по подсчетам историков медицины, от 50 до 100 млн жертв, или от 2,5 до 5% населения планеты¹⁰. По мнению Лоры Спинней (Laura Spinney), автора убедительного исследования о глобальной эпидемии испанки: «Всадник на коне бледном» (Pale Rider), которое предоставляет исследователям памяти богатую пищу для размышлений, эта разновидность гриппа «была величайшей демографической катастрофой двадцатого века и, возможно, всей мировой истории» (Spinney 2018: 171), поскольку количество ее жертв «превысило общее число погибших в Первой (17 млн) и Второй (60 млн) мировых войнах» (Ibid.: 4). Испанка стала «матерью всех пандемий», поскольку мутации этого вируса до сих пор отдаются пандемиями гриппа.

При этом в повседневной памяти испанка практически забыта.

В начале 2020 г. пандемии гриппа, включая испанку, не являлись для большинства европейцев тем, что Райнхарт Козеллек именовал «пространством опыта» (Koselleck 2004). В рамках коллективной «системы воспоминания-воображения»¹¹ то, что помнится культурой, образует пространство опыта, который в свою очередь формирует «горизонт ожиданий», т.е. коллективно воображаемое будущее. Но испанка не входит в число важных событий коммеморативного цикла школьного образования, даже после недавнего «пробуждения» памяти об эпидемиях в контексте «Столетия гриппа»¹². Прежде всего потому, что не нашлось впечатляющего воплощения этой памяти, в отличие от памяти о мнемонических конкурентах испанки — мировых войнах. По этой причине атака коронавируса и могла основательно запутать отношения между «пространством опыта» и «горизонтом ожиданий». То, что европейцы вчера думали или знали об опасности респираторных заболеваний, о возможности ограничения перемещений, о законодательстве *ad hoc* в связи с непредвиденными ситуациями, ставящими под угрозу их демократические общества, об обязательном посещении школ и экономической стабильности, было снесено в мгновение ока сегодня и будет еще осно-

¹⁰ См.: (Johnson and Müller 2002, Spinney 2018: 309, FN 2).

¹¹ О психологической концепции «система воспоминания-воображения» см.: (Conway et al. 2016).

¹² См.: (Beiner 2021), семинар «Воспоминание, забывание, переоткрытие Великого гриппа» (Remembering, Forgetting, and Rediscovering the Great Flu), состоявшийся по приглашению президента Ирландии Майкла Хиггинса в Дублине (URL: president.ie/en/diary/details/president-hosts-a-reception-commemorating-the-great-flu-epidemic-of-1918-1919), или недавние книги вроде: (Spinney 2018).

вательно преобразовано завтра. Удивительным образом пандемические и политические новости, приходящие каждый день, не соответствуют привычным ожиданиям. Пандемия коронавируса быстро превратилась в «бремя» (imposition), налагаемое, как выразилась канцлер Ангела Меркель в правительственном обращении от 23 апреля 2020 г., не только на демократию, но и на повседневное ощущение времени и жизненных ритмов¹³.

В ряде стран Азии и Африки присутствует более живая память об эпидемиях гриппа. Южная Корея оказалась более подготовленной, благодаря памяти о недавних жестоких эпидемиях SARS (2002) и MERS (2015)¹⁴. Жители Гвинеи, Сьерра-Леоне и Либерии были в меньшей мере захвачены врасплох пандемией коронавируса, т. к. они живо помнят разрушительные последствия эпидемии Эболы (2015)¹⁵. Кроме того, есть разница «памяти привычек» (Connerton 1989) и различий ситуационного знания (Haraway 1988). К таковым относятся готовность носить маски

в азиатских странах (в Китае и Японии этот обычай, видимо, восходит к эпидемии испанки) и горячие споры о пользе и бесполезности масок, ведущиеся в европейских странах¹⁶. Предчувствие будущего, готовность к нему и способность с ним совладать на основе хранящегося в памяти опыта с недавних пор обсуждаются в исследованиях памяти. Появился ряд понятий с приставкой пред-: «предзабывание» (preforgetting) и «предпамять» (prememory) Гая Бейнера (Beiner 2018)¹⁷ или «предтравма» (pretrauma) Эн Каплан (Kaplan 2016). Я использую термин «мнемоническое предопосредование» (mnemonic premediation) (Erll 2009; 2017), поскольку коллективная память держится на различных формах опосредования, от устных рассказов до фильмов и социальных медиа. Поскольку коллективная память — это память, передающаяся через медиа, любое коллективное предвосхищение (или его отсутствие) является вопросом предопосредования. В Европе пандемии гриппа не были достаточно опосредованы или переопосредованы в прошлом

¹³ URL: www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzlerin-dr-angelamerkel-1746978 (дата обращения: 24.05.2020).

¹⁴ URL: www.bloomberg.com/news/articles/2020-03-04/south-korea-tests-hundreds-of-thousands-to-fight-virus-outbreak (дата обращения: 24.05.2020).

¹⁵ URL: www.dw.com/en/ebola-hit-west-african-nations-on-alert-amid-coronavirus-pandemic/a-52828460 (дата обращения: 20.05.2020).

¹⁶ URL: www.nytimes.com/2020/04/09/world/europe/virus-mask-wearing.html (дата обращения: 20.05.2020).

¹⁷ Бейнер также пишет об эпидемии испанки как «предпамяти» пандемии Covid-19: «Интуитивно мы предполагаем, что событие может вспоминаться только после того, как оно произошло. На практике воспоминание начинается в ходе события, если не ранее. Еще до того как событие развернется полностью, наши представления о нем формируются под влиянием ожиданий и озабоченностей, основанных на “историческом воспитании” прошлыми событиями. <...> В этом смысле мы всегда используем предпамять, которая основана на наших представлениях, которые могут быть не только фактическими, но и вымышленными, о Великом гриппе» (URL: www.drbr.ie/blog/comment/2020/03/28/the-prememory-of-the-pandemic (дата обращения: 24.05.2020)). В предлагаемой здесь модели Великий грипп — это предпамять которая не столько существовала заранее, а скорее возникла в ходе пандемии COVID-19.

знаменитыми картинами, романами либо же фильмами. В редких случаях память о гриппе передается источниками семейной истории. Этого недостаточно, чтобы обратить ее в силу предопосредования нынешней ситуации. Такова темпоральная динамика опосредованной памяти.

Память об испанке остается неприкапанной, или, как выразилась Спинни, «слоном в посудной лавке» (Spinney 2018: 1). Но почему в «комнате коммеморации» одни слоны видимы, а другие — нет? Энн Ригни подходит к этой проблеме с помощью понятия различной «запоминаемости» (memorability) (Rigney 2016). Применительно к эпидемии испанки можно отметить несколько причин, по которым она не стала частью коллективной памяти и поэтому не смогла стать мнемоническим предопосредованием пандемии коронавируса:

1. *Дискретность* исторических событий и возможности их выделить из общего потока истории¹⁸. В этом смысле вирус испанки был трудноуловим, поскольку он убивал людей стремительно (обычно не дольше, чем за три дня), и в то время наука еще не знала о существовании вирусов. Поэтому испанку путали с другими инфекциями, такими как тубер-

кулез и венерические заболевания. В связи с этим испанка не могла быть осмысленна современниками в качестве дискретного события.

2. Недостаток *нарративности*, позволяющей воскрешать событие в памяти¹⁹. Каким образом мог возникнуть рассказ о событии, если люди не знали, в чем это событие состоит, когда оно возникло и как оно развивается?²⁰

3. В контексте своего времени повествования о жутких смертях от испанки не могли соревноваться в популярности с рассказами о героических смертях на полях Первой мировой войны. Менее достойные упоминания, с точки зрения современников, события эпидемии испанки отличались недостаточной *«способностью к рассказыванию»* (tellability)²¹.

4. Культура памяти склонна *давать оценки* прошлому. Поэтому рукотворные трагедии вроде войн, геноцидов или террора, где, в отличие от природных катастроф, есть на кого возложить ответственность, легче поддаются оценке и, следовательно, запоминанию²².

¹⁸ О нарративной логике исторических событий см.: (Ricoeur 1984: 96–111); по поводу новых подходов к событиям в исследованиях памяти см.: (Wagner-Pacifi 2017).

¹⁹ О недавних определениях нарративности с точки зрения нарратологии см.: (Ryan 2004).

²⁰ Это ключевые вопросы «осюжетивания» исторических событий в осмысленном нарративе. См.: (Ricoeur 1984; White 1973).

²¹ См.: (Baroni 2014); применительно к исследованиям памяти: (Savolainen 2017).

²² Это должно быть рассмотрено в двух отношениях: вместо отчетливо различаемых групп жертв и насильников, рукотворные катастрофы порождают и заставляют страдать целый ряд «причастных» субъектных позиций (см.: (Rothberg 2019)). Роль человеческого фактора постоянно отмечалась в ходе пандемии COVID-19, под которым понимается разрушение мира дикой природы и мировой экосистемы (см.: URL: www.dw.com/en/coronavirus-pandemic-linked-to-destruction-of-wildlife-and-worlds-ecosystems/a-53078480 (дата обращения: 28 мая 2020)).

5. Вопрос *архивов*. Поскольку современники не могли четко различать события пандемии испанки, то и в архивах они отложились в недостаточной мере, чтобы служить в будущем опорами опыта и памяти.

Справедливости ради следует отметить, что историки в последнее время много сделали, чтобы проследить следы испанки по всему миру. В то же время почти отсутствуют сколько-нибудь значительные произведения (мемуары, картины, романы, фильмы современников или потомков), посвященные эпидемии испанки²³. Картины Эдварда Мунка «Автопортрет после гриппа-испанки» (1919) и Эгона Шиле «Семья» (1918), несмотря на их выразительность, не относятся к вершинам их творчества. Непохоже, чтобы сохранились впечатляющие зрительные образы пандемии испанки. И в этом состоит ее отличие от коллективной памяти о средневековой чуме, которая до сих пор сильна благодаря долгоживущим художественным произведениям, таким как картины «Плясок смерти», находящиеся во многих европейских соборах, и «Декамерону» Боккаччо (ок. 1349–1353)²⁴. Как в 1918 г., пишет Спинни, «люди не знали, что им думать об испанке, так и сейчас они этого не знают» (*Spinney* 2018: 291). Применяя понятие историка культуры Сэмюэля Хайнса, испанка «не достаточно вообразена» (*Hynes* 1990). Поскольку она не была вообразена в виде пандемии, она и не вспоминается как пандемия. Тем не менее

существуют разные миры забывания и разные причины для забывания. Спинни пишет, что в «Австралии испанка была внедрена в умы наряду со вспышкой бубонной чумы 1900 г., частично потому, что в обоих случаях газеты говорили о “чуме”», в то время как «в Японии ее затмило великое землетрясение Канто, которое в 1923 г. разрушило Токио» (*Spinney* 2018: 293).

При этом одна основательная и детальная форма памяти об испанке существует. Она сохраняется не в актах государственной коммеморации, не в учебниках, не в искусстве и литературе и не в семейной истории, а в рамках научной памяти. После того, как в 1950-х вирусология стала научной дисциплиной, грипп-испанка приобрел статус основополагающего вирусного заболевания. Такие научные отрасли, как социальная история медицины, также реконструируют, сохраняют и передают память об испанке (см.: *Phillips and Killingray* 2001). Эта специализированная система тоже является одним из «миров памяти». Эти миры занимаются не коммеморацией, а архивами и сохранением знания (*Boxker* 2005), а в случае «обратной генетики» также реконструкцией РНК гриппа-испанки. В эпоху кризиса это специализированное знание может выйти на передний план и питать более популярные течения коллективной памяти. Важно, что научные миры памяти более тяготеют к полюсу абстрактного знания, чем к привязанному к конкретному време-

²³ Отмечается, что испанка нашла свое отражение в литературе модернизма: «вирусная трагедия едва уловимо присутствует внутри “иконических” текстов модернизма», принадлежащих перу Виргинии Вульф, Т. С. Эллиота и У. Б. Йетса (*Outka* 2019: 5).

²⁴ О важности опосредования и переопосредования памяти см.: (*Erl and Rigney* 2009), о долговечности и загробной жизни (afterlives) искусства см.: (*Rigney* 2012).

ни эмоциональному полюсу воспоминания в рамках коллективной памяти, имеющему отношение к идентичности и опыту (см.: *Erll* 2011: 107–108). При этом обе системы являются частями коллективной памяти и память может мигрировать между ними. Далее я вернусь к этому вопросу.

ПАМЯТЬ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА: ВЫЗЫВАНИЕ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ, ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЕ

Что вспоминается во время эпидемии коронавируса? Какие памяти вызываются опытом пандемии? Отвечая, следует иметь в виду многообразие миров памяти. Когда люди сталкиваются с коронавирусом, то различные памяти активизируются ими в различных контекстах.

Если смотреть с точки зрения исследований памяти, то вирус, не признающий национальных границ, парадоксальным образом привел к возрождению национализма. Поиски исторических аналогий с целью понять и обосновать легитимность современных политических акций ведутся по сусекам патриотизма и национализма. Привлекается словарь Второй мировой войны. Британский премьер-министр Борис Джонсон напомнил о героическом вкладе со-

отечественников в победу над Гитлером²⁵. Американский президент Дональд Трамп сравнил пандемию с Перл-Харбором, напомнив тем самым об еще одной коварной атаке «азиатов»²⁶. Английская королева, обращаясь к лучшим чертам национального характера своих подданных («самодисциплине» и «спокойной, добродушной решительности»), а также к идее «сильного поколения» — все эти элементы находятся в ядре британской памяти о Второй мировой войне, — прибегла к тому, что было представлено как спонтанное проявление персональной памяти: «Это напомнило мне мое первое выступление по радио, когда в 1940 г. я помогала моей сестре. Мы, еще подростки, обращались тогда отсюда из Виндзора к детям, которые были эвакуированы из своих домов в безопасные места». Об этом эпизоде королева вспомнила, чтобы сравнить военную ситуацию с современной, когда «многие разлучены со своими любимыми»²⁷.

Память о Второй мировой войне всегда оказывается под рукой, когда речь идет о серьезных кризисах. Другим «местом памяти», которое было актуализировано в связи с короной, стал колониализм. Так, по сообщениям этнологического доклада, в Камеруне распространялась информация, что носителями вируса

²⁵ URL: www.theguardian.com/world/2020/mar/17/enemy-deadly-boris-johnson-invokes-wartime-language-coronavirus (дата обращения: 24.05.2020).

²⁶ URL: www.bbc.com/news/world-us-canada-52568405 (дата обращения: 24.05.2020).

²⁷ URL: www.telegraph.co.uk/news/2020/04/05/queens-coronavirus-speech-full-will-succeed-betterdays-will/ (дата обращения: 24.05.2020). В телевизионном обращении черно-белые фотографии, вмонтированные в трансляцию речи королевы, показывают ее вместе с сестрой Маргарет — девочек 10 и 13 лет, стоящих перед микрофоном. Такое переопосредование, которое представляет королевскую память и как личную, и, одновременно, как имеющую национальное значение, является типичным мнемоническим приемом отношений королевской семьи с публикой (см.: *Jordan* 2019)), который был вновь применен в период нынешнего кризиса.

являются белые²⁸. Память о гриппе и других болезнях, принесенных европейскими колонизаторами, была воскрешена во многих регионах (от Амазонки до Австралии) со значительным коренным населением, которое начиная со времен Колумба значительно пострадало и часто было поставлено на грань исчезновения из-за болезней, принесенных белыми, к которым местное население не имело иммунитета (*Spinney* 2018: 20)²⁹. Случай Филиппин показывает, каким образом совместно работают «предтравма» и ключевые моменты памяти о прежних кризисах. Жоселин Мартин пишет, что люди вспоминали не только такие разрушительные тайфуны, как Ондой (2009). Когда филиппинцев заставили сидеть дома, они при виде «военных патрулей на улицах <...> тут же усмотрели зловещую тень закона о чрезвычайном положении времен диктатуры Фердинанда Маркоса»³⁰.

Коронавирус также запустил расовые стереотипы, которые, часто неосознанно, входят в репертуар коллективной памяти. Существует длительная история включения страха «других» в язык рассуждений

об инфекциях, болезнях и разложении. Фобии европейцев и американцев XIX в. в отношении китайцев породили выражение «желтая опасность» (Tchen and Yeats 2014). Размах и разрушительная мощь подобных стереотипов зафиксирована в Википедии, где представлен «Список инцидентов на почве ксенофобии и расизма, относящихся к пандемии COVID-19». В нем перечислены более 350 случаев, варьирующихся от синофобии в Нигерии до антисемитизма в США³¹. Глубоко сидящие, порой насчитывающие тысячелетнюю историю, практики негативных этнических стереотипов, которые, казалось, уже не являются частью рабочей памяти современного общества, всплыли опять в виде культурных шаблонов, которые Джеймс Верч именует «привычками мышления» (*Wertsch* 2019)³². В то же время среди тех, кто может позволить себе читать книги, попытки осмыслить нынешнюю ситуацию вызвали растущий интерес к истории пандемий. Книга Лоры Спинни «Всадник на конне бледном» была полностью раскуплена. Появляются новые исследования, где пересматриваются причины вспышки СПИДа в 1980-х³³. Выхо-

²⁸ URL: taz.de/Privilegien-in-Corona-Krise/15677150/ (дата обращения: 20.05.2020).

²⁹ Представительница коренного населения Северной Америки Анжелик Иглвумэн (*Angelique EagleWoman*) представляет точку зрения своих соплеменников на COVID-19: «В связи с этой пандемией на память приходят волны инфекционных заболеваний, которые согласно документированным данным разрушали общины наших предков, начиная с эпидемии оспы 1518» (URL: indiancountrytoday.com/opinion/an-indigenous-perspective-to-covid-19-V419mlmYKEenMJm2vNFyw (дата обращения: 20.05.2020)).

³⁰ Личное сообщение Жоселин Мартин от 19 мая 2020. См.: URL: www.theguardian.com/world/2020/may/05/philippines-main-channel-abs-cbn-forced-off-air-amid-coronavirus-lockdown (дата обращения: 20.05.2020).

³¹ URL: en.wikipedia.org/wiki/List_of_incidents_of_xenophobia_and_racism_related_to_the_COVID-19_pandemic#cite_note-dw52862599-3 (дата обращения: 24.05.2020).

³² По поводу исследований «нового бессознательного» см.: (*Hassin et al.* 2005).

³³ В 2020 г. был вновь опубликован выпуск журнала «Соушэл ресеч» (*Social Research*) за 1988 г., озаглавленный «Во время чумы: История и социальные последствия летальных эпидемических

дят новые книги о средневековой чуме. Переиздаются «Чума» Альберта Камю (1947) и «Дневник чумного года» Даниеля Дефо (1772). «Декамерон» Боккаччо показывает, как социальное дистанцирование ведет к приостановке времени, способствующей рассказам на досуге. Все это свидетельствует, что на первый план выходит способность литературных историй создавать рамки для выражения нового ужасного опыта, а также архивировать культурную память.

Все эти разрозненные примеры (на самом деле их великое множество) показывают, что нынешний кризис активизирует работу коллективной памяти: от сознательного привлечения исторических аналогий до неосознанно воскрешаемых стереотипов³⁴. Политики, журналисты и другие «создатели смыслов» обращаются «наощупь» к более ранним сходным ситуациям. Но в случае природного бедствия тяжело вывести «уроки истории», ориентированные на будущее. Как должно выглядеть: «Коронавирус — никогда больше» (Corona — never again)?

заболеваний» (URL: www.socres.org/), который в свое время вышел в ответ на истерию, развернувшуюся по поводу СПИДа. Психолог Билл Хирст признается в том, что «без особого оптимизма смотрит на перспективы» будущей памяти о COVID-19. «Все свидетельствует в пользу того, что мы скоро это забудем» (Hirst 2020).

³⁴ Коммеморативная память является другим важным аспектом памяти во время пандемии коронавируса. Из-за пандемии все юбилейные мероприятия по поводу окончания Второй мировой войны пострадали беспрецедентным образом. Тобиас Эббрехт-Хартман показал, как «ограничения в связи пандемией COVID-19, наложенные на коммеморацию Холокоста, интенсифицировали развитие практик коммеморации в социальных медиа» (Ebbrecht-Hartman 2020).

³⁵ См. исследование Хоскина по поводу цифровой динамики глобальных кризисов, подобных коронавирусу. Десятки цифровых архивов коронавируса возникли по всему миру. См., например, германский корона-архив: URL: coronarchiv.geschichte.uni-hamburg.de/ (дата обращения: 06.07.2020) или «Нью-йоркский архив устной истории, нарратива и памяти COVID-19» (NYC COVID-19 Oral History, Narrative and Memory Archive, URL: wp.nyu.edu/covid19histories/2020/04/25/nyc-covid-19-oral-history-narrative-and-memory-archive/ (дата обращения: 06.07.2020).

ПАМЯТЬ ПОСЛЕ КОРОНАВИРУСА: ОТКРЫТЫЙ ГОРИЗОНТ

Что будет вспоминаться после того как пандемия закончится? С точки зрения имеющихся источников существует искушение сказать — все. История коронавируса изобильно документирована. Создается впечатление, что каждая секунда записана цифровыми медиа и распространена через социальные сети. Того, чего недоставало испанке (прежде всего сознательно созданных архивов), является именно тем, что характеризует коронавирус. Это первая пандемия, зафиксированная цифровым способом по всему миру. Этот случай позволяет проверить, как работает глобальная память в условиях новой «экосистемы» медиа³⁵. Вопрос состоит в том, какие из опосредованных медиа элементов опыта, мнений и нарративов будут создавать господствующие дискурсы памяти, формирующие глобальное будущее?

Игра в название является частью сознательных усилий по кодированию некоторых нарративов о пандемии в памяти будущего. Когда Трамп

называет COVID-19 «китайским вирусом», а китайское правительство отвечает ему, что это больше похоже на «американский вирус», мы наблюдаем за древней игрой по атрибутированию источника и, следовательно, указанию, кто несет ответственность за возникновение пандемии³⁶, подобно тому как в средние века ответственность за чуму возлагалась на евреев и проституток. Испанка получила свое название, поскольку нейтральная Испания стала первой европейской страной, признавшей, в отличие от воюющих государств, которые скрывали свои потери, наличие эпидемии (*Spinney* 2018: 63). Неверное название так и прилипло к этой эпидемии. Чтобы остановить практику «возложения ответственности на других»³⁷ и действуя в духе того, что можно назвать проспективной политикой памяти, Всемирная организация здравоохранения в 2015 г. выпустила директиву, согласно которой впредь запрещено давать инфекционным заболеваниям наименования географических мест, народов, животных или пищи. Это сделано для того, чтобы избежать стигматизирования и не вводить в заблуждение по поводу предполагаемого происхождения заболеваний.

Производство антагонистических коллективных идентичностей

и контрфактических нарративов, соперничающих за право войти в коллективную память, — это последнее, в чем нуждается мир в эпоху глобальной пандемии. Но процесс нарративизации коронавируса неизбежен. Любое историческое событие требует ответа на три вопроса: «Как оно началось?», «Каким образом оно развивалось?», «Как оно закончилось?» Это называется «объяснением через “осюжетивание” (emplotment)» (*White* 1973: 7), которое, согласно Хейдену Уайту, является основой любого исторического описания. Это активное, азартно упрощающее и фальсифицирующее вмешательство представляет постыдную попытку создать фальшивую память, или то, что именуется «злоупотреблением памятью» (*McConnell* 2019)³⁸. Власть нарратива в построении памяти должна учитываться обязательно. Филолог и специалист в области когнитивных наук Фриц Брейтхаупт (*Fritz Breithaupt*) обратился к вопросу потенциальных нарративов, порожденных коронавирусом. Он наметил пять нарративных шаблонов, среди которых: «рост тотального контроля», «крушение эгоманакального типа лидерства» и «депрессия»³⁹. Исследователи памяти подчеркивают необходимость альтернативы вездесущему нарративному шаблону «культурной травмы» (*Alexander* 2012). Применительно

³⁶ URL: www.outlookindia.com/website/story/opinion-as-us-and-china-peddle-conspiracy-theories-about-covid-19s-origins-only-independent-probe-way-forward/351874 (дата обращения: 24.05.2020).

³⁷ Спинни пишет, что в эпоху испанки была принята эпидемическая номенклатура, подразумевающая перенесение ответственности «на кого-то другого»: «В Сенегале это был бразильский грипп, в Бразилии — немецкий грипп, а датчане считали, что он “пришел с юга”. Поляки называли его большевистской болезнью, а персы — британской» (*Spinney* 2018: 64).

³⁸ Повестку установочной и «опосредованной ожидаемой памяти» см.: (*Tenenboim-Weinblatt* 2013).

³⁹ URL: www.zeit.de/2020/18/corona-krise-studierende-professoren-narrative?page=2#comments (дата обращения: 20.05.2020).

к эпидемии коронавируса шаблоны «трагедии» (*Simko and Olick 2020*), «возмутительного случая» (outrage) и коллективного действия (*Rigney 2020*) представляются более подходящими для строительства жизнеспособного будущего.

Для внимательного наблюдателя очевидно, что все сложности, связанные с осмыслением и воспоминанием пандемий, присутствуют и в случае коронавируса. Нет надежного и испытанного противодействия тому, что могут предложить популисты и конспирологи. Пандемии возникают не по вине злоумышленников, а в результате генетических случайностей. Пандемии не являются оправданными или неоправданными в зависимости от того, по кому они нанесли свой удар (первыми пострадали посетители роскошных лыжных курортов, но вслед за ними пришла очередь обитателей домов престарелых и рабочих-мигрантов), хотя обычно по бедным они бьют сильнее (*Spinney 2018: 203*). Противоположностью таким попыткам создать рамку и нарратив пандемии в памяти будущего является факт, что COVID-19 бросил вызов принятым способам «обращения со смертью» (см.: *Ruin 2018*). Слишком много народу умерло слишком быстро — в Ухани, на Севере Италии, в Нью-Йорке — для того, чтобы их можно было похоронить в соответствии с привычными ритуалами. Как подчеркивает политический философ Магдалена Золкос, «из-за коллективной неспособности сделать

это в настоящем» мертвые «могут позже явиться в виде призраков»⁴⁰.

В качестве более общего шаблона осмысления возникает рамка отношений между людьми, животными и микробами. Ирония истории состоит в том, что одна из недавних пандемий, получившая название «свиной грипп» (2006), не была гриппом, происходящим от свиней, но испанкой, которая вернулась в исходную точку сто лет спустя после того, как люди передали грипп домашним свиньям (*Spinney 2018: 186*). Что может играть роль в будущем, это серьезная озабоченность глубоко уходящими в прошлое взаимодействиями людей, животных и микробов ((*Barad 2007: ix*), возможно их стоит назвать «запутанные внутренние отношения»), в результате которых появился грипп и другие пандемии. Этот процесс начался 12 000 лет назад вместе с первыми поселениями, аграрной революцией и обусловленными этими факторами «болезнями скученности» (*Spinney 2018: 16*). Таким образом, темпоральность взаимодействия людей с микробами примерно совпадает со временем Антропоцена (эпоха с начала заметного воздействия людей на геологию и экосистему Земли), и нынешние пандемии во многом связаны с климатическими изменениями и массовым вымиранием видов⁴¹. Коллективная память зависит от коммеморативных инвестиций, направленных сверху вниз. Будут ли нации учреждать памятные даты в связи с жертвами коронавируса? Страны, которые,

⁴⁰ Личное сообщение Магдалены Золкос от 4 июня 2020 г.

⁴¹ См.: (*Gatti 2020*). Обзор исследований памяти, посвященных Антропоцену и его темпоральностям, см.: (*Craps et al. 2018*).

подобно Италии и Испании, были тяжело затронуты пандемией, вполне могут сделать это. Менее вероятно, что это сделает Швеция, которая вроде выходит из кризиса с минимальными потерями. Но коллективная память также работает снизу вверх на основе общего глубоко пережитого опыта. И в этом смысле значительную роль может сыграть поколенческая память.

Коронавирус весьма вероятно может выдвинуть «поколение» на первый план⁴². По крайней мере в странах, переживших режим самоизоляции, наличествуют все составляющие для опыта, играющего определяющую роль в формировании идентичности молодого поколения. Это базовое и протяженное по времени⁴³ изменение привычной жизни молодежи, которая в свой, как это назвал Карл Маннгейм, «формативный период» (*Mannheim* 1952: 300) не ходит в школу, заперта в домах и ощущает через едва ли не сверхъестественную глобальную одновременность, как взаимосвязаны люди на планете. Они выступают свидетелями исторического момента. Историзация настоящего через проведение границы с прошлым (т.е. миром доковидной эпохи) является одним из условий исторического мышления. С учетом «пика воспоминаний» (*reminiscence bump*)⁴⁴, присущего автобиографической памяти, когда люди лучше всего помнят события вокруг границы между детством и взрослым состоянием, данное поколение, вполне

вероятно, может сделать пандемию коронавируса фокусом идентичности своего поколения.

Сколько продолжителен может быть период мнемонического «полураспада» кризиса коронавирусной инфекции? Сколь долго и на сколь значительной позиции он может сохраняться в глобальной памяти будущего? И каковы будут различия памяти в разных регионах мира? Это все тяжело оценить сегодня, и это зависит от взаимодействия памяти о пандемии с другими памятьями и другими элементами опыта. Память о коронавирусе может быть заблокирована или переписана другими событиями, такими как экономический или политический кризисы, которые могут произойти в ближайшем будущем.

Очевидно, что после коронавируса память будет функционировать другими способами. Это может быть активная коммеморация. Или же поколенческая память, возможно транснациональная, основанная на чувстве общего опыта. Это будут воспоминания о последствиях пандемии (финансовых, экологических, образовательных, цифровых). Это может сказаться на памяти о социальных привычках, на новых способах взаимодействия, сформированных в ситуации коронавируса, среди которых правила вежливости, образование, работа, игры. Это будет память о чувственной, ритмической и эмоциональной специфике

⁴² См.: (*Mannheim* 1952). О поколенческой и коллективной памяти см.: (*Schuman and Scott* 1989); о транснациональной динамике поколенческой памяти см.: (*Ertl* 2014).

⁴³ См.: (*Draaisma* 2012) о различном восприятии времени молодыми и старыми людьми.

⁴⁴ См.: (*Rubin and Schulkind* 1997). Современный обзор психологических подходов к коллективной памяти см.: (*Hirst and Merck* 2021).

данного времени. Это будет новое знание, не только о вирусе, но и о социальном, политическом, культурном и медийном измерениях пандемий XXI в. Необходимо различать явные формы коллективной памяти (коммеморация на уровне институтов, рассказывание историй как межпоколенческая передача памяти внутри семей, научное знание) от ее подспудных форм (наследия, ментальных последствий, эмоций, поведения, способов говорения).

Возможен оптимистический сценарий: Если опыт небывалого глобального замедления и его побочные позитивные эффекты — от чистой воды (если не дельфинов) в венецианских каналах⁴⁵ до того, что Моника Бюшер охарактеризовала как «уменьшение загрязнения воздуха, рост велосипедных и пеших прогулок и все более громкое птичье пение на деревьях» (*Büscher 2020: 58*)⁴⁶ — свяжется в коллективной памяти с тем, что было формативным для молодого поколения год назад, а именно с движением «Пятницы ради будущего», инициированным Гретой Тунберг, тогда пандемия COVID-19 может стать памятью, которая порождает экологическое мышление и транснациональную солидарность. Этот сценарий основан не исключительно на собственных мечтаниях автора. Тем не менее его реализация, как и воплощение других путей, по ко-

торым могут двигаться различные «миры» корона-памяти глобального сообщества, зависит от того, какой опыт пандемия внесет сверху вниз в практики авторитарных режимов, докажут ли свою успешность либо окажутся недееспособными демократии.

Франкфурт, июнь 2020 г.: в то время когда протесты из-за убийства Джорджа Флойда набирают обороты и обстоятельства их переплетения с пандемией коронавируса должны быть прояснены в будущем, мы всматриваемся в открытый горизонт COVID-19, являющийся глобальным историческим событием уже задолго до своего завершения. Его нарративное «закрытие» или ретроспективная телеология абсолютно невозможны. В то время как любая попытка дать отчет о пандемии представляется крайне ненадежным делом, она в то же время насильственно привносит темпоральную динамику, которую Барад описывает следующими словами: «разные времена кровоточат друг через друга» (*Barad 2017: 68*). Образы чумы семисотлетней давности прорываются к нам и становятся эмоциональными представителями текущего момента. Нынешний опыт самоизоляции вызывает в памяти тоталитарные режимы в Польше и на Филиппинах, наследие рабства и расизма в США. Наше сверхскорое настоящее прини-

⁴⁵ URL: www.theguardian.com/environment/2020/mar/20/nature-is-taking-back-venice-wildlife-returnsto-tourist-free-city (дата обращения: 24.05.2020).

⁴⁶ Бюшер отмечает, что эти факты не особенно активно освещаются в медиа (*Büscher 2020: 58*). Такие побочные положительные последствия пандемии отмечаются лишь в редких случаях (например, см.: URL: sandrp.in/2020/04/22/earth-day-2020-can-we-sustain-the-collateral-benefits-of-covid-lockdown/ (дата обращения: 20.05.2020)). Но они представляют собой, скорее, выражение «преднарративного» опыта, чем полноценный нарративный шаблон. Следует уточнить, что обращение внимания на этот факт не имеет ничего общего с циничным отношением к разрушительно-му вирусу, но является способом указать на возможности, которые открываются в разгар кризиса.

мает вызов от процессов, стартовавших в раннем Антропоцене. И все это время существует много разновидностей будущего — много миров, которые все еще остаются возможными.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я хочу поблагодарить за дискуссии, которые были особенно полезны в ситуации изоляции: Билла Хирста (Bill Hirst), Тобиаса Эбрехт-Хартмана (Tobias Ebbrecht-Hartmann), Кристину-Мари Лангнер (Christina-Marie Langner), Павана Кумара Малредди (Pavan Kumar Malreddy), Жоселин Мартин (Jocelyn Martin), Энн Ригни (Ann Rigney), Ханну Тейчлер (Hanna Teichler), Иоганну Вольмейер (Johanna Vollmeyer), Джеймса Верча (James Wertsch), и Магдалену Золкос (Magdalena Zolkos).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Alexander 2012 — *Alexander J. C.* Trauma: A Social Theory. Cambridge: Polity, 2012.

Barad 2007 — *Barad K.* Meeting the University Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Durham, NC: Duke University Press, 2007.

Barad 2017 — *Barad K.* Troubling time/s and ecologies of nothingness: Re-turning, re-remembering, and facing the incalculable // *New Formations*, 2017, 92 (92), p. 56–86.

Baroni 2014 — *Baroni R.* Tellability // *Hühn P. et al. (eds.) The Living Handbook of Narratology*. Hamburg: Hamburg University, 2014.

Beck 2009 — *Beck U.* World Risk Society. Cambridge: Polity Press, 2009.

Beck 2014 — *Beck U.* World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2014.

Beiner 2018 — *Beiner G.* Forgetful Remembrance: Social Forgetting and Vernacular Historiography of a Rebellion in Ulster. Oxford: Oxford University Press, 2018.

Beiner 2021 — *Beiner G. (ed.)* Pandemic Re-Awakenings: The Forgotten and Forgotten Flu of 1918–1919. Oxford: Oxford University Press, 2021.

Bowker 2005 — *Bowker G. C.* Memory Practices in the Sciences. Cambridge, MA: MIT Press, 2005.

Büscher 2020 — *Büscher M.* A great mobility transformation. In: *Boomgaarden G. (ed.) A De Gruyter Social Sciences Pamphlet. 12 Perspectives on the Pandemic. International Social Science Thought Leaders Reflect on Covid-19*. Berlin: De Gruyter, 2020, pp. 58–63. URL: https://www.degruyter.com/fileasset/craft/media/doc/DG_12perspectives_socialsciences.pdf (дата обращения: 28.05.2020).

Connerton 1989 — *Connerton P.* How Societies Remember. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Conway et al. 2016 — *Conway M., Loveday C. and Cole S. N.* The remembering–imagining system // *Memory Studies*, 2016, 9(3), pp. 256–265.

Craps et al. 2018 — *Craps S., Crownshaw R., Wenzel J., et al.* Memory studies and the Anthropocene: A roundtable // *Memory Studies*, 2018, 11(4), pp. 498–515.

Draaisma 2012 — *Draaisma D.* Why Life Speeds Up As You Grow Older: How Memory Shapes Our Past. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Ebbrecht-Hartman 2020 — *Ebbrecht-Hartmann, Tobias.* Transformation of Holocaust memory in times of COVID-19. IWM Blog ‘Focus Corona’, 2020. URL: www.iwm.at/closedbutactive/corona-focus/tobias-ebbrecht-hartmann-transformation-of-holocaust-memory-in-times-of-covid-19/ (дата обращения: 06.07.2020).

Erl 2009 — *Erl A.* Remembering across time, space and cultures: Premediation, remediation and the ‘Indian Mutiny’ //

Erll A. and Rigney A. (eds.) *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. Berlin, NY: De Gruyter, 2009, pp.109–138.

Erll 2011 — *Erll A. Memory in Culture*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.

Erll 2014 — *Erll A. Generation in literary history: Three constellations of generationality, genealogy, and memory* // *New Literary History*, 2014, 45(3), pp. 385–409.

Erll 2017 — *Erll A. Media and the dynamics of memory: From cultural paradigms to transcultural premediation* // *Wagoner B. (ed.) The Oxford Handbook of Culture and Memory*. Oxford: Oxford University Press, 2017, pp. 305–324.

Erll and Rigney 2009 — *Erll A. and Rigney A. (eds.) Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. Berlin, NY: De Gruyter, 2009.

Gadamer 1960 — *Gadamer H.G. Wahrheit und Methode*. Tübingen: Mohr, 1960.

Gatti 2020 — *Gatti R.C. Coronavirus outbreak is a symptom of Gaia's sickness* // *Ecological Modelling*, 2020, 426, 109075.

Hassin et al. 2005 — *Hassin R. R., Uleman, J. S. and Bargh, J. A. The New Unconscious*. New York: Oxford University Press, 2005.

Haraway 1988 — *Haraway D. Situated knowledges: The science question in feminism and the privilege of partial perspective* // *Feminist Studies*, 1988, 14(3), pp. 575–599.

Hirst 2020 — *Hirst B. Remembering Covid-19*. *Social Research*, 2020 (in press).

Hirst and Merck 2021 — *Hirst B. and Merck C. Memory for salient shared events: A top-down approach to collective memory*. In: Kahana M and Wagner A (eds.) *Handbook for Human Memory*. Oxford: Oxford University Press, 2021.

Hynes 1990 — *Hynes S. A War Imagined. The First World War and English Culture*. London: The Bodley Head, 1990.

Johnson and Müller 2002 — *Johnson N. and Müller J. Updating the accounts: Global mortality of the 1918–1920 'Spanish' Influenza*

enza Pandemic // *Bulletin of the History of Medicine*, 2002, 76(1), pp. 105–15.

Jordan 2019 — *Jordan C. From private to public: Royal family memory as prospective collective memory in A Jubilee Tribute to The Queen by The Prince of Wales (2012)* // *Journal of Aesthetics & Culture*, 2019, 11(Suppl 1), 1635426.

Kaplan 2016 — *Kaplan E.A. Climate Trauma: Foreseeing the Future in Dystopian Film and Fiction*. New Brunswick, Canada: Rutgers University Press, 2016.

Koselleck 2004 — *Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. Translated by K Tribe. New York: Columbia University Press 2004. Originally published as *Koselleck R. Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979.

Lefebvre 2017 — *Lefebvre H. Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life*. London: Bloomsbury Academic, 2017.

Mannheim 1952 — *Mannheim K. The problem of generations* // *Mannheim K. (ed.) Essays on the Sociology of Knowledge*. London: Routledge, 1928 (republished 1952), pp. 276–322.

McConnell 2019 — *McConnell T. Memory abuse, violence and the dissolution of Yugoslavia: A theoretical framework for understanding memory in conflict* // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 2019, 32(3), pp. 331–343.

Outka 2019 — *Outka E. Viral Modernism: The Influenza Pandemic and Interwar Literature*. New York: Columbia University Press, 2019.

Phillips and Killingray 2001 — *Phillips H. and Killingray D. The Spanish Flu Pandemic of 1918: New Perspectives*. London: Routledge, 2001.

Ricoeur 1984 — *Ricoeur P. Time and Narrative Volume 1*. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1984.

Rigney 2012 — *Rigney A. The Afterlives of Walter Scott: Memory on the Move*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Rigney 2016 — *Rigney A.* Differential memorability and transnational activism: Bloody Sunday, 1887–2016 // *Australian Humanities Review*, 2016, 59, pp. 77–95.

Rigney 2020 — *Rigney A.* Mediations of outrage: How the killing of demonstrators is remembered. *Social Research*, 2020 (in press).

Rosa 2017 — *Rosa H.* *Social Acceleration: A New Theory of Modernity.* New York: Columbia University Press, 2017.

Rothberg 2019 — *Rothberg M.* *The Implicated Subject: Beyond Victims and Perpetrators.* Stanford, CA: Stanford University Press, 2019.

Rubin and Schulkind 1997 — *Rubin D. C. and Schulkind M. D.* The distribution of autobiographical memories across the lifespan // *Memory & Cognition*, 1997, 25(6), pp. 859–866.

Ruin 2018 — *Ruin H.* *Being with the Dead: Burial, Ancestral Politics, and the Roots of Historical Consciousness.* Stanford, CA: Stanford University Press, 2018.

Ryan 2004 — *Ryan M. L.* *Narrative Across Media: The Languages of Storytelling.* Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2004.

Savolainen 2017 — *Savolainen U.* Tellability, frame and silence // *Narrative Inquiry*, 2017, 27(1), pp. 24–46.

Schuman and Scott 1989 — *Schuman H. and Scott J.* Generations and collective memories // *American Sociological Review*, 1989, 54(3), pp. 359–381.

Simko and Olick 2020 — *Simko C. and Olick J. K.* Trauma and tragedy. *Social Research*, 2020 (in press).

Spinney 2018 — *Spinney L.* *Pale Rider: The Spanish Flu of 1918 and How It Changed the World.* London: Vintage, 2018.

Tchen and Yeats 2014 — *Tchen J. K. W. and Yeats D.* *Yellow Peril!: An Archive of Anti-Asian Fear.* London: Verso, 2014.

Tenenboim-Weinblatt 2013 — *Tenenboim-Weinblatt K.* Bridging collective memories and public agendas: Toward a theory of mediated prospective memory // *Communication Theory*, 2013, 23(2), pp. 91–111.

Wagner-Pacifici 2017 — *Wagner-Pacifici R.* *What Is an Event?* Chicago, IL: University of Chicago Press, 2017.

Wertsch 2019 — *Wertsch J. V.* National narratives as habits of thought // Claybourn JA (ed.) *Our American Story: The Search for a Shared National Narrative.* Lincoln, NE: Potomac Books, 2019, pp. 19–27.

White 1973 — *White H.* *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe.* Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1973.

MEMORY WORLDS IN TIMES OF CORONA

Astrid Erll — professor of Anglophone Literatures and Cultures at Goethe University Frankfurt, where she also directs the Frankfurt Memory Studies Platform (FMSP: www.memorystudies-frankfurt.com)

Key words: COVID-19, pandemics and memory, rhythm analysis, the Spanish Flu

Abstract. Astrid Erll. Memory worlds in times of Corona. This article addresses the complex temporal and global dynamics of the coronavirus pandemic. After considering some of the new social rhythms that have emerged in the wake of COVID-19 around the world, it turns to the role of collective memory before, during and after corona. The aim is to provide a basic grid for how the CO-

VID-19 pandemic could be addressed using memory studies expertise and concepts such as premediation, memorability, memory (ab)use, national memory, colonial memory, racial stereotypes, the digital archive, generational memory, or Anthropocene time.

REFERENCES

- Alexander J.C. *Trauma: A Social Theory*. Cambridge: Polity, 2012.
- Barad K. *Meeting the University Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Durham, NC: Duke University Press, 2007.
- Barad K. Troubling time/s and ecologies of nothingness: Re-turning, re-membering, and facing the incalculable. *New Formations*, 2017, 92 (92), p. 56–86.
- Baroni R. Tellability. In: Hühn P. et al. (eds.) *The Living Handbook of Narratology*. Hamburg: Hamburg University, 2014.
- Beck U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2014.
- Beck U. *World Risk Society*. Cambridge: Polity Press, 2009.
- Beiner G. (ed.) *Pandemic Re-Awakenings: The Forgotten and Unforgotten Flu of 1918–1919*. Oxford: Oxford University Press, 2021.
- Beiner G. *Forgetful Remembrance: Social Forgetting and Vernacular Historiography of a Rebellion in Ulster*. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- Bowker G.C. *Memory Practices in the Sciences*. Cambridge, MA: MIT Press, 2005.
- Büscher M. A great mobility transformation. In: Boomgaarden G (ed.) *A De Gruyter Social Sciences Pamphlet. 12 Perspectives on the Pandemic. International Social Science Thought Leaders Reflect on Covid-19*. Berlin: De Gruyter, 2020, pp. 58–63. URL: https://www.degruyter.com/fileasset/craft/media/doc/DG_12perspectives_socialsciences.pdf.
- Connerton P. *How Societies Remember*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Conway M., Loveday C. and Cole S.N. The remembering–imagining system. *Memory Studies*, 2016, 9(3), pp. 256–265.
- Craps S., Crownshaw R., Wenzel J., et al. Memory studies and the Anthropocene: A roundtable. *Memory Studies*, 2018, 11(4), pp. 498–515.
- Draaisma D. *Why Life Speeds Up As You Grow Older: How Memory Shapes Our Past*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Ebbrecht-Hartmann, Tobias. Transformation of Holocaust memory in times of COVID-19. IWM Blog ‘Focus Corona’, 2020. URL: www.iwm.at/closedbutactive/corona-focus/tobias-ebbrecht-hartmann-transformation-of-holocaust-memory-in-times-of-covid-19/.
- Erl A. and Rigney A. (eds.) *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. Berlin, NY: De Gruyter, 2009.
- Erl A. Generation in literary history: Three constellations of generationality, genealogy, and memory. *New Literary History*, 2014, 45 (3), pp. 385–409.
- Erl A. Media and the dynamics of memory: From cultural paradigms to transcultural premediation. In: Wagoner B. (ed.) *The Oxford Handbook of Culture and Memory*. Oxford: Oxford University Press, 2017, pp. 305–324.
- Erl A. *Memory in Culture*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.
- Erl A. Remembering across time, space and cultures: Premediation, remediation and the ‘Indian Mutiny’. In: Erl A. and Rigney A. (eds.) *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. Berlin, NY: De Gruyter, 2009, pp.109–138.
- Gadamer H.G. *Wahrheit und Methode*. Tübingen: Mohr, 1960.

- Gatti R. C. Coronavirus outbreak is a symptom of Gaia's sickness. *Ecological Modelling*, 2020, 426, 109075.
- Haraway D. Situated knowledges: The science question in feminism and the privilege of partial perspective. *Feminist Studies*, 1988, 14(3), pp. 575–599.
- Hassin R. R., Uleman J. S. and Bargh J. A. *The New Unconscious*. New York: Oxford University Press, 2005.
- Hirst B. and Merck C. Memory for salient shared events: A top-down approach to collective memory. In: Kahana M. and Wagner A. (eds.) *Handbook for Human Memory*. Oxford: Oxford University Press, 2021.
- Hirst B. *Remembering Covid-19. Social Research*, 2020 (in press).
- Hynes S. *A War Imagined. The First World War and English Culture*. London: The Bodley Head, 1990.
- Johnson N. and Müller J. Updating the accounts: Global mortality of the 1918–1920 'Spanish' Influenza Pandemic. *Bulletin of the History of Medicine*, 2002, 76(1), pp. 105–15.
- Jordan C. From private to public: Royal family memory as prospective collective memory in A Jubilee Tribute to The Queen by The Prince of Wales (2012). *Journal of Aesthetics & Culture*, 2019, 11(Suppl 1), 1635426.
- Kaplan E. A. *Climate Trauma: Foreseeing the Future in Dystopian Film and Fiction*. New Brunswick, Canada: Rutgers University Press, 2016.
- Koselleck R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. Translated by K Tribe. New York: Columbia University Press, 2004. Originally published as Koselleck R. *Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979.
- Lefebvre H. *Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life*. London: Bloomsbury Academic, 2017.
- Mannheim K. The problem of generations. In: Mannheim K. (ed.) *Essays on the Sociology of Knowledge*. London: Routledge, 1928 (republished 1952), pp. 276–322.
- McConnell T. Memory abuse, violence and the dissolution of Yugoslavia: A theoretical framework for understanding memory in conflict. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 2019, 32(3), pp. 331–343.
- Outka E. *Viral Modernism: The Influenza Pandemic and Interwar Literature*. New York: Columbia University Press, 2019.
- Phillips H. and Killingray D. *The Spanish Flu Pandemic of 1918: New Perspectives*. London: Routledge, 2001.
- Ricoeur P. *Time and Narrative Volume 1*. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1984.
- Rigney A. Differential memorability and transnational activism: Bloody Sunday, 1887–2016. *Australian Humanities Review*, 2016, 59, pp. 77–95.
- Rigney A. Mediations of outrage: How the killing of demonstrators is remembered. *Social Research*, 2020 (in press).
- Rigney A. *The Afterlives of Walter Scott: Memory on the Move*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Rosa H. *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. New York: Columbia University Press, 2017.
- Rothberg M. *The Implicated Subject: Beyond Victims and Perpetrators*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2019.
- Rubin D. C. and Schulkind M. D. The distribution of autobiographical memories across the lifespan. *Memory & Cognition*, 1997, 25(6), pp. 859–866.
- Ruin H. *Being with the Dead: Burial, Ancestral Politics, and the Roots of Historical Consciousness*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2018.
- Ryan M. L. *Narrative Across Media: The Languages of Storytelling*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2004.
- Savolainen U. Tellability, frame and silence. *Narrative Inquiry*, 2017, 27(1), pp. 24–46.

- Schuman H. and Scott J. Generations and collective memories. *American Sociological Review*, 1989, 54(3), pp. 359–381.
- Simko C. and Olick J.K. Trauma and tragedy. *Social Research*, 2020 (in press).
- Spinney L. *Pale Rider: The Spanish Flu of 1918 and How It Changed the World*. London: Vintage, 2018.
- Tchen J.K.W. and Yeats D. *Yellow Peril!: An Archive of Anti-Asian Fear*. London: Verso, 2014.
- Tenenboim-Weinblatt K. Bridging collective memories and public agendas: Toward a theory of mediated prospective memory. *Communication Theory*, 2013, 23(2), pp. 91–111.
- Wagner-Pacifici R. *What Is an Event?* Chicago, IL: University of Chicago Press, 2017.
- Wertsch J.V. National narratives as habits of thought. In: Claybourn JA (ed.) *Our American Story: The Search for a Shared National Narrative*. Lincoln, NE: Potomac Books, 2019, pp.19–27.
- White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1973.

ИОАНН ПАВЕЛ II: «КОММУНИЗМ, ФАШИЗМ И ЛИБЕРАЛИЗМ — ЭТО ТРИ ЛИЦА “ЦИВИЛИЗАЦИИ СМЕРТИ”».

К 100-летию со дня рождения
римского папы.

Интервью с В. В. Волобуевым

Ключевые слова: Иоанн Павел II, Польша, социализм, католицизм, Ватикан.

Аннотация. Интервью посвящено деятельности Иоанна Павла II как философа, священника и политика. Затрагивается ряд проблем, связанных как с личностью римского папы, так и с многообразными явлениями общественной жизни в Польше и в мире. Показывается духовный путь понтифика, влияние на него польской культуры, его отношение к реалиям ПНР и к международной ситуации 2-й половины XX — начала XXI в.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-35-58

Беседовал А. Стыкалин

А. С. Кароль Войтыла еще в эпоху «народной Польши» сделал блестящую карьеру, поднявшись до самых вершин католической иерархии. Так, в довольно молодом возрасте, в 47 лет он становится кардиналом. И это несмотря на то, что его отношения с многолетним примасом польской католической церкви Стефаном Вышиньским были, мягко говоря, весьма непростыми. Почему в Ватикане обратили внимание на краковского епископа и почему предшественник Иоанна Павла II папа Павел VI протезировал ему? Известно ведь, что между ними

в 70-е гг. установились довольно тесные отношения.

В. В. Начнем с того, что Ватикан обратил на Войтылу пристальное внимание, когда он уже был архиепископом, а не епископом. Причем все указывает на то, что столь высокий сан он получил именно в расчете на обострение его отношений с Вышиньским, который, в отличие от Войтылы, без особого энтузиазма воспринял реформы церкви, начатые Вторым Ватиканским собором (1962–1965). Решающее значение в этом имела позиция польского

Первое появление Кароля Войтылы на балконе собора св. Петра в Риме после избрания его понтификом в 1978 г.

правления. В соответствии с соглашением 1956 г. польские власти имели право отсеивать кандидатов при назначении на церковные должности. Поскольку правящий коммунистический режим в Польше делал ставку на конфликты внутри епископата, он одобрил кандидатуру Войтылы, в 1964 г. предложенную депутатами Сейма от небольшой фракции католиков-мирян. Те, в свою очередь, хорошо знали краковского иерарха по его публицистическим и литературным текстам на страницах польской католической прессы. Вышиньский вынужден был согласиться с этой кандидатурой, хотя явно был от нее не в восторге.

Войтыла проявил себя как очень активный участник синодов епископов, регулярно созывавшихся Павлом VI. Особенно сильно его занимала проблема католического подхода к частной жизни — крайне животрепещу-

щий вопрос в эпоху «сексуальной революции». Еще в 1960 г. вышла его книга «Любовь и ответственность», в которой Войтыла взялся смело рассуждать на щекотливые темы секса и контрацепции, но проявил себя при этом как твердый консерватор, выступив не только против аборт, разводов и сексуальных отношений однополых лиц, но и против любых форм искусственного предохранения. Павел VI включил Войтылу в комиссию по изучению проблемы контрацепции, а в 1968 г. издал энциклику *Humanae vitae*, в основном повторявшую тезисы краковского архиепископа (хотя большая часть комиссии выступала за смягчение позиции по этому вопросу). Энциклика вызвала бурю среди католиков западного мира, зато ее поддержал польский клир. Краковская курия написала подробный комментарий к энциклике, а Войтыла добавил к комментарию еще и вступление

от своего имени, которое увидело свет на страницах официального органа Ватикана — газеты «Оссерваторе романо».

В 70-е гг. Войтыла с не меньшей решимостью отстаивал неприкосновенность целибата для священников, хотя немалая часть духовенства выступала за его отмену. Все это превратило краковского архипастыря в одного из любимцев Павла VI, который в 1976 г. даже поручил ему провести великопостные реколлекции для римской курии, после чего на Войтылу стали смотреть как на одного из будущих «папбилей».

А. С. Есть сведения, что после расстрела в Гданьске в декабре 1970 г. демонстрации рабочих, протестовавших против резкого повышения цен, Войтыла публично осудил действия властей. Известно также, что он упорно отстаивал права верующих. Хотя он и не провоцировал прихожан противиться властям открыто, но призывал их в трудные времена к смирению. Вспомним также, сколько новых костелов и церковных школ было построено и открыто в краковской епархии в 1970-е гг. вопреки противодействию коммунистической бюрократии. Как вообще складывались отношения краковского архиепископа (позже кардинала) с польскими коммунистическими властями при В. Гомулке, а потом и Э. Гереке? Насколько были они сложными?

В. В. Войтыла не скрывал своего негативного отношения к марксизму, который он считал несовместимым с христианством. На последней сессии Второго Ватиканского собора

осенью 1965 г. он вместе с некоторыми другими иерархами из социалистических стран добился изменения одной из формулировок в декларации о свободе религии *Dignitatis humanae* («Достоинство человеческой личности»), гласившей, что религиозные свободы могут быть ограничены соображениями общественного порядка — это был дежурный аргумент польских властей при запрете тех или иных церковных мероприятий. Кроме того, будучи членом комиссии по разработке пастырской конституции о положении церкви в мире *Gaudium et Spes* («Радость и надежда»), Войтыла требовал дать в ней ответ на вызовы марксизма как одной из главных атеистических идеологий. Но при этом и он, и Вышиньский выступили против включения в текст конституции пункта с осуждением коммунизма.

В политику он старался не вмешиваться, делая это лишь в те моменты, когда, на его взгляд, возникала угроза свободе вероисповедания и христианским нормам морали. Например, в 60-е и 70-е гг. он воевал с руководством Кракова из-за проведения церемоний на праздник Божьего тела: власти запрещали ходить крестным путем по главной площади города, хотя «даже собаководы могли устраивать там свои мероприятия», — писал Войтыла в одной из жалоб. Кроме того, Войтыла, к негодованию властей, активно поддерживал «оазисное» движение, т.е. неформальные католические лагеря для детей (что интересно, на эти лагеря косо смотрел и примас Вышиньский).

Впервые против действий властей Войтыла выступил осенью 1958 г.,

едва став епископом. Он настолько рьяно взялся осуждать легализацию аборт, что уже в марте 1959 г. краковский горсовет потребовал от местного митрополита одернуть епископа. Еще более резко Войтыла проявил себя в 1960 г., во время столкновений населения городка Нова Хута с милицией из-за запрета на строительство храма. Епископ подал в суд на местную администрацию и отправил письмо протеста самому Гомулке.

Однако Войтыла не был таким бойцом на католической баррикаде. Он охотно шел на компромиссы с властями, а иногда даже невольно подыгрывал им (впрочем, как и Вышиньский). Например, когда в 1962–1963 гг. краковское руководство пыталось отнять здания у двух семинарий, Войтыла лично встретился с главой местного обкома, что нарушало негласный запрет примаса общаться с работниками партии. Во время студенческих выступлений марта 1968 г. Войтыла призывал учащихся не участвовать в них, уверенный, что молодежь просто используют соперничающие партийные группировки. В декабре 1970 г., после рабочего восстания на Побережье, архиепископ также проявил умеренность, отнюдь не выступив с критикой партии, но лишь заявив о праве духовенства нести утешение людям. Впрочем, именно Войтыла составил «Обращение к соотечественникам», изданное Главным советом епископата 29 декабря 1970 г. В этом «Обращении» прелаты заявляли о неприемлемости тех жестоких мер, которые применили власти при подавлении рабочих манифестаций.

Вообще нельзя не обратить внимание на то, что Войтыла имел отношение ко всем важнейшим заявлениям польских иерархов по общественным проблемам. Например, в марте 1968 г. он был единственным, кто затронул тему студенческих выступлений на конференции епископата, а кроме того, зачитал там «Слово епископата о болезненных событиях», содержавшее протест против суровых мер при разгоне демонстраций. Осенью 1965 г. он приложил руку к составлению письма польских епископов немецким, вызвавшего масштабную антицерковную кампанию в прессе ПНР. И разумеется, не обошлось без его участия обращение к пастве по поводу абортов, с которым иерархи собирались выступить в декабре 1970 г. (но отменили свое решение из-за вспыхнувшего бунта рабочих).

В 70-е гг. его антикоммунистическая позиция стала настолько очевидной, что правящая верхушка даже уговаривала Вышиньского не оставлять должности примаса по достижении 75 лет, дабы ее не занял «интеллектуальный авантюрист», как охарактеризовал краковского архиепископа в одном из разговоров член Политбюро С. Каня, отвечавший за взаимоотношения с церковью. Войтыла, например, последовательно отказывался от встреч с новым первым секретарем ЦК ПОРП Э. Гереком и его сотрудниками, что в те годы выглядело просто вызывающе. Он позволил себе открытые выпады против властей и исторической политики правящей партии во время встреч с польскими эмигрантами в США в 1969 г. и в Австралии в 1973 г. Наконец, в ноябре 1976 г.

Войтыла — единственный из прелатов — встретился в частном порядке с членами Комитета защиты рабочих (первой открытой оппозиционной организации в ПНР). Эта встреча вызвала настоящую ярость С. Кани, который направил по ее поводу письмо в секретариат примаса, обвинив Войтылу в нелегальной сходке с участниками антигосударственных выступлений. Наконец, в июне 1977 г. во время праздника Божьего тела, омраченного недавней гибелью при таинственных обстоятельствах одного из молодых краковских диссидентов, Войтыла произнес обличительную речь против лжи в прессе и потребовал уважать права человека. Как следствие, именно краковская митрополия оказалась одной из двух епархий, чьих семинаристов призывали в армию посреди учебы. Это было наказание за строптивость.

А. С. Явилось ли для поляков неожиданностью избрание Кароля Войтылы осенью 1978 г. римским папой, и какую реакцию оно вызвало в польском обществе?

Вспоминается первый приезд его на родину в новом сане в июне 1979 г., когда на его мессы, проводимые на открытом воздухе, выходило доселе невиданное количество людей. Какую роль сыграл этот его визит в мобилизации польского общества на противостояние существующему режиму? Ведь это был самый канун острого внутривосточного кризиса 1980–1981 гг.

В. В. Избрание поляка на трон святого Петра явилось неожиданностью не только для соотечественников Войтылы, но даже для кардиналов.

Филадельфийский архиепископ польского происхождения Джон Круль произнес тогда: «Если вы не угадали результат конклава, то оказались в хорошей компании. Мы вновь стали свидетелями нисхождения Святого Духа!» По совпадению как раз 16 октября 1978 г. директору Управления по делам вероисповеданий ПНР задали вопрос на пресс-конференции, как он поступит, если римским папой станет поляк. Имелся в виду, однако, Вышиньский, а отнюдь не Войтыла.

После этого для всех в стране стало ясно, что партия проиграла идеологическую схватку с клиром. Лояльный властям литератор Т. Голуй, однокурсник Войтылы, получив известие об итогах конклава, выпалил прямо на заседании местного отделения Союза писателей, в присутствии главы обкома и руководителя спецслужбы: «Вот нам и крышка!» А верховный партийный бонза краковских литераторов В. Махеек там же мрачно предрек: «Ну теперь будем целовать задницу католикам» и достал из портфеля бутылку водки. Кто-то из зала тут же иронично откликнулся: «Если они позволят». Не меньшее уныние царило тогда и в Политбюро. Вот как вспоминал свой приезд на заседание партийной верхушки директор Управления по делам вероисповеданий К. Конколь: «Полная растерянность. Ольшовский [бывший министр иностранных дел. — В. В.] проливает на белые брюки чашку кофе. Тяжкие вздохи. Чирек [заместитель министра иностранных дел. — В. В.] формулирует тезис, который пришел нам в голову по дороге из Союза журналистов в ЦК — “давайте задумаемся...”

в конце концов, пусть уж лучше Войтыла будет папой там, чем примасом здесь». Мысль удачная. Всем нравится. Всеобщее облегчение».

Визит новоизбранного Иоанна Павла II в Польшу лишь подчеркнул очевидное для всех: симпатии поляков на стороне церкви, а не партии. Невзирая на все уловки власть имущих, папские мессы собирали такое количество народу, какое не могло собрать ни одно партийное торжество, при том что на эти торжества часто направляли людей в приказном порядке. Понтифик не стремился идти на обострение, наоборот, пытался сгладить углы, но его христианизаторский порыв сам по себе подрывал партийную идеологию. Например, когда Иоанн Павел II призвал Святой Дух «сойти на эту землю и обновить ее облик», власть имущие сочли это атакой на государственный строй, хотя то была всего лишь отсылка ко временам апостолов. Или, например, когда римский папа упомянул о крещении великого князя литовского Ягайло, правящая верхушка усмотрела в этом чуть ли не покушение на существующую советско-польскую границу. И такое недопонимание возникало регулярно.

Эффект от той поездки емко выражен в записке советского генконсула в Кракове: «Некоторые работники Краковского комитета ПОРП, например, говорили, что хотели бы иметь поручение на дежурство в дни визита папы где-нибудь, лишь бы не оставаться в здании комитета, поскольку толпа может его развалить <...> Ряд местных польских товарищей заявили, что визит Иоанна Павла II, укрепив роль, значение и при-

сутствие костела в жизни Польши, тем самым отбросил Польшу в идеологическом плане на 5–10 лет. <...> По утверждению тех же местных товарищей, визит еще больше обнажил и показал организационную и особенно политическую и идеологическую слабость партии, ее боязнь народа <...> И еще некоторые товарищи говорят, что визит и выступления папы показали польским партийным и государственным работникам, активу, идеологическим и пропагандистским кадрам, как надо готовиться и уметь выступать, разговаривать с массами, уметь влиять словом, аргументами, доводами, доходить до ума и сердца».

Но не стоит и переоценивать значение той поездки. Она скорее обнажила настроения поляков, но сама по себе не могла привести к массовым волнениям. Причины появления «Солидарности» лежали глубже: в остром ощущении поляками своей несuverенности, в экономических промахах властей, в сильном влиянии духовенства. Если бы Войтыла не взошел на Святой престол, «Солидарность» появилась бы все равно — об этом говорит опыт предыдущих кризисов (1956, 1968, 1970–1971, 1976 гг.). Просто в этом случае ворота гданьской верфи им. Ленина не украсились бы портретами Иоанна Павла II.

А.С. Иоанн Павел II приезжал в Польшу и в дальнейшем в бурные 1980-е гг. — в 1983 г., вскоре после отмены военного положения, а затем уже в эпоху Горбачева, в 1987 г., когда всем уже было ясно, что польский коммунистический режим обречен. Не желая

внутриполитического обострения, он старался не провоцировать соотечественников на антиправительственные выступления, которые в той напряженной ситуации могли легко перерасти в кровопролитие. А встречаясь с генералом В. Ярузельским, призывал его к диалогу с обществом. Сыграло ли папское благословение на мирное развитие свою роль в том, что смена власти в Польше прошла в конце 1980-х гг. в сущности бескровно?

А если говорить в более широком плане: какова была историческая роль Иоанна Павла II не только в расшатывании и последующем падении коммунизма в Польше, но и в крахе коммунизма во всей Восточной Европе? Вспоминается высказывание Леха Валенсы в интервью британской газете «Financial Times»: «Без него коммунизм бы не кончился или, по крайней мере, это произошло бы намного позднее и с бóльшей кровью».

В. В. Иоанн Павел II в сущности отказался от восточной политики Павла VI, хотя и сделал госсекретарем ее архитектора А. Казароли. Вместо налаживания отношений с социалистическими странами он вновь, как это было при Пие XII, противопоставил католическую церковь марксистским режимам. Причем не только в Европе. Его паломничество 1979 г. в Мексику окончательно развело Ватикан и теологию освобождения (что, кстати, привело к неуклонному падению числа тамошних католиков). Единственная страна социалистического лагеря, в которой он поначалу пытался продолжать восточную политику — это как раз Польша.

Но там против этого восстал кардинал Вышиньский, а после его смерти все папские планы окончательно разрушило военное положение, введенное в декабре 1981 г.

Вряд ли правомерно выводить крушение социалистического строя непосредственно из паломничеств Иоанна Павла II на родину. Куда большую роль в этом сыграли санкции, введенные после разгона «Солидарности», и перестройка в СССР. Кроме того, нельзя забывать о той степени независимости, которой пользовалась католическая церковь в Польше, особенно в эпоху Ярузельского. Церковные иерархи имели возможность получать из-за границы крупные суммы в качестве даров (с которых они, правда, платили налоги) и использовать их, например, для строительства храмов или поддержки оппозиции в стране. Этим пользовались как Ватикан, так и американская администрация, по каналам церкви финансово помогавшие «Солидарности» и в период ее открытой деятельности, и после ухода в подполье. Возникла даже легенда, будто крушение миланского банка Амброзиано в 1982 г., едва не приведшее к банкротству Апостольской столицы, было следствием чрезмерной перекачки ватиканских финансов на нужды антикоммунистической оппозиции в Польше, но это явная неправда.

Бескровность трансформации опять же не вытекала напрямую из призывов Иоанна Павла II к властям. Это была общая черта почти всех «бархатных» революций (почему они и получили такое название). Советский блок развалился потому, что

социализм в Восточной и Центральной Европе насадили сверху, он держался исключительно на советских штыках. Не случайно все эти режимы рухнули в течение всего лишь одного 1989 г., сразу после того, как М. С. Горбачев в декабре 1988 г. отказался от доктрины Брежнева, заявив об этом на Генассамблее ООН.

Идея польского «Круглого стола» весны 1989 г., в ходе заседаний которой партия согласилась поделиться частью власти с «Солидарностью», родилась из опыта демонтажа франкистского режима в Испании, а конкретно из пакта Монклоа. Устраивая «Круглый стол», Ярузельский отнюдь не намеревался передать таким образом власть оппозиции, а хотел лишь встроить ее умеренную часть в существующую систему. Но события 1989 г. развивались так стремительно, что казавшееся невозможным в начале года воплотилось в его конце. В Польше точкой невозврата стали частично свободные парламентские выборы 4 июня, которые принесли оглушительную победу «Солидарности». После этого и встал вопрос об изменении всей системы.

А. С. В литературе, посвященной Иоанну Павлу II, иногда можно прочитать о том, что папа, будучи убежденным консерватором, тем не менее был чувствителен к социальному угнетению и выступал за корректировку социальной доктрины католической церкви. Еще во времена папы Иоанна XXIII он молодым епископом участвовал в работе ватиканского собора, на котором были приняты решения, направленные на модерниза-

цию всех сторон деятельности католической церкви. Вспоминается, кстати, и отлучение им от церкви, уже в бытность римским папой, ультраконсервативного кардинала Лефевра. Можно ли отнести Иоанна Павла II к числу реформаторов социальной доктрины католицизма? И было ли это его ответом на вызовы секуляризации?

В. В. Отлучение Лефевра никак не было связано с социальной доктриной церкви. Лефевр отверг обрядовые реформы церкви и взял курс на раскол, самовольно рукоположив четырех епископов.

Иоанн Павел II действительно много критиковал обе соперничавшие экономические системы (социализм и капитализм), а после крушения советского блока с не меньшим пылом обрушился на либерализм, назвав его одним из воплощений «цивилизации смерти», наряду с коммунизмом и фашизмом (в частности, римский папа ставил знак равенства между Холокостом и абортами). В ходе Всемирного дня молодежи в Денвере, прошедшего в 1993 г., его критика западной цивилизации звучала так остро, что наблюдатели назвали ее «крестовым походом на Запад». Его обличения действительно были ответом на вызовы секуляризации, но, скорее, ответом, традиционным для католической церкви. В том же духе высказывался и кардинал Вышинский, и римский папа Лев XIII, родоначальник социального учения церкви. Если Иоанн Павел II и привнес что-то от себя, то, скорее, консерватизм. Бичуя современную цивилизацию, он усматривал корень бед во всей европейской философии,

идушей еще от Декарта. Именно Декарт, по мнению понтифика, вместо Бога поставил в центр внимания философии человека и тем самым лишил европейскую мысль незыблемых моральных основ, откуда и родилась «цивилизация смерти», превратившая человека из цели просто в материал. Причем зародилась эта цивилизация не в XX в., а в эпоху Просвещения и последовавшей за ней Великой Французской революции, которые, отринув Христа, дали начало человеконенавистническим идеологиям. Эту особенность взглядов Иоанна Павла II отметил американский историк Майкл Шон Уинтерс, который написал во время поездки римского папы на Кубу в 1998 г.: «Подсудимый здесь не Маркс или Адам Смит, а Декарт <...> визит римского папы на Кубу — это не часть битвы с коммунизмом, а часть многолетнего крестового похода против самой современности. Это нечто куда большее, чем конфронтация с Фиделем Кастро».

А. С. Создается впечатление, что там, где дело касается межконфессиональных отношений, Иоанн Павел II довольно сильно отличался от своих предшественников. Хотя, наверно, изменилось и время. Он стал первым папой, который пошел на активные контакты с другими конфессиями, и не раз в своих мессах просил у иноверцев прощения за грехи, совершенные католиками. Многое можно вспомнить — примирение с англиканской церковью и первое за 450 лет после ее отделения от католической совместное богослужение с архиепископом Кентерберийским. Иоанн Павел II стал первым римским понтифи-

ком, переступившим порог лютеранской кирхи, первым признал вину католической церкви в массовом уничтожении протестантов во Франции во время Варфоломеевской ночи 1572 г., а позже принял решение открыть архивы Святой инквизиции. О его отношениях с православием мы поговорим особо. А сейчас хотелось бы вспомнить о том, что эта открытость распространялась не только на христиан. Уже в 1986 г. — посещение римской синагоги, в ходе которого он назвал иудеев «старшими братьями». Позже, в 2000 г., при посещении Иерусалима он коснулся Стены плача, святыни иудаизма, а также побывал в мемориале Яд ва-Шем. Только при Иоанне Павле II были установлены дипломатические отношения между Ватиканом и Израилем. Он пошел и на контакт с мусульманами — в 1985 г., при посещении Марокко, в своем публичном выступлении призвал к преодолению непонимания, к установлению «мира и единства между людьми и народами, составляющими на Земле единое сообщество». Эта открытость контактам с иноверцами позволяет ли говорить о каком-то принципиальном прорыве в стратегии Ватикана и вкладе Иоанна Павла II в развитие экуменизма?

В. В. Можно еще вспомнить Всемирные дни молитв за мир, куда римский папа приглашал представителей самых разных религий. А в книге «Переступить порог надежды», изданной в 1994 г., Иоанн Павел II назвал самой близкой католичеству верой... первобытный культ предков, т.к. именно с его последователями «легче всего находит общий язык

Церковь в своей миссионерской деятельности. Разве этот культ предков не готовится к христианской вере и общению святых, благодаря которому все верующие — живые или мертвые — составляют единую общность, единое тело?»

Дорогу католическому экуменизму открыл Второй Ватиканский собор, принявший декларацию *Nostra aetate* («В наш век»), которая признавала ценность других мировых религий. Существует предположение, что одним из ее авторов был Кароль Войтыла (но это лишь предположение). Что касается покаяния в грехах людей церкви (но не самой церкви, ибо она создана Христом и по определению безгрешна), то оно связано с юбилеем 2000 г. В Библии зафиксирована иудейская традиция очищения от духовной скверны в юбилейные годы (т.е. каждые 50 лет). В католичество эту традицию привнес папа Бонифаций VIII. Иоанн Павел II привык буквально следовать Библии и потому рассудил, что если наступает великий юбилей христианства (2000 г.), то и очищение должно быть капитальным. Отсюда его поразившее мир покаяние в тех проступках, которые допускали слуги Божьи в прошлом.

Откуда взялось у него увлечение экуменизмом? Точного ответа у меня нет. Думаю, источниками такой открытости к иным традициям стали философия, которой всю жизнь занимался Кароль Войтыла, польская литература, а также то окружение, которое было у него в детстве.

В довоенной Польше остро стоял еврейский вопрос. Войтыла всю жизнь дружил со своим еврейским одно-

классником Ежи Ключером и не понаслышке был знаком с жизнью евреев. На него большое впечатление произвело выступление гимназического учителя литературы Яна Гебхарда, который после одного из антисемитских митингов в Вадовицах зачитал ученикам воззвание А. Мицкевича, написанное в 1848 г. В этом воззвании поэт обрисовал, как, по его мнению, должна выглядеть независимая Польша, и в десятом пункте обговорил положение евреев: «Израилю, старшему Брату, — уважение, братство, помощь на пути к его вечному и земному счастью, равные со всеми права». Позднее Войтыла постоянно называл иудаизм старшим братом христианства, хотя при этом считал, что после жертвы Христовой смысла в существовании иудаизма, в общем-то, больше нет. Ислам же привлекал его мистической традицией, близкой опыту его любимого монашеского ордена босых кармелитов.

Неоднозначным было его отношение к протестантизму. Он высоко ставил Мартина Лютера, но при этом категорически отрицал его постулат об оправдании верой, даже посвятил этому вопросу энциклику, ввергнув в недоумение многих богословов, которые не понимали, зачем ворошить дела пятисотлетней давности. Со временем Иоанн Павел II даже отказал всем протестантам в праве называться церквями. С англиканами не было столь глубоких догматических расхождений, но диалог с ними зашел в тупик из-за вопроса о рукоположении женщин. Иоанн Павел II последовательно отказывал женщинам в этом праве, аргументируя это тем, что в Библии нет женщин-священников.

Иоанн Павел II мечтал о воссоединении всех авраамических религий под сенью Святого престола и даже как-то высказывал желание совершить паломничество в Мекку. Вообще Иоанн Павел II считал, что все религии порождены Святым Духом и каждая содержит частичку истины (однако вся полнота истины есть только в католицизме). Здесь также чувствуется влияние польской литературы, а конкретно Ю. Словацкого и его неоконченной поэмы «Король-Дух», в свою очередь вдохновленной гегелевской идеей о мировом духе. Словацкий, кроме того, известен стихотворением о славянском папе, которое оказалось пророческим. Иоанн Павел II верил в знаки судьбы и не мог не воспринимать слова поэта как знамение небесное.

А. С. Уже в 1979 г. Иоанн Павел II первый раз встретился с константинопольским патриархом. Он публично просил у православных прощения за разорение Константинополя крестоносцами в 1204 г., стал первым понтификом, посетившим Грецию после 1054 года, когда произошел раскол христианской церкви на католическую и православную. Иногда ему приписывают высказывание о том, что христианство должно дышать двумя легкими — западным и восточным. Он посещал государства, в которых преобладали православные — Румынию, Украину, Грузию. О многом говорит и его предложение признать покровителями Евросоюза святых Кирилла и Мефодия, высоко чтимых и в православном мире. Почему его установка на диалог с православием зачастую не встречала понимания РПЦ?

В. В. Не только РПЦ, но и православного мира в целом. Позиция Константинопольского патриархата была исключением из этого правила. Паства Константинополя стремительно сокращалась во 2-й половине XX в., и поэтому его предстоятели активно включились в экуменический процесс, инициированный Вторым Ватиканским собором, — увидели в этом шанс поддержать свой авторитет. Главы других православных церквей — будь то Греческой, Грузинской, Румынской или Иерусалимской — избегали близости с римским папой, а если шли на диалог, то под давлением государственных властей (как это произошло с грузинским патриархом Илией II или бухарестским патриархом Феоктистом). Даже Баламандскую встречу 1993 г., которая должна была стать решающим шагом навстречу православию, проигнорировали представители семи православных церквей. Основной причиной этого было покровительство Святого престола униатам (главным образом — греко-католикам). Даже патриарх Константинопольский Варфоломей во время визита в Рим в 1995 г. заявил в интервью итальянскому изданию, что его беспокоит прозелитизм католиков на чужих канонических территориях, а в 1997 г. в лекции для американских студентов сказал, что у православия и католичества «онтологически разный» способ бытия. Что он имел в виду? Не только догматические разногласия (вопрос об исхождении Святого Духа и все прочее), но и подход к папской власти. Православные, как известно, не признают единого главу церкви, в то время как Апостольской столице чуждо понятие канонической территории.

При этом как Иоанн Павел II, так и Павел VI относились к православию с подчеркнутым уважением. Последний однажды даже поцеловал ногу митрополита Мелитона, возглавлявшего делегацию константинопольского патриарха. Кароль Войтыла считал, что лишь православию наряду с католицизмом можно считать церковью, а его слова о «двух легких Европы» позаимствованы из наследия поэта Вячеслава Иванова, с чьим творчеством он познакомился, вероятнее всего, когда писал магистерскую работу о богословии Хуана де ла Круса (Иванов тоже увлекался мистикой босых кармелитов и посвятил ей несколько стихотворений). В студенческие годы Иоанн Павел II учил церковнославянский язык, а позднее читал многих православных философов и богословов. Однако он не считал Кирилла и Мефодия представителями восточной церкви, поскольку в те времена еще не произошел раскол на католичество и православие, а оба брата в ходе своей миссии обращались за поддержкой к римскому папе (Кирилл так и вовсе погребен в Риме). Иоанн Павел II держался традиционного ватиканского взгляда, что именно Святому престолу как основанному апостолом Петром принадлежит право вести за собой все христианство. Поэтому Кирилл и Мефодий были для него не посланцами Константинополя, а апостолами славян, в конечном счете подчинившимися Риму.

А. С. Иоанн Павел II был убежденным антикоммунистом, еще в молодости он записал в своем дневнике, что у поляков и Польши нет ничего общего с коммунистами кроме язы-

ка. Однако он всегда шел на контакт с коммунистами, когда этого требовали интересы католиков. Так, он уже в январе 1979 г. принял в Ватикане А. А. Громыко, а 1 декабря 1989 г., уже совсем в другое время, М. С. Горбачева, за этим последовало установление дипломатических отношений СССР с Ватиканом. Понтифик не только встречался с Ф. Кастро, но и высказывался против экономических санкций в отношении Кубы. Кстати, после его посещения Кубы в 1998 г. отношение там к католикам стало более либеральным. Но он считал необходимым встречаться и с правоавторитарными политиками, например, с А. Пиночетом. Можно ли его считать мастером *realpolitik*? Какое место занимали в этой его деятельности правозащитные цели? И как он смотрел на участие католического клира в светской политике?

В. В. Вопрос прав человека Иоанн Павел II считал одним из важнейших в XX в. (особенно делая упор на свободе вероисповедания). Уже в 1979 г. он провозгласил с трибуны ООН, что политики должны руководствоваться в своей деятельности сначала Декларацией прав человека, принятой в 1948 г., а уже потом интересами своих государств. Посещая страны с диктаторскими режимами, римский папа неизменно поднимал проблему «субъектности общества» (т.е. его самостоятельности от государства) и свободы религии. Нередко в его проповедях также звучала тема защиты обездоленных. Однако Иоанн Павел II оставался противником участия клира в политике, из-за чего и осудил теологию освобождения. Правда, со временем он стал

делать исключение для Африки, где духовные особы нередко занимали политические должности. Понтифик пошел на эту уступку, поскольку считал, что Африка проходит тот этап христианизации, который переживала Европа пятьсот лет назад, когда духовенство сплошь и рядом занимало государственные посты.

Самого Иоанна Павла II вряд ли можно считать политиком в полном смысле слова. Он занимался политикой лишь в той мере, в какой это требовалось для защиты свободы вероисповедания, права наций на самоопределение и борьбы с национализмом. Это, кстати, оказывалось непостижимым для многих наблюдателей по обе стороны «железного занавеса», которые после встреч римского папы с теми или иными деятелями спешили сделать вывод о его политических расчетах. Когда папа Войтыла брал под свое крыло консервативную организацию католиков-мирян «Общество и освобождение» (*Comunione e Liberazione, CL*), тут же начинали говорить, что понтифик возьмет курс на свертывание соборных реформ. Когда же он вдруг оказывал покровительство прогрессистам из общины святого Эгидия, мгновенно рождалось предположение об изменении линии Святого престола. Но Иоанн Павел II на все смотрел через призму евангелизации, его вообще не интересовала политическая позиция той или иной организации, пока она не допускала нечто, противоречившее, на его взгляд, учению церкви.

Он прекрасно понимал, что его визиты используют в своих интересах лидеры с подмоченной репутацией. «Это не исключение, а правило», —

заявил он по пути в Чили, где должен был встретиться с Пиночетом. Любой римский папа является единственным в своем роде государственным лидером, который стоит выше политических конфликтов и обладает неоспоримым моральным авторитетом. Поэтому если глава какой-либо страны попадает в трудную ситуацию и ему надо поднять свой престиж, самое простое средство — пригласить к себе римского первосвященника.

Но надо понимать, что поездки Иоанна Павла II не были политическими вояжами, они были паломничествами. Совершая их, Иоанн Павел II поддерживал ростки христианизации. При этом он различал диктатуры временные и созданные системой. К последним он, судя по всему, относил диктатуры фашистские и коммунистические, а ко временным — все остальные. Иоанн Павел II одинаково охотно посещал страны и с левыми, и с правыми диктатурами, но все же оказывал предпочтение правым (хотя и критиковал их), поскольку те были настроены решительно антикоммунистически.

Что интересно, в 1990-х, на волне критики либерализма, Иоанн Павел II вдруг начал позитивно отзываться о некоторых сторонах марксизма, а его речь 1993 г. в Рижском университете ватиканист Т. Шульц и вовсе окрестил «Посткоммунистическим манифестом».

Встречи с советскими руководителями имели конкретную цель — легализовать униатов и добиться облегчения положения католиков. Это была игра, затеянная еще при

Иоанне XXIII, когда СССР протянул руку Апостольской столице, поскольку та активно выступала против гонки вооружений. Москва пыталась таким образом заключить союз с Ватиканом против США. В свою очередь Святой престол готов был на многое закрыть глаза ради установления дипломатических отношений, но в случае с СССР и Румынией камнем преткновения стала проблема греко-католиков. При Иоанне Павле II к ней добавилась проблема «Солидарности». Последний раз советская верхушка попыталась договориться с Ватиканом в начале 1985 г., после того как Иоанн Павел II провел научную конференцию об использовании космического пространства в военных целях, причем в ней участвовали и ученые из СССР. Конференция оказалась настоящей антирейгановской демонстрацией, хотя у самого римского папы установились весьма близкие отношения с тогдашним главой США. Когда генеральным секретарем ЦК КПСС стал М.С. Горбачев, он выдвинул идею общеевропейского дома, созвучную идее Войтылы о двух легких Европы. Вопрос о «душевном союзе» против Вашингтона был снят с повестки дня, т.к. Горбачев, к радости Иоанна Павла II, взял курс на окончание холодной войны. Оставалось решить проблему униатов, что и было сделано 1 декабря 1989 г., после встречи советского лидера с понтификом. Обе стороны тогда пошли на уступки: Горбачев согласился впредь улаживать вопросы, касающиеся положения католиков, напрямую с Апостольской столицей, без посредничества Московской патриархии (на чем та сильно настаивала), а Иоанн Павел II обещал

не ставить во главе советских униатов эмигрантов.

А.С. Давайте теперь поговорим об Иоанне Павле II как о миротворце. Еще во время Второго Ватиканского собора в 1962 г. польские епископы, включая К. Войтылу, опубликовали открытое письмо к немецким епископам с призывом к национальному примирению, выраженному в словах: «Мы прощаем и просим прощения». Став римским папой, он сыграл реальную роль в прекращении британско-аргентинской войны 1982 г., занимаясь он и ближневосточным урегулированием и к тому же публично выражал негативное отношение Ватикана к американско-британскому вторжению в Ирак. А его визит в Иран помог этой стране выйти из внешнеполитической изоляции. Можно ли его считать крупным миротворцем? Расскажите поподробнее о его усилиях с целью урегулирования межэтнических и межконфессиональных конфликтов на пространстве бывшей Югославии.

В.В. Действительно, обращение польских епископов к немецким в конце 1965 г. сыграло важнейшую роль в преодолении вековой вражды и способствовало позднему выстраиванию единой Европы. Но если говорить о миротворческих усилиях самого Иоанна Павла II, то результаты их крайне скромны. Собственно, вмешательство римского папы предотвратило лишь одну войну — чилийско-аргентинскую. Это произошло в самом конце 1978 г., когда две страны чуть не открыли боевые действия из-за старого спора о принадлежности островов в проли-

ве Бигл. Надо отдать должное Иоанну Павлу II, который, едва взойдя на Святой престол, откликнулся на просьбу Пиночета и отправил своего посланника разурлить конфликт. Если бы Ватикан постигла неудача, это сильно подпортило бы репутацию наместника святого Петра — все-таки обе противоборствующие стороны исповедовали католичество.

В дальнейшем никакие призывы Иоанна Павла II не помогли остановить ни одно вооруженное столкновение. Фолклендская война завершилась победой Великобритании, где как раз в те дни, по совпадению, находился с паломничеством Иоанн Павел II. Его поездка в Аргентину, совершенная сразу после войны, была вынужденным шагом — поначалу в тот год римский папа не собирался лететь в Южную Америку. В Иране Иоанн Павел II не был, в Ирак он не попал из-за санкций, наложенных на страну после оккупации Кувейта. А его тщетные призывы к народам Боснии и Герцеговины прекратить кровопролитие политический консультант Министерства обороны США Эдвард Люттвак назвал в феврале 1994 г. показухой: «Если Ватикан не в силах заставить отказаться от насилия даже католиков, на каком основании он призывает к этому других?»

И уж совсем постыдной оказалась роль католической церкви во время резни в Руанде. Как уже говорилось, в случае с Африкой Иоанн Павел II смотрел сквозь пальцы на политическую деятельность слуг Божьих, но здесь это обернулось против него, т.к. главой правящей партии в стране долгое время был примас

руандийской церкви. Римский папа привык судить о положении дел в том или ином регионе со слов местной церковной иерархии, а та, разумеется, далеко не всегда снабжала его объективной информацией. Это, кстати, сыграло с ним злую шутку в Польше, когда там в 1993 г. победили на парламентских выборах левые, и епископат принялся слать в Ватикан тревожные депеши о том, что к власти вернулись коммунисты, которые наверняка опять развернут репрессии против церкви (чего так и не случилось). С Руандой вышло совсем печально, поскольку тамошние иерархи (все поголовно принадлежавшие к народу хуту) благословили резню представителей народа тутси. Иоанн Павел II далеко не сразу разобрался в происходящем, решив со слов епископов, что в Руанде начались гонения на высшее духовенство (тутси, по очевидным причинам, занимали антиклерикальную позицию). А когда со временем к нему пришло осознание произошедшей трагедии, он ни словом не осудил позицию своих подчиненных — епископов хуту (впрочем, не стал провозглашать их и мучениками, хотя некоторые из них, включая примаса, пали от руки тутси).

Очень громко звучал голос понтифика перед обеими Иракскими войнами. Вообще Иоанн Павел II отвергал войну как средство решения проблем. Со временем он, кажется, эволюционировал в пацифиста, хотя еще в начале восьмидесятых под впечатлением военного положения у себя на родине одобрил размещение американских ракет средней дальности в Европе. Доктрина церкви допускает оборонительную войну,

как, например, и убийство при самозащите, и папа Войтыла никогда не осуждал этого, но на практике мы не увидим ни одного случая, когда он где бы то ни было соглашался с военной операцией. То же и со смертной казнью: понтифик не призывал к ее отмене, лишь говорил, что развитие пенитенциарной системы делает смертную казнь все менее необходимой, и при этом несколько раз обращался к власти имущим с просьбой отменить смертные приговоры в отношении тех или иных преступников.

В рождественском послании «городу и миру» в 1990 г. Иоанн Павел II повторил слова Пия XI из проповеди 1939 г. о том, что война — это «дорога без возврата». Первая Иракская война, правда, оказалась совсем не похожей на ирано-иракскую, как опасался понтифик, но это не помешало ему столь же резко выступить сначала против бомбежек Ирака англо-американской авиацией в 1998 г., а затем и против Второй войны в заливе. Что интересно, римский папа осудил и военную операцию НАТО против Югославии в 1999 г., но не из сочувствия к сербам, а потому, что увидел в этом разрушение системы международных отношений. Иоанн Павел II настаивал, чтобы подобные решения принимались на уровне ООН, а блок НАТО, по его мнению, следовало вообще распустить сразу после распада Организации Варшавского договора. В случае второй войны в Ираке голос Апостольской столицы звучал уже в унисон с многочисленными голосами противников войны по всему миру. По словам «Нью-Йорк таймс», в феврале 2003 г. Ватикан превратился в настоящий «перекресток дипломатии». Важность его как серьезного

фактора в дипломатических маневрах подчеркивалась еще и тем, что министром иностранных дел Ирака в то время был Тарик Азиз, который, как униат, принадлежал к пастве Святого престола. Однако и в этом случае, как и во всех прочих, Апостольская столица не смогла предотвратить войну.

А. С. Давайте поговорим и о об отношении Иоанна Павла II к миру науки и научно-техническому прогрессу. Именно по его настоянию, например, католическая церковь реабилитировала Г. Галилея...

В. В. Вообще говоря, Иоанн Павел II был равнодушен к естественным наукам, но интересовался ими, чтобы получить аргументы в спорах с атеистами. Пример ему подал один из преподавателей в семинарии, К. Клусак, который после войны на страницах лояльной властям католической прессы вел споры с марксистами, опираясь на достижения науки. Войтыла тоже в своих лекциях для студентов, прочитанных в 1949 г., взялся доказывать наличие души не богословскими аргументами, а научными, широко используя данные неврологии и физиологии. Обширные знания по физиологии он применил и в книге 1960 г. «Любовь и ответственность». Став архиепископом, он с помощью своих подопечных из среды ученых наладил контакт со многими краковскими физиками и инженерами и регулярно, четыре-пять раз в году, встречался с ними, как правило, по случаю защиты чьей-нибудь диссертации.

Стремление соотнести богословие и научные данные отнюдь не делало его белой вороной среди людей

церкви (разве что среди земляков из клира). Это вообще была одна из характерных черт «новой теологии», которая сначала осуждалась Святым престолом, а на Втором Ватиканском соборе превратилась в магистральное направление богословской мысли. С некоторыми из ее представителей (И. Конгаром, А. де Любаком) Войтыла свел там близкое знакомство.

Став понтификом, Иоанн Павел II уже 5 ноября 1978 г. собрал кардиналов и поставил перед ними, среди прочего, задачу оживить работу Папской академии наук. А спустя пять дней, 10 ноября, Иоанн Павел II произнес речь в честь столетнего юбилея со дня рождения А. Эйнштейна, заодно предложив пересмотреть дело Г. Галилея. В 1987 г. он созвал в Кастель Гандольфо целую научную конференцию в ознаменование 300-й годовщины публикации Исааком Ньютоном «Математических начал натуральной философии».

В то же время Иоанн Павел II оставался закоренелым консервативом. В энциклике 1998 г. *Fides et ratio* («Вера и разум») он высказался ни много ни мало за то, чтобы опять подчинить науку религии, как это было в Средние века. Понтифик писал, что философия, к сожалению, давно уже переключилась с изучения бытия на изучение процесса мышления, тем самым усомнившись в возможности разума постичь реальность. Это привело к разрыву связей рассудка с религией: многие теперь считают, что вера не нуждается в подпорках науки, а наука (вернее, философия) для свободного развития якобы должна быть избавлена от влияния веры, поскольку

ку вера настаивает на существовании незыблемых истин, философия же таковые отвергает. В результате мы имеем размывание морали и нравственности в обществе, которое не понимает цели своего существования (ибо цель дается верой). Таким образом, человечество, с одной стороны, получает безграмотных фанатиков, не признающих ценности разума, с другой же — циничных интеллектуалов, презирающих общечеловеческую мораль. Это очень опасно, т.к. ведет к распространению всякого рода порочных явлений и угрожает самому существованию цивилизации: безнравственные политики, имея в своих руках ядерное оружие, запросто могут погубить планету. Чтобы этого не случилось, вера и разум должны идти рука об руку.

Другими словами, для папы Войтылы наука была ценна не сама по себе, а как средство доказательства божественных истин. Впрочем, о его гибкости в этом вопросе свидетельствует как раз пересмотр дела Галилея. Для Иоанна Павла II это был прецедент: теология не должна противоречить науке. Если что-то доказанное учеными не вписывается в богословские представления, следует пересмотреть эти представления, а не преследовать ученых.

А.С. Вспомним эпизод начала 1980-х гг., едва не закончившийся для папы трагически — речь идет о покушении на него, совершенном террористом Агджой. Кто стоял за этим? Что говорят новейшие исследования по этой теме?

В.В. К сожалению, расследование покушения быстро утонуло

во взаимной информационной войне и погоне за сенсациями. К тому же Италию на рубеже 1970–1980-х гг. вообще лихорадило, громкие скандалы и загадочные трагедии случались там чуть ли не каждый год. Достаточно вспомнить убийство Альдо Моро, внезапную смерть Иоанна Павла I, взрыв на вокзале в Болонье, дело мажонской ложи «Пропаганда 2», похищение генерала Дозиера, крах банка Амброзиано и исчезновение Эмануэлы Орланди. Все это происходило на фоне «малой гражданской войны» между «Красными бригадами», неонацистами и мафией, сопровождаемой отстрелом известных политиков и журналистов. И нельзя забывать, конечно, о холодной войне, которая пошла на новый виток после ввода советских войск в Афганистан и появления в Польше движения «Солидарность». Папа-поляк оказался в средоточии этой борьбы.

Покушавшийся на Иоанна Павла II турок Мехмет Али Агджа принадлежал к запрещенной у него на родине пантюкистской организации «Серые волки» и находился на нелегальном положении после бегства из тюрьмы, куда он попал за убийство главного редактора леволиберальной турецкой газеты «Миллиет». Что интересно, как раз эта газета в 1979 г. опубликовала обращение Агджи к Иоанну Павлу II, в котором террорист называл римского папу предводителем крестоносцев и грозил ему смертью, если нога понтифика ступит на турецкую землю. Как известно, понтифик не испугался и все-таки посетил тогда Турцию.

Перед тем, как перебраться в Европу, Агджа побывал в Иране и Сирии. За-

тем, после сентябрьского переворота 1980 г. в Турции, Агджа вместе с другими «серыми волками» транзитом через Болгарию (где он провел около месяца) перебрался в Италию, после чего с неизвестной целью посетил Тунис и Мальорку и наконец прибыл в Рим с «Браунингом» и тремя миллионами западногерманских марок в качестве платы за покушение, полученной от одного из боссов турецкой мафии в ФРГ Бакира Челенка.

По своей ли инициативе Челенк «казал» Агдже понтифика или являлся чьим-то посредником, осталось неизвестным — он умер в турецкой тюрьме в октябре 1985 г. Однако на протяжении 1980-х гг. всплывало все больше обстоятельств, показывавших, что Агджа действовал не в одиночку. В мае 1985 г. на пограничной нидерландской станции Фенло был схвачен еще один «серый волк», Самет Арслан, у которого нашли «Браунинг» из той же серии, что и пистолет Агджи. Причем как раз в мае Иоанн Павел II совершал паломничество по странам Бенилюкса, а значит, Арслан оказался там не случайно.

В 1985 г. швейцарское правосудие арестовало соратника Агджи Орала Челика, который вместе с ним находился на площади Святого Петра в день покушения. Однако арестовали его не за это, а за торговлю наркотиками и проживание по поддельным документам (он выдавал себя за курдского беженца). Спустя три года Челик был передан итальянским следователям. В 1988 г. французы экстрадировали в Швейцарию бывшего сотрудника турецких спецслужб Абдулу Чатлы, тоже члена

«Серых волков», некогда организовавшего побег Агджи из турецкой тюрьмы. Чатлы, как и Челик, пользовался паспортом на имя курдского беженца и тоже занимался наркоторговлей, а кроме того, планировал теракты против армянских националистов. В 1990 г. он сбежал из Швейцарии в Турцию, и лишь тогда открылось, что и Челик, и Чатлы — соратники Агджи по организации «Серые волки». Следствие не смогло доказать причастность Челика и Арслана к покушению 1981 г., и оба они были выдворены в Турцию.

У «Серых волков» были налажены связи с сицилийской мафией, которая через них получала героин с Ближнего Востока. Кроме того, их услугами пользовалась болгарская внешнеторговая фирма Кинтекс, работавшая под колпаком своей разведки. Кинтекс нелегально торговала с итальянцами оружием, сигаретами, а также, вполне возможно, и наркотиками. Это объясняет, почему «серые волки» бежали после переворота именно через Болгарию. Но длительное пребывание Агджи в Болгарии запустило версию об участии Софии в покушении на римского папу. В ноябре 1982 г. был арестован сотрудник авиакомпании «Балкан» Сергей Антонов. Суд над ним, длившийся с мая 1985 по март 1986 г., закончился тем, что болгарин был отпущен за отсутствием улик. Все говорит о том, что Антонов случайно попал под подозрение — по своему психологическому складу он никак не походил на разведчика и после возвращения на родину из-за расстроенных нервов сразу ушел на пенсию. Какое-то, неясное пока отношение к «Серым волкам» имели

и французские спецслужбы — именно они снабдили Чатлы и Челика паспортами на другие имена.

В общем, вокруг покушения сплелись интересы самых разных структур. Сам Агджа поначалу называл себя членом палестинского левого подполья, но настаивал, что организовал покушение в одиночку. Затем, в ходе допросов итальянскими следователями и контрразведчиками, «признался», что выполнял поручение болгарской разведки, которая, как тут же предположили следователи и журналисты, действовала не сама по себе, а с подачи КГБ. Тот факт, что Иоанн Павел II служил знаменем движения «Солидарность», очень хорошо укладывался в эту версию. К тому же в Польше почти одновременно с покушением на него скончался от рака кардинал Вышиньский, и такой двойной удар мог действительно на некоторое время ослабить польскую католическую церковь.

Но после допроса болгарскими следователями, прилетевшими в Рим в октябре 1983 г., Агджа дезавуировал свое признание, зато принялся выдавать одну сенсацию за другой, изображая дело так, будто он был замешан чуть ли не во всех политических скандалах в Италии тех лет. Наконец, он провозгласил себя Иисусом Христом, и тут уже стало ясно, что это просто неуравновешенный человек, страдающий комплексом Герострата. В конце декабря 1983 г. его посетил в тюрьме Иоанн Павел II, после чего террорист перестал интересоваться кого-либо, кроме следователей. Отныне имя Агджи появилось в основном в связи с судебными

процессами над его соратниками и над Антоновым.

Есть, однако, версия, что Агджа симулировал сумасшествие, видя в этом последний шанс выйти из тюрьмы. Дело в том, что его показания до лета 1983 г. четко укладывались в схему «болгарского следа», которую ему, не исключено, действительно подкинули итальянские следователи. Но в июне 1983 г. была похищена дочь сотрудника Префектуры Папского дома Эмануэла Орланди, которую неизвестные предложили обменять на Агджу. Вокруг этого дела сейчас тожеросло немало загадок, потому что Эмануэла так и не была найдена. Ее похищение, как и выстрелы Агджи, стало разменной монетой в информационной войне ЦРУ, Штази, итальянских и болгарских спецслужб, с подачи которых тогда возник целый ряд фантомных террористических организаций, наперебой бравших на себя ответственность за похищение девушки. Лишь в 2012 г. появилась зацепка, указывавшая на возможное участие в этом деле римского криминалитета, а конкретно — банды Мальяна, имевшей выходы на высших сановников Ватикана. Если это правда, то можно выдвинуть догадку, что эти лица, действуя по просьбе «Серых волков» (о связях которых с мафией говорилось выше), организовали похищение дочери важного гражданина Ватикана, чтобы выволить Агджу. Когда же обмен не состоялся, Агджа потерял надежду на своих сообщников и решил действовать самостоятельно.

Как известно, он был освобожден в 2000 г. по просьбе понтифика, затем отсидел еще 10 лет в турецкой тюрь-

ме и наконец вышел на волю. Сейчас ему вроде бы уже ничего не мешает рассказать правду. В книге воспоминаний, опубликованной в 2013 г., Агджа сообщил, что проходившие с ним по одному делу болгары и турки не имели отношения к покушению на римского папу. Казалось бы, правда вышла на свет. Однако нет! Там же Агджа приписал организацию покушения аятолле Хомейни, с которым якобы встретился во время пребывания в Тегеране. Излишне говорить, что такой встречи никогда не бывало. Таким образом, эта история еще ждет своего выяснения.

А. С. Насколько внимательно понтифик следил за положением на родине после падения коммунизма, поддерживал ли связи с польской элитой, давал ли советы, следовали ли его советам?

В. В. Иоанн Павел II постоянно держал руку на пульсе событий в Польше. Он совершил целых 8 паломничеств на родину — больше, чем куда бы то ни было еще, кроме Италии. В социалистические времена, разумеется, он не мог напрямую влиять на правящую элиту, но после смены строя власти в Варшаве жили, если можно так выразиться, с оглядкой на Святой престол. Первую международную поездку каждый премьер традиционно совершал в Ватикан. Когда в 1995 г. из Апостольской столицы не пришло поздравление новоизбранному президенту А. Квасьневскому, это было немедленно воспринято как знак. Пресс-секретарь римского папы Х. Наварро-Вальс отделался заявлением, что Святой престол не комментирует выборы в других странах. Однако для всех

было очевидно, что римский папа не одобрил выбор поляков. Левому президенту Квасьневскому стоило больших усилий добиться аудиенции святого отца.

Парадоксально, но отношение поляков к своему понтифику в 90-е гг. ухудшилось, хотя Иоанн Павел II не менял риторику. Просто когда он выступал против коммунистов, все воспринимали это как борьбу за свободу Польши. А когда после завоевания этой свободы понтифик продолжил говорить то же самое, многие люди отказались его понимать.

Но Иоанн Павел II выступал против коммунистов не только потому, что они помогали держать его родину под контролем Москвы, но еще и потому, что отвергали Христовы заповеди. Когда социализм рухнул, пришло время построить, наконец, подлинно католическое государство. Так он считал. Но значительная часть поляков не разделяла такого мнения. Поэтому когда римский папа начал выступать с подобными призывами во время очередного паломничества в 1991 г., прием был холодный, а правительство либерала Белецкого даже обратилось к нему с просьбой отменить отдых в Татрах, чтобы не отягощать бюджет. Досада после той поездки не отпускала понтифика долгие годы.

На это нахлобачился затяжной конфликт из-за легализации абортов. Иоанн Павел II ставил это условием заключения конкордата и в конце концов добился своего (ныне Польша — единственная страна Европы, где аборты почти полностью запрещены). Но этому долгое время про-

тивились левые депутаты Сейма. Вопрос конкордата использовали в политической борьбе. Когда в июле 1993 г. правительство подписало его, телевидение передало сообщение об этом в критичном духе, да еще с рядом неточностей, которые потом долго гуляли по Польше.

Много лет тянулся конфликт и вокруг кармелитского монастыря в Аушвице. Римскому папе пришлось дважды вмешаться в него, пока в 1993 г. вопрос окончательно не был закрыт. Правда, вместо монастыря монахини установили возле концлагеря крест, что вызвало новые длительные препирательства с евреями.

В общем, свободная и независимая Польша, о которой римскому папе грезились при коммунистах, вышла совсем не похожей на ту, что получилась в итоге. Вдобавок в 1993 г. наследники коммунистов победили на парламентских выборах, а в 1995 г. — на президентских. Иоанн Павел II тогда в сердцах бросил, что больше не приедет в Польшу. Он все же заглянул в мае 1995 г. на окраину страны, в Цешинскую Силезию, но обратился с призывом к изумленным соотечественникам встать на защиту свободы религии, якобы находящейся под угрозой (чувствовалось влияние польского епископата).

Когда в 1996 г. «лагерь Солидарности» вновь сплотился, чтобы взять реванш, десять тысяч его сторонников слетелись на День независимости 11 ноября в Рим и под слаженное пение религиозного гимна вступили под своды базилики Святого Петра. В свою очередь левое правительство

организовало, пожалуй, самый лучший из всех предыдущих прием Иоанна Павла II во время его очередного паломничества на родину в 1997 г. То есть противостоящие стороны продолжали искать поддержки святого отца, потому что его голос мог сказаться на итогах выборов.

А два больших юбилея — двадцатилетие понтификата в 1998 г. и двухтысячелетие Благой вести в 2000 г. — превратились в настоящие дни Польши в Риме. Не только масса простых поляков, но и весь политический бомонд страны, вне зависимости от партийной принадлежности, счел своей обязанностью посетить Ватикан и выразить уважение Иоанну Павлу II.

В последний раз использовать влияние римского папы польские власти пытались в 2002 г., когда очередной левый премьер взялся уговаривать понтифика назначить свой приезд в Польшу на дни, предшествующие референдуму о вступлении страны в ЕС. Иоанн Павел II был известен своим евроэнтузиазмом, и правительство хотело использовать это, чтобы убедить земляков проголосовать «правильно». Надежды властей не сбылись: стремительно дряхлевший понтифик поспешил увидеть родину в том же году, потому что боялся просто не дожить до следующего, когда должен был состояться референдум. На итогах голосования, как известно, это не сильно сказалось: жители страны все равно выступили за вхождение в единую Европу.

А. С. Был ли Иоанн Павел II действительно крупным политиком

конца XX в., и в чем его значение как политика? Как память о нем сохраняется сегодня в Польше? Можно ли говорить о том, что он стал для поляков одним из национальных символов?

В. В. Разумеется, в Польше Иоанн Павел II — символ номер один, с которым может соперничать разве что Пилсудский (как по популярности, так и по числу памятников). Но культ римского папы породил в Польше и обратную реакцию: в стране регулярно выходят разоблачительные работы о папе-поляке, есть даже отдельная вики-статья «Критика Иоанна Павла II». Понтифик значительно более популярен среди старшего поколения, чем среди младшего, а его подход к частной жизни и нравственности не разделяют две трети жителей страны. Но при этом мало кто из поляков сомневается, что именно Каролю Войтыле они обязаны освобождением от коммунизма. Даже В. Ярузельский говорил, что без паломничества Иоанна Павла II в 1979 г. не случилось бы «Солидарности».

Был ли Иоанн Павел II крупным политиком? Едва ли уместно так ставить вопрос. Можно ли назвать крупными политиками Елизавету II и Далай-ламу XIV? Все-таки религиозный лидер, как и британский монарх, — это политический деятель особого типа, к которому нельзя подходить с общей меркой. В те периоды, когда какая-либо страна надеется использовать Ватикан в своих интересах, значение Святого престола возрастает. Не случайно же А. А. Громыко регулярно встречался с римскими папами, а после смерти Павла VI Л. И. Брежнев

поставил перед советским МИДом задачу установить дипломатические отношения с Апостольской столицей. Президенты США Д. Картер и Р. Рейган состояли в оживленной переписке с Иоанном Павлом II, делясь с ним самой конфиденциальной информацией. Не случайно также его настойчиво приглашали к себе как лидеры-единоверцы, вроде Пиночета и Маркоса, так и главы не католических государств, например, президенты Грузии и Украины, король Марокко, кубинский вождь (коммунист в католической стране) и правительство Израиля.

Я бы сравнил Ватикан с маленькой гирькой, которая сама по себе, возможно, не очень тяжела, но в придачу к другим факторам способна изменить соотношение сил. Нельзя забывать также, что Ватикан совершенно иначе смотрит на мировую политику. «Мы здесь мыслим в категориях столетий», — заявили однажды в римской курии биографу Иоанна Павла II Д. Вейгелу. Святой престол — это та вода, которая точит камень. Польский писатель Г. Сенкевич закончил роман «Камо грядеши» такими строками: «И вот ушел в прошлое Нерон, как проходят ветер, гроза, пожар, война или мор, а базилика Петра на Ватиканском холме донныне царит над Римом и миром». Режимы и даже государства приходят и уходят, а Святой престол остается, чтобы взять свое в благоприятный момент.

Именно с этой точки зрения и следует оценивать Иоанна Павла II как политика. Когда при нем случился очередной благоприятный момент,

Апостольская столица воспользовалась им сполна: восстановила позиции римско-католической церкви в бывшем советском блоке, возродила Украинскую греко-католическую церковь, способствовала улаживанию чилийско-аргентинского конфликта, признанию Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Восточного Тимора. Наконец, Иоанн Павел II сумел разорвать негласный союз значительной части итальянского духовенства с мафией.

Сам по себе Ватикан мало что может сделать. Когда нужда в нем отпадает, снижается и его влияние. Например, госсекретарь Д. Буша-старшего Д. Бейкер в своих воспоминаниях вообще ни разу не упомянул Иоанна Павла II. Но кто сейчас помнит этого Бейкера? А Святой престол все так же на посту и внимательно наблюдает за происходящим в мире. Придет время, и он вновь окажется в победителях. Например, пробьет китайскую и северокорейскую стены, чего не удалось сделать Иоанну Павлу II. Не приходится сомневаться, что рано или поздно сбудется и еще одна мечта папы-поляка — посетить Россию. Первые шаги к этому уже сделаны — это визит патриарха Кирилла в Польшу в 2012 г. и его встреча с папой Франциском в аэропорту Гаваны в 2016 г. Но когда римский папа ступит на российскую землю, это произойдет не благодаря его политическим талантам, а в силу удачно сложившихся обстоятельств, которыми Святой престол без сомнения воспользуется. Апостольская столица сильна своим бессмертием. Не случайно же она расположена в Вечном городе.

JOHN PAUL II: "COMMUNISM, FASCISM AND LIBERALISM ARE THE THREE FACES OF THE 'CIVILIZATION OF DEATH'". TO THE 100th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THE POPE.

Interview with V. V. Volobuev

Volobuev Vadim V. — candidate of historical sciences, senior researcher of the Institute of Slavic Studies, RAS (Moscow)

Key words: John Paul II, Poland, socialism, catholicism, Vatican.

Abstract. The interview is dedicated to the activities of John Paul II as a philosopher, priest and politician. A number of problems are touched upon both with the personality of the Pope and with the diverse phenomena of public life in Poland and in the world. The spiritual path of the pontiff is shown, the influence of Polish culture on him, his attitude to the realities of the People's Republic of Poland and to the international situation in the second half of the 20th — early 21st centuries.

И. И. Баринов

ПО ТУ СТОРОНУ РУСИФИКАЦИИ: СЕМЕЙСТВО УЛЬРИХ И РУССКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Ключевые слова: Остзейский край, русификация, русская революция, Ульрих.

Аннотация. В статье анализируются особенности взаимоотношений и взаимного восприятия балтийских немцев и центрального правительства в общем контексте политики русификации поздней Российской империи. Хотя балтийские немцы были подданными русского царя, они традиционно стремились сохранить свою внутреннюю корпоративную организацию и автономию. Многолетние попытки русифицировать Балтику силами правительственных агентов были обречены на провал из-за непонимания ими местных условий и пассивного сопротивления немцев. Когда нерелевантность этих мер стала очевидной, правительство было вынуждено имплементировать более формальный, «инструментальный» путь русификации для общей классификации лояльности/нелояльности каждого человека в регионе на основе формальных критериев, включая язык, образование и вероисповедание. В рамках этой идеологии местные маргиналы, православные русскоязычные немцы, по идее находились в привилегированном положении по отношению к другим. Имперские власти предполагали, что такая «инструментальная русификация» в конечном итоге превратит традиционно лояльных прибалтийских немцев в «идеальных подданных царя». Очевидно, они не ожидали, что революционные идеи дойдут до Прибалтики вместе с русской культурой, и местные немцы, по какой-то причине отринутые местным сообществом, воспримут их, прикрываясь «инструментальной» русификацией. Типичным примером такого процесса является случай семьи Ульрих и одного из ее членов, будущего сталинского генерала Василия Ульриха.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-59-75

В наши дни значительный интерес исследователей вызывает изучение Российской империи в период «национализирующегося государства» (*nationalizing state*), который охватывает примерно последние полвека ее существования. Ключевой для понимания взаимоотношений «центр — регион» здесь становится совокупность мероприятий, получивших в научной литературе рамочное обозначение «русификация». Долгое время понимание этого феномена сводилось к нескольким основным параметрам, таким как распространение влияния русского языка и православия. Тем не менее, как отмечал еще более десяти лет назад Алексей Миллер, суть этого явления в реальности намного глубже и многообразнее и подразумевает множество оговорок. Обобщая работы своих предшественников (Эдварда Тадена, Роберта Джераси, Андреаса Капеллера), посвященные проектам формирования русской нации до революции, Миллер подчеркивает роль региональных особенностей в каждом конкретном случае и вопрос применимости тех или иных практик. Не менее важным оказывается конечная авторизация (отторжение либо принятие в состав «большой русской нации») ассимилированных подданных изначально нерусского происхождения со стороны как власти, так и общества (Миллер 2006: 55–74).

Как представляется, при исследовании упомянутых сюжетов оказывается в тени их важная составляющая, а именно соотношение «русификации сверху» и ответа на нее «снизу». Действительно, Миллер использует концепт «инструментальная руси-

фикация» для объяснения модернизационных стратегий локальных сообществ. В этом контексте он в том числе критикует представления об активном или пассивном отторжении ими русификаторских устремлений власти (Там же: 62–63). Вместе с тем здесь из поля зрения выпадают как минимум два важных момента. В первую очередь следует выделить значение временного промежутка, в ходе которого происходил контакт центра и региона. Как показывали события, восприятие империей одной и той же группы подданных в разное время могло заметно колебаться в зависимости от текущей конъюнктуры. При этом традиционное самопозиционирование локального сообщества могло не всегда совпадать с его актуальным статусом в представлении центральных властей. С другой стороны, русская культура, которую империя стремилась укоренить разными методами среди нерусских подданных, не ограничивалась официозом и несла в себе весь комплекс идей и мнений, циркулировавших на тот момент в обществе. Таким образом туда проникали и те тенденции, которые могли противоречить самим принципам существования российской монархии.

Кроме того, стремясь выработать универсальные принципы лояльности, империя все больше начала склоняться к функциональному подходу. Он подразумевал, прежде всего, разграничение на «хороших» и «плохих» подданных по сочетанию формальных признаков. В свою очередь, эти признаки позволяли бы включить или исключить то или иное сообщество, когда речь заходила о русской нации, а с другой сторо-

ны, заново выстроить неформальную этническую иерархию. Именно эта стратегия легла в основу «национализирующегося государства» в поздний период существования империи. Сперва относительно гибкая в мирное время, она постепенно ужесточалась и достигла своего пика в годы Первой мировой войны.

Описанные практики в полной мере применимы к балтийским провинциям. Стоит отметить, что целенаправленных планов по ассимиляции местного немецкого населения, вопреки расхожим представлениям, не существовало. Речь шла скорее о неосознанном желании властей создать своего рода «идеальных подданных», которые могли бы совместить свою традиционную преданность династии с главенствующей православной культурой и государственным языком. Для такого подданного в принципе не существовало бы препятствий для социальной мобильности. Живым примером здесь мог бы служить Сергей Витте, православный русскоязычный выходец из балтийских немцев, ставший премьер-министром.

Пытаясь реализовать эти намерения, империя столкнулась с рядом серьезных проблем. Если до этого объектом русификации становились более низкие культуры, то теперь происходило прямое столкновение с одной из локальных элит. В ответ на попытки центра установить критерии «русскости» балтийские немцы выработали собственные критерии «немецкости», включавшие, прежде всего, верность немецкому языку, культуре и лютеранскому исповеданию. Как показал опыт, подданный, ана-

логичный Витте, мог в полной мере проявить себя только *за пределами* Балтики. Напротив, у себя на родине православный немец с русским языком повседневного общения становился маргиналом и фактически отторгался местным сообществом. Это же касалось и потомства от смешанных браков, где дети воспитывались в православии. Напротив, в точности по логике империи, этнический русский — лютеранин с немецким языком — мог рассчитывать на быструю аккультурацию среди немцев. Так было, например, с лифляндским историком Леонидом Арбузовым (1848–1912).

Опасаясь сразу ломать существовавшую систему отношений в крае, правительство тем не менее раз за разом редуцировало свое благожелательное отношение к прежнему положению. При этом, подавляя в балтийских губерниях старые, корпоративно-династические принципы организации, власти, очевидно, не отдавали себе отчет в том, что теперь вопросы лояльности и самоидентификации сместились в сферу приватного. Помимо прочего, это означало, что «плохой» (по формальной совокупности характеристик) подданный, при всем неприятии правительственной политики, оказывался вполне законопослушным. Напротив, его «хороший» антипод мог пользоваться своим соответствием установленным формальным критериям.

Ярким примером в данной связи может стать история рижского семейства Ульрих, через призму которой будут рассмотрены описанные сюжеты. Эти православные балтийские немцы, призванные по идее стать

опорой самодержавия на Балтике, в роли профессиональных революционеров внесли немалый вклад в его падение. Несмотря на их деятельность, власти до самого конца отказывались признавать их неояльность, хотя опыт и говорил об обратном. Именно из этой семьи происходит Василий Васильевич Ульрих, впоследствии ставший живым символом сталинской юстиции. Настоящая статья призвана, помимо прочего, пролить свет на малоизвестные обстоятельства формирования его личности.

РУСИФИКАЦИЯ НА БАЛТИКЕ: ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ

Попытки вовлечения различных нерусских регионов страны в общеимперское пространство с самого начала были тесно связаны с вопросами религиозной принадлежности. Нормативы, регламентирующие отношения государства с неправославными конфессиями, начали разрабатываться еще в конце 1820-х гг. События Польского восстания 1830–1831 гг. только подтолкнули централизацию церковного управления, которое коснулось вообще всех «нерусских» церквей, включая православные (*Kroeger* 1956: 180). В данном случае имперский конфессионализм определялся «снисходительным отношением властей при условии открытости прямому административному контролю и выполнении духовными лицами ряда функций» (*Долбилов* 2010: 43). В частности, пасторы должны были внушать своим прихожанам чувство имперского верноподданства. Поскольку германо-балтийское сообщество считало себя связанным лич-

ной унией с российской монархией, поначалу подобный подход не породил противоречий, тем более что реальное положение дел в приходах все равно определялось местным законодательством и сложившимися традициями. Они же были основой для важного паритета «государь — элиты», который лежал в основе общественного порядка на местах. Неудивительно, что славянофильский порыв Юрия Самарина, резко критиковавшего остзейские порядки, не был оценен императором Николаем Павловичем.

Вместе с тем именно в николаевскую эпоху произошел первый серьезный конфликт империи и ее «наиболее лояльных подданных», связанный с массовым переходом ливонских крестьян из лютеранства в православие в 1840-е гг. В позднеимперской литературе славянофильской направленности подчеркивалось, что православие появилось на Балтике «по зову угнетенных немечеством латышей и эстов» и понималось ими «как вера “царя и старших русских братьев”» (*Православие и лютеранство... 1911: 21*). В реальности это движение деревенских низов, носившее выраженные черты социального протеста, быстро пошло на спад из-за экономической и общественной дискриминации «новых» православных со стороны как немецких землевладельцев, так и своих же земляков (*Kroeger* 1956: 188–192). Тем не менее само по себе оно уже в ту пору посеяло зерна раздора между центральными властями и балтийскими элитами.

Нет сомнений, что балтийцы воспринимали правительственную политику однозначно и прямолинейно, в то

время как она была далеко не такой однородной. Действительно, в условиях, когда бюрократические попытки введения русского как языка обучения и делопроизводства в балтийских губерниях к середине XIX в. потерпели решительное фиаско, власти решили опробовать новый способ, подразумевавший распространение православной религии как поддерживающего фактора культурной и языковой политики. Эта политика столкнулась на местах с низовой инициативой, когда восприятие русского языка или элементов русского культурного кода использовалось местным населением в качестве доступа к социальным лифтам (Миллер 2006: 62–64). В данном случае речь идет о частичной, так называемой «инструментальной» русификации, которая совершенно необязательно сопрягалась с переходом в православие.

Здесь, однако, возникает вопрос, насколько имперские власти реально рефлексировали этот момент. Дело в том, что по отношению к ненемецкому населению балтийских провинций в центре существовало расхожее представление о том, что протестантизм, базовый элемент идентичности местных немцев, чужд эстонцам и латышам «по природе» и в свое время был им навязан (Православие и лютеранство... 1911: 64–65). В этом смысле «легкость» их перехода в православие рассматривалась как нечто естественное (Кулетский 1885: 1, 4–7).

Учитывая подобный взгляд на «предрасположенность» эстонского и латышского населения к русификации, можно говорить о том, что реальная

политика была нацелена как раз на немцев, с учетом наличия у них альтернативного культурного проекта. Это получило любопытное отражение в символической и исторической политике. Так, в честь Петра Великого, который, в представлении балтийских элит, даровал им текущие привилегии, были названы основанные в Риге (1877) и Ревеле (1881) реальные училища, которые рассматривались властями как центры русскоязычного среднего образования. Они дополнили уже существовавший ансамбль гуманитарных Александровских гимназий (открыты в Риге и Ревеле соответственно в 1868 и 1872 гг.). Наряду с этим, в обоих городах были установлены монументальные памятники Петру, призванные символизировать, что именно с присоединения балтийских провинций началась Российская империя, ставшая, помимо прочего, оплотом мирового православия.

Говоря о русификации Остзейского края, чаще всего вспоминают консервативное правление Александра III и его силовые методы по внедрению русских порядков на Балтике. В реальности же пропасть между империей и балтийскими немцами начала разрастаться как раз в период либеральных реформ его отца, Александра II. Попытка решить сложную задачу модернизации сословных и экономических отношений, не ущемляя интересов традиционно лояльной немецкой элиты, на практике вылилась в глубокое изменение социальной структуры балтийского общества (Weiss 1951: 326–327). Несмотря на то, что старая система взаимоотношений уже не работала, немецкие элиты видели (или хотели видеть)

в различных правительственных мероприятиях целенаправленную программу по разрушению сложившейся административно-культурной особенности края (*Pistohlkors* 1995: 55–68).

Именно в этих условиях политика русификации столкнулась с рядом серьезных вызовов. Вероятно, не совсем очевидным, но от этого не менее болезненным стал вопрос о рекордном количестве внебрачных детей, рождавшихся в пореформенный период в балтийских провинциях, причем как у православных, так и у протестантов. Сложившееся положение было обусловлено сразу несколькими причинами. Во-первых, важную роль здесь играла резко возросшая социальная мобильность на Балтике. Этот процесс, в свою очередь, усиливал нагрузку на города, одновременно определяя скученность населения и его постоянное движение. Учитывая то, что большинство крупных балтийских городов имели портовый характер, и в том, и в другом случае население формировали пришлые люди, которые стремились ко временным связям. Именно эти факторы увеличивали количество внебрачных детей.

Стоит отметить, что в случае балтийских провинций этот феномен дополнялся некоторыми дополнительными моментами. Несмотря на интенсивное межкультурное взаимодействие, заключение брака в лютеранском приходе между людьми протестантского и православного исповедания было сопряжено со значительными трудностями. Переход лютеранина в православие и обратно всякий раз ставил перед пастором

вопрос, действительно ли речь шла о раскаянии или его прихожанин руководствовался чисто мирскими причинами. Не принять человека фактически означало противопоставить себя местному сообществу, тогда как для самого прихожанина своевольное отпадение от православия грозило суровым наказанием. Кроме того, указ от 12 июля 1863 г., по которому внебрачный ребенок принимал конфессию матери или приемного отца, был воспринят пасторами как «благословение на внебрачные связи» и способствовал их отчуждению от православной религии (*Kroeger* 1956: 191–194).

Напротив, для православия данная ситуация имела свои преимущества. В пореформенный период в борьбе за души людей на западной окраине власти обращали внимание не на формальные признаки вроде посещения служб и регулярность исповедей, а на «искренность» и прочность в вере (*Долбилов* 2010: 368). В результате наполнение приходов людьми, так или иначе отпавшими от других конфессий или исповеданий, стало логичным следствием подобного подхода. Как следует из метрических книг православных приходов Балтики, там охотно крестили эстонских и латышских «туземцев», а также их незаконнорожденных детей (LVVA 1: L. 2v, 5v; LVVA 3: L. 4v, 8v, 11v).

Как и следовало ожидать, правительственная политика дала весьма противоречивые результаты. С одной стороны, когда «русификация сверху» ощущала встречное движение «снизу», это могло привести к вполне положительным результатам. Очевидно, локальным триумфом

имперских властей стало назначение бургомистром Ревеля в 1913 г. Яана Поски, православного русскоязычного эстонца. Что касается балтийских немцев, то они, не отрицая инструментальной русификации, тем не менее отвергали «обрусение», т. е. отказ от лютеранства и немецкого языка. В их представлении империя при помощи православия стремилась интегрировать местных отщепенцев, чтобы использовать их как антинемецкий таран. Кроме того, немцы, осознавая, что русификация в конечном итоге нацелена на них самих, фактически исключали из своего сообщества тех, кто стал православным, рассматривая их как своеобразных ренегатов. Таким образом, православные балтийцы, которых имперская власть воображала «идеальными подданными», изначально были незащищенной группой, поскольку они, еще не став русскими, уже перестали быть немцами. Более того, включение в русское культурное пространство быстро стало ассоциироваться с охранительными тенденциями, проявившимися во внутренней политике уже в последние годы правления Александра II.

ПРАВОСЛАВНЫЕ НЕМЦЫ: ИДЕАЛЬНЫЕ ПОДДАННЫЕ ИЛИ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОШИБКА?

В четверг 25 марта 1858 г. священник рижской Покровской церкви Яков Михайлов окрестил двух мальчиков. Один из них, Алексей, только что родился у дьякона той же церкви, Петра Пятницкого. Другой, трехмесячный Василий, был «незаконно прижитым до вступления в брак» девицей Анной, дочерью капитана рижского

внутреннего гарнизонного батальона Николая Гаврилова, который и выступил восприемником внука. Лишь позднее в метрическую книгу был вписан отец ребенка — «состоящий на службе в рижской таможне коллежский секретарь Готфрид Мартынович Ульрих, лютеранского исповедания» (LVVA 1: L. 5v–6).

Сегодня, спустя столько лет, мы можем только гадать, при каких обстоятельствах произошла встреча 43-летнего чиновника, местного уроженца, выходца из бюргерской семьи, и 16-летней дочки русского офицера. Нет сомнений, что юная Анна тяготилась своим положением и хотела по возможности скрыть его: чем-то другим сложно объяснить, что крестить ребенка она понесла в кладбищенскую церковь на глухой окраине Риги. Формальный брак между родителями Василия по каким-то причинам тоже был заключен лишь спустя четыре года после его появления на свет (LVVA 2: L. 396v–397; LVVA 4: L. 165v–166).

В настоящем контексте, однако, для нас представляется более важным тот общественный фон, который окружал эту внебрачную связь. Обращение к семейной истории Ульрихов выявляет тот факт, что Готфрид Даниэль, сын городского весовщика, также был незаконнорожденным (LVVA 5: L. 450). Подобное положение вещей, когда супруги лютеранского исповедания жили без официальной регистрации брака, действительно имело место. При этом чаще всего речь шла о крупных городах вроде Риги или Либавы, что как раз укладывалось в общую логику, описанную выше. С другой стороны,

в условиях популярности на Балтике иных протестантских движений и деноминаций (прежде всего, гернгутеров), пасторы, очевидно, смотрели на ситуацию сквозь пальцы, тем более если она не выходила за рамки прихода.

Как уже говорилось, элемент религии здесь выступал не сам по себе, а как часть более широкой культурной парадигмы и, соответственно, трактовался значительно шире. Сама идентичность балтийского немца означала отнесение себя к культуре, в основе которой лежало лютеранство. Незаконнорожденность создала бы для него определенные трудности с точки зрения писаного закона, но для своего сообщества он все равно оставался бы «своим». Напротив, если человек связывал свою жизнь с православным супругом, то с этого момента принадлежность к лютеранской конфессии становилась делом его личной веры и духовности. Разумеется, никто не отказывал такому прихожанину в соблюдении всех формальных атрибутов: к примеру, его брак с представителем другой конфессии официально регистрировался (вернее сказать, дублировался) и в лютеранских метрических книгах. Жесткий подход к религиозной составляющей культуры был скорее способом поддержания внутреннего единства. В этом отношении проблемой для Готфрида Ульриха стал как раз не факт его незаконного рождения, а то, что он, несмотря на свой выбор, остался на Балтике. Отягощающим моментом здесь стал не только и не столько скандальный характер его связи с православной, но и то, что его избранница была дочерью офицера внутренних войск —

представителя власти и носителя экзистенциально чуждой культуры. Очевидно, это окончательно дискредитировало Ульриха-отца.

Весь этот комплекс факторов с самого начала обусловил неминуемое присоединение Василия Ульриха, сына и внука немецких бюргеров, к русской среде. Образование он закономерным образом получил в рижской Александровской гимназии, окончив ее в 1877 г. (Милевский 1893: 155), и сразу же уехал в Петербург, где поступил в Медико-хирургическую академию. Отторжению со стороны балтийцев Ульрих отвечал взаимностью. Так, в Петербурге он стал окончательно пользоваться формой имени «Василий Данилович», хотя до этого встречался вариант «Василий Готфридович» (ЦГИА СПб 1: Л. 2). Кроме того, говоря о своем происхождении, Ульрих указывал, что он из «ober-офицерских детей», несомненно, имея в виду свою мать, хотя подобная бюрократическая формулировка применялась только к отцу (ГАРФ 1: Л. 91).

Еще в пору взросления Василия в Риге выявилось сразу несколько тенденций, которые оказали прямое влияние на складывание его личности. Рубеж 1860–1870-х гг. стал временем резкого нарастания конфликта между центральной властью и немецкими элитами на Балтике. Попытки правительства, вначале осторожные, а затем все более решительные, установить в балтийских губерниях общеимперские порядки вызвали отторжение большей части немецкой элиты. Подобные настроения повлияли на то, что ненависть к русификации стала переносить-

ся на русских, о которых балтийцы в реальности имели весьма смутное представление (*Vorst* 1919: 25).

Здесь мы можем проследить своеобразную логику империи. С одной стороны, в условиях модернизации не считаться с мнением коренного населения уже было невозможно, и власти вынуждены были искать с ним точки соприкосновения напрямую, минуя немецких посредников. Развитие местных национализмов несколько не смущало правительство, скорее наоборот: даже инструментальное по своей сути усвоение русского языка было «стремлением аборигенов к национальной самостоятельности в соединении и союзе с Россией» (*Куплетский* 1885: 7). В этой связи национализирующаяся империя могла формировать коалицию с национализирующимся локальным сообществом — латышами или эстонцами.

Вместе с тем, как представляется, задачей максимум было создание новой, русско-имперской идентичности балтийских немцев, которые, имея за плечами большой исторический опыт, затем гарантированно распространили бы ее на окружающие народы. Важным моментом здесь становилась опора на традиционную преданность немецких элит. Очевидно, она воспринималась центром как некая априорная характеристика, которую оставалось только развить в нужном направлении. В этой связи переход немца в православие был, видимо, призван облегчить его работу по реализации правительственной политики, а также лишний раз подтвердить его лояльность, тогда как для априори нелояльных поляков

даже переход в православие в глазах властей мог фактически ничего не значить. Именно традиционная немецкая верность династии сыграла свою роль в том, что эстонцам и латышам, долгое время находившимся под «благотворным» влиянием немцев, было фактически позволено реализовывать собственную национальную программу наряду с русификацией. Напротив, их соседи по региону, литовцы, долгое время были лишены такой возможности как «испорченные» поляками.

Стоит ли говорить, что все пошло не так с самого начала. Заигрывание центра с эстонским и латышским национализмом фактически раскололо германо-балтийское сообщество. Внутри него началась борьба консервативной и либеральной партий, где первая выступала за сохранение этносословного принципа организации, а вторая допускала дальнейшее развитие по аналогичному национальному пути (*Wittram* 1934: 108–118). Оба сценария опять же не предусматривали той русификации, на которую рассчитывали власти. Если либералы, подобно своим латышским и эстонским соседям, при необходимости воспринимали язык и какие-то элементы обиходной культуры, то консерваторы и вовсе дистанцировались от государства, вплоть до эмиграции из России.

С другой стороны, проводя русификаторскую политику в балтийских губерниях, власти, вероятно, даже не осознавали, что вместе с царскими манифестами туда попадали и революционные идеи. Как это часто бывало на западных окраинах, стремление к национальному возрождению шло

наравне с требованиями социального характера. В тех условиях подобные идеи как раз падали на благодатную почву и получали широкое распространение. Для традиционной балтийской элиты это побочное явление правительственной политики как раз было очевидно, а революционизация «туземцев» рассматривалась как один из актов по уничтожению немецкого характера края. Кроме того, вопреки представлению властей, реальное вхождение немцев в большую русскую среду (почти всегда — через браки с православными и последующую культурно-языковую ассимиляцию) способствовало размыванию прежней идентичности уже в следующем поколении. Пресловутая немецкая лояльность уже не обеспечивалась корпоративной этикой и становилась личным делом каждого, причем сословие здесь не играло роли. В качестве примеров здесь можно назвать Веру Фигнер (дочь офицера из балтийских немцев), Льва Буха (отец — крупный чиновник) и братьев Кранихфельдов, происходивших из петербургской интеллигенции.

Нечто похожее произошло и с Василием Ульрихом. По определению исключенный из немецкого сообщества, все еще сохранявшего сильные позиции на Балтике, он предпочел уехать в Петербург, чтобы продолжить образование. По совпадению он оказался в столице как в раз в те годы, когда там шло возрождение народнических организаций. Выросший в Лифляндии и не понаслышке знавший о местных противоречиях, Ульрих быстро проникся идеями народников. Как можно полагать, не последнюю роль в этом сыграла та русская среда, в которой он рос дома

и которая сделала его более уязвимым для побочных явлений русификации, чем его немецких земляков.

СЕМЕЙСТВО УЛЬРИХ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В поле зрения полиции Василий Ульрих впервые попал летом 1880 г. К тому времени он, очевидно, был отчислен из академии и после неудачной попытки поступить на юридический факультет Петербургского университета (ЦГИА СПб 1: Л. 1) около года проживал в столице по подложному виду на жительство. Как объяснил сам Ульрих, он скрывался из-за того, что его разыскивали по делу о государственном преступлении. Сперва этот факт не был подтвержден следствием, и в феврале 1881 г. «государь император по докладу министра юстиции Набокова соизволил разрешить дело административным порядком, вменив Ульриху в наказание за проживание по подложному паспорту его предварительное заключение» (ГАРФ 5: Л. 1 — 6 об.). Однако уже в декабре того же года бывший студент был выслан в Ялуторовск, где находился до конца 1886 г. (ГАРФ 3: Л. 34 об. — 35).

Оказавшись на свободе, Ульрих вернулся в Ригу, где стал свидетелем больших перемен. Вступление на престол Александра III и начало периода консервативных «контрреформ» ознаменовались заметным усилением имперского проникновения на Балтику. В частности, в большинстве учебных заведений вводился русский язык преподавания, а немецких служащих заменяли присланные из центра русские чиновни-

ки. В новых условиях балтийцы, несмотря на внутренние противоречия, перешли к тактике пассивного сопротивления. Так, в сфере гуманитарного образования они предпочитали свои гимназии (хотя те и работали полулегально), а в русифицированном Дерптском (Юрьевском) университете держались собственных студенческих корпораций. В повседневной жизни образ корыстолюбивого и некомпетентного чиновника, «порождения петербургской системы», переносился на любого, даже самого мелкого правительственного агента (*Stackelberg-Sultem* 1927: 30).

Неудивительно, что в представлении балтийцев отнесение себя к русской культуре практически всегда означало декларацию лояльности государству и противопоставление себя местным обычаям. В этом смысле в том, что Василий Ульрих стал профессиональным революционером, свою роль сыграли не только его политические убеждения, но и общая ситуация, сложившаяся на Балтике. Отвергая охранительную «русскость» с ее «иллюзией самобытных путей» (*Шунпель* 1906: 3), он одновременно избрал объектом своей деятельности Рижский политехникум, в то время еще частную немецкую школу. Помогала Ульриху в этом его жена, Софья Федоровна Рейнбот, дочь балтийского аристократа Фридриха фон Рейнбота.

Разрабатывая супружескую чету революционеров, следствие, вероятно, испытывало странные чувства. Их действия очевидным образом не укладывались в логику противостояния империи и провинции, каждый раз двигаясь по третьему пути.

С одной стороны, Ульрихи фактически содействовали правительству, расшатывая ту систему, которую оно же стремилось побороть. Тем не менее в глазах властей их деятельность, вовлекавшая в революционное движение как немцев, так и русских (в группу Ульрихов входил будущий известный писатель Михаил Пришвин), носила явно антиправительственный характер (ГАРФ 1: Л. 4–5). Знание немецкого языка, который становился в балтийских губерниях символом фронды, эти потомки балтийцев использовали для перевода на русский «преступных изданий». При этом внешне супруги вели вполне обычную жизнь и, несмотря на предъявленные обвинения, отрицали свою принадлежность к революционерам (ГАРФ 1: Л. 13, 21 об., 91).

Очевидно, полиция так и не смогла предъявить Ульрихам серьезные обвинения. Василий Данилович в марте 1899 г. был на четыре года выслан в Илимск, при этом режим ссылки позволял ему работать врачом и печататься. Как следует из его официальной биографии, после возвращения в Ригу он вошел в местный комитет партии большевиков, был активным участником революции 1905–1907 гг. и осуществил множество переводов Маркса. Тем не менее нам больше ничего не известно о его преследовании по политическим мотивам (*Володин* 1961: 4). Это плохо вяжется с характеристикой «главнейший представитель социал-демократического направления в Риге», которую Ульриху дали в ходе следствия (ГАРФ 1: Л. 4). Его жена Софья была отпущена на свободу под надзор полиции, хотя затем изъ-

явила желание отправиться в ссылку вместе с мужем (ГАРФ 2: Л. 3–5). В дальнейшем ее имя так же исчезает из полицейских документов.

Трудно поверить, что профессиональные революционеры после долгих лет активности в одночасье стали законопослушными обывателями. Безразличие к ним властей тоже представляется весьма странным. Очевидно, ответ на этот вопрос следует опять же искать в специфике балтийского региона. Усиление имперского присутствия в крае и его символическая кульминация в ходе торжеств в честь 200-летия присоединения Лифляндии летом 1910 г. на время смягчили неформальные требования к проявлению лояльности. С другой стороны, тлеющий конфликт центра с балтийскими немцами продолжался, то затухая, то разгораясь. В сложившихся условиях правительство стремилось если не мобилизовать своих приверженцев (это произошло позже), то хотя бы создать нейтральную среду на местах.

Чета Ульрихов извлекла из этого своеобразного паритета свои преимущества. Опытные конспираторы, они могли действительно начать избирать «идеальных подданных», какими власти изначально рисовали православных немцев. При этом, по воспоминаниям очевидцев, отец семейства не прекращал своей деятельности даже в годы войны. После эвакуации из Риги в Москву в мае 1919 г. Василий Ульрих сразу занял ответственный пост в Наркомате внутренних дел (ГАРФ 4: Л. 17), что вряд ли бы доверили тому, кто давно потерял связь с партией. Таким образом, в упомянутый десятилетний

период Ульрихи, пользуясь противоречиями между центральным правительством и местным немецким сообществом, вели полноценную двойную жизнь. В полном мере это воплотилось и в их сыне — Василии Васильевиче Ульрихе.

При внешнем рассмотрении биографии Ульриха-младшего она кажется идеальной с точки зрения тогдашнего официоза. Он появился на свет в Риге 1 (13) июля 1889 г. и был крещен в православной церкви, восприемницей новорожденного выступила его бабушка Анна Николаевна (ЦГИА СПб 2: 23). В 1909 г. Василий окончил «правильную» школу — Рижское реальное училище императора Петра I, а в 1914 г. получил степень кандидата коммерции 1-го разряда в русифицированном Рижском политехническом институте (LVVA 6: L. 132). Все время учебы Ульрих работал в службе сборов Риго-Орловской железной дороги, где, согласно характеристике, исполнял свои обязанности «всегда исправно, был трудолюбив, тихого спокойного нрава» и «ни в чем предосудительным замечен не был» (ЦГИА СПб 2: Л. 6). На эту стратегическую линию Ульрих попал, скорее всего, не без протекции отца своих одноклассников Алексея и Константина Грамматчиковых, главного контролера дороги, сумев произвести на крупного чиновника хорошее впечатление. По зловещему совпадению, в 1941 г. Ульрих зачитает смертный приговор по обвинению в шпионаже старшему сыну из этой семьи, инженеру Александру Грамматчикову.

С началом Первой мировой войны балтийские немцы оказалась перед лицом серьезных испытаний. Нацио-

нализация имперских сообществ как ответ на вызовы военного времени стала испытанием как для них самих, так и для властей. В условиях традиционной категоризации подданных по сословно-религиозному признаку необходимо было срочно избрести новые критерии лояльности. Тем не менее до самого конца войны так и не было выработано универсальной процедуры, следуя которой офицеры-немцы могли бы доказать и закрепить свою благонадежность. В условиях антинемецкой истерии в российском обществе они проходили все круги бюрократического ада, доказывая свою преданность (РГВИА 1: Л. 2–8). Однако всякий раз «балтийская национальность» могла иметь для человека неожиданные и неприятные последствия.

В этих условиях происхождение стало для Ульриха настоящей индульгенцией. В феврале 1915 г. он без труда получает из канцелярии ливляндского губернатора справку о том, что за время проживания в Риге начиная с сентября 1904 г. не был замечен ни в чем предосудительном «в политическом и нравственном отношении» (ЦГИА СПб 2: Л. 13 — 13 об.). В начале сентября того же года Ульрих подает прошение «Всепресветлейшему державнейшему великому государю императору» с просьбой определить его на службу по ведомству государственного контроля и уже через три недели зачисляется помощником контролера на стратегическую Николаевскую железную дорогу. Дополнительным преимуществом кандидата, вероятно, стало то, что он был женат на православной рижанке Анне Ивановне Хейн (ЦГИА СПб 2: Л. 22).

Подобное отношение сопровождало Ульриха не только на гражданской, но и на военной службе. Призванный в армию в ноябре 1915 г., он направляется в запасной батальон гвардейского Измайловского полка. Уже через три месяца, в феврале 1916 г., Ульрих попадает в первый набор Усть-Ижорской школы подготовки прапорщиков инженерных войск. При зачислении, в отличие от своих немецких земляков, он должен был предоставить лишь формальное свидетельство о благонадежности (РГВИА 2: Л. 74 об.). После прохождения ускоренного курса обучения Ульрих был назначен помощником производителя работ в инженерном управлении 12-й армии Рижского фронта, где провел полтора года и был произведен в подпоручики (ГАРФ 4: Л. 3, 9). Парадоксальным образом сын политически неблагонадежных родителей, однако православный балтиец по происхождению, Ульрих мог без труда продвигаться по службе со своей фамилией, в то время как заслуженные генералы из немецких лютеранских семей считали за благо сменить родовую фамилию на русскую.

Двадцать лет спустя, после избрания в 1937 г. депутатом Верховного совета СССР, Ульрих дал альтернативную версию своей жизни. Из нее следовало, что он принимал участие в деятельности рижской социал-демократической организации чуть ли не со школьной скамьи, а в студенческие годы был пропагандистом русского социал-демократического центра в Риге (ГАРФ 6: 15). Об интересе к Ульриху полиции известно опять же из его собственных слов: в более ранней анкете он указывал,

что в 1910 г. привлекался Рижским охранным отделением к следствию по делу о принадлежности к социал-демократам (ГАРФ 4: Л. 9). Эта активность Ульриха подтверждается свидетелями применительно к периоду между Февральской и Октябрьской революциями. Как вспоминал «старый большевик» Иван Попов, квартира Ульрихов в Риге была центром сбора революционеров. Сам хозяин был связан с армейской организацией большевиков, а его супруга занималась пропагандой в воинских частях под видом сотрудницы Союза городов (Попов 1971: 350–352).

При рассмотрении обеих версий невольно возникает вопрос, как они могли ужиться в одном человеке, не дезавуируя его. Ответ на него лежит, по всей видимости, не в способностях конспиратора, унаследованных Ульрихом от родителей-революционеров. Упомянутый функциональный подход, который власти пытались реализовать в балтийских губерниях, относился далеко не только к этому региону. Стремясь удержать баланс между разнородными частями империи, правительство зачастую руководствовалось сиюминутной логикой. Перед лицом реальных или мнимых угроз оно было готово доверять тем, кто соответствовал бюрократическим формальностям, но по факту русифицировался сугубо функционально, одновременно не принимая тех, кто делал то же самое, но реально был готов включиться в большую русскую нацию.

Разумеется, в данном контексте нельзя говорить о злонамеренности

целых групп, тем более что грань между функциональной и инструментальной русификацией была очень тонка, и существенные различия можно рассмотреть только ретроспективно. Тем не менее, учитывая описанные особенности, в конечном итоге государство приобретало значительное число подданных с весьма сомнительной лояльностью. В ходе революционных событий многие из них остались равнодушны к судьбе империи, а кто-то прямо способствовал ее падению.

К последней категории относилось и семейство Ульрихов, одинаково ненавидевшее и имперскую бюрократию, и германо-балтийскую элиту, которую та стремилась подавить. Уже в ноябре 1917 г., сразу после объявления большевиками перемирия с Германией, «идеальный подданный» империи Василий Васильевич Ульрих фактически дезертировал из армии. В запас он формально был зачислен лишь через год, для чего ему пришлось отправиться к месту прежней службы, в Ригу (ГАРФ 4: Л. 2). Работа в железнодорожном контроле уже тоже была Ульриху ни к чему. В мае 1918 г., еще числясь на старом месте, он переехал из Петрограда в Москву и поступил в недавно образованный Наркомат внутренних дел РСФСР (ЦГИА СПб 2: Л. 31–32). Его биография как нельзя лучше подходила для этого ведомства. В новых условиях он предстал «проверенным товарищем», закаленным в чуждом окружении на Балтике и боровшимся с «царизмом» с юных лет. Хорошее образование и опыт армейского офицера, которые Ульрих получил при «старом режиме», позволили ему сразу стать начальником, а умение

безошибочно разграничивать «своих» от «чужих» и ориентироваться в обстановке быстро продвинули его по карьерной лестнице. Вкупе с особенностями семейной истории и социализации это сделало Ульриха одним из самых узнаваемых лиц сталинской юстиции.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

- ГАРФ 1 – ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91 (3-е делопроизводство). Д. 559.
ГАРФ 2 – ГАРФ. Ф. 102. Оп. 99 (3-е делопроизводство). Д. 324.
ГАРФ 3 – ГАРФ. Ф. 102. Оп. 127 (5-е делопроизводство). Д. 174.
ГАРФ 4 – ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 85. Д. 7704.
ГАРФ 5 – ГАРФ. Ф. 1727. Оп. 1. Д. 14.
ГАРФ 6 – ГАРФ. Ф. Р7523. Оп. 2. Д. 381.
РГВИА 1 – РГВИА. Ф. 409. Оп. 1, п/с 251–217.
РГВИА 2 – РГВИА. Ф. 308. Оп. 1. Д. 60.
ЦГИА СПб 1 – ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20937.
ЦГИА СПб 2 – ЦГИА СПб. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 401.
LVVA 1 – LVVA. F. 232. Apr. 1. K. 426.
LVVA 2 – LVVA. F. 232. Apr. 1. K. 430.
LVVA 3 – LVVA. F. 232. Apr. 1. K. 495.
LVVA 4 – LVVA. F. 3142. Apr. 2. K. 66.
LVVA 5 – LVVA. F. 1429. Apr. 1. K. 16.
LVVA 6 – LVVA. F. 7175. Apr. 1. K. 1909.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Володин 1961 – Володин А. Из истории марксизма в России // Известия Академии наук Латвийской ССР. 1961. 5.
Долбилов 2010 – Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: НЛО, 2010.

Куплетский 1885 – Куплетский М.А. Судьбы государственного языка в Прибалтийском крае. М.: Университетская типография, 1885.

Милевский 1893 – Милевский О.Н. Двадцатипятилетие Рижской Александровской гимназии. Рига: типолитография Э. Платеса, 1893.

Миллер 2006 – Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М.: НЛО, 2006.

Попов 1971 – Попов И.В. Воспоминания. М.: Мысль, 1971.

Православие и лютеранство... 1911 – Православие и лютеранство в Прибалтийском крае по новейшим данным русской периодической печати. СПб.: б.и., 1911.

Шуннель 1906 – Шуннель М. Профессиональные союзы рабочих и право коалиции. Предисловие В.Д. Ульриха. Одесса: Буревестник, 1906.

Kroeger 1956 – Kroeger G. Die evangelisch-lutherische Landeskirche und das griechisch-orthodoxe Staatskirchentum in den Ostseeprovinzen 1840–1918 // Wittram Reinhard (Ed.): Baltische Kirchengeschichte. Beiträge zur Geschichte der Missionierung und der Reformation, der evangelisch-lutherischen Landeskirchen und des Volkskirchentums in den baltischen Landen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1956.

Pistohlkors 1995 – Pistohlkors G.v. „Russifizierung“ und die Grundlagen der deutsch-baltischen Russophobie // Garleff Michael (Ed.) Vom Geist der Autonomie. Aufsätze zur baltischen Geschichte. Köln: Mare Balticum, 1995.

Stackelberg-Sultem 1927 – Stackelberg-Sultem E. v. Ein Leben im baltischen Kampf: Rückschau auf Erstrebtes, Verlorenes und Gewonnenes. München: Lehmann, 1927.

Vorst 1919 – Vorst H. Baltische Bilder. Leipzig: Der neue Geist, 1919.

Weiss 1951 – Weiss H. Baltische Selbstbehauptung im 20. Jahrhundert // Boehm Max (Ed.) Wir Balten. München: Akademischer Gemeinschaftsverlag, 1951.

Wittram 1934 — Wittram R. Meinungskämpfe im baltischen Deutschtum während

der Reformepoche des 19. Jahrhunderts. Riga: E. Bruhns, 1934.

BEYOND RUSSIFICATION: THE ULRICH FAMILY AND THE RUSSIAN REVOLUTIONARY MOVEMENT

Barinov Igor I. — candidat of science (History), Senior Researcher at the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Key words: the Baltic provinces, Russification, Russian revolution, Ulrich.

Abstract. The article analyzes the peculiarities of the relationship and mutual perception of the Baltic Germans and the Central government within the global context of the Russification policy of the late Russian Empire. Although the Baltic Germans were subjects of the Russian Tsar, they traditionally strove to maintain their internal corporate organization and autonomy. The perennial attempts to infiltrate the Baltic region with Russian-speaking government agents were doomed to failure because of a lack of understanding of local conditions and passive resistance of the Germans. When irrelevance of those measures became apparent, the government introduced a more formal, “instrumental” type of Russification, determined by the ideology to categorize the loyalty or probable disloyalty of every single person in the region on the basis of formal criteria, including the language of education and faith. At the same time, the local marginals, Orthodox Russian-speaking Germans, were favored over others. The imperial authorities imagined that such an “instrumental Russification” would eventually turn traditionally loyal Baltic Germans into “ideal subjects of the Tsar”. They obviously did not expect revolutionary ideas would get to the Baltic land along with Russian culture, and local Germans, for some reason expelled from the local community, will perceive them hiding behind the “instrumental Russification”. The typical example of such a process is the case of the Ulrich family and its youngest member, future Stalinist General Vasily Ulrich.

REFERENCES

Dolbilov M. D. *Russkii krai, chuzhaia vera: etnokonfessional'naiia politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II.* Moscow: NLO, 2010.

Kroeger G. Die evangelisch-lutherische Landeskirche und das griechisch-orthodoxe Staatskirchentum in den Ostseeprovinzen 1840–1918. Wittram Reinhard (Ed.): *Baltische Kirchengeschichte. Beiträge zur Geschichte der Missionierung und der Reformation, der evangelisch-lutherischen Landeskirchen und des Volkskirchentums in*

den baltischen Landen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1956.

Kupletskii M. A. *Sud'by gosudarstvennogo iazyka v Pribaltiiskom krae.* Moscow: Universitetskaia tipografiia, 1885.

Milevskii O. N. *Dvadstiatipiatiletie Rizhskoi Aleksandrovskoii gimnazii.* Riga: tipolitografiia E. Platesa, 1893.

Miller A. I. *Imperiia Romanovykh i natsionalizm.* Moscow: NLO, 2006.

Pistohlkors G. v. „Russifizierung“ und die Grundlagen der deutschbaltischen Russophobie. Garleff Michael (Ed.) *Vom Geist*

der Autonomie. Aufsätze zur baltischen Geschichte. Köln: Mare Balticum, 1995.

Popov I. V. *Vospominaniia.* Moscow: Mysl', 1971.

Pravoslavie i liuteranstvo v Pribaltiiskom krae po noveishim dannym russkoi periodicheskoi pechati. St. Petersburg: b.i., 1911.

Shippel' M. *Professional'nye soiuzy rabochikh i pravo koalitsii. Predislovie V.D. Ul'rikha.* Odessa: Burevestnik, 1906.

Stackelberg-Sultem E. v. *Ein Leben im baltischen Kampf: Rückschau auf Erstrebtes, Verloren und Gewonnenes.* München: Lehmann, 1927.

Volodin A. Iz istorii marksizma v Rossii. *Izvestiia Akademii nauk Latvii SSR*, 1961, 5.

Vorst H. *Baltische Bilder.* Leipzig: Der neue Geist, 1919.

Weiss H. Baltische Selbstbehauptung im 20. Jahrhundert. Boehm Max (Ed.) *Wir Balten.* München: Akademischer Gemeinschaftsverlag, 1951.

Wittram R. *Meinungskämpfe im baltischen Deutschland während der Reformepoche des 19. Jahrhunderts.* Riga: E. Bruhns, 1934.

А. В. Михалев

ПАМЯТЬ О НЕСОСТОЯВШЕМСЯ БУДУЩЕМ, ИЛИ НЕОКОНЧЕННАЯ МИССИЯ СООБЩЕСТВА «СТРОИТЕЛЕЙ СОЦИАЛИЗМА» В АЗИИ*

Ключевые слова: память, СССР, социализм, колониализм, гегемония, Внутренняя Азия, кочевники.

Аннотация. В статье анализируется проблема наследия советского присутствия в странах Азии (на примере Монголии). В центре внимания — коллективная память советских специалистов, работавших в этой стране. Исследование фокусируется на представлениях строителей социализма о прогрессе и социализме в «отсталых и угнетенных» странах Азии. Эти представления о будущем существенно трансформировались под влиянием пережитых в 1990-е гг. посткоммунистических преобразований. Несмотря на это, сегодня они приобрели ностальгический оттенок. Исследование опирается на материалы интервью, опубликованные воспоминания, а также на сегмент так называемых «цифровых воспоминаний» в социальных сетях.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-76-91

Ностальгия о Советском Союзе в российском обществе XXI в. неоднократно исследовалась с самых разных ракурсов (*Бойм* 2019). Однако в рамках данного исследовательского подхода была выпущена из внимания память довольно многочисленной

группы бывших советских граждан, работавших за рубежом в азиатских странах социалистического лагеря. Эти люди, некогда имевшие особый политический и экономический статус по обе стороны границы, сегодня представляют собой сообщество,

© А. В. Михалев, 2020

Михалев Алексей Викторович — доктор политических наук, директор Центра изучения политических трансформаций Бурятского госуниверситета; mihalew80@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00502.

сплоченное на основе общих воспоминаний, мифов и утраченных образов будущего.

В изучаемом нами случае мы сталкиваемся с воспоминаниями о «советском» за пределами СССР, с памятью о статусе советского гражданина. Причем последнее связано как с травматическим опытом столкновения с жесткими требованиями поведения за рубежом, так и с доступом к престижному потреблению. На наш взгляд, именно из этого сочетания складывался статус так называемого «старшего брата» — советского народа, миссия которого, по выражению В.И. Ленина, состояла в том, чтобы «...оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам “бескорыстную культурную помощь”, <...> помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму» (*Ленин 1973: 120*). Такой особый статус формировал и особую память, которую целый ряд исследователей характеризуют как колониальную и культуртрегерскую. Наиболее широкое распространение эта идея получила на волне демократических преобразований 1990 г., когда некоторые монгольские политики и экономисты заявили о претензиях к СССР за 70 лет эксплуатации (*Лиштованный 2007: 66*).

Для данной статьи мы выбрали один кейс — память и мифы сообщества советских граждан, работавших в Монголии. Во-первых, это наиболее многочисленная группа советских специалистов, работавших за рубежом, т.к. Монгольская Народная Республика занимала первое место по объемам помощи от СССР и стран СЭВ (*Панарин 2014: 68*). Во-вторых, со-

ветские специалисты находились в Монголии вплоть до демократической революции зимы 1989–1990 гг., в связи с чем хронологическая удаленность их воспоминаний сравнительно невелика и немалая часть респондентов еще социально активны. В-третьих, представители изучаемого сообщества поддерживают отношения в социальных сетях, а также создали общественные организации.

Сегодня данное сообщество формирует особый мемориальный нарратив, связанный с представлениями о будущем, которые опираются на эпический по своим масштабам социально-политический опыт преодоления «феодализма» в отдельно взятой стране и создания индустриального общества. Этот «индустриальный миф» для них по-прежнему остается актуальным в сочетании с травмой деиндустриализации 1990-х. Вокруг анализа составляющих этого мифа, влияющих на структуру коллективных воспоминаний советских специалистов, работавших в Монголии, построена композиция представленного текста.

Исследования памяти советских специалистов — тема сложная и представлена сравнительно немногочисленными работами. В первую очередь нужно упомянуть тексты С.А. Панарина (*Панарин 2014*), написавшего достаточно содержательную статью с опорой на личные наблюдения и воспоминания о работе в Монголии. Личные воспоминания использует также Е.И. Лиштованный в работе, посвященной взаимоотношениям СССР и Монголии (*Лиштованный 2007*). Наряду с этим важно упомянуть исследования

по истории сообщества, в частности Н. В. Дьяченко (*Дьяченко* 2012), а также фундаментальный исторический труд Шэнь Чжихуа (*Шэнь Чжихуа* 2015). Перечисленные работы выполнены в формате традиционных востоковедных исследований и по ряду параметров выпадают из общей дискуссии о советском присутствии в Азии.

Основное обсуждение советского опыта в монгольской историографии ведется в рамках постколониальной теории. В статье монгольского антрополога Мандухай Буяндэлгэр предпринимается попытка, по терминологии автора, «самодеколонизации» через рассмотрение советского опыта в рамках одной биографии (*Мандухай* 2020). При этом, следуя выбранному жанру описания «ужасов советского колониализма», автор не брезгует откровенно спекулятивными утверждениями. Наиболее показательным является откровенно фейковый факт об использовании монгольских детей при добыче урана в 1970-е гг. Урановая тематика стала знаковой для монгольских постколониальных текстов. Наглядный пример — популярный литературный очерк Ц. Болдтумура о восстании советских заключенных на урановых рудниках 1984 г. (*Болдтумур* 2018). Очерк был переведен на русский язык в 2018 г. и представляет собой в лучшем случае монгольский вариант альтернативной истории.

В статье Орхон Майдар предложен еще один вариант монгольского постколониального нарратива о советском присутствии (*Orhon* 2017). Она посвящена политическим аспектам «советского колониализма»,

в частности политике разрушения кочевого уклада жизни монголов. Автор проводит многочисленные параллели с Казахстаном и Киргизией (*Ibid.*: 5–28). На наш взгляд, сегодня назрела необходимость рассмотреть проблему в ракурсе *memory studies* и выделить то, что остается за рамками традиционной истории и постколониальных исследований. Это позволит взглянуть на проблему с позиции так называемых «колонизаторов» и их собственного обыденного понимания своей миссии в Монголии.

Источниковая база исследования состоит из трех частей. Первая — это опубликованные материалы воспоминаний советских специалистов, работавших в Монголии. Сюда вошли мемуарная литература, автобиографические повествования, издающиеся сравнительно малыми тиражами, а также приуроченные к юбилейным датам биографические публикации в прессе.

Второй блок источников составляют материалы форумов и чатов, созданных в социальных сетях бывшими советскими специалистами в 2000-е гг. Это материалы сайтов *Планета Монголия* (www.mongol.su), *Жизнь в Улаанбаатаре* (www.ulaanbaatar.ru). Например, *Планета Монголия* имеет зеркальную группу на Фейсбуке с возможностью открытых комментариев. Наряду с этим большое количество материалов содержится в группах одноклассников (в целом ряде соцсетей), окончивших монгольские средние школы.

Третий блок — это материалы биографических интервью с советскими

ми специалистами, работавшими в МНР, записанных автором в ходе исследования. Для настоящей статьи были отобраны семнадцать интервью, в которых затрагивалась тематика представлений о будущем, ностальгии и групповой солидарности. Сбор материала проводился на протяжении последних десяти лет в работе с гражданами различных постсоветских государств. В выборку попали инженеры, врачи, учителя, геологи. При написании статьи намеренно не были использованы материалы интервью с советскими военными как не соответствующие поставленной цели исследования.

ИЗУЧАЕМОЕ СООБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ПОСТСОЦИАЛИЗМА

Представители изучаемого нами сообщества — только строго номинально представители 15 союзных республик, живущие сегодня практически по всему миру. Нужно сказать, что строители социализма в Монголии — это еще граждане стран СЭВ: Польши, ГДР, Чехословакии, Венгрии и Болгарии. Однако именно советские граждане имели особое название — кампаны (компании). По широко распространенной легенде, это слово было привезено в Монголию в 1930-е гг. советскими военными из Испании и является сокращением/искажением от испанского *compañero* (компаньон, соратник, коллега). Оно закрепилось за всей группой советских граждан, работавших в стране, и стало идентификационным маркером по аналогии с категорией «шурави» для служивших в Афганистане. Здесь же нужно отметить, что термин «кам-

пан» использовался как монголами, так и советскими гражданами. Отчасти это ставит под сомнение справедливость утверждения Мандухай Буяндэлгэр о том, что советских граждан тотально именовали термином *орос* (русский) (Мандухай 2020). Подобная практика получила широкое распространение в более поздний период, когда термин *орос* стал означать не только русских, но и россиян в целом (Mikhalev 2013). Сегодня сообщество «кампанов» — это многочисленная группа людей, объединенных общим опытом жизни в инокультурной среде, а также общими воспоминаниями.

По разным оценкам, количество граждан СССР, работавших на гражданских должностях по срочным контрактам в МНР за весь период социалистического строительства, насчитывает более ста тысяч человек, не считая военнослужащих 39-й армии ЗаБВО (более пятидесяти тысяч военнослужащих) (Дьяченко 2012). Период самого массового привлечения советской военной и гражданской помощи приходится на время советско-китайского конфликта второй половины XX в. Начало этому противостоянию было положено в 1960 г. Обмен резкими дипломатическими нотами и отзыв советских специалистов из КНР привели к началу масштабной межгосударственной конфронтации, переросшей в столкновения на острове Даманском и в противостояние во Вьетнаме. Решение о вводе советских войск в МНР было принято 1 декабря 1965 г. Согласно завышенной и предвзятой оценке монгольского политического эксперта Баабара: «Численность контингента, располагавшегося 1967–

1990 годах, составляла 70–80 тыс. личного состава и вместе со строительными и железнодорожными войсками достигала 100 000 человек. Включая семьи и обслуживающий персонал, в Монголии в различное время проживало около 1 млн советских людей» (*Баабар* 2010: 482).

В период с 1965 по 1989 г. в Монголии для граждан СССР были построены школы, детские сады, спецмагазины, клубы, издавались газеты и журналы. Формировались экстерриториальные партийные и общественные организации, регулировавшие отношения внутри огромного сообщества людей, работавших в самых разных отраслях экономики МНР.

В 1960 г. их было 502 человека, в 1965 г. — 3 379 человек, в конце 1980-х гг. 50 000 человек. Начиная с 1962 г. строительством в Монголии занимались три советских компании: СОТ-1, СОТ-2 и СОТ-3. Аббревиатура СОТ расшифровывается как «Советский общестроительный трест». СОТ-1 занимался строительством промышленных объектов города Дархана; СОТ-2 — строительством жилых зданий и объектов культуры; СОТ-3 — строительством в сельской местности (*Панарин* 2014: 67). Л. Шинкарев приводит данные о динамике роста советских специалистов в стране начиная с 1961 г. — 990 человек, в 1962 г. — 2 624 человека, в 1963 г. — 3 779 человек. При этом численность населения МНР в середине XX в. составляла 2,2 млн человек (*Шинкарев* 2004: 322).

Сегодня сообщество «кампанов», существующее прежде всего в социальных сетях, строго сегрегиро-

вано по профессиональной принадлежности. В социальных сетях можно встретить группы и чаты геологов, инженеров, строителей, выпускников монгольских школ и, наверное, самые массовые сообщества — бывших военнослужащих, распределяющиеся по принадлежности к части и месту их дислокации. Наиболее массовое и разнообразное сообщество «кампанов» фиксируется на сайте «Планета Монголия» на домене SU (Советский Союз). На наш взгляд, по составу участников групп и чатов сайт формирует вполне репрезентативную картину биографических ситуаций бывших строителей социализма. На втором месте по массовости находится сайт «Одноклассники», объединяющий учителей и выпускников многочисленных советских школ в МНР.

У каждой части разнообразного по своему составу сообщества «кампанов» сложились как собственные профессиональные воспоминания, связанные с местом пребывания и кругом общения в стране, так и общегрупповые мемориальные нарративы. Один из самых распространенных сюжетов — воспоминания о том, каким представлялось будущее в эпоху позднего социализма. Общие черты видения своего места в этом формируемом будущем характеризуют единство изучаемого сообщества. Однако было бы неверно считать, что все представления этих людей строго вписываются в идеологические установки советского метанарратива (*Gill* 2011: 11–27). Даже спустя тридцать лет в чатах возникают споры о целесообразности советской помощи Монголии на фоне противоречия между ожидавшимся и наступившим будущим.

ВЕТРЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ «КОЧЕВОГО ФЕОДАЛИЗМА»

Значительную часть территории МНР занимали степь и пустыня Гоби, и этот фактор сформировал весьма специфический тип хозяйства и образ жизни. Еще в 1920–1930-е гг. советские обществоведы горячо дискутировали о том, к какому типу формационного развития отнести монгольское общество. Исходный уровень общественно-политического развития имел колоссальное значение для советского политического воображения: опираясь на него, можно было определить условия и сроки наступления будущего, т.е. социализма.

Существовало множество различных версий общественного устройства кочевников Азии (Марков 1998: 110–123), однако наиболее жизнеспособной оказалась вписывающаяся в истматовскую модель исторического процесса — теория кочевого феодализма (Владимирцов 1934). Созданная на рубежу 1920–1930-х гг. академиком Б.Я. Владимирцовым, эта теория получила дальнейшее развитие в трудах И.Я. Златкина, а также монгольских историков. Преодоление пережитков феодализма на долгое время стало основной задачей социально-политических реформ в Центральной Азии. Нужно сказать, что на современном этапе все перипетии становления теории феодализма, объясняющей устройство кочевых обществ, хорошо изложены в работах отечественных востоковедов (Марков 1998: 110–123). Но абсурдность теории на бумаге не шла ни в какое сравнение с практикой преодоления пережитков феодализ-

ма (Синицын 2019), который должен был перейти к социалистическому строю, минуя капитализм.

В книге 1976 г. монгольский лидер Ю. Цеденбал писал: «Монголо-советская дружба, основанная и завещанная нам В. И. Лениным и Д. Сухэ-Батором, является неиссякаемым по силе своего воздействия источником счастья и процветания монгольского народа, той животворной, преобразующей силой громадного исторического значения, которая позволила народной Монголии совершить гигантский скачок от средневековой отсталости к социализму, минуя целую историческую эпоху — капиталистическую стадию развития» (Цеденбал 1976: 646). Этот опыт МНР предполагалось масштабно применять и в Африке, и в Афганистане. Так, афганский дипломат Амин заявлял монгольским коллегам: «Мы высоко ценим монгольский опыт, особенно потому что условия вашей страны похожи на условия Афганистана». В результате ЦК Монгольской народно-революционной партии приняло решение открыть посольства в Мали и в Афганистане с целью передачи прогрессивного опыта (Баабар 2010: 471).

Борьба с пережитками и отсталостью во второй половине XX в. сводилась прежде всего к развитию индустрии и инфраструктуры, т.е. к масштабному строительству заводов, фабрик, автомобильных дорог, аэродромов. С другой стороны, все это в условиях обострения советско-китайских отношений обеспечивало промышленную базу на случай затяжного военного конфликта в регионе. Тысячи

советских граждан, прибывавших в МНР, сталкивались с новой идеологической реальностью, объяснявшей — зачастую посредством политической мифологии — социально-политическую ситуацию в стране. Адекватному восприятию реальности мешали не только заложенные идеологией стереотипы, но и организация пространства принимающей страны, разделенной фактически на два параллельных мира: советский и монгольский. Каждый из них имел свои нормы и регламенты отношений друг с другом, систему потребления и модель интерпретации происходившего.

Кочевая и пустынная Монголия резко контрастировала с реальностью СССР и представляла собой особую «Планету Монголию», как по сей день называется вышеупомянутый сайт, объединяющий людей, работавших и служивших в этой стране. Отчасти переключаясь с образами Арканара у Стругацких (*Стругацкий* 2003: 89), воспоминания о МНР остаются по-прежнему экзотическими и отсылающими к идее асинхронии в социально-политическом развитии (*Шоломова* 2011: 160–169). Однако «планета Монголия» — это парный образ, тесно связанный с представлением об СССР, который в обиходе называли «Большой землей». Немалый вклад в это мифотворчество внесла книга И. А. Ефремова «Дорога ветров», написанная по итогам целого ряда палеонтологических экспедиций в Монголию. Возникший на страницах экспедиционной хроники Ефремова образ «страны костяного дракона» отлично дополняет это «изобретенное средневековье», образ кочевого феодализма:

«Нас, новичков в Монголии, восхитила романтическая красочность монгольского языка. Комитет наук, по-монгольски “Шинжлех Ухааны Хурэлэн”, в точном переводе назывался “Круг Мудрых Изучающих”. Ученый секретарь (нарин бичгийн дарга) переводился как “начальник тонкого письма”. Даже моя, весьма сухая, должность в Академии наук, где я заведовал отделом древних позвоночных Палеонтологического института, после перевода на монгольский звучала как “лууны яс хэлтэс дарга” — “начальник отдела драконовых костей”!» (*Ефремов* 1962: 17).

Политическое воображение того времени сформировало уникальный хронотоп (*Бахтин* 1975), калька с которого применялась советскими идеологами для обоснования политических экспериментов в кочевых обществах Африки и Ближнего Востока (*Баабар* 2010: 470). Сегодня эта модель все еще остается актуальной, ведь стигма пережитков феодализма и по сей день присутствует в монгольской политической философии: «Так как наше общество похоже на феодальное, то влияние очень сильное. К примеру, в Монголии на тебя обратят внимание или признают только в том случае, если у тебя есть деньги и ты пользуешься дорогими вещами. Начиная с номера телефона. В других странах нет такого. Почему нельзя пользоваться телефоном с обычным номером? Хотя многие монголы имеют красивые автомобили и пользуются дорогими телефонами, в отношении психологии мы по-прежнему находимся в феодализме» (*Молор-Эрдэнэ* 2018).

Сформированные почти 90 лет назад представления о политике и обще-

стве успешно пережили распад СССР и СЭВ. Именно из перспективы этого хронотопа и возникал образ будущего у советских специалистов, в основной массе формировавших свои представления из идеологических шаблонов, литературных образов и дефицита потребления. Потребность в доступе к престижному потреблению и к товарному изобилию тесно переплелись с идеологическими установками эпохи Брежнева. Сложившись в последовательные нарративы, они представляли собой набор нереализовавшихся ожиданий части позднесоветского общества. Именно об этих нарративах-воспоминаниях пойдет речь ниже. Представленные материалы, собиравшиеся спустя двадцать лет после распада СССР, объективированы травматическим опытом первого постсоветского десятилетия.

СОЦИАЛИЗМ — ЭТО ОТСУТСТВИЕ ДЕФИЦИТА И «ВИДИК» В КАЖДОМ ДОМЕ

Фраза, вынесенная в заголовок данного раздела, была сказана в интервью одним из респондентов в ходе полевого исследования (женщина, работала в Монголии в Зарубежстрое с 1975 г.). Подобные представления о будущем оказались стереотипными и достаточно массовыми в среде советских специалистов, поэтому в данном разделе мы попытаемся выявить индивидуальные особенности понимания идеологических моделей будущего, транслировавшихся на государственном уровне. Установки на строительство развитого социализма существенно трансформировались и адаптировались к реалиям того времени самими «строителями социализма».

Ну как тебе сказать? Верили или не верили... Верили конечно! Казалось, еще немного и получится ведь главное: что потом в Союзе будет так же, как в монгольских спецмагазинах. По тогдашним меркам там все было: овощи из Болгарии, гдровские костюмы. И все это для нас, для рабочих. Я только потом, в 1990-е понял, что это и был социализм, его просто надо было распространить на весь Союз (интервью с руководителем монтажной бригады, работал в МНР в 1969–1974 гг.).

Воспоминания «эпохи дефицита» (подробнее см.: Кушкова 2009: 174–187) у относительно привилегированной группы советских специалистов в МНР систематически обращаются вокруг доступа к престижному потреблению. Наряду с экзотикой страны пребывания данный сюжет является едва ли не основным. Можно провести параллели с опубликованными воспоминаниями А. И. Мироновой-Король об Улан-Баторе 1930-х гг.:

Хотя Улан-Батор и был тогда просто большим кочевническим стойбищем, где в основном были юрты, но жалкие лавчонки его ломались от товаров. Английские, американские ткани, вязаные кофточка — чего только не продавалось! Там была свободная торговля. И Советы массу товаров забрасывали. Наши туфли, например, там можно было купить за полцены. А шоколад! Мы им обвелись в первые же дни. Когда женщины приходили ко мне в гости, они говорили сразу: «Ты только не ставь нам шоколада, мы его видеть не можем. Мы заметили, что каждый раз та же ваза берется у тебя с буфета и ставится на стол!» Ну,

конечно, раз никто не притрагивался к ее содержимому, та самая и ставилась (Миронова-Король 2015).

Представления о подобном рода доступе к товарному изобилию как об одной из сторон вульгарного социализма, на наш взгляд, сформировались под влиянием изменений 1990-х гг. Рыночные реформы и распад СССР окончательно обесценили статусы эпохи чеков, блага и дефицита, выведя на первый план товарно-денежные отношения. При этом важно отметить, что в изучаемом нами сообществе советских специалистов отношение к деньгам имело свою специфику. Система чеков Внешпосылторга (см. подробнее: *Иванова 2018: 49–53*), именуемых по-монгольски *бичиг* (письмо, мандат), формировала скептическое отношение к ценности обычных советских денег, которые ассоциировались с дефицитом, в то время как *бичиг* предоставлял совершенно иные покупательные возможности.

Мне казалось, что все эти чеки — это такие особые деньги будущего. Ими платят за особо ценный труд. Задача была — помочь монголам преодолеть отсталость, совершить титанический скачок вперед. Мы были теми людьми, которые вытаскивали на себе эту неподъемную задачу. Так что для особых государственных задач были особые деньги (интервью с руководителем монтажной бригады, работал в МНР в 1969–1974 гг.).

Консюмеристские настроения накладывали отпечаток на представления о коммунизме. Подобные воспоминания не единичны и не привязаны к уровню образования или

квалификации респондента. В этой связи интересны воспоминания лидера партии «Справедливая Россия» о годах работы в МНР. Воспоминания опубликованы в личном блоге политика и находятся в свободном доступе:

Тогда, кстати, бытовала такая притча: «Курица — не птица, Монголия — не заграница» — это с точки зрения так называемых «материальных благ», которые имели те советские граждане, которые работали за рубежом. Часть зарплаты от зарубежной командировки получали в чеках Внешторгбанка СССР, которыми можно было отовариваться в специализированных магазинах «Березка». За рубежом народ, обычно, покупал всякие дивности и прелести, которые не производила советская промышленность. И как раз по этим критериям Монголия и не была «птицей». Но я должен сказать, годы, особенно пять лет «круглогодички», проведенные в Монголии, у меня до сих пор в памяти ассоциируются с ощущением, что это время я прожил при коммунизме. Почему так? Представьте себе: полгода мы жили в комфортабельных квартирах, полностью обставленных, где был хороший телевизор, холодильник, причем по габаритам и по площади квартиры были, мягко говоря, не такими как в «хрущевках» или блочных домах, и даже явно превосходили знаменитую 337-ю серию, которая на тот момент, по крайней мере в Ленинграде, очень котировалась. Треть зарплаты действительно можно было переводить на чеки, остальные две трети можно было тратить по своему усмотрению на то, что душенька пожелает, причем, я лично тратил

на книги, впрочем, не я один. Те книги, которые можно было достать либо из подполья, либо по так называемым «макулатурным» талонам, свободно продавались в многочисленных книжных магазинах Монголии. И по подписке, и в продаже было практически все, что издавалось в Советском Союзе (Миронов 2018).

В условиях привилегированного потребления советские специалисты, работавшие в Монголии, сформировали особый тип представлений о том, как должно быть устроено общество, и о справедливом распределении благ. Именно на эти представления опирается современная ностальгия о «советском» в среде «кампанов». В свою очередь, выработанные в условиях работы за рубежом модели взаимного доверия в процессе обмена чеками и дефицитными товарами по сей день составляют основу солидарности группы.

ГОРИЗОНТЫ КОЧЕВОГО СОЦИАЛИЗМА

В 1966 г. XV съезд МНРП принял программу партии, в которой говорилось о наступлении завершающей фазы строительства социализма. Автором модели считался Ю. Цеденбал, доказавший возможность строительства социализма в кочевой «феодальной стране» (Цеденбал 1976). В числе задач была указана необходимость развития производительных сил, совершенствования общественных отношений, повышения культурного уровня и материального благосостояния. В этом разделе статьи мы попытаемся проследить то, каким образом представлялся

монгольский социализм с обыденной стороны и, что важнее всего, как его помнят сегодня.

Канон мемориального нарратива о прогрессивной роли советских специалистов в развитии МНР был заложен в воспоминаниях советских политических деятелей, публикующихся по сей день большими тиражами. Как показывают материалы полевого исследования, представления о строительстве «светлого будущего» в «отсталой Монголии» почти дословно воспроизводят канон, сложившийся в указанных выше мемуарах. Наглядной иллюстрацией к сказанному могут служить воспоминания министра иностранных дел СССР А. А. Громыко:

Запомнился Улан-Батор — современный город с широкими проспектами, новыми домами и жилыми кварталами. Город, почти ничем не отличающийся от европейских городов, разве только кроме одного — в отдельных местах рядом с многоэтажными современными зданиями вдруг попадались небольшие юрты с острыми штилями наверху. Нам говорили, что иногда жители сохраняют их как некую реликвию прошлого, не имеющую в наше время какого-либо реального значения в монгольской столице. Сильное впечатление производят два обстоятельства: во-первых, современные фабрики и заводы, хотя они и небольшие, но зато представляют собой окно в будущее страны, которая шаг за шагом идет вперед как социалистическое государство; во-вторых, поражает рост населения Монголии — за последние два с половиной десятка лет оно почти удвоилось (Громыко 2016: 422).

Воспоминания Громыко представляют собой повествование от лица «культурного гегемона», монополизовавшего право на память. Демографический рост и индустриальное строительство как основной результат советской помощи прослеживаются в воспоминаниях по сей день. Такие же воспоминания зафиксированы в «Монгольском дневнике» Т. Лысцовой, работавшей в экспедиции Госстроя СССР:

Братская Монголия работает с одним выходным днем. Очень спешит в развитой социализм и решимость свою подтверждает живописными плакатами «КАПИТАЛИЗМЫГ АЛ-ГАСЧ», то есть минувя капитализм. Эти крупные, иногда в натуральную величину полотна выставляют на многолюдных улицах. На них нарисован молодой, очень решительный всадник на очень горячем коне. Чудоконь взлетает над широкой черной полосой и приземляет красавца-монгола в светлый социализм. Но, если без иронии, то главное есть. Скуластый, не избалованный удобствами народ, прибавляет по три процента в год! Озеро «Монголия» наполняется. Что ни говори, а русская помощь налицо (Лысцова 2013).

В основе представлений о том, что будущее Монголии создавалось руками советских социалистов, лежали перемены в социально-экономическом ландшафте страны, фиксировавшиеся практически каждый год. Речь идет о масштабных изменениях, связанных с преобразованием экономики и природы страны. Это не только указанные А. А. Громыко индустриальные объекты, но и построенные посреди степи аэродро-

мы, казармы и жилые комплексы для советской армии. Именно быстрые и радикальные изменения в ландшафте остались в воспоминаниях из учаемой нами группы.

Мы строили дороги, аэродромы, жилые дома. Сейчас — это все заброшено и никому не нужно. Мы искренне верили в лучшее будущее для этой страны. Мы помогли, именно помогли преодолеть многовековую отсталость. В основе всего была дружба — найамдал (из материалов интервью с инженером, работавшим в Зарубежстрое в 1974–1978 гг.).

Вера в прогресс, подкрепленная наглядным ее подтверждением — промышленностью и инфраструктурой, — сегодня представляет собой едва ли не самую значимую составляющую мемориального нарратива. Вместе с травмой деиндустриализации и не востребоваваемости достижений времен строительства социализма она сформировала образ прошлого, подкрепленный как советской художественной литературой, так и современной политической риторикой.

Абсолютизация идеи прогресса и перехода к новому общественно-политическому строю хорошо сохранилась на уровне литературы того времени. Особенно масштабно эта идея прослеживалась в творчестве писателей монголоязычных народов СССР. Так, показательно творчество калмыцкого поэта М. Хонинова. Русский перевод его стихотворения «Монгольская женщина» был опубликован Р. М. Хониновой в 2018 г.: «В номере гостиницы “Москва” красивая монголка читает газету “Правда” с портретами первых со-

ветских космонавтов — Юрия Гагарина и Германа Титова. Рядом с матерью играет ее сын. Целуя его, она говорит ему, что он вслед за русским старшим братом отправится в космос к звездам и вернется на Землю. Мать верит, что эта мечта воплотится, потому что мудрый Ленин указал Сухэ-Батору цель, а монгольские кочевники, оседлав коней, устремились вперед за счастьем-благополучием» (Ханинова 2018: 110).

Советская художественная литература наряду с кино формировали образ будущего не только у граждан СССР, но и в самой Монголии. Журналы и газеты, издававшиеся в МНР для сообщества советских граждан, такие как «Новости Монголии», «Интернационалист» или «Современная Монголия», имели большое влияние на читающую аудиторию. Описывая достижения советской политики в принимающей стране, пресса уделяла большое внимание жизни внутри сообщества приглашенных специалистов. Именно в СМИ прописывался вклад в будущее Монголии каждой профессиональной группы и показывались наиболее выдающиеся индивидуальные достижения. Благодаря институту зарубежной советской прессы окончательно закрепились и натурализовались представления о миссии советского гражданина в МНР.

Собранные нами полевые материалы в виде серии интервью во многом дублируют сформированный идеологией и литературой образ будущего Монголии. Он основан на трех ключевых сюжетах. Первый и самый крупный из них — индустриальный миф. Он сводится к тому, что Монголия будущего — это страна заво-

дов и фабрик, окончательно преодолевшая кочевое прошлое. Второй сюжет связан с освоением космоса и совместными полетами в обозримом будущем. Третий сюжет — демографический. Будущее МНР описывалось в категориях увеличения населения и качества жизни. Говоря о заводах и европейской медицине, «строители социализма» выносят эти достижения за рамки советских идеологических установок. Марксизм уходит в зону молчания, а прогресс выходит на первый план.

Вопрос о том, какой будет память о советском присутствии не только в Монголии, но и в целом в Азии, сегодня особенно актуален. Споры о том, что помнить и как помнить, начинавшиеся в 1990-е гг. на политических площадках, сегодня оформились в самостоятельные научные направления. Так, некритичное использование постколониальной теории применительно к Монголии, Афганистану или Вьетнаму является господствующей теоретической рамкой в национальных историографиях этих стран начиная с 1991 г. И политики, и исследователи все более масштабно описывают ужасы «советского колониализма». Российская сторона в ответ формирует собственный взгляд на события времен позднего социализма в Азии. Однако оба нарратива: и российский, и монгольский — являются откровенно политизированными, зачастую тяготея к жанру public history. На наш взгляд, в обозримом будущем предстоит масштабная проработка прошлого, которая позволит сформировать мемориальный консенсус.

Группа советских специалистов, работавших в разное время в Монголии, представляет собой сообщество, объединенное вокруг общей памяти о несостоявшемся будущем, которое они строили в стране своего пребывания. Образ этого будущего можно охарактеризовать категорией «вульгарный социализм», который по сей день является общим нарративом для изучаемой нами группы. Вспоминая непостроенное будущее, многие респонденты апеллировали к фактам очевидных достижений и преимуществ политики пролетарского интернационализма в Азии, поэтому важно отметить, что во всем спектре воспоминаний основное место занимают именно политические ценности, трансформировавшиеся под влиянием времени.

Политическое воображение эпохи социализма не только сформировало групповую солидарность у строителей социализма в Азии, но и оказало влияние на современный ностальгический нарратив. Эта ностальгия имеет выраженное посттравматическое содержание, связанное с негативной оценкой монгольскими демократами советской помощи. Требования монголами компенсаций за ущерб экологии, а в ряде случаев и уголовной ответственности, обусловили потребность в поддержке и трансформации политической мифологии второй половины XX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баабар 2010 — *Баабар Б.* История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. Казань, 2010.

Бахтин 1975 — *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

Бойм 2019 — *Бойм С.* Будущее ностальгии. М., 2019.

Болдтумур 2018 — *Болдтөмөр Ц.* Мятаж на урановом месторождении Мардай или никому не известная «война» с участием самого лучшего подразделения СССР // *Asia-Russia Daily*. URL: <http://asiarussia.ru/articles/18704/> (дата обращения: 29.05.2020).

Владимирцов 1934 — *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Громыко 2016 — *Громыко А.А.* Памятное. Испытание временем. Книга 2. М., 2016.

Дьяченко 2012 — *Дьяченко Н.В.* Советские войска в Монголии во второй половине 1960-х-80-е гг. // *Олон улсын Монголч Эрдэмтлийн Х их хурлын илтгэлүүд. Түүхийн Өмнөх үе болон түүхэн үеийн монгол ба гадаад ертөнц. Улаанбаатар: IAMS, 2012. I боть. X. 217–222.*

Ефремов 2018 — *Ефремов И.А.* Дорога ветров (гобийские заметки). М., 1962.

Иванова 2018 — *Иванова А.* Магазины «Березка». Парадоксы потребления в позднем СССР. М., 2018.

Кушкова 2009 — *Кушкова А.* Советское прошлое сквозь воспоминания о продовольственном дефиците // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2009. №2. С. 174–187.*

Ленин 1973 — *Ленин В.И.* Остальные политические вопросы, затронутые и извращенные П. Киевским // *Полное собрание сочинений. Том 30. М., 1973.*

Лиштованный 2007 — *Лиштованный Е.И.* От великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. Иркутск: Издательство ИГУ, 2007. 198 с.

Лысцова 2013- *Лысцова Т.* Монгольский дневник // *Проза.ру*. URL: <https://proza.ru/2013/10/09/1051> (дата обращения: 29.05.2020).

Мандухай 2020 — *Мандухай Б.* Деколонизировать посредством письма: биографии примирения в постсоветской Мон-

голии // Новое литературное обозрение. 2020. № 1. С. 199–218.

Марков 1998 — Марков Г.Е. Из истории изучения номадизма в отечественной литературе: вопросы теории // Восток/Oriens. 1998. № 6. С. 110–123.

Миронов 2018 — Миронов С.М. Монголия — «Мечты иногда сбываются» // Lifejournal Сергея Миронова. URL: <https://sergey-mironov.livejournal.com/49857.html> (дата обращения: 29.05.2020).

Миронова-Король 2015 — Миронова-Король А.И. Наша жизнь с Мирошей // Сайт Сахаровского центра. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=7309> (дата обращения: 29.05.2020).

Молор-Эрдэнэ 2018 — Молор-Эрдэнэ С. Монголы больше внимания уделяют тому, как выглядят, что является пережитком феодализма // Asia-Russia Daily. URL: <http://asiarussia.ru/articles/19581/> (дата обращения 29.05.2020)

Панарин 2014 — Панарин С.А. Курица не птица? Воспоминания о социалистической Монголии // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 6. С. 66–76.

Синицын 2019 — Синицын Ф.Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917–1991. М., 2019.

Стругацкий 2003 — Стругацкий Б. Комментарии к пройденному. СПб., 2003.

Ханинова 2018 — Ханинова Р.М. Монгольская тема в творчестве Михаила Ханинова // Монголоведение. 2018. Том 13. № 2. С. 104–120.

Цеденбал 1976 — Цеденбал Ю. Исторический путь развития социалистической Монголии. Улан-Батор, 1976.

Шинкарев 2004 — Шинкарев Л.И. Цеденбал и Филатова: Любовь. Власть. Трагедия. Москва; Иркутск, 2004.

Шоломова 2011 — Шоломова Т.В. Коммунистическая мораль в отступлении (проблема нравственного прогресса в советской фантастике 1960-х годов. А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом», «Обитаемый остров») // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 24 (63). 2011. № 1. С. 160–169.

Шэнь Чжухуа 2015 — Шэнь Чжухуа Советские специалисты в Китае (1948–1960). М., 2015.

Gill 2011 — Gill G.J. Symbols and legitimacy in Soviet politics. New York, 2011.

Mikhalev 2013 — Mikhalev A.V. Russians as a Minority in Socialist Mongolia: Social exclusion and Identity // Inner Asia. 2013. Vol. 15. № 1. P. 121–134.

Orhon 2017 — Orhon M. In the Soviet Shadow. Soviet Colonial Politics in Mongolia // Inner Asia. 2017. № 1. Vol. 19. P. 5–28.

MEMORY OF THE FAILED FUTURE, OR THE UNFINISHED MISSION OF COMMUNITY OF "BUILDERS OF SOCIALISM" IN ASIA

Mikhalev Alexey V. — ScD, director in Centre of political transformation studies in Buryat State University (Ulan-Ude)

Key words: memory, USSR, socialism, colonialism, hegemony, Inner Asia, nomads.

Abstract. The article analyzes a problem of legacy of Soviet presence in countries of Asia (on the example of Mongolia). The study focuses on collective

memory of Soviet specialists who worked in this country as well as on ideas of builders of socialism about progress and socialism in “backward and oppressed” countries of Asia. These ideas about the future transformed significantly under influence of post-communist transformations experienced in the 1990s. Despite this, today it has acquired a nostalgic hue. The study relies on interviews, published memories, on the segment of so-called “digital memories” on social networks.

REFERENCES

Baabar B. *Istorija Mongolii: ot mirovogo gospodstva do sovetского satellita*. Kazan, 2010.

Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i jestetiki*. Moscow, 1975.

Bojm S. *Budushhee nostalgii*. Moscow, 2019.

Boldtömör C. Mjatezh na uranovom mestorozhdenii Mardaj ili nikomu ne izvestnaja “vojna” s uchastiem samogo luchshego podrazdelenija SSSR. *Asia-Russia Daily*. URL: <http://asiarussia.ru/articles/18704/> (date of access 29.05.2020)

Cedenbal Ju. *Istoricheskij put' razvitija socialisticheskoy Mongolii*. Ulan-Bator, 1976.

D'jachenko N. V. Sovetskie vojska v Mongolii vo vtoroj polovine 1960-h-80-e gg. *Olon ulsyn Mongolch Jerdjemtlijn X ih hurlyn itgjelyyd. Tyyhijn Ömnöh ye bolon tyyhjen yeijn mongol ba gadaad ertenc*. Ulaanbaatar: IAMS, 2012. I bot', pp. 217–222.

Gromyko A. A. *Pamjatnoe. Ispytanie vremem*. Kniga 2. Moscow, 2016.

Gill G. J. *Symbols and legitimacy in Soviet politics*. New York, 2011.

Haninova R. M. Mongol'skaja tema v tvorchestve Mihaila Honinova. *Mongolovedenie*, 2018, tom 13, no. 2, pp. 104–120.

Efremov I. A. *Doroga vetrov (gobijskie zametki)*. Moscow, 1962.

Ivanova A. *Magaziny „Berezka“*. *Paradoksy potreblenija v pozdnem SSSR*. M., 2018.

Kushkova A. Sovetskoe proshloe skvoz' vospominanija o prodovol'stvennom deficite. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2009, no. 2, pp. 174–187.

Lenin V. I. *Ostal'nye politicheskie voprosy, zatronutyje i izvrashhennye* P. Kievskim. *Polnoe sobranie sochinenij*. Tom 30. Moscow, 1973.

Lishtovannyj E. I. *Ot velikoj imperii k demokracji: ocherki politicheskoy istorii Mongolii*. Irkutsk, 2007.

Lyscova T. Mongol'skij dnevnik. *Proza.ru*. URL: <https://proza.ru/2013/10/09/1051> (date of access: 29.05.2020).

Manduhaj B. Dekolonizirovat' posredstvom pis'ma: biografii primirenija v postsovetской Mongolii. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2020, no. 1, pp. 199–218.

Markov G. E. Iz istorii izuchenija nomadizma v otechestvennoj literature: voprosy teorii. *Vostok/Oriens*, 1998, no. 6, pp. 110–123.

Mikhalev A. V. Russians as a Minority in Socialist Mongolia: Social exclusion and Identity. *Inner Asia*, 2013, vol. 15, no. 1, pp. 121–134.

Mironov S. M. Mongolija — “Mechty inogda sbyvajutsja”. *Serguei Mironiv Lifejournal*. URL: <https://sergey-mironov.livejournal.com/49857.html> (date of access: 29.05.2020).

Mironova-Korol' A. I. Nasha zhizn' s Miroshej. *Sakharov center*. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=7309> (date of access: 29.05.2020).

Molor-Jerdjenje S. Mongoly bol'she vnimanija udeljajut tomu, kak vygljadjat, chto javljaetsja perezhitkom feodalizma. *Asia-Russia Daily*. URL: <http://asiarussia.ru/articles/19581/> (date of access: 29.05.2020).

Orhon M. In the Soviet Shadow. Soviet Colonial Politics in Mongolia. *Inner Asia*, 2017, no. 1, vol. 19, pp. 5–28.

Panarin S. A. Kurica ne ptica? Vospominanija o socialisticheskoj Mongolii. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij*, 2014, no. 6, pp. 66–76.

Shinkarev L. I. *Cedenbal i Filatova: Ljubov'. Vlast'. Tragedija*. Moscow; Irkutsk, 2004.

Shjen' Chzhihua *Sovetskie specialisty v Kitae (1948–1960)*, Moscow, 2015.

Sholomova T. V. Kommunisticheskaja moral' v otstuplenii (problema nravstvennogo progressa v sovetskoj fantastike 1960-h godov. A. i B. Strugackie «Trudno byt' bogom», «Obitaemyj ostrov»). *Uchenye za-*

piski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serija «Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Sociologija», tom 24 (63), 2011, no. 1, pp. 160–169.

Sinicyn F. L. *Sovetskoe gosudarstvo i kochevniki. Istorija, politika, naselenie. 1917–1991*. Moscow, 2019.

Strugackij B. *Kommentarij k projdennomu*. St. Petersburg, 2003.

Vladimircov B. Ja. *Obshhestvennyj stroj mongolov. Mongol'skij kochevoj feodalizm*. Leningrad, 1934.

ПРОТЕСТ ПРОТИВ ЧЕРЧИЛЛЯ: СЛОВА, ДЕЛА И МИФЫ. МНЕНИЕ ОЧЕВИДЦА

Ключевые слова: исторический ревизионизм, Черчилль, Британская империя, империализм, историческая память.

Аннотация. Оценка личности Уинстона Черчилля вызывала жаркие споры как при его жизни, так и после смерти. В последний год попытки низвергнуть эту историческую фигуру с пьедестала британской общественной памяти особенно обострились как часть ультралевого исторического ревизионизма. Появление данной статьи было вызвано таким развитием событий. В ней кратко анализируются наиболее часто встречающиеся претензии к Черчиллю и предлагается комплексный подход к оценке более чем полувекового политического пути этого выдающегося деятеля.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-92-100

Недавние демонстрации и беспорядки в Лондоне и других городах Британии, вспыхнувшие в подражание американским беспорядкам под лозунгом «Черные жизни имеют значение», привлекли к себе внимание мировых средств массовой информации не в последнюю очередь потому, что самой, пожалуй, заметной целью манифестантов оказался памятник Уинстону Черчиллю, премьер-министру страны в годы Второй мировой войны. Демонстрации, сопровождавшиеся актами вандализма и иногда стычками с силами правопорядка, проводились под лозунгом борьбы с расизмом, якобы пронизывающим всю жизнь британского общества. Кто-то из участников демонстрации на Парламентской площади (именно на ней, напротив здания парламента

Соединенного Королевства, стоит памятник Черчиллю) написал на постаменте памятника «Расист». Копия этого памятника, установленная в Праге на площади имени Черчилля, тоже была изуродована подобной надписью.

Это не первый раз, когда этот памятник оказывается мишенью для нападений разнообразных протестующих. Во время одной из предыдущих левацких демонстраций в центре Лондона на голову памятника Черчиллю кто-то из участников нахлобучил ирокез из зеленого дерна, вырванного из ближайшей лужайки. А в январе 2018 г. толпа студентов из Школы ориентальных и африканских исследований университета Лондона ворвалась в ка-

фе, дизайн интерьера которого был посвящен Черчиллю, и устроила митинг протеста против «британского колониализма и расизма» и против Черчилля лично — как воплощения того и другого. Но сейчас ситуация возле памятника явно обострилась, т.к. аналогичные беспорядки в Америке выплеснулись в волну вандализма и разрушений памятников различным историческим деятелям, к которым у манифестантов имелись свои исторические претензии, иногда довольно косвенные. В Англии во время этого раунда протестов был повергнут и утоплен в воде Бристольского залива памятник крупному благотворителю города Бристоля, на деньги которого были построены в XVIII в. многие здания в городе, основаны школы и больницы — но источником этих денег была торговля рабами. В Оксфорде один из колледжей университета, до того успешно сопротивлявшийся призывам убрать с одного из зданий колледжа статую Сесила Родса, когда-то учившегося в Ориэл-колледже и оставившего ему в своем завещании часть своего огромного состояния, полученного от империалистической эксплуатации Южной Африки, капитулировал перед новым туром демонстраций протеста и согласился снять статую, «оскорбляющую чувства студентов».

Поэтому у многих в стране возникло ощущение, что памятник Черчиллю тоже собираются сбросить с пьедестала, особенно после того, как мэр Лондона, лейборист Садик Хан, объявил о создании комиссии, которая займется пересмотром облика города и соответствием его памятников требованиям времени. Внезапно оказалось, что «безмолвное большинство»

не так уж и безмолвно. На быстро появившемся интернет-сайте «Повалим расистов» в списке памятников, которые были обозначены как цель атаки, оказался среди прочих и введенный в 2008 г. в ознаменование столетия скаутского движения памятник его основателю, Баден-Пауэллу. Когда городской совет Пула, в котором стоит памятник, принял решение его «временно переместить», десятки людей пришли к памятнику Баден-Пауэллу и предотвратили снос. Нельзя было ожидать, что вандализм в отношении памятника Черчиллю, которому в 2002 г. британцы массово отдали свои голоса за первое место в конкурсе «100 величайших британцев», останется без ответа. Когда организации футбольных болельщиков призвали британцев через неделю после беспорядков собраться в Лондоне на защиту памятника Черчиллю, многие средства массовой информации заклеили их как «крайне правых» и сфокусировали внимание на одном эпизоде очень недостойного поведения. Однако «Черные жизни имеют значение» отменила планировавшийся митинг в Гайд Парке, почувствовав, что на этот раз насилие может исходить не только от их сторонников.

Премьер-министр Британии Борис Джонсон был вынужден вмешаться и выступил с заявлением. Выразив симпатии с «легитимными чувствами возмущения» по поводу убийства Джорджа Флойда полицейским в Америке, давшего толчок волне протестов, и признав законность протестов против дискриминации, он вместе с тем резко выступил против разрушения памятников. «Мы не можем подвергнуть наше прошлое

редактуры или цензуре. Памятники в наших городах были воздвигнуты предыдущими поколениями. У них была иная перспектива, иное понимание правильного и неправильного. Но эти памятники учат нас о нашем прошлом, со всеми его недостатками. Разрушить их означало бы лгать о нашей истории».

О Черчилле Джонсон, несколько лет назад написавший о нем книгу, сказал, что это «абсурдно и позорно», что надо защищать статую Черчилля, служащую «постоянным напоминанием о его достижениях в спасении этой страны — и всей Европы — от фашистской и расистской тирании». «Да, он иногда высказывал мнения, которые были и есть недопустимыми для нас сегодня, но он был героем, и полностью заслуживает мемориала».

В поле зрения премьер-министра оказался не только Черчилль. Джонсон упомянул и статую Оливера Кромвелля, на чьей совести не только голова английского короля Карла I, но и многие тысячи жертв его армии в Ирландии. На Зеленом Острове Кромвель считается одним из злодеев истории, но Джонсон считает, что памятник ему должен оставаться у здания парламента. Критики премьер-министра быстро ответили, что памятник был поставлен там в конце позапрошлого века с целью заручиться поддержкой консервативного правительства со стороны ирландских юнионистов, т.е. был чистейшим инструментом политики, а не увековечиванием истории. Этот момент, кстати, перекликается с элементом спора о памятниках полководцам Конфедерации в Америке.

Их критики говорят обычно, что они были инструментом напоминания черному населению об их подчиненном месте в обществе американского Юга. Защитники памятников, в свою очередь, указывают на то, что целью их возведения было вполне прозаическое отмечание пятидесятилетнего и столетнего юбилеев Гражданской войны в США.

Борис Джонсон завершил свое обращение предложением вместо того, чтобы разрушать памятники, лучше воздвигнуть новые, мужчин и женщин, принадлежащих к расовым меньшинствам, которые помогли созданию современного Содружества и современного мира.

Британские газеты вполне ожидаемо разделились в своем отношении к новому раунду «культурной войны» по партийному признаку. В «Гардиане» появились статьи с требованием убрать даже колонну Нельсона на Трафальгарской площади, по причине поддержки адмиралом сохранения рабства. В другой левой публикации, еженедельнике «Нью Стейтсмен», было заявлено, что Джонсон решил вступить за памятник Черчиллю, которому ничего не угрожает (подумаешь, вандализм), чтобы отвлечь внимание от требований движения «Черные жизни имеют значение». В этом с «Нью Стейтсменом» солидарен левый европейский сайт «Политико», перечисляя длинный ряд грехов Черчилля в глазах современных «лидеров общественного мнения». Принадлежащий российскому олигарху Лебеву «Индепендент» забил в набат: «Крайне правые на наших улицах и в сердце нашего правительства». С другой сторо-

ны политического спектра «бульварная» (и самая многотиражная в стране) «Сан» напечатала призыв боксера Тайсона Фьюри к Джонсону «отрастить пару яиц» и защитить памятник, а «Мэйл он Сандей» запустила петицию, требующую от правительства и парламента дать клятву, что статуя Черчилля никогда не будет снята с пьедестала. Ряд колумнистов считающейся правым изданием «Дейли Телеграф» выступили со статьями, где высказали мнение, что нынешняя кампания по борьбе с неугодными прогрессивной элите статуями является частью широкой кампании по захвату контроля за умами британцев, предшествующей достижению полного политического контроля над страной.

Одной из наиболее радикальных статей по поводу памятника Черчиллю была, пожалуй, статья журналиста «Блумберга» Михира Шармы, появившаяся через три дня после обращения Джонсона, 15 июня 2020 г. В ней он призывает снести памятник Черчиллю, поскольку, по его мнению, роль его в победе над нацизмом — это миф, и что Гитлер был бы побежден, даже если бы Черчилль никогда не существовал. Вторая причина снести памятник — это то, что Черчилль, по его мнению, символизирует Британию, в которой нет места меньшинствам, что он символизирует мнение, что Европа должна быть обязана Британии своим освобождением от нацизма, и тем самым легитимизирует брекзит, с которым журналист решительно не согласен. Помимо Черчилля, по его мнению, надо снести и другие памятники, напоминающие о колониальном прошлом Британии, и перечисляет ряд

памятников генералам, добившимся побед на полях Индостана.

Не мешает, однако, разобраться в обвинениях в адрес Черчилля. В первую очередь был ли Черчилль расистом. Как и у большинства людей его времени и воспитания, в его речах и текстах встречаются слова, которые сейчас вызвали бы резкое неприятие. Но с молодых лет он ненавидел рабство и считал уничтожение рабства одним из высочайших достижений Британской империи. В своих многочисленных книгах он хвалил своих противников из туземных племен, в Афганистане и Судане, за их отвагу и самоотверженность, хотя его высказывания об арабах обычно наименее благосклонны. Он придерживался принципа «равных прав для всех цивилизованных людей», но «цивилизация» для него не была равнозначна расе. Он считал, что любые населяющие империю народы должны иметь равные права, если они придерживаются европейских стандартов в своей жизни. После того как Муссолини напал на Эфиопию, Черчилль заявил, что эпоха, когда белый человек считал, что имеет право завоевывать земли людей с желтой, черной, коричневой или красной кожей, ушла в прошлое и подобная агрессия идет вразрез с этикой двадцатого столетия.

Да, Черчилль был империалистом. В молодости он участвовал в нескольких британских колониальных войнах. Он в 1897 г. защищал границы Британской Индии против афганцев, в 1898 г. принял участие в кампании в Судане, наконец, в 1899 г. он воевал против буров в Южной Африке. Но при этом, придя в парламент,

Черчилль неоднократно выступал против имперских авантюр Британии. Например, британскую экспедицию в Тибет в 1904 г. он охарактеризовал как «преступное и несправедливое вторжение». Встречаясь с германским кайзером Вильгельмом II в 1906 г., как раз после подавления немцами восстания племени гереро в Немецкой Юго-Западной Африке (сейчас Намибия), он выразил несогласие с тактикой немцев, фактически вылившейся в геноцид гереро. Он сказал: «Наша главная задача не в том, чтобы убить как можно больше восставших туземцев, а в том, чтобы помешать колонистам нанести слишком большой ущерб туземцам».

Будучи министром по делам колоний, он не раз на практике отстаивал интересы населяющих их народов, хотя при этом придерживался весьма патерналистских взглядов, считая, что британское покровительство — это лучшее, что произошло в их истории. Тем не менее он стремился к тому, чтобы администрация колоний справедливо относилась ко всем, даже самым скромным подданным империи. Когда в 1907 г. восстали зулусы в провинции Наталь (в Южной Африке), он назвал подавление восстания, приведшее к большим жертвам среди зулусов, «отвратительной бойней коренного населения».

О его позиции по отношению к предоставлению независимости Индии речь пойдет отдельно. Да, во время Второй мировой войны он приложил максимум усилий, чтобы противостоять антиимперским планам своих американских союзников в отношении британских владений. Когда Черчилль обсудил с Рузвельтом

Атлантическую хартию в августе 1941 г., он добился того, чтобы ее положения (о праве наций на самоопределение) не распространялись на Британскую империю. В оппозиции после поражения на выборах в 1945 г. он порицал правительство Эттли за его политику «затопления империи». «Я наблюдаю закат Британской империи, со всей ее славой и всем тем благом, которое она принесла человечеству».

Когда Черчилль снова встал во главе британского правительства, он с большой неохотой относился к предоставлению самоуправления британским колониям, но все же был вынужден смириться с тем, что расцвет империи остался в прошлом. Черчилль не ставил препятствий своим министрам по делам колоний, работавшим над подготовкой условий деколонизации. Во время чрезвычайного положения в Малайе в 1950-е гг. он призывал к восстановлению законности и порядка, но при этом дал согласие на обретение страной независимости. Во время восстания мау-мау в Кении он активно выступал против излишней жесткости по отношению к коренному населению и говорил, что общественное мнение Британии не одобрит массовых казней захваченных повстанцев. И хотя ему не удалось предотвратить заключение множества пленных в концентрационные лагеря, он выражал сочувствие народу кикию (к которому относилось большинство повстанцев) по поводу серьезных экономических трудностей, толкнувших их в ряды мау-мау.

После своей отставки Черчилль продолжал внимательно следить

за ситуацией в Содружестве наций. По мнению Черчилля, сменившие его министры поступили безответственно, фактически выпустив процесс деколонизации из-под контроля, что, по его мнению, привело к замене британского правления на «тиранию племенных диктаторов». При всей старомодности взглядов Черчилля нельзя не согласиться с тем, что постколониальная история Африки во многом подтверждает, хотя бы частично, его правоту и прозорливость.

Но надо сказать, что критики Черчилля в первую очередь вспоминают о его упорном противодействии предоставлению Индии самоуправления. Это так. Черчилль провел в Индии несколько лет и считал, что знает эту страну. Дело было в том, что за время, прошедшее с момента его отъезда из Индии, ситуация там очень сильно изменилась, и Черчилль не отдавал себе в этом отчет.

Несмотря на то, что лидер индийского освободительного движения Ганди последовательно призывал к ненасильственному сопротивлению британскому господству, Черчилль считал — и не стеснялся высказать это мнение во всеулышание, — что «гандиизм и все, за что он стоит, должно быть обуздано и раздавлено». Черчилль испытывал огромную неприязнь лично к Ганди и как-то сказал, что, если тот умрет, «мы избавимся от негодая».

Надо сказать, что отношение Черчилля к Ганди существенно улучшилось в середине 1930-х гг. В 1935 г. он сказал одному из друзей Махатмы, что после того, как тот начал свою

кампанию за права «неприкасаемых» (наиболее угнетенного слоя индусов, стоящего вне рамок кастовой системы), Ганди весьма вырос в его глазах.

Одним из наиболее страшных преступлений британских колонизаторов в Индии считают «бойню в Амритсаре». Когда в 1919 г. генерал Дайер приказал своим солдатам открыть огонь по большой толпе собравшихся на запрещенный митинг индийцев в городе Амритсар, отчего погибло около сотни людей и почти две тысячи были ранены пулями и пострадали в давке, Черчилль, на тот момент министр по делам армии, приказал сместить его с занимаемого поста и позже в парламенте отстаивал мнение, что действия Дайера были чрезмерными.

В начале 1930-х гг. позиция Черчилля по отношению к предоставлению Индии самоуправления во многом привела к тому, что он подорвал свою популярность как среди однопартийцев, так и среди более широкой общественности Британии. Но его противодействие, как он понимал, стремлению высшей касты индусов (брахманов) установить свою власть над многими миллионами низших каст было вполне искренним. Он считал, что только небольшая прослойка населения Индии заинтересована в политике и идеях Запада, тогда как основная масса думает лишь о хлебе насущном и вполне благосклонно относится к просвещенному правлению британских чиновников.

Наиболее серьезное обвинение Черчилля в связи с его отношением к Индии и ее народу связано со страшным голодом в Бенгалии в 1943 г. Голод

1943 г. и вина Черчилля регулярно возникали в статьях о его памятнике в этом месяце — причем как нечто якобы само собой разумеющееся. Виртуальные борцы с призраком британского империализма чуть ли не обвиняют его в организации голода, приведшего к гибели миллионов жителей Бенгалии: якобы, будучи расистом и ненавистником индийского освободительного движения, он сознательно блокировал поставки продовольствия в пораженные голодом регионы, а потому несет ответственность за геноцид трех с лишним миллионов бенгальцев (официальные цифры говорят о полутора миллионах умерших от голода в 1943 и 1944 гг.).

Действительность была иной. Прежде всего, индийская провинция Бенгалия была существенно перенаселена. Напомним, что восточная половина этой провинции Британской Индии, известная сейчас как республика Бангладеш, имеет население, на несколько десятков миллионов превышающее население России, при территории меньшей в 120 раз. Перед войной Черчилль неоднократно приводил тот факт, что население Индии выросло на 100 миллионов за столетие британского правления, как доказательство благотворности этого правления. Однако Бенгалия не была способна сама обеспечить потребности (весьма скромные) своего населения в продуктах питания. В десятилетия, предшествовавшие Второй мировой войне, значительная доля съедаемого бенгальцами риса выращивалась в соседней Бирме, на тот момент тоже входившей в Британскую Индию, — по иронии судьбы, она стала ее частью под ру-

ководством лорда Рандольфа Черчилля, — и доставлялась в порты Бенгалии по морю.

Поэтому, когда в 1942 г. Бирма была захвачена японцами, а восточная часть Индийского океана оказалась под их фактическим контролем, одно это уже означало весьма серьезные проблемы с обеспечением Бенгалии продовольствием. Собственный же урожай риса был фактически уничтожен катастрофическим циклоном, ударившим по Бенгалии в октябре 1942 г. Непогода к тому же повредила сеть железных дорог, по которым можно было бы перебросить продовольствие из других провинций Индии. Власти провинции, избранные на основе «Акта об Индии» 1935 г. из представителей местной элиты, оказались крайне неэффективными, многие чиновники вступали в сговор с торговцами зерном для извлечения максимальной персональной выгоды из ситуации, в которой оказалась Бенгалия. Власти же провинций, где имелся избыток продовольствия (например, Пенджаб), отказывались посылать зерно в Бенгалию, предпочитая накапливать собственные запасы. Налоговый министр Пенджаба летом 1943 г., когда голод и смертность от него достигли пика, категорически запрещал фермерам Пенджаба продавать зерно центральному правительству Индии по цене ниже установленного им минимума. При этом согласно тому же «Акту об Индии» центральное правительство в Дели утратило большинство рычагов воздействия на правительства провинций.

Нередко можно встретить утверждения, что Черчилль запретил посылать продовольствие затронутым голодом

районам Индии, чтобы не занимать тоннаж судов, нужный для переброски американской армии в Британию и для снабжения продовольствием населения самой Британии. Например, ссылаются на его отказ принять 100 тысяч тонн пшеницы от правительства Канады в ноябре 1943 г. — отказ, обоснованный тем, что эта пшеница сможет попасть в Индию только через два месяца. Однако вместо канадского зерна в Бенгалию было послано зерно из Австралии. В Индию также было направлено зерно из оккупированного Британией Ирака, да и из Канады все-таки добирались до Индии суда, груженные пшеницей. Отказ в выделении тоннажа судов для транспортировки зерна в Индию из Австралии действительно имел место — но со стороны американцев. В апреле 1944 г. Черчилль писал Рузвельту, что Бенгалии требуется миллион тонн зерна, которое есть в Австралии, но нет судов для его доставки. Рузвельт отказал, аргументируя это тем, что суда необходимы для операций на Тихом океане и для перевозки войск и оружия через Атлантику в преддверии высадки во Франции.

Когда в начале 1944 г. вице-король Индии генерал Уэйвэлл потребовал от Лондона направить в Индию полтора миллиона тонн зерна, британское правительство отказало в этом запросе, указав, что правительство в Дели должно овладеть ситуацией, ввести рacionamento продовольствия и твердые цены на него, чтобы обуздать разгорающуюся инфляцию. «Я, разумеется, помогу всем, чем могу, но вы не должны просить невозможного», — телеграфировал Черчилль в ответ. Британское пра-

вительство также подозревало, что усилия Дели по спасению голодающих саботировались чиновниками-индустриалами с целью дискредитации провинциального правительства Бенгалии, где большинство составляли мусульмане. Даже если отсутствовал прямой саботаж, индийской администрации на всех уровнях не хватало компетентности, чтобы справиться с голодом в условиях тяжелой войны. Уэйвэлл (в качестве главнокомандующего войсками театра военных действий в Юго-Восточной Азии) привлек к распределению продовольствия голодающим армию, но этих усилий явно было недостаточно.

Протоколы заседаний британского правительства показывают, что вопрос о голоде в Индии неоднократно поднимался («премьер-министр выразил большую симпатию страдающему народу Индии»), но также и то, что его решение критически зависело от других приоритетов воюющей страны — и в том числе от необходимости обеспечить поставки продовольствия как в Британию, так и в другие страны, находившиеся под контролем союзников, от потребностей в судах для конвоев в СССР за Арктическим кругом, для подготовки десантов на средиземноморском театре военных действий и в Северо-Западной Европе. Тем не менее миллион тонн зерна был доставлен в Бенгалию из Австралии в течение 1944 г. Обвинения Черчилля и его правительства в желании уморить голодом Индию не имеют под собой ни малейшего основания. Более того, они стремились сделать все возможное для борьбы с голодом и в то же время добиться победы в войне.

К сожалению, разбираться в деталях исторических событий нынешние борцы за лучшее будущее (и прошлое) не собираются. Они ищут простых решений, для чего нужен как можно более простой взгляд на со-

бытия прошлого. Хочется надеяться, что возобладает более искушенный взгляд, и история Британии будет восприниматься будущими поколениями во всем ее многообразии.

PROTEST AGAINST CHURCHILL: WORDS, DEEDS AND MYTHS. EYEWITNESS OPINION

Halushka Andrij – independent historian (London)

Key words: Historical revisionism, Churchill, British Empire, imperialism, historical memory.

Abstract. The assessment of Winston Churchill's personality caused heated debate both during his life and after his death. In the last year, attempts to overthrow this historical figure from the pedestal of British public memory have become particularly acute as part of ultra-left historical revisionism. This article was caused by this development. It briefly analyzes the most frequently encountered complaints against Churchill and proposes a comprehensive approach to assessing the more than half-century political path of this outstanding figure.

«У НАС ЕЩЕ МНОГО ПОГИБШИХ
И ПРОПАВШИХ НА ВОЙНЕ ЛЮДЕЙ,
О СУДЬБАХ КОТОРЫХ МЫ НЕ ЗНАЕМ.
ЭТО НАДО ВЫЯСНЯТЬ, ЛЮДЕЙ НАДО
НАХОДИТЬ — ЭТО НАШ ДОЛГ, МЫ
ДОЛЖНЫ ОТДАВАТЬ ДАНЬ ЭТОЙ
ПАМЯТИ».

Интервью с В. И. Тумаркиным

Ключевые слова: архив, оцифровка, поиск, война, потери, военнопленные, историческая политика, дело Дмитриева.

Аннотация. В интервью рассматривается тема создания электронных архивов, посвященных войнам и конфликтам XX в. — в первую очередь Второй мировой войне. Затрагиваются такие проблемы, как учет потерь, установление судеб пропавших без вести и военнопленных, поиск захоронений. Также В.И. Тумаркин говорит об исторической политике в современной России и «деле Дмитриева».
DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-101-115

Беседовал А. Ф. Арсентьев.

А.А. Расскажите, пожалуйста, в двух словах о себе.

В.Т. Родился в 1952 г., в прошлом веке. Окончил Московскую физико-

© Историческая Экспертиза, 2020

Тумаркин Виктор Иосифович — сотрудник корпорации «ЭЛАР», занимающейся оцифровкой архивов, технический руководитель проектов ОБД «Мемориал», «Подвиг народа», участник проекта «Память народа» (Москва); vtumarkin@elar.ru

математическую школу № 2 — замечательная была школа во второй половине 1960-х гг., в ней преподавали прекрасные учителя, в общем, была потрясающая атмосфера. Это был некий оазис в то время, которое тогда начали уже называть «застоем». Затем — Институт электронного машиностроения, 20 лет программирования, после чего я оказался в организации, которая сейчас называется ЭЛАР — «Электронный архив».

А. А. Как вы пришли к исторической науке?

В. Т. Собственно к исторической науке я не приходил никак — мы занимаемся переводом документов в электронный вид. Просто по ходу получилось, что мы занялись военными проектами. С 1997 г. организация, в которой я работаю, начала заниматься переводом документов в электронный вид. Сначала это были библиотечные каталоги. Мы оцифровали много каталогов разных библиотек — и Ленинской, и Публичной, и Исторической, и районных библиотек. Потом перешли к документам музеев, к архивным документам, а затем начался проект ОБД «Мемориал» — в 2006 г.

А. А. Расскажите про работу ЭЛАРа в 90-е. Какие тогда были заложены основы, позволившие компании в дальнейшем стать главным подрядчиком Минобороны?

В. Т. Ну, насчет главного подрядчика — это хорошая шутка. Полагаю, что Министерство обороны занимается не только электронными базами данных. Но про сайты о Великой Отечественной войне так, наверное,

сказать можно. В 90-е появились первые промышленные сканеры, позволившие начать массово сканировать документы и, что немало важно, — обрабатывать технологии их обработки, что в дальнейшем для документов Минобороны нам очень пригодилось. Дело в том, что мы сразу же ушли от практики, когда документ от начала до конца обрабатывает один человек. Начнем с того, что документы были, как правило, такие, которые не поддаются автоматическому распознаванию, они требовали ручной обработки. И вот как организовать эту ручную обработку — эту проблему мы и решили. Сначала на примере библиотечных карточек, а затем двигаясь все дальше и дальше — к документам различных архивов. Основная идея заключалась в том, что разные люди специализируются на разных частях документа: кто-то — на текстовой информации, кто-то — на цифровой и т. д. А потом все это просто объединялось — это был первый момент. И второй момент, который мы с самого начала установили, — это максимально возможная верификация. Потому что понятно, что ошибки возникают, понятно, что они окажутся и в конечном результате, особенно при конвейерной работе, которая у нас происходит. Но для того, чтобы уложить количество ошибок в тот минимальный процент, который оговаривается контрактами, надо стремиться к тому, чтобы процент этот был нулевым. Это, конечно, недостижимо, но чтобы продукт был качественным, к этому надо стремиться и автоматическими, и ручными методами. Это закладывалось изначально и развивалось в процессе работы.

А.А. Опишите, пожалуйста, подробнее процесс обработки — что происходит с момента обнаружения документа в архиве до его появления в открытом доступе на одном из ваших сайтов.

В.Т. Первый этап — это сканирование. Создаются графические образы, и вся дальнейшая работа идет не с документами, а с образами. Архивным документам часто требуется разбросовка, потому что в шитом деле тексты могут уходить под корешок и теряться, если обрабатывать не расшитые дела. Понятно, что после обработки дела надо сшивать назад — так, чтобы после сканирования качество их было не хуже, чем до обработки. Поэтому в штате должны быть брошюровщики, которые занимаются этими видами работ. Потом идет сканирование, естественно, с проверкой, с учетом физического брака, — это очень важный момент, потому что в самих делах могут быть дефекты, и эти дефекты должны помечаться при обработке, потому что если этого не делать, потом костей не соберешь, разбираясь, кто виноват, кто что перепутал и где что было. Так что это нужно помечать сразу и предоставлять тем, кто выдал дела, результаты этой проверки. Иногда бывают и пропущенные страницы в нумерации, не всегда отмеченные в заверительном листе, если заверительный лист есть вообще (в нормальных архивах он всегда, конечно, есть, а вот в разных ведомственных его может и не быть). Это первый этап. После того, как дело отсканировано, начинается обработка. Но для того, чтобы обрабатывать дела и создавать базу данных, надо предварительно разработать структуру этой базы данных,

составить набор полей, по которым обрабатываются документы, а также правила обработки. Это тоже очень важный момент, потому что обрабатывают их операторы в поточном режиме, и они должны знать, как это делать. При этом очень важно, чтобы задание было однозначным, каждый момент должен быть описан так, чтобы его можно было понять только одним способом, потому, что если где-то возникнет вероятность понять что-то иначе, это обязательно будет понято иначе и сделано неправильно. На людей, которые составляют задание на обработку, ложится очень большая ответственность.

Потом поля обрабатываются, создается база данных, технолог ее проверяет — уже отдельно саму базу, кроме обработки полей, которые часто заполняются двойным вводом — т.е. два человека делают одно и то же, и информация должна совпасть. После обработки информация заносится в базу данных. Дальше два варианта: либо заказчик получает непосредственно базу данных и дальше уже использует свое программное обеспечение — тогда он может выдвинуть требования, в каком виде ему базу данных передавать, либо мы разрабатываем и программное обеспечение тоже — были и такие случаи. Потом мы стали работать уже только со своим программным обеспечением.

А.А. С какими сложностями технического плана пришлось столкнуться при создании электронных архивов, и сколько времени заняла работа над ними?

В.Т. Сложностей можно выделить несколько. Если мы говорим про

ОБД «Мемориал» и архивы такого типа, то это не только база данных, но и образы самих документов. Как я уже говорил, первый этап обработки — это сканирование, и только потом уже выделение информации с образов, чтобы можно было эту информацию искать. База данных нужна только для того, чтобы найти информацию, но вся она смотрится уже на образе. Поэтому основные трудности — это в первую очередь старые ветхие документы и их сканирование так, чтобы с ними можно было после этого работать, и, естественно, чтобы отсканированный материал было возможно разглядеть на экране компьютера. И второй очень важный момент — какую именно информацию переносить с документов непосредственно в базу данных для поиска.

Могу рассказать такую вещь. Когда мы только начинали создавать ОБД «Мемориал», провели эксперимент — первые два архивных дела мы проиндексировали целиком, т.е. вся информация, которая была в документе, легла в поля базы данных. Сделали так два дела, а потом посчитали, сколько времени займет вся обработка и сколько это будет стоить. И поняли, что при таком подходе это нереально. И пришлось влезать в прокрустово ложе и выбирать, что именно надо индексировать, исходя из условия, что индексные поля нужны только для поиска, потому что всю остальную информацию можно посмотреть в самом документе, который тоже можно увидеть на экране компьютера. Понятно, что когда ты что-то не вводишь, то ты это теряешь и для поиска. И выбор того, что нужно вводить в базу, а что нужно оставить только на образе — это достаточно сложный момент.

А. А. А программное обеспечение создавалось с нуля, или было что брать за основу?

В. Т. Для обработки документов первоначально, когда мы работали с библиотечными каталогами, мы взяли программный продукт, который был предназначен совсем не для этого, а потом разработали свое программное обеспечение для обработки этой информации. Оно достаточно сложное, поскольку кроме обработки информации надо было учитывать объем работ, выполненных операторами-сдельщиками, и т.д. А что касается конечного продукта, то это зависит от того, кому что надо. Но для своих проектов мы все разрабатывали сами. Мы не разрабатывали библиотечных программ — АБИСы, автоматизированные библиотечные информационные системы, разумеется, у каждой библиотеки были свои. И там, как правило, создавались так называемые марковские записи, которые делались в марк-формате, использовавшимся конкретной библиотекой, и просто загружались в их систему. А, допустим, ОБД «Мемориал» и «Память народа» — это все наши собственные разработки.

А. А. Каков размер штата у ЭЛАРа? Сильно ли он вырос за последние годы, или вы пошли по пути интенсификации работы?

В. Т. Когда мы начинали в 97-м, в ЭЛАРе было два-три десятка человек. Сейчас их, конечно, больше, но сейчас там совсем другая структура — очень многие операторы индексирования и верификации работают на дому. Есть филиалы в различных городах. Сейчас это большая орга-

низация. К каждому конкретному проекту привлекается ровно столько людей, сколько для него требуется.

А. А. Работа с архивами естественным образом подразумевает взаимодействие с государственными структурами. Скажите, возникают ли здесь какие-то сложности — например, проблемы с доступом к документам? Как вообще осуществляется работа с такими архивами, как ЦАМО и ГАРФ?

В. Т. У нас ситуация в этом смысле специфическая. Мы являемся подрядчиками, а заказчик работ — Министерство обороны. Сайты, которые мы делаем, принадлежат Министерству обороны. Оно дает нам заказ, и поэтому работа с тем же ЦАМО строится через Управление Министерства обороны по увековечению памяти погибших при защите Отечества. Поэтому как раз с военными архивами проблем нет. С другими же архивами, которые не подчиняются Министерству обороны, проблемы иногда возникают. Но они решаются. А с ГАРФ, который вы упомянули, никаких проблем нет. Это наш многолетний партнер. Другое дело, что у Минобороны есть свои правила — какую информацию можно размещать, какую — нельзя, и эти правила мы вынуждены выполнять. Еще раз повторю, что мы не являемся владельцами ресурсов и не мы определяем, что на них можно выкладывать, а что нельзя. Хотя зачастую мы сами эту информацию находим.

А. А. Проект «Память народа» считается крупнейшей в мире электронной базой документов периода Второй мировой войны. Что вы мо-

жете сказать про аналогичные зарубежные проекты?

В. Т. Честно говоря, ничего не могу сказать. Мы их ограниченно использовали, когда нужна была какая-то информация, но целиком не анализировали. У нас была четкая задача — что требуется от наших проектов. «Память народа» создавалась не сразу. Сначала был ОБД «Мемориал», который появился в Интернете в 2007 г. В 2006 г. началась предварительная работа, можно сказать, тестовая, потому что Минобороны хотело посмотреть, что из этого получится. А серьезная, большая работа пошла с 2007 г. Нам поставили план за 2007 г. загрузить 20 млн записей. 20 млн записей за год! Это была страшная работа. «Подвиг народа» появился в 2010 г., а «Память народа» — в 2014 г. В принципе, «Память народа» включает в себя и «Подвиг народа», и ОБД «Мемориал», и оперативные документы.

Действительно, я не знаю другого ресурса, который был бы так же устроен, в котором можно удобно находить и просматривать именно сами документы. Каждый из этих трех ресурсов имеет свои нюансы. «Память народа» включает в себя всю ту информацию, которая есть и на ОБД «Мемориал», и на «Подвиге народа», но при этом сам поиск устроен там немного по-разному. Есть свои плюсы и у ОБД «Мемориал», и у «Подвига народа», и у «Памяти народа». Здесь хорошо понимать, чем пользоваться в зависимости от того, что пользователь ищет.

А. А. Как вы оцениваете объем проведенных работ по оцифровке? Что еще предстоит сделать? Что,

по вашему мнению, можно улучшить в самих сайтах?

В.Т. На мой взгляд, самое большое наше место — это ОБД «Мемориал», т. к. это информация о погибших и пропавших без вести. Очень многие люди с помощью этого сайта нашли информацию о своих близких, но многие, к сожалению, так и не нашли и ищут до сих пор.

Любая работа начинается с обработки компактного массива данных. Дальше начинается рутина — дальше надо искать, где еще что выбрать. Эти поиски достаточно сложные и, скажем так, не выигрышные. Это именно рутина, но рутина необходимая, обязательная для нашей работы. Трубить в фанфары от этой работы невозможно, но очень важно, чтобы эта работа продолжалась, потому что у нас еще много «белых пятен». Надо искать, искать и искать. В первую очередь это касается, конечно, наших военнопленных, по которым у нас информации гораздо меньше, чем хотелось бы. Сейчас мы начали грузить информацию из Национального архива США, недавно загружена информация из Национального архива Финляндии, которая была передана в виде образов в РГВА, откуда мы ее получили. Но по военнопленным еще очень много проблем, и, к сожалению, они касаются не только зарубежных лагерей, но и лагерей, которые были на территории Советского Союза. Информации очень мало, и ее надо искать. Поэтому, когда задается вопрос, сколько времени надо, чтобы все закончить, я не могу на него ответить. Я не могу сказать, когда это будет закончено, и будет ли закончено вообще. Если связанная с наградами

информация более-менее обработана — обработаны документы, которые есть в наградном отделе ЦАМО, обработаны все указы Президиума Верховного Совета военного времени, которые имеются в ГАРФ, то по потерям ситуация сложнее.

По оперативным делам надо «добывать» документы ЦАМО, которые еще не обработаны. После того, как описи ЦАМО были оцифрованы, стало легче искать дела, которые требуют индексирования. Таким образом, например, по всем оцифрованным описям смогли найти журналы боевых действий — это те оперативные дела, которые, на мой взгляд, в первую очередь помогают при выяснении ситуации — где части стояли в конкретный момент, что там происходило. Но описи обработаны еще не стопроцентно, поэтому небольшая часть еще осталась, и она, конечно, будет дорабатываться.

Также большая проблема в том, что, несмотря на всю рекламу, люди часто не знают про сайты. Или путают базы данных с Книгами памяти. Пишут нам, чтобы мы исправили ошибки и неточности в документах, но не понимают, что мы не можем этого сделать, т. к. документы у нас хранятся в том виде, в каком они есть.

А.А. **Одной из главных проблем в нашем архивном деле является учет потерь. Понятное дело, что в документах имеется огромное количество разночтений, недоучета и прочего. Как вы считаете, можно ли разобраться со всем этим?**

В.Т.: Это, собственно, то, для чего создан ОБД «Мемориал». Именно

там можно сравнивать разные документы про одних и тех же людей, смотреть расхождения и т. д. Но другое дело, что есть лакуны. Информация, которой нет в одном архиве, нет в другом — ее надо откуда-то выискивать. Вот в этом проблема, связанная с потерями. У нас есть достаточное количество людей, по которым есть только данные подворных опросов — человек ушел на войну и сгинул, и родственники даже не знали, в какой части он служил. К сожалению, есть еще много такой информации. А есть люди, про которых нет вообще ничего — даже подворных опросов. Чтобы все это совместить, надо вести работу, которая сейчас только началась — брать списки призыва. Они находятся в военкоматах. Но всюду ли они сохранились — большой вопрос. Без списков призыва мы не сможем окончательно решить эту проблему.

А. А. Сейчас началась также оцифровка трофейных фондов. Расскажите, пожалуйста, подробнее про эти работы и про то, почему они начались только сейчас.

В. Т. Почему обработка трофейных фондов началась только сейчас, я сказать не могу — тем более ведем ее не мы. Так как там нет информации о потерях, а в основном документы частей, мы этой работой не занимались. Мы обрабатывали лишь документы о военнопленных из трофейных фондов РГВА — вот там мы перешерстили их, чтобы найти всю информацию, которая касается советских военнопленных.

А. А. А есть ли обмен данными о военнопленных между разными странами?

В. Т. Вроде бы идет разговор о передаче из Германии информации о советских военнопленных¹. Уже несколько лет существует совместный российско-германский проект, но тут есть проблемы. Они связаны с законами о персональных данных — даже информация о наших военнопленных, которая находится в немецких архивах, подчиняется немецким законам о персональных данных, переступить через которые оказывается невозможно. Тем не менее эта работа идет. Не могу сказать, что она идет очень быстро, но она идет. И информация о немецких военнопленных обрабатывалась и поступала в немецкий Красный Крест и в другие организации, и обработка документов из зарубежных архивов по нашим военнопленным тоже идет. Например, сейчас мы получаем и загружаем на наши сайты документы про советских военнопленных из Национального архива США, которые попали туда из союзных зон оккупации в свое время. Так что работа идет, но, конечно, хотелось бы, чтобы она шла более интенсивно.

А. А. Вы упомянули о документах по военнопленным из архивов Германии, США и Финляндии. А есть ли они в других бывших странах Оси — например, в Румынии и Венгрии?

В. Т. У нас имеются данные по румынским лагерям — они как раз собраны в трофейных фондах РГВА

¹ Информация из немецких архивов начала поступать с лета 2020 г.

и загружены в ОБД «Мемориал». По лагерям на территории бывшего СССР лагун очень много, и непонятно, где находятся материалы. Например, был огромный лагерь в Пскове, прямо на территории города, — и совершенно нет имен узников этого лагеря. И таких лагерей, к сожалению, очень много — проще пересчитать те, по которым информация есть. Что-то вылезает в областных архивах — в Таганроге, например, вылезла тетрадь из лазарета для военнопленных (мы ее, кстати, до сих пор не получили). Это все надо искать, находить и обрабатывать. Об этом-то и речь, что компактные массивы у нас более-менее обработаны, и надо искать то, что лежит по отдельности, и это отдельная большая задача.

А. А. Помимо темы военнопленных огромным белым пятном в истории войны является тема коллаборационистов. Скажите, приходилось ли вам работать с архивными материалами по это теме?

В. Т. Немного, и только с тем, что попало к нам как документы о военнопленных — на некоторых из них есть пометки «хиви»². Опять же, есть списки в документах трофейного фонда РГВА — и «добровольных помощников», и участников разного рода боевых подразделений из бывших советских граждан и военнослужащих. Они есть, и они нами тоже обрабатываются, потому что это в основном бывшие военнослужащие, которые у нас числятся пропавшими без вести. Есть эта информация

и в немецких архивах, но мы ее пока не получили. Надеемся получить, а вот получим ли — не знаю.

А. А. Среди военных историков есть много сторонников так называемого «балансового» способа оценки потерь — скажем, высчитывания процента членов ВКП(б) среди бойцов и командиров и выведения общих потерь на основании данных о потерях партийных кадров. Как вы считаете, насколько адекватен такой подход?

В. Т. Я никогда сам не занимался подсчетом потерь, я считаю, что это не наша задача. Наша задача — дать информацию, а ученые пускай ею занимаются. Другое дело, что я видел те расчеты, которые делались как бы на основании ОБД «Мемориал» и которые, как мне кажется, грешат ошибками. Когда берутся какие-то проценты, что-то как-то вычисляется... Тем более я знаю, что у ОБД «Мемориал» есть определенное свойство: на одного человека заводится столько записей, сколько раз он упоминается. И сведение, которым у нас сейчас занимаются, на мой взгляд — очень тяжелая вещь, потому что ты можешь глядеть на записи и не понимать, относятся они к одному человеку или к разным. Таким образом, когда мы говорим о количестве записей в базе данных, мы не говорим о количестве потерь. Какой коэффициент? Он разный. Для военно-морских сил, где есть даже картотека потерь — порядка 150 тыс. человек, учет был более-менее точный. Там

² Хиви (от нем. *Hilfswilliger*, «желающий помочь») — вспомогательный персонал вермахта, набравшийся из числа советских граждан — как жителей оккупированных территорий, так и военнопленных. Первоначально замещали немцев на небоевых должностях, в дальнейшем привлекались и к участию в боях.

на одного человека может быть пять-семь (а где-то я видел до девяти) различных документов частей разного уровня. А в других случаях — дай Бог один, да и он может оказаться документом подворного опроса. Поэтому даже высчитать среднее количество записей на человека я не могу. Кроме того, совершенно непонятно, какая часть документов потеряна, по какому количеству людей у нас нет вообще никакой информации, а такие люди, безусловно, есть, и это не единичные случаи. Так что я не берусь судить о количественных потерях. Моя задача — дать максимум информации для исследований, но сам я в данном случае не исследователь.

А. А. Какие еще есть белые пятна в том массиве документов, который сейчас выложен в открытый доступ?

В. Т. Это, прежде всего, начало войны. По началу войны документов гораздо меньше, чем по следующим годам. Они либо не сохранились, либо вообще не были созданы. Поэтому многие из тех, кто числится пропавшим или вообще никак не числится, — это те люди, которые погибли в самом начале войны. Это, наверное, первый и основной момент. Мало документов по народному ополчению. Есть и другие моменты, связанные с тем, что у нас есть документы об освобожденных из плена, есть документы, дезавуирующие информацию о гибели или пропаже, но тем не менее регулярно приходят письма о том, что, допустим, человек числится погибшим, а он вернулся домой и дожил до такого-то года, но нет документов, подтверждающих, что он остался жив. Все документы, которые выложены на этих сайтах, на-

до воспринимать все-таки как банк архивных данных. Он может дать информацию, которую люди не знали, и дает, но говорить, что там стопроцентно верная информация, невозможно. Если в документе написано «перешел на сторону врага» — что это значит? Он мог перейти, а мог быть просто взят в плен. Это запись того времени на языке того времени. Если написано, что человек дезертировал — он мог дезертировать, мог быть убит и мог быть захвачен в плен — мы не знаем. Мы только знаем, что в документе так написано.

А. А. Ведутся ли работы по оцифровке документов, связанных с Первой мировой?

В. Т. Такая работа началась, она частично была сделана, есть сайт «gwar.mil.ru», на котором лежит то, что было обработано. Это были работы, связанные с юбилейными датами — к столетию начала войны, к столетию конца. Более подробно я сказать не могу, потому что сам этим не занимался, хотя ЭЛАР занимался.

А. А. А что насчет других войн? Например, войн Интербеллума — КВЖД, Испании, Хасана, Халхин-Гола, или конфликтов холодной войны от Кореи до Афганистана включительно?

В. Т. Это все в планах, разговоры на эту тему идут, но конкретно сейчас работ по этим конфликтам не ведется. Но, например, когда выложили финские карточки, то там были и карточки про Зимнюю войну. То есть советские военнопленные, захваченные в Зимнюю войну, там присутствовали. Я знаю также, что

в РГВА создали свою внутреннюю базу по Финской войне, по Халхин-Голу и Хасану они, по-моему, у них тоже есть, но это базы для внутреннего пользования. А у нас таких баз нет. По послевоенному времени есть паспорта воинских захоронений, которые Управление по увековечению передает нам. И там есть и погибшие после войны, и более ранние захоронения — вплоть до XVIII в. Все паспорта, которые есть в Управлении по увековечению, в нашу базу занесены. Но целенаправленно работа по другим войнам и конфликтам не ведется. Хотя в ОБД «Мемориал» есть отдельные документы по потерям — там есть, допустим, потери в венгерских событиях 1956 г., может быть, еще что-то.

А. А. Какие неочевидные для простого пользователя особенности работы с вашими сайтами вы могли бы выделить?

В. Т. Это использование различных возможностей запросов. Допустим, работая с сайтом ОБД «Мемориал» или «Подвигом народа», надо сразу переходить в режим расширенного поиска, потому что главная страница, где вводятся фамилия, имя, отчество и год рождения — это исключительно для людей, которые плохо работают с компьютером. Поэтому надо входить в режим расширенного поиска и пользоваться всеми его возможностями. И помнить, что надо правильно давать поисковый запрос. Можно задать сразу все что знаешь, и не получить в ответ записи, потому что этой информации просто нет в документах. Поэтому свой запрос надо варьировать, не вводить слишком мало информации, чтобы не по-

лучить лишние записи, и не вводить слишком много, чтобы не отсеять нужные. Кроме того, очень важно понимать, что, например, ОБД «Мемориал» и «Подвиг народа» работают по одному принципу, а «Память народа» — по другому. Допустим, «Память народа» находит и похожие записи, отличающиеся в поле одним-двумя символами, а ОБД «Мемориал» и «Подвиг народа» найдет только то, что полностью удовлетворяет запросу. Примерно такие нюансы. Люди должны понимать, как может быть искажена фамилия, как может быть искажено имя, какие символы в рукописном почерке могут быть прочитаны неправильно. Например «мо» и «лю» в рукописном почерке зачастую различить нельзя, или буквы «г» и «ч». Не говоря о том, что безударные гласные могут со слуха быть записаны и так, и так. Это надо учитывать, когда делается запрос.

А. А. Вы упомянули проблемы с почерком. А используются при обработке документов программы его распознавания?

В. Т. Нет.

А. А. Вы связаны с представителями военно-поискового движения — в частности, с Кетеван Гегелия. Расскажите про вашу работу с ними.

В. Т. Непосредственно в поисковой работе я не участвовал. Хотя со многими поисковиками я связан, они обращаются ко мне за консультациями, когда у них возникают какие-то вопросы, когда нужно помочь что-то найти. Что касается Кетеван, то она ведет большую просветительскую работу, и она меня несколько

раз приглашала прочитать лекции о наших сайтах и о том, как с ними работать. Я также выступал на нескольких форумах, имею хорошую связь с казанскими поисковиками, регулярно с ними общаюсь. Только что, в марте, был в Вологде на семинаре-практикуме для поисковиков, где сделал два сообщения. Как я уже говорил, есть люди, даже среди поисковиков, которые про наши сайты не слышали, и для них это оказывается просто откровением.

А. А. В начальный период работы вашей компании вы исследовали судьбу Рауля Валленберга. Расскажите об этом.

В. Т. Вы знаете, это не исследование судьбы, это лишь один частный эпизод. Он был связан с тем, что американский ученый Марвин Макинен, будучи студентом Берлинского университета, попал в Советский Союз, что-то там фотографировал, был арестован, обвинен в шпионаже и посажен во Владимирскую тюрьму. Во Владимирской тюрьме он услышал, что человек, который умер перед тем, как он туда попал, видел в тюрьме Валленберга. То есть все начинается с вот таких слухов: якобы в больничном корпусе Владимирской тюрьмы содержался Валленберг. Он это запомнил и почти через 40 лет добился гранта, кажется, от Швеции, на это исследование. Исследование заключалось в том, чтобы проанализировать карточки заключенных Владимирской тюрьмы того времени, чтобы увидеть — есть ли там в больничном корпусе в это время номера камер, которые не задействованы, — предполагая, что там мог быть Валленберг. Я не могу оце-

нивать, насколько это была плодотворная идея. Дело в том, что шведам за много лет выдавались разные версии судьбы Валленберга — настолько разные, что они перестали вообще во что-то верить. И когда им сказали, что он погиб на Лубянке в 1947 г., что больше всего похоже на правду, они не поверили и в это. И вот они решили проверить гипотезу, что он был во Владимирской тюрьме.

Макинен выбрал нашу организацию в качестве исполнителя работ по сканированию карточек, индексированию и составлению базы данных, которую они собирались анализировать. Мы приехали туда со сканером. Вместе с нами были ребята из «Мемориала» — Коля Костенко и Гена Кузовкин. От нас был Юра Ильин, который осуществлял сканирование, был Макинен и его программист Ари Каплан. И вот несколько дней мы провели в тюрьме, сканируя содержимое определенных ящиков картотеки. Дело в том, что за год до этого там уже была делегация, она отобрала карточки, которые интересовали Макинена, и он надеялся, что мы просто приедем и все это отсканируем. Но когда мы приехали, оказалось, что они все эти карточки уже поставили на место, сообщив, что, дескать, «вас год не было, а к нам приходят разные делегации и нам все это нужно». И пришлось не только сканировать, но и отбирать карточки. Макинен их отбирал, мы их сканировали. Потом были записаны диски. Естественно, никто эти диски нам на руки не дал, они были переданы сотрудникам МВД — с нами всегда был приставленный к нам сотрудник тюрьмы, который следил за тем, чтобы мы ничего не взяли. И эти диски остались у них. Где-то

через год встал вопрос об индексировании, создании на основании этих образов базы данных. Тогда уже была создана ФСИН, и эти диски находились во ФСИН. Нам было выделено помещение, относившееся тогда к РГВА, — там было маленькое трехэтажное здание, сейчас, по-моему, оно передано РГАЛИ. И под наблюдением двух ФСИНовцев команда наших операторов, которую я возглавлял, составляла базу данных из этих записей, т.е. переписывала, какие люди, в какое время, в каких номерах этого больничного корпуса содержались — интересовал нас только больничный корпус. На мой взгляд, это все было не очень логично, потому что я лично видел, как у одного и того же человека на двух разных карточках за одно и то же время были указаны разные номера. То есть какова достоверность этих карточек, я сказать затрудняюсь. Тем не менее мы создали эту базу данных, она была записана и передана сотрудникам ФСИН. А еще через год американцы договорились с ФСИН. Они приехали, и на территории Бутырской тюрьмы им дали поработать с этой базой, на компьютере, который затем они были обязаны отдать. Они применили к этой базе данных свои программы и получили какие-то результаты, которые проверили сотрудники соответствующих органов и разрешили им их использовать. Вот примерно такая история этих поисков. Мы там были исключительно в качестве исполнителей работ.

А.А. Журнал «Историческая экспертиза» занимается мониторингом исторической политики. Что вы можете сказать касаясь исторической политики — как связанной со Второй мировой, так и с другими темами?

В.Т. Хороший вопрос. Сейчас есть болевые точки. Мне, допустим, хорошо известна ситуация, связанная с урочищем Сандармох, где предпринимается попытка переписать историю, заявить, что там похоронены наши красноармейцы. Никаких поводов к этому на данный момент нет. Есть так называемые «научные гипотезы», в которых не приводится ни единого реального факта, и создается полное ощущение, что эти «гипотезы» созданы на заказ под конкретную задачу. В посвященной этим «гипотезам» брошюре С.Г. Веригина нет ни одной ссылки. Какая может быть научная статья без ссылочного аппарата? Также были проведены две экспедиции Российского военно-исторического общества, которые копали в Сандармохе. Эти две экспедиции больше походили на спецоперации, чем на реальные раскопки. Было нарушено все что можно — об этом хорошо писала Эмилия Эдгардовна Слабунова. Можно только добавить, что те останки, которые были выкопаны в 2018 г., до сих пор не захоронены, не говоря уже о том, что было выкопано в 2019-м. И совершенно поразительная для меня вещь: поисковый отряд «Высота 76» из Ярославля, который проводил раскопки под руководством РВИО, опубликовал на своем сайте сообщение о том, что они откопали останки 16 человек в красноармейской форме с калошами, на которых было написано «Ярославль» — такое беспрецедентное вранье!

Как я уже говорил, у нас еще много погибших и пропавших на войне людей, о судьбах которых мы не знаем. Это надо выяснять, людей надо находить — это наш долг, мы должны отдавать дань этой памяти. Но когда

именами людей начинают манипулировать в политических целях — это просто омерзительно! Вот, например, та же Карелия. Если взять уже находящуюся на сайте ОБД «Мемориал» финскую базу, то там мы найдем около 19 000 советских военнопленных, погибших в финских лагерях. И на финских карточках указаны места захоронений. Они указаны, естественно, не с топографической точностью — указаны лишь населенные пункты, возле которых они захоронены. Живы еще те люди, которые тогда были детьми и которые могут указать, где это было. Мне говорили, что конкретно в Медвежьегорске такие люди есть. Мы говорим про конкретных советских военнопленных с конкретными именами — вот их-то и надо искать. А попытка придать другой статус Сандармоху и попытка искать там абстрактных советских военнопленных вместо того, чтобы искать их там, где они действительно есть — это чисто политические игры. Увы, это не единственный случай. В той же Карелии, в Красном бору, в другом месте захоронений времен Большого террора, вдруг появляется свежий памятник бойцам, погибшим в Великую Отечественную войну (я был там 2 года назад, памятника не стояло). Но если пробить имена, указанные на памятнике, по ОБД «Мемориал», появляются вопросы. Насколько я слышал, нечто подобное происходит и в Медном, где захоронение польских военнопленных пытаются объявить захоронением советских солдат времен Великой Отечественной войны. Это все очень печально...

А.А. А есть ли сейчас поисковики, которые бы занимались поиском этих реальных финских захоронений?

В.Т. Поисковые отряды, которые занимаются финскими захоронениями, есть. В Вологде как раз был доклад на эту тему, и они сказали, что знают два конкретных места в Карелии, но вот больше — нет. Но свои доклады и материалы они подготовили до опубликования финской картотеки на сайтах Министерства обороны — там она появилась только в октябре 2019 г. Так что я думаю, что теперь это должно быть легче. Другое дело, что, конечно, распознать сокращенные финские названия очень тяжело. Я не исключаю, что мы сделали ошибки при переводе на русский язык, и ко всем обращаюсь, чтобы, если такие ошибки будут замечены, нам сообщали — мы их исправим. Но в любом случае на сайтах есть сами карточки, что очень важно — люди могут изучать их. И те, кто владеет географическими данными Карелии и финским языком, легко смогут понять, что там написано.

А.А. Скажите, вы связаны как-то с первооткрывателем Сандармоха Юрием Алексеевичем Дмитриевым?

В.Т. Что касается Дмитриева, то я про это ничего раньше не знал — я узнал про него из средств массовой информации. Для меня это было очень важно, поскольку то, что делает Дмитриев, и то, что делаем мы, очень близко, только мы занимаемся Второй мировой, а он занимается сталинскими репрессиями. А по сути это одно и то же — поиск имен и определение судеб людей. Эта история с арестом Дмитриева и тем, что творится вокруг Сандармоха, меня очень сильно задела. Потом друзья позвали меня поехать в Петрозаводск на суд. Так получилось, что

я в первый раз приехал туда тогда, когда Юрий Алексеевич был выпущен из тюрьмы под подписку о невыезде, — т. е. он сам приходил в суд, и с ним была возможность пообщаться персонально. Там же, в коридорах суда, я познакомился с Анатолием Яковлевичем Разумовым и другими людьми. Ну и поскольку так получилось, что на суд я ездил не один раз, завязались отношения.

А. А. Вы упоминали о сотрудничестве с обществом «Мемориал». Расскажите о нем.

В. Т. Ну, я бы не говорил о каком-то конкретном сотрудничестве. Просто один из его руководителей — мой школьный знакомый. Иногда я заходил к нему туда, мы что-то обсуждали, там, кстати, мы встретились с Колей Костенко, и это, возможно, сыграло свою роль в том, что Макинен выбрал нашу организацию для участия в поисках Валленберга. К нам он пришел выяснять, кто мы и что мы можем, вместе с Колей, и когда мы с Колей начали здороваться, на него это как-то повлияло, как мне показалось. Он все время боялся, что его будут обманывать, и данная ситуация, возможно, дала ему некое подобие уверенности, в том, что здесь его не обманут.

А. А. А были ли еще проекты, связанные с «Мемориалом», помимо поисков Валленберга?

В. Т. Нет. Я приезжал туда рассказывать про ОБД «Мемориал», когда меня просили. Общался с Арсением Борисовичем Рогинским. Конечно, я знаком с рядом мемориальцев, хожу на мероприятия «Мемориала» иногда. Разумеется, каждый год 29 октября я хожу к Соловецкому камню, но не более того. Но конкретно в проектах «Мемориала», к сожалению, я не участвовал.

А. А. Участвовали ли вы в работе проекта «Возвращенные имена»?

В. Т. Нет, в «Возвращенных именах» мы не участвовали. «Возвращенные имена» — это проект Российской национальной библиотеки, им занимается Анатолий Яковлевич Разумов. Но ЭЛАР этим не занимался.

А. А. Возможно, вы консультировали Анатолия Яковлевича?

В. Т. Нет. Иногда Анатолий Яковлевич задает конкретные вопросы, но только касающиеся ОБД «Мемориал». Да, кстати, именно по его просьбе я пробил в ОБД имена, указанные на памятнике, появившемся в Красном бору.

А. А. Что же, спасибо за уделенное время!

«У нас еще много погибших и пропавших на войне людей, о судьбах которых мы не знаем...»

“WE HAVE A LOT OF PEOPLE KILLED AND MISSED IN WAR, ABOUT WHOSE FATES WE DO NOT KNOW. WE SHOULD DISCOVER IT, FIND THIS PEOPLE — IT IS OUR DUTY, WE SHOULD PAY TRIBUTE TO THIS MEMORY”. INTERVIEW WITH VIKTOR I. TUMARKIN.

Tumarkin Viktor I. — the employee of “ELAR” corporation, which is involved into digitization of archive documents; technical leader of projects OBD (combined data base) “Memorial”, “Podvig naroda” (Feat of nation), participant of project “Pamyat’ naroda” (Memory of nation) (Moscow)

Key words: archive, digitization, searching, war, casualties, prisoners of war, historical policy, Yuri Dmitriev case.

Abstract. The interview deals with the creation of digital archives, dedicated to wars and conflicts of the XX century — first of all, WW2. It involves such problems as casualties’ records, determination of the fate of MIA’s and POW’s, finding of the burial places. Also Victor I. Tumarkin speaks about historical policy in contemporary Russia and “Yuri Dmitriev case”.

«МЫ НИКАК НЕ МОЖЕМ ГОВОРИТЬ
О НЕКИХ “СЛУЧАЙНОСТЯХ”
ИЛИ ВИНОВНОСТИ АБСТРАКТНОЙ
“ВОЙНЫ” КАК ТАКОВОЙ. ВИНОВНИКИ
МАССОВОЙ ГИБЕЛИ СОВЕТСКИХ
ВОЕННОПЛЕННЫХ — ЭТО РУКОВОДСТВО
НАЦИСТСКОГО ГОСУДАРСТВА,
КОМАНДОВАНИЕ ВЕРМАХТА, НЕМЕЦКИЕ
ОФИЦЕРЫ НА МЕСТАХ И ВСЕ ТЕ, КТО
УЧАСТВОВАЛ В БЕЗЖАЛОСТНОЙ
ЭКСПЛУАТАЦИИ ЛЮДЕЙ».

Интервью с Д. В. Стратиевским

Ключевые слова: военная история, Вторая мировая, военнопленные.

Аннотация. В интервью затрагивается тема судеб советских военнопленных в годы Второй мировой войны. Освещается историография данного вопроса, а также затрагивается ряд дискуссионных тем.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-116-130

Стратиевский Дмитрий Валериевич — историк, доктор исторических наук, научный сотрудник исследовательского и документального проекта «Советские и немецкие военнопленные и интернированные» ГИИМ — Германского историче-

ского института в Москве (Deutsches Historisches Institut Moskau). Исследователь проблемы советских военнопленных в Третьем рейхе и начального периода Великой Отечественной войны. Автор ряда книг, статей и выставок.

© Историческая Экспертиза, 2020

Стратиевский Дмитрий Валерьевич — доктор истории, магистр политологии, научный сотрудник Германского исторического института в Москве (Берлин); Dmitri.Stratievski@dhi-moskau.org

Беседовал А. Ф. Арсентьев.

А. А. Как вы пришли в историческую науку и почему занялись темой военнопленных?

Д. С. Я родом из семьи «технарей», но любительский интерес к истории присутствовал у нас всегда. У меня он возник на фоне перестроечных публикаций о ранее табуированных страницах нашей истории. Уже в Германии у меня появилась возможность поступить на факультеты политологии и истории со специализацией история Восточной Европы и бывшего СССР. Проблематика войн XX в. находилась в центре моего внимания с первого курса, но узкая специализация вначале была иной. В период учебы я стал сотрудничать с берлинским гуманитарным объединением «КОНТАКТЕ-КОНТАКТЫ», которое осуществляло практическую помощь «забытым» пострадавшим от нацизма, не получившим компенсационные выплаты от правительства ФРГ и не фигурировавшим в исторической памяти Германии. Первоначально эта НКО занималась финансовой поддержкой бывших гражданских принудительных рабочих, угнанных с оккупированных территорий СССР. В какой-то момент мы «открыли» для себя еще одну группу пострадавших от нацизма, судьбы которых обходились вниманием и в послевоенной Германии, и в Советском Союзе — бывших советских военнопленных. Безусловно, я и ранее обладал достаточной информацией о миллионах советских военнослужащих, попавших в плен, «котлах» и тяжелой судьбе в лагерях. Но это были скорее пассивные знания. Познакомившись лично с сотня-

ми и тысячами (на тот момент) еще живых участников этой трагедии, вступив с ними в переписку, получив подробные воспоминания, я понял, что у меня в руках находится важный научный источник, который — впрочем, как и вся тема пребывания советских солдат и офицеров в немецком плену, — незаслуженно пользуется недостаточным вниманием. Одним словом, «погружение» в эту область историографии проходило у меня одновременно с общественной работой в публичном пространстве (помощь бывшим советским военнопленным, встречи ветеранов с молодежью, проведение выставок и т. п.). Постепенно эта проблематика стала основной, она стала темой моей магистерской работы и диссертации.

Ныне я работаю в Германском историческом институте в Москве в рамках германо-российского межправительственного проекта «Советские и немецкие военнопленные и интернированные», который ставит своей задачей выявление документов касательно советских военнопленных и выяснение их личных судеб с последующим включением полученных сведений в банки данных. Этот проект наглядно свидетельствует о том, что в вопросе советских военнопленных сочетаются историографические, политико-общественные и историко-политические компоненты.

А. А. Как вы можете охарактеризовать состояние российской и германской историографии по данному вопросу? Какие работы вы использовали в своих исследованиях?

Д. С. В одной из статей я написал, что названия всех публикаций о советских военнопленных, вышедших в Западной и Восточной Германии до 1990 г., можно было бы разместить на одном листе бумаги формата А4. Книгу Кристиана Штрайта «Не товарищи», вышедшую в Западной Германии в 1978 г., безусловно, можно назвать крайне важным явлением в области изучения судеб советских военнопленных. Это первая работа на немецком языке, целиком и полностью посвященная советским военнопленным. Немецкий историк Рольф Келлер, который также специализируется на этой проблематике, много лет спустя написал, что выход монографии Штрайта «вернул судьбы советских военнопленных в общественное сознание». Это так, но вместе с тем и после публикации Штрайта интерес к этой теме оставался весьма низким.

Всплеск интереса произошел в конце 90-х — начале 2000-х гг. Вышла работа Райнхарда Отто «Вермахт, гестапо и советские военнопленные на территории Германского “Рейха” в 1941–42 гг.», затем сборник «Трагедия плена в Германии и в СССР 1941–1956 гг.», включая статью Йорга Остерло об одном из самых крупных лагерей для советских военнопленных в Цайтхайне, ряд книг Павла Поляна и Рольфа Келлера, и другие. Уже в нашем десятилетии нужно отметить сборники документов 2012 и 2019 гг. Все эти источники можно и нужно использовать.

Для получения полной картины по данной проблематике большое значение имеют региональные исследования. Вышеуказанная статья

Остерло посвящена лагерю Цайтхайн в Саксонии. Келлер специализируется на истории лагерей в Северной и Центральной Германии, в основном применительно к принудительному труду советских военнопленных. Кристиан Меллер выпустил работу о лагере 305 в УССР, а его белорусская коллега Наталья Яцкевич — о Шталаге-352 в Масюковщине на окраине Минска.

Также хотелось бы отметить работы непрофессиональных историков, которые тем не менее заслуживают внимания. В качестве примера можно привести малоизвестную книгу Эриха Ройза «В плену! Судьба советских военнопленных во Второй мировой войне», вышедшую в 2005 г. Автор — сын немецкого военнопленного, и его интерес к проблематике советских военнопленных был во многом вызван семейной историей. Ройз достаточно серьезно проработал отдельные элементы и представил работу с несколько публицистическим уклоном, но вполне интересную с точки зрения историографии.

А. А. Каково состояние источниковой базы? Имеются ли проблемы с доступом к источникам?

Д. С. В целом, как показывает работа нашего проекта и мои более ранние исследования, в Германии, например, в Военном архиве во Фрайбурге и в филиале Федерального архива в Берлине, все документы по данной проблематике открыты. В России большинство документов в таких архивах, как ГАРФ и РГВА, также доступны исследователям. Проблема скорее не в доступе к источникам, а в крайне малой степени интенсивной

и целенаправленной работы с ними. Тема советских военнопленных Второй мировой остается малопривлекательной для широкого круга исследователей. Она «не рыночна», плохо «продается», а определенные «коммерческие» запросы оказывают влияние на предпочтения историка. В этой связи лишь немногие специалисты занимаются этим вопросом долгий период. Обобщая, скажу: вопрос скорее в интересе научного общества, чем в сложности с доступом к источникам.

А. А. Какие значимые открытия были сделаны в данной области за последнее время?

Д. С. В этой области сложно говорить об «открытиях». В общем и целом проблемы исследований остаются и уже приобретают хроническую форму. Нам довольно много известно о структуре лагерей для советских военнопленных на территории Германии и Австрии, меньше о лагерях в Центральной Европе (Чехия, Словакия, Польша, балканские государства) и крайне мало о лагерях на оккупированной территории СССР, в особенности о пересыльных лагерях, «дулагах». Также остаются невыясненными судьбы нескольких миллионов советских военнопленных. Это уже не только научный, а общественно-политический, а для некоторых и семейный вопрос.

Однако изучение проблематики все же не стоит на месте. Из интересных публикаций последних лет можно отметить сборник Рольфа Келлера и Зильке Петри «Труд советских военнопленных в 1941–1945 гг. Документы об условиях жизни и тру-

да в Северной Германии» 2013 г., «Советские военнопленные в системе концлагерей» Райнхарда Отто и Рольфа Келлера 2019 г. и ряд других. Жаль, что лишь немногие работы переводятся на русский язык и становятся доступными читателю.

А. А. Количество советских военнопленных, захваченных войсками Оси, остается дискуссионным вопросом. Какие цифры, на ваш взгляд, наиболее близки к реальности? Почему?

Д. С. В Германии и в целом в западном информационном пространстве долгое время курсировала цифра 5,7 млн. Сейчас чаще говорят «до 5,3» или «до 5,7 млн». В российской историографии наблюдается довольно широкая палитра, от 4,5 млн (данные Григория Кривошеева) до 5 млн. Заметная разница в данных объясняется целым рядом факторов. Во-первых, в Германии и СССР бытовали различные определения «военнослужащего» и, соответственно, «военнопленного». Немцы нередко отправляли в лагерь для советских военнопленных лиц, не принимавших участие в боевых действиях, а то и просто мужчин призывного возраста. Кроме того, в вермахте существовала путаница с регистрацией военнопленных, включая повторную регистрацию по прибытию в Германию, применялось округление и округление данных. На мой взгляд, можно говорить о пяти миллионах советских солдат и офицеров, попавших в плен в период с 1941 по 1945 г. Если абстрагироваться от сугубо научной позиции и отталкиваться от принципов гуманизма и уважения к пострадавшим от нацизма, то я бы

условно «причислил» к этой группе и тех, кто, согласно советскому законодательству, не являлся «военнослужащим» в узком понимании, но, по причине вышеописанного восприятия в вермахте, вынужден был разделить тяготы советских военнопленных, находясь с ними в одинаковых условиях проживания, питания, выполняя наравне с ними принудительные работы и умирая от болезней или ранений.

А. А. Какова была смертность среди советских военнопленных в разные периоды войны? Была ли она вызвана целенаправленной политикой уничтожения или же явилась следствием невозможности обеспечить им должные условия существования?

Д. С. Более 50% советских военнопленных погибли в немецких лагерях, порядка трех миллионов человек. Это самые высокие потери среди военнопленных всех воевавших армий, не только во Второй мировой войне, но и во всех современных войнах. В руководстве нацистской Германии еще до начала нападения на СССР началась борьба между двумя условными группами, «идеологами» (верными сторонниками расовых теорий о «неполноценности» славян и других народов СССР) и «прагматиками», стремившимися к использованию рабочей силы военнопленных. В результате «прагматичная» линия одержала верх, но это вовсе не означает, что всем советским военнопленным были обеспечены достойные условия проживания, питания и труда. Непосредственно после момента пленения советские военнослужащие вынуждены были существовать в не-

человеческих условиях. Евреи и политработники отделялись от остальных пленных и расстреливались. В связи с тем, что так называемый «Приказ о комиссарах» допускал туманное определение «носителей большевистской идеологии», казнен мог быть практически любой. Пересылные лагеря на оккупированных территориях нередко представляли собой поле или яму, огороженные колючей проволокой, в лучшем случае полуразрушенное здание. Питание предоставлялось нерегулярно, и его было крайне мало. Стационарные лагеря были немногим лучше. Медицинская помощь практически не оказывалась. Существуют документальные свидетельства действий охраны лагеря во время эпидемий: лагерь закрывался, охрана покидала территорию, дожидаясь смерти узников, потом загонялась новая группа пленных. Применялись избиения, издевательства и расстрелы. Как на оккупированной территории, так и в рейхе советских военнопленных принуждали к тяжелому физическому труду без всякого соблюдения техники безопасности, с минимальным применением защитных средств. Бывшие советские военнопленные рассказывают о 12-часовом рабочем дне, о пренебрежении их здоровьем и жизнью (выбросы кислоты и других отравляющих веществ, завалы в шахтах, тяжелые травмы на производстве), о том, что военнопленные других стран жили и трудились в совершенно иных условиях. Даже такой генерал, как обер-квартирмейстер сухопутных сил Эдуард Вагнер, который скептически относился к нацистской идеологии и позднее участвовал в заговоре против Гитлера в 1944 г., безапелляционно заявлял: «Неработаю-

щие военнопленные могут умирать от голода». Эти и другие факторы позволяют говорить о геноцидальных чертах в практике обращения с советскими гражданами в военной форме, оказавшимися в немецком плену. Отдельные коменданты лагерей, директора заводов и фабрик, представители министерств пытались улучшить условия для советских пленных. Но, во-первых, таких ситуаций известно немного, а во-вторых, зачастую эти попытки были продиктованы вовсе не гуманизмом, а желанием повысить работоспособность пленного. В сочетании с тем фактом, что документы свидетельствуют об ожидании лицами, принимавшими решения, большого количества военнопленных, но никаких мер для обеспечения им человеческого существования предпринято не было, мы никак не можем говорить о неких «случайностях» или «виновности» абстрактной «войны» как таковой. Виновники массовой гибели советских военнопленных — это руководство нацистского государства, командование вермахта, немецкие офицеры на местах и все те, кто участвовал в безжалостной эксплуатации людей, не обеспечил хотя бы минимально приемлемый уровень проживания, питания и медицинского обслуживания.

А. А. О гораздо более тяжелом положении советских военнопленных относительно представителей других стран хорошо известно. А были ли различия в условиях содержания военнопленных из этих стран? Скажем, поляков и французов?

Д. С. Во многом условия содержания зависели от конкретного лагеря. Однако существовали и рамочные усло-

вия. Безусловно, для представителя любой национальности нахождение в нацистском плену являлось тяжелым испытанием. Поляки «стояли» довольно «низко» в расовой иерархии нацистов. В их отношении применялся так называемый «Приказ о поляках» марта 1940 г. и специальный закон «Об уголовном преследовании поляков» декабря 1941 г. (признанный на Нюрнбергском процессе преступным), согласно которому, например, интимный контакт поляка с немкой карался смертью. В целом рекомендовалось применять к поляку за аналогичные действия намного более строгое наказание, чем к немцу. Подобных постановлений относительно французов принято не было. Вместе с тем судьбы польских военнопленных, если представить их в форме коллективного портрета, сложно сравнить с судьбами советских пленных. Из 300 000 польских военнопленных около 90 % выполняли принудительный труд в сельском хозяйстве, где условия жизни были несравнимо более благоприятные, чем на производстве, в угольной отрасли или на дорожных работах.

А. А. Существует мнение, согласно которому ответственность за тяжелое положение советских военнопленных несет руководство СССР, не подписавшее Женевскую конвенцию 1929 г. Насколько оно обоснованно?

Д. С. Это мнение достаточно легко опровергается. Во-первых, основные положения гуманного обращения с военнопленными были закреплены не только в Женевской, но и в Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.

Конвенцию подписали Германская и Российская империи. СССР являлся правопреемником последней. Москва не заявляла об отзыве подписи и выходе из Гаагской конвенции. Во-вторых, СССР присоединился к Конвенции об улучшении участи раненых и больных 1929 г., входившей в пакет Женевских конвенций, и окончательно признал ее действие в мае 1930 г. Она касалась и военнопленных и Германией в отношении советских пленных также не соблюдалась. В-третьих, действие Женевской конвенции однозначно распространялось и на граждан государств, ее не подписавших.

Нацистское руководство еще до первого выстрела на границе исходило из идеологической, мировоззренческой сути войны против Советского Союза. Оно не планировало распространять на противника действие каких-либо международных соглашений, которые препятствовали бы скорейшему осуществлению его планов. В 1941 г., частично до начала боевых действий против СССР, частично в первые месяцы войны, командование вермахта и РСХА издали ряд распоряжений, которые ставили советских пленных за скобками любого гуманного обращения. Это в первую очередь «Правила об обращении с комиссарами» (известные как «Приказ о комиссарах»), приказы РСХА номер 8 и 9, приказ ОКВ «Об обращении с военнопленными в операции “Барбаросса”», «Памятка об охране советских военнопленных», приказ «Об ограничении действия военно-полевых судов на сухопутные войска на Востоке» и «Правила о поведении военнослужащих в России». Они «заменяли»

собой конвенции и предоставили вермахту карт-бланш.

А. А. Некоторые германские военачальники, в частности Э. фон Манштейн, пишут, что саботировали «Приказ о комиссарах» и другие преступные приказы. Насколько это соответствует действительности?

Д. С. В 2008 г. немецкий историк Феликс Рёмер выпустил монографию «Приказ о комиссарах. Вермахт и преступления нацистов на Восточном фронте 1941–42 гг.». Это первая отдельная (и до сих пор наиболее серьезная) монография, посвященная «Приказу...». К сожалению, она не переведена на русский язык. В 2011 г. моя рецензия этой работы вышла в одном из российских историографических журналов. Рёмеру известно крайне мало случаев невыполнения «Приказа». Другие специалисты отмечают, что и иные распоряжения саботировались исключительно редко. Я бы рекомендовал скептически относиться к воспоминаниям бывших германских военачальников и воспринимать их в контексте культивирования популярного в 50–60-х гг. в западногерманском обществе тезиса о «чистом вермахте» в противопоставление СС. Германские вооруженные силы были весьма четко структурированы и хорошо организованы. Для немецкого офицера невыполнение приказа было совершенно исключительной ситуацией. Иной вопрос, что «Приказ...» был отменен под давлением отдельных генералов, но это уже стало «бюрократическим» путем решения проблемы, а не личной инициативой на местах вопреки распоряжению командования.

А. А. Часто встречается утверждение, что в начале войны многих пленных распускали по домам. Насколько распространенной была такая практика? Распространялась ли она лишь на представителей определенных национальностей?

Д. С. В 1941 г. действительно практиковалось освобождение советских военнопленных из лагерей на оккупированной территории СССР. Это касалось представителей украинской, белорусской национальности, жителей Прибалтики, а также этнических немцев. Зафиксированы случаи освобождения за взятку охранникам-коллаборационистам. Однако эта практика не имела массовый характер и вскоре была прекращена. После октября 1941 г. такие случаи стали единичными.

А. А. Как часто происходили побеги из лагерей для советских военнопленных? Насколько надежной была их охрана? Из каких лагерей сбежать было легче, а из каких — сложнее?

Д. С. Побег (наряду с сопротивлением) является одной из самых романтизированных и мифологизированных тем, связанных с пребыванием советских военнослужащих в немецком плену. Далеко не все представления, укоренившиеся в общественном сознании, соответствуют действительности. Безусловно, побеги были. Это подтверждают как архивные документы, в частности, немецкие справки о поиске и поимке беглецов, так и воспоминания очевидцев, хотя такие «знаменитые» истории, как побег летчика Михаила Девятаева, уникальны. Наиболее удобной воз-

можностью для побега был пеший марш или пребывание на рабочем месте вне лагеря. Обычная логика подсказывает, что из лагеря на оккупированной территории было убежать проще, т.к. важные факторы для успеха начинания — это дружелюбно настроенное население, знание языка и ориентирование на местности. К побегу мотивировала и близость фронта, «своих». На оккупированных территориях действительно совершалось основное количество побегов. Типичная история из воспоминаний советского военнопленного: вечером отстал от колонны, спрятался в растительности вдоль дороги, дождался темноты. С другой стороны, часто упускается из внимания фактор охраны. На оккупированных территориях к охране лагеря, наряду с коллаборационистами, привлекались солдаты действующей армии, т.е., как правило, молодые, физически крепкие, здоровые мужчины, находящиеся в стрессовой ситуации войны, внимательные, готовые к применению жестокости. В самой Германии лагеря охранялись специальными подразделениями, состоявшими из немцев старших возрастов либо негодных к строевой службе, лиц с инвалидностью. Это способствовало созданию ситуаций, благоприятных для побега. Часть из охранников прошли Первую мировую войну и, по воспоминаниям, зачастую не являлись убежденными сторонниками нацистской идеологии. Они воспринимали пленных «русских» как неспособных к сопротивлению противников, т.е. с точки зрения традиционных, «не идеологических» войн. «Большевизм» был для них вторичен. Эти охранники хуже контролировали ситуацию, чем

молодые солдаты. Психологически им был сложнее стрелять в беглеца. Также разной была «цена» неудачного побега. Если в рейхе руководство лагеря, как правило, старалось соблюдать инструкции о «сохранении рабочей силы», и смертная казнь в качестве наказания за первый неудавшийся побег применялась редко, то на оккупированных территориях расстрел был самой распространенной карой пойманного беглеца.

А. А. Известно об участии некоторых бывших советских военнопленных в европейском Сопротивлении. Насколько велико было их число?

Д. С. Довольно много советских военнопленных воевало во французском и югославском Сопротивлении, меньше в итальянском и голландском. Мне довелось общаться с бывшим советским военнопленным, награжденным одним из высших орденов Французской республики. Эта проблематика до сих пор недостаточно изучена. В рамках нашего проекта «Советские и немецкие военнопленные и интернированные» сербские коллеги нашли значительные материалы в Военном архиве Сербии. Интересно, что советские военнопленные входили в состав не только прокоммунистических отрядов Тито, но и монархических подразделений. Также необходимо отметить, что часть бывших пленных, воевавших в европейском Сопротивлении, имели опыт коллаборационизма с Германией.

А. А. Насколько было развито внутрилагерное подполье? Часто ли происходили восстания в лагерях?

Д. С. В этом вопросе существует немало преувеличений. Ряд событий, изложенных в воспоминаниях, включая письма и отчеты, хранящиеся в ГА РФ, например, о крупных актах саботажа на заводах в Ганновере и Нюрнберга, не получили документального подтверждения. В то же время известно о существовании подпольных ячеек в «офицерском» лагере в Хаммельбурге, «Братском союзе военнопленных» в районе Мюнхена, в концлагере Бухенвальд и в других местах заключения советских военнопленных, о восстании в концлагере Маутхаузен, в котором военнопленные были основной силой. В историографии принято различать активное и пассивное сопротивление. Для активного сопротивления необходимо обладать соответствующими возможностями и ресурсами: связью с единомышленниками за пределами лагеря, контактами в охране, доступом к оружию, наконец, подходящим физическим состоянием. У изможденных советских пленных таких возможностей было немного. Пассивное сопротивление, напротив, получило более широкое распространение. Пленные распространяли листовки, информацию о положении дел на фронтах, рисовали антифашистские и просоветские карикатуры, отмечали советские праздники, придумывали иронические стихи и песни, высмеивающие Гитлера и нацизм в целом. В одном из лагерей на временно оккупированной территории БССР удалось изготовить фальшивую печать, благодаря которой были организованы побеги пленных. Распространение получили отказы от принудительного труда. Пленные заранее сговаривались не выходить на работу и, собираясь на плацу, символически стучали

обувью, выражая свой протест. Образ пленных, нападающих на охрану и с оружием в руках вырывающихся из лагеря, — это скорее художественная литература, чем реальность. Однако рассказы о советских пленниках, которым удалось бежать и убить большое количество врагов, курсировали в различных лагерях и служили мотивацией не падать духом. В ряде проведенных мной интервью бывшие советские военнопленные, находившиеся в лагерях на расстоянии сотен и тысяч километров друг от друга и друг с другом не знакомые, рассказывали похожую историю о том, как пленные подняли восстание на немецком танковом заводе, захватили новенькие танки и, убив значительное количество эсесовцев, смогли скрыться на захваченной технике. Легенда датируется серединой — концом 1944 г. и документально не подтверждена, но она служила психологической поддержкой в тяжелых условиях плена и может рассматриваться как своего рода пассивное сопротивление.

А. А. Насколько массовым был коллаборационизм среди советских военнопленных? Как менялись его масштабы на протяжении войны?

Д. С. Я не буду называть конкретные цифры, т.к. их определение довольно сложно методологически. В документах нередко отсутствуют данные о том, был ли конкретный коллаборационист советским военнопленным или же гражданским лицом либо представителем эмиграции. Также необходимо отметить, что в ряде случаев, за исключением военного коллаборационизма и охранных функций, разница между советским

военнопленным, согласившимся на сотрудничество с Германией, и его товарищем, оставшимся верным присяге, «технически» заключалась в форме, питании и проживании. Они могли выполнять одинаковый труд, например, погрузочные или земляные работы. В нарушение Женевской конвенции 1929 г. советских военнопленных, включая тех, кто не подписал соответствующее обязательство и не стал коллаборационистом, привлекали к транспортировке боеприпасов и строительству укреплений.

Но в целом, с учетом тяжелейших условий пребывания советских военнослужащих в плену, уровень коллаборационизма был низок. Можно назвать несколько причин: весьма неумелая немецкая пропаганда и вербовочная тактика, возраст основной массы военнопленных, выживших к моменту вербовки (молодые люди, социализировавшиеся в советских реалиях), информация о жестокости немцев на оккупированных территориях и, как следствие, отказ от сотрудничества по личным соображениям. Более успешным было привлечение в национальные легионы вермахта (Грузинский, Армянский, Туркестанский, «Идель-Урал»). Этому способствовала целенаправленная работа с представителями определенных национальностей, причем вербовщики знали язык, культуру и традиции конкретного народа или группы народов. Немалую роль сыграл факт более высокой религиозности представителей мусульманских народов. Командование восточных легионов было об этом информировано, и, например, в «Идель-Урал» появились муллы.

Пиком удачной вербовки в ряды коллаборационистов с относительной долей условности можно считать 1942 г. Вопреки расхожему мнению, советские военнопленные имели возможности получать информацию о положении на фронтах даже в лагерях в Германии, хотя это и были немецкие сообщения, искаженные пропагандой. Захват значительной территории СССР, выход к Кавказу и Волге представлялся некоторым равносильным поражению в войне. После Сталинградской битвы, по свидетельствам очевидцев, желающих вступить на путь коллаборационизма стало меньше.

А. А. Каково было положение военнопленных стран Оси в СССР? Существовали ли различия в условиях содержания выходцев из разных стран?

Д. С. Мне доводилось работать с документами по немецким военнопленным, равно как и общаться со многими из них, проводить интервью. С двумя бывшими немецкими военнопленными долго общался. Есть немало материалов о жестоком отношении с пленными немцами, венграми, итальянцами и румынами, включая расстрелы. В то же время сравнение рациона советского и немецкого военнопленного показывает, что немецкий пленный получал большее количество калорий и более разнообразное (если это слово уместно в такой ситуации) питание. В лагерях для немецких военнопленных работали библиотеки, издавались стенгазеты, было разрешено занятие спортом. Все это помогало людям отвлечься от мыслей о своем положении. Один из бывших немец-

ких военнопленных рассказывал, что после повреждения черепа в результате падения бревна на лесоповале ему была сделана сложная операция, его поместили в госпиталь и снабдили книгами на немецком языке, как соответствующего идеологического содержания, так и классикой. Резюмируя свое пребывание в советском плену, он сказал: «Нам тоже было тяжело, но я видел, что русские живут не намного лучше, чем мы. Они тоже голодали». И это сравнение явно не в пользу немцев: советские военнопленные умирали в Германии от голода и болезней в ситуации относительно хорошего снабжения местного населения продовольствием и медикаментами.

Различия проявлялись скорее в момент пленения. Известно о крайне отрицательном отношении к венгерским солдатам зимой 1942–1943 гг., т.к. было известно об их особо жестоком отношении к гражданскому населению в Воронежской и Сталинградской области. Относительно лояльно относились к итальянцам. Советские военнослужащие и гражданские лица нередко воспринимали их как людей, принудительно втянутых в войну. Немалую роль сыграла и низкая боеспособности итальянских подразделений, и, как следствие, относительно низкие потери в Красной армии.

А. А. Какие еще темы составляют область вашего научного интереса?

Д. С. Меня интересует проблематика использования рейхом принудительного труда иностранных граждан в целом, не только советских военнопленных, а также события началь-

го периода войны. Но, к сожалению, сейчас основная работа не оставляет времени на углубленное изучение этих тем.

А. А. Насколько велика была зависимость экономики рейха от принудительного труда — как военнопленных, так и иных категорий иностранных граждан?

Д. С. Зависимость можно назвать всеобъемлющей. Рольф Келлер отмечает, что иностранные принудительные рабочие имели для Третьего рейха «экзистенциальное значение» еще до 1941 г. Германия не обладала достаточным человеческим ресурсом для ведения широкомасштабной войны. Ульрих Герберт подсчитал, что количество рабочих в немецкой экономике упало в период с мая 1940 по май 1941 г. почти на 1 700 000 человек. На производство было отправлено 200 000 женщин. Поэтому еще до нападения Германии на СССР важное место в немецкой экономике занимали французские, польские, бельгийские и югославские военнопленные и гражданские лица. Немецкие объединения промышленников ждали советских военнопленных и делали ставку на их труд. Они оказывали давление на политическое и военное руководство, поэтому первые правила привлечения будущих пленных к труду были разработаны еще до первого выстрела на советско-германской границе и отправлены в канцелярии будущих рейхскомиссариев 18 мая 1941 г. С первого до последнего дня военных действий Германии за пределами собственной территории шла постоянная борьба за трудовые ресурсы иностранных государств. «Прагматики» в лице

крупного бизнеса, рейхсминистерств и части военных всеми силами пытались добиться у фанатиков нацистской идеологии, заканчивая Гитлером, все новых и новых квот на ввоз принудительных рабочих в рейх. В первую очередь это касалось советских граждан, к которым Гитлер и его узкое окружение испытывали расистскую ненависть, опасаясь «большевизации» немецкого населения. Тем не менее фюреру приходилось сдавать позиции. Иногда его просто обманывали, снабжая заниженными данными. В итоге в августе 1944 г. доля советских военнопленных в общем количестве иностранных военнопленных, задействованных в принудительном труде на территории Германии, составила почти 33 %.

Наконец, необходимо отметить, что некоторые европейские специалисты, приглашенные в Германию на добровольной основе в рамках ограниченного по времени контракта, например, французские квалифицированные рабочие и инженеры, нередко оказывались в иной ситуации, чем планировалось: им выплачивали намного меньше обычного, запрещали возвращение домой или даже смену места проживания в Германии, т. е. они фактически становились принудительными работниками, хотя и более привилегированными, чем другие.

А. А. В последнее время вновь поднялась дискуссия о советских потерях в годы Второй мировой войны. Некоторые авторы, такие как И. Ивлев и Б. Соколов, называют цифры в 19 или даже 26 млн только военных потерь, не считая гражданского населения. Что вы можете сказать по данному вопросу?

Д. С. Я считаю такие цифры не соответствующими действительности. Это тема отдельной статьи или интервью, но, если кратко, можно привести три контраргумента. Во-первых, методика данного подсчета либо умалчивается, либо вызывает значительные сомнения. К примеру, некоторые авторы опираются на данные о потерях в отдельных подразделениях, задействованных на участках фронта с крайне высокой интенсивностью боевых действий, и делают из этого далеко идущие выводы. Однако далеко не все военнослужащие РККА воевали именно там. Советские солдаты и офицеры находились в составе действующей армии на тех ТВД, где длительно отсутствовали боевые действия либо происходили короткие перестрелки. Соответственно, потери были несравнимо ниже. Армия состояла из прифронтовых соединений, систем снабжения, вспомогательных и охранных подразделений, военно-политических структур, не вступавших в прямой контакт с противником. Причиной гибели этих военнослужащих могли служить отдельные прорывы линии фронта, авианалеты, артобстрелы, несчастные случаи. Но потери были еще ниже, чем на передовой в районе малоактивных боевых действий. Наконец, войска размещались и в глубоком тылу, в азиатской части СССР: совместно с НКВД осуществляли охрану стратегически важных объектов, патрулировали улицы городов, служили заслоном на пути возможного вторжения Японии, участвовали в оккупации Ирана. В этом случае потери были практически нулевыми. Например, потери СССР в Иранской операции составили 40 военнослужащих. Поэтому методологически неправильно проецировать

какой-либо отдельный эпизод на всю многогранную войну. Во-вторых, достаточно точно можно вычислить мобилизационный ресурс воюющего государства. При таком предполагаемом уровне военных потерь РККА просто не смогла бы проводить наступательные и оборонительные операции фронтового значения, и даже сомнительно, что смогла бы эффективно противостоять Германии и ее союзникам в локальных операциях. В-третьих, за весь период войны через Красную армию прошли около 35 млн человек, включая повторно призванных. Одна эта цифра по понятным причинам делает указанные версии несостоятельными. С другой стороны, лучшим аргументом против подобных теорий является продолжение изучения документов с целью установить обстоятельства гибели максимального количества советских военнослужащих, в идеале всех.

А. А. **Что вы думаете насчет тезиса о превентивной войне Германии против СССР? Ряд авторов, в том числе и в Германии, считает операцию «Барбаросса» вынужденной мерой, предпринятой в ответ на приготовления Советского Союза к удару по рейху, другие же полагают, что агрессивные планы разрабатывались обеими сторонами независимо друг от друга, и немцы просто успели ударить первыми. Насколько обоснованны подобные суждения?**

Д. С. В русскоязычном информационное пространство «превентивный тезис» по понятным идеологическим причинам пришел достаточно поздно, в самом конце 80-х — начале 90-х гг., в то время как в Западной Герма-

нии и Австрии (в первую очередь) и в США (в меньшей степени) полемика проводилась в 60–80-х гг. В этот период вышло немало публикаций, которые пытались подтвердить «тезис» (полностью или частично) либо его опровергнуть. Дискуссии велись публично, с подключением значимых СМИ. К середине 80-х гг. западногерманские исторические школы (после окончания «спора историков») пришли к консолидированному выводу: «тезис» ошибочен. С тех пор «тезис» в германских исторических кругах маргинализировался и более не фигурирует в серьезном научном дискурсе. Не углубляясь в детали, хочу отметить, что вердикт современных немецких историков совпадает с моим мнением. Известные и хорошо изученные немецкие источники не позволяют говорить о превентивном характере нападения Германии на СССР: стратегические наброски военных действий против СССР до «Барбароссы», возникновение первичной идеи и разработка операции «Барбаросса», подготовка к ее воплощению на практике, приказы и постановления военного командования и политического руководства Третьего рейха, подготовительные меры германской промышленности, а также устные и письменные оценки боеспособности РККА, сделанные высшими должностными лицами Германии и ключевыми военачальниками. Берлин планировал агрессивную, захватническую войну и делал ставку на ограниченное сопротивление, слабость сталинского режима и Красной армии, внутренние противоречия в советском обществе. За последние 30 лет стали доступны и многие советские архивные материалы. Не было найдено ни-

какой информации об утверждении Сталиным плана нападения на Германию, самого плана, а также свидетельств подготовки к такой крупной акции в промышленности и армии СССР. В дискуссиях о «тезисе» я привожу пример операции «Чечевица», депортации чеченцев и ингушей из ЧИАССР в отдаленные районы страны в феврале — марте 1944 г. Планировалось насильственно переселить порядка 600 000 человек силами НКВД, НКГБ и РККА. Это мелкая операция, проводимая к тому же против безоружных собственных граждан и на своей территории. Тем не менее подготовку и проведение не удалось сохранить в секрете. В связи с тем, что планировалось задействовать значительное количество военнослужащих и железнодорожных вагонов, информация просочилась и стала известна немалому количеству лиц, не причастных к проведению операции. Также сохранилось немало документов, свидетельствующих о принятии тех или иных решений и привлечении ресурсов. Для нападения на сильнейшую на тот момент военную державу мира в лице Германии необходимо было провести огромное количество мобилизационных и подготовительных мероприятий, фактически полностью поставить экономику страны на военные рельсы. Такие меры нельзя осуществить, лишь ставя в известность ближайшее окружение Сталина. Количество вовлеченных в подготовку лиц измерялось бы тысячами, от директоров и главных инженеров заводов до начальников госпиталей, руководителей железных дорог и ключевых снабженцев. Это стало бы частью семейных историй и, по аналогии с другими

событиями, стало бы достоянием общественности. Остались бы тысячи важных и менее важных документов, в том числе в периферийных архивах, которые невозможно полностью скрыть или уничтожить. Имеющаяся источниковая база позволяет проследить темпы развития военной реформы в СССР по итогам провальных операций РККА в Зимней войне и запуска в серийное производства новых перспективных образцов вооружений. Наконец, к указанному моменту подготовка операции должна была перейти в завершающую фазу. Следовательно, о планируемом нападении стало бы известно не только старшему, но да-

же среднему комсоставу, которые должны были получить конкретные задачи и кодовые слова, по аналогии с вермахтом. Все вышеперечисленное невозможно было бы удержать в тайне по окончании войны. Одним словом, полное отсутствие прямых доказательств, как в виде непосредственно стратегического плана, так и подтверждений отдельных сегментов его подготовки, свидетельствует о том, что СССР не планировал в июне 1941 г. напасть на Германию, следовательно, нападение Германии на СССР не является превентивным.

А. А. Спасибо за уделенное время!

"WE CANNOT SPEAK ABOUT SOME 'ACCIDENT' OR ABOUT GUILTINESS OF ABSTRACT 'WAR' AS SUCH. THE STIRRERS OF MASS MORTALITY OF SOVIET PRISONERS OF WAR ARE LEADERS OF NAZI STATE, COMMAND OF WEHRMACHT, GERMAN OFFICERS IN THE FIELD AND ALL THOSE WHO TOOK PART IN RUTHLESS EXPLOITATION OF PEOPLE".

Interview with Dmitri Stratievski

Stratievsky Dmitry V. — doctor of history, master of political science, researcher at the German historical Institute in Moscow (Berlin)

Key words: military history, WWII, prisoners of war.

Abstract. The interview deals with the fate of Soviet prisoners of war during WWII. It elucidates the historiography of this problem and touches a lot of debatable questions.

К. В. Сак

«МЫЛЬНАЯ ФАБРИКА» ПРОФЕССОРА ШПАННЕРА, ИЛИ БЫЛО ЛИ МЫЛО ИЗ ЛЮДЕЙ?

Ключевые слова: Холокост, Вторая Мировая война, Нюрнбергский процесс, преступления нацизма, Рудольф Шпаннер.

Аннотация. На Нюрнбергском процессе в 1946 г. главный советник юстиции СССР Л. Н. Смирнов предъявил образец мыла из человеческого жира, обнаруженный в мацератории г. Данцига. Начиная с 1990-х гг. западные исследователи, занимающиеся историей Холокоста, активно опровергают факт изготовления такого мыла. Они ставят под сомнение достоверность материалов советского следствия и утверждают, что дело это было сфабриковано. Однако полный комплекс материалов Чрезвычайной государственной комиссии по этому вопросу, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации, до сих пор не введен в научный оборот. В статье анализируются разнообразные следственные материалы из архива. В результате их сопоставления автор приходит к выводу, что ряд неточностей, допущенных во время следствия, не позволяет сделать окончательный вывод о достоверности показаний свидетелей и обоснованности предъявленного на Трибунале обвинения. Вопрос этот требует дополнительного выявления источников и их исследования.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-131-144

«Что вам известно о производстве мыла из человеческих трупов?» — спрашивал советский следователь подозреваемого по делу о мыловарении в лаборатории немецкого профессора Рудольфа Шпаннера в мае 1945 г. Чуть позже обвинение в изготовлении мыла из человеческого жира прозвучало на Нюрнбергском процессе в перечне других преступлений нацизма против человечности (Нюрнбергский процесс 1991). Мно-

гие годы выводы следствия ни у кого не вызывали сомнений. В 2006 г. Комиссия по расследованию преступлений против польской нации подтвердила, что в образце мыла, представленном на Нюрнбергском процессе, обнаружена ДНК человека (Human Fat... 2006). Тем не менее трудно представить, сколько копий ломается на Западе в спорах о том, варили или нет немцы это чудовищное мыло во время Второй мировой

войны (Kartashova 2016: 234–243). В центре споров оказываются утверждения о том, что мыло варили из евреев и что производство осуществлялось в промышленном масштабе (немецкое мыло марки RIF). Парадоксально, но факт производства мыла активно отрицают не только ревизионисты, но и защитники Холокоста. Первые считают, что не было ни газовых камер, ни мыла (Weber 1991: 217–227). Вторые предпочитают отказаться от неоднозначной истории, которая может вызывать сомнения в жертвах еврейского народа (Neander 2006: 63–86; Drobnicki б/д; Waxman 2006). Не остались в стороне и авторы нашумевшей книги «Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР», антропологи и фольклористы А. Архипова и А. Кирзюк. Среди многочисленных советских легенд оказалась и история о мыле, изготовленном из человеческого жира. Авторы, говоря о широко распространенной еще со времен Первой мировой войны легенде, походя касаются и Нюрнбергского процесса, на котором были предъявлены образцы мыла, найденные весной 1945 г. в Анатомическом институте Данцига (Гданьска). Все дело — и показания главного свидетеля З. Мазура, и само мыло — они, вслед за исследователем И. Неандером, называют «подделкой, изготовленной советской или польской стороной, причем людьми, не очень сведущими в химии даже на школьном уровне» (Архипова, Кирзюк 2020: 285).

Исследователи, аргументируя свою позицию, используют опубликованные материалы Нюрнбергского процесса. Они ссылаются, как правило, на протокол допроса З. Мазура

от 28 мая 1945 г. с приложением к нему от 6 июня и на поступившие в британскую Комиссию Объединенных Наций по расследованию военных преступлений в 1946 г. показания английских военнопленных, принудительно работавших при лаборатории. Также участники дискуссий используют хранящиеся в немецком архиве неопубликованные показания профессора Р. Шпаннера, которые он дал после Трибунала. Однако никто из них не обращался к тем следственным материалам, которые были собраны во время расследования, но на международном суде не демонстрировались. В результате вне поля зрения остается огромная работа, проделанная советскими следователями. В сжатые сроки они провели около десятка допросов разных лиц, составили несколько подробных актов по осмотру Анатомического института и лаборатории, устроили патологоанатомическую экспертизу с привлечением специалистов. В настоящее время эти документы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК).

В основу следственного дела были положены показания препаратора Анатомического института Медицинской академии г. Данцига Зигмунда Мазура. Польские следователи осмотрели институт в начале мая 1945 г. Во время осмотра они случайно встретили лаборанта А. Опинского, который и указал им на своего коллегу. На допросах о себе Мазур показал следующее. По происхожде-

Полуфабрикат мыла, приготовленного из трупов людей.
ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 109. Д. 6. Л. 8

нию — поляк, родился в 1920 г., окончил 6 классов польской гимназии. В 1939 г. в возрасте 19 лет Зигмунд добровольно вступил в ряды польской армии. Неизвестно, участвовал ли он в сражениях или подпольной деятельности — об этом в показаниях он не сообщает. Однако уже через год молодой человек искал себе работу в своем родном городе, который находился к тому моменту под немецкой оккупацией. В Данциге также проживали его мать и 2 сестры, но жили они отдельно. В октябре 1940 г. Мазур устроился в частный магазин курьером по продаже географических карт. Снимавший у него комнату чиновник рабочего бюро Густав Ланге помог молодому человеку в январе 1941 г. устроиться препаратором в Анатомический институт, которым руководил профессор Рудольф Шпаннер. На первом допросе Мазур уточнил, что проработал сначала 6 недель на испыта-

тельном сроке в должности лаборанта, т.к. не имел профессиональной подготовки, а затем проф. Шпаннер назначил его личным помощником-препаратором для составления таблиц, вскрытия трупов и подготовки материалов к будущей книге профессора. Сотрудников в лаборатории было немного. Заместителем Шпаннера был доцент Вольман (чех, настоящая фамилия Козлик), который был офицером СС, иногда ходил в черном мундире и представлял собой, по словам знавшего его британского военнопленного, «карикатуру на Гитлера». Сотрудниками лаборатории также были Боркнер, Рейхерт, Фон Барген и ассистентка Кеутек и Фосбек, фигурировавшая во втором и третьем протоколах допроса. В начале 1945 г. все они покинули лабораторию: Шпаннер вместе с Фосбек и фон Баргеным уехали в Гале, забрав с собой оборудование, Вольман и Рейхерт вступили

Лаборант Анатомического института Зигмунд Мазур показывает кусок выделанной человеческой кожи, снятой с груди человека. ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 109. Д. 6. Л. 9

в немецкую армию, а Боркнер просто затерялся в городе.

Первые показания Зигмунд Мазур давал 12 мая 1945 г. в здании Воеводского комитета общественной безопасности г. Данцига президиуму Главной комиссии по расследованию немецких преступлений в Польше. Допрос этот изложен в виде показаний-монолога на польском языке. Мазур свидетельствует: «Насчет производства мыла, осенью 43-го года проф. Шпаннер приказал собирать жир из частей человеческих трупов, на которых работали студенты, а в феврале 1944 года я под руководством старшего препаратора фон Баргена и нескольких работников сделал первую попытку производства мыла из человеческого жира» (ГА РФ 2: Л. 139). Польские следователи предъявили ему рецепт

на немецком языке, найденный ими в лаборатории, и Мазур его опознал.

16–17 мая 1945 г. в здании Анатомического института Медицинской академии была проведена тщательная патологоанатомическая экспертиза. Судмедэксперты, патологоанатомы и следователи осмотрели два здания — двухэтажный анатомический корпус и небольшое строение, где должны были изготавливаться скелеты — «мацератория». В первом здании они обнаружили 148 человеческих трупов: женских — 18, детских — 4, мужских — 126, и один труп обезьяны (ГА РФ 2: Л. 31). Значительная их часть была обезглавлена. Большинство было удовлетворительной упитанности с подкожным жиром 1–2 см. Обратили на себя внимание тела с татуировками, например, на груди «татуировка — изо-

Помещение Анатомического института, в котором изготовлялось мыло из трупов людей. ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 109. Д. 6. Л. 2

бражение сокола, державшего в когтях спасительный круг, на котором перекрещиваются два польских национальных флага» (ГА РФ 3: Л. 5). Встречались также татуировки пятиконечных звезд. Среди причин смерти, помимо обезглавливания, отмечались пулевые ранения и удушение, повреждение внутренних органов, истощение (в основном женщины), крупозная пневмония, желтуха, туберкулез, плеврит. Национальные особенности были отмечены лишь у трех трупов — один монголоидного типа, один кавказского и европейского.

Второе здание представляло собой небольшое строение, состоящее из трех комнат. При осмотре средней комнаты было обнаружено: «Деревянный стол, на котором лежат эмалированные фотографические

ванночки и рядом с ними 4 плоских куска крошковидной мылкой массы желтовато-серого цвета, покрытой с поверхности выкристаллизовавшимся белым веществом. Рядом со столом стоит металлический ящик, заполненный обезжиренными вырезками человеческой кожи различных областей тела. Всего таких вырезок в этом помещении обнаружено 165 штук» (ГА РФ 2: Л. 33). На чердаке были найдены разбросанные в беспорядке человеческие кости и 100 черепов. Комиссия, опираясь на данные экспертизы и следствия, пришла к заключению, что «учебно-научно-исследовательское учреждение, возглавлявшееся проф. Шпаннером, являлось источником экспериментального исследования в целях использования человеческих трупов в коммерческих целях, что не свойственно современному куль-

турному научно-исследовательскому учреждению, так как совершало неслыханное в истории человечества преступление» (Там же: Л. 34–35).

Данные экспертизы соответствовали показаниям Зигмунда Мазура. На первом же допросе он рассказал, что трупы в лабораторию поступали из различных концлагерей, находящихся на побережье Балтийского моря, в большинстве — из Штуттгофа, из тюрем Данцига и Кенигсберга и психиатрической больницы Ельблонга: «Персональные данные мертвых тел были детально записаны. Доминировали поляки, были также немецкие военные после смертной казни, советские военнопленные и небольшое количество женщин из психиатрической больницы и тюрем» (Там же: Л. 139 об.). Работавший при институте британский военнопленный Вильям Андерсон Вилли, занимавшийся «перебиранием трупов», также свидетельствовал: «Прибывающие в институт трупы, главным образом, принадлежали немцам и полякам. Обычно фон Барген доставлял их в грузовиках, принадлежащих германскому Красному Кресту <...> главным образом, с места казни в Кенигсберге» (ГА РФ 4: Л. 14.). Практика использования трупов заключенных в научных целях в Германии была распространенной. Так, в 1947 г. при расследовании преступлений нацизма против человечности в Шталаге-11 в Альтенграбов было установлено, что часть трупов из гестапо поступала в Анатомический институт Грайфсвальдского университета: «Извлечено из чанов в анатомическом институте Грайфсвальдского университета 58 трупов советских военнопленных и поль-

ских граждан, на многих из трупов имелись №№, соответственно которым имелись записи с социодемографическими данными. Следствием установлено, что университет с 1940 г. по октябрь 1947 г. все время проводил занятия на трупах, доставленных из гестапо — трупах советских военнопленных и польских граждан» (ГА РФ 5). При этом в акте осмотра этого анатомического института нет указаний на специфическое оборудование, которое было найдено в аналогичной лаборатории Данцига.

Относительно поступления «материала» в Данцигскую лабораторию Мазур на последующих допросах уточнил: «Гильотинирование производилось в тюрьмах городов Кенигсберг и Данциг. Мне об этом известно потому, что профессор Шпаннер, всячески форсируя поступление трупов в Институт, направлял сотрудников Института Фон Барген, Рейхерт и меня в различные тюрьмы и лагеря за получением трупов только что казненных людей. В тюрьму гор. Данцига за трупами я лично ездил 4–5 раз. В этой тюрьме, в одну из поездок за трупами, в начале 1945 года я видел в одном из помещений гильотину» (ГА РФ 6). В Данцигской тюрьме следователи также обнаружили и даже собственноручно зарисовали гильотину, установленную для казни военных и политических преступников. Тел из концлагерей, вероятно, было немного, и они не были еврейскими. Это косвенно подтверждают и документы ЧГК по Штуттгофу — там не было обнаружено ни одной гильотины. В документе по этому концлагерю есть упоминание, что трупы «вывозились в Данциг по 30–40 в 1942 г. для неиз-

Трупы, подготовленные к переработке на мыло. ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 109. Д. 6. Л. 4

вестных целей. Были вывезены также в 1943 году по особым запросам трупы, в количестве 6-ти, с особым отбором по национальности, а именно: в мае 1943 г. — 3 трупа русского, поляка и немца, а через несколько дней русского, поляка и литовца и затем еще 2 трупа» (ГА РФ 1).

Количество трупов, найденных в лаборатории при ее первом осмотре, вызвало у следователей вопросы — казалось, оно превышало потребности института. На первом допросе Мазур это объяснил тем, что число студентов с 1940 по 1944 г. возросло с 15 до 400 (ГА РФ 2: Л. 140), и им был необходим «учебный материал». На следующих же допросах фигурировало лишь 15 студентов на 1940 г. (Там же: Л. 59), а число 400 относилось уже к количеству накопленных в лаборатории тел (Там же: Л. 55, 58). Причем на печатной машинке был

набран 1944 г., а затем исправлен чернилами на 1940. Сколько студентов было позднее — не отмечено вовсе. «Естественно, для работы студентов такого количества трупов не требовалось, — утверждал Мазур, противореча сам себе, на втором и третьем допросах. — Шпаннер объяснял создание запасов трупов необходимостью наличия резервов во избежание перебоев. Впоследствии, когда началась варка мыла, мне стало ясно, что создание запасов трупов в действительности преследовало цель обеспечить мыловарение» (Там же: Л. 59). Невьясненным следствием осталось и то, что же случилось с «запасами»: 400 трупов, по словам Мазура, было в 1944 г., однако в 1945 г. следователи обнаружили 148 трупов, а военнопленный Вильям Андерсон Нили свидетельствовал, что «в погребе постоянно находилось от 100 до 120 трупов» (ГА РФ 4: Л. 13).

При сопоставлении различных материалов дел видны и другие расхождения в показаниях. Например, неточности в изложении непосредственно рецепта и способа производства, в котором, по словам Мазура, он участвовал лично. На первом допросе Мазур сообщил, что рецепт ему передала ассистентка профессора Кеутек (ГА РФ 2: Л. 139). На следующий допросах он утверждал, что рецепт передал сам Шпаннер (Там же: Л. 55, 59). Этот рецепт был представлен в Нюрнберге как документ СССР-196: «Данциг 15.II.-44 г. Производство мыла из остатков жиров. 10–12 фунтов жира (4,5–5,4 кг. — К. С.), 1000 грамм раствора натрона (натро-леттен) для мыла кусками или 1000 грамм калиумоксида для жидкого мыла, 1 пригоршня соды. Варить в горшке 3 часа. Прибавить полную пригоршню поваренной соли, немного поварить и оставить застыть. Застывшую поверхность снять, разрезать и снова переварить от полутора до двух часов с одним-двумя литрами воды. Вылить в плоские миски и оставить застыть. Разрезать на кусочки для употребления. Раствор, который остается после первого остуживания, может употребляться в разбавленном виде для чистки. Чтобы устранить неприятный запах, можно добавлять в мыло перед застыванием вещество для запаха, например, бензальдегида» (ГА РФ 4: Л. 1). То же показал и Мазур на допросе, однако вместо натрона он использовал каустическую соду, в большом количестве найденную следователями в лаборатории (ГА РФ 2: Л. 59). Количество сваренного мыла от первого к третьему допро-

су возрастает с 20 до 40 кг (Там же: Л. 139, 59). На втором допросе Мазур рассказывал: «Мыло варил я из трупов мужчин и женщин. Одна производственная варка занимала несколько дней — от 3 до 7. Из двух известных мне варок, в которых я принимал непосредственно участие, вышло готовой продукции мыла более 25 килограммов, причем для этих варок было собрано 70–80 килограммов человеческого жира, примерно с 40 трупов» (Нюрнбергский процесс 1991). На третьем допросе Мазур прибавил еще 15 кг мыла, но при этом сделал оговорку, что мыло не взвешивал: «Из двух варок, в которых я принимал непосредственное участие, вышло около 40 килограммов готового мыла, для изготовления которого потребовался жир более чем с 40 трупов. Мыло не взвешивалось, и вес его я указываю примерный» (ГА РФ 2: Л. 59). Почему количество мыла увеличилось вдвое и сколько было мыла на самом деле, таким образом, неизвестно. К тому же на первом допросе Мазур говорил, что мыло варилось из 70–75 кг жира. Но по рецепту в таком случае должно было получиться около 100 кг мыла, а никак не 20 и даже не 40². Неясно и с жиром: Мазур утверждает, что с 40 трупов было собрано 70 кг (Там же: Л. 55). На первом допросе он же говорил о том, что с одного трупа можно было получить 4–5 кг (Там же: Л. 139 об.), т. е. должно было получиться минимум 160 кг. Однако сам Мазур в процессе экстракции жира участия не принимал, что может отчасти объяснить неточности в его показаниях. Использование Мазуром каустиче-

² Это расхождение рецепта с показаниями подробно изложено в статье И. Неандера: (Neander 2006: 63–86).

ской соды также можно расценить как расхождение с рецептом, однако она является заменителем указанно-го в нем химического вещества. Эту неточность в показаниях упомянул в своей речи и советский обвинитель Л. Н. Смирнов. Он объяснил это тем, что рецептов было несколько. Однако на следствии речи о нескольких рецептах не шло.

Технология производства мыла по рецепту Шпаннера была устаревшей. Казалось бы, Германии, давно использовавшей в своей мыльной промышленности глицерин, он был просто не нужен. Об этом говорил и сам Мазур — мыло варилось «домашним способом» (Там же: Л. 139). Хотя, по его словам, работой лаборатории интересовались некоторые представители нацистского правительства, производство мыла осуществлялось на институтском оборудовании, носило экспериментальный характер и, по возможности, держалось в секрете (Там же: Л. 55, 55 об.). Производство не носило промышленного характера, и «продукция» не предназначалась к продаже: «О продаже этого мыла на рынке мне ничего не было известно. У нас в институте изготовление мыла носило экспериментальный характер. Когда и где предполагалось использование трупов в широких масштабах и есть ли где-либо еще такие предприятия, мне неизвестно» (Там же: Л. 60). На Нюрнбергском процессе, предъявляя полуфабрикат и готовый кусок изъятого из лаборатории мыла, Смирнов обратился к Трибуналу и сказал: «Таким образом, можно считать доказанным, что опыты по промышленному производству мыла из человеческого жира были

вполне завершены в Данцигском институте» (Нюрнбергский процесс 1991). Хотя слово «промышленный» прозвучало, но речь шла об опытах, а не о мыльной фабрике.

Из показаний Мазура известно, что мыло после первой варки в феврале 1944 г. Шпаннер забрал себе. Мылом после второй варки в феврале 1945 г. Мазур мог распоряжаться сам, т.к. Шпаннер к тому моменту уже эвакуировался вглубь Германии, в г. Галле. Более того, по словам препарата, мылом пользовались некоторые сотрудники института и члены его семьи: «Лично для себя я взял 4 кг. этого мыла. Оно было использовано моей семьей. Этим мылом, приготовленным из человеческих трупов, пользовались также профессор Шпаннер, Рейхерт, Боркнер, фон Барген и все остальные сотрудники института, а также хаузмейстер здания Медицинской академии Леон Пипер и лаборант физиологического института Опинский Алексей. Это мыло давалось также некоторым особенно доверенным студентам, помогавшим мне в работе» (ГА РФ 2: Л. 60). Для подтверждения этих слов 13 июня 1945 г. следователи допросили сестру «мыловара», Мазур Эдиту Юзефовну. Она показала: «Не помню, когда именно и даже примерно, но во время его работы в анатомическом институте в качестве лаборанта Зигмунд однажды принес оттуда кусок мыла весом около килограмма, белого цвета, и отдал это мыло мне, а вслед за тем заявил, что это мыло изготовлено из человеческого жира. Хотя в этом я Зигмунду не поверила и сочла, что он шутит, но, тем не менее, немедленно положила это мыло в кухне под стол и больше его

не брала. Впоследствии перед приходом советских войск в город дом наш сгорел» (Там же: Л. 69 — 69 об.). Сестра сказала, что брат приносил мыло, когда был лаборантом, но лаборантом он был только с января по март 1941 г., когда мыло еще не варили. Это можно объяснить простой оговоркой — она могла не понимать разницы между лаборантом и препаратом. Но чем объяснить то, что примерно за 4 месяца Эдита совершенно забыла, когда ее брат приносил домой такое необычное мыло, которое даже понадобилось прятать?

О том, что в лаборатории Шпаннера варили мыло, свидетельствовали и британские военнопленные Вильям Андерсон Нили и Джон Генри Виттон. Непосредственными свидетелями производства они не были, однако без колебаний сообщили о том, что мылом пользовались в лаборатории по его прямому назначению. Так, Вильям Нили лично видел, как мыло «употребляли в Данциге для чистки столов, на которых производили вскрытие трупов. Люди, пользовавшиеся им, уверяли меня, что это — лучшее мыло для этой цели» (ГА РФ 4: Л. 13). Джон Виттон лично не видел ни производства, ни то, как использовали мыло. Но, со слов студентов, участвовавших в эксперименте, он показал: «Студенты рассказывали мне, что это вещество употребляется в качестве мыла; однако до употребления это вещество обрабатывали каким-то химическим препаратом для того, чтобы избавиться от дурного запаха» (Там же: Л. 29). У военнопленных с Мазуром были довольно близкие отношения: «он доставал для них сигареты, бритвенные ножи и кожу для починки краг», и фон Барген

даже «неоднократно угрожал ему арестом за слишком дружеское обращение» с ними (Там же: Л. 21). Тем не менее в своих показаниях они ни разу не сказали о том, что Мазур лично участвовал в изготовлении мыла или его использовал.

На Мазура как на непосредственного изготовителя указал лаборант института Алексей Опинский. В конце 30-х гг. он оказался в немецком плену, но вскоре был отпущен. Затем, работая в Данциге, он на несколько месяцев попал в лагерь в г. Лодзь за отказ принять немецкое подданство. После освобождения молодой человек через рабочее бюро устроился в Физиологический институт на должность лаборанта. В его обязанности входило содержание подопытных зверей и помощь при их вскрытии. В своих показаниях от 28 мая 1945 г. он рассказал, как в начале февраля 1945 г. пришел к коменданту института Леону Пиперу и попросил мыло для стирки. Пипер отправил его в лабораторию профессора Шпаннера — он из разговоров знал о том, что там производится мыло из человеческого жира. Когда Опинский вошел в лабораторию, он увидел Мазура в процессе производства: «Мазур был в белом халате, и там же был препарат Боркнер тоже в белом халате, оба стояли в первой комнате и что-то мешали в белых эмалированных ведрах, которые подогревались специальными газовыми горелками. Перемешивание они производили металлическими мешалками. Рядом на столе лежали в этой же комнате остатки человеческих тел — мягких тканей с жиром, освобожденные от костей. В комнате был очень неприятный запах <...> Я прошел во вторую комнату, там на столе

около окна было наложено мыло, белого цвета, готовое, большими кусками, примерно по килограмму. Этого мыла было полный стол. В этой же комнате был шкаф, в котором на полках лежали кости черепа и в банках каустическая сода, на полу были какие-то ведра <...> Я спросил у Мазура, “что это вы из человеческих тел готовите мыло” Мазур ответил, “у нас такой приказ от профессора Шпаннера” <...> В тот раз, когда я пришел в фабрику мыла, Мазур мне передал большой кусок мыла, но я взял небольшой кусочек. Это было готовое мыло без неприятного запаха» (ГА РФ 2: Л. 64.). Эти насыщенные деталями и красками показания Опинского расходились с показаниями главного свидетеля. Во-первых, его описание процесса варки мыла больше похоже на экстракцию жира, а Мазур утверждал, что сам в этом процессе никогда участия не принимал. Во-вторых, в варке 1944 г. участвовал фон Барген, а вторую партию делал лично Мазур. Боркнер же занимался как раз экстракцией жира, а не производством мыла.

Для проверки показаний Опинского 7 июня 1945 г. следователи провели очную ставку с комендантом института Леоном Пипером. Выяснилось, что мыло дал Опинскому сам Пипер. Опинский: «Уточняя свои показания от 28 мая с/г, заявляю, что мыло я получил от Леона Пипера, который, давая мне это мыло, брал его из конторки стола профессора Шпаннера». Пипер: «Да, я вспомнил, действительно в феврале м-це 45 года, когда уже профессора Шпаннера не было, я выдал Опинскому несколько кусочков мыла» (Там же: Л. 115). Обстоятельства встречи Опинского с Мазуром

в то время мыла не касались: «Мазур я знаю несколько лет как сотрудник института, но близких отношений до 45 года у меня с ним не было. Уже в 45 году, когда Шпаннер уехал, я с Мазур ближе познакомился и даже несколько раз выпивал, в частности выпивал с ним в феврале м-це 45 года, когда Пипер дал мне мыло, в выпивке принимал участие и Пипер» (Там же). Факт изготовления мыла лично Мазуром не смогла подтвердить и его сестра (Там же: Л. 69 об.). Таким образом, никаких дополнительных доказательств того, что Мазур участвовал в производстве мыла, кроме его собственного признания, у следствия не было.

Оставалось выяснить, какие отношения были между Мазуром и Шпаннером. По показаниям Мазура, он был личным помощником профессора, который работал над книгой. Опинский подтвердил, что не раз видел, как они вместе о чем-то разговаривали. Наиболее полную картину взаимоотношений препаратора и профессора представил британский военнопленный Джон Генри Виттон: «Он (Мазур. — К. С.) заявлял, что работает в институте по принуждению, однако, считал, что он принесет больше пользы движению сопротивления, если останется свободным человеком, чем в случае, если он откажется работать и попадет в концентрационный лагерь. Мне пришлось неоднократно слышать, как профессор Шпаннер угрожал послать за гестапо и арестовать Мазура» (ГА РФ 4: Л. 29–30). Если это действительно было так, то Мазур вполне мог затанцевать злобу на своего начальника. Кроме того, это свидетельство говорит о том, что Мазур не был чужд конформизму — он был готов, несмотря на свои

Куски выделанной человеческой кожи. ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 109. Д. 6. Л. 7

убеждения, идти на сделку с нацистами ради сохранения жизни. К тому же виновным он себя не считал, т.к. выполнял указания начальства.

Наконец, показания профессора Шпаннера, которые он давал дважды, в мае 1947 г. Гамбургской криминальной полиции и в феврале 1948 г. Фленсбургской криминальной полиции (Neander 2006). К этому моменту Нюрнбергский процесс был окончен, а Зигмунд Мазур умер в тюрьме от тифа. Профессор признался, что действительно делал особую смесь из человеческого жира, которой можно было пользоваться и как мылом, но служила она для изготовления скелетов, смазки суставов и наполнения муляжей органов. То, что кто-то из членов его лаборатории мог использовать это вещество в качестве непосредственно мыла, Шпаннеру было, по его словам, неизвестно. Поэтому он признавал себя

виновным в том, что не досмотрел за своими сотрудниками, но факт экспериментального производства мыла он категорически опроверг.

Так или иначе, в лаборатории изготовлялось вещество, которое обладало всеми свойствами мыла, и это ее руководитель косвенно подтвердил. Но сказал ли он правду про цели его использования — для смазки муляжей? На первом допросе Мазур особенно подчеркнул, что ни одного скелета за все время его работы изготовлено Шпаннером не было. Признаков изготовления скелетов не нашла и комиссия, осмотревшая здание лаборатории во время следствия: «Здание, расположенное во дворе института и оборудованное по типу для приготовления скелетов, использовалось не по назначению, т.к. каких-либо признаков изготовления скелетов нигде не обнаружено» (ГА РФ 2: Л. 34). К этому стоит доба-

вить, что в лаборатории также был найден ящик, в котором было более сотни кусков выделанной человеческой кожи — едва ли она могла быть использована в педагогических и научных целях. Поэтому «невинность» Шпаннера в вопросе о мыле выглядит по меньшей мере натянуто.

Что же на самом деле происходило в лаборатории профессора Шпаннера? Сопоставление различных протоколов и документов дела ЧГК о производстве мыла из человеческого жира показывает, что следователям удалось найти ответы далеко не на все вопросы. Прежде всего, остается открытым вопрос о степени достоверности показаний главного свидетеля Зигмунда Мазура. Опираясь на выводы советского следствия, можно утверждать, что в лаборатории не было ни промышленного производства мыла, ни «мыла из евреев». Однако нет достаточных оснований и для того, чтобы называть фальсификацией представленное на Нюрнбергском процессе дело об экспериментальном мыловарении из человеческого жира в Данциге. Для окончательного решения этого вопроса необходимо выявление дополнительных исторических источников и их дальнейшее изучение.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ГА РФ 1 — ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 106. Д. 2. Л. 16.

ГА РФ 2 — ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 109. Д. 1.

ГА РФ 3 — ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 109. Д. 2.

ГА РФ 4 — ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 109. Д. 4.

ГА РФ 5 — ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 5. Л. 52.

ГА РФ 6 — ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 106. Д. 1. Л. 58.

Нюрнбергский процесс 1991 — Нюрнбергский процесс. Преступления против человечности (т. 5). М., 1991. URL: lib.ru/MEMUARY/1939-1945/NURNBERG/np5.txt (дата обращения: 01.06.2020).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архипова, Курзюк 2020 — *Архипова А., Курзюк А.* Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. М., 2020.

Drobnicki б/д — *Drobnicki John.* The soap allegations. The Nizkor project. URL: www.jewishvirtuallibrary.org/the-soap-myth (дата обращения: 01.06.2020).

Human Fat... 2006 — Human Fat Was Used to Produce Soap in Gdansk during the War. URL: auschwitz.org/en/museum/news/human-fat-was-used-to-produce-soap-in-gdansk-during-the-war,55.html (дата обращения: 01.06.2020).

Kartashova 2016 — *Kartashova O.* The soap myth of the Holocaust. The old story and the new speculations // Materials of conferences 2015–2016. Riga, 2016. P. 234–243. URL: www.academia.edu/28658859/The_Soap_Myth_of_the_Holocaust_The_Old_Story_and_the_New_Speculations (дата обращения: 01.06.2020).

Neander 2006 — *Neander J.* The Danzig Soap Case: Fact and Legends around “Professor Spanner” and the Danzig Anatomic Institute 1944–1945 // The Johns Hopkins University Press. 2006. Feb. Vol. 29. No. 1. P. 63–86.

Waxman 2006 — *Waxman Zoë.* Writing the Holocaust: Identity, Testimony, Representation. Oxford University Press, 2006.

Weber 1991 — *Weber M.* Jewish soap // The Journal of Historical Review. Summer. 1991. Vol. 11. No. 2. P. 217–227. URL: www.ihr.org/leaflets/soap.shtml (дата обращения: 01.06.2020).

“SOAP FACTORY” OF PROFESSOR SPANNER, OR WAS THERE A SOAP MADE
FROM HUMAN FAT?

Sak Ksenia V. — candidate of historical sciences, leading researcher of Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad (Moscow)

Key words: Holocaust, World War II, Nuremberg trials, crimes of Nazism, Rudolf Spanner.

Abstract. In 1946 the main counselor of justice of the USSR L. N. Smirnov presented at the Nuremberg trials a sample of soap from human fat found in the Danzig maceratory. Since the 1990s scholars of Holocaust actively deny the fact of making such a soap. They question the authenticity of the materials of the Soviet investigation and argue that this case was fabricated. However, the full range of materials of the Extraordinary State Commission on this issue, stored in the State Archive of the Russian Federation, has not yet been introduced into scientific use. The article analyzes a variety of investigative materials from the archive. As a result of their comparison the author concludes that a number of inaccuracies committed during the investigation do not allow to make a final conclusion about the reliability of the testimonies of witnesses and the validity of the charges brought at the Tribunal. This question requires additional identification of sources and their research.

REFERENCES

Arkhipova A., Kirziuk A. *Opasnye sovetskie veshchi: Gorodskie legendy i strakhi v SSSR*. Moscow, 2020.

Drobnicki John. *The soap allegations. The Nizkor project*. URL: www.jewishvirtuallibrary.org/the-soap-myth.

Human Fat Was Used to Produce Soap in Gdansk during the War. URL: auschwitz.org/en/museum/news/human-fat-was-used-to-produce-soap-in-gdansk-during-the-war,55.html.

Kartashova O. The soap myth of the Holocaust. The old story and the new speculations. *Materials of conferences 2015–2016*.

Riga, 2016, pp. 234–243. URL: www.academia.edu/28658859/The_Soap_Myth_of_the_Holocaust_The_Old_Story_and_the_New_Speculations.

Neander J. The Danzig Soap Case: Fact and Legends around “Professor Spanner” and the Danzig Anatomic Institute 1944–1945. *The Johns Hopkins University Press*, 2006, feb., vol. 29, no. 1, pp. 63–86.

Waxman Zoë. *Writing the Holocaust: Identity, Testimony, Representation*. Oxford University Press, 2006.

Weber M. Jewish soap. *The Journal of Historical Review*. Summer, 1991, vol. 11, no. 2, pp. 217–227. URL: www.ihr.org/leaflets/soap.shtml.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ О ПРОИЗВОДСТВЕ МЫЛА ИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЖИРА

Ключевые слова: ЧГК, мыло из человеческого жира, ЦК ВКП(б), НКВД, Нюрнбергский процесс.

Аннотация. В статье публикуется ранее неизвестный проект сообщения ЧГК 1945 г. о производстве мыла из человеческого жира в лаборатории проф. Р. Шпаннера в г. Данциге. Авторы раскрывают предысторию создания этого документа — от проведения расследования сотрудниками ЧГК до хождения проекта постановления по различным советским инстанциям (ЦК ВКП(б), НКВД). Авторы анализируют, почему в итоге проект сообщения так и не был опубликован, и приходят к выводу, что это могло быть связано как с бюрократической волокитой, так и с желанием усилить пропагандистский эффект от этого преступления на Нюрнбергском процессе. DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-145-155

Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) с ноября 1942 г. занималась сбором данных и расследованием преступлений нацистов на оккупированных территориях СССР. Эта грандиозная работа была проделана для того, чтобы, прежде всего, зафиксировать и подсчитать материальный ущерб. В то же время полученные материалы широко использовались в пропагандистских целях — создания образа безжалостного гитлеровца, потерявшего

человеческий облик. По мере продвижения Красной армии на Запад открывались чудовищные преступления нацизма, совершенные в концлагерях в отношении военнопленных и мирного населения. Сбор данных о них также входил в сферу деятельности комиссии. Отдельные сообщения ЧГК о нечеловеческих условиях содержания узников и истреблении их изощренными способами публиковались в отечественной и зарубежной прессе. Осенью 1944 г. в газете

© К. В. Сак, С. М. Соловьев, 2020

Сак Ксения Васильевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Дом русского зарубежья имени А. Солженицына (Москва); ksenia.sak@gmail.com

Соловьев Сергей Михайлович — кандидат философских наук, главный специалист РГАСПИ, ведущий научный сотрудник ф-та политологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

«Правда» появилось сообщение ЧГК о зверствах в Майданеке (Коммюнике... 1944). 7 мая 1945 г. в советской печати вышла публикация о преступлениях нацистов в Освенциме (О чудовищных преступлениях... 1945). В этих, как и во многих других комиссиях по расследованию преступлений оккупантов в концлагерях, участвовал представитель ЧГК Д. И. Кудрявцев. Он же готовил сообщение о производстве мыла из человеческого жира и выработке человеческой кожи в польском городе Данциге (Гданьске).

13 мая 1945 г. при осмотре Данцигской медицинской академии и Анатомического института сотрудники комиссии по расследованию немецких преступлений в Польше, представители польских властей и общественности обнаружили подозрительную — заваленную человеческими телами и костями — лабораторию. В ней, по словам случайно встретившегося сотрудника, изготовлялось мыло из человеческого жира. По этому делу началось расследование, длившееся около месяца. 28 июня 1945 г. Д. И. Кудрявцев, инспектировавший также лагерь смерти, подал докладную записку с результатами расследования Н. М. Швернику, председателю ЧГК. Комиссия пришла к ужасающему выводу: «Таким образом, на основании показаний свидетелей Мазура, Опинского, Пипер и Клозе, осмотра сохранившегося инвентаря и оборудования, изготовленного мыла и заключения судебно-медицинской экспертизы, комиссия считает установленным, что в Данцигском Анатомическом Институте под непосредственным руководством про-

фессора Шпаннера производилась утилизация трупов на изготовление мыла и кожи» (ГА РФ 1: Л. 5). На основе этой записки, с добавлением некоторых цитат из показаний свидетелей, Кудрявцев составил проект сообщения для публикации в прессе. При этом он опустил все спорные моменты и противоречия, имевшиеся в деле. Так, подтвердить производство мыла не смог никто, кроме главного обвиняемого, описание производства не вполне соотносилось с рецептом, не все показания свидетелей соответствовали действительности (подробнее об этом можно прочитать в статье К. Сак «Мыльная фабрика профессора Шпаннера, или было ли мыло из людей?» на сайте «Исторической экспертизы» URL: istorex.ru/New_page_23).

Шверник получил и одобрил проект, однако обнародование шокирующих подробностей производства мыла из человеческого жира, которые несли в себе колоссальный пропагандистский заряд, в советской прессе затормозилось (хотя, например, в Польше в ходе расследования уже было опубликовано в местной газете несколько статей). В середине июля 1945 г. по сложившейся традиции председатель ЧГК отправил текст сообщения и фотографии с места преступления на утверждение начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову, секретарю ЦК Г. М. Маленкову и наркому иностранных дел В. М. Молотову. Александров внес незначительную стилистическую правку и в конце июля утвердил проект сообщения. По-видимому, утвердил его и Маленков, поскольку 8 августа Шверник повторно отправил проект на рассмо-

трение Молотова, отметив, что он «согласован с товарищами Маленковым Г. М. и Александровым Г. Ф.» (ГА РФ 2: Л. 1). Отсутствие реакции со стороны наркома иностранных дел, до этого лично правившего некоторые сообщения ЧГК, объяснялось тем, что в это время он был в Лондоне и занимался подготовкой Международного военного трибунала. 7 сентября Шверник получил ответ из министерской канцелярии с предложением решить вопрос о публикации с Маленковым (РГАСПИ: Л. 3). 13 сентября 1945 г. Шверник посылает еще одну записку Маленкову, в которой просит разрешить напечатать сообщение без резолюции Молотова. Однако на следующий день приходит ответ, адресованный Александрову: «Прилагаемый материал без указаний т. Маленкова не опубликовывать», подписанный Д. Н. Сухановым, помощником Маленкова (Там же: Л. 1).

Как дело развивалось дальше — неизвестно, но сообщение так и не вышло в печати. Это можно объяснить как бюрократической волокитой, так и намерением создать эффект неожиданности и использовать это громкое дело на Нюрнбергском процессе. Уже в конце октября для международного трибунала был подготовлен фильм о преступлениях нацистов, куда вошел и сюжет о производстве мыла в лаборатории профессора Шпаннера. В записке на имя Д. И. Кудрявцева помощник заместителя народного комиссара иностранных дел СССР М. А. Харламов делился своими впечатлениями: «Был просмотрен фильм о мыловаренной фабрике в Данциге, где из человеческих трупов немцы изготовляли мыло. Этот фильм производит

сильное впечатление. Однако его необходимо озвучить и затем уже послать в Нюрнберг» (ГА РФ 3: Л. 48).

Дело о мыловарении в лаборатории профессора Шпаннера, поставленное в один ряд с преступлениями в Бухенвальде, разбиралось на заседании международного трибунала 14–19 февраля 1946 г. Озвученные на суде факты произвели на присутствовавших неизгладимое впечатление. Вот как писал об этом советский журналист Борис Полевой: «А между тем советский обвинитель продолжал свою речь. Теперь он предьявлял суду показания некоего Зигмунда Мазура, “ученого”, сотрудника одного из научно-исследовательских институтов в Кенигсберге (так в тексте. — К. С., С. С.). Спокойным, я бы сказал, даже техническим языком он рассказывал, как в лабораториях этого института решалась проблема разумной промышленной утилизации отходов гигантских фабрик смерти — человеческого мяса, жира, а также кожи <...> В первый раз я видел, как все трое Кукрыниксов сидят над своими раскрытыми папками и ничего не рисуют — так они ошеломлены. “После этого Дантов ад — просто увеселительное заведение”, — шепотом говорит кому-то Юрий Корольков, но стоит такая тишина, что мы слышим его через два ряда» (URL б/д). Так слухи о производстве мыла из человеческого жира, ходившие еще со времен Первой мировой войны, получили в Нюрнберге реальные очертания. Нужный пропагандистский эффект был достигнут — история эта долгие годы продолжала обрастать невероятными подробностями, вызывая много горячих споров и по сей день.

ПРОЕКТ СООБЩЕНИЯ ЧГК
О ПРОИЗВОДСТВЕ МЫЛА
ИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЖИРА В Г. ДАНЦИГЕ

[г. Данциг] Не ранее 28 июня 1945 г.

Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

Об изготовлении немецкими «учеными» мыла и выделки человеческой кожи из трупов замученных и убитых в немецких концлагерях и тюрьмах граждан СССР, Польши и других государств

После освобождения Красной Армией от немецких захватчиков оккупированных стран Европы в Чрезвычайную Государственную Комиссию стали поступать различные сведения о зверствах немецких властей, воинских соединений и немецких «ученых» над советскими гражданами, находившимися в многочисленных концлагерях и тюрьмах Германии. Поступили также сведения о том, что в Анатомическом институте Данцигской медицинской академии, возглавляемой доктором медицинских наук, профессором Шпаннером Рудольфом, изготавливается мыло из трупов замученных и убитых людей различных стран и выделывается человеческая кожа.

Поступившие об этом сведения казались неправдоподобными, ибо такие учреждения, как Данцигская медицинская академия и ее Анатомический институт призваны к разрешению научных проблем, связанных с здравоохранением народа. В связи с тем, что сведения об изготовлении мыла из человеческих трупов и о выделке человеческой кожи находили все новые и новые подтверждения, Чрезвычайная государственная комиссия поручила расследование этих фактов специальной комиссии в составе ответственных работников Чрезвычайной государственной комиссии Кудрявцева Д. И. (председатель), Семенова С. В. и Кузьмина С. Т.¹, представителя прокуратуры Союза Тарасова-Родионова П. И.², полковника Зименкова А. И.³ и прокурора фронта Баранова П. В.⁴

Специальная комиссия произвела в Данциге тщательное расследование, допросила сотрудников Анатомического института медицинской академии и их родственников, провела судебно-медицинское исследование трупов и полуфабрикатов, изготовленных из них, осмотрела производственные помещения⁵.

Расследованием неопровержимо установлено, что в Анатомическом институте Данцигской медицинской академии производились изготовление мыла и выделка человеческой кожи из трупов замученных и уби-

¹ С. Т. Кузьмин — представитель ЧГК в Польше, участвовал в расследовании по Освенциму.

² Петр Игнатьевич Тарасов-Родионов (1897–1955), следователь, в 1949–1952 гг. заместитель директора ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР.

³ Алексей Ильич Зименков (1911–1952), с 3 октября 1944 г. полковник государственной безопасности.

⁴ Павел Владимирович Баранов (1905–1988), член ВКП(б), прокурор 2-го Белорусского фронта.

⁵ Материалы расследования отложились в фонде Чрезвычайной государственной комиссии. ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 109. Д. 1–5.

тых в немецких концлагерях и тюрьмах граждан СССР, Польши и других государств.

Немецкие «ученые» профессор Шпаннер и доцент Вольман — изобретатели производства мыла и выделки человеческой кожи из трупов убитых людей

Используя Анатомический институт Данцигской медицинской академии, профессор Шпаннер и доцент Вольман в 1943 году организовал производство мыла из трупов людей и выделку человеческой кожи. Для этой цели во дворе Анатомического института в середине 1943 года было построено специальное каменное одноэтажное здание из трех отделений, предназначенное якобы для изготовления скелетов и кремации остатков препарированных трупов.

При осмотре помещения Анатомического института комиссией было обнаружено 148 человеческих трупов, заготовленных для переработки на мыло, из них 126 трупов мужских, 18 женских и 4 детских. 80 мужских и 2 женских трупа оказались обезглавленными. Было также обнаружено 89 отсеченных человеческих голов. Все трупы и отсеченные головы хранились в металлических чанах в спиртно-карболовом растворе⁶.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в составе: главного судебно-медицинского эксперта северной группы войск Шабанова Н.Д., судебно-медицинского эксперта ар-

мии Атлера В.М., патолого-анатома армии Любинского Е.Н., хирурга Федорова И.П. и эксперта-криминалиста Центральной судебно-медицинской лаборатории Красной Армии Герасимова Н.И. исследовала человеческие трупы и отсеченные головы, обнаруженные в Анатомическом институте, и пришла к выводу, что «большинство трупов поступило в анатомический корпус после насильственной смерти в виде механического отсечения головы остро-режущим предметом, а также умерщвления другими способами»⁷.

На некоторых трупах в области груди, плеч и предплечья экспертная комиссия обнаружила различные татуировки, изображающие пятиконечную звезду, польские национальные флаги, названия кораблей.

Изготовление мыла и выделка человеческой кожи в Анатомическом институте производилась из подобных трупов казненных людей различных национальностей, доставлявшихся в институт из Штуттгофского концентрационного лагеря, Данцигской и Кенигсбергской тюрем.

Следствием установлено, что изготовление мыла из человеческих трупов было поручено препаратору Анатомического института германскому подданному — поляку Мазуру Зигмонду, рецепт же на приготовление мыла был составлен профессором Шпаннером Рудольфом. Допрошенный по этому делу препаратор Анатомического института Мазур

⁶ В протоколе осмотра трупов было сказано, что они хранятся в соответствии с нормами анатомических институтов (ГА РФ 1: Л. 23 об.).

⁷ Акт осмотра составлен и подписан в нескольких экземплярах. Л. 19 — 24 об. Прочитанная часть документа (ГА РФ 1: Л. 23 об.).

Зигмунд показал: «Подготовка к мыловарению из человеческих трупов началась в конце 1943 года, когда профессор Шпаннер дал приказание сотрудникам института Рейхерту и Боркнеру собирать человеческий жир с трупов. В феврале 1944 года профессор Шпаннер приказал мне приступить к мыловарению и сборанию для этой цели человеческого жира и передал мне при этом рецепт приготовления мыла. По этому рецепту в феврале месяце началась работа по изготовлению мыла из человеческого жира. В качестве сырья для этого производства использовались трупы людей, поступавшие в Анатомический институт якобы для научной и педагогической цели. Трупы доставлялись из различных мест заключения — из тюрем городов Кенигсберга, Данцига и из лагеря Штуттгоф. Значительная часть трупов была доставлена в Анатомический институт с отрезанными головами. Это были трупы казненных путем гильотинирования. Вследствие принятых профессором Шпаннером мер по сборанию трупов, в институте скопился большой запас их в количестве 400. Трупы хранились в чанах в спирто-карболовом растворе... В тюрьму за трупами в город Данциг я ездил 4–5 раз. Из лагеря Штуттгоф Боркнер привез 4 трупа русских людей — мужчин... К каждому трупу, поступавшему в Анатомический институт, прилагалась карточка с указанием фамилии, года рождения казненного и даты казни. Судя по зарегистрированным фамилиям, среди казненных, трупы которых были использованы для приготовления мыла, были представители различных

национальностей, но преобладали поляки, русские и узбеки»⁸.

Специальная комиссия обнаружила в Анатомическом институте следующий рецепт по изготовлению мыла из человеческих трупов:

«Анатомический институт
Медицинской академии
Директор: профессор д-р Р. Шпаннер Данциг, 15.II-44 г.
Дельбрюкаллея, 7-б.
Производство мыла из остатков жиров.

10–12 фунтов жира.

10 литров воды.

1000 граммов раствора натрона (натро-летена) для мыла кусками или

1000 граммов калиумоксида для жидкого мыла.

1 пригоршня соды.

Варить в горшке 3 часа. Прибавить полную пригоршню поваренной соли, немного поварить и оставить застыть. Застывшую поверхность снять, разрезать и снова переварить от полутора до двух часов с одним-двумя литрами воды. Вылить в плоские миски и оставить застыть. Разрезать на куски для употребления. Раствор, который остается после первого остуживания, может употребляться в разбавленном виде для чистки. Чтобы устранить неприятный запах, можно добавить в мыло перед застыванием вещество для запаха, например, бензальдегид».

При осмотре помещения, где производилось мыловарение из человеческих трупов, комиссией было обнару-

⁸ Цитаты взяты из третьего допроса З. Мазура от 7 июня 1945 г. (ГА РФ 1: Л. 57–61).

Кости людей, обнаруженные на чердаке мыловаренного предприятия Анатомического института. ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 109. Д. 6. Л. 10

жено оборудование, необходимое для изготовления мыла: автоклавы, ванны, эмалированные ведра, газовые горелки с подводкой газа, ванночки-формы, а также остатки готового мыла и полуфабриката мыла, изготовленного из человеческих трупов.

На чердаке здания этого мыловаренного предприятия обнаружено большое количество человеческих черепов и костей. Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что способ хранения и внешний вид костей и черепов также свидетельствуют о том, что они являются отходами процесса вываривания и обезжиривания трупов и не предназначались для изготовления скелетов для учебных целей.

В изготовлении мыла из трупов людей, кроме препаратора Мазура,

принимали непосредственное участие старший препаратор Анатомического института фон Барген при помощи студентов, которым за это выдавалось приготовленное мыло. Распределением мыла ведали профессор Шпаннер и препаратор Мазур.

По вопросу об использовании готового мыла Мазур сообщил: «Лично для себя я взял 4 килограмма мыла, оно было использовано моей семьей. Этим мылом, приготовленным из человеческих трупов, пользовались также профессор Шпаннер, Рейхерт, Боргнер, фон Барген, Леон Пипер и лаборант Физиологического института Опинский Алексей. Это мыло давалось также некоторым особо доверенным студентам — немцам, помогавшим мне в работе, а именно: Герберту Лябуш, Гюн-

теру Май, Георгу Надлер, Паулю Эберт»⁹.

Показание Зигмунда Мазура подтверждено его сестрой Мазур Эдитой, заявившей: «Во время его работы в Анатомическом институте в качестве лаборанта, Зигмунд однажды принес оттуда кусок мыла весом около килограмма, белого цвета, и отдал это мыло мне, а вслед за тем заявил, что это мыло изготовлено из человеческого жира...»¹⁰

Лаборант Физиологического института Опинский Алексей сообщил следственной комиссии: «В начале февраля 1945 года мне потребовалось мыло для стирки своего белья. Так как мыла у меня не было, то я обратился к коменданту здания Медицинской академии немцу Леону Пиперу с просьбой дать мне мыло. Леон Пипер сказал, что у него мыла нет, и направил меня к препаратору Анатомического института Мазуру, сказав, что “у Мазура есть мыло”. Я спросил у Мазура, есть ли у него мыло, и вошел в лабораторию. В эту лабораторию я попал впервые. Там я увидел следующую картину: Мазур был в белом халате и там же препаратор Боркнер тоже в белом халате. Оба стояли в первой комнате и что-то мешали в белых эмалированных ведрах, которые подогревались специальными газовыми горелками. Перемешивание они производили металлическими мешалками. Рядом на столе лежали в этой

же комнате остатки человеческих тел — мягких тканей с жиром, освобожденных от костей. В комнате был очень неприятный запах. Я заинтересовался. В углу был автоклав с людскими костями, это я видел, так как открыл крышку автоклава. В другом углу, в ящике, также были человеческие кости. Около стола стоял ящик на полу, в котором была человеческая кожа, уже засохшая, твердая. Я прошел во вторую комнату, там на столе было наложено мыло белого цвета, готовое, большими кусками примерно по килограмму. Я спросил Мазура: “Что это, вы из человеческих тел готовите мыло?” Мазур ответил: “У нас такой приказ от профессора Шпаннера”. Мазур мне предложил большой кусок мыла, но я взял небольшой кусок. Это было готовое мыло без неприятного запаха»¹¹.

Помимо изготовления из человеческих трупов мыла, в Анатомическом институте Данцигской медицинской академии, под руководством профессора Шпаннера и его заместителя доцента Вольмана, производилась выделка человеческой кожи. При осмотре помещений, где производилось мыловарение, комиссией был обнаружен металлический ящик с 134 кусками человеческой кожи и стеклянная банка, в которой оказался 31 кусок полувыведанной человеческой кожи. Обнаруженные 165 кусков кожи, размером от 12 на 20 сантиметров до 70 на 87 сантиметров, яв-

⁹ (ГА РФ 1: Л. 60).

¹⁰ Показания Эдиты Юзевовны Мазур от 13 июня 1945 г. Л. 69 — 69 об. Далее Эдита рассказывает, что не поверила брату, что это мыло из человеческого жира.

¹¹ (ГА РФ 1: Л. 63–65). Показания Алексея Опинского от 28 мая 1945 г. Копия. Составители сообщения умолчали, что в тот же день была проведена очная ставка Опинского с Л. Пипером, на которой выяснилось, что мыло дал свидетелю не Мазур, а Пипер (Л. 114–115).

ляются человеческой кожей, снятой с различных частей тела человека: спины, живота паховой области, бедер, подмышечных областей, поверхности грудной клетки, плеч.

Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что в Анатомическом институте, «возглавляемом профессором Шпаннером и доцентом Вольманом, производилась выделка человеческой кожи»¹².

Допрошенный по этому вопросу Мазур сообщил: «В 1943 году профессор Шпаннер приказал, кроме человеческого жира, собирать человеческую кожу, которой было набрано 2 ящика. Обработкой человеческой кожи занимался профессор Шпаннер сам лично вместе со старшим препаратом фон Баргеном... Я знаю, что кожа подвергалась обезжириванию. Я видел окончательно выделанную человеческую кожу»¹³.

Допрошенный комиссией в качестве свидетеля директор Данцигской хирургической клиники доктор медицины, профессор Клозе Генрих показал: «В конце 1944 года при производстве тяжелой операции раненого военнослужащего немецкой армии ассистирующий военный врач, фамилии которого я не помню, рассказал мне, что якобы профессор

Шпаннер использует человеческий жир для варки мыла... Я, как ученый, могу это расценить только как бесчеловечный акт, ничем не оправданный, так как никакой научной ценности этот эксперимент не имеет. И я просто не могу понять, как человек, тем более профессор, мог допустить подобные действия»¹⁴.

Бывшие министр просвещения Германии Руст и министр здравоохранения Конти — соучастники профессора Шпаннера

Производства мыла из человеческого жира и выделка человеческой кожи были организованы в Данцигском анатомическом институте с ведома гитлеровских правителей и сохранялись в строжайшем секрете.

Допрошенный по этому вопросу Мазур показал: «Профессор Шпаннер предупреждал меня, что производство мыла из человеческих трупов надо держать в большом секрете. Работами по производству мыла из человеческих трупов, как мне известно, интересовалось гитлеровское правительство. В Анатомический институт приезжали министр просвещения Руст¹⁵, министр здравоохранения Конти¹⁶. Гауляйтер гор. Данцига Альберт Форстер¹⁷ приезжал в Анатомический институт в 1944 года,

¹² (ГА РФ 1: Л. 85 — 86 об.). Акт судебно-медицинской экспертизы по выделке кожи.

¹³ (ГА РФ 1: Л. 61). Показания Мазура от 7 июня 1945 г.

¹⁴ (ГА РФ 1: Л. 110). Протокол допроса свидетеля Г. О. Клозе от 7 июня 1945 г.

¹⁵ Бернгард Руст (1883 — 8 мая 1945), в 1934–1945 гг. рейхсминистр Имперского министерства науки, воспитания и народного образования; покончил жизнь самоубийством.

¹⁶ Леонардо Конти (1900 — 6 октября 1945), с 1939 г. Имперский руководитель здравоохранения; был задержан американскими войсками, 6 октября 1945 г. покончил жизнь самоубийством в Нюрнбергской тюрьме.

¹⁷ Альберт Форстер (1902–1952), в 1939–1945 гг. гауляйтер и рейхсштатгалтер рейхсгау Данциг — Западная Пруссия; был задержан британскими войсками и передан польским властям.

когда уже происходила варка мыла. Он осматривал все помещения Анатомического института, я считаю, что Форстер знал о производстве мыла из человеческих трупов»¹⁸.

Комендант Данцигской медицинской академии немец Леон Пипер показал: «Я знал, что в том помещении, где сжигали трупы, производилось мыло. Производство мыла было строго секретным. В это помещение никого из посторонних не допускали и даже я, как хаузмейстер, не имел туда доступа»¹⁹.

К суровому ответу мастеров мыловарения из трупов людей и выделявателей человеческой кожи

Чрезвычайная государственная комиссия установила, что виновниками в утилизации человеческих трупов замученных, умерщвленных и казненных людей различных национальностей для переработки на мыло и выделки человеческой кожи являются: гаулейтер города Данцига Форстер, министр просвещения гитлеровского правительства Руст, министр здравоохранения Конти, директор Анатомического института Данцигской медицинской академии доктор медицинских наук, профессор Шпаннер, заместитель директора Анатомического института доцент Вольман, работники института фон Барген, Боркнер, Маузер, Рейхерт, студенты института — Герберт Ля-

буш, Гюнтер Май, Георг Надлер, Пауль Эберт и другие, принимавшие участие в этом чудовищном преступлении.

Все они должны предстать перед судом народов и понести заслуженную кару.

ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 175. Л. 26–36. *Машинопись (экз. В. М. Молотова). Подписи-автографы Кудрявцева Д. И., Семенова С. В., Зименкова А. И., Тарасовым-Родионова П. И., Кузьмина С. Т.; Там же. Л. 3–13. Машинопись (экз. Г. Ф. Александрова). Рукописные правки простым карандашом; Там же. Д. 176. Л. 2–12. Машинопись; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 328. Л. 5–15. Машинопись.*

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ГА РФ 1 — ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 109. Д. 1.

ГА РФ 2 — ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 176.

ГА РФ 3 — ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 149. Д. 68.

Коммюнике... 1944 — Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немцев, совершенный в лагере уничтожения на Майданеке в городе Люблин // Правда. 1944. 15 сентября. № 233.

О чудовищных преступлениях... 1945 — О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме // Правда. 1945. 7 мая. № 109.

29 апреля 1948 г. в Гданьске прошел суд, который приговорил его к смертной казни через повешенье. Приговор приведен в силу 28 февраля 1952 г.

¹⁸ ((ГА РФ 1: Л. 54). Все эти лица перечислены в допросе от 28 мая. На первом допросе от 12 мая Мазур говорил, что не знает, было ли производство мыла организовано по заказу немецкого правительства или являлось личной инициативой Шпаннера. В допросе от 7 июля фигурирует как знавший о производстве мыла только Форстер (Там же: Л. 60).

¹⁹ Там же. Л. 70–71. Протокол допроса Л. И. Пипера от 28 мая 1945 г.

РГАСПИ — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125.
Д. 328.

URL б/д — URL: modernlib.net/books/polevoy_boris/v_konce_koncov/read/
(дата обращения: 14.07.2020).

“SOAP FROM HUMAN FAT PRODUCTION” — ONE UNPUBLISHED REPORT OF THE
EXTRAORDINARY STATE COMMISSION

Sak Ksenia V. — candidate of historical sciences, leading researcher of Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad (Moscow)

Solovyov Sergey M. — candidate of philosophy, chief specialist of the Russian state Academy of Sciences, leading researcher of the faculty of political science of the Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Key words: The Extraordinary State Commission, soap from human fat, Nuremberg trial.

Abstract. A previously unknown draft report of the Extraordinary State Commission on the production of soap from human fat in the laboratory of prof. R. Spanner in Danzig is published in the article. The authors reveal the background to the creation of this document — from the investigation to the circulation of the draft resolution in various Soviet instances (Central Committee of Communist Party of the Soviet Union, Ministry of Foreign Affairs). The authors issue why the draft message was never published, and come to conclusion that there were two possible reasons. The first one was bureaucratic red tape and the second was the desire to strengthen the propaganda effect of this crime at the Nuremberg trials.

А. В. Шубин

МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПОЛЬШЕЙ: БУФЕРНАЯ МОДЕЛЬ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА В 1919 г.

Ключевые слова: революция, Литва, Белоруссия, Литбел, Мицкявичюс, Жилунович, Иоффе, военный коммунизм, советско-польская война.

Аннотация. В статье анализируется развитие «буферных» советских республик, организованных в 1919 г. между Советской Россией и Польшей. Советские Литва, Белоруссия и затем Литбел существовали на землях со смешанным населением и неясными границами в условиях революции, советско-польской, советско-литовской и польско-литовской вооруженной конфронтации. Несмотря на внешнеполитические мотивы создания «буфера», политика новых советских республик приобрела и свои внутренние мотивы и особенности, в том числе повышенное внимание к национально-культурной политике, слабый административный контроль центра на местах, сдержанная репрессивность.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-156-176

В ноябре 1918 г. крах Рах Германа привел в действие противоречивые силы. На земли, где сегодня расположены государства Литва и Беларусь, двинулись армии с востока и запада, сталкивались национальные проекты и советская идея мировой революции. На одних и тех же территориях провозглашались разные правительства.

Вынужденная сражаться на нескольких фронтах, Советская Россия пыталась оттянуть время столкновения с Польшей. Показалось, что в этом может помочь «буфер», создание государственных образований, исключавших общую границу России и Польши. Это также должно было помочь снять с коммунистической экспансии имидж великодержавной, имперской.

© А. В. Шубин, 2020

Шубин Александр Владленович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва); historian905@gmail.com

ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТВА

В начале декабря большевики и левые социалисты создали Вильнюсскую тарibu рабочих депутатов (Виленский Совет). При этом «вся инициатива при проведении выборов оказалась в руках бундовских союзов» (LYA 1: L. 5), — сообщал позднее нарком внутренних дел советской Литвы Зигмас Алекса (Ангаретис). В Совете коммунисты были в меньшинстве, но в президиуме их было 5 на 3 бундовцев и одного социал-демократа-интернационалиста (Ibid.: L. 5 об.). Более сплоченные и энергичные коммунисты настояли на радикальном курсе. Советы при поддержке массовых демонстраций объявили себя властью в Вильно (Вильнюсе), Ковно (Каунасе), Поневеже (Поневежисе), Шавлях (Шауляе). Но до ухода немцев это была лишь декларация.

8 декабря было объявлено о создании Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы (ВРРКПЛ). 16 декабря оно провозгласило Литовскую ССР и заявило о роспуске конкурирующей Литовской тарibu. Провозглашение независимой Советской Литвы всецело было инициативой Москвы. Лидер литовских коммунистов Винцас Мицкявичюс (Капсукас) рассказывал: «Когда руководство работой перешло в наши руки, нам в голову не пришло говорить о независимости, но нас забрасывали письмами, от нас центр требовал объявления независимости и издания манифеста» (LYA 2: L. 24). При этом проект манифеста правили в Москве. Как признавалось 18 декабря на первом заседании ВРРКПЛ, которое собра-

лось не в Вильнюсе, а в контролируемом Красной армией Двинске (присутствовали три члена «кабинета» Мицкявичюс, Яшкевич и Кернович), работа правительства «в данное время должна сводиться к работе Военно-Революционных комитетов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» и потому ограничиться военными, информационными и агитационными задачами. Гражданские отделы были созданы в правительстве только 28 декабря (LYA 3: L. 1). ВРРКПЛ возглавил Мицкявичюс. 23 декабря Совнарком РСФСР признал Литовскую, Латвийскую и Эстонскую советские республики.

Продвижение Красной армии в Литву встречало здесь поддержку части местного населения, что позволило ВРРКПЛ уже 25 декабря принять решение: «В виду большого наплыва красноармейцев, желающих поступить в части, оперирующие в Литве, приступить к формированию Ковенского полка и санитарных отрядов» (Ibid.: L. 4, 6).

Уже 26 декабря ВРРКПЛ обратился к вопросу о границах будущей Советской Литвы, решив, что она должна проходить примерно по границе германской оккупации 1915 г. (Ibid.: L. 5 об.). На эту территорию претендовала также провозглашенная 2 ноября Литовская республика.

Один из крупнейших центров региона Вильнюс был тогда известен как Вильно, и пока литовцы разных идейно-политических направлений боролись за то, кто возглавит новую Литву, польские лидеры готовили превращение города в часть

возрожденной Речи Посполитой. Отрядам Польского комитета в Вильно противостояла милиция местного Совета.

В Вильно действовала польская Самооборона Крайова Литвы и Белоруссии во главе с генералом Владиславом Вейтко, уполномоченным еще Регентским советом Польши. 8 декабря эти силы были признаны Пилсудским частью польской армии. 29 декабря самооборона была преобразована в Польское войско в Вильно (Резмер 2009: 273–274).

К 31 декабря немцы должны были покинуть Вильнюс (в действительности небольшие силы оставались в январе, но старались не вмешиваться в дальнейшую борьбу за город). 1 января польские отряды заняли ключевые объекты города и затем окружили резиденцию Совета Рабочий клуб и захватили его после двухчасового боя (ЛҮА 1: L. 6). 2 января город был в руках польской армии. Сторонники Совета ненадолго ушли в полуподполье. Литовской тарибе и правительству М. Слежявичюса пришлось отступить в Каунас, контролировавшийся германскими войсками.

4 января, заняв Новую Вилейку, поляки столкнулись с войсками красной Псковской дивизии Западного фронта. После короткого боя поляки отступили (Резмер 2009: 277). 5–6 января 1919 г. Вильно был взят Красной армией. Туда вернулось правительство Мицкявичюса. Это была завязка сразу трех долгосрочных конфликтов — советско-польского, советско-литовского и польско-литовского.

Лидер литовских коммунистов Мицкявичюс смотрел на Литовскую ССР как на плацдарм для дальнейшего советского похода в Польшу, в котором будут участвовать и красные поляки. На заседании ЦК КПЛ он предлагал перевести в Вильно польские советские части и открыть вербовку бойцов-поляков наряду с бойцами-литовцами. Предлагалось также создать Литовскую советскую армию на основе Псковского полка (ЛҮА 4: L. 7). Впрочем, сформированный в Вильно полк оказался нестойким: «виленский полк решил вернуться в Вильно, командный состав не на высоте своего положения, части бегут от нескольких выстрелов белых» (Ibid.: L. 47), — сообщалось в ЦК КПЛ. Действия Красной армии сопровождалась злоупотреблениями отдельных бойцов, с чем Советская власть принялась бороться: несколько красноармейцев были приговорены за злоупотребления к расстрелу. При этом ЦК КПЛ решил: «Смертный приговор красноармейцам опубликовать, но отменить в последний момент» (Ibid.: L. 7 об.).

По мере отхода немцев Красная армия занимала территорию все дальше на запад, не встречая сильного сопротивления. 8 января в Понежежисе рабочий отряд разоружил сторонников Тарибы (Мельтюхов 2015: 93). К концу января были заняты Шяуляй и Тельшяй.

Каунас немцы оставлять пока не планировали. 13 января они разогнали Ковенский Совет. Германские войска заняли оборону по Неману. 8 февраля Красная армия атаковала и 13 февраля взяла Алитус (Олиту), но 13–16 февраля была отброшена

(Там же: 106). На стороне немцев сражался небольшой литовский отряд — формирование литовской армии только началось. В дальнейшем немцы прекратили действия на этом направлении, лишь прикрывая свой фронт в Латвии.

Литовские войска попытались наступать на Вильнюс 3–8 апреля, но неудачно. Ситуация на этом фронте стабилизировалась до мая.

При этом ни Советская Россия, ни Литва не считали, что ведут войну против Польши. После столкновения в Вильнюсе польско-советский фронт пока отсутствовал.

ЗАПАДНЫЙ КРАЙ ИЛИ БЕЛОРУССИЯ?

1 января 1919 г. в качестве «буфера» между Советской Россией и Польшей была создана Советская Белоруссия. Как ее называть, решили не сразу¹, в конституции, принятой I съездом Советов Белоруссии 4 февраля, обычно употреблялось наименование Советская Социалистическая Республика Белоруссия (ССРБ), но упоминалась и Белорусская Социалистическая Советская Республика (Из истории... 1954: 458).

Проект создания Советской Белоруссии был обсужден 24 декабря на заседании ЦК РКП(б). 25 декабря Сталин согласовал детали с руководством Белорусского комиссариата при Наркомнаце — Белнацкома.

Приняв общее решение о создании «буферной» Белоруссии, коммунисты запустили процесс, имевший свою административную логику — основой нового государства должна была стать Северо-Западная (прежде Западная) область, которая была более обширна, чем этническое ядро белорусов. С 1917 г. эти территории (когда они находились под советским контролем) управлялись Областным исполнительным комитетом Западного фронта (Облисккомзап)². «Для руководителей Облисккомзапа это решение стало неприятным сюрпризом» (Короткова 2019: 86), — пишет историк Д. А. Короткова о решении создать Советскую Белоруссию.

Это заложило основу важного конфликта между «областниками», для которых Советская Белоруссия была внешнеполитической игрой, отвлекавшей от хозяйственного строительства, и белорусскими национал-коммунистами во главе с Дмитрием Жилуновичем. Он был лидером петроградской организации Белорусской социалистической громады (Осип Дыло, Всеволод Фальский, Фабиан Шантыр и др.), которая в 1918 г. вошла в РКП(б). 21–23 декабря белорусские секции РКП(б) провели конференцию и создали Центральное бюро во главе с Жилуновичем, которое в своем обращении к народу Белоруссии называло ее частью «Великоруссии» и призывало белорусский народ встать на защиту РСФСР. Но финальный призыв предвосхищал провозглашение национальной республики:

¹ В Манифесте Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Белоруссии 1 января говорилось о Белорусской Социалистической Советской республике и тут же о Социалистической Советской Трудовой Республики Белоруссии (Из истории... 1954: 448).

² Подробнее см.: (Шубин 2017: 161–163).

«Да здравствует свободная рабоче-крестьянская Советская Белоруссия в тесной федерации с Советской Россией!» (Из истории... 1954: 441–443). По мысли национал-коммунистов, именно их национально окрашенная организация должна была стать ядром компартии Белоруссии.

Но областники считали иначе. 27 декабря Сталин обсудил перспективу создания Советской Белоруссии с лидерами Облкомзапа, и было решено, что ЦК Северо-Западной области станет Центральным бюро (ЦБ) КП(б)Б (Короткова 2019: 89).

Выступая на II объединительном съезде КП Литвы и Белоруссии с докладом о работе, проделанной коммунистами Белоруссии, видный «областник», член ЦК КП(б)Б Вильгельм Кнорин признавал: «формально совершенно самостоятельные, мы на деле остались также зависимы от Ц. К. Р. К. П. и подчинялись всем его указаниям и решениям» (ЛҮА 2: Л. 5–6). В области внешней политики тем более «мы без Цека Р. К. П. никаких самостоятельных шагов не предпринимали. Независимость Белоруссии была принята по предписанию Цека Р. К. П.» (Ibid.: Л. 29).

Собравшаяся 30 декабря 1918 г. в Смоленске (а не в Минске) VI Северо-Западная конференция РКП(б) заслушала доклад председателя Облкомзапа Александра Мясникяна (Мясникова), в котором сообщалось о создании нового государства. Конференция приняла решение о создании КП(б) Белоруссии, конституировавшись в ее I съезд. При этом президиум съезда сообщил в ЦК РКП(б): «Съезд подтверждает, что

коммунисты Белоруссии и впредь всецело будут руководствоваться директивами ЦК РКП(б), считая его своим высшим парторганом» (Из истории... 1954: 444). Было создано ЦБ КП(б)Б, в которое от ЦБ белорусских секций вошли Жилунович и И. Лагун. Оказавшись в заведомом меньшинстве, Жилунович добивался паритетного объединения двух ЦБ, но неудачно. Сталин поддержал Мясникова как представителя ЦК в регионе (Короткова 2019: 91).

1 января было создано Временное революционное рабоче-крестьянское правительство Белоруссии во главе с Жилуновичем, которое провозгласило власть Советов и распространило на республику декреты РСФСР «по обеспечению рабочего класса» (Из истории... 1954: 449). 5 января оно переехало в Минск. 3 февраля I съезд Советов Белоруссии принял решение о начале переговоров с РСФСР «об установлении федеративной связи», которое обуславливалось созданием союза всех советских республик: «Только соединившись и сплотившись в одну трудовую семью, рабочие и крестьяне всех стран, где победила пролетарская революция, сумеют пронести социалистическое знамя через всю Европу и сольются в едином Советском Союзе с рабочими и крестьянами — тружениками всего мира» (Там же: 461). Мечта о Советском Союзе осуществится при более скромных обстоятельствах. Разумеется, ЦК РКП(б) мог в любой момент завершить «переговоры» РСФСР и других республик о федерации, но не для того «буферные» государства создавались. Декларация о переговорах позволяла бы потом объяснить изменение их

статуса, если необходимость в «буфере» отпадет. В экономическом отношении Белорусский СНХ подчинялся ВСНХ России (Экономические отношения... 1996: 53).

Было решено включить в состав Белоруссии территории Витебской, Могилевской, Минской, Гродненской и частично Смоленской, Виленской и Ковенской губерний. Таким образом, в новом государстве объединялись как русскоязычные регионы Западной области, так и соседние с ней территории, населенные преимущественно белорусами. Казалось, что это позволит и сохранить прежнюю территориально-экономическую структуру Западной области (что было важно для ее прежних советских властей), и сформировать территориальное ядро для развития белорусской культуры. Это было приоритетом для белорусских национал-коммунистов, которые заняли важные посты во Временном революционном рабоче-крестьянском правительстве Белоруссии. Его возглавил Жилунович. Фальский стал наркомом иностранных дел, Шантыр — наркомом по делам национальностей, Дыло — наркомом труда. Правда, они находились под жестким контролем: «Большинство постов, включая ключевые (НКВД, национальных дел, земледелия, путей сообщения и финансов), заняли представители Западной области — фактически противники создания белорусской национальной государственности. Белнацкому оставили представительские функции и чисто декоративные в условиях войны и разрухи должности, например наркомат иностранных дел (Фальский). Даже должность председателя прави-

тельства (Жилунович) в таких условиях не обеспечивала преобладающих позиций — ведь полномочным представителем центра был А. Мясников, занимавший в белорусском правительстве пост наркома по военным делам» (Короткова 2019: 91), — пишет историк Д. А. Короткова. Это в целом верное мнение нуждается в уточнении. Во-первых, должности наркома труда и иностранных дел вовсе не были чисто декоративными. Наркомат труда при Советской власти отвечал за политику в отношении рабочего класса, считавшегося опорой новой власти. В условиях «буферной» политики большое значение имел и Наркомат иностранных дел, которому, по замыслу Ленина, Чичерина и Сталина, предстояло перенимать на себя значительную часть отношений с Польшей (это мы увидим ниже). Во-вторых, наркомнаца Шантыра никак нельзя считать областником и «противником создания белорусской национальной государственности» — это старый деятель белорусского национального социалистического движения.

Национал-коммунисты отнеслись к «буферному» проекту вполне серьезно и надеялись на создание реального советского государства со специфически белорусской культурной политикой, которая должна сделать граждан (включая горожан и руководящие кадры) белорусскоговорящими. Но для коммунистов Смоленской, Могилевской и Витебской губерний эта идея была чужда. И тогда сработал механизм советской демократии, который во время Гражданской войны еще мог транслировать наверх настроения советского актива — в начале января

советские органы и съезды советов Смоленской, Могилевской и Витебской губерний выступили против их передачи в новое государство.

16 января 1919 г. ЦК РКП(б) удовлетворил эту просьбу, оставив три губернии в РСФСР под предлогом того, что они не граничат с Польшей и потому не являются частью «буфера». В знак протеста против этого из Совнаркома вышли Дыло, Фальский и Шантыр. Но такой раздел вызывал недовольство не только у национал-коммунистов, но и у «областников» — местных руководителей, стремящихся к сохранению достаточно крупной территориальной единицы, аналогичной Западной области. Усеченная Белоруссия оказывалась настолько маленькой, что экономически была нежизнеспособна. Белорусские и западнороссийские лидеры обсуждали альтернативу: «Или республика как есть, или область как была» (Короткова 2012: 101–102).

Кнорин вспоминал об отношениях дух группировок в белорусском руководстве: «Но некоторые лица, которые помимо нашей воли участвовали в создании Белорусской республики и вошедшие в правительство, чрезвычайно осложнили нам работу Ц. Б. Трудно было говорить с ними, внесшими совершенно новую струю, подчас далекую от коммунистического течения» (ЛҮА 2: Л. 6). При этом обе группировки белорусских коммунистов считали отделение восточных областей не целесообразным, но подчинились ЦК РКП(б).

Одновременно возникли противоречия между лидерами советских

Литвы и Белоруссии из-за принадлежности Гродненской губернии (Короткова 2019: 98). Эти конфликты вызывали большие опасения у эмиссара ЦК РКП(б) А. Иоффе. Особое раздражение вызывали у него белорусские национал-коммунисты. Хотя обе стороны он считал настроенными «одинаково опасно» (Там же: 99), из контекста его критики белорусских коммунистов видно, что больше всего его возмущает поведение национально ориентированных товарищей: «Эта публика ведет себя возмутительно, среди своих они все время ведут какую-то закулисную клеветническую работу против литовских и польских товарищей и против меня лично и в интересах своего персонального господства создают враждебные отношения между двумя частями» (Коминтерн... 1998: 138). Это мнение было учтено Москвой при принятии дальнейших кадровых решений.

Под «двумя частями» имеются в виду две республики, которым предстояло стать одной. Под контролем Красной армии оказались две территории, занимавшие лишь часть нынешних Литвы и Белоруссии, слишком маленькие для того, чтобы выглядеть самостоятельными государствами и тем более вести полноценную хозяйственную деятельность. Да еще раздираемые территориальными спорами.

СОВЕТСКАЯ ВЕРСИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Решение было найдено неожиданное, но имевшее исторические прецеденты (если вспомнить о Великом княжестве Литовском) — объедине-

ние «урезанной» Белоруссии с советской половиной Литвы (с центром в Вильнюсе). В новую республику должны были войти Виленская, Минская, Ковенская и Гродненская губернии. Этим решением «убивалось» сразу несколько «зайцев». Новая республика обретала более солидную территорию, чем обе ее составляющие (правда, де-факто Красная армия не контролировала Ковенскую и Гродненскую губернии). Снимались территориальные споры в зоне смешанного населения. Белорусский и литовский народы одинаково противостояли польской экспансии, что вызывало здесь поддержку РККА со стороны местного населения по общим национальным причинам. К тому же, по мнению А. Иоффе, «если удастся устроить унию, то белорусский и литовский национализмы будут в значительной степени друг друга нейтрализовывать...». Литовские коммунисты приветствовали такой план (Короткова 2019: 100).

ЦК РКП(б) принял соответствующее решение, и 29 января ЦК КПЛ уже обсуждал вопрос об объединении с Белоруссией. Уполномоченный Совнаркома РСФСР на Западном фронте, замнаркома по делам национальностей поляк Станислав Пестковский сделал доклад об этом, выдержанный в лестном для литовских коммунистов тоне: «Ввиду того, что административный аппарат Белорусского правительства плохо работает», Чичерин, Ленин, польские коммунисты и руководство Белоруссии поддерживают соединение Литвы с Минской губернией. Области эти экономически однородны, их объединение важно для общего

фронта. Присоединение незначительно увеличит территорию, а передаст в распоряжение новой республики «значительные силы польских коммунистов» (ЛҮА 4: L. 10). Таким образом, литовцев ставят как организаторов выше белорусов (хотя белорусские коммунисты толком не успели развернуться, да и последующая административная деятельность Литбела, как мы увидим, не была безупречной). Дело было в том, что белорусских национал-коммунистов было решено вывести из игры. Их предстояло заменить многонациональным коллективом, в основе которого оказывались литовцы и поляки. Быстрый прорыв в Польшу не состоялся, и накопившиеся на Западном фронте польские коммунистические кадры нужно было куда-то пристроить. Многонациональная «Большая Литва» для этого подходила, белорусов должны были заменить поляки, и объединение двух республик даже трактовалось как соединение Литвы не с Белоруссией, а с Минской губернией, т.е. в национальном отношении — как присоединение Минской губернии к Литве. Но новую советскую республику по дипломатическим соображениям нельзя было назвать Польско-Литовским государством, тем более что ему предстояло попытаться замирился с Польшей (Ibid.). Так что государствообразующим народом наряду с литовцами объявлялись белорусы, а на деле было решено строить республику с пятью официальными языками: литовским, белорусским, польским, идиш и русским.

30 января 1919 г., позднее, чем литовцам, председатель ВЦИК Яков Свердлов сообщил Жилуновичу

о предстоящем слиянии. Свердлов прибыл в Минск, где 1 февраля собрал расширенное заседание ЦК КП(б)Б с участием представителей КП(б)Л и Компартии Польши, на котором вопрос объединения был обсужден практически. Государственный лидер Советской России принял участие в работе I съезда Советов Белоруссии, который только что принял конституцию ССРБ и утвердил, наконец, ее название. Оглашенное Свердловым постановление Президиума ВЦИК РСФСР о признании независимости Белорусской Социалистической Советской республики (так в документе) не могло не удивить делегатов, которые не были посвящены в планы высшего руководства — новорожденной республике осталось жить недолго: Президиум ВЦИК «приветствует намечающееся объединение трудящихся масс Белоруссии с трудовым народом Литвы, тесно связанным с ними своим прошлым и экономическими условиями своего существования» (Из истории... 1954: 461). При том что ничего такого в повестке съезда не значилось. Впрочем, делегаты съезда привыкли подчиняться решениям партийных центров, и когда их соответствующим образом проинструктировали, 16 февраля приняли декларацию об объединении с Литвой. 17–21 февраля прошел I съезд Советов Литвы, который принял аналогичное решение. В постановлении съезда также выражалась мысль о том, что данное слияние — шаг к более широкой советской федерации: «Съезд усматривает в слиянии Советской Литвы и Советской Белоруссии только первый шаг на пути объединения всех советских республик в единый государственный орга-

низм», для чего следовало вступить с ними в переговоры (Там же: 463). Слияние Литвы и Белоруссии Мицкявичюс считал началом «воссоединения Р.С.Ф.С.Р.» (LYA 2: L. 25).

27 февраля объединенное заседание ЦИКов провозгласило Литовско-белорусскую Советскую Социалистическую республику (ЛБ ССР или Литбел) со столицей в Вильнюсе (Вильно). 13 марта Западная армия была переименована в Литовско-белорусскую армию.

В Совет народных комиссаров ЛБССР вошли председатель Мицкявичюс, нарком внутренних дел Ангаретис, нарком по военным делам Иосиф Уншлихт, наркомпрод Моисей Калманович, наркомфин Исаак Рейнгольд и другие деятели, не имевшие касательства к белорусскому национал-коммунизму. Объединенный ЦИК возглавил польский коммунист Казимир Циховский.

4–6 марта на объединительном съезде КП(б)Б и КП(б)Л была образована Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии (КП(б)ЛиБ или КПЛБ). Председателем президиума ЦК стал Мицкявичюс, в его состав вошли Мясников, Кнорин, Ангаретис, Калманович, Уншлихт, Циховский, Вацлав Богуцкий (председатель минского ЧК), председатель Минского горсовета Виктор Яркин и др.

Таким образом, в руководство Литбела вошли коммунисты с литовскими, еврейскими и польскими фамилиями. А вот команда Жилуновича и другие белорусские национал-коммунисты были отстранены от создания Литбела.

ДИКТАТУРА И ЖИЗНЬ

Правительство Литбела располагалось в Вильно, а Минск жил своей жизнью фактически самостоятельно от столицы (LYA 1: L. 10). Советская власть в Вильно имела слабую связь с местными властями, «во многих местах взял верх анархистски истолкованный лозунг “Власть на местах”» (Ibid.: L. 6 об.), как с возмущением писал нарком внутренних дел Ангартис, и продолжал: «После некоторого ознакомления с уездами, где господствовала «власть на местах», оказывалось, что в центре «власти на местах» обыкновенно сидели какие-нибудь пройдохи, хорошо сжившиеся с некоторыми спецами из военных, чтобы в нужную минуту прибегнуть к их помощи (Ольшевский в Поневеже, Дутко в Ошмянах и др.). В других местах во «власти на местах» были затесавшиеся белогвардейцы, примазавшиеся к коммунистам (Балтрушайтис в Уцянах)» (Ibid.: L. 9). Некоторые местные руководители просто жили по-старому под флагом советской власти, некоторые злоупотребляли положением.

В районе Вильно-Лида на почве произвола местных властей произошло крестьянское восстание против ревкома, председатель и военком были убиты. Карательный отряд разгромил бунтовщиков, провел аресты и реквизиции, после чего НКВД вмешался и прекратил расправу. Восстания произошли также в Ошмянском и Свенцяном уездах (Ibid.).

Но при дефиците кадров управлять ситуацией на местах из Вильно было практически невозможно. Отправляли инструкторов, но Ангартис

признает: «Инструкторами большей частью были неопытные товарищи, которые часто сами требовали, чтобы их кто-нибудь еще проинструктировал» (Ibid.: L. 6 об.). Понятно, что авторитета у таких посланников центра не было.

Чтобы как-то контролировать ситуацию на местах, Ангартис создал летучий коммунистический отряд для борьбы с контрреволюцией. Некоторые волостные советы были разогнаны и заменены новыми, избранными местными рабочими и малоземельными крестьянами (Ibid.: L. 8 — 8 об.).

В виленскую милицию «вошло много преступного элемента» (Ibid.: L. 7). Ангартис недоволен и тем, что в милиции служили контрреволюционеры, агенты спекулянтов и местные кулаки. Поскольку милиция должна была следить за порядком, в нее вступали и те, кто стремился к порядку независимо от характера власти, и карьеристы, и желающие злоупотреблять властью, и лоббисты коммерческих интересов.

Шла борьба с коррупцией. Так, в феврале был арестован член ЦИК Сливкин (Сокольников), который просил у родственников арестованных 15 тысяч рублей «для закладки дела», терроризировал обыскиваемых, приторговывал кокаином (LYA 4: L. 55).

Карьеристы приезжали также из России с мандатами разных Советов и требовали должностей. Ангартис считал, что это были те, кто искал «более дешевого хлеба в Литве», а не стремился помочь советскому делу.

Таких «понаехавших» иногда просто арестовывали (LYA 1: L. 8).

Политические репрессии проводили Особый отдел при военном комиссариате, Особый отдел Следственной комиссии (затем Особый отдел НКВД), местные органы ЧК и революционные трибуналы, подчиненные Наркомюсту. Как говорил Ангаретис, «революционный трибунал рассматривает только дела политические. Это — не суд, а борьба и наказание. Суд народный рассматривает криминальные и гражданские дела» (LYA 4: L. 13).

Лидеры республики не считали нужным проводить террор демонстративно. 14 апреля Президиум ЦИК постановил: «Поставить на вид Наркому юстиции, что расстрелы осужденных преступников, происходившие до настоящего времени днем и в местах, где живет население, должны производиться ночью, за городом вдали от жилья» (LYA 5: L. 74).

При обсуждении вопроса о репрессиях в ЦК признавалось, что до сих пор «аресты носили случайный характер». И надо поставить дело более систематически, например: «У нас же имеются на месте факты: муж в белой армии. А жена живет спокойно в Вильне» (LYA 4: L. 112). Планировалось применение заложничества. Но с этим на практике опоздали. Мицкявичюс 6 апреля говорил с сожалением: «Был составлен список заложников, но многих из них не нашли в Вильне. Потому заложников от Польского Общества всего несколько ксендзов заложниками не решались брать до последнего дня. Литовские заложники наме-

чены, и их можно взять, но решено выждать. Есть также список заложников из мира спекулянтов, около которых можно начать дело» (Ibid.: L. 115). Дамоклов меч, нависший над ксендзами, литовской интеллигенцией и теневыми торговцами, так и не упал. С одной стороны, Мицкявичюс опасался радикального разрыва с местными интеллектуальными элитами, а с другой — дезорганизации снабжения в случае удара по спекулянтам. Аресты поляков сдерживала надежда на мирные переговоры с Польшей. В то же время для ужесточения коммунистической репрессивной политики могло просто не хватить времени. Весной 1919 г. репрессивная политика советской власти в целом была сдержанной, что сказалось и на ситуации в Литбеле. Но к ужесточению репрессий в Вильно были готовы. В апреле была создана комиссия по заложникам ЦИК (Ibid.: L. 116). После падения Вильно ЦК решил ужесточить репрессивную политику и расстреливать заложников из польских и литовских помещиков в ответ на расстрелы сторонников советской власти в Вильно. До отмены военного положения ЧК получила право расстрела без суда (Ibid.: L. 123, 138). Но теперь у Литбела были руки коротки, т.к. люди, «намечавшиеся в заложники», остались в Вильно.

Репрессивное законодательство Литбела было практически унифицировано с РСФСР. ЧК подчинялась российской ВЧК. В условиях военного положения коллегия ЧК имела право расстреливать без приговора революционных трибуналов — если обвиняемый застигнут на месте и есть вещественные доказательства (LYA 1: L. 10–11).

В действительности коллегия ЧК Литбела была создана только в мае (ЛҮА 5: L. 47), и лишь 4 июня Бюро ЦК КПЛБ предложило ЧК выносить приговоры о расстреле коллегией и с утверждением комиссией в составе председателя ЧК Иосифа Тарашкевича и членов ЦК Уншлихта и Калмановича (ЛҮА 6: L. 22).

При этом дефицит кадров заставлял вовлекать в систему власти некоммунистических политиков и деятелей культуры. Еще ЦБ КП Белоруссии считало возможным привлечение социалистов к советской работе (ЛҮА 2: L. 7). Под контролем коммунистов были созданы Еврейская коммунистическая партия и Еврейский коммунистический союз (Ibid.: L. 12). Эта инициатива вызвала критику со стороны Мицкявичюса и Ангаретиса, которые напомнили, что коммунистические партии не принимают принципа национально-культурной автономии в партийном строительстве. Но после дискуссии эти организации решено было сохранить — слишком важной для Вильно была задача расширить влияние коммунистов среди евреев с их обособленной жизнью. Было решено лишь, что еврейские коммунистические организации должны подчеркнуть в своих уставах подчиненное положение в отношении КПЛБ (Ibid.: L. 96–97). Но и литовские коммунисты привлекли к работе в качестве наркома культуры социал-демократа Вацловаса Биржишку. Он сохранил свой пост и в Литбеле до марта. Ниже мы увидим, что привлечение некоммунистических кадров к выработке и проведению культурной политики приобросло большие масштабы.

БУФЕРНАЯ МОДЕЛЬ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

В начале 1919 г. в Советской России утвердилась политика военного коммунизма. Период раздела помещичьих земель между крестьянами завершился. Было решено не переносить практику раздела на территорию новых советских республик. Поместья становились государственными хозяйствами, поставляющими продовольствие в города «хлебными фабриками», как назвал их уже I съезд КП(б)Б (Из истории... 1954: 446). Это было бы проще, чем выколачивать хлеб по продразверстке. Земля была объявлена государственной собственностью. Такая политика вызывала разочарование крестьян, которые рассчитывали на раздел помещичьих земель, как в России в 1918 г. Мицкявичюс признавал, что из-за национализации земли среднее крестьянство настроено против власти, и приходится опираться только на сельский пролетариат (ЛҮА 2: L. 24).

Стали создаваться земельные отделы, которые должны были приступить к учету имений и крупных крестьянских усадеб. Поместья объявлялись советскими хозяйствами, работники должны были провести опись имущества и передать его в Наркомзем и затем в волостные Советы после их переизбрания (ЛҮА 5: L. 79).

А вот наркомпрод Литбела действовал в соответствии с декретами Советской России мая 1918 г. (Ibid.: L. 81), т. е. была установлена продовольственная диктатура в отношении обладателей хлебных запасов. Деревенные товары предоставлялись «только на условиях социалистического

товарообмена», т.е. в обмен на поставки продовольствия по твердым ценам. Товары должны были распределяться «по системе классового снабжения» (Ibid.: L. 81 об.), т.е. раздаваться рабочим и бедноте. Но это можно было обеспечить только после создания «классовых» советов на местах.

К делу заготовки продуктов и обработки огородов горожанами привлекались кооперативы. Наркомпрод создавал в городах (прежде всего в Вильно) сеть столовых для неимущих (Ibid.).

Происходили конфликты волостных Советов, взявших под контроль поместья, и сельских рабочих комитетов. «Сельские рабочие начали поговаривать, что раньше они были батраками у помещиков, а теперь становятся батраками у “мужиков”». Советы иногда распродавали имущество поместий, против чего выступал НКВД (LYA 1: L. 8). Он потребовал за три недели сдать расхищенное имущество обновленным советам (Ibid.: L. 14).

7 апреля был принят декрет о провозе продуктов пассажирами (в разъяснение общего решения, принятого еще 22 января). Человек мог взять с собой не более 25 фунтов продовольствия, в том числе 10 фунтов хлеба, 2 фунта мяса, 2 фунта масла, 2 фунта сала и жиров, 2 фунта кондитерских изделий и сахара, 5 фунтов плодов, грибов, яиц и молочных продуктов. Внутри Литбела провоз продуктов практически не ограничивался (LYA 5: L. 70). Таким образом, Литбел стал не формальной, а вполне реальной для населения структурой.

11 апреля была создана комиссия СНК по торговле и товарообмену, без санкции которой «запрещается вывоз каких бы то ни было товаров из пределов Республики» (Ibid.: L. 37).

В организованном порядке продовольствие с севера Литвы поставлялось в Советскую Латвию (Ibid.: L. 73 об.). При этом 28 января ЦК КПЛ решил направить делегата «на Украину за продовольствием и оружием» (LYA 4: L. 71). Распределение ресурсов, и даже оружия на советской территории далеко не всегда было централизованным.

Большое значение Совнарком Литбела придавал борьбе с тифом, накрывшим Европу: предусматривалось оборудование изолированных помещений, дезинфекционных камер и создание «летучих» санитарных отрядов. В советах должны были создаваться медицинско-санитарные отделения советов. Планировалось взять на учет все имеющееся оборудование и обеспечивать задачу борьбы с тифом в приоритетном порядке (LYA 5: L. 52). Ставилась задача «очистки» ночлежек, постоянных дворов, гостиниц и станций от скопления населения. Под контролем медико-санитарных отделов беднейшее население должно было расселяться из трущоб в благоустроенные квартиры (Ibid.). Таким образом, решение медицинской задачи увязывалось с важным направлением социальной политики советской власти.

Финансово Литбел находился в полной зависимости от России, но фор-

мально брал кредит. 2 апреля СНК РСФСР решил направить Литбелу 100 млн рублей (Экономические отношения... 1996: 58).

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

Формально Литбел должен был стать бастионом национальной культурно-языковой политики, противостоящей польскому, литовскому и другим национализмам. У КПЛБ было четыре центральных органа: «Звезда», «Млот», «Коммунистас» и «Дер Штерн». Планировалось издание четырех-пяти популярных газет, в том числе «Бедняк», «Глос», «Работнице», «Тиеса» (LYA 4: L. 77).

24 марта был принят декрет о реорганизации школьного дела, который гарантировал преподавание на одном из пяти языков (это право вытекало из декрета о правах национальностей от 21 марта) (LYA 5: L. 21, 78). В развитие декрета была принята инструкция Наркомпроса о местных языках в школах. Выбор языка преподавания предоставлялся родителям и школьникам старше 13 лет. Языками преподавания были литовский, белорусский, польский, еврейский и русский. Если набиралось 25 желающих обучаться на определенном языке — в школе формировалась такая группа. Если набиралось менее 20 желающих — отдел народного образования совета специально должен был заняться решением этой проблемы. С третьего года обучения должен был изучаться еще один язык. Отделы народного образования должны были давать ответы на языке обращенного к ним запроса (Ibid.: L. 78).

Лидеры республики мечтали о развитии культурных программ. 12 марта был принят декрет о создании Народного университета с преподаванием на всех местных языках (на базе имевшегося Виленского университета). Университету выделили миллион рублей (Ibid.: L. 4 об.).

Планировалось учреждение Института социологии и экономики Литвы и Белоруссии и Социологической библиотеки (Ibid.: L. 50).

Однако осуществление этих программ требовало большого количества высококультурных специалистов, поддерживающих советскую власть. А с этим у коммунистов всегда были проблемы.

Мицкявичюс сумел сформировать относительно сильную команду для культурной работы, которой предстояло создавать национал-коммунистический синтез в Литбеле прежде всего на основе литовской культуры. Глава Совнаркома оправдывался, что из-за нехватки кадров «нам приходилось привлекать к работе даже некоммунистов» (LYA 2: L. 25). Со структурами Литбела, прежде всего с Наркоматом просвещения, который до марта возглавлял социал-демократ Биржишка, сотрудничали Йонас Басанавичюс, Юозас Тумас (Вайжгантас), Йонас Яблонскис, Пранас Машетас, Тадас Врублевскис и другие деятели литовской культуры. «В составе Комиссариата просвещения находим имена более чем 90 выдающихся литовских представителей науки, образования, искусства, музыки, театра. По составу Комиссариата в марте-апреле 1919 г. 71,5% работников были литовской нацио-

нальности» (*Мотузас* 2017: 86), — суммирует историк Р. Мотузас. Советская власть направила на культурные программы очень значительные средства. Как писал добрый католик и националист Ю. Тумас, «до сей поры еще ни одна власть не была столь щедрой, не скупящейся на культуру, образование, науку, искусство»³.

На сотрудничество с Мицкявичюсом пошли «звезды первой величины», которые верили, как считал Тумас, что для предсовнаркома «важна Литва, а не коммунисты» (Там же: 83). Как писал тот же Тумас, «в Вильносе коммунисты ведут себя по-человечески, пугают сильно, но крови не проливают» (Там же: 84). Это не соответствовало действительности, но Тумас, видимо, не заметил казней, потому что они не коснулись известных людей.

Многие сотрудничавшие с коммунистами в Вильносе крупные деятели культуры были далеки от коммунистических идей, но закладывали основы современной литовской культуры, формировали ее каноны и стандарты, которые в это время были еще относительно подвижны.

Пока белорусские национал-коммунистические деятели были отстранены от Литбела, а просто коммунистические занимались решением задач, общих для всех советских республик, литовская культурная команда приступала к созданию «Большой Литвы» в границах Литбела.

Историк Ч. Лауринавичус пишет: «Однако слияние существенно не по-

влияло на одну особенность внутренней политики этой республики, а именно, на возможность развивать литовскую этническую культуру на ее территории, включая и саму столицу Вильнос. Поэтому, хотя формально между национальным литовским государством и советской государственностью установилось военное противостояние, фактически между этими формами обозначился некий общий интерес — содействие литвинизации края» (*Лауринавичус* 2015: 174). Для литовцев приоритетной задачей была литвинизация Виленского края, но ценой этого было нахождение в одной республике с большими массами славянского населения.

«Поддерживая советскую власть в Вильно, они, очевидно, противопоставляли себя не только Польше, но и собственно литовскому правительству в Ковно. “Оправданием” сотрудничества лидеров литовского Вильно с советской властью служат два важнейших фактора. Во-первых, они поддерживали хоть и советское, но все же литовское государство со столицей — и это важно — в Вильно. Во-вторых, они использовали период советской власти для расширения сети литовских образовательных учреждений и в целом — для литуанизации края» (*Павлова* 2016: 24–25), — пишет историк М. С. Павлова. Причем сам этот край смещался от Литвы в современном понимании слова в сторону «Срединной Литвы» с преимущественно литовско-белорусским сельским населением. Здесь этническая чересполосица затрудняла создание национальных государственных образований.

³ Цит. по: (*Мотузас* 2017: 88).

Идея «Большой Литвы», включающей большие массы славянского населения, не была результатом просто советских буферных комбинаций. Создание «Срединной Литвы» живо обсуждалось и по другую сторону фронта, где тоже была актуальна тема литовско-славянского синтеза, правда не литовско-белорусского, а польско-литовского. Очевидно, что советский проект Литбела был более выгоден для литовцев, которые занимали в новом образовании лидирующие позиции. В случае поражения советской стороны в советско-польской войне Литве предлагались менее выгодные комбинации.

ПОЛЬСКИЙ НАТИСК

Литбел жил в прифронтовой обстановке, а ситуация на фронте ухудшалась под натиском польских войск. 25 февраля ЦК КПЛ обсуждал ситуацию: «Поляки взяли Слоним, начинается паника, минчане не хотят ехать в Вильну и просят отложить заседание ЦИК» (ЛҮА 4: L. 55).

15 марта на ЦК обсуждалась возможность мобилизации, но от нее отказались, потому что и добровольцев не удалось обеспечить как следует, а учет призывников уже вызвал волнения (Ibid.: L. 86–87).

Москва и Вильно предпочли бы мирные переговоры между Польшей и Литбелом, что означало бы и отказ Польши от претензий на создание объединенного польско-литовского государства. НКВД в Москве пытался подтолкнуть к этому Польшу. Во время переговоров Чичерина с представителем польского МИДа.

Венцковским, последний «нащупывал почву для мирных переговоров. Тогда ему было заявлено, что для переговоров о мире он должен обращаться в Вильно, ибо Россия фактически с Польшей не воюет» (Ibid.: L. 108), — сообщалось в ЦК КПЛБ в начале апреля. 5 апреля, обсуждая эту ситуацию, цекисты выражали недовольство тем, что Москвой «вопросы, касающиеся прежде всего нас, решаются совершенно без нашего участия» (Ibid.: L. 109). Если НКВД хочет использовать независимый статус Литбела, он должен считаться с его руководством, хотя бы своевременно информировать о происходящих переговорах. Впрочем, это был тактический вопрос. Как говорил Уншлихт, «интересы международного пролетариата выше национальных вопросов, и за мир с Антантой можно отдать Литву и Белоруссию» (Ibid.: L. 110).

Но эти регионы пришлось «отдать» в условиях концентрации сил красных для отпора Колчаку. Красная литовско-белорусская армия была сориентирована прежде всего на противостояние литовской армии, на северо-запад. Между тем главная угроза приближалась с запада.

После столкновений в Вильно Советская Россия и «буферные» советские республики не считали себя в состоянии войны с Польшей. Чичерин сетовал, что экспансионистски настроенные литбеловские лидеры, «узкие люди с приходскими интересами», «готовы нас втянуть в войну с Польшей». Иоффе брал их под защиту, говоря о том, что в отношении Польши литбеловцы-поляки «требуют гораздо большей уступчивости,

чем, по-моему, следует» (*Короткова* 2019: 104–105). Эти противоположные мнения могли и не противоречить друг другу. Польские коммунисты Литбела хотели бы видеть Польшу пошире, но именно как советскую Польшу.

5 марта поляки взяли Пинск. Западный фронт не мог получить помощи — советская Россия отбивалась от Колчака.

17 апреля польские войска под командованием Эдварда Рыдз-Смиглы взяли Лиду. «19 апреля по железной дороге из Лиды в Вильно был направлен польский отряд (200 штыков и 150 сабель при нескольких орудиях), переодетый в красноармейскую форму. Беспрепятственно проникнув в город и заняв стратегически важные пункты, поляки открыли огонь, что вызвало панику. В 13 часов они заняли Замковую гору. Захваченный вокзал и железная дорога позволяла полякам перебрасывать подкрепления. Тем не менее бои в городе, в которых с обеих сторон участвовали добровольцы из местных жителей, продолжались до 21 апреля, когда красные части покинули его» (*Мельтюхов* 2015: 121), — пишет историк М. И. Мельтюхов. Контрнаступления красных 27–28 апреля были плохо скоординированы и закончились неудачей.

После падения Вильнюса центральные структуры Литбела эвакуировались в Минск (некоторые через Двинск). Совнарком затем разместился в Бобруйске, который считался более безопасным. Было создано Политбюро ЦК КПЛБ (Мицкявичюс, Кнорин, Калманович, Уншлихт,

Ангаретис). ЦК взял на себя дела Минского губсовета, а ЦИК — Минского губернского комитета партии (ЛҮА 4: L. 129). Ведь теперь территория Литбела свелась практически к Минской губернии. Власть находилась в руках Совета обороны (Мицкявичюс, Уншлихт, Колманович, к которым добавили Бош и Кнорина). Из-за неурегулированности отношений между Советом обороны и Совнаркомом между ними происходили конфликты (*Ibid.*: L. 187).

Наряду с ужесточением репрессивной политики, в условиях военной катастрофы предпринимались меры для расширения политической базы режима. Наркомом социального обеспечения был назначен бундовец Н. Вайнштейн, представители просоветских партий допускались в коллегии наркоматов (*Ibid.*: L. 158).

Отступление привело к оттоку коммунистических кадров, вступивших в партию прежде всего по карьеристским соображениям. В ответ ЦК предпринимал суровые меры: «Дезертировавших коммунистов Вольсона и Коробка передать в ЧК и предложить расстрелять, как членов партии, заявивших о выходе из партии после мобилизации» (*Ibid.*: L. 181). Расстрел за выход из партии.

1 июня Литбел стал одним из учредителей Военно-экономического союза советских республик. После этого в Москве пришли к выводу, что «буферная игра» себя практически исчерпала. 14 июля был упразднен Совет обороны.

15 июля Сталин предложил ликвидировать Литбел (*Ibid.*: L. 222).

Признавая, что аппарат Литбела уже ничем не управляет, и его дела можно передать минским советским властям, ЦК КП(б)ЛБ в обращении 14 июля уговаривал центральное руководство не торопиться с формальной ликвидацией Литбела: «Что касается дальнейшего существования самой Республики Л. и Б., то, принимая во внимание, что ликвидация Республики Л. и Б. в данный момент вызовет дезорганизацию в широких кругах наших товарищей на Литве и Белоруссии, особенно по ту сторону фронта, что уничтожение Республики затрагивает работу КП в Литве и даст огромный козырь буржуазным партиям Польши и Литвы против Советской России, давая повод для обвинений в аннексионистских стремлениях Р. С. Ф. С. Р., что в виду возможности мирных переговоров с Польшей ликвидация Республики крайне невыгодна для Советской России и окончательных результатов этих переговоров, Ц. К. признает необходимым формальное существование в дальнейшем Республики Литвы и Белоруссии. Члены Совнаркома и ЦИК Литвы и Белоруссии должны выполнять всякую работу, которая в связи с переживаемым моментом на них возлагается, независимо от сохраненного за ними звания членов формально продолжающего свое существование Совнаркома Л. и Б. Одновременно ЦК поручает тов. Мицкявичу выступать, где это будет необходимо, от имени Совнаркома с соответствующими декларациями, постановлениями и т. п.» (Ibid.: L. 214–215). Эти аргументы были приняты Москвой. Формально о ликвидации Литбела не сообщалось, хотя СНК Литбела передал дела советским властям Минской губернии.

15 июля ЦК КПЛБ принял решение о переходе власти от властей республики к подотчетному ему Минскому губревкому (Ibid.: L. 228). Но было очевидно, что Минск теперь будет подчиняться напрямую Москве и командованию Западного фронта. ЦК КПЛБ надеялся сосредоточиться на организации подпольной работы на территории «тарибской оккупации» (Ibid.: L. 270). Работа эта не дала политически значимых результатов. А 8 августа Минск был занят польскими войсками.

В Москве взяли курс на поиск мира с новыми республиками Балтии (что было условием нормализации отношений с Великобританией), и советизация Литвы стала неактуальной.

Совнарком Литбела был вовлечен в ход мирных переговоров с Литвой, Мицкявичюсу было поручено вести переговоры об обмене арестованными (заложниками). Чичерин настаивал на общем обмене, Мицкявичюс с ним в принципе соглашался, но ссылаясь на неуступчивость Тарибской Литвы. 13 октября на бланке СНК Литбела было направлено письмо Чичерину по вопросу обмена заложниками с правительством Литовской республики, где СНК Литбела настаивал на жестких условиях — одного советского менять на 2,5 «белых». Также категорически говорилось: «Обещать им не брать больше заложников мы не можем» (LYA 7: L. 11, 11 ар., 14 — 14 ар.). 19 ноября соглашение об общем обмене наконец было достигнуто, но технически это дело затянулось. Инструкция для обмена заложниками с Литвой от 3 апреля уже не требовала компенсации, если «Тарибская Литва»

предложит на обмен уголовников и чуждых коммунистам элементов из тюрем. Их следовало либо возвращать назад, либо арестовывать после обмена (LYA 8: L. 13, 13 ар.). Однако в дальнейшем Мицкявичюс пытался тормозить обмен, ссылаясь то на готовящуюся амнистию, то на репрессии в Литве (Ibid.: L. 3, 7–8). Окончательно обмен был завершён уже после заключения Советско-литовского договора 12 июля 1920 г. (Ibid.: L. 4 — 4 ар.).

«Буферные» наработки воплотились в создание в ходе советского наступления 31 июля 1920 г. Белорусской советской социалистической республики. Характерно, что провозглашение советской Белоруссии, окончательно похоронившее идею Литбела, было принято сразу после заключения Советско-литовского договора 12 июля 1920 г. До этого времени при ином развитии военно-политической ситуации Литбел можно было возродить. Только 25 октября оргбюро ЦК РКП(б) постановило ликвидировать КПЛБ и создать отдельные компартии Литвы и Белоруссии (LYA 9: L. 1).

Решение о создании советской Белоруссии, на тот момент продиктованное политическими мотивами, положило начало процессу, который привел к формированию в недрах СССР реальной государственности, выделившейся в 1991 г. в независимое государство Республика Беларусь. А ведь при другом финале военно-политической борьбы могла возникнуть не просто тень Великого княжества Литовского, но полноценное современное литовско-белорусское государство.

Создание Литбела мотивировалось и необходимостью совместной борьбы с литовской и польской контрреволюцией. Официальный советский взгляд на этот вопрос был предельно прост: буржуазия и помещики просто используют национальную карту для защиты своих имущественных интересов. Режим в Каунасе — это один из очагов контрреволюции, заповедник буржуазии и помещиков, прикрытый национальным флагом. Однобокость такого взгляда быстро была подтверждена историей — Советская Россия стала оказывать поддержку Каунасу в его борьбе против польской оккупации Вильнюса в 1920 г. Национальные противоречия между Литвой и Польшей раскололи в этом регионе «буржуазный» фронт.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

LYA 1 — Lietuvos upatingasis archyvas (LYA). F. 77. I. 2. F. 29.

LYA 2 — LYA. F. 77. I. 2. F. 2.

LYA 3 — LYA. F. 77. I. 1. F. 34. L. 1.

LYA 4 — LYA. F. 77. I. 2. F. 5.

LYA 5 — LYA. F. 77. I. 2. F. 25.

LYA 6 — LYA. F. 77. I. 2. F. 6.

LYA 7 — LYA. F. 77. I. 2. F. 54.

LYA 8 — LYA. 77. I. 3. F. 83.

LYA 9 — LYA. F. 77. I. 3. F. 1.

Из истории... 1954 — Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. Документы и материалы по истории Белоруссии. Т. 4. Минск: Издательство Академии наук БССР, 1954.

Коминтерн... 1998 — Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М.: Наука, 1998.

Экономические отношения... 1996 — Экономические отношения советской России с будущими союзными республиками. 1917–1922: Документы и материалы. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Короткова 2012 — Короткова Д. «Из всей этой пантомимы ничего путного не получится...» Литбел и его окрестности // Родина. 2012. № 3.

Короткова 2019 — Короткова Д. А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии держав. 1918–1921. М.: Центрполиграф, 2019.

Лауринавичюс 2015 — Лауринавичюс Ч. Вильнюсский вопрос в межвоенное время и не только // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2015. М.: Наука, 2015.

Мельтюхов 2015 — Мельтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм в междуна-

родной политике Москвы (1918–1939). М.: Алгоритм, 2015.

Мотузас 2017 — Мотузас Р. Особенности правления большевиков в Вильнюсе в январе-апреле 1919 года и литовская интеллигенция // Россия и Балтия. Новый мир на развалинах империи. Выпуск 8. М.: Весь мир, 2017.

Павлова 2016 — Павлова М. С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М.: Аспент пресс, 2016.

Резмер 2009 — Резмер В. Начало польско-советской войны 1919–1920: исследовательский вопрос // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений). Материалы международной научной конференции 11–12 ноября 2008 г. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. И. Державина, 2009.

Шубин 2017 — Шубин А. В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918. М.: Питер, 2017.

BETWEEN RUSSIA AND POLAND: THE BUFFER MODEL OF WAR COMMUNISM IN 1919

Shubin Aleksandr V. — doctor of historical sciences, chief researcher of the Institute of General history, RAS (Moscow)

Key words: revolution, Lithuania, Belarus, Litbel, Mickevicius, Zhilunovich, Ioffe, war communism, Soviet-Polish war.

Abstract. The article analyzes the development of the “buffer” Soviet republics in 1919 between Soviet Russia and Poland. Soviet Lithuania, Belarus and then Litbel existed on lands with mixed populations and unclear borders in the context of the revolution, Soviet-Polish, Soviet-Lithuanian and Polish-Lithuanian armed confrontations. Despite the foreign policy motives for creating a “buffer”, the policy of the new Soviet republics has acquired its own internal motives and features, including increased attention to national and cultural policy, weak administrative control of the center on the ground, and restrained repression.

REFERENCES

Korotkova D. “Iz vsei etoi pantomimy nichego putnogo ne poluchitsia...” Litbel i ego okrestnosti. *Rodina*, 2012, no. 3.

Korotkova D. A. Belorusskie zemli v sovetско-pol'skikh otnosheniikh. Razmen-naia karta v protivostoianii derzhav. 1918–1921. Moscow: Tsentrpoligraf, 2019.

Laurinavichius Ch. Vil'niuskii vopros v mezhvoennoe vremia i ne tol'ko. *Istori-cheskoe prostranstvo. Problemy istorii stran SNG*. 2015. Moscow: Nauka, 2015.

Mel'tiukhov M. I. *Pribaltiiskii platsdarm v mezhdunarodnoi politike Moskvy (1918–1939)*. Moscow: Algoritm, 2015.

Motuzas R. Osobennosti pravleniia bol'shevikov v Vil'niuse v ianvare-apre-

le 1919 goda i litovskaia intelligentsiia. *Rossii i Baltiia. Novyi mir na razvalinakh imperii*. Vypusk 8. Moscow: Ves' mir, 2017.

Pavlova M. S. *Litva v politike Varshavy i Moskvy v 1918–1926 godakh*. Moscow: Aspent press, 2016.

Rezmer V. Nachalo pol'sko-sovetskoi voiny 1919–1920: issledovatel'skii vopros. *Chicherinskie chteniia. Rossiia i mir posle Pervoi mirovoi voiny (k 90-letiiu okonchaniia voiny i podpisaniia poslevoennykh soglashenii)*. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 11–12 noiabria 2008 g. Tambov: Izdatel'skii dom TGU im. G. I. Derzhavina, 2009.

Shubin A. V. *Start Strany Sovetov. Revoliutsiia. Oktiabr' 1917 – mart 1918*. Moscow: Piter, 2017.

И. Думника

КАК БОРОЛИСЬ С ЭПИДЕМИЯМИ В БЕССАРАБИИ ЦАРСКОГО ПЕРИОДА

Ключевые слова: эпидемии, чума, холера, карантин, Бессарабия.

Аннотация. В представленной статье автор рассказывает об эпидемиях чумы и холеры, свирепствовавших в Бессарабии царского периода. Уделено внимание мерам, предпринятым местными властями для борьбы с заразными болезнями.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-177-183

В настоящее время Республика Молдова, впрочем, как и весь мир, испытывает на себе сложный период борьбы не просто с эпидемией, а с пандемией коронавируса (COVID-19). В этом поединке с невидимым врагом задействованы как медицинские работники, представители государственной власти, так и молящиеся за нас духовные лица. Для победы над этой напастью нам следует объединить свои усилия, не поддаваться панике, следовать рекомендациям специалистов. История показывает, что рано или поздно человечество одерживает победу над эпидемией подобного рода, стоит лишь объединить усилия. Ниже приведем примеры из прошлого, которые показывают

нам, как наши предки успешно боролись с заразными болезнями. Уверен, что эпидемия коронавируса в скором времени также канет в Лету.

Эпидемии не являются чем-то необыкновенным для Пруто-Днестровского междуречья. В XIX в. здесь отмечались вспышки чумы, холеры, сыпного тифа, оспы и других эпидемических заболеваний. К примеру, чума поражала Бессарабию в 1812, 1813, 1814, 1817, 1819, 1825, 1828, 1829 гг., холера свирепствовала здесь в 1830, 1831, 1832, 1836, 1848, 1855, 1866, 1872 гг. (КЕВ 2: 105; КЕВ 3: 372; КЕВ 6: 382).

Известно, что одной из самых страшных эпидемий того периода, не щадившей людей, была чума. Как правило, она поступательно распространялась из Азии на Балканы и оттуда — в Бессарабию, вошедшую в состав Российской империи в мае 1812 г. по итогам очередной русско-турецкой войны. Чаще всего переносчиками этой болезни являлись купцы из Османской и Австрийской империй. В Бессарабию товары из указанных мест не только поставлялись, но и переправлялись через нее для иностранной торговли во внутренних губерниях Российской империи. Все это создавало благоприятные условия для проникновения в эти места данной заразной болезни.

Первые очаги, как правило, возникали в морских портах, где часто пришвартовывались купеческие корабли. Так, в августе 1812 г. чума возникла в Одессе, где уже к 16 ноября того же года умерло 1720 человек. (*Poștarencu* 2006: 169). Оттуда эта болезнь в конце октября — начале ноября 1812 г. проникла в пределы Ясского и Хотинского уездов Бессарабии, где унесла жизнь 116 человек. Благодаря своевременным мерам бессарабских властей, заключавшихся в изоляции очагов возникновения эпидемии, в декабре того же года с ней удалось справиться (НАРМ 1: Л. 58 об.).

В 1813 г. чума возникла в соседнем Молдавском княжестве. Для того, чтобы защитить Бессарабию от заражения, были закрыты все пограничные пункты. На пограничных переходах были установлены карантинные посты, где в полной изоля-

ции от внешнего мира должны были находиться те, кто все же прибывал из мест, где отмечалась чума. Так, выходцам из таких охваченных эпидемией городов Молдавского княжества, как Фокшаны, Галац и Бырлад, следовало находиться в карантине 40 дней, а те, кто прибывал из других населенных мест соседнего княжества, должны были проходить карантин 24 дня. В качестве профилактической меры бессарабскими местными властями был издан приказ, запрещавший импорт и экспорт товаров и пропуск на территорию Бессарабии иностранных торговцев, надлежало также дезинфицировать монеты, поступающие из-за границы (НАРМ 2: Л. 132 об.).

В августе 1813 г. чума снова возникает в Хотинском уезде, а в декабре того же года отмечается и в Измаиле. Никита Глизян, измаильский протопоп, информировал Кишиневскую духовную дикастерию о том, что из-за чумы, унесшей жизни нескольких человек, город Тучков (так назывался в это время Измаил) «был закрыт». Для предотвращения ее распространения за пределы указанного уезда власти идут на крайние меры. Жителям разрешалось покидать этот уезд лишь после прохождения 9–15-дневных карантинных. К тому же у границ Хотинского уезда располагались патрульные посты, которые должны были возвращать ослушавшихся. Благодаря своевременным мерам по изоляции чумных очагов, уже к 1814 г. эпидемия была искоренена на вышеуказанных территориях (*Poștarencu* 2006: 175).

В силу того, что Бессарабия находилась на западной границе Россий-

ской империи, откуда чаще всего и проникали эпидемические болезни, Петербург начал уделять особое внимание устройству карантинных пунктов на приграничных таможенных пунктах. С целью недопущения проникновения какой-либо эпидемии в крае был образован Бессарабский карантинный комитет. В марте 1813 г. принято решение о создании карантинного комитета в г. Рени, Вилков, Измаил и Килия (*Tomuleț* 2014: 220).

Кроме того, 26 мая 1813 г. был образован Бессарабский комитет карантинных очищений. Этот орган предпринимал жесткие, но эффективные меры по борьбе с чумой. Все зараженные населенные местности были окружены санитарным кордоном, а предметы быта, дома и т. п., пострадавшие от чумы, сжигались; даже после погашения чумного очага, карантинный режим на этой территории сохранялся в течение 60 дней. На границе строго следили за тем, чтобы, кроме курьеров и корреспонденции, никто ее не пересекал (*Ibid.*: 229).

Бессарабская администрация своевременно вела подготовку к пресечению возможной эпидемии чумы благодаря имевшейся регулярной корреспонденции с русскими консулами в Османской империи. Дипломаты, в случае появления чумы в каком-либо городе на Балканах, непременно сообщали об этом в Кишинев и в другие административные центры приграничных губерний.

В 1814 г. из Петербурга в Бессарабию были отправлены надворный советник Дическулов и лейтенант флота Афанасьев, в задачу которых входило

устройство карантинных пунктов на границе Бессарабии с Османской империей. Согласно имевшейся при них «Инструкции», карантинные пункты должны были находиться в местах «негористых, низменных и неудаленных от границы». Здесь располагалось приемное отделение, квартал для очистки (газом, насыщенным соляной кислотой) зачумленных личных вещей и товаров, квартал для карантинных чиновников и служащих, а также квартал для пассажиров, проходящих карантин. Последний квартал разделялся на 16 частей и состоял из домиков с двориками. В «Инструкции» особо обращалось внимание на то, чтобы «пассажиры не могли жаловаться ни на тесноту, ни на холод и ни на другие невыгоды». Отдельные домики должны были вмещать от 8 до 12 человек. В каждом доме должным образом располагались кровати, стулья, стол, фонарь, а в сенях — небольшое отделение для кухни с печью. В пассажирском квартале обустраивалась площадь, обсаженная деревьями, наподобие бульвара, и разделенная на две части барьерами. По площади надлежало передвигаться в установленном количестве людей в определенное для этого время.

При карантинах были организованы два вида больниц: обыкновенная и «опасная». Обыкновенная больница состояла из шести палат — «двух для почетных и четырех для простолюдинов». В каждой палате находилось от 8 до 12 кроватей. «Опасная» больница отделялась от карантина не только забором, но и двойным углубленным рвом. При каждой больнице обустраивался особый небольшой сад, необходимый для прогулок больных.

В карантинных учреждениях устраивались конюшни и сараи для размещения лошадей, скота и экипажей, принадлежавших тем, кто состоял на карантинном наблюдении.

Все отделения были разделены между собой забором и углублены рвом. Из одного квартала в другой можно было попасть по коридору, огороженному рвом и заканчивающемуся воротами с замком. При карантине надлежало иметь по крайней мере 24 будки для караульных с внутренней и внешней стороны (НАРМ 3: Л. 40 — 47 об.).

Позднее, 21 августа 1818 г., императором Александром I был одобрен «Устав о карантинах», который регулировал положение карантинных учреждений во всех областях и губерниях Российской империи, в том числе и в Бессарабии. Согласно этому документу, все въезжавшие на территорию Российской империи отводились в так называемый карантинный дом. Там у них забирали паспорта и прочую документацию. Затем они под присягой должны были сообщить, имелись ли какие-либо эпидемические болезни в тех местах, где они проживали или через которые проходили по пути в Российскую империю, также им надлежало сообщить, «не имели ли они по пути больных или умерших» (ПСЗРИ 1830: 485).

Если при досмотре оказывалось, что пассажир не представлял угрозу, его отпускали идти далее без обязательного карантинного очищения. Когда же поведение желающего проникнуть в империю вызывало подозрение или же он пришел с территории, где от-

мечалась эпидемия, то его помещали на 14-дневный карантин. До истечения установленного срока воспрещалось покидать карантин каждому, кто проходил очищение. Также подлежали очищению ввозимые товары и вещи: их в течение 24 часов обрабатывали газом, насыщенным соляной кислотой, а затем на протяжении 4 дней еще и проветривали. Следовательно, полный срок для очищения вещей и товаров составлял 5 дней. Вещи и товары, окуренные серным газом в течение трех суток, проветривались 10 дней. Если же хозяева опасались, что их вещи после окуривания потеряют цвет, то их надлежало проветривать 21 день. В случае, если вещи происходили из мест, где свирепствовала эпидемия, то срок их окуривания и проветривания удваивался. Животные, поступавшие в карантин, содержались на открытом воздухе 14 дней.

В случае, если среди пассажиров выявлялись больные, то их немедленно размещали в так называемый чумной квартал. Их верхнюю одежду и белье, а также постель надлежало сжечь. Зараженные, перемещенные в чумной квартал, получали постель из соломы или сухого сена, которые ежедневно менялись и затем сжигались, а комната, где располагался больной, окуривалась газом, насыщенным соляной кислотой. Внутренняя стража и медицинский персонал был одет в кожаную одежду, вымазанную маслом, он обязан был иметь на руках вощанные перчатки, держать часто во рту уксус и как можно чаще мыть руки. После выздоровления пассажир должен был пройти 14-дневный карантинный срок. Статья 232 (Гл. VII) предусматривала смертную

казнь для тех, кто самовольно решал покидать карантинный режим (ПСЗРИ 1830: 515).

Не успели жители Бессарабии опраться от чумы, как в ноябре 1830 г. сюда впервые с Востока проникла холера. К эпидемии начали готовиться заранее. Еще в марте 1830 г. повсеместно было разглашено объявление «О всеобщем очищении края», где отмечалось, что с 30 марта начнется «всеобщее очищение», которое продолжится 15 дней. В установленный период жителям запрещалось отлучаться из своих городов, местечек и селений «под опасением строгого взыскания по карантинным правилам» (КЕВ 6: 382). Вместе с тем власти разрешали крестьянам заниматься полевыми работами при условии, чтобы они в поле «отнюдь не имели... ни с кем стороннего сообщения, а еще менее покушались скрываться куда-либо, но возвращались на ночь в дома свои». Общему правилу должны были подчиниться и представители духовенства. В связи с этим особо отмечалось следующее: «пусть каждый убедится в сердце своем, что принесение душевных молитв Богу вне храмов святых столько же может быть приятно Всевышнему, как и пред алтарем Его» (Там же: 383).

В то же время Медицинский совет, учрежденный при Бессарабской врачебной управе, издал инструкцию, рассказывающую о симптомах холеры и определяющую методы борьбы с ней. Жителям рекомендовалось соблюдать чистоту и опрятность в домах и около них. Обращалось внимание на личную гигиену, а также на то, чтобы в комнате воздух был сухой, чистый и умеренной теплоты.

Рекомендовалось избегать простуды. Для этого запрещалось ложиться спать на сырой земле, на открытом воздухе в сырую и туманную погоду; вспотевши, не выходить из комнаты на улицу в холодный воздух; одеваться теплее, в соответствии с температурой воздуха. При проявлении же первых симптомов болезни нужно было вызвать врача. В случае отсутствия такового должен был прийти фельдшер или цирюльник, которые прикладывали 20 пиявок к животу больного, затем следовало натирать его конечности нашатырным спиртом, скипидаром или вином, настоянным горчицей или стручком красного перца. Следовало также согреть живот больного прикладыванием горячей золы, овса, ячменя, муки или отрубей: «истертый хрен, теплым уксусом смоченный и к правой стороне живота приложенный, отменно полезным бывает» (Там же: 385). Строго возбранялось давать больному холодной воды, для питья следовало приготовить настой ромашки, мяты, шалфея, Melissa и других подобных ароматных трав.

Властями также было принято решение, с целью не допустить распространения холеры, отпустить домой учащихся кишиневских духовных заведений. Ученикам же, выходящим из мест, где уже отмечалась вспышка холеры, и сиротам приказывалось находиться в своих квартирах. Кроме того, надлежало особо контролировать чистоту и опрятность в квартирах этих воспитанников. По наставлению врача было необходимо дезинфицировать квартиры через окуривание хлором. Кроме того, часть воспитанников духовные власти отправили в монастыри.

Скулянский карантин (1837 г.).
Источник фото: Retro Chişinău

При появлении первых очагов холеры, в ноябре 1830 г., в Кишиневе «для усиления действий по прекращению болезни» был образован особый комитет из чиновников под председательством гражданского губернатора Бессарабии А.И. Сорокунского. Холера в Бессарабии свирепствовала около года — с ноября 1830 по сентябрь 1831 г. Согласно статистическим данным, к 22 июля 1831 г. отмечалось 7576 смертельных случаев (КЕВ 7: 432).

Стоит обратить внимание на то, что тогда в Империи, как и сейчас, находились люди, которые противодействовали принимаемым властями мерам. По свидетельству источников, они «обрушивались в своей безрассудной злобе на блюстителей порядка и на врачей...» (Там же: 435). Император Николай I был вынужден издать манифест, в котором призывал подданных проявить солидарность с действием властей. Самодержец обращал внимание людей на следующий факт: бдительный и строгий надзор за эпидемией позволил ослабить ее в Москве и в трех губерниях, а соблюдение карантинных правил спасло от нее многие города и саму столицу (Там же: 436).

Церковь, так же как и гражданские власти, включалась в борьбу с различными эпидемиями. Кроме совершения молебнов во имя избавления от смертельной заразы, в «Кишиневских епархиальных ведомостях», официальном печатном органе Кишиневской и Хотинской епархии, публиковались материалы, знакомявшие священников и прихожан с видами различных эпидемий и способами защиты от них. Примером может служить опубликованное (17 июля 1870 г.) наставление «Как предохраняться и лечиться от холеры». В целях эффективности борьбы с этой эпидемией особо обращалось внимание читателей на соблюдение чистоты в их жилищах и проветривание помещения (КЕВ 1: 700–707). В одном из выпусков ведомостей (от 1 августа 1892 г.), в связи с вновь появившейся в Империи холерой, были опубликованы «Наставления для предохранения от холеры и для принятия мер в случае заболевания». В статье подчеркивалось, что «в холерное время» необходимо «заботиться о чистоте одежды и белья, обмывать возможно чаще мылом лицо и руки особенно перед едой и после соприкосновения с больным, а также избегать употребления пищи в тех помещениях, где есть заболевшие холерою» (КЕВ 5: 344–345). Также на страницах «Кишиневских епархиальных ведомостей» публиковались позаимствованные из прессы, издававшейся в других губерниях Российской империи, заметки о холере и о способах борьбы с ней.

Следует особо подчеркнуть, что в борьбу с эпидемиями включались и послушники монастырей. Известно, что, когда в 1872 г. в Бесса-

рабии свирепствовала холера, три послушника Жабского монастыря, «снабженные лекарствами», ходили по окружным селениям и лечили больных, «все это не могло не расположить жителей к монастырю, подавшему руку помощи в годину их испытания» (КЕВ 4: 762).

Таким образом, вышеизложенный материал показывает, что строгий контроль, ответственность граждан, совместные усилия и неустанная всеобщая борьба с эпидемией, какой бы сложности она ни была, в конечном счете приведут к победе над ней. Какой бы ни была по своим размерам эпидемия, она всегда уходила в историю. Будем же надеяться, что и сегодня, оглядываясь на приведенные ранее примеры прошлого, наши сограждане проявят такую же солидарность с властями в деле заботы о сохранении народного здоровья и благополучия.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

КЕВ 1 — Кишиневские епархиальные ведомости (далее — КЕВ). 1870. № 14.

КЕВ 2 — КЕВ. 1874. № 7.

КЕВ 3 — КЕВ. 1874. № 10.

КЕВ 4 — КЕВ. 1876. № 20.

КЕВ 5 — КЕВ. 1892. № 15.

КЕВ 6 — КЕВ. 1892. № 17.

КЕВ 7 — КЕВ. 1892. № 18.

НАРМ 1 — Национальный архив Республики Молдова (далее — НАРМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 65.

НАРМ 2 — НАРМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 80.

НАРМ 3 — НАРМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 194.

ПСЗРИ 1830 — Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXV. 1830.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Poștarencu 2006 — *Poștarencu D.* Anexarea Basarabiei la Imperiul Rus. Chișinău, 2006.

Tomuleț 2014 — *Tomuleț V.* Basarabia în epoca modernă (1812–1918) (Instituții, regulamente, termeni). Ch., 2014.

FIGHTING EPIDEMICS IN BESSARABIA OF THE TSARIST PERIOD

Duminica Ivan — doctor of history, Institute of cultural heritage, Ministry of education, culture and research of the Republic of Moldova (Chisinau)

Key words: epidemics, plague, cholera, quarantine, Bessarabia.

Abstract. In the presented article, the author talks about the plague and cholera epidemics that raged in Bessarabia during the Tsarist period. Attention is paid to measures taken by local authorities to combat infectious diseases.

REFERENCES

Poștarencu D. *Anexarea Basarabiei la Imperiul Rus.* Chișinău, 2006.

Tomuleț V. *Basarabia în epoca modernă (1812–1918) (Instituții, regulamente, termeni).* Ch., 2014.

М. В. Батшев, С. А. Трифонова

ПАМЯТЬ О ХОЛЕРЕ 1830–1831 гг. В МОСКВЕ В ДНЕВНИКАХ, ПИСЬМАХ И МЕМУАРАХ

Ключевые слова: история России XIX в., историческая память, эго-документы, история Москвы, коллективные представления.

Аннотация. В статье показаны возможности эго-документов для реконструкции механизма памяти о первой эпидемии холеры в Москве 1830 г. Представлена авторская реконструкция двух возможных видов памяти, зависящих от вида исторических источников: текущей или ретроспективной.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-184-201

Составной частью конструирования московского городского нарратива, городской идентичности является память о пережитых городом катастрофах. Глубина этой памяти, как правило, ограничивается в XIX в. событиями Московского пожара 1812 г. Однако другое трагическое событие, произошедшее через 18 лет после пожара, до недавнего времени практически не находило себе место в коллективных представлениях жителей Москвы о прошлом своего города — мы имеем в виду эпидемию холеры 1830–1831 гг. Интерес к этой теме возрос на фоне переживаемых в современности эпидемий.

Целью данной статьи будет показать два уровня памяти о событиях той

эпохи. Первый уровень — текущая (оперативная) память о событиях, представленная письмами и дневниками жителей, переживших эпидемию в Москве, а также произведениями художественной литературы.

Второй уровень — ретроспективная (долговременная) память, которая начинает формироваться через определенный хронологический промежуток времени. В нашем случае основой ее стали мемуары жителей, переживших холеру, которые спустя определенное время после эпидемии решили зафиксировать свои воспоминания о пережитом тогда или же скорректировать свои впечатления и оценки, данные в письмах, относящихся к самой «эпохе холеры».

© М. В. Батшев, С. А. Трифонова, 2020

Батшев Максим Владимирович — научный сотрудник Отдела документации наследия и информационных технологий Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Москва); bmv@list.ru

Трифопова Светлана Александровна — научный сотрудник Архива РАН (Москва)

Как пишет А. Ассман: «Воспоминания существуют не изолированно, они *взаимосвязаны* с воспоминаниями других людей. Структуре воспоминаний свойственны взаимоналожения, взаимные похвалы, а потому воспоминания подтверждают и упрочивают друг друга» (Ассман 2018: 21). Данное утверждение признанного специалиста по истории памяти делает прилагаемую нами схему деления свидетельств по истории холеры вполне правомерной. В дальнейшем она приводит еще одно наблюдение над феноменом памяти, которое позволяет нам лучше понять специфику памяти о холере: благодаря этому они, т.е. воспоминания, «приобретают не только согласованность и достоверность, но и объединяющую силу, способную формировать сообщества» (Там же).

Раскрывая свое понимание социальной памяти, Ассман отмечает, что в ее основе лежат письма и дневники (Там же: 25). При этом она разделяет разные источники, отражающие человеческую память, исходя из характера рефлексии и ее результатов. Текущие воспоминания в дневниках и письмах относятся к опыту, пережитому уцелевшими людьми. В то же время в мемуарах фиксируются воспоминания и размышления, которые можно назвать заповедью потомкам помнить об эпидемии.

Случается, что уровни памяти, представленные письмами, с одной стороны, и воспоминаниями, с другой, пересекаются в сознании одного автора. Применительно к памяти о холере в Москве таким автором, по нашему мнению, является Александр Яковлевич Булгаков. На осно-

ве сопоставления писем этого автора и его более поздних воспоминаний можно показать, как эволюционировала память о холере — от текущей памяти в письмах к ретроспективной в его воспоминаниях, написанных через несколько десятилетий после самих событий эпидемии.

В 1830 г. Москва пережила эпидемию холеры. Считается, что она пришла в Россию из Азии. По территории России холера продвигалась вверх по Волге из Астрахани. Правительство пыталось остановить холеру в Саратовской губернии и не позволить ей дойти до Москвы и Санкт-Петербурга.

На борьбу с холерой были отправлены московские профессора-медики. Но из-за недостаточных мер болезнь проникла в Центральную Россию и дошла до Москвы. Зимой 1831 г. эпидемия в Москве прекратилась. Однако летом 1831 г. холера вернулась, хотя и не в таких масштабах, как в 1830 г.

Комплекс свидетельств текущей памяти о холере, рассмотренных авторами, составляют письма служившего в Московском архиве Коллегии иностранных дел (МАКИД) А.Я. Булгакова, письма и дневник университетского историка М.П. Погодина, письма его коллеги И.М. Снегирева к В.Г. Анастасевичу, «Записные книжки» и письма к разным лицам поэта и публициста П.А. Вяземского, «Записки» друга А.И. Герцена Вадима Пассека, которые явились первым опубликованным текстом, вышедшим из-под пера частного человека, о событиях эпидемии. К этому же комплексу относятся и письма

Фердинанда Кристина, французского роялиста, нашедшего после Великой французской революции пристанище в России и жившего на содержании графа Маркова. Сохранилось большое количество писем этого автора, опубликованных в журнале «Русский Архив» в конце XIX в.

По нашему мнению, к свидетельству, призванным зафиксировать текущую память о событии, можно также отнести материалы средств массовой информации 30-х гг. XIX в. на данную тему.

Несмотря на различие уровней памяти, которую фиксируют письма и дневники, с одной стороны, и мемуары, с другой, в их информационном содержании есть общие моменты — передача эмоционального настроения жителей, информирование о ситуации в городе, описание карантинных, оценка действий властей и прочее.

Живо интересуется новостями о холере М. П. Погодин, и видя, что она приближается к Москве, пишет своему другу Шевыреву в Италию: «Пишу к тебе, любезный Степан Петрович. Помолись о Москве в храме Святого Петра и обо мне, особенно если я достойнее других. В южной и юго-восточной России свирепствует зараз cholera morbus. Есть близко Москвы. Все меры взяты теперь: везде карантин, город оцеплен. Университет заперт, фабрики распускают. На днях у нас несколько человек умерло с признаками сомнительными, а город уныл был ужасно. Я спокоен. Четвертого дня упало было сердце, но теперь лучше. Ужасно сойти со света, не исполнив

своих надежд; если уж они суетны, неосновательны, то да не идет чаша мимо! Вчера был в Кремле, умиленное зрелище, как народ около собора повалился весь на колени; какие выражения лиц! Слепые! И холера может быть благодеяние Божие: она тревожит души и возбуждает сонных людей! Мудров, Дядьковский, Закревский посланы в Саратов, центр городов болезненных. Но в двух верстах от него в деревне, холеры нет» (Барсуков 1890: 205).

Отношение к болезни у всех было различное. Многие не верили в серьезность эпидемии. А. Я. Булгаков в письмах к брату выступает как скептически настроенный человек, не веривший до последнего в реальность эпидемии. В письме от 29 сентября 1830 г. он называет холеру плодом воображения медиков и тех чиновников, которые мечтают о награждениях и высочайших милостях: «Всякое головокружение, рвоту или понос принимают теперь за холеру, и те, коим пускают кровь, коих лечат от мнимой холеры, те только и умирают» (Братья Булгаковы 2010: 273). Аргументируя свою точку зрения, в этом же письме он обращается к статистике смертности в Москве: «Не помнят, чтобы когда-нибудь менее теперешнего умирало, ибо обыкновенные пропорции смертности в Москве от двадцати до тридцати человек в день» (Там же).

Скепсис Булгакова поддерживался и политикой московских властей, которые требовали, чтобы на почтамте окуривали все письма противохолерными растворами, но одновременно с этим не закрывали театры, церкви, рынки и все общественные меро-

приятия. Да и сам факт внезапного приезда императора в Москву говорил, по его мнению, об отсутствии в городе реальной опасности.

Хорошо информированный и при этом не любивший московского генерал-губернатора Д. В. Голицына, Булгаков писал своему брату Константину о театральных эффектах, которыми было обставлено прибытие императора: «Император изволил прибыть в одиннадцать часов утра прямо в дом князя Дмитрия Владимировича. Бросились было докладывать; не велел никому трогаться с места, а только показать одному дорогу к князеву кабинету. Он, по своему обыкновению, долго нежиться и работать в постели, недавно встал (что, верно, не очень понравилось государю; в теперешнее время можно и должно бы в 6 часов быть на ногах), был в халате своем перед зеркалом маленьким, чистил рот. Государь подошел тихонько к нему. Вообрази же себе удивление князя, увидевшего в зеркале лицо государя, за ним стоявшего. По приказанию, полученному им от государя, уведомлять его ежедневно эстафетами о состоянии Москвы, мог ли князь Дмитрий Владимирович вообразить, что государь прибыл в Москву сам? Он вскочил со стула испуганный» (Там же: 274). После доклада генерал-губернатора император проследовал к иконе Иверской Божьей Матери, где молился, стоя на коленях, чем вызвал восторг у сопровождавшей его, по словам Булгакова, несметной толпы.

Переданная Булгаковым внезапность для Голицына приезда импера-

тора представляется нам несколько преувеличенной. Об этом свидетельствуют источники: в предшествующем письме самого Булгакова содержится упоминание о полученном московским генерал-губернатором рескрипте императора о том, что тот планирует приехать в Москву, чтобы успокоить умы. Погодин в свою очередь и вовсе приводит небольшой фрагмент из этого рескрипта: «Уведомляйте меня с эстафетами о ходе болезни. От ваших известий будет зависеть мой отъезд. Я приеду делить с вами опасности и труды. Преданность в волю Божию! Я одобряю все ваши меры» (*Барсуков* 1890: 209).

М. П. Погодин, также оказавшийся в центре борьбы с холерой, понимая, в силу своего рода занятий, важность происходящего на его глазах, писал в дневнике: «Я в центре всех известий и между тем могу ли сказать, что историческое! Извольте же теперь верить свидетельствам прошедшим. Между тем, как все у нас делается. Сенаторы торопятся донести, что больницы открыты, а между тем, там нет ничего. При опасности боятся заглянуть туда. Медики не принимают никаких общих мер и заботятся только о протоколах. Почему не вызовут теперь из Саратова или Астрахани доктора, знакомого с холерою? В Оренбурге, по свидетельству многих самовидцев, решительно выздоравливали все, кому подана была помощь, а у нас все занемогающие умирают»¹.

Михаил Петрович отмечает в дневнике восторг, с которым москвичи встретили внезапный приезд в город

¹ Цит. по: (*Барсуков* 1890: 206–207).

императора Николая I: «Нельзя описать восторга, с которым встретил Его народ, тех чувствований, которые изображались на всех лицах: радость, благодарность, доверенность, преданность... Станем молиться и надеяться» (Там же: 210).

Отъезд императора из Москвы через несколько дней тоже находит свое отражение в дневнике Погодина: «В продолжении своего пребывания здесь он рассмотрел все меры, принятые местным правительством, начертал общий образ действия, дал наставление всем начальникам, ободрил всех своим царским словом, одушевил своим высоким примером, принес теплые молитвы в древнем Русском храме Успения Божьей Матери» (Там же: 212).

К середине октября Булгаков все-таки соглашается с тем, что в Москве действительно холера, но делает это с неохотой: «Не могу теперь сомневаться в существовании холеры; но и теперь, поверь мне, что из десятка, коих смерть относит к холере, 6 и 7 не ею умирают» (Братья Булгаковы 2010: 289). Он же сообщает брату о том, что среди главных светил тогдашней московской медицины нет единства относительно понимания болезни и способов ее лечения. В одном из следующих писем он вновь возвращается к этому вопросу и считает, что страх, который испытывают многие, не соразмерен с реальной опасностью.

В этих письмах, которые становились известными и другим представителям петербургского общества, автор демонстрирует презрение к панике в городе: «Худо описывать ве-

щи черными красками, но я не вижу ничего дурного не смотреть на нее глазами слепого страха, как смотрят те, кои других должны бы ободрить» (Там же: 295).

В письмах он сообщает не только собственное мнение относительно холеры, которое, как мы уже видели, часто отличалось от рапортов генерал-губернатора Москвы Д. В. Голицына, но и сообщает разные городские новости, связанные с эпидемией. Так, глава московского опекунского совета князь Сергей Михайлович Голицын просил у генерал-губернатора солдат для организации дополнительного карантина вокруг вверенного его попечению воспитательного дома. Однофамилец опекуна в просьбе отказал, однако «князь Сергей Михайлович точно оцепил Воспитательный дом, но не войском, а своими сторожами» (Там же).

Про изменения, которые холера принесла в Московский английский клуб, пишет поэт И. И. Дмитриев в письме к П. А. Вяземскому: «В клубе отказ обедать и ужинать; комнаты опустели; даже и Айгустова ни однажды не видел; находишь только пять, шесть старожил в средней комнате за картами» (Дмитриев 1986: 407).

Булгаков демонстрирует в письмах хорошее знание человеческой психологии. Это видно на примере заболевшего дворника, которого отвезли в больницу с диагнозом холеры, в дальнейшем не подтвердившимся: «Я говорил эскулапу этому, что первый их долг — не пугать больного, а обнадеживать, что скоро выздоровеет, а паче вовсе не произносить слово “холера”: во-первых, пугает

больного, а потом и целый дом, откуда его берут. Но в этих скотах нет ни человеколюбия, ни жалости» (Братья Булгаковы 2010: 297).

В. Пассек в «Записках» упоминает разное отношение различных слоев городского общества к холере. Часть московского общества, «простонародье и люди стоящие на последних ступенях грешного мира», принялись активно читать религиозные книги и чаще посещать церкви. Люди другого социального слоя, и лучше образованные, чем предыдущие, «смотрят на нее как на новую болезнь, собираются замечать ее ход и свойства и обещают скоро найти причины ее развития». Главное, что кажется более всего важным автору — эпидемия не оставила никого в Москве равнодушным. О неравнодушии и повсеместной озабоченности холерой пишет в письме к Вяземскому Дмитриев: «Я пытался развлечь себя выездами куда можно; но везде только и слышно о холере» (Дмитриев 1986: 407).

Об отношении к холере среди разных общественных слоев пишет в «Старой записной книжке» Вяземский: «На низших общественных ступенях холера не столько страха внушала, сколько недоверчивости. Простолудин, верующий в благость Божию, не примиряется с действительностью естественных бедствий: он приписывает их злобе людской или каким-нибудь тайным видам начальства. Думали в народе, что холера есть докторское или польское напущение» (Вяземский 2017: 92).

Как и каждая эпидемия, холера в Москве в 1830 г. сопровождалась

созданием кордонов и установлением карантина. Очевидцы описывают их по-разному. В письмах Булгакова говорится о создании карантинных, которые со 2 октября должны были отрезать Москву от остальных губерний.

Москва была огорожена кордонами, которые не пропускали в город и не выпускали. Правда, как часто бывает в России, из этого правила случались исключения. Петр Андреевич Вяземский в «Записных книжках» упоминает о том, что кордонные казаки за взятки все же пропускали в Москву (Там же: 364).

Кристин в письме к Бобринской сообщает интересную подробность о планах императора Николая не только закрыть Москву с помощью военных, но и оцепить войсками каждую часть города: «Наш генерал губернатор отвечал, что физически это почти невозможно, а в моральном отношении очень опасно. Государь настаивал, но князь в другой раз возразил, и после этого Государь ограничился приказанием оцепить только Тверскую часть, с тем, чтобы никто туда не входил и никого из нее не впускали» (Холера в Москве 1884: 147). (П. Н. Бартенев, комментируя это письмо, отмечает, что идея внутренних кордонов в Москве была предложена петербургскими врачами, а в итоге все было отменено благодаря усилиям митрополита Филарета.) Кристин сообщает в этом же письме, что генерал-губернатор переехал из своей резиденции на Тверской улице на Садовую. О переезде Дмитрия Владимировича Голицына с Тверской пишет в одном из писем к брату и А. Я. Булгаков, не понимая,

зачем он это делает (Братья Булгаковы 2010: 291).

Предписание о снятии карантинных было получено в Москве только в начале декабря 1830 г., город собирались открыть с 6 декабря — это событие приурочили к именинам императора Николая I. Итоги московского карантина, сильнее всего ударившего по беднейшим слоям горожан, описывает уже упомянутый Кристиан: «Население доведено было до отчаяния, солдаты измучены на кордонной службе. Жители голодали и крестьяне разорены. У нас по-прежнему будут сено, овес, мука, а что всего лучше — дрова, вздоржавшие до чрезвычайности» (Холера в Москве 1884: 150–151).

Эпидемия холеры сохранила в памяти современников неприятный запах в Москве. Его появление было связано с курившимся во всех городских дворах навозом. Этот запах был не единственным связанным с холерой. «Деготь, хлористая известь, камфора и мускус, от палат до хижин, распространяют свой запах по всей Москве» (Там же: 140).

Еще одним запахом, проникавшим всюду, был запах чеснока. Спрос на него привел к росту цен. Булгаков писал, что чеснок «вздорожал шестью рублями». «На всех чеснок, особенно на людях; в клубе все приготовлено на чесноке. Сестре Долгорукова, которая трусит очень, обещался я сделать подарок: горшок чесночной мази!..» (Братья Булгаковы 2010: 304). Про цены на чеснок пишет Снегирев: «Когда пошла мода на чеснок, корыстолюбивые торговцы подняли четверик одного от 3 до 40

рублей; но когда двух из них высекали, чеснока четверик сбежал в 5 руб.» (Письма... 1892: 24).

Профессор И. М. Снегирев в письме к Анастасевичу пишет и про другие свои впечатления от сидения дома в период эпидемии: «Мы сидим дома, куримся уксуом, хлором и можжевельником, пьем мяту и дегтярную воду и молимся Богу» (Там же).

Московские власти отчетливо понимали, что важно не только оказание медицинской помощи, но и предоставление обществу информации о деятельности правительства в борьбе с эпидемией и о ее протекании. Московский военный генерал-губернатор князь Д. В. Голицын распорядился начать издавать с 23 сентября 1830 г. при «Московских Ведомостях» специальное приложение «Ведомости о состоянии города Москвы», их редактировать поручили М. П. Погодину и доктору Маркусу, первый давно искал себе занятие, приносящее пользу в период холеры. Эти издания выходили до 6 января 1831 г. Погодин пустил в обиход и другое название этого приложения — «Холерные ведомости». Целью издания было сообщать обывателям верные сведения о состоянии города, а также пресекать ложные и неосновательные слухи, которые производят «безвременный страх и уныние». В первом номере изложен перечень тех сведений, которые должны помещаться в ведомостях; далее сообщаются данные о числе смертных случаев в Москве за каждый месяц истекшего 1829 г., когда в ней, как известно, еще не было холеры. Оказывается, что и в самое благопо-

лучное время в Москве (имевшей тогда до 300 000 жителей) умирало ежемесячно от 700 до 1300 человек, «то есть круглым числом по 900, или ежедневно по 30 человек». Из приведенных цифр видно, что максимум смертности в 1829 г. пал на апрель, когда умерло 1305 человек, а минимум — на февраль, в продолжение которого скончалось 668. Всего умерших в 1829 г. в Москве было 10 117 человек.

Работа по редактированию ведомостей доставляла Погодину много хлопот. В одном из писем к Шевыреву он пишет: «Да дело вот в чем: за верность списков мне надо сражаться с утра до вечера с невежеством и небрежностью. И с этим управиться можно; но являются еще патриоты и филантропы, которые без всякого образования и понятия, хотят мудрить по-своему и мешают вместо помощи»². В силу своего ответственного редакторского поста Погодин был свидетелем многих событий, влиявших на политику городских властей. Еще в одном из писем к Шевыреву он возмущается трусостью коллег-литераторов, которые не выходят из своих домов из-за опасения заразиться (*Барсуков* 1890: 219–220).

В силу напряженной работы Михаил Петрович иногда допускал в своих «Ведомостях» и опечатки, на которые ему указывали знакомые. Кавелин писал ему: «В 36-м номере Ведомости, в статье о пожертвованиях от неизвестного, напечатано 15 *аранников*. Сие произошло, вероятно,

от опечатки написанного слова *аранчиков*. Нужно исправить сию ошибку, заменив слово: *аранников* словом *червонцев*»³.

Публикуемая Погодиным в «Ведомостях» информация пользовалась доверием у жителей Москвы. «Эти бюллетени приносили по крайней мере ту пользу, что объявляли всю правду, противодействовали ложным или преувеличенным слухам» (*Дмитриев* 1998: 345).

Погодин информировал читателей не только в «Московских Ведомостях», но и в своем собственном «Московском Вестнике» об успехах в борьбе с эпидемиями в других регионах: «Вспомним об Одессе, из которой прошлого года даже за заставу не выпущена была чума; вспомним об Оренбурге, в котором холера в короткое время была уничтожена» (*Несколько слов...* 1830: 326).

Булгаков к «Ведомостям» Погодина к середине октября 1830 г. относится скептически. Он считает, что там не сообщают всей правды. Это свое отношение он дополняет и рядом малоправдоподобных, на наш взгляд, подробностей: «Ведомости даже о числе занемогших и умерших неверны, и потому государь приказал, чтобы посылали ему подлинные списки от всех двадцати частей за подписанием сенаторов и тех, кои заведуют частями городскими, и из коих Голицын прежде составлял рапорты свои его императорскому величеству» (*Братья Булгаковы* 2010: 290–291).

² Цит. по: (*Барсуков* 1890: 216).

³ Цит. по: (Там же: 217).

Вяземский не только читал «Московские Ведомости» с приложением Погодина, но и размышлял над событиями, свидетелем которых он оказался. «Соберите все глупые сплетни, сказки и не сплетни, и не сказки, которые распускаются в Москве на улицах и в домах по поводу холеры и нынешних обстоятельств — выйдет хроника прелюбопытная. В этих сказах и сказках изображается дух народа. По гулу, доходящему до нас, догадываюсь, что их тьма в Москве, что пар от них так столбом и стоит: хоть ножом режь» (*Вяземский* 2017: 366).

Запертый карантинном в своем подмосковном имении Остафьево Петр Андреевич Вяземский жадно поглощал погодинские ведомости. Свои впечатления от них он изложил в письме к И. И. Дмитриеву: «Сначала было очень тяжело; тяжело и ныне, особливо же при получении Московской почты, когда она приносит страшные итоги Погодина; но человеческая природа не выдерживает долгого сильного напряжения и привыкает к своему положению. Так было и со мною. Фон Визин будет обязан за свою биографию холере»⁴.

Об обязательном чтении погодинского приложения к «Московским Ведомостям» сообщает Дмитриев в письме Вяземскому.

Полевой рекомендовал в качестве источника информации доверять только официальным изданиям. «Советую каждому прочитать внимательно статью о холере в Журнале Министерства Внутренних дел. Де-

готь, дегтярная вода, курение по способу Гитона-де-Морво (1,5 части марганца, 3 части поваренной соли, 2 части серной кислоты или купоросного масла), прекращение сообщений с зараженными местами, избежание от сырых, тесных помещений, здоровая, легкая, неотягощительная пища, одежда потеплее» (*Московские Вести* 1830: 413).

Важным фактом городской жизни Москвы незадолго до начала эпидемии холеры становится чтение газет. Пасек рассказывает в «Записках» об отношении к газетам низшего слоя читателей: «В газетах-то, говорят, написано, что у нас ее вовсе и не будет» — прервал первый. «Ох, батюшка!» — отвечал другой, — «Да газетам-то плохо верится. Ведь и в них писано было, что и Французов в Москве не будет. А они проклятые не побоялись газет...»» (*Пасек* 1831: 5).

С установлением карантина и распространением холеры в жизни города произошли изменения. Они коснулись всех слоев общества, каждый из очевидцев описывает разные события и факты. Так, Пасек обращает внимание на изменения в одежде горожан, произошедшие с началом эпидемии холеры: «Какие любопытные костюмы! На этом молодом человеке, в летнее тепло, только что нет шубы: он уже успел вернуться в плащ и закутаться шарфом. Эта замечательная фигура в зеленом фраке с металлическими пуговицами и бархатным воротником, едва приподнимает ноги, как будто боится наступить на холеру, и опасно ози-

⁴ Цит. по: (*Барсуков* 1890: 208).

рается, как бы страшась погони какого-нибудь чудовища» (Там же: 4).

О спорах среди московских врачей, свидетелем которых он был, пишет Погодин в письме к Шевыреву: «Доктора спорят, и я насмотрелся на их штуки. Гааз, например, в заседании Медицинского совета начинает речь: “По всем моим тщательным наблюдениям и многократным опытам, я удостоверился, что кровопускание есть самое убийственное средство, и потому вот вам мой ланцет г-н Маркус!” (секретарь совета). В ту же минуту с другой стороны Мухин начинает: “По всем моим наблюдениям и опытам, я удостоверился, что кровопускание есть спасительное средство”»⁵.

А.Я. Булгаков пишет о вере в народе в избавление Москвы от холеры тогда, когда икона Иверской Божьей Матери объездит все части города. Кроме этого, он сообщает брату различные городские слухи: «Фавсту сказывали, что на больнице, что в Смоленском рынке, нашли прибитой и припечатанной с четырех углов следующую надпись: “Ежели доктор-немцы не перестанут морить русский народ, то мы их головами вымостим Москву!”» (*Барсуков* 1890: 292). Булгаков затрудняется определить, были ли это происки неблагонамеренных людей или вредный розыгрыш.

Александр Булгаков в письме от 10 октября перечисляет слухи, которые ходят по Москве: «Попасть в госпиталь или умереть почитают одним. Есть анекдот о мещанине, ко-

торого похоронили живого, а он ушел как-то чудесно с кладбища. Говорят, что священникам запрещено ходить на дома исповедовать и причащать, и проч. Конечно, лучше всего не верить подобным рассказам, но зачем их рассеивают?» (*Братья Булгаковы* 2010: 287).

Одновременно с этим автор пишет о том, что холеры больше боится дворянство, а простой народ к угрозе эпидемии относится значительно спокойнее. Упоминает о боязни московского купечества разориться из-за закрытия торговых рядов.

От холеры и от принимаемых для борьбы с ней мер в 1830 г. московское купечество действительно пострадало сильно — Кристин рассказывает об одной из противохолерных мер, которые планировали осуществить в Москве: «Получено приказание класть хлорную известь во все без исключения товары, находящиеся в Москве. Купцы не знают, как им быть. Эти почтенные люди заявляют, что больницы содержатся почти исключительно на их пожертвования (как оно и есть на самом деле и что вы можете прочитать в Ведомостях), и во внимание к тому просят, чтобы их не довели до неминуемого разорения. Один из них говорит, что в лавках у него на триста тысяч рублей чаю, который никуда не годится, если станут взрезывать цибики и опрыскивать их хлором. Меховщики уверяют, что от этой извести волос лезет из мездры; ситцевые фабриканты, что от нее краска линяет; торгующие бронзой, что от нее позолота сходит и т. д. Словом

⁵ Цит. по: (*Барсуков* 1890: 215).

168 купцов первых двух гильдий послали, как слышно, прошение к государю об отмене этого распоряжения; но так как прошения подаваемые со обща не дозволены законом, то и не знают, что из этого выйдет» (Холера в Москве 1884: 149). В воспоминаниях встречаются упоминания о том, что больше всего от холеры пострадали торговцы фруктами, у которых полиция во избежание распространения эпидемии конфисковала их запасы и свозила их в специальные ямы с известью.

С окончанием холеры встал вопрос о награждении лиц, участвовавших в борьбе с эпидемией. М. П. Погдин, героически редактировавший все месяцы эпидемии «холерные ведомости», получил от генерал-губернатора благодарственное письмо: «За все труды и беспокойства, поднятые вами для пользы человечества, я справедливым нахожу принести вам полную мою признательность, уведомляя при том, что об отличном усердии вашем в исполнении возлагаемых на вас во время бывшей в Москве эпидемии поручений, я, вместе с сим, сообщил г. попечителю Учебного округа»⁶. А доктор Маркус получил «около восьми тысяч пенсий».

Важной мерой, по наблюдениям Булгакова, сократившей смертность от холеры, была бесплатная раздача еды и одежды для беднейших слоев московского народонаселения. Более того, в середине октября граф Дмитрий Николаевич Шереметьев передал в распоряжение городских властей свой дом на Воздвиженке

для размещения в нем пострадавших от холеры бедных жителей Москвы. Одновременно с передачей дома он обязался за свой счет отапливать его и кормить всех его постояльцев на протяжении сорока пяти дней.

Как и любая эпидемия, эта была особо опасна для людей старшего возраста. В письме от 10 ноября 1830 г. А. Я. Булгаков упоминает о скончавшемся князе Юрии Владимировиче Долгорукове, умершем в возрасте 95 лет. «Он сам часто твердил: “Ну, я вот холеры не боюсь; уж мне коли умирать, так одною только болезнью, старостью!” Погас, сказывают, как свеча или лампада, в коей масла не стало» (Братья Булгаковы 2010: 298).

Ф. Л. Кристин в письме к графине С. А. Бобринской от 5 сентября из Москвы пишет: «Нас чрезмерно пугают холерой: по 50 человек каждые сутки умирают в Астрахани, по 30 в Саратове. Послали докторов, учредили кордоны; уверяют, что зараза уже и в Тамбове, а вчера говорили, что богатый нижегородский купец ехал с двумя сыновьями — один умер дорогой, другой при самом въезде в Москву. Некто, сейчас приехавший от Жеребцова, уверяет, что слышал от него, будто вчера здоровый, молодой 25-летний солдат умер в течение пяти часов от припадков холеры» (Холера в Москве 1884: 137).

И в более позднем письме: «У нас большой переполох: разошелся слух, что в разных частях города мрут от холеры. Вы знаете, как быстро

⁶ Цит. по: (Барсуков 1890: 228).

распространяются худые известия и с каким легковерием принимаются. В 24 часа все население было в тревоге» (Там же: 137–138).

В период эпидемии холеры ничто человеческое не было чуждо жителям города, интересную подробность сообщает в своих «Записных книжках» Вяземский: «Рассказывают, что большая часть сиделок в холерных больницах — публичные девки» (*Вяземский* 2017: 371). М. А. Дмитриев упоминает об изменении некоторых гастрономических привычек: «В пище сделались все умереннее и осторожнее; пили херес, который с этого времени вошел в употребление и заменил прежнюю мадеру» (*Дмитриев* 1998: 346).

В источниках встречаются различные рассказы о кровавых преступлениях, имевших место в Москве во время холеры. Кристин пишет о случаях массовых убийств в городе — убийство семьи огородника около Екатерининской больницы.

Эпидемия холеры настолько сильно врезалась в память жителей города, что даже по прошествии многих лет авторы повторяют те же подробности. Например, записки А. Я. Булгакова в основном повторяют его отношение к холере, сформулированное им в письмах к брату о ней. Точно так же как и в письмах, он видит больше вреда в панике, которую производят известия от холеры, а не в самой болезни: «Москва объята была страхом, люди глупые, а может быть и неблагонадежные распустили слухи, будто бы холера морбус, проскользнув в Тамбовскую и Рязанские губернии, оказалась уже в Серпухове и Колом-

не, и что даже в Москве иностранец один по имени Педотти умер сею болезнию. Сего было достаточно, чтобы привести большую часть жителей в смятение и страх» (*Булгаков* 2010: 69). Для памяти потомков А. Я. Булгаков в «Записках» фиксирует подробность, которая уже встречалась в письмах людей, написанных непосредственно в период эпидемии: «Все комнаты наполнились сосудами с дегтем, везде стали курить можжевеловым и другими очистительными травами: всюду слышен запах чеснока, который так вздоржал, что луковичка в орех продавалась в 40 копеек, тогда как прежде стоил копейку» (Там же).

В «Записках» Булгаков продолжает развивать свое скептическое отношение к холере. При этом он фокусирует внимание на деятельности городской администрации и близких к ней лиц: «К князю Дмитрию Владимировичу присоединился и другой Голицын, князь Сергей Михайлович, имевший главное начальство над Воспитательным домом и здешними всеми учебными заведениями, и сей также начал брать меры, кои распространяли всюду страх и ужас, тогда как в обстоятельствах такого рода две главнейшие добродетели должны быть *неустрашимость и хладнокровие*. Они могут только успокаивать слабоумных. Сколько людей умерло от одного страха или от того, что их лечили от холеры, а не от тех болезней, коими [они] были действительно одержимы!» (Там же: 71).

В «Записках», как и в письмах, много внимания Булгаков уделяет обстоятельствам посещения императором Николаем Москвы в конце сентября

1830 г. Он приводит диалог императора с городским головой, которого нет в его письмах. В этом диалоге Николай I уговаривает городского голову как представителя купеческого сословия согласиться на убытки, а также обещает определенные компенсации за потери от имени генерал-губернатора Москвы Д. В. Голицына. Не будучи свидетелем этой сцены, Булгаков заимствует ее из рассказов третьих лиц.

С течением времени, видя картину целиком, узнавая детали и события, очевидцем которых он не был, Булгаков упоминает о переносе из-за эпидемии выставки изделий русской мануфактурной промышленности. В письмах к брату эта тема не фигурирует.

Обратимся и к другим мемуарам, где фигурируют рассказы о холере. Их авторы — архитектор В. А. Бакарев, служивший в Сенате М. А. Дмитриев, тогдашний московский студент А. И. Герцен.

Воспоминания архитектора Бакарева, написанные им в 1852 г., являются ценным источником, позволяющим увидеть эпидемию и борьбу с ней глазами представителя низшего слоя московского чиновничества, который волею судеб оказался на переднем крае борьбы с болезнью.

Александр Иванович Герцен рассказывает о холере, свидетелем которой он был, в своем масштабном автобиографическом произведении «Былое и Думы». По непонятной до сих пор причине в «Былом и Думах» вспышка холеры в Москве датируется 1831 г.

Герцен эмоционально и красочно рассказывает: «Болезнь шла капризно, останавливалась, перескакивала, казалось, обошла Москву, и вдруг грозная весть “Холера в Москве!” — разнеслась по городу. Утром один студент политического отделения почувствовал дурноту, на другой день он умер в университетской больнице. Мы бросились смотреть его тело. Он исхудал, как в длинную болезнь, глаза ввалились, черты были искажены; возле него лежал сторож, занемогший в ночь. Нам объявили, что университет велено закрыть. В нашем отделении этот приказ был прочтен профессором технологии Денисовым; он был грустен, может быть испуган, на другой день к вечеру умер и он» (Герцен 1983: 143). Если не обращать внимание на временной сдвиг на год в описании холеры в Москве, характерный для автобиографического произведения Герцена (на что мы обращали внимание выше), а сопоставить приводимую информацию из «Былого и Думы» Герцена с рассказом о первом заболевшем в университете, который приводит в своих «Записках» его товарищ по университету Пассек, то можно увидеть, что они не противоречат друг другу, а, напротив, дополняют.

Бакарев (Бакарев 1902: 120–147) рассказывает, что карантин в Москве в 1830 г. был двойной. С внешней стороны город был оцеплен военными частями, а с внутренней стороны на городских заставах всех проезжающих проверяли служащие московской полиции. Городским чиновникам, занятым борьбой с холерой, как и автору воспоминаний, выдавали специальные пропуска

за подписью генерал-губернатора князя Д. В. Голицына, которые позволяли беспрепятственно проезжать по городу и пересекать в случае надобности городские заставы. Самому автору воспоминаний пришлось в разгар эпидемии неоднократно пересекать карантинную линию по служебной необходимости, т. к. он отвечал за создание карантина в Петровском дворце. Кроме этого карантина были организованы еще два — на Воробьевых горах и за Покровской заставой.

Бакарев подробно описывает процесс создания карантина в Петровском дворце, за который он начал отвечать случайно и о мерах по созданию которого вышестоящие чиновники доложили губернатору раньше, чем они начали функционировать на самом деле. Рассказывает он и о том, как, приехав первый раз в Петровский дворец, он нашел там артель плотников, которая была готова к работе, но у нее не было ни куска дерева, и как он метался по Москве в поисках нужного материала.

В борьбе с эпидемией участвовал весь город, образованная и состоятельная часть населения пыталась помочь в силу своих материальных возможностей и опыта. А. И. Герцен пишет: «Князь Д. В. Голицын, тогдашний генерал-губернатор, человек слабый, но благородный, образованный и очень уважаемый, увлек московское общество, и как-то все уладилось по-домашнему, то есть без особенного вмешательства правительства. Составился комитет из почетных жителей — богатых помещиков и купцов. Каждый член взял себе одну из частей Москвы. В несколько

дней было открыто двадцать больниц, они не стоили правительству ни копейки, все было сделано на пожертвованные деньги. Купцы давали даром все, что нужно для больниц, — одеяла, белье и теплую одежду, которую оставляли выздоравливавшим. Молодые люди шли даром в смотрители больниц для того, чтоб приношения не были наполовину украдены служащими. Университет не отстал. Весь медицинский факультет, студенты и лекаря en masse привели себя в распоряжение холерного комитета; их разослали по больницам, и они остались там безвыходно до конца заразы. Три или четыре месяца эта чудная молодежь прожила в больницах ординаторами, фельдшерами, сиделками, письмоводителями, — и все это без всякого вознаграждения и притом в то время, когда так преувеличенно боялись заразы...»

Обращаясь к воспоминаниям Михаила Александровича Дмитриева, видим, что он не уделяет много внимания эпидемии, но упоминает об особенностях организации борьбы с холерой: «Москва была разделена временно на части; в каждой устроена была больница; к каждой больнице приписаны были медики из главных докторов столицы с помощниками из лекарей: и каждой части был дан особый временный начальник, заведовавший больницами и всем, относящимся до больниц и занемогающих в его округе, особенно из небогатых жителей простого класса» (Дмитриев 1998: 345).

По прошествии времени холера не ушла из памяти людей. Воспоминания, затрагивающие этот период, не могли обойтись без описания

эпидемии. В мемуарах М. А. Дмитриева, датированных 1860-ми гг., а опубликованных в 1998 г., автор рассказывает о пережитой им болезни на основе собственного опыта и о собственных ощущениях, как он воспринимает их спустя годы (Там же: 346).

Мемуаристы, писавшие о холере через несколько десятилетий, которые в момент событий были детьми (как автор цитируемых в дальнейшем воспоминаний) и для которых основным источником информации были рассказы и разговоры родителей, ставят память о холере в один ряд с памятью о русско-турецкой войне: «Поэтому письма в Москву доходили, не иначе, как проколотыми и окуренными, как то было в турецкую войну 1828–1829 гг. с письмами, приходившими с театра войны; там было два брата матери, артиллерист и врач» (*Шумахер* 1899: 92). Этот же автор сообщает в воспоминаниях об особенностях снабжения Москвы продовольствием во время эпидемии, которое, по его словам, можно было купить только у застав, — объясняет он это тем, что подвоза в сам город уже не было.

Шумахер пишет, что причиной снятия карантина в Москве было только недовольство жителей, про уменьшение болезни он не упоминает.

На формирование памяти о времени холеры в Москве у Шумахера оказала влияние и его собственная осязательная память: «Из холерного года осталось у меня еще в памяти, как ежедневно у нас окуривали весь дом укусом, наливаемым на раскаленное железо; как запах этот был для

меня невыносим, и я всякий раз выбегал во двор» (Там же: 93).

Литератор П. Ф. Вистенгоф, поступивший в 1830 г. в Московский университет, пишет в «Воспоминаниях» об эпидемии как о времени ужаса, паники, охвативших всю Москву: «С болью в душе вспоминаешь теперь тогдашнее грустное и тягостное существование наше. Из шумной, веселой столицы Москва внезапно превратилась в пустынный, безлюдный город» (*Вистенгоф* 1884: 330). Ужасу, охватившему Москву, Вистенгоф противопоставляет приезд императора Николая в город. Благодаря твердости и решительности императора горожане приободрились и храбро перенесли все ужасы «первой холеры».

Как и предшествующий мемуарист, Вистенгоф пишет о прекращении подвоза продовольствия в город во время эпидемии.

Е. П. Благово в «Рассказах бабушки» вспоминает, что во время эпидемии на нее особый ужас наводили фуры, которые разъезжали по улицам города за умершими от болезни. Также она сообщает любопытную подробность об информировании жителей со стороны городских властей: «Принесли повестку из съезжего дома, чтобы в домах были осторожнее, и что, ежели у кого будут заблевающие люди холерою, в домах отнюдь у себя не держать, но тотчас отправлять в больницы» (Рассказы Бабушки 1989: 321). В ее памяти, как и у многих других людей, переживших холеру, зафиксировались определенные запахи. Она упоминает, что власти требовали, чтобы во всех

домах для очистки воздуха по комнатам были расставлены деготь и хлор.

Правда, насчет поставок продовольствия в Москву ее рассказ противоречит воспоминаниям предыдущих авторов и повторяет свидетельства авторов дневников и писем, которые писали об уменьшении подвоза в город, а не о его полном прекращении. Также ее рассказ позволяет представить себе меню времен холеры в среднем дворянском семействе: «Дворецкий мой только один раз в неделю ходил на рынок закупить, что нужно для стола, и, кроме кашицы или супа и куска жареной курицы, мы более месяца ничего не ели, и даже страшно нам было вспомнить, что за месяц или за два перед тем мы ели свежие огурцы и грибы в сметане» (Там же).

Граф М. В. Толстой в своих воспоминаниях добавляет не встречающийся у других очевидцев эпизод относительно транспортных средств, которые использовались в городе для перевозки больных в больницы: «Больных привозили в театральные каретах, мерзкого и отвратительного вида, которые по прекращении болезни были уничтожены, потому что актеры и актрисы не хотели уже в них ездить» (Толстой 1881: 45).

Он повторяет в «Воспоминаниях» фигурирующую в дневнике М. П. Погодина историю о том, что граф Панин, который по просьбе московского генерал-губернатора Д. В. Голицына отвечал во время холеры за Тверскую часть, видя, что больные, доставленные в больницу, не хотят садиться в ванну, опасаясь заразы, сам разделся и сел в эту

ванну. Рассказывая про больницу, созданную в Тверской части, Толстой упоминает врача, который там практиковал и который, по словам мемуариста, первым решился сделать вскрытие больного, умершего от холеры.

Как и другие современники, он отмечает, что во время эпидемии православные храмы не закрывались и были полны народом. Но добавляет одну деталь к деятельности митрополита Филарета во время холеры: «Митрополит Филарет со своей стороны назначил в каждую частную больницу по одному архимандриту или протоиерею для наблюдения за исправным исполнением треб приходскими священниками, которые чередовались ежедневно» (Там же).

Таким образом, два слоя памяти, зафиксированные в разных источниках и затронутые в настоящей статье, в итоге сложились в единый нарратив об эпидемии, который стал частью общего коллективного нарратива русского общества о событиях 1830–1831 гг. Как и предполагалось, несмотря на различие уровней памяти, в ней, несомненно, присутствуют общие моменты, такие как эмоциональный настрой жителей, информирование о ситуации в городе, оценка действия властей и др. Так, Вяземский еще в разгар эпидемии, понимая, что после ее окончания начнутся разговоры о том, кто и как противостоял холере, и при этом встраивая текущие воспоминания о холере в формировавшийся концепт национальной памяти о событиях Отечественной войны 1812 г., писал: «Дай Бог холере найти

скорее свою Березину, только надобно припасти и Чичагова, который бы выпустил ее. А то наши доктора того и смотри задержат» (Письмо 1830).

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Бакарев 1902 — *Бакарев*. Воспоминания жителя Москвы о некоторых днях 1830 года // Сборник старинных бумаг хранящихся в музее П. И. Щукина М., 1902. Ч. 10.

Барсуков 1890 — *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина СПб., 1890. Т. III.

Братья Булгаковы 2010 — Братья Булгаковы. Переписка М., 2010. Т. III.

Булгаков 2010 — *Булгаков А. Я.* Современные записки и воспоминания мои // Московский журнал. 2010. № 7.

Вестингоф 1884 — *Вестингоф П. О.* Из моих воспоминаний // Исторический Вестник. 1884. Т. 16.

Вяземский 2017 — *Вяземский П. А.* Записные книжки. М., 2017.

Герцен 1983 — *Герцен А. И.* Былое и Думы. М., 1983. Ч. 1.

Дмитриев 1986 — *Дмитриев И. И.* Сочинения. М., 1986.

Дмитриев 1998 — *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний о моей жизни. М., 1998.

Московские Вести 1830 — Московские Вести // Московский Телеграф. Т. 34. М., 1830.

Несколько слов... 1830 — Несколько слов о холере // Московский Вестник. 1830. № 4.

Пассек 1831 — *Пассек В.* Три дня в Москве во время холеры // Молва. 1831. № 37.

Письма... 1892 — Письма И. М. Снегирева к В. Г. Анастасевичу. 1828–1831. СПб., 1892.

Письмо 1830 — Письмо П. А. Вяземского А. Я. Булгакову от 23 ноября 1830 года // РГАЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 32. Л. 17.

Рассказы Бабушки 1989 — Рассказы Бабушки. Из воспоминания пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. П. Благово. Л., 1989.

Толстой 1881 — *Граф М. В. Толстой.* Мои воспоминания // Русский Архив. 1881. Т. II.

Холера в Москве 1884 — Холера в Москве (1830). Из писем Кристина к графине С. А. Бобринской // Русский Архив. 1884. Т. III.

Шумахер 1899 — *Шумахер А. Д.* Поздние воспоминания о давно минувших временах // Вестник Европы. 1899. Т. II.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ассман 2018 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2018.

MEMORY OF CHOLERA IN 1830–1831 IN MOSCOW IN DIARIES, LETTERS AND MEMOIRS

Batshev Maxim V. — researcher of the Department of documentation of heritage and information technologies of the D. S. Likhachev Russian research Institute for cultural and natural heritage (Moscow)

Trifonova Svetlana A. — research associate of the Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Key words: history of Russia of the XIX century, Historical memory, ego-documents, History of Moscow, Collective performances.

Abstract. The article shows the possibilities of ego-documents for the reconstruction of the memory mechanism of the first cholera epidemic in Moscow in 1830. The author's reconstruction of two possible types of memory depending on the type of historical sources is presented: current or retrospective.

REFERENCES

Assman A. *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika*. Moscow, 2018.

Д. А. Левчик

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПАНДЕМИЙ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ВОПРОСОВ

Ключевые слова: методология истории, чума, холера, грипп, COVID-19.

Аннотация: В статье ставятся вопросы методологии изучения истории пандемий: что является предметом исследования историков при изучении пандемий, какова степень полноты источниковой базы по истории пандемий, насколько адекватны для исторического исследования термины, описывающие пандемии, являются ли события, происходившие после пандемии, ее следствием.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-202-209

Актуальность исследования пандемий в наше время не вызывает сомнения. Любое СМИ сегодня значительную часть своего времени или площади отводит анализу борьбы с пандемией коронавирусной инфекции. Принимаются решения властей всех уровней во всех странах мира (за редчайшим исключением), ограничивающие распространение вируса COVID-19. Ученые всей планеты пытаются найти решение проблем, вызванных сложной эпидемиологической обстановкой.

Историки не могут быть в стороне от этих процессов, а потому вынуждены присоединиться к исследованию пандемий.

Главный методологический вопрос, на который надо ответить, приступая к исследованию подобного рода: отличается ли технология данного исследования от других исследований?

Конкретнее:

1. Каковы особенности пандемий прошлого как предмета исследования?
2. Годен ли современный терминологический и критериальный аппарат историков для изучения пандемий прошлого?
3. В какой мере соотносится периодизация истории развития пандемий

© Д. А. Левчик, 2020

Левчик Дмитрий Александрович — доктор исторических наук (Москва); levchik63@rambler.ru

с традиционной периодизацией истории?

4. Насколько полна источниковая база об истории пандемий прошлого, и в чем ее специфика?

5. Можно ли поставить уже сейчас вопросы о полной или частичной реинтерпретации каких-либо периодов истории развития человечества? Например, периода пандемии чумы 30–50-х гг. XIV в., пандемии чумы 60-х гг. XVII в. или пандемии чумы начала XVIII в.?

Как определить для историка в данном случае предмет его исследования? Историки не врачи. Они не могут и не должны подменять медиков, биологов, эпидемиологов и любых специалистов по выявлению, лечению и профилактике заболеваний. Историки не должны спорить о симптомах, ходе болезни, лечении и передаче заболевания. Историки не должны вмешиваться в споры, например, о характере чумных пандемий. Очаговая была чума или нет. Есть ли палеоочаги чумы или нет. Что перед нами: чума, туляремия, чума и сибирская язва, геморроидальная лихорадка, вирус Эбола и т. п. — не предмет для исторического исследования. И вмешиваться в споры эпидемиологов, вирусологов, бактериологов, медиков историк не имеет права. Можно лишь отметить, что у них в трудах согласия нет! Появляется ли вредная заразная болезнь из какого-то очага («очаговая теория» появления заболеваний), или в мире появляются сразу условия для массового возникновения болезни

(«теория разлома», теория «одновременного» появления заболеваний в результате активизации «реликтовых», древних очагов болезни) — историк знать не может и не должен¹. Все версии хороши.

Правильно диагностировать чуму научились лишь в 1894 г. Есть версия, что чумы в древности не было, а в хрониках, летописях и мемуарах описывается туляремия, оспа, вирус Эбола, геморроидальная лихорадка или десятков других не менее тяжелых заболеваний. Должны ли историки вмешиваться в этот спор? Нет. Предмет исследования должен быть иной. И предмет исследования должен быть очень точно определен. Им не может быть заболевание. Для историка, изучающего пандемию, предметом исследования могут быть только социальные процессы, вызванные заболеванием. Мы изучаем поведение людей прошлого, вызванное болезнями, но не сами болезни.

Какую терминологию использовать? Вопрос не праздный. Терминология, связанная с историей пандемий, беллетризирована до предела. Что уж говорить, если самым значимым источником и исследованием по истории лондонской чумы XVII в., например, является «Дневник чумного года» Даниэля Дефо, автора бессмертного образа Робинзона Крузо! А современным историкам надо отделить зерна терминологии исторического исследования о пандемиях от плевел беллетристики и мемуаристики. Насколько адекватны, например, термины «афинская чума», «киприанова чума», «галенова чума», «юсти-

¹ Подробнее о перечисленных теориях см.: (Супотницкий б/д 1).

нианова чума», «черная смерть»? Можно ли вообще называть период с IV по VII в. временем «юстиниановой чумы»? Особенно если основная часть заболевания проходила не на территории Византийской империи и не во времена Юстиниана? Не пора ли историкам выработать единый терминологический аппарат, исключая спорные термины со спорной периодизацией. То же самое можно сказать и о любом упомянутом заболевании. Может быть, историкам надо найти иные термины для обозначения этих явлений?

Думается, что пора поставить вопрос и об иной периодизации исторических эпох. Если посмотреть на всю историю человечества, положив в основу критерий взаимоотношения человека с болезнетворными бактериями и вирусами, то мы, очевидно, увидим три периода, три эпохи: эпоху чумы, эпоху холеры и эпоху гриппа. Можно ли назвать эпохой чумы период со времен Античности до начала XIX в.? В тот период чума была главным врагом человека и косила его ряды поболее, чем любая армия любого завоевателя. Смерть от чумы в то время — страшная смерть. И чума воспринималась многими как злой рок, плата за грехи, Божья кара. Можно ли назвать эпохой холеры время с начала XIX в. по начало века XX? Пять пандемий холеры в те годы (1817–1824, 1826–1837, 1846–1860, 1863–1875, 1881–1896) вынуждают признать первенство холеры по уничтожению людей того времени. Шестьдесят один год холерной пандемии в XIX в.! Наконец, не возникла ли на наших глазах в XX в. эпоха гриппа? Человечество вроде нашло от него лекарство, но вирус

гриппа — хитрый мутант. Он почти ежегодно подкидывает нам свои новые неизвестные разновидности. И убивает людей. Не знаю, наступит ли эпоха ковида. Хотелось бы верить, что нет. Не наступит. Но, мне кажется, что нельзя отрицать эпохи чумы, холеры и гриппа.

Источниковая база исследований о древних заболеваниях состоит из археологических данных и данных письменных источников. В чем специфика археологических данных о пандемиях прошлого? Они опасны физиологически. Никто не может потребовать от археологов проведения раскопок чумных или холерных кладбищ, никто не потребует эксгумации, например, мощей святого митрополита Феогноста в Успенском соборе, скончавшегося от чумы 1353 г. Это небезопасно. Корпус письменных источников о пандемиях прошлого вряд ли увеличится. Полагаю, что источниковая база изучения истории пандемий в настоящее время полна. Просто потому, что расширить ее всерьез мы не сможем.

Можно ли в связи с этим поднять вопрос об острой необходимости reinterpretации известных данных источников? Может быть, стоит серьезнее отнестись к самым необычным сообщениям источников о начале пандемии чумы XIV в., даже к самым экстравагантным, даже таким: «На востоке, рядом с Большой Индией, огонь и вонючий дым спалили все города», а «между Китаем и Персией пошел сильный дождь из огня, падавший хлопьями, подобно снегу, и сжигавший горы и долины со всеми жителями», и сопровождаемый зловещим черным облаком, которое

«кто бы ни увидел, тот умирал в течение половины дня»?² Может быть, это описание какой-то природной катастрофы, породившей пандемию чумы?

Возможно, многим исследователям, античникам и медиевистам, а также специалистам по Новой истории придется пересмотреть часть критериального аппарата исследований в части изучения факторов, влияющих на историю человечества. Возможно, стоит признать эпидемиологический фактор не дополнительным или незначительным (как в подавляющем большинстве общих работ по истории древности, Средневековья и Нового времени), а как решающий?

Может быть, пора говорить о необходимости реинтерпретации традиционных и устоявшихся взглядов на исторические периоды, в которых были отмечены пандемии, однако при исследовании которых решающими факторами развития считаются военно-политические и социально-экономические? Не исключено, что, говоря о постпандемийном времени, мы будем вынуждены пересмотреть известный силлогизм о том, что последовательность событий не означает наличие причинно-следственных связей между ними. Может быть, после пандемий происходит обратное? Современные события нам говорят, что это именно так! А почему в древности должно быть иначе?

а. И потому, например, мы имеем право поставить вопрос о том, что

кризис и распад империи Юань, наследницы империи Чингиз-хана, которой в начале XIII в. принесли оммаж и правители Персии, и ханы Золотой Орды (а следовательно, и Руси), связан с пандемией чумы, т. к. произошел в 60-е гг. XIV в. после пандемии чумы 40-х гг. того же века. И не пандемия ли является главной причиной этого распада?

б. Можем ли мы поставить вопрос о том, что монголы потеряли основную массу своих боеспособных войск и отчасти управляемости империей во время пандемии? Известно же, что в 1331 г., согласно китайским источникам, от чумы катастрофически пострадали провинция Хэбэй и Хэнань, в которых умерло 90% жителей. Это был удар в самое сердце империи Юань. Потом почти вымер зачумленный восточный и центральный Китай. Арабский историк Аль-Макризи писал: «Триста племен сгинуло без ясной на то причины в своих зимних и летних лагерях... и шестнадцать представителей ханского рода умерло вместе с Великим Ханом и шестью из его детей. Посему Китай совершенно обезлюдел»³. Известно, что от чумы умер в 1332 г. император и великий хан Туг-Тэмур. Наступила сумятица, частичный управленческий паралич.

с. Можно ли поставить вопрос о том, что именно пандемия чумы прервала нормальную связь между регионами указанной огромной империи? О том, что Великий шелковый путь перестал функционировать, ибо в 1338–1339 гг. была заражена тер-

² Это очень часто цитируемый отрывок. См., например: (*Сутоницкий б/д 2*).

³ Цит. по: (*Бодров б/д*).

ритория в районе озера Иссык-Куль, а в 1340 и 1341 гг. вспышки чумы произошли на маршруте Великого шелкового пути в Беласагуне и Таласе на территории современной Киргизии?⁴

d. Можно ли рассматривать уход баскаков с Руси в 40-е гг. XIV в. как событие, произошедшее после пандемии чумы, или как следствие чумы и прерывания нормальной связи между регионами империи?

e. Можно ли сказать, что «великая замятня» в Золотой Орде вызвана предшествующим кризисом коммуникаций в империи и частичным управленческим параличом, а уход монголов из ранее пострадавших от чумы районов Средней Азии в 60-е гг. XIV в. — следствие пандемии чумы? Или это — события после пандемии чумы?

f. Можно ли утверждать, что восстание красных повязок в Китае и вытеснение в Монголию династии Юань в 60-е гг. XIV в. — события после пандемии чумы, или это все же следствие пандемии?

g. И, наконец, не выполняла ли Великая Китайская стена, реставрированная во времена империи Мин, которая довела ее на востоке до Ляодуна, а на западе до Уйгуристана, в том числе функцию карантинного барьера? И не было ли и это тоже следствием пандемии чумы?

h. И не является ли следствием пандемии чумы XIV в. усиление на Руси реальной власти митрополита всея

Руси Алексия? Известно, что он не заразился чумой. И Владимир, его резиденция, от чумы не пострадала, что не скажешь о соседней Москве. Алексей не мог не восприниматься верующими как своеобразный эмитент блага на отсутствие заболевания. Вместе с преклонением перед незаболевшей личностью немедленно растет авторитет церкви, ее власть и возвышается Московское княжество, вторая резиденция Алексия.

i. Не стал ли перерыв в Столетней войне (точнее — в Эдвардианских войнах) в 1347 г. следствием пришедшей в Европу чумы? Очевидно, что да, стал!

j. Не является ли усиление королевства Арагон, последовавшее после вымирания от чумы рода Рендаццо (Джовани и Федерико Афинского и Неопатриоского и Людовика Сицилийского) и последующего присоединения к Арагону огромных по европейским меркам территорий (Сицилии и Афин), следствием чумы? Это же изменило баланс сил на Иберийском полуострове! Арагон усилился настолько, что стал по мощи равен Кастилии!

k. Не являются ли смерти от чумы принцесс: Бонны Люксембургской, Элеоноры Португальской и Иоанны Английской — причинами кризиса в международных отношениях между Англией, Францией, Кастилией и Португалией? Известно, что после битвы при Креси французы начали искать поддержки у набравших в ту пору силу богемских Люксембургов. Это они делали через супругу фран-

⁴ (Фукалов б/д)

пузского дофина Бонну, что из рода Люксембургов, жену будущего короля Иоанна II Доброго. Но в 1348 г. от чумы Бонна умерла. Союз Франции и Люксембургов фактически прервался. Этим воспользовался английский король Эдуард III, он заключил с теми же Люксембургами союз, отказавшись от короны императора Священной Римской империи, на которую с 1346 г. претендовали Люксембурги. И тогда же англичане начали искать возможность ударить по французам с юга, начали искать поддержки у кастильцев, попытались заключить брак английской принцессы Иоанны и кастильского принца Педро. Но опять вмешалась чума. В том же 1348 г. от чумы умерла принцесса Иоанна Английская. Союз Кастилии и Англии не удался. В это же время Арагон в союзе с Португалией уже готов был начать войну с Кастилией. Поручкой союзу была свадьба португальской принцессы Элеоноры и престарелого короля Арагона Педро IV. Но и тут вмешалась чума. Бедняжка Элеонора умерла в 1348 г. У арагонцев планы тоже сорвались. Наступил кризис международных отношений основных участников Столетней войны.

1. Не являются ли прекращение авиньонского пленения пап, а также Великая западная схизма — следствием пандемии чумы? Папы ведь смогли добиться своего освобождения только после того, как у них появились колоссальные деньги от жертвователей в дни чумы. Говоря же о Великой западной схизме, следует отметить очевидный факт, что, если посмотреть на карту Европы во время Великой западной схизмы 1378–1416 г., то станет оче-

видно, что авиньонских пап (Урбана VI, Бонифация IX, Иннокентия VII и Григория XII) в основном поддерживали те страны, где чума вспыхнула раньше и была очень страшной (Франция, Шотландия, Кастилия, Арагон, Кипр, Неаполь), а римских (Клементя VII и Бенедикта XIII) в основном те страны, где пандемия началась позже и была менее жестокой (Венеция, Генуя, Тоскана, Пьемонт, Австрия, Литва, Польша, Англия, Ирландия, Дания).

м. Можно ли говорить о том, что взлет династии Люксембургов и создание супергосударства, объединившего не только Священную Римскую империю германской нации, но еще и Хорватию, и Венгрию, — следствие пандемии чумы? Общеизвестно, что, узнав, что в Азии — чума и что пандемия идет в Европу, в 1348 г. Карл IV Люксембург основывает Пражский университет с лучшим медицинским факультетом, а в 1350 г. — строит бальнеологический комплекс на целебных источниках в Карловых Варах. Пусть небольшая, но защита от чумы. Результат налицо — в Чехии (Богемии) чумы не было. Папство предусмотрительность Карла оценило! Римский папа полностью поддержал Карла, и в 1355 г. тот стал императором Священной Римской империи!

п. Ну, и разве не следствием пандемии чумы уже 60-х гг. XVII в. является Андруссовское перемирие, оставившее в юрисдикции Речи Посполитой огромные территории, ранее захваченные Россией? Московия приобрела всего лишь Северские земли со Смоленском, да Киев, может быть потому, что царь Алексей

Михайлович, возможно, просто не захотел включать в состав своего государства зачумленные территории Правобережья.

о. Можно ли говорить, что именно пандемия чумы начала XVIII в. изменила ход Северной войны? Зная о чуме в Прибалтике, Карл XII шведский, который к тому времени уже разбил Данию, почти разгромил Саксонию и щелкнул по носу России при Нарве, все же не решился наступать на Московию через Пруссию, а приказал Адаму Левенгаупту эвакуировать шведский прибалтийский корпус из Риги и ближайших регионов, а своим войскам идти южнее, по незачумленной Украине. И, сделав окружной маневр, объединившись с казаками Мазепы, турками и татарами (он был уверен, что французы уговорят султана вступить в войну, ведь он столько крови пролил за французского претендента на польский трон!), нанести сокрушительный удар по ненавистному Петру I. Не удалось. Последовала сначала битва под Лесной, где прибалтийский корпус шведов в бою с петровской армией потерял половину личного состава и весь обоз с артиллерией, а потом Полтава, где сам Карл XII был разгромлен. Проигрыш Швеции в войне стал вопросом времени. И можно ли утверждать, что в самой Прибалтике шведские войска добил «генерал чума»?

р. А можем ли мы реинтерпретировать оценку холерных и чумных бунтов XVIII–XIX вв.? Не являются ли эти бунты предшественниками ковидодиссидентства, социального движения отрицателей пандемии, сторонников конспирологическо-

го взгляда на историю, считающих пандемию коронавируса — крупной пиар-кампанией, служащей для создания новой системы эксплуатации человека человеком? Можем ли мы говорить о наличии пандемиодиссидентства как социального движения последних трех столетий? И если есть ковидодиссидентство как современная форма пандемиодиссидентства, то не стоит ли ожидать появления пандемиодиссидентской историографии, апологетически оценивающей участников холерных и чумных бунтов? Возможно, в ближайшее время историки России вынуждены будут пересмотреть свой взгляд на истоки и смысл русского революционного движения в XIX в. и обратят внимание, что одной из основных ударных антиправительственных сил в то время были восставшие в военных поселениях и горожане-участники холерных и чумных бунтов. Севастополь, Тамбов, Старая Русса, Нижний Новгород... — вот далеко не полная география, например, бунтов 1830–1831 гг. Восстание мастеровых флотских экипажей в Севастополе, гарнизона Тамбова, военно-рабочего батальона в Старой Руссе, бунт в первой гренадерской дивизии. Солдатская и мещанская революционность была через край! Города люди захватывали, альтернативную судебную власть учреждали! Были недели городской герильи и в Тамбове, и в Старой Руссе. А Севастополь — просто революционный город! И наличие десятки казненных в результате, сотни запоротых шомполами, тысячи сосланных! *И это — период «дворянской революционности»?!* Возможно, наряду с поэтом подпоручиком декабристом Рылеевым, который был не в силах организовать государственный

переворот в Петербурге, появятся исследования о жизни и деятельности поручика Соколова, пандемиодиссидента, удачно захватившего власть на несколько дней в Старой Руссе?

Уважаемые друзья! Я никогда в жизни не писал статью, в которой ставится более двадцати пяти исследовательских вопросов. И я не желаю слыть реинтерпретатором истории, неуважительно относящимся к своим предшественникам. Нет! Однако мое (и наше) преимущество (впрочем, весьма сомнительное) состоит всего лишь в том, что до конца 2019 г. все мы, историки, жили в допандемийное время. И нашим предшественникам не были очевидны многие вещи, которые очевидны нам. Большая часть нашего поведения сейчас определяется страхом перед коронавирусом. Возможно, специально созданным страхом. Возможно, преувеличенным страхом. Но от этого он не перестает быть социально стрессующим фактором развития человечества. И потому я пытаюсь

сформулировать важные вопросы об исследовании истории пандемий. Честно и, как мне кажется, профессионально. И именно потому я настаиваю на актуальности поставленных мной вопросов, хотя и допускаю отрицательный ответ научного сообщества на большинство из этих вопросов или даже на все.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Бодров б/д — Бодров А. История эпидемий. От черной чумы до covid-19. URL: lovereadr9.mostop.ru/read_book.php?id=88001&p=24.

Супотницкий б/д 1— Супотницкий М.В. «Черная смерть»: Механизм пандемической катастрофы. URL: www.supotnitskiy.ru/stat/stat8.htm.

Супотницкий б/д 2 — Супотницкий М.В. «Черная смерть». К загадкам пандемии чумы 1346–1351гг. URL: www.supotnitskiy.ru/stat/stat9.htm.

Фукалов б/д — Фукалов И. Как умирал город Баласагун. URL: kghistory.akipress.org/unews/un_post:16750?from=portal&place=last&b=1.

THE METHODOLOGY OF HISTORY, PLAGUE, CHOLERA, FLU, COVID-19

Levchik Dmitry A. — doctor of historical Sciences (Moscow)

Key words: The methodology of history, plague, cholera, flu, COVID-19

Abstract: Features of studying the social consequences of pandemics in the history of mankind. Statement of research questions. This article raises the questions about methodology of studying the history of pandemics: what is the subject of research of historians in the study of pandemics; how adequate is the source base of the pandemics history; how adequate is the pandemics terminology for historical research, are the events that occurred after the pandemic its consequence.

Т. М. Фадеева

Рец.: *Стросс-Шом А.* Теневой император. Биография Наполеона III (Strauss-Schom A. The shadow emperor. A biography of Napoleon III. St Martin press. N. Y., 2018. 597 p.)

Ключевые слова: историческая биография, новая история Франции, Наполеон I, Наполеон III, Бисмарк, франко-прусская война, французский колониализм.

Аннотация. Рецензируется новейшая биография французского императора Наполеона III, принадлежащая перу известного американского историка. DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-210-214

Алан Стросс-Шом, американский историк, лауреат Пулитцеровской премии, работает в жанре исторической биографии, основанной на документально подтвержденных фактах, и подчеркивает свое неприятие «мифов, замалчиваний, искажений исторической правды ради поддержания “национальной славы” или репутации признанных героев». Его перу принадлежит и биография Наполеона I, на которую он ссылается и в рецензируемой книге, сопоставляя вклад обоих Наполеонов в историю своей страны и достижения, связанные с именем каждого из них. Его выводы заметно отличаются от подхода многих французских и других западных историков. По его наблюдению, вокруг обоих имен сложилась так называемая «наполеоновская

клиентура», к которой относятся в том числе известные французские историки, готовые «отвергать и замалчивать хорошо задокументированные исторические факты, чтобы апеллировать к массовому общественному мнению, каким бы истеричным или необоснованным оно ни было» (р. 14). В своей биографии Наполеона Бонапарта Стросс-Шом подчеркнул, что, несмотря на возражения доминирующей сейчас школы французских историков, факты свидетельствуют о том, что этот прославленный полководец жил прежде всего ради войны и оправданием его существования служили одна военная кампания за другой, вплоть до разгрома на полях Ватерлоо. Далее он напоминает о том, что последовательные вторжения Напо-

© Т. М. Фадеева, 2020

Фадеева Татьяна Михайловна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия); fadeewat@yandex.ru

леона терроризировали всю Европу; во время его славного правления происходило разрушение сотен городов и деревень, в результате чего сотни тысяч людей остались без крова и стали беженцами, три миллиона мужчин погибли, а десятки тысяч женщин и девочек были изнасилованы. Показательно, что Томас Джефферсон, автор Декларации независимости и третий президент Соединенных Штатов, осуждал Бонапарта как «разрушителя» и «тирана».

После падения Наполеона в 1815 г. и изгнания клана Бонапартов вопрос о судьбе его наследия оставался открытым. Наследник Бонапарта не мог не появиться, но, конечно, совершенно в ином обличье. Наполеон III хотел превзойти делами своего знаменитого дядю, Наполеона I. В своей книге о «теневом императоре» А. Стросс-Шом, сопоставляя фигуры дяди и племянника, отдает пальму первенства наследию Наполеона III. «Теневой император» можно назвать первой крупной биографией Луи Наполеона, написанной в Соединенных Штатах.

В случае с Наполеоном III, историк имеет дело с совершенно другой личностью, чем Наполеон I. Оставаясь в тени своего великого дяди, но высоко почитая его имя и достижения, Луи Наполеон тем не менее питал свои собственные юношеские надежды на то, что в один прекрасный день в его лице появится новый, совсем другой, но не менее достойный Бонапарт. По иронии судьбы, однако, Луи Наполеон практически отвергал почти все, что отстаивал его дядя, начиная с военной службы. Наполеон I был любителем войны,

блестящим военным офицером, который в мирное время чувствовал себя не у дел. Восхваляя армию, его племянник Луи Наполеон сам не был компетентен в военном деле. В период пребывания его у власти и не было никаких новых «наполеоновских войн» с целью расширения территории Франции.

Зато он достиг немалых успехов в мирное время, в деле восстановления и модернизации Франции, ее экономики, торговли и промышленности, ее образования, науки, городского развития и сельского хозяйства. В начавшуюся эпоху «колониализма» колониальные проекты Луи Наполеона восхвалялись партией императора и французскими военными и встречали сопротивление со стороны социалистов. Он расширил национальные французские железные дороги, чтобы они соответствовали английским; создал новые крупные трансокеанские пароходные линии и новый современный флот; ввел целый новый банковский сектор, поддерживаемый, казалось бы, неограниченным венчурным капиталом, а также наделил полномочиями новые мощные государственные и частные банки; наконец, полностью перестроил центр Парижа, улицу за улицей.

Неустанно провозглашая лозунг «империя выступает за мир», Наполеон III, как нам напоминает биограф, допустил, однако, дипломатические ошибки и не избежал войн. Прежде всего он втянул не готовую в военном отношении Францию в «ненужную», согласно оценке автора, Крымскую войну, которая в конечном счете принесла очень мало

пользы; далее последовало «еще более бессмысленное вторжение» в Мексику (вопреки его собственному здравому смыслу). В то же время успешная военная поддержка им войск Виктора Эммануила в Италии против австрийцев имела позитивный результат, освободив страну от австрийской оккупации и положив начало созданию современного независимого государства Италии. В конечном счете если Наполеон I хотел, чтобы его помнили за его великие победы на поле боя, то Луи Наполеон хотел, чтобы его ценили и помнили за масштабные преобразования мирного времени и проекты, которые он планировал и осуществлял для страны.

Наполеон I, напоминая нам биограф, вырубил национальные леса, чтобы построить форты и военные корабли, в свою очередь Луи Наполеон восстановил леса страны, которые пошли на строительство домов, оживилась торговля. Наполеон I включил школы в жесткую, управляемую военными государственную систему, чтобы удовлетворить свои потребности в кадрах для армии и национальной администрации. Луи Наполеон отменил этот режим и значительно расширил учебные программы, чтобы удовлетворить потребности современного нового мира, который он создавал. При этом он делал упор на изучение новейшей истории и современной науки. Наполеон I фактически довел Францию до банкротства, опустошив казначейство и практически уничтожив национальные банки и торговлю, чтобы финансировать свои военные кампании. Напротив, Луи Наполеон поощрял широкое развитие

торговли и промышленности, чему способствовало открытие государственной и частной казны, а также появление новых банковских систем и кредитных учреждений, доступных широкой публике. Наполеон I мало интересовался сельским хозяйством, если не считать введения сахарной свеклы для замены регулярного источника поставок тростникового сахара из Вест-Индии, отрезанного его собственными войнами против Англии. Старые породы крупного рогатого скота, овец и лошадей вымиранили, и этот процесс был резко обращен вспять благодаря интенсивным программам, разработанным Наполеоном III. Луи Наполеон ввел новейшие сельскохозяйственные методы, создав многочисленные образцовые фермы, а также поддержал Луи Пастера и других ученых в их исследованиях. Он также поддержал создание банковских кредитных учреждений государственного и частного секторов для развития и расширения сельского хозяйства. Миллионы акров пустошей и болот были превращены в сельскохозяйственные угодья, причем в то время, когда не было ни общественного экологического интереса, ни спроса на такие государственные программы. В результате его решимости резко возросло производство кукурузы и пшеницы, а также производство вина в стране.

Условия жизни и труда рабочего класса, полностью игнорируемые Наполеоном I, стали, как пытается доказать американский исследователь, пожизненной заботой Наполеона III. Многолюдные средневековые многоквартирные дома, загрязненная питьевая вода, а также

отсутствие санитарных сооружений и канализации приводили к десяткам тысяч смертей только в Париже каждый год. Луи Наполеон сровнял с землей примерно треть Парижа, поощряя современные, просторные новые здания с чистой питьевой водой и санитарными удобствами, хотя мало что было сделано для замены жилья для рабочих семей, перемещенных в результате этого преобразования Парижа. В то же время обширная программа восстановления столицы обеспечивала занятость многим десяткам тысяч безработных. Луи Наполеон также ввел долгосрочные программы создания рабочих мест и пенсионного обеспечения по старости для рабочего класса, не говоря уже об обязательном образовании на уровне начальной школы. Физико-химические науки также получили большое поощрение благодаря новым источникам финансирования и премиям, и по всей стране были построены новые специализированные больницы.

Автор напоминает и о том, что Луи Наполеон запустил впечатляющую программу судостроения, представив первый в стране паровой броненосный флот, уступающий только британскому Королевскому флоту в силе, но превосходящий англичан в современной артиллерии. Он ввел первую общенациональную электрическую телеграфную связь. Одновременно он с энтузиазмом поддерживал и поощрял быстрое развитие первой в стране всеобъемлющей железнодорожной сети, связывающей Париж со столицами остальной Европы, не говоря уже о средиземноморских портах. Это, в свою очередь, способствовало запуску первых

международных французских паровых линий, обеспечивающих регулярное сообщение с Америкой, Северной Африкой, Ближним Востоком и растущими французскими колониями в Азии, включая Индокитай и Новую Каледонию, что одновременно ускорило и расширило французское колониальное развитие, столь восхвалявшееся в XIX в. Войны Наполеона I уничтожили большую часть международной торговли; в противовес этому Наполеон III теперь оказывал ей полную поддержку, включая договоры о свободной торговле с Англией и со своими континентальными соседями. Хотя Алжир стал центром его колониальных «мечтаний», он был обречен обернуться долговременной катастрофой для алжирцев, как и для самой Франции. Сообщения о жертвах росли, армию приходилось увеличивать, и алжирская война в конечном счете приведет к полному выводу французов из всей Северной Африки.

Неверное представление Луи Наполеона о международных делах невольно приводило его несколько раз к столкновениям с Англией и, намеренно, с Пруссией, чья растущая мощь внушала опасения. И здесь мы сталкиваемся с еще одним, заключительным проявлением «иронии судьбы», ибо летом 1870 г. Бисмарк в последний раз оказался в состоянии начать свое долгожданное вторжение во Францию, которое зависело от тесного сотрудничества трех человек — Бисмарка, Мольтке и Роона. При этом только кайзер имел право объявить войну Франции, а он был в достаточно покладистом настроении. Таким образом, как показывает

биограф, только сочетание конкретных обстоятельств позволяло Бисмарку действовать. Наполеон III находился под влиянием министра иностранных дел Грамона и фактически сыграл на руку Бисмарку. Год спустя, считает автор, ситуация неизбежно была бы совершенно иной, и «оправданная война», а также вторжение во Францию, скорее всего, были бы совершенно невозможны. Для отчаянного Отто фон Бисмарка июль 1870 г. стал последним шансом начать войну, без которой он никогда не смог бы объединить германские государства в создании Прусской империи. А без этого Германия никогда бы не объявила войну и не вторглась во Францию в 1914 г.

Очень динамичный и требовательный Наполеон I доминировал в созданной им империи, в то время как гораздо менее энергичный и эгоистичный Луи Наполеон счастливо оставался в тени той самой империи, которую он, в свою очередь, создал.

И все же, несмотря на некоторые ошибки в суждениях, явный недостаток организаторских способностей и порой необъяснимую нерешительность, этот внешне спокойный, добродушный Луи Наполеон в конечном счете добился для Франции, как на большом материале показывает его американский биограф, гораздо большего, чем блестящий, чванливый солдат Наполеон I. Его Вторая империя превратила Францию в одно из самых процветающих, современных и прогрессивных государств Европы. Редко в истории какой-либо страны выпадает на долю одного главы государства столь радикально изменить лицо и будущее всей стоящей за ним цивилизации, вывести свою страну и ее инфраструктуру из старого традиционного века в процветающий современный век. Луи Наполеон Бонапарт, которого французская историография столь долго оставляла в тени его блистательного дяди, стал, по мнению американского историка, именно таким человеком.

Rev.: Strauss-Schom A. The shadow emperor. A biography of Napoleon III. St Martin press. N. Y., 2018. 597 p.

Fadeeva Tatyana M. – candidate of historical Sciences, leading researcher at the Institute of scientific information on social Sciences (INION), RAS (Moscow, Russia)

Key words: historical biography, new history of France, Napoleon I, Napoleon III, Bismarck, Franco-Prussian war, French colonialism.

Abstract. The latest biography of the French emperor Napoleon III, written by a well-known American historian, is reviewed.

ШАРЛЬ МОРРАС И «ACTION FRANÇAISE» В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ключевые слова: Шарль Моррас, Action française, французский национализм, правые во Франции, коллаборационизм, нацистская оккупация Франции, режим Виши.

Аннотация. В обзоре показано отражение в современной французской историографии деятельности правого французского публициста Шарля Морраса и возглавляемого им движения «Action française».
DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-215-223

После осуждения французским судом в начале 1945 г. и до конца XX в. писатель и публицист Шарль Моррас (1868–1952), окончательно ставший политически одиозным персонажем, редко привлекал внимание представителей французской системной (академической и университетской) науки, а если привлекал, то преимущественно в неполитических аспектах своей деятельности — как писатель и критик, провансальский регионалист и «знатный земляк» (отдельная тема — отношения с католической церковью) (*Roudiez* 1957; *Nguyen* 1991; *Études maurrassiennes*

1972–1986)¹. За пределами системной науки апологеты-роялисты пропагандировали Морраса как теоретика монархии и интегрального национализма и указывали на несправедливость его обвинения в «сотрудничестве» с нацистами в годы Второй мировой войны (*Mourre* 1953, 1958; *Leclerc* 1974; *Wagner* 2002; *Pujo* 2004; *Algoud* 2004–2008; *Maurras* 1960–1979)². Противники, в основном «слева», акцентировали внимание на поддержке Моррасом маршала Петэна и сотрудничестве с режимом Виши, на антисемитизме и выступлениях против республики,

© В.Э. Молодяков, 2020

Молодяков Василий Элинархович — кандидат исторических наук, доктор философии (Ph. D), доктор политических наук, профессор Международного института японской культуры Университета Такусёку (Токио), ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва — Токио); dottore68@mail.ru

¹ Исключением является книга об идеологии «Action française»: (*Capitan-Peter* 1972) — ныне интереса не представляющая.

² Здесь опубликовано много ценных материалов.

объявляя его «фашистом»³. Огромный объем наследия Моррасса, охватывавшего почти семь десятилетий, позволял подобрать цитаты почти к любому из утверждений, особенно если игнорировать эволюцию его идей и не придавать значения контексту.

Следует признать, что в прошлом веке наиболее значимые аналитические работы о Моррассе написаны его сторонниками, прежде всего «поздними моррассианцами» (Анри Массис, Пьер Бутен, Жан Мадиран, Пьер Паскаль, Роже Жозеф) (*Massis* 1961; *Boutang* 1993; *Madiran* 1992; *Pascal* 1986; *Joseph, Forges* 1953; *Vatré* 1978⁴). Мимо их книг, где много внимания уделено изложению и анализу политических идей Моррасса, не должен пройти ни один исследователь, хотя необходимо помнить о тенденциозности авторов. В сравнении с ними книги критиков Моррасса, включая диссидентов «Action française» (Эмманюэль Бо де Ломени, Жан де Фабрег, Джеймс Мак-Керни) (*Beau de Loménie* 1953; *de Fabrègues* 1966; *MacCearnay* 1977), проигрывают в отношении как фактической точности, так и глубины анализа, не говоря опять же о тенденциозности. Книга Ива Широ́на «Жизнь Моррасса» (1991; доп. изд. 1999) (*Chiron* 1999) остается лучшей биографией, наиболее полной и точной в фактическом отношении.

На рубеже веков положение стало меняться: системная наука обрати-

ла внимание на политические идеи Моррасса и продемонстрировала стремление анализировать их «без гнева и пристрастия». Первой ласточкой процесса по реабилитации политического наследия Моррасса как допустимой темы исследований, без необходимости «извиняться» за обращение к нему, но с неизбежной критикой его отдельных положений, можно назвать книгу доктора истории Бруно Гойе «Шарль Моррасс» (2000) (*Goyet* 2000), выпущенную престижным издательством «Presses de Science Po», хотя как биография она заметно уступает работе Широ́на. Эссеист и философ, доктор литературы Стефан Жоканти, посвятивший диссертацию Моррассу как деятелю провансальской литературы, анализировал его идеи в книге «Моррасс. Хаос и порядок» (2006, 2008) (*Giocanti* 2006, 2008)⁵. Лоран Жоли, исследователь из университета Кан-Нормандия, специализирующийся на истории режима Виши и французского антисемитизма, выпустил тщательно документированную, хотя и спорную в отдельных выводах монографию «Рождение “Action française”». Морис Баррес, Шарль Моррасс и крайне-правые националисты на рубеже XX века» (2015) (*Joly* 2015). Симпатизирующий Моррассу историк и философ Аксель Тиссеран опубликовал его ценную в историческом и интеллектуальном отношении переписку с учителем и старшим другом, аббатом, позднее епископом Жаном-Батистом Пеноном (2007), составил вместе с С. Жоканти посвя-

³ Преимущественно в работах общего характера или в коллективных трудах. Из книг см.: (*Fédida* 2015).

⁴ Ватре также автор книги о Л. Доде.

⁵ Он также автор книги о П. Бутене.

ценную Моррасу антологию в серии «Cahier de l'Herne» (2011) и выпустил книгу «Актуальность Шарля Морраса. Введение в политическую философию нашего времени» (2019) (Dieu et le roi 2007; de l'Herne 2011; Tisserand 2019)⁶. Упомяну также работу историка Франсуа Югенена, не принадлежащего к академической среде, «Action française. Интеллектуальная история» (2011) (Huguenin 2011)⁷.

На новом этапе изучения Морраса и возглавлявшегося им монархического движения «Action française» особую роль сыграл профессор университета Сорбонна (ранее университета Поля Верлена в Меце) Оливье Дар, которого можно назвать если не руководящей, то направляющей и организующей силой современного французского моррасоведения. Под его руководством проведен ряд научных конференций и выпущены сборники статей по их итогам, включая посвященные идеологам французского национализма Жаку Бенвилю и Морису Барресу (Charles Maurras... 2009; Le maurrassisme... 2010; Bainville 2010; Maurice Barrès... 2011; Maurrassisme et littérature 2012; и др.). В 2013 г. Дар опубликовал книгу «Шарль Моррас. Вождь и действие», переизданную в феврале 2019 г. под заглавием «Шарль Моррас. Интегральный националист» (Dard 2019). В сентябре 2019 г. увидела свет монография профессора университета Лотарингии в Меце Мишеля Грюнвальда «От “Франции прежде всего” к “одной только Франции”». “Action française” перед лицом

национал-социализма и Третьего рейха» (Grunewald 2019), которую вместе с книгой Дара можно считать последним словом французской науки о Моррасе.

Грюнвальд — специалист по германской культуре и германо-французским интеллектуальным связям, автор биографии и библиографии Клауса Манна, книги о политической философии Артура Мёллера ван ден Брука, соредатор ряда сборников по данной проблематике. В предисловии он указал, что посвятил ее изучению около 30 лет, из которых 15 лет в «интенсивном и углубленном общении» с Даром.

Обращаясь к работе Грюнвальда, следует прежде всего уяснить, что «Action française» здесь означает не политическое движение, но его одноименную ежедневную газету, которую мы во избежание путаницы будем называть *L'AF*. Более точный подзаголовок книги мог бы звучать «Национал-социализм и Третий рейх на страницах “L'Action française”», поскольку она, кроме первой главы, представляет собой информативную, но далеко не исчерпывающую тематическую подборку цитат из газеты, комплект которой проработан исследователем.

Тематически и хронологически первая часть книги Грюнвальда «Перед лицом “дурного договора”. 1923–1939» (точнее, до поражения Франции в 1940 г.) частично совпадает с написанной независимо от нее монографией автора этих строк «Шарль

⁶ С последней я не имел возможности ознакомиться.

⁷ Ранее он выпустил ценное исследование под настоящей фамилией: (Maillot 1991).

Моррас и «Action française» против Германии: от кайзера до Гитлера» (М., 2020; вышла в ноябре 2019 г.). Выводы Грюнвальда: о неизменно антигерманской позиции «Action française» (не только газеты, но, добавим, и движения), о его постоянной кампании за перевооружение Франции, о неверности трактовки его позиции как «ультрамонхенской» и «пораженческой» в предвоенные годы и как «рупора петэнизма» в годы Виши, о поддерживавшемся им культе маршала как форме противостояния оккупантам, о его борьбе против создания единой партии по фашистскому или нацистскому образцу — все они имеют тем большую ценность, что не просто опровергают расхожие утверждения, присутствующие и в российской литературе, но делают это на основании солидной доказательной базы. С выводами и аргументацией автора необходимо считаться.

Помимо «столпов» *L'AF* — самого Морраса, Леона Доде, Мориса Пюжо и Жака Бенвиля, Грюнвальд обильно цитирует обозревателей газеты Жана Дельбека и Жозе Ле Буше, но обходит вниманием идеи и высказывания молодых моррасианцев 1930-х гг. Робера Бразийяка и Тьерри Монье, а также Анри Массиса, который вместе с Бенвилем редактировал журнал «*La Revue universelle*», «дочернее предприятие» движения. В соответствии с избранной методологией, французский историк оставил за пределами книги важные для понимания проблемы высказывания тех, кого можно назвать «попутчиками» движения (Анри Бери, Анри Бордо), или его критиков (Жорж Бернанос, Луи-Фердинанд Селин, не говоря о противниках «слева»).

Главный недостаток книги Грюнвальда — отсутствие идейного и политического контекста эпохи. Чтобы понять, чем были вызваны те или иные высказывания и поступки ее героев, необходимо постоянно держать в голове подробности политической жизни Франции и Германии 1930-х гг. или иметь под рукой обстоятельный справочник. Ученый проигнорировал такие ключевые для истории «Action française», да и всей Франции, события, как политический кризис 6 февраля 1934 г., запрет националистических лиг в начале 1936 г., гражданская война в Испании, отношения «Action française» с Ватиканом, а его реакцию на приход к власти Народного фронта фактически свел к личным нападкам на Леона Блюма. Об этом же говорит и использованная литература. В качестве базовой биографии Морраса, к которой он отсылает читателя, Грюнвальд использует книгу Дара, иногда Гоёе и Жоканти, но игнорирует гораздо более информативную работу Широна. Базовым исследованием по внешней политике Франции 1930-х гг. ему служит книга Жана-Батиста Дюрозеля «Упадок. 1932–1939» (1979), однако исключительная опора на официальную версию (Дюрозель возглавлял правительственную комиссию по изданию дипломатических документов) сорокалетней давности представляется, мягко говоря, не лучшим выбором.

Те же достоинства и недостатки присущи второй части «От поражения до Клерво. 1940–1952», которая не исчерпывает ни фактический материал, ни тем более проблемы, связанные с режимом Виши. Отрадно, что автор не ограничился периодом

издания *L'AF*, т. е. до августа 1944 г., и продолжил исследование вплоть до смерти Морраса, который не прекращал борьбу не только против обвинений в «сотрудничестве с врагом», но и против «германизма».

Если монография Грюнвальда посвящена одной конкретной проблеме, то книга Дара претендует на обобщение. Как «первую книгу о Шарле Моррасе» для современного читателя-неспециалиста и как «введение в систему Шарля Морраса», если воспользоваться заглавием эссе Поля Валери, ее можно только приветствовать. Как биография она заметно уступает работе Широна (отметив, что этот автор «не скрывает эмпатии к своему предмету», Дар как будто старался пореже упоминать его), как анализ взглядов Морраса — сочинениям того же Бутена. Адресуясь к более широкому читателю, чем Грюнвальд, Дар, с одной стороны, использовал более доступные книжные издания сочинений Морраса, а не комплект газеты *L'AF*, с другой — старался поместить изложение в широкий контекст. Цель автора — по возможности охватить все сферы идей и деятельности Морраса, что в целом ему удалось. Однако обсуждение такой важнейшей проблемы, как «Моррас и германизм», Дар начал только в главе о Первой мировой войне, чем исказил картину эволюции взглядов Морраса. Германской теме историк уделит меньше места, чем отношениям «Action française» с Ватиканом. Существенным упущением является то, что Дар полностью обошел вниманием позицию Морраса по вопросу

войны и мира в 1938–1939 гг., от «аншлюса» Австрии до начала войны, однако сделал правильный вывод: «Он остался непоколебимым германофобом и противником нацизма, который считал самой крайней формой пангерманизма» (р. 260–261). Важное достоинство книги — данный в заключительной главе анализ бытования идей Морраса в послевоенной Франции, включая споры потенциальных наследников.

Написанная объективно и академично, ни в коей мере не являющаяся апологией, книга Дара уже в первом издании была принята равнодушно. Неоморрасианцы из современного движения «Action française», претендующего на преемственность с историческим и выпускавшего газету «Action française 2000» (издание прекратилось в феврале 2018 г. из-за «финансовых проблем»; последний номер вышел под «шапкой» «Да здравствует Моррас!»), устраивали лекции и презентации автора, брали у него интервью по разным поводам. «Левая» общественность, для которой «Action française» — будь то историческое или современное — остается «наследственным врагом» (здесь это определение подходит как нельзя лучше), поспешила указать на одобрение им книги и высказываний профессора, чтобы выставить его апологетом «петэниста» и антисемита Морраса — опасное обвинение в современной Франции, особенно в адрес представителя системной науки⁸.

Кульминацией «страстей по Моррасу» стала полемика вокруг

⁸ URL: www.les-crises.fr/quand-olivier-dard-fait-preuve-dun-dangereux-laxisme-envers-maurras-antisemite-notoire/.

включения его 150-летия в официальную «Книгу национальных памятных дат» на 2018 г., составленную Верховным комитетом национальных памятных дат и одобренную министром культуры. Это вызвало в январе — феврале 2018 г. шумную кампанию «левой» прессы против его якобы «реабилитации». Министр культуры Франсуаз Ниссен отменила собственное решение и распорядилась отозвать «Книгу» из обращения, чтобы изъять оттуда двухстраничную биографическую справку о Моррасе, написание которой поручили профессору Сорбонны Оливье Дару как ведущему специалисту по теме. Не подействовали разъяснения историков — членов комитета, что «вспоминать — не значит чувствовать», и заявление Дара, что Моррас «был важной и представительной фигурой французской истории» даже с учетом его «глубокого и неизменного» антисемитизма (неупоминание антисемитизма в «Книге» стало одним из главных аргументов критики). 21 марта члены комитета в полном составе, кроме двух, подали в отставку, заявив в открытом письме министру: «Принятое вами решение исключить имя Шарля Морраса из длинного списка памятных дат, составленного нашим Верховным комитетом на 2018 г., — после того, как вы сами уже одобрили его хвалебным предисловием, — и остановить распространение “Книги национальных памятных дат” делает для нас невозможным, к нашему глубокому сожалению, дальнейшее пребывание в этом органе» (*Dard* 2019: 5–7).

Полемика вокруг академических исследований о Шарле Моррасе и «Action française» показывает, что

их идеи и деятельность не только представляют интерес для современных французов, но остаются интеллектуально и политически актуальными. В России их серьезное изучение делает лишь первые шаги.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Algoud 2004–2008 — *François-Marie Algo-ud*. Actualité et présence de Charles Maurras. Tomes 1–3. Chiré, 2004–2008.

Bainville 2010 — *Jacques Bainville*. Profils et réceptions. Olivier Dard, Michel Grunewald (dir.). Berne, 2010.

Beau de Loménie 1953 — *Emmanuel Beau de Loménie*. Maurras et son système. Vichy, 1953.

Boutang 1993 — *Pierre Boutang*. Maurras. La destinée et l'œuvre. Paris, 1993.

Capitan-Peter 1972 — *Colette Capitan-Peter*. Charles Maurras et l'idéologie d'Action française. Paris, 1972.

Charles Maurras... 2009 — Charles Maurras et l'étranger. L'étranger et Charles Maurras. Olivier Dard, Michel Grunewald (dir.). Berne, 2009.

Chiron 1999 — *Yves Chiron*. La vie de Maurras. Paris, 1999.

Dard 2019 — *Olivier Dard*. Charles Maurras. Le nationaliste intégral. Paris, 2019.

de Fabrègues 1966 — *Jean de Fabrègues*. Charles Maurras et son Action française. Un drame spirituel. Paris, 1966.

de l'Herne 2011 — *Cahier de l'Herne*. Charles Maurras. Paris, 2011.

Dieu et le roi 2007 — Dieu et le roi. Correspondance entre Charles Maurras et l'abbé Penon (1883–1928) / présentée par Axel Tisserand. Toulouse, 2007.

Études maurrassiennes 1972–1986 — Études maurrassiennes. Tomes 1–5 (6 vol.). Aix-en-Provence, 1972–1986.

Fédida 2015 — *Jean-Marc Fédida*. L'affaire Maurras. Paris, 2015.

- Giocanti* 2006, 2008 — *Stéphane Giocanti*. Maurras. Le chaos et l'ordre. Paris, 2006, 2008.
- Goyet* 2000 — *Bruno Goyet*. Charles Maurras. Paris, 2000.
- Grunewald* 2019 — *Michel Grunewald*. De la "France d'abord" à la "France seule". L'Action française face au national-socialisme et au Troisième Reich. Paris, 2019.
- Huguenin* 2011 — *François Huguenin*. L'Action française. Une histoire intellectuelle. Paris, 2011 (первое издание: À l'école de l'Action française: un siècle de la vie intellectuelle. Paris, 1998).
- Joly* 2015 — *Laurent Joly*. Naissance de l'Action française. Maurice Barrès, Charles Maurras et l'extrême droite nationaliste au tournant du XXe siècle. Paris, 2015.
- Joseph, Forges* 1953 — *Roger Joseph, Jean Forges*. Biblio-iconographie générale de Charles Maurras. T. I–II. Roanne, 1953 (переизд.: Aix-le-Provence, 1980).
- Le maurrassisme... 2010 — Le maurrassisme et la culture. L'Action française, culture, société, politique III. Olivier Dard, Michel Leymarie, Neil McWilliam (éds.). Villeneuve-d'Ascq, 2010.
- Leclerc* 1974 — *Gérard Leclerc*. Un autre Maurras. Paris, 1974.
- Roudiez* 1957 — *Léon S. Roudiez*. Maurras jusqu'à l'Action française. Paris, 1957.
- MacCearney* 1977 — *James MacCearney*. Maurras et son temps. Paris, 1977.
- Madiran* 1992 — *Jean Madiran*. Maurras. Paris, 1992.
- Maillot* 1991 — *François Maillot*. Léon Daudet, député royaliste. Paris, 1991.
- Massis* 1961 — *Henri Massis*. Maurras et notre temps. Entretiens et souvenirs / édition définitive augmentée de documents inédits. Paris, 1961.
- Maurice Barrès... 2011 — Maurice Barrès, La Lorraine, La France et l'étranger. Olivier Dard, Michel Grunewald, Michel Leymarie, Jean-Michel Wittmann (éds.). Berne, 2011.
- Maurras* 1960–1979 — *Cahiers Charles Maurras*. Nos. 1–60. 1960–1979.
- Maurrassisme et littérature 2012 — Maurrassisme et littérature. L'Action française, culture, société, politique IV. Michel Leymarie, Olivier Dard, Jeanyves Guérin (éds.). Villeneuve-d'Ascq, 2012.
- Mourre* 1953, 1958 — *Michel Mourre*. Charles Maurras. Paris, 1953, 1958.
- Nguyen* 1991 — *Victor Nguyen*. Aux origines de l'Action française. Intelligence et politique à l'aube du XXe siècle. Paris, 1991.
- Pascal* 1986 — *Pierre Pascal*. Honori et vinctæ sacrum. Chiré, 1986.
- Pujo* 2004 — *Pierre Pujo*. L'autre Résistance. L'Action française sous l'occupation. Paris, 2004.
- Tisserand* 2019 — *Axel Tisserand*. Actualité de Charles Maurras. Introduction à une philosophie politique de notre temps. Paris, 2019.
- Vatré* 1978 — *Éric Vatré*. Charles Maurras, un itinéraire spirituel. Paris, 1978.
- Wagner* 2002 — *Georges-Paul Wagner*. Maurras en justice. Étampes, 2002.

CHARLES MAURRAS AND "ACTION FRANÇAISE" IN THE CONTEMPORARY FRENCH HISTORIOGRAPHY

Molodyakov Vasily E.— candidate of historical Sciences, doctor of philosophy (Ph. D), doctor of political science, Professor of the International Institute of Japanese culture of Takuseku University (Tokyo), leading researcher of the Institute of Oriental studies, RAS (Moscow — Tokyo)

Key words: Charles Maurras, Action française, French nationalism, the right in France, collaboration, Nazi occupation of France, Vichy regime.

Abstract. The review shows the reflection in contemporary French historiography of the activities of the right-wing French publicist Charles Maurras and the “Action française” movement he headed.

REFERENCES

Axel Tisserand. *Actualité de Charles Maurras. Introduction à une philosophie politique de notre temps.* Paris, 2019.

Bruno Goyet. *Charles Maurras.* Paris, 2000.

Cahier de l’Herne. *Charles Maurras.* Paris, 2011.

Cahiers Charles Maurras. Nos. 1–60. 1960–1979.

Charles Maurras et l'étranger. L'étranger et Charles Maurras. Olivier Dard, Michel Grunewald (dir.). Berne, 2009.

Colette Capitan-Peter. *Charles Maurras et l'idéologie d'Action française.* Paris, 1972.

Dieu et le roi. Correspondance entre Charles Maurras et l'abbé Penon (1883–1928), présentée par Axel Tisserand. Toulouse, 2007.

Emmanuel Beau de Loménie. *Maurras et son système.* Vichy, 1953.

Éric Vatré. *Charles Maurras, un itinéraire spirituel.* Paris, 1978.

Études maurrassiennes. Tomes 1–5 (6 vol.). Aix-en-Provence, 1972–1986.

François Huguenin. *L'Action française. Une histoire intellectuelle.* Paris, 2011.

François Maillot. *Léon Daudet, député royaliste.* Paris, 1991.

François-Marie Algoud. *Actualité et présence de Charles Maurras.* Tomes 1–3. Chiré, 2004–2008.

Georges-Paul Wagner. *Maurras en justice.* Étampes, 2002.

Gérard Leclerc. *Un autre Maurras.* Paris, 1974.

Henri Massis. *Maurras et notre temps. Entretiens et souvenirs,* édition définitive augmentée de documents inédits. Paris, 1961.

Jacques Bainville. *Profil et réceptions.* Olivier Dard, Michel Grunewald (dir.). Berne, 2010.

James MacCearney. *Maurras et son temps.* Paris, 1977.

Jean de Fabrègues. *Charles Maurras et son Action française. Un drame spirituel.* Paris, 1966.

Jean Madiran. *Maurras.* Paris, 1992.

Jean-Marc Fédida. *L'affaire Maurras.* Paris, 2015.

Laurent Joly. *Naissance de l'Action française. Maurice Barrès, Charles Maurras et l'extrême droite nationaliste au tournant du XXe siècle.* Paris, 2015.

Le maurrassisme et la culture. L'Action française, culture, société, politique III. Olivier Dard, Michel Leymarie, Neil McWilliam (éds.). Villeneuve-d'Ascq, 2010.

Léon S. Roudiez. *Maurras jusqu'à l'Action française.* Paris, 1957.

Maurice Barrès, La Lorraine, La France et l'étranger. Olivier Dard, Michel Grunewald, Michel Leymarie, Jean-Michel Wittmann (éds.). Berne, 2011.

Maurrassisme et littérature. L'Action française, culture, société, politique IV. Michel Leymarie, Olivier Dard, Jeanyves Guérin (éds.). Villeneuve-d'Ascq, 2012.

Michel Grunewald. *De la “France d'abord” à la “France seule”.* L'Action française face au national-socialisme et au Troisième Reich. Paris, 2019.

Michel Mourre. *Charles Maurras.* Paris, 1953, 1958.

Olivier Dard. *Charles Maurras. Le nationaliste intégral*. Paris, 2019.

Pierre Boutang. Maurras. *La destinée et l'œuvre*. Paris, 1993.

Pierre Pascal. *Honori et vindictæ sacrum*. Chiré, 1986.

Pierre Pujo. *L'autre Résistance. L'Action française sous l'occupation*. Paris, 2004.

Roger Joseph, Jean Forges. *Biblio-iconographie générale de Charles Maurras*. T. I–II. Roanne, 1953.

Stéphane Giocanti. *Maurras. Le chaos et l'ordre*. Paris, 2006, 2008.

Victor Nguyen. *Aux origines de l'Action française. Intelligence et politique à l'aube du XXe siècle*. Paris, 1991.

Yves Chiron. *La vie de Maurras*. Paris, 1999.

С.А. Тиханкина

Рец.: Эдит Ева Эгер. Выбор. О свободе и внутренней силе человека. М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2019. 344 с.

Ключевые слова: Аушвиц, концлагерь, узник, чувство вины, выбор.

Аннотация. Автор подчеркивает ценность книги не только для тех, кто интересуется историей, судьбой узников Аушвица и других концлагерей, но и людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Как найти силы жить в аду, в чем смысл жизни, как научиться жить с прошлым?

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-224-226

«Человек не рождается для ненависти. Он рождается для любви и радости».

Эти слова принадлежат Эдит Еве Эгер, автору книги «Выбор». Человеку, выжившему в лагере смерти и потерявшему там своих родителей; почти умершей в Гунскирхене, филиале Маутхаузена, где она оказалась вместе с сестрой, после того как маршем смерти их отправили из Аушвица подальше от наступающей Красной армии. Человеку, которого американский солдат достал из горы трупов, чудом уловив в ней признаки жизни.

Каждый раз, читая воспоминания выживших в нацистских лагерях, пытаешься понять, почему одни выживали, а другие «сдавались», быстро теряли силы (прежде всего, духовные) и погибали. Где и в чем в этих условиях человек черпал силы для выживания?

Книга Эдит не только о прошлом, вернее она совсем не о прошлом, а о том,

как освободиться от боли и страдания, как стать счастливым и сделать счастливыми окружающих тебя людей; о том, что даже в аду есть место доброте, героизму, милосердию; о том, как «худшее выявляет в нас лучшее».

Доктор Эгер одна из немногих, кто может рассказать об ужасах концентрационных лагерей. Своими воспоминаниями она говорит читателю, что в любой ситуации у человека всегда есть выбор.

Эдит родилась в Венгрии, занималась танцами и гимнастикой, строила планы на будущее, мечтала о любви. Она была совсем юной девушкой, когда ее вместе с семьей в 1944 г. отправили в Аушвиц.

Всю жизнь она испытывала чувство вины, считая, что виновата в смерти матери. На вопрос Менгеле во время селекции, кем она приходится девушке материю или сестрой, Эдит произнесла слово «мама». Тогда они еще не знали, как надо было отве-

© С.А. Тиханкина, 2020

Тиханкина Светлана Анатольевна — кандидат философских наук, руководитель образовательных программ НПЦ «Холокост», аналитик МНОЦ истории Холокоста и геноцидов РГУ (Москва); tihankina_64@mail.ru

чать, почему их разделяют — одних направо, других налево.

Родители девушки погибли в первый день прибытия венгерских евреев в Аушвиц. Но рядом была сестра, ради которой и благодаря которой Эдит выжила.

В книге доктор Эгер описывает, как они поддерживали друг друга, на какие поступки решались, чтобы не расставаться, чтобы быть всегда рядом, что им пришлось пережить не только в лагере, но и во время марша смерти, и после освобождения.

Танцую перед доктором Менгеле, уничтожившим ее мать, девушка нашла в себе силы думать не о том, что перед ней матерый убийца, а жалкий человек, которому придется жить с тем, что он сделал, что он больший узник, чем она сама.

Правила выживания в Аушвице вполне применимы и в сегодняшней жизни: конкуренция и доминирование — это путь в никуда. Для того чтобы выжить, надо сотрудничать, переступить через свои потребности и посвятить себя кому-то или чему-то за пределами себя. Эдит посвятила себя сестре и надежде снова увидеть любимого человека.

Доктор Эгер описывает узницу, которая ждала, что лагерь освободят к Рождеству, вела календарь, считала дни, а затем и часы. Умерла она на следующий день после Рождества. Освободители не пришли, и она потеряла веру, не смогла жить дальше.

Здесь вспоминается смерть Анны Франк в Берген-Бельзене, где она

оказалась после Аушвица. Очевидцы вспоминают, что Анна боролась за жизнь до тех пор, пока ей не сообщили о смерти сестры. Потеряв всех родных, она утратила смысл жизни. Не знала Анна, что ее отец Отто Франк уже освобожден Красной армией из Аушвица и даже написал письмо матери на лагерном бланке о том, что «его спасли и выходили русские».

Эдит все время твердила себе: «Если сегодня выживу, завтра буду свободна».

Она выжила, но свободной, свободной от травмы, от потери, насилия, смерти она так до конца и не стала. Ей, как и другим выжившим, своим молчанием удалось создать «пузырь для существования». Ей казалось, что если спрятать прошлое под замок, то она и ее семья окажутся в безопасности и все будут счастливы. Она пыталась строить будущее, не обременяя его воспоминаниями о пережитом.

Но вопросы, чувство вины постоянно были с ней. Почему я? Почему выжила именно я? Эдит искала этому объяснение и не находила.

И если в лагере была цель выжить, то на свободе оказалось сложнее найти надежду и цель.

Доктор Эгер пыталась ответить на вопрос с мая 1945 г. — дня освобождения из Гунскирхена: по какой причине многие спасенные заключенные возвращались на территорию лагерей и продолжали жить в грязных, зараженных, прогнивших бараках? Получается, они только затем и выходили за лагерные ворота,

чтобы день ото дня возвращаться на место своего заключения?

Что заставляет освобожденных узников отказываться от свободы? Психологи называют это синдромом выученной, или приобретенной, беспомощности. Не зная, что делать с долгожданной свободой, бывшие узники в прострации разбрелись из мест своего заключения, а затем возвращались, проходили через лагерные ворота обратно, входили в бараки и отрешенно сидели на нарах.

Выдержав заключение, испытав на себе процесс расчеловечивания, будучи полностью растоптанной пытками и голодом, пройдя сквозь невыносимые потери, Эдит приходит к убеждению, что единственный путь реализовать свою свободу выбора — это жить настоящим.

Она выбрала жизнь не ради мести, а ради дня сегодняшнего. Она не захотела жить в тюрьме прошлого, быть жертвой, а научилась прощать, жить яркой и насыщенной жизнью. Главный посыл книги доктора Эгер в том, что мы можем выбирать, быть

ли собственными тюремщиками или быть свободными.

Сегодня, в возрасте девяноста двух лет, доктор Эгер ведет активную психологическую практику, входит в преподавательский состав Калифорнийского университета и регулярно читает лекции по всей Америке и за границей. Несмотря на то, что она известный психотерапевт и помогает другим преодолеть травмы, в ее памяти продолжают жить кошмары: избиения, бомбежки, селекция, смерть, столбы дыма, поднимавшиеся к небу.

Ее прошлое не исчезло, но она научилась с ним жить. Это прошлое дает ей понимание жизни, понимание того, что она выжила благодаря надежде — надежде увидеть освобождение, увидеть свободу. И все это благодаря умению прощать.

Книга «Выбор», написанная выжившей в Аушвице, — это, прежде всего, книга о смысле жизни. Смысл жизни самой Эдит заключается в фразе: «У меня семь правнуков — и это моя главная мечь Гитлеру».

Rev.: Edit Eva Eger. Vyb. O svobode i vnutrennei sile cheloveka. Moscow: OOO "Mann, Ivanov i Ferber", 2019. 344 p.

Tikhankina Svetlana A. — candidate of philosophy, head of educational programs of the NPC "Holocaust", analyst of the Center for the history of the Holocaust and genocides, RSUH (Moscow)

Key words: Auschwitz, concentration camp, prisoner, guilt, choice.

Abstract. The author emphasizes the value of the book not only for those who are interested in history, the fate of the prisoners of Auschwitz and other concentration camps, but also for people who find themselves in difficult life situations. How to find the strength to live in hell, what is the meaning of life, how to learn to live with the past?

М. И. Парфеня

ОТ ЧАСТНОГО К ОБЩЕМУ

Рец.: *Новохатко О. В.* Россия. Частная переписка XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 664 с.

Ключевые слова: частная переписка, грамотность в допетровской России, социальная история России XVII в., исторический источник.

Аннотация. Рецензируется монография, посвященная частной переписке в России XVII в., которая рассматривается не только как исторический источник, но и как социальное явление в контексте своей эпохи.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-227-235

Новая монография специалиста по истории государственных учреждений в России в XVII в. Ольги Владимировны Новохатко посвящена необычной теме — частной переписке в России XVII в. Название наводит на предположение, что это источниковедческое исследование. Однако уже в аннотации указано, что книга посвящена «горизонтальным интегративным тенденциям в русском обществе». Таким образом, мы имеем дело с работой в области социальной истории. Как пишет автор во введении, русская частная корреспонденция XVII в. «представляет собой не только вид исторического источника, но и самостоятельное со-

циальное явление, игравшее в жизни общества особую роль» (с. 4). Эта сторона объекта исследования до сих пор оставалась практически не изученной, что обеспечивает новизну и актуальность монографии.

Своей задачей О. В. Новохатко ставит «изучить частную переписку как широкое социальное явление, бытовавшее не только в столице, но и в глубинной, провинциальной России XVII в.» (с. 10). Для этого был привлечен гигантский массив источников — более 3 000 эпистолярных документов представителей различных социальных слоев русского общества XVII в. (Там же).

© М. И. Парфеня, 2020

Парфеня Мария Игоревна — стажер-исследователь Центра истории России Нового времени Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва); maryaparfenya@gmail.com

Пожалуй, богатейшая источниковая база является одним из главных достоинств и важной особенностью работы: около трети ее текста составляют цитаты из текстов источников, приведенные, с точки зрения языка оригинала, очень бережно.

Частную переписку автор понимает как «всю корреспонденцию, не вышедшую из государственных структур с соответствующим протокольным оформлением и не являющуюся государственными делопроизводственными документами» (с. 8). Упор в исследовании делается на частную переписку в узком смысле слова, т. е. личную, семейную и дружескую, однако активно привлекаются и письма делового характера. Объединение личной и деловой переписки приводит автора к важным выводам о менталитете жителей Московского государства. О. В. Новохатко утверждает, что «сочетание частных письменных связей служилого человека “на приказе” с официальной корреспонденцией, по всей видимости, было обычным явлением и не только не вызывало недовольства властей, но и использовалось ими — таким образом частная переписка включалась в общегосударственные административные ресурсы» (с. 557). Отсюда выводится особая коммуникативная функция частной переписки в XVII в.: она «не подменяла официальную корреспонденцию, а дополняла ее информацией, которую не всегда возможно было сделать публичной по разным причинам — например, чтобы не поставить в неудобное положение начальство или себя. Однако без этой информации невозможно было и принять адекватное решение в трудной ситуа-

ции, что прекрасно сознавали тогдашние управленцы» (с. 565).

Согласно авторскому замыслу, из источниковой базы исследования исключены письма публицистического характера. Это письма Марины Мнишек 1609–1610 гг., Лжедмитрия II, протопопа Аввакума и даже такой яркий и своеобразный источник, как письма политического авантюриста Т. Анкудинова; переписка известных государственных и церковных деятелей — А. Л. Ордина-Нащокина с Ф. И. Шереметевым, А. Д. Меншикова с Р. Брюсом, П. В. Постникова с Ф. Головиным и П. Шафировым, митрополита Ростовского и Ярославского Дмитрия (Туптало) и др.; переписка разных лиц с представителями царской семьи и членов царской семьи между собой (с. 9). С одной стороны, учитывая внушительный объем книги (тут следует отметить чувство юмора дизайнера, оформившего обложку под кирпич XVII в.), это исключение оправдано. С другой — часть переписки даже самых ярких личностей своего времени вполне можно отнести к частной (например, письма Аввакума семье, недавно изданные в «Библиотеке литературы Древней Руси» (Аввакум 2013), о чем автор не упоминает).

Книга содержит фундаментальные (152 страницы — четверть книги!) источниковедческий и историографический обзоры. Учитывая количество упомянутых публикаций, стоило бы сопроводить издание библиографией. Автор утверждает, что русская частная переписка XVII в. представлена в отечественной историографии более публикациями, чем исследованиями. Сама О. В. Но-

вохатко пользуется только опубликованными источниками. Это представляется вполне оправданным, учитывая, что «сегодня имеется более чем достаточный объем введенных в научный оборот частных писем XVII в., позволяющий провести основательно фундированное исследование» (с. 42).

К сожалению, в ходе повествования автор не полемизирует с коллегами, о работах которых написала в историографическом обзоре. Более того, она не упоминает их даже там, где это, на наш взгляд, совершенно необходимо. Например, О. В. Новохатко пишет, что, «как справедливо утверждалось исследователями частной переписки XVII в., определить ее интенсивность крайне затруднительно» (с. 261), однако ссылок на работы конкретных авторов не дает. На с. 384 указывается, что «существует мнение, что крепостное хозяйство обеспечивало помещика и вотчинников всем необходимым», однако при этом не конкретизируется, кто это мнение высказывал. В заключение одного из разделов (с. 260) автор заявляет, что «русская переписка XVII в. преодолевала расстояния, сопоставимые с теми, что проходили письма в международной европейской корреспонденции», однако примеров того, какие расстояния проходили письма в Европе, О. В. Новохатко тоже не привела (равно как и каких-либо конкретных цифр). Такое же неподтвержденное утверждение мы находим на с. 313, где говорится, что «корреспонденция в России XVII в. проявляла те же социокультурные черты, что и в европейских и части азиатских стран раннего Нового времени».

В двух главах монографии О. В. Новохатко рисует яркую картину повседневной жизни в России XVII в. Тогда корреспонденция «стала не только необходимым инструментом, но одной из важнейших форм осуществления обществом всех его функций — установления и сохранения семейных и дружеских связей, финансовых, экономических, юридических и государственно-административных» (с. 594). «Частная переписка, — утверждает автор, — полностью удовлетворяла потребность общества в необходимой информации, заменяя собой газеты» (с. 358). В письмах люди обсуждали разные темы: от свадьбы до строительства прудов, от хозяйственных вопросов до судебных дел.

Экономика XVII в. во многом строилась на корреспондентских связях участников процесса, а из вотчины или поместья к владельцу поступала информация столь подробная, что возникал эффект его присутствия там (с. 489, 528).

В частных письмах служилых людей XVII в. нашла отражение особенность их мировоззрения: и власть, и общество воспринимали службу как образ жизни служилого человека, когда служба и частная жизнь почти не отделены друг от друга (с. 579).

Приведенный в книге эпистолярный материал отчасти опровергает сложившиеся в нашем обществе представления о жизни в России в раннее Новое время. «Судя по сохранившимся письменным распоряжениям землевладельцев вотчинным управляющим, административно-хозяйственный стиль женщин ничем

не отличался от мужского. <...> Переписка служилых людей с женами свидетельствует о том, что женщины были весьма сведущи в ведении хозяйства, самостоятельны и предприимчивы. Кроме того, очевидно, что женщины привилегированных сословных групп не были затворницами, жившими только в своем узком мире — они активно и со знанием предмета участвовали в делах своих супругов — не только хозяйственных, но и служебных и судебных, которые те вели в приказах или с другими служилыми людьми» (с. 450, 454).

Однако рассуждения об уровне грамотности населения (с. 296–302) представляются спорными. Находясь в пространстве письменной коммуникации, легко прийти к выводу, что все умели писать. Конкретных данных касательно уровня грамотности в XVII в. О. В. Новохатко не приводит, хотя это было бы полезно в рамках исследования. Этот вопрос требует более критического подхода. Более того, от уровня грамотности в различных социальных слоях могут зависеть особенности эпистолярных сетей XVII в. В заключении О. В. Новохатко пишет, что «корреспонденция демонстрирует наличие в социуме своего рода “среднего слоя”, аккумулировавшего в себе большую часть информационных потоков, исходивших с разных “полюсов” общества — это служилые люди по отчеству московских и городских чинов» (с. 595–596). Можно предположить, что просто именно в этой категории населения была наиболее распространена грамотность, и они чаще всего писали письма.

Как бы там ни было, заключение автора, согласно которому корреспонденция в XVII в. стала способом самоорганизации населения, продемонстрировав «высокий потенциал общества и его способность создать равновесие между собой и государством» (с. 599), представляется релевантным и ценным.

Несмотря на целостность текста и его очевидную значимость для исторической науки, монография могла бы быть улучшена.

Во-первых, объем книги представляется избыточным. В ней есть очевидные повторы, избыточное в рамках решаемых задач цитирование (например, см. цитаты на с. 190, 202, 229). Уменьшить объем и сделать книгу более удобочитаемой можно было бы в том числе с помощью наглядных форм представления информации. Например, глава, посвященная интенсивности переписки (с. 261–279), почти полностью состоит из перечисления датировки писем. Все эти данные было бы логично представить в виде таблиц.

Более серьезная проблема состоит в том, что некоторые выводы автора напрямую связаны с особенностями источниковой базы. Например, на с. 174 утверждается, что «обширную корреспонденцию вел стольник А. И. Безобразов». Надо только иметь в виду, что архив Безобразова хорошо сохранился и опубликован — поэтому нам известно столь большое количество его писем. Впрочем, ниже О. В. Новохатко отмечает, что «не менее широкой в географическом отношении была и корреспонденция других служилых людей» (с. 175).

Вообще переписка семьи Безобразовых обильно цитируется на протяжении книги, и здесь встает вопрос о ее репрезентативности. Безобразовы (так же как, скажем, Морозовы, чья корреспонденция не менее активно приводится в пример) принадлежали к российской интеллектуальной и политической элите, и особенности их переписки совершенно не обязательно были характерны для всего общества и даже сословия.

Несмотря на богатство представленного источникового материала, в ходе чтения иногда возникают сомнения в обоснованности авторских суждений. В некоторых случаях для доказательства утверждения автор приводит свидетельства из десятков писем, тогда как в других — всего одно-два. Скажем, на с. 257 автор пишет, что «корреспонденция, пересылавшаяся внутри уезда, между городом и уездным селом, *обычно* (курсив мой. — М.П.) доходила от отправителя к адресату в течение дня». В подтверждение тому приведен всего один пример.

Спорной представляется трактовка некоторых источников. Например, О.В. Новохатко, доказывая тезис о том, что письма часто доставлялись крепостными крестьянами, приводит пример: «Нестор Клевцов, подьячий Карачаевской избы, послал ответ на письмо Д.И. Маслову в его вотчину в Карачевском у. с крестьянином последнего» (с. 193). Однако в письме, на которое дается ссылка, есть только следующее указание: «...а вино гсдрь крестьянин твой привез ко мнѢ за твоею печатью в целости».

То, что крестьянин, привез в вотчину вино, не обязательно означает, что ответное письмо было отправлено с ним же.

В качестве примера иерархии в тексте приводится пример письма, которое дьяки Разрядного приказа «Ф.Л. Шакловитый и Л.А. Домнин написали родственнику первого и приятелю второго, стольнику А.И. Безобразову. Ф.Л. Шакловитый в руководстве разряда был рангом выше Л.А. Домнина (хотя и моложе), поэтому начал письмо Шакловитый, а продолжил Домнин» (с. 304). Вполне можно предположить, что дело здесь было не в должностной иерархии, а в том, что первый был адресату родственником, а второй только приятелем.

На с. 482 О.В. Новохатко указывает, что «в грамотках самаринских крестьян к своим владельцам интересно то, что они обращаются ко всем членам семьи, даже к детям, не выделяя в обращении только главу семьи. Эта особенность отличает их как от большинства других крестьянских челобитных, так и от родственного документа — челобитной царю, где никогда не упоминаются члены его семьи (если только они не являлись сопровителями)». Однако это не так: в архивных фондах локальных учреждений содержатся челобитные XVII в., в которых челобитчики перечисляют всех сыновей царя, даже не являющихся сопровителями¹.

Имеются неточности в главах о времени доставки писем и расстояниях, на которых шла переписка. Напри-

¹ См., например: (РГАДА).

мер, автор говорит, что «чаще всего письмо из д. Телячья доходило до Москвы за 11–15 дней» (с. 253). При этом у некоторых писем, которые даются в качестве примера, срок доставки на несколько дней больше или меньше указанного. На той же странице автор объясняет длительные (3–7 недель) сроки доставки писем тем, что «курьеры передвигались на стругах по Оке». Это объяснение выглядит несколько странно, т. к. остается неочевидным, почему движение по воде должно быть медленнее наземного, а не наоборот.

Встречаются неясности в оценке расстояний. Например, расстояние между Самарой и Алатырским уездом, которое автор считает небольшим (с. 172), почти в два раза больше, чем между Чебоксарами и Казанью, которое О. В. Новохатко называет значительным (с. 173). Далее автор утверждает, что расстояние между Братском и Кежмой по реке (какой?) составляло около 600 км, а «сухопутной связи между этими городами нет и сейчас» (с. 177–178). Однако города Кежма ныне не существует, а расстояние между Братском и Кежемским районом по трассе составляет чуть больше 90 км. Автор книги также отмечает, что «не менее интенсивной, чем в европейской части страны, была переписка и в Сибири, хотя расстояния между населенными пунктами там были значительно больше, а передвижение гораздо труднее, чем в центральных регионах» (с. 177). Однако это утверждение справедливо только относительно крупных городов. Расстояния между населенными пунктами в рамках, например, Западной Сибири и Урала были в целом сопоставимы с центральными

ми уездами. Например, между Соликамском и Верхотурьем около 450 км — ненамного больше, чем, скажем, между Москвой и Костромой.

Встречаются в тексте редкие неточности в цитировании источников. Например, на с. 181 О. В. Новохатко пишет, что «в феврале 1686 г. стольник А. И. Безобразов раздавал жалование ратным людям в Боровске и вел переписку с приказчиками своей вотчины с. Спасское Боровского у.». Однако в публикации, на которую ссылается автор, указанная переписка датируется февралем 1687 г. (Архив 2013). Аналогичная опечатка присутствует на с. 269 (письмо приказчиков было отправлено 6 июля, а не июня (Архив 2012)). В некоторых ссылках на источники неточно указаны страницы (например, тринадцатая сноска на с. 186, первая на с. 253, восьмая на 254, третья на с. 304, вторая на с. 309 и др.).

Крайне интересным представляется тезис О. В. Новохатко о том, что значительную часть переписки в XVII в. составляли так называемые фатические письма, выполнявшие исключительно коммуникативную функцию поддержания родства или дружбы (с. 283–296). Однако некоторые примеры таких писем, приведенные автором, вызывают определенное недоумение. Например, на с. 289–290 цитируется письмо полковника Иоганна Фандергейдена приятелю, в котором тот сообщает о своем заключении и просит посодействовать освобождению. Согласно Б. Малиновскому, на определение которого опирается автор (с. 283), фатическая коммуникация не предусматривает информацион-

ной нагрузки (*Malinowski* 1972: 146). Однако данное письмо вполне содержательно. Далее О.В. Новохатко приводит в качестве примера письма-подарка послание С.Ф. Маслова отцу (с. 295), цитируя только половину текста. В опущенной части достаточно детально излагаются подробности жизни отправителей. К слову, это должно свидетельствовать о том, что фатическую функцию могла нести только часть письма, писавшаяся по определенному формуляру.

Также весьма спорным остается вопрос, можно ли отнести к фатическим некоторые письма-приглашения. Наибольшие сомнения вызывают письма, в которых адресат приглашался решить какие-то деловые вопросы (например, послание В.Д. Подливнева Д.И. Маслову, процитированное на с. 312).

Не до конца доказанным представляется и мнение автора о том, что в России XVII в. частные письма воспринимались как подарки, часть системы дарений: это утверждение не вытекает напрямую из свидетельств источников. Точно так же можно утверждать, что передача писем была элементом статусного поведения российской элиты.

Говоря о функциях частной корреспонденции, нужно отметить и то, что разделение переписки на выполняющую информационную или служебную функции кажется в известной степени искусственным. Не всегда понятно, по какому принципу одни письма, сообщающие о семейных делах, автор приписывает к носящим информационную функцию, а другие — к носящим служеб-

ную. Эти сомнения подтверждает хотя бы то обстоятельство, что есть письма, которые автор цитирует в качестве примера в обоих разделах (например, письмо И. Скобельцына В.Т. Вындомскому).

За рамками монографии осталось несколько интересных проблем, например, перлюстрация писем. О.В. Новохатко пишет, что одной из причин распространенности частной переписки было отсутствие цензуры (с. 598). Однако говорить, что письма вообще не просматривались представителями государства, — слишком смело. Автор сама приводит в пример такой случай: в третьей сноске на с. 289 она отмечает, что «письмо [иноземца полковника Иоганна Фандергейдена] было написано на немецком языке, но попав в руки тобольского воеводы, было по его приказанию переведено на русский и отправлено в Москву». Кстати, в связи с этим случаем встает вопрос, насколько были распространены в России письма на иностранных языках.

Не освещенной осталась проблема сохранности писем. О.В. Новохатко считает, что любовные письма «по вполне понятным причинам не находили места в семейных архивах» (с. 310). Но это только предположение. По какому принципу вообще формировались семейные архивы? Зачем люди в XVII в. хранили частные письма? Почему эпистолярии дошли до наших дней, если даже государственное делопроизводство имело невысокую сохранность (см.: *Маяковский* 1941: 120–121)? В заключении автор говорит, что расширение сетей эпистолярного общения «было

обусловлено во многом распространением бумаги и ее относительной дешевизной» (с. 596). Возникает вопрос, насколько все-таки дешевой была бумага, так ли уж доступна она была? Автор не приводит конкретных сведений на этот счет. Общие соображения подсказывают, что сохранность писем в семейных архивах обеспечивалась в том числе ценностью бумаги.

Крайне интересным представляется то, казалось бы, простое обстоятельство, что курьерами, доставлявшими письма, часто выступали крепостные крестьяне (с. 185–195). Из этого можно сделать далеко идущие выводы об отношениях между владельцами вотчин и крестьянами, статусе крепостных и отношении к ним. Уже то, что крестьяне во время доставки письма не пытались бежать, говорит о многом.

В целом высказанные сомнения не отменяют высокую научную ценность книги. Это глубокое исследование русского общества XVII в. Монография О. В. Новохатко важна не только для специалистов по истории России раннего Нового времени, но и для всех историков, использую-

щих тексты частной переписки в качестве источника. Она дает возможность сориентироваться в тематике писем. Массовому читателю данная книга была бы интересна в сокращенном издании.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Аввакум 2013 — *Аввакум*. Письма и послания семье // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2013. Т. 17. С. 207–211.

Архив 2012 — Архив стольника Андрея Ильича Безобразова Ч. 1. М., 2012. С. 92.

Архив 2013 — Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 2. М., 2013. С. 127–130.

РГАДА — РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. 2. Д. 146. Ч. 1. Л. 62, 68.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Маяковский 1941 — Маяковский И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР (Опыт систематического руководства). Ч. 1. История архивного дела в СССР до Октябрьской социалистической революции. М., 1941.

Malinowski 1972 — *Malinowski B.* Phatic Communion // Communication in face to face interaction: textbook. Harmondsworth, 1972.

FROM PARTICULAR TO GENERAL. REV.: NOVOKHATKO O. V. ROSSIIA. CHASTNAIA PEREPISKA XVII VEKA. MOSCOW: PAMIATNIKI ISTORICHESKOI MYSLI, 2018. 664 p.

Parfenya Maria I. — Intern-researcher at the Center for the History of Modern Russia, The National research University, “Higher School of Economics” (Moscow)

Key words: Private correspondence, literacy in Russia before Peter the Great, social history of Russia in the 17th century, historical source.

Abstract. The monograph paper on private correspondence in Russia in the 17th century is reviewed, which is viewed not only as a historical source, but also as a social phenomenon in the context of its era.

REFERENCES

Malinowski B. Phatic Communion. *Communication in face to face interaction*: textbook. Harmondsworth, 1972.

Maiakovskii I. L. *Ocherki po istorii arkhivnogo dela v SSSR (Opyt sistematicheskogo rukovodstva)*. Ch. 1. Istoriiia arkhivnogo dela v SSSR do Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii. Moscow, 1941.

М. Сорока

Рец.: Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков / научный редактор А. Ю. Полунова. М.: Модест Колеров, 2018. 304 с.

Ключевые слова: русско-польские и советско-польские отношения, Русско-турецкая война 1877–1878 гг., политика России на Балканах, Первая мировая война.

Аннотация. Рецензируется сборник статей, посвященный непростым взаимоотношениям России и славянского мира в XIX–XXI вв.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-236-241

В книге собраны материалы конференции «Славянский мир и Россия в войнах и конфликтах XIX–XXI веков» (2016 г.), организованной факультетом государственного управления МГУ и фондом «Русский мир», чтобы «обсудить наиболее острые и актуальные проблемы исторического прошлого и современного развития славянских государств»¹.

В предисловии задан риторический вопрос: можно ли говорить о единстве славянского мира? Ответ дает состав участников: на конференции отсутствовали украинцы, литовцы, чехи, поляки, болгары и историки из бывшей Югославии, исключая сербов. А то, что междуособицам братьев-славян посвятили конференцию, напоминает об исторических корнях нынешнего отчуждения. Видимо, В. Г. Белинский был прав:

«Знаю горьким опытом, что со славянами пива не сварить, что славянин может делать только от себя, а для

совокупного дружного действия обнаруживает сильную способность только по части обедов вкладчину»².

Заявленная цель конференции — укрепить взаимодействие с «конструктивной частью» ученого мира Восточной и Центральной Европы — означает, что собирались друзья, а это исключало разногласия, ведущие к концептуальному переосмыслению старых истин и открытию новых. К тому же в дружеской атмосфере можно не опасаться придирок и критики, и, видимо, потому некоторые авторы не очень внимательно проверяли свои тексты. Отсюда неувязки. В интересной статье О. Р. Айрапетова на с. 95 болгарскому князю адресован упрек в том, что он «не предупредил русское правительство о планах восстания в Румелии», хотя на предыдущей странице говорится, что он «был захвачен врасплох известием о перевороте». Кстати, Н. К. Гирс считал, что болгарский правитель участвовал в под-

© Историческая Экспертиза, 2020

Сорока Марина — доктор философии (Канада); mevorobieva@gmail.com

¹ URL: russkiymir.ru/news/216918/ (дата обращения: 02.06.2020).

² Цит. по: (Скальковский б/д).

готовке переворота, а вовсе не был захвачен врасплох³.

Несомненно, Ф. А. Гайда⁴ знает, что не Антанта «уже весной 1917 г. <...> перестала поддерживать любые идеи, связанные с расширением территории России» (кстати, Россия была членом Антанты, и вернее было бы сказать «союзники»), а Петроградский совет 14/27 марта призвал воюющие страны заключить мир без аннексий и контрибуций. 27 марта / 9 апреля Временное правительство ответило заявлением, что Россия воюет только ради справедливого мира. Ошарашенные союзники решили, что Россия отказывается от договора 1915 г., по которому она получала проливы после победы, и вынуждает их последовать ее примеру или стать виновниками продолжения войны. Российские дипломаты сочли ошибкой отказываться от приобретений после стольких жертв и просили союзников игнорировать это заявление. 18 апреля / 1 мая вышел меморандум П. Н. Милюкова о проливах, вызвавший бурю антивоенных протестов в Петрограде. Правительство ушло в отставку. Все это опущено, и потому заключение: «Тем самым радикально-либеральная программа потерпела крах, а страна оказалась перед лицом общенациональной катастрофы» как бы винит «Антанту» в Октябрьской революции. Сама фраза «любые идеи, связанные с расширением территории» — непонятна. В 1915 г. союзники договорились о том, кто что получит после победы. Никаких новых идей Россия не высказывала,

а договор 1915 г. был действителен до ее выхода из войны.

Вопреки заголовку статья А. А. Загорнова — не столько о судебной реформе в Западном крае, сколько об обстоятельствах начала Русско-турецкой войны. Жалоба автора на то, что Берлинский конгресс 1878 г. имел «тяжелые последствия для русских интересов» и «не усилил русских позиций» на Балканах, противоречит его же утверждению, что Россия отвергла «прагматические соображения», когда решила освободить братьев по вере. Этого она добилась. При чем тут «русские интересы» и укрепление русских позиций?

Из 16 статей сборника семь посвящены русско-польским конфликтам; три — исторической памяти в Белоруссии, Югославии и Польше. Остальные — презентации-одиночки: пересказ послужных списков белорусов в советской разведслужбе; сообщение о том, как радикально-либеральная оппозиция в 1917 г. упустила возможность расширить территорию России; статья о судебной реформе в белорусских землях накануне войны 1877–1878 гг.; статья о сербо-болгарской войне 1885 г.; рассказ о деятельности «русифилов» в австрийской Галиции накануне Первой мировой войны; статья о борьбе СССР и Польши за «национальные окраины» в 1920–1940-е гг. Словацкий историк сообщил об историографии создания чешско-словацкой государственности. Статья А. И. Кривопалова о фельдмаршале И. Ф. Паскевиче в 1830–1831 гг. —

³ Н. К. Гирс — А. И. Влангали, цит. по: (Soroka 2017: 279).

⁴ Гайда Ф. А. Радикальные либералы о целях России в I Мировой войне.

чистая военная история. Автор говорит об «эшелонировании войск с востока на запад», «сложности сосредоточения сил», но не о значении упомянутых событий и личностей в контексте русско-польских отношений. Еще три статьи посвящены человеческим потерям Сербии в 1914–1918 гг., роли СССР в организации партизанского движения в Югославии во время Второй мировой войны и отношению балканского общества к Евразийской интеграции.

«Важнейшим из обсуждавшихся на конференции стал вопрос о формировании и реформатировании памяти о прошлом как части национального самосознания государств постсоветского пространства»⁵. В презентации/жалобе на непопулярность М. Н. Муравьева-Виленского среди белорусских пользователей Сети цитируются мнения журналистки Михеевой и литературоведа Федуты, которых интересно было бы пригласить на конференцию для диспута о корнях отрицательного образа имперской администрации в белорусском общественном мнении.

Судя по количеству статей о восстаниях 1830–1831 и 1863–1864 гг., «наиболее острой и актуальной проблемой исторического прошлого» оказалась обида России на Польшу. Авторы описывают действия польских повстанцев исключительно по русским публикациям того времени, и противник выглядит непривлекательно: Александр I даровал Польше «беспрецедентные свободы», в 1850-х гг. Александр II сделал им послабления, а неблагодарная

Польша «нанесла удар в спину России в ключевой момент подготовки Великих реформ»; повстанцы вели «диверсионно-террористическую войну» (вопиющий анахронизм!) против законной (русской) власти; без суда и следствия казнили православных во время восстания 1863–1864 гг. и призывали интервенцию европейских держав в Россию. А уж отмечать столетие подавленного восстания в 2014 г. было со стороны поляков просто нелепо — по мнению В. Е. Воронина.

Во-первых, право наций на самоопределение уже давно аксиома, и право поляков было столь же бесспорно, как право балканских народов. Во-вторых, не историкам упрекать поляков за равнодушие к интересам Российской империи. Российский посол писал коллеге: «Оставим кокетство: разделы Польши <...> — не акты справедливости, а политическая необходимость» (В. П. Балабин — А. Г. Жомини 1860). Россия удерживала Польшу, чтобы избежать появления враждебного государства на западной границе, которое будет претендовать на русские земли, чтобы восстановить Речь Посполитую в прежних границах (La Politique... б/д). Так что даже без описанного В. Ворониным и А. Бендиным порабощения панами белорусской и украинской нации, как и без зверств повстанцев, независимости Польше было не видать.

О праздновании юбилея восстания: поляки отмечали столетие восстания с тем же основанием, что в России с 1925 г. отмечают юби-

⁵ URL: russkiymir.ru/news/216918/ (дата обращения: 02.06.2020).

леи восстания декабристов: это моральные победы. А уж праздновать юбилей царской аграрной реформы 1864 г. было бы все равно, что праздновать подавление восстания, так что вряд ли В. Е. Воронину доведется это увидеть.

Ввиду полного отсутствия нерусских источников в библиографии «польских» статей, попытаюсь представить взгляд на польско-русский конфликт по книгам американского и литовского историков.

Для жизнедеятельности Российской империи необходимы единое законодательство, административная структура и государственный язык (русский). Это и стало источником конфликтов между Российской империей и польскоязычным дворянством. До 1830–1831 гг. правительство довольствовалось политической лояльностью дворянства, но после восстания, зная о стремлении шляхты к независимости, оно проводило в Царстве Польском и Западном крае политику «разделяй и властвуй», чтобы противодействовать «ополячению»: связи униатов с Ватиканом были прекращены; белорусов и украинцев зачислили в русские, чтобы отсечь от поляков; школьное обучение на литовском языке поощрялось в областях Польши, населенных литовцами, но запрещалось в Ковенской губернии, в сердце Литвы. Книги на литовском языке печатали кириллицей и т. д. (*Staliunas* 2008).

После Крымской войны новая политика послаблений привела к беспорядкам в Польше. Администрация попыталась купировать их жесткими мерами, но в 1863 г. вспыхнуло вос-

стание. Повстанцы-радикалы обещали освободить крестьян от власти русского царя и помещиков, но не могли закрепиться ни на какой территории, чтобы выполнить обещанное. Царь сумел подавить восстание, проведя аграрную реформу. 1660 помещичьих имений в Царстве Польском и 1794 в Литве были поделены между крестьянами за то, что владельцы поддерживали восстание. Еще 600 были принудительно проданы с торгов. Казнены были около 600 человек; десятки тысяч были отправлены в тюрьмы и сосланы в Сибирь. На польское дворянство была наложена контрибуция в 34 млн рублей для содержания русской армии в Польше. Военное положение позволяло варшавским генерал-губернаторам действовать по своему усмотрению, а не по законам, и, например, переводить судебные разбирательства из гражданского суда в военные трибуналы (*Blobaum* 2016: 3).

Веротерпимость русских властей после восстания, упомянутая А. Ю. Бендиным, выразилась в следующих «ситуативных мерах»: к 1870 г. в Польше не осталось епископов-поляков; в 1875 г. правительство перестало признавать униатов, и сотни тысяч крестьян были насильственно обращены в православие.

Авторы презентаций сочли эти моменты неинтересными или обидными для Российской империи. Это еще одна слабость упомянутых статей: они исходят из того, что царские генералы и чиновники несли миру исключительно свет и добро. В наше время странно видеть среди историков такое некритическое отношение к российскому самодержавию, поня-

тию, мягко говоря, скомпрометированному. Это обстоятельство, плюс почти полное отсутствие ссылок на источники моложе 120 лет, создает впечатление, что статьи написаны полковыми историографами в правление Николая II.

Враждебность к Австро-Венгрии, характерная для русских монархистов XIX в., непонятна у современных историков. Так, приводится старое обвинение Австрии в трусости. В 1863 г. Австрия нуждалась в мире не меньше России и потому отказывалась от участия в конфликтах, а разочарованные великие державы винили ее в трусости, хотя ее позиция была самой разумной, как с точки зрения европейского мира, так и собственных интересов.

Характеристика в предисловии балканской политики России как «пассивной» не аргументирована: Россия активно, хотя не всегда удачно, вмешивалась в балканские дела. Утверждение, что ее уход способствовал дестабилизации региона, звучит лестно, но то же можно сказать и об Оттоманской империи: до получения независимости славянские народы не воевали друг с другом. Присутствие России, случалось, дестабилизировало регион не меньше, чем ее отсутствие. В 1915 г. жена русского посланника в Афинах оказалась на болгаро-сербской границе в момент вступления Болгарии в войну на стороне Тройственного союза. Зная о давних стараниях России создать и вооружить Славянскую лигу для противостояния Австро-Венгрии, она написала: «Эта встреча врагов была весьма курьезна... С обеих сторон наши русские

берданки — было что-то трагичное и жалкое, и обидное для русского глаза» (С.И. Демидова — И.И. Воронцову-Дашкову 1915).

Обидно для русского глаза это было в 1915 г., а в 2016 г. пора смотреть на политику самодержавия не сыновним, а профессиональным взглядом. *Sine ira et studio*. Хорошо бы МГУ провел теперь конференцию под этим девизом и пригласил на нее историков-славистов из всех частей света. А потом устроили бы обед в складчину, что так хорошо получается у славян.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

В.П. Балабин — А.Г. Жомини 1860 — В.П. Балабин — А.Г. Жомини, сентябрь 1860 // Британская Библиотека. Egerton. MS 3169. Л. 28–35.

С.И. Демидова — И.И. Воронцову-Дашкову 1915 — С.И. Демидова — И.И. Воронцову-Дашкову, 15.09.1915 // РГБ. Ф. 58/1. К. 35. Д. 4. Л. 69–74.

Скальковский б/д — Скальковский К.А. Мнения русских о самих себе. URL: www.profilib.org/kniga/49949/konstantinskalkovskiy-mneniya-russkikh-o-samikh-sebe.php (дата обращения: 04.06.2020).

La Politique... б/д — La Politique du present // Британская Библиотека. Egerton. MS 3184. Л. 1–23.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Blobaum 2016 — *Blobaum Richard E.* Rewolucja: Russian Poland in 1904–1907. Ithaka, 2016.

Soroka 2017 — *Soroka M.* The Summer Capitals of Europe 1814–1919. New York, 2017.

Staliunas 2008 — *Staliunas Darius.* Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam, 2008.

Rev.: Rossiia i slavianskii mir v voinakh i konfliktakh XIX–XXI vekov, nauchnyj redaktor
A. Iu. Polunova. Moscow: Modest Kolerov, 2018. 304 p.

Soroka Marina — doctor of philosophy (Canada)

Key words: Russian-Polish and Soviet-Polish relations, Russian-Turkish war of 1877–1878, Russian policy in the Balkans, World War I.

Abstract. A collection of articles is reviewed which concerns the difficult relationship between Russia and the Slavic world in the 19th–21st centuries.

REFERENCES

- Blobaum Richard E. *Revolucja: Russian Poland in 1904–1907*. Ithaka, 2016.
- Soroka M. *The Summer Capitals of Europe 1814–1919*. New York, 2017.
- Staliunas Darius. *Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863*. Amsterdam, 2008.

А. Ю. Полунов

К ДИСКУССИИ ВОКРУГ СБОРНИКА
СТАТЕЙ «РОССИЯ И СЛАВЯНСКИЙ
МИР В ВОЙНАХ И КОНФЛИКТАХ
XIX–XXI ВЕКОВ» / научный редактор
А. Ю. Полунов. М.: Модест Колеров, 2018

Ключевые слова: Россия, славяне, Балканы, межнациональные и межконфессиональные конфликты, самодержавие, веротерпимость, польский вопрос.

Аннотация. В отзыве на рецензию М. Сороки (Канада), посвященную сборнику «Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков», затрагиваются ключевые дискуссионные вопросы взаимоотношений славянских народов. Автор указывает на содержащиеся в рецензии фактические ошибки и полемизирует с представлениями рецензента о роли самодержавия в проведении социальных преобразований, регулировании межэтнических и межконфессиональных отношений в Российской империи XIX — начала XX в. Высказываются возражения против данной в рецензии оценки польских восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг., политики России на Балканах и других затронутых в сборнике проблем.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-242-249

Вопросы межнациональных отношений и, в частности, отношений между славянскими народами — тема, имеющая очевидное научное значение и касающаяся самых острых политических проблем современности. Неудивителен в связи с этим интерес к сборнику «Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI вв.», одним из проявлений

которого стала рецензия М. Сороки. В отзыве рассмотрен ряд статей сборника, причем главное внимание уделено работам, посвященным XIX в., и прежде всего — проблемам, связанным с различными аспектами «польского вопроса» в России. Многие суждения авторов сборника вызвали критические отклики со стороны рецензента. Необходимо остановиться

© А. Ю. Полунов, 2020

Полунов Александр Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва); polunov@sra.msu.ru

на них подробнее, поскольку они, как представляется, раскрывают существенные особенности и восприятия межнациональных отношений в России, и специфики современного историописания.

В статьях сборника, посвященных XIX в., описан целый ряд ситуаций, когда российское самодержавие выступило инициатором смелых социальных реформ, поддерживало низшие слои населения и даже способствовало развитию их национального самосознания, взаимодействовало с самостоятельной общественной инициативой и опиралось на нее. Подобная картина, видимо, показалась рецензенту непривычной, не вписывающейся в устоявшиеся представления. Она вызвала протест, и все содержание сборника в определенном смысле было взято под сомнение. Начался поиск «ошибок» и «неувязок» — в большинстве случаев там, где их нет. Для примера возьмем отзыв о статье О. Р. Айрапетова, посвященной болгаро-сербской войне 1885 г. Безусловно, князь болгарский Александр Баттенберг, как отмечает М. Сорока, участвовал в подготовке восстания в Румелии. Но это не отрицает того факта, что само восстание застало его врасплох. Он не знал и не мог знать, когда произойдет стихийная вспышка недовольства, послужившая детонатором переворота. Альтруистический характер поддержки, которую русское общество оказывало освободительному движению балканских славян во второй половине 1870-х гг. (тема очерка А. А. Загорнова), вовсе не означал, что ослабление позиций России на Балканах в 1880-е гг. должно было вызвать у общества без-

различие или одобрение. Такая реакция была бы по меньшей мере странной. Не является ошибкой и оспариваемое М. Сорокой утверждение Ф. А. Гайды о том, что весной 1917 г. западные союзники России отказались поддерживать планы ее территориального расширения и тем усугубили нарастание внутривнутриполитического кризиса. Разумеется, в обстановке хаоса, воцарившегося после падения монархии, разные политические деятели и само Временное правительство выступали с противоречивыми декларациями, заявляя в том числе о готовности отказаться от Константинополя. Проблема заключалась в том, что именно за эти заявления «ухватились» союзники России, прежде всего Англия, которой к тому времени стал выгоден подобный отказ. Они стали требовать от России официального закрепления новой позиции и оказывать давление на Временное правительство, продолжавшееся вплоть до его свержения большевиками (Демченко 2015).

Заявление рецензента о том, что в библиографии статей сборника, посвященных «польским» сюжетам, нет нерусских источников и почти нет таких «моложе 120 лет» (под источниками здесь, видимо, имеются в виду как собственно источники, так и научные труды), вызывает крайнее недоумение. Надо было очень постараться, чтобы не заметить использованные А. Ю. Бендиным материалы на белорусском языке (возможно, впрочем, М. Сорока придерживается концепции «западнорусизма» и не отделяет белорусов от русского народа — если так, подобный подход заслуживает всемерного уважения).

Отметим, что спектр исследований, на которые ссылаются авторы сборника, весьма широк. В. Е. Воронин использует работы Е. П. Толмачева и Л. Г. Захаровой, А. Ю. Бендин — работы современных белорусских историков, исследования литовского историка Д. Сталюнаса, российских ученых А. А. Тесли и В. А. Тишкова. Данные исследователи пользуются заслуженным авторитетом, некоторые из них могут считаться классиками, но все же это наши современники, а не люди, жившие 120 лет назад. К «полковой» или какой-либо иной историографии времен Николая II, о которой почему-то заводит речь рецензент, они точно отношения не имеют.

Стремясь выявить «неувязки» в сборнике, М. Сорока сама допускает серьезные ошибки, вызванные, видимо, не очень уверенным знанием исторического материала (из рецензии следует, что ее знакомство с историей Польши и Западного края ограничивается двумя монографиями). Так, восстание 1830–1831 гг. в ряде случаев явно спутано с восстанием 1863–1864 гг. В частности, перевод изданий на литовском языке с латиницы на кириллицу начался после второго, а не первого восстания. Есть в рецензии и другие ошибки как фактического, так и содержательного характера. Но главное, в чем сталкиваются подходы авторов сборника и рецензента — это вопросы принципиального свойства, оценка этнополитической ситуации, сложившейся в западных губерниях Российской империи XIX в., восприятие основных акторов, действовавших в крае — российского самодержавия, с одной стороны, проти-

востоящих власти кругов польского общества — с другой.

Говоря обо всех этих моментах, нужно прежде всего отметить, что рецензент, давая оценку материалам сборника, видимо, опирается на достаточно упрощенную концепцию, восходящую к представлениям о России как о «тюрьме народов». В рамках такого подхода самодержавие выступает как «темная», «угнетающая» сила, а те, кто противостоял ему, — как «борцы за свободу». Реальная ситуация в Царстве Польском и особенно в Западном крае (нынешние Литва, Белоруссия и Правобережная Украина) была намного сложнее. Хотя Россия и утвердила свою власть над этими землями во второй половине XVIII — начале XIX в., реальным влиянием на местах продолжали пользоваться польские (или полонизированные) помещики, а также тесно связанные с ними структуры католической церкви. Основная масса населения — крестьянство — находилось от помещиков в крепостной зависимости. Возник своеобразный «слоеный пирог», ситуация, когда крестьяне (в Западном крае — литовцы, белорусы и малороссы, последние два народа — в основном православные) в повседневной жизни гораздо больше зависели от барина-поляка, нежели от центральных русских властей.

К перспективе освобождения крестьян (во всяком случае, предполагавшего наделение их землей) помещики Западного края отнеслись негативно, поскольку оно лишало их важного инструмента воздействия на жизнь низших слоев, в том числе реформирования их идентично-

сти — ассимиляции, полонизации, распространения польской культуры. В этих условиях самодержавие и взяло на себя задачу осуществления достаточно радикальных аграрных преобразований, которые в Западном крае и Царстве Польском были проведены наиболее последовательно — крестьяне при освобождении получили наделы без выкупа или за минимальный выкуп, безземельные наделялись землей. Разумеется, в первые месяцы восстания 1863 г. повстанческие власти попытались опередить самодержавие и обещали крестьянам всевозможные блага, но последние им не поверили. Дело в том, что накануне восстания, в преддверии общегосударственной крестьянской реформы, помещики активно обезземеливали крестьян, повышали наложенные на них платежи, да и после начала восстания в том, что касалось выполнения аграрной программы, не торопились выполнять распоряжения революционного правительства (Комзолова 2005: 32). В результате основная масса простонародья (за исключением части литовцев и католиков-белорусов) не поддержала восставших, а во многих случаях и помогла властям подавить восстание. После проведения аграрных реформ, инициированных самодержавием, в землях бывшей Речи Посполитой в крестьянской среде начал формироваться широкий слой мелких и средних собственников, происходила модернизация экономических и социальных структур, итогом чего явилось становление современного общества. В.Е. Воронину и другим авторам сборника, как пишет М. Сорока, возможно, и не доведется увидеть празднования юбилея аграрных

преобразований в Царстве Польском и Западном крае, но значения модернизационных мер, осуществленных самодержавием, это нисколько не отменяет.

Столкнувшись с пассивностью основной массы крестьянства и в то же время нуждаясь в его поддержке для того, чтобы развернуть масштабную партизанскую войну, осуществлять нападения на войска, повстанцы начали широко применять террор не только против правительственных чиновников, но против недостаточно лояльных (как правило, православных) крестьян. Развернулась диверсионно-террористическая война — данный термин, вопреки мнению М. Сороки, вовсе не является «вопиющим анахронизмом», а вполне точно отражает суть тактики повстанцев и используется современными историками (Западные окраины 2006: 180). Призванный оказать шоковое воздействие на сознание простолюдинов, террор носил особенно жесткий, устрашающе-демонстративный характер. Практиковались массовые сожжения жилищ крестьян, пытки, жестокие казни. «Кто хочет неволи московской, тому мы дадим виселицу на суку», — говорилось в «приказе от польского правительства над всем краем Литвы и Белоруссии» (Бендин 2017: 256). Количество повстанцев, казненных властями в регионах, охваченных восстанием, в частности в Северо-Западном крае (128 человек), существенно уступало количеству жертв самих повстанцев (по самым скромным подсчетам, 700 человек) (Комзолова 2005: 71–75; Бендин 2017: 240–241). Разумеется, в арсенале властей было и такое средство репрессий,

как ссылка и высылка, и оно применялось достаточно широко. Но все же оно не коснулось большинства участников восстаний, а с 1867 г. началась амнистия, в ходе которой высланные стали возвращаться в край.

М. Сорока полагает, что действия повстанцев против России были морально оправданы, поскольку право наций на самоопределение стало к середине XIX в. аксиомой, и даже считает восстание «моральной победой». Проблема, однако, заключалась в том, что целью восставших являлось самоопределение (точнее, восстановление) не нации в современном понимании, а полиэтнического государства имперского типа — Речи Посполитой «до Днепра и до Двины», которому предстояло перенять у разгромленной России доминирование в Восточной Европе. В этом государстве должны были господствовать польская культура и польское этническое начало, а разноэтничное подвластное население Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины подвергнуться полонизации — что в достаточно жесткой форме и будет осуществляться властями II Речи Посполитой в межвоенный период (Шевченко 2016). Понятно, что подобная программа ни в коей мере не была совместима с интересами России, каково бы ни было понимание этих интересов. Надо сказать, что имперские власти достаточно последовательно (в 1815 г. и во второй половине 1850-х гг.) пытались идти на уступки польским элитам — по справедливому замечанию рецензента, правительству совершенно

не нужны были очаги напряженности на западных границах империи. Однако каждый раз в ходе уступок начинал звучать лозунг «до Днепра и до Двины», что делало дальнейшие попытки сближения бессмысленными.

Нельзя согласиться с рецензентом в том, что имперские власти в ходе реализации своей политики в Царстве Польском и Западном крае необоснованно ссылались на принцип веротерпимости. Они его как раз и старались реализовать — отделить, в частности, в католицизме религиозное начало от политического, «сдержать католицизм в законных границах и, не касаясь его сущности как религии, не посягая на его догматы, — изъять из него и преобразовать в нем все, что он включил в себя враждебного и антигосударственного»¹. Этой цели служила программа «располюднения католицизма» в Западном крае, отделения его от польских политических лозунгов, включавшая в себя поощрение использования местных языков (литовского, белорусского) в так называемом дополнительном богослужении, продвижение в священники выходцев из местных народов. К католицизму как к таковому, как к религии, у властей претензий не было. К сожалению, для властей (и, видимо, для политической стабильности края в целом) реализация этой программы оказалась невозможной. Католицизм к середине XIX в. слишком тесно сросся с идеей польского доминирования в крае. В сознании клира (особенно высшего) жила па-

¹ Из записки А. П. Стороженко, председателя Ревизионной комиссии по делам римско-католического духовенства Северо-Западного края. См.: (Бендин 2018: 58).

мья о временах Речи Посполитой, когда католическая церковь была не просто терпимой, а господствующей. Все это ярко проявилось во время восстания. С началом антиправительственных выступлений костелы быстро превратились в центры революционной пропаганды. Там пелись революционные (не религиозные) гимны, произносились проповеди с призывом к восстанию, зачитывались манифесты повстанческого правительства. Ксендзы помогали создавать отряды повстанцев и возглавляли некоторые из них. Требования властей к епископам пресечь подобную деятельность оставались, как правило, без ответа, что вынуждало принять жесткие меры. Ситуация, сложившаяся к 1870 г., когда в Польше не осталось епископов-поляков, была следствием подобного развития событий, а не презрения властей к принципу веротерпимости.

Классическим примером нарушения Российской империей религиозных свобод считается массовое обращение в православие униатов Холмского края в 1875 г., но и здесь ситуация представляется достаточно сложной. Известно, что после объявления свободы совести в 1905 г. на Холмщине 120 тыс. местных жителей перешли в католицизм из православия, и это толкуется как доказательство того, что обращение униатов в свое время произошло насильственно. При этом редко задаются лежащим, казалось бы, на поверхности вопросом: а сколько бывших униатов в православии осталось? Поскольку в 1875 г. в православие обращено было 250 тыс. человек, а население края за 30 лет выросло примерно в 2 раза, очевидно, что большинство сохранило вер-

ность избранной ими вере. Не изменилось настроение обращенных и их потомков и в более поздний период, когда сменилась власть и они из прихожан «господствующей» конфессии фактически стали паствой церкви гонимой. По словам известного историка церкви Д. В. Поспеловского, «за двадцатилетнее владычество над этими краями религиозно крайне нетерпимого польского межвоенного режима... переходы в католичество были единичными» (*Преображенский* 1897: 53; *Всеподданнейший отчет* 1910: 29–31; *Поспеловский* 1996: 123). Это, разумеется, не значит, что репрессии в имперский период властями не применялись и их действия всегда были рациональны и обоснованны, однако мера и характер этих репрессий, а также оценка действий противоположной стороны требует внимательного рассмотрения.

Подводя итог, необходимо еще раз положительно оценить интерес к проблемам межнациональных отношений и «славянскому вопросу», выразившийся в появлении рецензии на сборник. Хочется надеяться и на дальнейшее укрепление единства славян, в том числе и путем проведения научных конференций, хотя едва ли таких, какие рекомендует рецензент — где в обязательном порядке будут присутствовать представители абсолютно всех славянских народов (к числу которых М. Сорока щедро причислила и литовцев). Думается, у славян есть потенциал для организации самых разных совместных действий, а не только обедов в складчину, о которых говорится в процитированном рецензентом эпатажном заявлении В. Г. Белинского. В заключение хотелось бы

также сказать несколько слов о политике России на Балканах — сюжете, которым завершается и рецензия. Безусловно, балканская политика России не была идеальной, но все же в тех грехах, о которых говорит рецензент, она не виновата. М. Сорока приводит отзыв жены русского посланника в Афинах о том, что противостоявшие в 1915 г. друг другу сербская и болгарская армии пользовались русским оружием. Почтенная дама, скорее всего, не разбиралась в видах вооружений и называла «берданками» все винтовки подряд. В реальности же славяне на Балканах во время Первой мировой войны стреляли друг в друга не из русских винтовок, а из немецких «маузеров» и австрийских «манлихеров». И это тоже было по-своему символично.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бендин 2017 — *Бендин А. Ю.* Михаил Муравьев-Виленский. Усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи. М.: Книжный мир, 2017.

Бендин 2018 — *Бендин А. Ю.* Власть и католическое духовенство Северо-Западного края в период восстания 1863 г. // Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков. Сборник статей / научный редактор А. Ю. Полунов. М.: Модест Колеров, 2018.

Всеподданнейший отчет 1910 — Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб.: Синодальная типография, 1910.

Демченко 2015 — *Демченко А. П.* Военно-политическая программа Временного правительства России и позиция Великобритании // Межвузовская научная конференция «Россия в Первой мировой войне: проблемы истории и историографии»: сборник докладов. 28 ноября 2014 г. СПб.: ЛЭТИ, 2015. С. 111–118.

Западные окраины 2006 — Западные окраины Российской империи. М.: НЛЮ, 2006.

Комзолова 2005 — *Комзолова А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005.

Поспеловский 1996 — *Поспеловский Д.* Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М.: Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 1996.

Преображенский 1897 — *Преображенский И. В.* Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1897.

Шевченко 2016 — *Шевченко К. В.* Русский мир в борьбе за выживание: западнобелорусские земли в составе Польши в 1919–1939 гг. // Университетский вестник Смоленского государственного университета. 2016. № 1(17). С. 91–111.

ON THE DISCUSSION ABOUT THE COLLECTION OF ESSAYS "RUSSIA AND THE SLAVIC WORLD IN THE WARS AND CONFLICTS OF NINETEENTH — TWENTY FIRST CENTURY / ED. BY A.YU. POLUNOV. MOSCOW: MODEST KOLEROV, 2018"

Polunov Alexander Yu. — PhD in History (Doctor of Historical Sciences), Professor, Head, Department of Interethnic and Interconfessional Relations Management; School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Key words: Russia, Slavic peoples, Balkans, inter-ethnic and inter-confessional relations, autocracy, religious tolerance, Polish question.

Abstract. The article deals with the M. Soroka's review on the collection of essays entitled "Russia and the Slavic World in the Wars and Conflicts of Nineteenth – Twenty First Century" which touches on the key controversial issues of the relationship between Slavic peoples. The author points to the factual mistakes in the review and criticizes the reviewer's notions of Russian autocracy, its role in the implementation of the social reforms and regulation of the inter-ethnic and inter-confessional relations in Russian empire. The reviewer's assessments of the Polish rebellions of 1830–1831 and 1863–1864, Russian policy on the Balkans, and other issues are criticized as well.

REFERENCES

- Bendin A.Yu. *Mihail Murav'ev-Vilenskii. Usmiritel' i reformator Severo-Zapadnogo kraia rossiiskoi imperii*. Moscow: Knizhnyi mir, 2017.
- Bendin A.Yu. *Vlast' i katolicheskoe duhovenstvo Severo-Zapadnogo kraia v period vosstaniia 1863 g. Rossiia i slavianskii mir v voinah i konfliktah XIX–XXI vekov. Sbornik statei*, red. A. Yu. Polunov. Moscow: Modest Kolerov, 2018.
- Demchenko A.P. *Voenno-politicheskaia programma Vremennogo pravitel'stva Rossii i pozitsiia Velikobritanii. Mezhvuzovskaia nauchnaia konferentsiia «Rossia v Pervoi mirovoi voine: problemy istorii i istoriografii»: sbornik dokladov. 28 noiabria 2014 g.* St. Petersburg: LETI, 2015, pp. 111–118.
- Komzolova A.A. *Politika samodержavna v Severo-Zapadnom krae v epohu Velikih reform*. Moscow: Nauka, 2005.
- Pospelovskii D. *Pravoslavnaia tserkov' v istorii Rusi, Rossii i SSSR*. Moscow: Bibl.-bogosl. in-t sv. apostola Andreia, 1996.
- Preobrazhenskii I.V. *Otechestvennaia tserkov' po statisticheskim dannym s 1840–41 po 1890–91 gg.* St. Petersburg: Tip. E. Arngol'da, 1897.
- Shevchenko K.V. *Russkii mir v bor'be za vyzhivanie: zapadnobeloruskie zemli v sostave Pol'shi v 1919–1939 gg. Universitetskii vestnik Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 1 (17), pp. 91–111.
- Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora Sviateishego Sinoda po vedomstou pravoslavnogo ispovedaniia za 1905–1907 gg.* St. Petersburg: Sinodal'naia tipografiia, 1910.
- Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii*. Moscow: NLO, 2006.

В. И. Цвиркун

«МНЕ СОВСЕМ НЕ ВСЕ РАВНО, ЧТО СКАЖЕТ ОБО МНЕ ПОТОМСТВО»

Рец.: *Воробьева Н. Н.* Фельдмаршал Гурко. От Дуная до Варшавы. М.: Вече, 2019. 316 с.

Ключевые слова: И. В. Гурко, Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Александр II, Александр III, Царство Польское.

Аннотация. Рецензируется жизнеописание выдающегося русского военного и государственного деятеля последней четверти XIX в. фельдмаршала Иосифа Гурко.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-250-255

Среди недавних книжных новинок особое место занимает монография Н. Н. Воробьевой «Фельдмаршал И. В. Гурко. От Дуная до Варшавы», посвященная одному из выдающихся полководцев и военных стратегов России. К сожалению, следует признать, что к настоящему времени, в отличие от многих военных и административных деятелей российской истории, деятельность и военные подвиги генерала-фельдмаршала Иосифа Владимировича Гурко не стали предметом специальных и глубоких научных исследований. И в этом плане книга Н. Н. Воробьевой значительно восполняет существующий историографический пробел.

Изучив и проанализировав массивный пласт архивных документов и письменных источников, автор

представляет развернутую биографию выдающегося военачальника и государственного деятеля Российской империи 2-й половины XIX ст. Читателю впервые представлено генеалогическое древо генерал-фельдмаршала. Примечательно, что и здесь пылкий ум и скрупулезность исследователя позволили Н. Н. Воробьевой внести уточнения и исправить неточности, касающиеся родословной предков И. В. Гурко (с. 13–14). Изучая хитросплетения генеалогического древа рода Гурко, автор аргументированно доказала, что потомки фельдмаршала происходят из польского шляхетства Витебского воеводства, их родовым гнездом были находившиеся неподалеку от Витебска имения Крынки и Кротовша (с. 24–26). Вместе с тем, повествуя о родственных связях рода Гурко с видными российскими фами-

© В. И. Цвиркун, 2020

Цвиркун Виктор Иванович — доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, Чрезвычайный и пономочный посол Республики Молдова в Государстве Катар (Кишинев); tvircun_victor@yahoo.com

лиями Корф, Нарышкины, Трубецкие, автор справедливо отмечает, что их история еще ждет своего исследователя, «являясь делом будущего» (с. 28).

Из-под пера Н. Н. Воробьевой вырисовывается портрет человека, который всю свою судьбу связал со служением Отчизне, его жизненным кредо стали слова «Чист, как золото, крепок — как сталь» из девиза Пажеского корпуса, оконченного им в 1846 г. Выпущенный из стен этого престижного военно-учебного учреждения России и зачисленный корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк, И. В. Гурко прошел тернистый путь военной карьеры от низшего офицерского чина до высшего воинского звания — генерал-фельдмаршала.

Основываясь на документальных материалах Российского государственного военно-исторического архива, автор исследования воспроизводит все ступени служебной карьеры И. В. Гурко, связанные с его участием в кампаниях и войнах середины XIX в. Нашему вниманию предлагается одна из малоизученных страниц административной деятельности флигель-адъютанта императора Александра II — обнародование и разъяснение крестьянам Самарской губернии «Манифеста» об отмене крепостного права. «Действуя в контакте с местными властями, — как отмечает автор монографии, — ему удалось добиться взаимопонимания с крестьянами». Предпочитая улаживать спорные вопросы убеждением и разъяснением, И. В. Гурко сумел предотвратить и разрешить большинство конфликтных ситуа-

ций. Ему же принадлежала инициатива «введения института мировых посредников, допускаемых к должности без утверждения Сенатом» (с. 47). В этом проявились замечательные качества и административный талант будущего военачальника, а впоследствии генерал-губернатора в ряде важнейших и сложнейших губерний на юго-западных и северо-западных рубежах государства.

События Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. с полной силой раскрыли И. В. Гурко как талантливого военачальника, стратега, организатора и администратора. Несомненной заслугой автора монографии является описание боевых операций на Балканах с участием генерала И. В. Гурко на фоне глубокого анализа внутри- и внешнеполитической обстановки в Российской империи и за ее пределами. Автор справедливо замечает, что на протяжении 1875–1877 гг. российское правительство неоднократно пыталось дипломатическими способами, путем переговоров и компромиссов решить проблемы на Востоке в пользу балканских христиан. Однако их решение мирными средствами становилось все менее реальным из-за неуступчивой позиции Османской империи и деструктивных действий ряда европейских стран. Защитником и проводником интересов балканских христиан выступала в тех условиях одна Россия. Позицию Германии относительно участия в судьбе балканских народов выразил канцлер Отто фон Бисмарк, заявив публично: «Все Балканы вместе с Константинополем не стоят костей и одного померанского гренадера»¹.

¹ Цит. по: (Душенко 2008: 43).

Этой же точки зрения придерживался официальный Лондон, считавший излишним жертвовать британскими интересами из-за того, что «какие-то башибузуки перебили столько-то бесполезных и несчастных болгар» (Виноградов 1985: 115). При этом, вступая в вооруженное столкновение с Турцией, российское руководство, как справедливо отмечает автор, преследовало главной своей целью «положить конец постоянным кризисам на Востоке». По мнению Н. Н. Воробьевой, достичь ее можно было бы в том случае, если безопасное существование христианского населения Балкан, в первую очередь болгар, было реально гарантировано против злоупотреблений со стороны турецких властей.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала кульминацией Восточного кризиса. Вступив в единоличное противоборство с Османской империей для защиты единоверных народов Балкан, Россия впервые после Отечественной войны 1812 г. воплотила в себе единение власти и народа. Все общество старалось быть причастным к освобождению балканских христиан из-под многовекового османского владычества. Среди тех, кто стремился попасть в гущу военных действий в Болгарии, был и командир Гвардейского корпуса генерал И. В. Гурко. 15 июня 1877 г. состоялось его назначение начальником Передового отряда действующей армии, а спустя неделю он уже принял командование над ним.

С этого момента начинается активное участие И. В. Гурко в наиболее значимых боевых операциях и сражениях кампании 1877 и 1878 гг. Вызывает

неподдельное удивление тот факт, насколько скрупулезно и детально Н. Н. Воробьева описывает военные действия и рейды, проводимые генералом против турецких войск. Автор воспроизводит реальную картину боевых успехов и побед, одержанных кавалерийскими частями И. В. Гурко над неприятелем. Нельзя не согласиться с ее оценкой огромной военной и политической значимости для всей кампании факта освобождения кавалеристами генерала древней столицы Болгарии — Велико Тырново. Благодаря исследованию Н. Н. Воробьевой перед нами вырисовывается портрет не только успешного и талантливого военачальника, но человека с его переживаниями, волнениями и присущими только ему характерными чертами. Воздержанный и умеренный во всем, он отличался чрезвычайной энергичностью, неустанным трудолюбием, умелой распорядительностью, самоотверженностью и беспримерной храбростью — качествами, высоко ценившимися в войсках. Его талант организатора и распорядителя проявлялся не только на поле боя. После освобождения Велико Тырново усилиями И. В. Гурко в городе была учреждена комиссия для наблюдения за общественным порядком, городской совет и местная милиция, во главе которых были поставлены известные болгарские религиозные и общественные деятели. Здесь закладывались основы нового болгарского государства. К сожалению, автор не уделила достаточного внимания роли и месту И. В. Гурко в комплектации и участии частей болгарского ополчения в руководимых генералом боевых операциях. Это тоже одна из интересных страниц его биографии.

Нет необходимости описывать историю боевого пути генерала И. В. Гурко во время Русско-турецкой войны. Эту задачу, как заправский военный историк, блестяще выполнила Н. Н. Воробьева. Важно то, что через все повествование об этих событиях красной линией проходит рассказ о человеке, истово и творчески преданном делу, которому посвятил всю свою жизнь, человеку, питавшем уважительное и благородное отношение к народу, за свободу и будущее которого он воевал.

По завершении войны начинается новая, особая глава в военно-политической биографии И. В. Гурко — деятельность на посту генерал-губернатора в наиболее динамично развивающихся и в то же время самых беспокойных губерниях Российской империи. Читатель с удовольствием познакомится с фактами его службы в должности временно исполняющего обязанности генерал-губернатора Санкт-Петербурга. Несмотря на все перипетии дворцовых интриг и корпоративных интересов различных министерств и ведомств, которым был абсолютно чужд И. В. Гурко, ему удалось проявить себя незаурядным руководителем. Стараниями Н. Н. Воробьевой перед нами предстает не шаблонный тип сатрапа и деспота, гонителя и душителя свободы александровской эпохи, а личность государственного масштаба, человек беспорочной честности, высоких моральных и нравственных качеств, чрезвычайно преданный делу и интересам Отечества. В борьбе за соблюдение порядка и спокойствия в вверенной ему губернии он не упускал мелочей, но и не впадал в крайности. Зная цену человеческой

жизни, он нередко отменял смертные меры наказания, что привело к неудовольствию монарха, а впоследствии послужило причиной его отставки.

В течение полутора лет, с января 1882 по июль 1883 г. И. В. Гурко исполнял должность временного Одесского генерал-губернатора и командующего войсками Одесского военного округа. За этот небольшой промежуток времени новый генерал-губернатор сумел оставить по себе добрую память у жителей этой юго-западной провинции Российской империи. Помимо сугубо военной и административной деятельности И. В. Гурко активно занимался вопросами просвещения и культуры губернии и города. За счет казны и личных средств оказывал помощь нуждающимся, способствовал развитию здравоохранения и художественных школ Одесского общества изящных искусств.

Труды И. В. Гурко были замечены и по достоинству оценены в столице. Следующим его назначением стала должность варшавского генерал-губернатора и командующего войсками Варшавского военного округа, в которой он находился более десяти лет.

Занимая высший административный пост в одном из наиболее сложных и беспокойных регионов страны, И. В. Гурко много сделал для его социально-экономического, духовного и культурного роста. Как свидетельствуют материалы исследования Н. Н. Воробьевой, в течение 80–90-х гг. XIX в. Царство Польское стремительно превращалось из преимущественно аграрного региона в регион с развитым промышленным

производством. В большей степени эти успехи были достигнуты не в последнюю очередь благодаря правительственной политике России, проводимой и реализованной варшавским генерал-губернатором.

Автор справедливо отмечает роль И. В. Гурко в подготовке кадров специалистов для развивающейся промышленности вверенного ему края. В этой связи он издал циркуляр, на основании которого все специалисты промышленных предприятий должны были представить в администрацию свидетельства о знании польского или русского языка. Не имевшие такового подлежали увольнению с должности. Результатом предпринятых мер стало существенное изменение пропорции национальных кадров в среднем звене управленческого персонала. Ярким примером тому служит ситуация в г. Лодзь, одном из промышленных центров Польши. Если в 1884 г. среди мастеров промышленных предприятий этого города не числился ни один поляк, то к 1894 г. они составили «среди инженеров (главных мастеров) — 44%, а среди мастеров — 73%» (с. 182).

Наряду с вышеуказанными проблемами развития края, сферой особого внимания и деятельности И. В. Гурко являлись упрочение боеспособности войск Варшавского военного округа и создание системы оборонительных сооружений на случай предстоящей войны. Н. Н. Воробьева проделала огромную исследовательскую работу для воссоздания картины многоплановой деятельности генерал-губернатора по организации защиты этого важного региона на западных рубежах империи. Многие из задуманного и выполненного им в этом направлении в период десятилетнего управления Варшавским генерал-губернаторством сыграло важную роль спустя 20 лет, во время Первой мировой войны.

Несомненно, положительной стороной рецензируемой монографии является ее полемический характер. Используя арсенал архивных и опубликованных документов, Н. Н. Воробьева активно вступает в спор с маститыми историками, отстаивая свою точку зрения на те или иные спорные вопросы военной и административной биографии И. В. Гурко и разрушая при этом сложившиеся ложные стереотипы и штампы, относящиеся к его многолетней деятельности на службе Отечеству.

Следует отдать должное тому факту, что в своем исследовании Н. Н. Воробьева обратилась и к посмертной биографии генерал-фельдмаршала, судьбе его библиотеки, усадьбы, да и самого захоронения, восстановленного в последние годы.

Особенной привлекательностью книги является ее язык, грамотный и живой, делающий это произведение доступным и легко читаемым. Буквально на одном дыхании.

Убежден, что представленное ученым-историком Н. Н. Воробьевой исследование о жизни и деятельности фельдмаршала И. В. Гурко найдет заинтересованного читателя далеко за пределами России, и в первую очередь среди историков Болгарии и Польши.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Душенко 2008 — Душенко К. Кости поморанского гренадера // Читаем вместе. М., 2008. № 2.

Виноградов 1985 — Виноградов В.Н. Берлинский конгресс перед судом истории // Великие силы и Балканите в ново и най-ново време. София, 1985.

“IT’S NOT AT ALL INDIFFERENT FOR ME WHAT MY DESCENDANTS WILL SAY ABOUT ME”

Rev.: Vorob'eva N. N. Fel'dmarshal Gurko. Ot Dunaia do Varshavy. Moscow: Veche, 2019. 316 p.

Tvirun Victor I.— doctor of historical sciences, doctor of pedagogical sciences, professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Moldova to the State of Qatar (Chisinau)

Key words: I. V. Gurko, Russian-Turkish war of 1877–1878, Alexander II, Alexander III, Kingdom of Poland.

Abstract. The biography of the outstanding Russian military commander and statesman of the last quarter of the XIX century Field Marshal Joseph Gurko is reviewed.

REFERENCES

Dushenko K. Kosti pomoranskogo grenadiera. *Chitaem vmeste*. Moscow, 2008, no. 2.

Vinogradov V.N. Berlinskii kongress pered sudom istorii. *Velikite sili i Balkanite v novo i nai-novo vreme*. Sofia, 1985.

И. Н. Селиванов

Рец.: Животич А. Югославно-советские военные противоречия (1947–1957): искушения союзничества. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 230 с.

Ключевые слова: СССР, Югославия, военное сотрудничество, советско-югославский конфликт 1948 г., И. В. Сталин, Й. Броз Тито, Н. С. Хрущев, советская политика на Балканах.

Аннотация. Рецензируется монография современного сербского историка, посвященная советско-югославскому военному сотрудничеству как в первые послевоенные годы, до конфликта 1948 г., так и на первом этапе после восстановления двусторонних отношений в середине 1950-х гг.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-256-261

Феномен «социалистической Югославии» уже несколько десятилетий является предметом пристального изучения историков, придерживающихся самых различных взглядов. По данной тематике опубликовано большое количество работ, затрагивающих разные периоды ее истории. Среди них заметное место занимают исследования сербских специалистов, до сих пор не переведенные на английский, русский и другие языки и в силу этого доступные достаточно узкому кругу читателей.

Для русскоязычной аудитории в какой-то степени эту ситуацию меняют в лучшую сторону некоторые российские издательства, в частности, «Политическая энциклопедия» (более известное своим прежним названием РОССПЭН), где была опубликована монография сербского исследователя довольно молодой генерации, профессора кафедры истории Югославии университета Бел-

града Александра Животича¹. Она посвящена югославно-советским контактам в военной сфере в послевоенный период.

Стоит особо отметить, что пришедшие к власти в Югославии в ноябре 1944 г. И. Броз Тито и его единомышленники из числа лидеров партизанского движения периода Второй мировой войны одновременно являлись руководителями Коммунистической партии Югославии (КПЮ). Их авторитет в югославском обществе был достаточно высок и в первую очередь опирался на успехи в борьбе с оккупантами, а не на советское военное присутствие и политическую поддержку СССР, как это наблюдалось в ряде других европейских стран.

Стоит отметить, что И. В. Сталин вначале весьма позитивно отнесся к такому развитию событий на территории всегда имевшего важное геополитическое значение для СССР

© И. Н. Селиванов, 2020

Селиванов Игорь Николаевич — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Курского государственного университета (Курск); ivan13117@yandex.ru

¹ Сербское издание книги вышло в Белграде в 2015 г.

Балканского полуострова. Он наверняка увидел в Тито (награжденном по его инициативе в период войны высшими советскими военными орденами «Победа» и Суворова первой степени) в перспективе чуть ли не свою правую руку по руководству создаваемым им в Восточной и Юго-Восточной Европе союзным СССР «народно-демократическим» блоком. Конечно, Тито, принимая такого рода «покровительство», в конечном итоге руководствовался собственными представлениями о будущем Югославии, отчетливо понимая, сколь сложное государственное объединение досталось ему в наследство. И военная мощь «новой» Югославии представлялась ему одной из самых важных гарантий устойчивости нового режима.

Хотя уже в период триестского кризиса 1945 г. Сталин не был склонен в полной мере поддерживать амбиции Тито, не желая конфликтов с западными союзниками, вначале югославский лидер действовал вполне разумно и старался не разочаровывать своего московского «покровителя», публично подыгрывая ему по разным для него принципиальным вопросам. Он и его сторонники явно надеялись в качестве ответной позитивной реакции получить от Сталина согласие на формирование «Балканской федерации», в которую в перспективе планировалось включить некоторые соседние страны «народной демократии».

Большие расчеты у Сталина и Тито были и на победу коммунистов

в гражданской войне в Греции с последующим расширением советского блока (как минимум за счет северной части этой страны, где позиции компартии, руководимой радикальным сталинистом Никосом Захариадисом, были особенно сильными)².

Естественно, что при подобных амбициозных планах СССР одним из важнейших в двусторонних отношениях должно было стать военное сотрудничество, направленное на превращение Югославии в форпост советского военно-политического влияния не только на Балканах, но и во всей Европе. Тито мог при таком раскладе надеяться на роль своеобразного «смотрящего» за практическим осуществлением идей социализма в их сталинской интерпретации не только в Юго-Восточной, но и на всей территории Восточной Европы. Не случайно созданное в 1947 г. Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ) поначалу разместило свою штаб-квартиру в Белграде.

Это была лишь часть сталинского плана по усилению советского влияния не только в Европе, но и во всем мире. В этом контексте стоит отметить, что до конца 1947 г. Сталин рассчитывал на укрепление позиций СССР на Ближнем Востоке путем поддержки сторонников создания там еврейского государства. На Дальнем Востоке предпринимались попытки поставить под полный контроль Северную Корею путем отправки туда не только военной и эко-

² В 2017 г. издательство «Нестор-История» опубликовало сборник документов из фондов российских архивов, посвященных этому неординарному политическому деятелю (Никос Захариадис 2017).

номической помощи, но и советских граждан корейской национальности, имевших опыт партийной и хозяйственной деятельности. Большие планы связывались советским руководством и с победой коммунистов в Китае, во главе которых стоял не менее харизматичный, чем Тито, Мао Цзэдун. Естественно, возникает закономерный вопрос: почему у Сталина, а потом и у его преемников ничего не получилось, в том числе и на «югославском направлении»? На наш взгляд, рецензируемое исследование А. Животича хотя бы частично позволяет получить на него аргументированный ответ.

Кроме того, монография заполняет определенный историографический пробел, возникший в изучении «военного фактора» в истории становления и развития мирового социализма в начальный период холодной войны.

Стоит отметить, что работа основывается не на эмоциях и оценочных суждениях, а на изучении автором широкого круга исторических источников, прежде всего из фондов российских, сербских, английских и американских архивов. Автор также привлек обширный круг мемуарной литературы и исторических работ сербских и зарубежных авторов, прямо или косвенно относящихся к теме его исследования. Такая солидная источниковая и историографическая базы позволили воссоздать достаточно полную картину эпохи, на фоне которой выстраивались югославо-советские военные контакты.

Автор в Предисловии к книге прямо отметил, что поставил перед собой

в качестве приоритетной задачу проанализировать дискуссионные моменты югославо-советского военного сотрудничества, причины возникновения проблем в двусторонних контактах, а также их роль сначала в процессе общего сближения между двумя государствами, а затем и в конфликте, в полной мере развернувшимся с середины 1948 г. (с. 5–6).

Работа состоит из пяти основных разделов, выстроенных по проблемно-хронологическому принципу. Четыре из них относятся к 1947–1948 гг., т.е. к периоду до начала советско-югославского конфликта. Последний посвящен 1954–1957 гг., когда в полном объеме началось постепенное восстановление двусторонних связей по государственной и, частично, по партийной линиям. На наш взгляд, это вполне логичный подход к реализации авторского замысла.

Таким образом, хронологические рамки работы не представляют из себя единого временного отрезка, а их разграничивают периоды практически полного разрыва в 1948–1953 гг. и частичного восстановления контактов в 1954–1955 гг., когда ни о каких формах военного сотрудничества не могло быть и речи. В итоге получилось два больших очерка, объединенных авторским замыслом в единое по тематике исследование.

В первом разделе работы, озаглавленном «Передача знаний: советские учителя и югославские ученики», показано начало процесса создания самого механизма двустороннего военного сотрудничества, что было связано с прибытием в Югославию

первых советских военных специалистов и направлением белградским руководством офицеров Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) для обучения в советских высших военных заведениях. Отдельные подразделы книги также освещают материальное положение НОАЮ, возникшие разногласия и проблемы, процесс отзыва советских военных специалистов из Югославии и югославских слушателей из советских военных учебных заведений в первые месяцы конфликта, а также реакцию югославской общественности на нахождение советских военных специалистов на территории страны.

Второй раздел посвящен советским военным поставкам в Югославию в контексте противоречий, возникших из-за несоответствия запросов югославского руководства и мотивов, которыми при этом руководствовались в Кремле. Весьма характерно его название, включающее такой пассаж, как «яблоко раздора» между югославскими запросами и советской реальностью. Автором рассмотрены такие малоисследованные вопросы, как процесс поставки советского вооружения и военной техники в Югославию, помощь СССР в восстановлении югославской военной промышленности, предпосылки возникновения кризиса в сотрудничестве на этом направлении. В формате отдельных подразделов рассмотрены проводившиеся двусторонние переговоры, югославские запросы к советской стороне, ответные позиции и предложения Советского Союза.

Третья часть монографии не имеет прямого отношения к заявленной

теме исследования, но она важна в плане реализации замысла автора, стремившегося показать противоречивый характер югославских планов развития собственной государственности. Здесь имеется информация о численности и оснащенности югославской армии, планировании сосредоточения и развертывания НОАЮ, проблемах создания в ней бронетанковых подразделений, формировании военной промышленности, а также о югославских доктринах и оценках геостратегического положения страны.

Следующий раздел книги А. Животича характеризует югославскую военную политику на Балканах в контексте складывавшихся накануне советско-югославского разрыва отношений Белграда с соседними Албанией и Грецией. Он также прямо не относится к тематике югославско-советского военного сотрудничества, но имеет важное значение для понимания природы усиления двусторонних противоречий в исследуемый период.

По мнению автора, одной из важнейших причин югославско-советского конфликта, и в том числе возникавших противоречий в военной сфере, стало присутствие югославских войск на албанской и греческой территориях, что в тот момент входило в противоречие с советскими интересами на Балканах.

Содержащиеся в этом подразделе материалы об отношениях в четырехугольнике «Москва — Белград — Тирана — Афины» дополняют другие работы А. Животича, являющегося признанным специалистом по дан-

ной тематике (*Животич* 2011; 2013; 2014; 2018; Советско-югославский конфликт... 2017).

Заключительный раздел книги характеризует попытки восстановления югославо-советских военных отношений накануне и после окончания XX съезда КПСС. Автор в отдельном подразделе охарактеризовал проблемы, возникшие на этом направлении, попытки восстановления военных связей, дальнейшее развитие двустороннего сотрудничества в военной сфере, особенно во время визита в 1957 г. союзного секретаря по вопросам обороны генерала И. Гошняка в Москву. Особого внимания заслуживает стремление автора разобраться в достаточно непростом вопросе, связанном с визитом маршала Г. К. Жукова в Югославию, завершившемся его отстранением от должности министра обороны СССР и отправкой в отставку на октябрьском 1957 г. Пленуме ЦК КПСС.

По его оценке, именно отстранение Жукова от занимаемой должности, наряду с некоторыми другими событиями (советская интервенция в Венгрии, действовавшая программа западной военной помощи Югославии, споры по поводу принятых документов Совещания коммунистических и рабочих партий 1957 г. и др.), прервало дальнейшие переговоры о возобновлении двустороннего военного сотрудничества, восстановившегося уже на совершенно новой основе начиная с 1961 г. (с. 202–203).

Несомненный интерес для специалистов могут вызвать помещенные

в приложении материалы из фондов Военного архива НОАЮ: карты югославского военного плана «Максимум» и оперативного плана «Сталь» («Челик»), а также текст югославо-советского военного соглашения от 30 июля 1947 г. и составленная автором таблица, содержащая сведения о советских поставках вооружения для НОАЮ, реализованных на основе данного соглашения.

Как нам представляется, рецензируемая книга сербского историка может быть использована не только в научных целях, но и в учебном процессе при изучении различных курсов бакалавриата и магистратуры в гражданских вузах и в высших военных учебных заведениях.

Конечно (и автор это признает в своей работе), далеко не все сюжеты, связанные с двусторонним военным сотрудничеством, ему удалось проанализировать, в том числе и из-за неполноты предоставленных ему для изучения материалов Военного архива Сербии и отказа Центрального архива Министерства обороны РФ помочь с реализацией проекта (по причине нахождения значительной части материалов на секретном хранении). К сожалению, эта проблема касается не только темы югославо-советского военного сотрудничества, но и многих других исторически значимых проблем, когда ведомственные архивы зачастую отказывают исследователям по совершенно надуманным предлогам. Но достойна внимания и одобрения сама попытка автора поднять в формате монографического исследования столь значимую тему.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Животич 2011 — Животич А. Югославия, Албания и великие державы (1945–1961). Београд, 2011 (на серб. яз.).

Животич 2013 — Животич А. Советский Союз и югославо-албанские отношения (1956–1961) // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. М., 2013. С. 158–176.

Животич 2014 — Животич А. Албания и югославское виденье Балканской федерации после Второй мировой войны // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. М., 2014.

Животич 2018 — Животич А. Советский Союз и югославско-греческие отноше-

ния (1944–1949). Почему Югославия прекратила помогать греческим партизанам // 1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции. М., 2018.

Никос Захариадис 2017 — Никос Захариадис. Жизнь и политическая деятельность (1923–1973): документы. М.; СПб., 2017.

Советско-югославский конфликт... 2017 — Советско-югославский конфликт и укрепление советского влияния в Албании. 1948–1953 гг. // Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока 1948–1953 гг. Очерки истории. М.; СПб., 2017.

Rev.: Zhivotich A. Iugoslavsko-sovetskie voennye protivorechiia (1947–1957): iskusheniia soiuznichestva. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2019. 230 s.

Selivanov Igor N. — doctor of historical sciences, Professor, Head of the Department of General history, Kursk State University (Kursk)

Key words: USSR, Yugoslavia, military cooperation, Soviet-Yugoslav conflict of 1948, I. V. Stalin, J. Broz Tito, N. S. Khrushchev, Soviet politics in the Balkans.

Abstract. The monograph paper of a contemporary Serbian historian is reviewed, its subject — the Soviet-Yugoslav military cooperation both in the first post-war years, before the conflict of 1948, and at the first stage after the restoration of bilateral relations in the mid-1950s.

REFERENCES

Nikos Zakhariadis. *Zhizn' i politicheskaiia deiatel'nost' (1923–1973): dokumenty.* Moscow; St. Petersburg, 2017.

Sovetsko-iugoslavskii konflikt i ukreplenie sovetского vliianiia v Albanii. 1948–1953 gg. *Moskva i Vostochnaia Evropa. Sovetsko-iugoslavskii konflikt i strany sovetского bloka 1948–1953 gg.* Oчерki istorii. Moscow; St. Petersburg, 2017.

Zhivotich A. *Albaniia i iugoslavskoe viden'e Balkanskoi federatsii posle Vtoroi mirovoi voiny. Balkany v evropeiskikh politicheskikh proektakh XIX XXI vv.* Moscow, 2014.

Zhivotich A. *Iugoslaviia, Albaniia i velikie derzhavy (1945–1961).* Beograd, 2011 (na serb. iaz.).

Zhivotich A. *Sovetskii Soiuz i iugoslavo-albanskii otnosheniia (1956–1961). Moskva i Vostochnaia Evropa. Neprostrye 60-e... Ekonomika, politika, kul'tura.* Moscow, 2013, pp. 158–176.

Zhivotich A. *Sovetskii Soiuz i iugoslavsko-grecheskii otnosheniia (1944–1949). Pochemu Iugoslaviia prekratila pomogat' grecheskim partizanam. 1000 let vmeste: kliuchevye momenty istorii Rossii i Gretsii.* Moscow, 2018.

А. А. Тесля

ОТСУТСТВУЮЩИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ СОВЕТСКОМУ МЕЙНСТРИМУ¹

Рец.: Крих С. Б. Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.

Ключевые слова: антиковедение, марксистская историография, советская историография, советская историческая наука.

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения монографии С. Б. Криха о «периферийной» советской истории Древнего Востока и Античности. Особенное внимание уделяется выявлению общих тенденций и структурных особенностей советской исторической науки — в том виде, как она сложилась в 1930-е гг. и просуществовала до 1980-х гг. DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-262-266

Новая работа С. Б. Криха, известного специалиста в области отечественной историографии древней истории, посвящена, как и сказано в подзаголовке, «периферийной» советской науке о древности. Однако содержательно работа далека от описательности. Если попытаться сформулировать основной сюжет книги — то это история о том, была ли советская «периферийная» исто-

риография областью принципиальных, не реализовавшихся альтернатив «мейнстриму», представляла ли она возможность «другой истории» исторической науки — или же речь идет именно о вариантах одной и той же истории.

Ответ, который дает автор на поставленный вопрос, — достаточно жесткий вариант второго.

© А. А. Тесля, 2020

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград); mestr81@gmail.com

¹ Работа была выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Понятно, что, когда мы говорим о «периферии», и Крих это подчеркивает со всей тщательностью, само это понятие обретает конкретное значение в соотношении с «центром». В этом смысле говорить о единстве «периферии» не приходится — это не только соотносительное, но и негативное понятие, то, что оказывается за границами «мейнстрима».

Тем самым обобщенная содержательная характеристика «периферии» невозможна — ее описание предстает как серия очерков, рассматривающих конкретные варианты периферийности — от невозможности, неудачи попыток попасть в «ядро» вплоть до более или менее сознательных стратегий уклонения. Но вторые по определению не претендуют на переопределение «ядра», на то, чтобы предложить альтернативу «мейнстриму» — их логика заключается в нахождении лакуны, выстраивании сосуществования с мейнстримом — в идеале так, чтобы их деятельность оказывалась признанной и востребованной со стороны «ядра», при этом не вынуждая ни одну из сторон к изменению собственного поведения.

Примером такого рода в работе Криха выступает случай М. Е. Сергеенко (ч. 1, гл. 5) — с ее уходом в исследования древнеримских аграриев, как в дальнейшем — в очерки частной жизни, в которых отсутствует обобщающая, теоретическая часть. Тем самым «частная жизнь» оказывается сугубой фактичностью — не притязанием под этим углом посмотреть на Античность, переопределяя теоретические установки, а «иллюстрацией». Поэтому и многочисленные су-

ждения, которые, будучи поставлены в другую рамку, вызвали бы серьезные дебаты, воспринимаясь как расходящиеся с преобладающим пониманием Античности — в очертках Сергеенко проскальзывают, не порождая реакции — а следовательно, и оберегая положение автора, и вместе с тем оставаясь в своих следствиях для теории если не совсем бесплодными, то именно конкретными отклоняющимися суждениями, не выстраиваясь в последовательность какой-то иной системы.

Для понимания сути концепции Криха очень полезна предлагаемая им периодизация — не претендующая на абсолютность, но выступающая именно удобным исследовательским инструментом в соответствии с поставленными задачами. Автор делит интересующий его предмет на следующие периоды:

— во-первых, протосоветский, 1920-е, когда говорить о каком-то определенившемся «мейнстриме» не приходится, в это время соперничают разнообразные направления и подходы — при этом в отсутствие преобладающей институции само пространство «научного» оказывается разомкнутым, допускающим в качестве предмета обсуждения, например, и хронологические построения Н. А. Морозова, истолковываемые в рамках его собственного понимания марксизма;

— вторым периодом становится время с конца 1920-х и вплоть до начала 1950-х — оформление мейнстрима, от первых вариантов теорий, признанных в качестве руководящих, вплоть до их зрелых версий, созданных в ходе дебатов 1930–1940-х гг. и,

в частности, предполагающих взаимовязку — ориентированных на поставленную общую цель создания последовательного теоретического описания древнего мира, успешно претендующего на выражение марксистской ортодоксии в конкретном исследовательском поле;

— третий период, с начала 1950-х и до конца 1960-х — пересмотр и смягчение жесткости теоретического ядра, допущение дискуссионности целого ряда положений — и фиксация самой «дискуссионности» как нормального состояния, по крайней мере по отдельным вопросам;

— четвертый — с начала 1970-х и до 1990 г. — инерционный, характеризующийся общей усталостью от теоретических споров по концептуальному ядру — и неготовностью инвестировать себя в подобное противостояние, поскольку никакой решительной победы в итоге не ожидается и состоянием по итогу в любом случае будет достаточно размытый теоретический результат, позволяющий включить преобладающее число сильных позиций.

При этом, как отмечает Крих, для третьего периода характерно стремление к достаточно широким, компромиссным формулировкам — в том числе, видимо, и с сохранением памяти о баталиях 1930–1940-х гг., и с консенсуальным нежеланием возвращаться к подобным противостояниям — тогда как для четвертого преобладающей становится именно инерция, реализация исследовательских программ с достаточно предсказуемыми результатами.

Рассматривая тех, кто оказался на периферии в 1930–1940-е гг., потерпев поражение в своих притязаниях на доминирующее положение в дисциплине — в частности, Н.М. Никольского (ч. 1, гл. 2) и Б.Л. Богачевского (ч. 1, гл. 3), — Крих демонстрирует, что, предлагая собственные теории в оппозицию тем, которые в результате стали преобладающими (как, например, Никольский в долгом состязании с В.В. Струве), они не только конкурируют в рамках довольно близкой и заданной извне программы, т.е. поиске наилучшего варианта истолкования древности с позиций становящегося ортодоксального «советского марксизма», но и оказываются едины с оппонентами в представлении о том, как должна быть выстроена наука. То, что важно в рассматриваемом исследовании — это демонстрация того факта, что итоги состязания во многом определялись собственно научными критериями, способностью убедительно выстроить концепцию, использовать значимый и показательный материал — иными словами, история проигравших альтернатив в этих рамках оказывается повествованием не о «неслучившейся другой науке», а о той же самой конструкции науки, в рамках которой преобладающей могла бы оказаться концепция во всяком случае не однозначно более сильная, чем победившая на деле.

Другой примечательный сюжет, рассматриваемый Крихом, связан с тем, что в целом ряде случаев причиной невозможности попасть в «ядро» — при вроде бы довольно неплохих основаниях для вхождения — оказывалось именно то, что воспринимается *post factum* как преимущество,

а именно — повышенная идеологизированность, готовность разрабатывать политически наиболее востребованные сюжеты. Так, Д. Ф. Дмитриев — активно работавший с историей народных движений в Римской империи — остается на периферии исследовательского сообщества по конъюнктурности и профессиональной слабости. Этому вроде бы противоречит то обстоятельство, что одновременно с этим статьи Дмитриева активно появляются на страницах «Вестника древней истории» — однако, как предполагает исследователь, эти обстоятельства не находятся в конфликте. Напротив, статьи Дмитриева служат редакции «Вестника...» защитой и компенсацией для публикаций гораздо более специальных и неполитизированных — как противовес и громоотвод, при этом в лице автора, не способного, в силу недостаточности репутации и административного веса, представлять реальную угрозу несоразмерного усиления через выступление на значимой научной площадке.

Ситуация несколько меняется в 60–70-е гг., когда возникают значительные провинциальные центры — выступающие одновременно периферией по отношению к столицам и центрами второго уровня по отношению к окружающей их периферии, — что способствует вариативности поведения исследователей, ориентирующихся одновременно на разные площадки. Однако это в общем не устраняет основных причин, предопределяющих угасающе-инерционный характер развития исследований, поскольку новые результаты не становятся импульсом для более или менее масштабных теоретиче-

ских изменений, которые невозможны в силу признания одной основополагающей теории, сводящей тем самым разногласия к более или менее частным сюжетам. В этом отношении периферийные школы оказываются во многом тяготеющими к образованию гораздо более жестких теоретических рамок, также и при определении исследовательского поля — там, где для основоположника это было поиском модели выстраивания отношений с «ядром», определения своего места в системе, позволяющего ему реализовать собственные научные амбиции, для учеников это оказывается зачастую нагруженным уже теоретическим обоснованием, замыкающим возникшую школу внутри себя.

Таким образом, анализ истории периферии советской науки о древностях демонстрирует, что периферия не становится пространством «другой науки» как качественной альтернативы господствующей — господство одной макротеоретической рамки и фактическая невозможность последовательного и ясного развития теоретических альтернатив оказывается структурным недостатком, порождающим сценарий развития от определения ядра к последующему уточнению и переходу к инерционному развитию без значимых ресурсов для его преодоления. Крих подчеркивает, что инерционное развитие не было исчерпано к концу 1980-х — вне других, внешних по отношению к науке о древностях, причин оно могло бы вполне продуктивно продолжаться еще несколько десятилетий, но главный тезис заключается в отсутствии внутреннего научного ресурса для его преодоления в рамках сложившегося положения вещей.

MISSING ALTERNATIVES TO THE SOVIET MAINSTREAM

Rev.: Krikh S. B. *Drugaia istoriia: "Periferiinaia" sovetskaia nauka o drevnosti*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 320 p.

Teslya Andrei A. — PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

Key words: antiquity, Marxist historiography, Soviet historiography.

Abstract. The article discusses the main provisions of the monograph paper by S. B. Krikh about the “peripheral” Soviet history of the Ancient East and Antiquity. Particular attention is paid to identifying general trends and structural features of Soviet historiography as it took shape in the 1930s and lasted until the 1980s.

ЗАКОН ИЛИ «ПОРЯДОК» В ЭПОХУ И. В. СТАЛИНА?

Рец.: Сырых В. М. Юридическая природа сталинского террора: по директивам партии, но вопреки праву. М.: Юрлитинформ, 2020. 504 с.

Ключевые слова: В. М. Сырых, СССР, право, конституционализм, террор, междисциплинарность.

Аннотация. В рецензии анализируются основные положения и проблемные вопросы монографии В. М. Сырых о юридической природе сталинского террора — одного из ключевых и наиболее актуальных для изучения вопросов истории СССР. С позиции исторической науки подвергаются рассмотрению и критике формально-юридические методы работы автора — профессионального правоведа с источниками эпохи. Сделан вывод о значимости работы В. М. Сырых для междисциплинарного изучения комплексных исторических процессов, указаны эмпирические и методологические недостатки и перспективы исследования.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-267-274

Сущность и практики утвердившегося в СССР в 1930-х гг. персоналистского политического режима И. В. Сталина представляют собой комплекс исследовательских проблем. Их актуальность обусловлена дискуссией о природе и механизмах эволюции сталинизма, продолжающейся как в среде профессиональных историков, так и на многочисленных общественно-политических платформах. Монография В. М. Сырых представляет собой исследование практик сталинизма с точки зрения их соответствия нормам за-

конодательства СССР и посвящена изучению правовых актов периода утверждения сталинизма и массовых репрессий. Ключевой вопрос исследования: был ли террор сущностью советского государства или злой волей партийно-государственного руководства в ходе реформ, оказавшихся «неудачными» и «преждевременными» (с. 3–4).

По мнению автора, террор в конце 1920-х — начале 1950-х гг. был обусловлен комплексом объективных и субъективных факторов,

© М. А. Попов, М. Ю. Шматов, 2020

Попов Максим Алексеевич — магистрант Гуманитарного института Новосибирского государственного университета; m3457910863@yandex.ru

Шматов Михаил Юрьевич — магистрант Гуманитарного института Новосибирского государственного университета; shmatov2009@yandex.ru

но инициировался лично Сталиным и Политбюро ЦК ВКП(б) и может квалифицироваться как тяжкое государственное преступление. Такой подход аргументирован и подтверждается результатами исследований историков советского права и конституционализма (Медушевский 2017; Соломон 2008). Однако значение права в государственно-политической системе СССР не следует считать определяющим — современные исследователи-советологи рассматривают советское законодательство как одно из средств сопровождения идеолого-пропагандистских кампаний для мобилизационного воздействия на граждан. «Подчинённое» положение права в реалиях сталинского СССР отмечали многие современники. Философ Н. А. Бердяев писал об «анархистских тенденциях» в сознании масс российского и советского населения (Бердяев 1990: 5–21), а споривший с ним публицист-эмигрант И. Л. Солоневич считал, что русский народ склонен в повседневных практиках опираться не на закон, а на моральные ориентиры (Солоневич 2005: 97–103).

В правоведении существует похожий подход к сущности советской правовой системы. Согласно концепции правовых семей (правовых школ), в СССР сложилась социалистическая правовая семья, существенно отличная от европейских: романо-германской и англо-саксонской и допускавшая методы террора и правовое неравенство для достижения политических целей «преобразования общества на социалистических началах» (Рассказов 2014; Соборнов 2019). Акцент В. М. Сырых на рас-

смотрении *правомерности* действий И. В. Сталина и его сподвижников придаёт новизну исследованию, но ограничивает понимание особенностей советской эпохи.

Некоторые вопросы вызывает историографическое сопровождение исследования. Отдельные оценки работ других исследователей в тексте присутствуют, автор эпизодически ссылается на труды историков и публицистов: Медведева Р. А., Хлевнюка О. В., Жукова Ю. Н., Теплякова А. Г., Уйманова В. Н., Голдман В. Д. (с. 346–364). Помимо этого, без критического анализа присутствуют неоднократные ссылки на Интернет-ресурсы: wikipedia.org, livejournal.com и др. (с. 56, 59). Работа могла бы только выиграть, появившись в ней полноценный обзор не только историко-публицистических трудов, но и работ коллег-правоведов (лишь в первом разделе сообщается, что публикации о Сталине делятся на «позитивные», «негативные», «позитивно-негативные») (с. 10); ссылки на публикации приводятся для подкрепления авторской концепции и в незначительной степени для критики.

Источниковая база недостаточна для столь масштабного исследования, поскольку базируется в основном на наиболее обобщенных нормативных актах, показывающих ситуацию «сверху», здесь явно не хватает показа реального опыта «правоприменения» (а точнее произвола) квазисудебных карательных органов в конкретных ситуациях, породивших ситуацию избыточности практик террора — даже сталинское беззаконие по отношению к советским пра-

вовым нормам выходило за пределы здравого смысла и потребностей мобилизационной «real politic» (Хлевнюк 2010; Хлевнюк, Горлицкий 2011; Хлевнюк 2015).

В. М. Сырых основывает работу на марксистско-ленинском, формационном подходе к истории, политологии и праву. Деятельность большевиков и их «вождя» в 1920–1950-х гг. он оценивает с позиции её значения для «социалистического строительства» (с. 5, 7). Безусловно, выбор методологии и личные общественно-политические убеждения исследователя — его право, однако безапелляционная опора на дискуссионную теоретическую базу приводит к заведомой спорности авторских подходов и результатов исследования. Исследователь оказывается «заложником» идеологических конструктов эпохи, хотя его позиция не лишена логики и аргументации. Размышляя во многом категориями социалистической идеологии, В. М. Сырых пытается сформировать юридическую рефлексию о правомерности/неправомерности действий И. В. Сталина сквозь призму социалистического мировоззрения и правовой культуры.

В то же время, утверждения автора о «слабых теоретических познаниях», «незнании марксизма» руководителем Советского государства, а также непонимании им «сути и содержания права как регулятора общественных отношений» кажутся преувеличенными, хотя бы даже потому, что известны факты пусть и прагматического участия Сталина в создании правовых документов эпохи. Не доказанным представля-

ется и утверждение о том, что предложения Сталина по вопросам стратегии и тактики государственной политики исходили не из «реального положения дел», а из его субъективных представлений о действительности (с. 23–24). Осведомленность вождя о положении дел в стране вряд ли следует отрицать, другое дело — как и почему им принимались те или иные кардинальные решения.

Автор явно противопоставляет И. В. Сталина В. И. Ленину, к которому относится с нескрываемой симпатией. Такой подход к эволюции политики большевиков «от каноничного Ленина к ревизионисту-Сталину» не нов — он был продемонстрирован по итогам XX съезда КПСС в 1956 г. и с некоторыми коррективами продолжен в период «Перестройки» (Энкер 2011: 5–17). Ряд современников и историки-советологов разделяют его. Так, американский философ русского происхождения Н. С. Тимашев в 1936 г. публично назвал политику И. В. Сталина «идейным отходом» (Тимашев 1936), а в 1946 г. — «великим отступлением» от ортодоксальной марксистской доктрины (Timasheff 1946), игнорируя присущее большевикам идеологическое маневрирование в угоду политической ситуации. Подобных позиций придерживались многие русские эмигранты-«сменовеховцы». Современный исследователь социальных настроений в СССР О. Великанова считает конституционную политику сталинизма идеолого-политическим мероприятием, направленным на выход из идейного кризиса советского общества 1920-х гг. (Velikanova 2018) Итак, идеологи и некоторые современники

событий преувеличивали институциональные отличия сталинской политической практики от ленинской, а современные исследователи подчёркивают идеологический, конструктивистский, а не институциональный характер этих отличий.

В. М. Сырых занимает здесь устаревшую, крайне уязвимую позицию. Во-первых, складывание бюрократического аппарата, насильственное воздействие государства на все сферы жизни общества с целью их масштабных и форсированных преобразований, массовые репрессии осуществлялись еще в годы Гражданской войны. А во-вторых, точка зрения о том, что масштабные преобразования во всех сферах жизни общества могли осуществиться с меньшими издержками и были бы «более гуманными, более демократическим, более справедливыми», опирайся Сталин на «Ленинскую доктрину социалистического строительства», выглядит гипотетической.

Данная в работе оценка репрессивной деятельности как «государственного террора» вполне убедительна и используется историками. В. М. Сырых отделяет этот термин от понятия «репрессия», которую определяет как правомерное государственное принуждение (с. 63), «государственный террор» же трактуется как государственный произвол (с. 67), грубо противоречивший Конституции СССР. Действительно репрессии были легальным элементом правовой системы и идеологии партийного государства, но в реалиях сталинизма, даже по его меркам, они носили избыточный, то есть создающий конфликтные ситуации

и усиливавший социальную напряжённость характер.

Убедительно и логично исследователь рассматривает факторы генезиса государственного террора. Справедливо упоминание объективных (особенности государственного строя и международная ситуация) и субъективных (личность И. В. Сталина) причин избыточной репрессивной политики (с. 5, 7, 10). Важной вехой исследования выступает анализ роли советского идеолога и правоведа Н. В. Крыленко в складывании политики террора (с. 95, 111). Тем не менее остается открытым вопрос о главной причине террора, а значит, и о том, был ли он неизбежен в рамках государственно-правовой модели СССР. Между тем, несмотря на то, что большинство историков дали оценку политическому террору как *избыточному* и с точки зрения логики самой репрессивной политики и практики сталинского времени (Хлевнюк 2015: 210), ряд исследователей и сейчас рассматривает репрессии, включая и масштабный террор, как объективный, а иногда даже и как в чем-то позитивно влиявший на судьбы страны процесс (Чемшит, Стаценко: 2019). Аксиологическая оценка репрессий у В. М. Сырых однозначна негативна, однако комплекс их причин (кроме политического пренебрежения правовыми нормами) исследователь не раскрыл. Этот вопрос важен для понимания природы сталинизма — роли социальных, мировоззренческих, культурных, психологических факторов в постигшей советское общество трагедии посвящен целый ряд работ (Хлевнюк 2010; Хоффман 2018), авторы которых доказывают

мизерную роль права в политической и повседневной жизни советских граждан 1930-х гг.

Очевидно, что понимание причин и динамики террора выходит за рамки проблематики легальности (т. е. законности) мероприятий власти. Речь идёт, в первую очередь, о легитимности политического режима в глазах населения страны. Неслучайно именно в период Большого террора был осуществлён целый ряд охвативших всю страну легитимационных кампаний в области конструирования советского права: «всенародное обсуждение» проекта «сталинской» Конституции и проведение выборов в Верховный Совет СССР и Верховные Советы союзных республик. Творцом рождавшихся буквально на глазах граждан новых законов провозглашался И. В. Сталин, что должно было предоставить ему и его сторонникам *моральное право* на изменение, упразднение и даже игнорирование законов в интересах «генеральной линии» партии (Керимов 2015). Легитимность сталинизма вовсе не была правовой (легальной) — она базировалась на идеократии, охранительности (избыточным проявлением которой и были «всплески» террора) и социальной мобилизации (в том числе, против «врагов народа» — точнее, их идеологических образов) (Арнаутов, Красильников, Кузнецов 2018: 4, 8).

Сама предложенная автором периодизация государственного террора по наиболее значимым событиям, отражённым в нормативных актах, возражений не вызывает. В. М. Сырых выделяет пять этапов государственного террора с 1927 по 1953 гг. от его

«легализованного закрепления» (1927–1934 гг.) до завершающего этапа периода «позднего сталинизма». Справедлив акцент на «раскулачивании», «Ежовщине» и «Бериевщине», однако автор злоупотребляет идеологическими клише советского официального дискурса («новояза»). Вербальный конструкт «раскулачивание» инструментален с идеологической позиции (мобилизовал социум против его мнимых врагов — «кулаков»), но неверен с научной: речь шла о лишении немалой части отечественного крестьянства его социального статуса, т. е. о репрессивном раскрестьянивании (Красильников 2003: 28–30). Ряд терминов вовсе относится к публицистическому и даже литературно-художественному нарративу эпохи — например, «ежовщина». Использование таких лексем симптоматично и свойственно нередко многим профессиональным историкам — соответственно, проблематика смешивания в работах академического понятийного аппарата с «языком эпохи» крайне актуальна и ещё ждёт решения.

Как правоведческое исследование работа В. М. Сырых является примером междисциплинарного подхода в гуманитарных исследованиях — в данном случае, исторических подходов к решению правоведческих задач. Исследователь-юрист анализирует комплекс государственных преступлений против конституционного строя и граждан страны на примере политики И. В. Сталина и резюмирует проведённую работу в присущей исследовательской культуре правоведов весьма оригинальной форме: в виде «обвинительного заключения» по «делу»

И.В. Сталина (с. 489–500). Однако, с позиции исторической науки, исследование пронизано эклектичностью, неполнотой источниковой базы, историографии, а отсюда и спорностью ряда ключевых оценок результатов.

Сложность познания сталинизма состоит в требовании комплексности изучения данного исторического феномена: политико-правовые его элементы недопустимо изучать в отрыве от экономических и социальных факторов. В.М. Сырых полностью не игнорирует их, но, на наш взгляд, пользуется ими выборочно, поверхностно. Между тем, право, как продукт социального развития, сложно изучать в отрыве от условий его бытования.

В.М. Сырых обоснованно и полемически заостренно поставил вопрос о соответствии деятельности И.В. Сталина и других руководителей партии и правительства действовавшим на тот момент Конституции и законодательству. Именно этот посыл наиболее важен в монографии, поскольку позволит под данным углом зрения исследовать, казалось бы, известные и решенные исторические проблемы. Труд В.М. Сырых актуализирует слабо пока распространенную в профессиональной культуре историков, но крайне значимую методику анализа документальных источников и политических практик на базе критерия легальности. Кажущиеся историкам очевидными суждения автора о неправомерном характере советского государства формируют проблемное поле для дальнейших исследований — о реальной роли права в советской системе и о

неправомерных основаниях легитимности сталинизма в исторической динамике.

Как историко-правоведческий труд монография полезна не только для профессиональных исследователей — историков и юристов, но и для широкого круга интересующихся историей, поскольку заставляет задуматься над вопросами, поставленными ещё советским диссидентским движением: должно ли государство защищать и исполнять в интересах общества установленные законы или действовать по собственному произволу, ссылаясь на «объективные обстоятельства»?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арнаутов, Красильников, Кузнецов 2018 — *Арнаутов Н.Б., Красильников С.А., Кузнецов И.С. (и др.)* Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х — 1930-е гг.). М., 2018.

Бердяев 1990 — *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

Керимов 2015 — *Керимов А.А.* Легитимность политической власти в современной России: основания и перспективы // *Власть*. 2015. Т. 23. №3. С. 121–123.

Красильников 2003 — *Красильников С.А.* Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.

Медушевский 2017 — *Медушевский А.Н.* Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб., 2017.

Рассказов 2014 — *Рассказов Л.П.* Правовая система Советского государства как разновидность социалистической правовой семьи // *Юристь-правоведь*. 2014. №6. С. 10–12.

Соборнов 2019 — Соборнов П.Е. К вопросу о правопонимании в советской юриспруденции 20–30-х годов XX века // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. №3. С. 290–295.

Соломон 2008 — Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008.

Солоневич 2005 — Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2005.

Тимашев 1936 — Тимашев Н.С. Очерки Сталинской конституции // Возрождение. 1936. С. 4.

Хлевнюк, Горлицкий 2011 — Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

Хлевнюк 2010 — Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

Хлевнюк 2015 — Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015.

Хоффман 2018 — Хоффман Д. Возращение масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М., 2018.

Чемшит, Стаценко 2019 — Чемшит А.А., Стаценко О.С. К вопросу о сталинских репрессиях // Вопросы истории. 2019. №12 (2). С. 105–114.

Энкер 2011 — Энкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011.

Timasheff 1946 — Timasheff N. The Great Retreat. New York, 1946.

Velikanova 2018 — Velikanova O. Mass Political Culture Under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. Denton, 2018.

LAW OR 'ORDER' IN J. V. STALIN'S ERA?

Rev.: Syrykh V. M. Yuridicheskaya priroda stalinskogo terrora: po direktivam partii, no vopreki pravu [The Legal Nature of Stalinist Terror: per the Party's Instructions but against the Law]. Moscow: Yurlitinform, 2020. 504 p.

Popov Maksim A. — master student of Institute of Humanities, Novosibirsk State University

Shmatov Mikhail Yu. — master student of Institute of Humanities, Novosibirsk State University

Key words: V. M. Syrykh, USSR, law, constitutional studies, terror, interdisciplinary.

Abstract. The review includes the analysis of the main provisions and problematic issues of V. M. Syrykh's monograph about the legal nature of the Stalinist terror — one of the most important and relevant issues for the study of the Soviet history. From the historical point of view, author's (a professional researcher of law) formal legal methods of work with the sources of the epoch are considered and criticized in this article. The conclusion of our paper is about the significance of V. M. Syrykh's work for the interdisciplinary study of variable historical processes; the empirical and methodological shortcomings and prospects of the research are indicated by authors.

REFERENCES

- Arnautov N. B., Krasil'nikov S. A., Kuznetsov I. S. (i dr.) *Sotsial'naiia mobilizatsiia v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh — 1930-e gg.)*. Moscow, 2018.
- Berdiaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma*. Moscow, 1990.
- Chemshit A. A., Statsenko O. S. K voprosu o stalinskikh repressiakh. *Voprosy istorii*, 2019, no. 12 (2), pp. 105–114.
- Enker B. *Formirovanie kul'ta Lenina v Sovetskom Soiuze*. Moscow, 2011.
- Kerimov A. A. Legitimnost' politicheskoi vlasti v sovremennoi Rossii: osnovaniia i perspektivy. *Vlast'*, 2015, vol. 23, no. 3, pp. 121–123.
- Khlevniuk O. V. *Khoziain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury*. Moscow, 2010.
- Khlevniuk O. V. *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdia*. Moscow, 2015.
- Khlevniuk O. V., Gorlitskii I. *Kholodnyi mir. Stalin i zavershenie stalinskoj diktatury*. Moscow, 2011.
- Khoffman D. *Vzrashchivanie mass. Modernoe gosudarstvo i sovetskii sotsializm. 1914–1939*. Moscow, 2018.
- Krasil'nikov S. A. *Serp i Molokh. Krest'ianskaia ssylka v Zapadnoi Sibiri v 1930-e gody*. Moscow, 2003.
- Medushevskii A. N. *Politicheskaiia istoriia russkoi revoliutsii: normy, instituty, formy sotsial'noi mobilizatsii v XX veke*. Moscow; St. Petersburg, 2017.
- Rasskazov L. P. Pravovaia sistema Sovetskogo gosudarstva kak raznovidnost' sotsialisticheskoi pravovoi sem'i. *Iurist"pravo-ved"*, 2014, no. 6, pp. 10–12.
- Sobornov P. E. K voprosu o pravoponimanii v sovetskoi iurisprudentsii 20–30-kh godov XX veka. *Vestnik Kazanskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 290–295.
- Solomon P. *Sovetskaia iustitsiia pri Staline*. Moscow, 2008.
- Solonevich I. L. *Narodnaia monarkhiia*. Moscow, 2005.
- Timasheff N. *The Great Retreat*. New York, 1946.
- Timashev N. S. Ocherki Stalinskoj konstitutsii. *Vozrozhdenie*, 1936, p. 4.
- Velikanova O. *Mass Political Culture Under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936*. Denton, 2018.

«НЕ ДАЙ ВАМ БОГ ЖИТЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН».

Интервью с Б. Н. Мироновым

Ключевые слова: дискуссии о российской модернизации и революции, антропометрия, клиометрия, статистические источники, А. Л. Шапиро, А. Г. Маньков, Б. Н. Миронов.

Аннотация. Самый цитируемый историк России, лауреат премии им. В. О. Ключевского Российской академии наук за выдающийся вклад в области отечественной истории и славяноведения дал интервью С. Е. Эрлиху, научному руководителю журнала «Историческая экспертиза». В нем затронуты вопросы о становлении Б. Н. Миронова как историка в студенческие и аспирантские годы, о его научных руководителях и профессиональной карьере. В беседе больше всего внимания уделено острым дискуссиям, которые ведутся вокруг его исследований о модернизации и российской революции 1917 г., а также его клиометрическим, в частности антропометрическим, работам и качеству исторических источников. Б. Н. Миронов делится своими творческими планами, которые говорят о смене его исследовательских интересов.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-275-309

Борис Николаевич Миронов, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, автор более 400 работ, более 80 из них переведены на английский, немецкий, французский, испанский, японский и китайский языки. Основные монографии:

Миронов Б. Н. Историк и математика (Математические методы в историческом исследовании). Л.: Наука, 1975. 184 с.; *Миронов Б. Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л.: Наука, 1981. 259 с.; *Миронов Б. Н.* Историк и социология. Л.: Наука, 1984. 174 с.; *Миронов Б. Н.*

Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л.: Наука, 1985. 301 с.; *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 271 с.; *Миронов Б.Н.* История в цифрах: (Математика в исторических исследованиях). Л.: Наука, 1991. 167 с.; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с.; То же. 2-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с.; То же. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 583 с.; *Mironov B.N.* The Social History of Imperial Russia, 1700–1917: In two volumes. Boulder: Westview Press, 2000. Vol. 1. 562 p.; Vol. 2. 398 p.; *Миронов Б.Н.* Историческая социология России: Учебное пособие. СПб.: Издательский дом С.-Петербургский

гос. университет; Интерсоцис, 2009. 536 с.; *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX в. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.; То же. 2-е изд., испр., доп. М.: Весь мир, 2012. 848 с.; *Mironov B.N.* The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917. London and New York: Routledge; Taylor and Francis Group, 2012. 668 p.; *Миронов Б.Н.* Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 336 с.; То же. 2-е изд. М.: Весь мир, 2014. 336 с.; *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014, 2015. Т. 1. 896 с.; Т. 2. 912 с.; Т. 3. 992 с.; То же. 2-е изд., испр. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2018. Т. 1. 896 с.; Т. 2. 912 с.; Т. 3. 992 с.; *Миронов Б.Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.; *Миронов Б.Н.* Российская модернизация и революция. СПб.: Дм. Буланин, 2019. 528 с.

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Почему вы решили стать историком? Сказалось ли здесь влияние семьи, школьных учителей, чтение книг?

Б. М. Историком я стал, можно сказать, нечаянно и случайно. Когда в 1959 г. поступал в Ленинградский государственный университет, то выбрал не исторический, а экономический факультет, отделение политической экономии. У меня были для этого соответствующие мотивы. В школе физика, химия, биология, география, астрономия давали пред-

ставление о том, как и по каким законам живет цельная, гармоничная, целесообразно устроенная природа. Из социальных наук преподавали только историю, которая подобных знаний относительно общества не давала. Между тем общество, как и природа, представлялось, да и, честно говоря, сейчас представляется цельным, разумным, гармоничным, целесообразным, рациональным, упорядоченным, стройным целым. В голове были вопросы: какими средствами достигается эта цельность; как в стране миллионы

разных людей с различными и часто противоречивыми целями дружно и согласованно работают друг для друга и достигают поставленных целей? Мне хотелось найти на эти вопросы ответы.

Перед поступлением в университет я размышлял, какой факультет выбрать, чтобы заниматься интересующими меня проблемами. Подходящего факультета не было, потому что мои интересы находились, как бы мы теперь сказали, в сфере социологии, социальной психологии, культурологии, социальной антропологии или социальной философии, а историческая наука, как мне казалось, не могла удовлетворить моих интересов. Исходя из того, как история изучалась в школе, я считал, что историческая дисциплина далека от жизни, это своего рода музей или антикварный магазин. А мне хотелось заниматься глобальными актуальными проблемами современности. В 10-м классе я стал наводить справки.

Мой преподаватель литературы, он же директор школы, Александр Дмитриевич Переверзев как-то заметил в разговоре, что интересующие меня вопросы изучаются на философском факультете (исторический материализм) и на экономическом факультете (политическая экономия). Познакомившись со структурами факультетов, я решил, что мне скорее подойдет отделение политической экономии экономического факультета — по двум причинам. Во-первых, исторический материализм изучался на философском факультете, а мне философия представлялась слишком абстрактной наукой, далекой

от реальной жизни по сравнению с политэкономией. Во-вторых, мне казалось, что экономическая сфера в обществе главная и более конкретная, а у меня всегда была склонность к эмпирии и актуальности. Поэтому я остановился на экономическом факультете, хотя теперь понимаю, что исторический материализм, т.е. социальная философия, более соответствовал моим тогдашним устремлениям. Сдав экзамены, я на два года стал политэкономом и изучал все то, что изучалось тогда на экономических факультетах — политическую экономию, математику, исторический материализм, экономическую историю, экономический анализ, бухгалтерский учет и т.д. Благодаря этому я познакомился с основами экономической и математической статистики и экономического анализа и кое-что усвоил.

Если говорить об экономическом факультете, то поступил я на него исключительно из личных побуждений и соображений. Не было учителей и старших товарищей, которые бы мне его порекомендовали. Я все-таки оканчивал школу в 1959 г. Старшие классы пришлось на 1957–1959 гг. — на время, когда, несмотря на начавшуюся оттепель, все, включая учителей, были по-прежнему очень осторожны и никто не решался обсуждать какие-либо серьезные проблемы со своими учениками. Не припомню, чтобы в школе говорили о XX съезде КПСС и разоблачении культа личности И.В. Сталина. Кроме того, я был круглым отличником и первым учеником в школе. Мне легко давались все предметы. Наверное, поэтому у учителей и не возникало вопроса, что порекомендовать этому

юноше. Мои родители были далеки от моих интересов, но их не обсуждали и не осуждали. Отец был кадровым офицером, мама — служащей (по-современному — скромным менеджером). Куда решил сын поступать, то и хорошо. В 1950-е гг. проблемы дохода, карьеры и славы меня, моих родителей, как и моих учителей, не волновали. Если бы в 1959 г. в университете был весь набор факультетов, существующих в настоящее время, думаю, что пошел бы на социологический или психологический, потому что, как я уже говорил, меня интересовали те проблемы, которыми сейчас занимаются социология, социальная психология, культурология, социальная антропология.

Что касается чтения, то не припомню, чтобы в школьные годы какие-то книги повлияли на мои интересы и увлечения и подвигли к поступлению на экономический факультет.

С. Э. На втором курсе, в 1961 г., вы были отчислены из ЛГУ за «антимарксистские взгляды», но в том же году решением ректора были восстановлены. Расскажите, пожалуйста, об этой истории.

Б. М. Я проучился на экономическом факультете два года, был отличником, получал повышенную стипендию, на которую, кстати сказать, можно было прожить. А в конце второго курса меня действительно отчислили. Проблема была в том, что на втором курсе на занятиях по полтэкономии и экономической истории я стал задавать неудобные в то время для преподавателей вопросы.

Ведь тогда было принято считать: то, что говорит преподаватель, а тем более профессор, есть истина если не в последней, то в предпоследней инстанции. И вопросы, ставящие под сомнение то, что говорил преподаватель на лекциях, задавать было не принято. А может быть, они даже и не возникали в головах студентов. Во всяком случае, я таких вопросов не слышал. Я был в то время наивным молодым человеком — какие вопросы возникали, те и задавал; если сомневался, то высказывал свои сомнения. Мои выступления на семинарах вызывали у двух преподавателей недоумение и раздражение.

Чаша терпения моих учителей переполнилась, когда я сделал три ревизионистских доклада. В одном доказывалось, что при капитализме не происходило обнищания рабочих (что шло вразрез с марксистской доктриной об относительном и абсолютном обнищании пролетариата при капитализме), во втором — что источником прибыли капиталистов являлась не эксплуатация рабочих, а природа, в третьем развивалась идея, что при социализме существовало товарное производство и что советские рабочие были отчуждены от собственности. Должен сказать, что к этим мыслям я пришел вполне самостоятельно, ибо не читал никакой запрещенной литературы, не слушал радиостанции «Голос Америки» и «Свободную Европу» и не общался с диссидентами. Подвела любознательность и отсутствие страха думать и говорить.

В довершение в конце второго курса я написал курсовую работу на тему «Относительное и абсолютное обни-

щение пролетариата при капитализме». В советской политической экономике была сформулирована такая концепция, из которой следовало, что при капитализме положение рабочего класса ухудшается не только относительно других классов, но и в буквальном смысле, т.е. понижаются реальная заработная плата и реальные доходы в целом. Мне нужны были данные, касающиеся прежде всего положения пролетариата за рубежом, поскольку Маркс сформулировал свои выводы на материале западноевропейских стран, прежде всего Великобритании. Я взял для исследования XIX–XX вв. В 1961 г. западной литературы на эту тему в библиотеках не было, а то, что поступало, находилось в спецхране. Студенту второго курса попасть туда было невозможно. Поэтому я использовал, кроме работ советских экономистов, доступные мне книги зарубежных «буржуазных» экономистов, опубликованные в России в 1900–1930-е гг., монографии известного марксистского немецкого экономиста и историка Юргена Кучинского, напечатанные по-русски в 1950-е гг., а также доступные статистические справочники. Когда я собрал и проанализировал по своему разумению эти данные, у меня не получилось, что на Западе происходит абсолютное обнищание рабочих. Наоборот, оказалось, что реальный жизненный уровень повышался у всех слоев населения, в том числе у пролетариата. Думаю, это была последняя капля.

Дело осложнилось тем, что занятия на втором курсе вел декан факультета — профессор Виктор Андреевич Воротилов, который читал политическую экономию социализма и со-

ветскую экономическую историю. Я думаю, именно он сыграл ключевую роль в том, что меня решили отчислить: Виктор Андреевич был человеком ответственным и, может быть, чересчур усердно выполнял свои обязанности. Шел 1961 г., требования к лояльности студентов еще не были отменены. По-видимому, я иногда ставил его в затруднительное положение своими вопросами и сомнениями в том, как он толковал советскую экономическую историю, и вызывал раздражение своей критикой его учебных курсов за то, что они дублировали друг друга.

В начале 1960-х гг. студенты на экономический и философский факультеты должны были поступать с обязательным трехлетним производственным стажем. Меня же приняли сразу после школы, потому что как примерному ученику и активному комсомольцу мне, по ходатайству школы, для поступления в университет на экономический факультет дали рекомендацию от горкома комсомола. Поэтому среди студентов я оказался самым молодым — 17-летним мальчиком. Остальные были старше меня как минимум на пять лет. Учились даже отставные офицеры. Словом, по сравнению со мной они были зрелыми. Сокурсники не вмешивались в мои дискуссии с преподавателями, а просто слушали и с интересом наблюдали. Было, наверное, любопытно смотреть со стороны, как мальчик спорит с профессором и что из этого выйдет. Но ни осуждений, ни одергиваний, ни предупреждений от них мне не поступало. Скорее они поддерживали мою любознательность, но сами вопросов и сомнений не высказывали.

Декан решил отчислить меня из университета. С этой целью меня вызвал заместитель декана Юрий Степанович Горчаков и предложил уйти с факультета по собственному желанию, т. е. «по-хорошему». Я не предполагал подобного сценария развития событий, был потрясен и от предложения отказался. Декан повторил предложение и пригрозил, что будет хуже, если я не сделаю так, как мне говорят. На вопрос: «За что?» — он ответил: «Вы нам не подходите». Я вновь отказался. Тогда администрация применила следующий прием. Договорилась с четырьмя преподавателями, чтобы они не принимали у меня четыре зачета и поставили «неуд.». Я приходил сдавать зачет, но преподаватели отказывались меня слушать, говоря, что зачет мне поставить не могут.

Курсовая работа — один незачет; спецсеминар, где я выступал с докладом, — второй; политическая экономия социализма (этот курс читал декан) — третий; и четвертый — физкультура! Очевидно, что декан не смог найти на факультете четвертого преподавателя, который бы согласился поставить мне незачет, и поэтому вынужден был обратиться к преподавателю физкультуры, который это сделал. Таким способом мне искусственно сделали академическую неуспеваемость и на этом основании отчислили из университета с соответствующей формулировкой: «За академическую неуспеваемость», которая лишала меня права поступить учиться на другой факультет или в другое учебное заведение как неспособного получить высшее образование.

Когда я проявлял на занятиях активность и самостоятельность, то

не предвидел никаких тяжелых последствий для себя. Был уверен, что ничего дурного не делаю, проявляя обычную для меня любознательность. Мне казалось, что это нормальное поведение — спорить о том, с чем не согласен, спрашивать о том, в чем сомневаешься, и т. д. Ведь тогда нас в школе учили и ориентировали на инициативу, на проявление самостоятельности, на искренность и честность. Поэтому я не мог представить, что такое примерное поведение повлечет за собой столь тяжелое последствие — отчисление из университета.

Декан хотел, чтобы меня исключили также из комсомола. Но совершенно неожиданно — думаю, для всех — меня поддержал секретарь комсомольской организации экономического факультета. Это была аспирантка или молодая преподавательница — к моему великому сожалению, не запомнил ее имя. Ее поддержка меня спасла, и дело ограничилось выговором. Если бы меня тогда вдобавок исключили с треском из комсомола, то продолжить учебу было бы очень проблематично. Конечно, мир не без добрых людей. Однако очевидно, что изменилось время. Десять лет до этого секретарю комсомольской организации за свое поведение как минимум пришлось бы расстаться с университетом. Но шел 1961 г., испуг у многих прошел, люди стали обретать свое лицо и мнение. Декан, чтобы не входить в конфликт с секретарем комсомольской организации, пошел на компромисс: мне объявили выговор по комсомольской линии.

Когда о случившемся узнали родители и бабушка с дедушкой, они

были в шоке. Бабушка даже начала сушить сухари. Они полагали тогда, что исключением из университета дело не закончится и меня заберут и посадят. В моей семье о таких вещах никогда прежде не говорили, и я поэтому не представлял, какие последуют неприятности, если отклоняться от принятых стандартов и образцов поведения. Потому и вел себя опрометчиво и легкомысленно. Отец пожалел, что не предупредил меня, и рассказал, что, когда он учился в академии, у него тоже были там некоторые идеологические проблемы, которые, к счастью, благополучно разрешились.

Одновременно с отчислением администрация факультета обратилась в военкомат с просьбой немедленно забрать меня на трехлетнюю службу в армию, дав при этом отрицательную характеристику, в которой я назывался антимарксистом и антисоветчиком. Студенты тогда освобождались от воинской повинности — в университете была военная кафедра и по окончании присваивался офицерский чин. А теперь, когда меня исключили, я автоматически подлежал призыву в армию. Действительно, вскоре меня вызвали повесткой в военкомат и назначили дату для прохождения медкомиссии.

Между тем по настоянию родителей я начал ходить по разным инстанциям с просьбой восстановить меня в университете. Я прошел по всем доступным мне инстанциям. Но безрезультатно. Меня удивило, что никто меня не стыдил, не призывал повиниться и исправиться, а просто говорили, что ничего теперь уже нельзя сделать, надо просто отслужить в ар-

мии, а потом вновь поступить в университет. Например, когда я говорил с первым проректором, китаеведом Геронтием Валентиновичем Ефимовым. Он был со мной очень любезным, не высказывал никаких упреков, не осуждал и не стыдил. В его глазах мне виделось сочувствие, но ситуация была такая, по его словам, что отменить приказ уже нельзя.

Военкомат наседали, у меня уже забрали паспорт. Оставалось поговорить только с ректором университета — математиком, членом-корреспондентом АН СССР Александром Даниловичем Александровым. Он как раз вернулся из длительной командировки во Францию, поэтому раньше мне не удавалось с ним встретиться. Я пришел на прием, а в это время ректор собирался на ученый совет и находился на пороге кабинета. Он предложил мне рассказать ему о моей проблеме по дороге на ученый совет. Наша беседа продолжалась не более пяти минут. Я вкратце рассказал о своем деле. Ректор спросил: «Извините, обнищание? Я только что вернулся из Парижа и не видел там никакого обнищания. Вы не путаете что-нибудь?» Отвечаю: «Нет». Он назначил прийти на следующий день в ректорат, к первому проректору. У меня не было никаких радужных надежд. Но когда я пришел в назначенное время, Г.В. Ефимов, у которого я уже неоднократно безрезультатно бывал, спросил: «На какой факультет хотите?» Для меня это было полной неожиданностью. Я говорю: «Как на какой?! На экономический, конечно». Проректор: «Ну, к сожалению, на экономический нельзя. Декан решительно против. Он так поставил вопрос: “Либо

я, либо Миронов». А так — можете пойти на любой, мы вас переведем». Тогда в ЛГУ было, кажется, 11 факультетов. Я стал размышлять и решил перевестись на исторический факультет.

Буквально на следующий день был подготовлен приказ об отмене приказа об исключении, т.е. о восстановлении меня студентом, и переводе на второй курс исторического факультета. Помню, новый приказ начинался словами: «Во изменение приказа №...». Решение А.Д. Александрова о восстановлении меня в университете было беспрецедентно быстрым и смелым. Наверное, он принял его, посоветовавшись с доверенными людьми. С одной стороны, это свидетельствует о том, что в ректорат ЛГУ пришла оттепель. Однако, на мой взгляд, личностные качества ректора сыграли большую, а может быть, и решающую роль. Принять и реализовать важное неординарное и, наверное, рискованное решение за один день способен далеко не каждый администратор.

Так я стал историком. Между прочим, в 1961 г. экономический, исторический и философский факультеты находились в одном здании. Экономический потом перевели в другое место, а философский и исторический расширились. Я мог свободно ходить с одного факультета на другой, иногда встречаться с В.А. Воротиловым, который при нечаянной встрече делал вид, что меня не узнает.

Часто думаю, что было бы, если бы я остался на экономическом факультете и его окончил? Факультет

готовил преподавателей политической экономии для экономических факультетов, где эта дисциплина и читалась. Поэтому меня ожидала судьба преподавателя политической экономии и автора работ по соответствующей тематике. Однако, учитывая мои научные устремления и известную самостоятельность в мыслях, я бы вряд ли остался в политэкономии. Из-за ее чрезмерной идеологизированности у меня очень скоро вновь бы начались конфликты, которые добром бы не закончились. Легко было простить заблуждения 19-летнего юноши, списав их на молодость. Прощать подобные грехи зрелому человеку вряд ли бы стали. В лучшем случае мне пришлось бы оставить экономическую науку и найти другое поприще. Мой двухлетний опыт убедил, что политическая экономия в том виде, в котором она существовала в позднесоветскую эпоху, — это не для меня. В поисках своего места в науке в конечном итоге я пришел бы к тому, чем занимаюсь как историк в последние тридцать лет после перестройки. От себя никому не уйти.

В моей первой бесцензурной книге «Социальная история Российской империи» я реализовал свои смутные стремления молодости понять и объяснить, как существовало и функционировало общество, как оно развивалось, как поддерживалось его единство и целостность, какие факторы это обуславливали. Вторая книга, вызвавшая большие споры в историографии, — «Благосостояние населения и революции в имперской России» — это, по сути, завершение моей курсовой студенческой работы об обнищании пролетариата

при капитализме. Моя последняя монография «Российская модернизация и революция» — это воплощение моего увлечения исторической психологией в аспирантские годы и стремления понять, как изменялась психология людей исторически, и объяснить связь между исторической психологией и социальным поведением. В принципиальных моих исследованиях я пытаюсь ответить именно на те вопросы, которые меня волновали в молодости.

Чем старше я становлюсь, тем больше чувствую, что в моей голове в молодые годы (а может быть, еще в детстве) было посажено зерно, которое выросло в дерево и дает плоды, заложенные в этом зерне. Наверное, то же и у других людей. И как ни ухаживай за осинкой, от нее не родятся апельсины. Так что вопросы, на которые я искал и до сих пор ищу ответы, возникли у меня еще в студенческие и аспирантские годы. Я их тогда для себя поставил, но решить не мог. Во-первых, не хватало знаний, во-вторых, приходилось заниматься другими сюжетами, в-третьих, не хотелось работать в стол. Но в конце концов, при удобном случае возвращался к этим вопросам — меня как будто к ним вела неведомая сила.

Как бы то ни было, 1961 г. в моей жизни безусловно был поворотным моментом — точкой бифуркации. Если бы я выбрал другой факультет, моя жизнь, в том числе научная, сложилась бы по-другому. В принципе все социальные и гуманитарные науки, кроме, пожалуй, филологии, меня всегда в большей или меньшей степени интересовали. Именно поэтому мои исследования являются

междисциплинарными. Некоторые коллеги меня — вряд ли верно — называют экономическим историком, хотя мне нравятся историко-экономические сюжеты, и я ими с удовольствием занимаюсь в междисциплинарном контексте.

С.Э. Скорее антропологом, если брать вашу книгу «Российская модернизация и революция».

Б.М. В современном смысле — да, по преимуществу социальным антропологом. Только в начале научной карьеры я писал работы сугубо по экономической истории — по истории цен и рынка. Но это была необходимость.

С.Э. Кто из преподавателей истфака повлиял на ваши взгляды?

Б.М. На мои научные взгляды, если под этим иметь в виду теорию, методологию, исторические концепции, никто из преподавателей истфака не повлиял. Подумайте сами, кто из преподавателей в первой половине 1960-х мог со мной разделять антимарксистские взгляды? Таких преподавателей не было. У меня было свободное расписание, я посещал мало лекций и с преподавателями общался главным образом тогда, когда сдавал зачеты и экзамены. Единственный преподаватель, с которым я был тесно связан на факультете, — доктор исторических наук, профессор Александр Львович Шапиро. У него я писал курсовые, диплом и участвовал в работе его интересного спецсеминара.

Когда в 1966 г. я поступил в аспирантуру Ленинградского отделения

Института истории АН СССР, моим научным руководителем назначили доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Аркадия Георгиевича Манькова. Но и в аспирантские годы мы с Александром Львовичем находились в постоянном контакте. Обоих я считал моими научными руководителями, хотя на мое историческое мировоззрение они воздействия не оказали. Они повлияли на меня в другом, не менее важном отношении — они дали мне образцы высокопрофессиональной научно-исследовательской работы. Оба были историками-работоголиками, фанатиками исторического ремесла, беззаветно любившими свою профессию, отдавая себя ей до конца. При этом очень честно, строго по-научному старались делать свою работу. Хотя они и были искренними марксистами, но это не помешало им оставить значимое научное наследие — очень серьезные, хорошо фундированные работы, основанные на добросовестном анализе первичных источников. В том числе они широко обращались к архивным массовым статистическим источникам, которые я особенно люблю использовать в своих исследованиях. На их примере я видел — и это до сих пор у меня осталось почти что в крови — как нужно работать.

Александр Львович в 1960-е гг. мало печатался. Как-то я его спросил, что он будет делать в этом году. Он отвечал, что собирается выступать с докладом на симпозиуме по аграрной истории, а потом доклад превратить в статью. И это все. Представьте — умный, работоспособный, компетентный исследователь-профессор писал в год **одну** статью по аграр-

ной истории и участвовал в **одной** конференции! В настоящее время некоторые историки печатают в год по 20–30 работ, чем и бахвалятся, не понимая, что этим обесценивают их научную значимость. Будучи экспертом в научных фондах, получаю на экспертизу заявки на гранты. Как себя сейчас презентуют некоторые ученые, претендующие на роль научного руководителя? Они состоят членами десятка, а иногда и больше, ученых и прочих советов и всяких фондов, входят в редколлегии пяти и более журналов, у каждого из них по десятку аспирантов и докторантов, они преподают, заведуют кафедрами и при этом умудряются печатать по 20–30 научных работ в год. Как это возможно?! На своем опыте знаю, что невозможно иметь такую плодовитость, если речь идет об оригинальных, серьезных исследованиях, основанных на источниках. Поэтому я очень благодарен и А. Г. Манькову, и А. Л. Шапиро за науку. Как в средние века, я работал рядом с мастерами, которые передавали мне, подмастерью, свое мастерство, так сказать, из рук в руки. Важно еще и то, что ученые не являлись ползучими эмпириками, не разменивались на мелкие темы, а умели ставить и решать крупные научные проблемы.

Кроме этого, они были настоящими русскими интеллигентами — честными, порядочными и очень доброжелательными. В моей жизни регулярно возникало довольно много проблем, пока я был студентом и аспирантом, да и после защиты кандидатской диссертации тоже. И пока они были живы, они мне помогали, делая все, что могли, порой в ущерб себе,

поддерживали во всем, что бы я ни делал, даже когда мы расходились во мнениях и оценках. Я таких людей, честно говоря, больше не встречал. В 1964 г. Александр Львович меня, студента четвертого курса, можно сказать, привез на весьма престижный в то время симпозиум по проблемам аграрной истории Восточной Европы в Кишинев. Тогда студенты в таких серьезных конференциях не участвовали. Поэтому, когда он договаривался о том, чтобы мой доклад включили в программу, он неопределенно говорил о моем статусе. Организаторы решили, что я аспирант, включили в программу. Накануне симпозиума была опубликована моя первая научная работа — тезисы доклада. Уже на конференции, после моего успешного выступления, Александр Львович признался, что я студент. Так благодаря ему состоялся мой научный дебют.

Во время учебы в аспирантуре, в 1966–1968 гг., Аркадий Георгиевич был моим научным руководителем. В 1951 г. он опубликовал книгу «Цены и их движение в Русском государстве XVI века», где доказывал, что в XVI в. в России, одновременно с западноевропейскими странами, произошла знаменитая революция цен, вызванная наплывом драгоценных металлов из Америки. В своей кандидатской диссертации я доказывал, что в действительности революция цен в России произошла на два столетия позже — в XVIII в. Аркадий Георгиевич — маститый ученый — прочитал мою диссертацию и, не возразив ни слова, поддержал меня на защите. Как зав. отделом, к которому я был приписан, и научный руководитель он легко мог мне

навредить, как минимум задержать защиту. Но этого не случилось. Он признал мою правоту. Вот такие были замечательные люди! Они мне помогают до сих пор.

Не могу не сказать и о том, что оба моих руководителя стимулировали мою научную работу еще одним способом — они ценили мои труды, уважали мое мнение, даже когда не были с ним согласны. Как заметил ныне почти забытый Козьма Прутков: «Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза».

Таким образом, хотя мои научные руководители не повлияли на мои методологические представления, теоретические ориентации или историческое мировоззрение, в профессиональном плане их влияние было очень важным и сильным!

С.Э. Но кто-то все-таки повлиял на ваши научные взгляды?

Б.М. После моего исключения с экономического факультета мое отношение к марксизму, точнее к фундаментальному его течению, стало быстро изменяться. Поначалу меня просто раздражала его монополия на истину, невозможность, даже оставаясь в его рамках, размышлять, сомневаться, ставить новые вопросы, что-то изменять. Постепенно, по мере расширения кругозора, я понял ограниченность марксизма и стал сознательно учиться у других методологических направлений и по возможности применять их подходы в своей работе. Как исследователь я складывался в библиотеках. Это хорошо и плохо. Плохо — потому

что развивался стихийно, без руководства и помощи, не раз открывал велосипед, много времени и сил тратил напрасно и непроизводительно. Хорошо — потому что до некоторой степени уберег свои мозги от господствующих стереотипов, пропаганды и сохранил в какой-то мере свежесть взгляда и мысли. Я много читал. Кроме обязательной литературы по учебной программе, преимущественно дореволюционных историков. Больше всего нравились работы П. Н. Милюкова, А. А. Кизеветтера, А. С. Лаппо-Данилевского, Н. П. Павлова-Сильванского, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, В. И. Сергеевича, Б. Н. Чичерина; из советских историков — медиевиста А. Я. Гуревича. Но еще больше читал книг по социологии, психологии и философии истории. Увлекался сочинениями модных в 1960–1970-х гг. О. Шпенглера, А. Тойнби, З. Фрейда, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра и др. К сожалению, читать современную западную литературу, книги и журналы, было затруднительно: она находилась в спецхранах, куда отправлялось во многих случаях даже то, что переводилось на русский язык. Я нашел в некоторой степени выход из положения — читал литературу, посвященную критике западной социологии, психологии, философии истории и историографии, пропуска критiku и акцентируя свое внимание на критикуемых идеях. В 1960–1970-е гг. такая литература уже была гораздо объективнее, чем прежде, и ее стало намного больше. К первым моим «учебникам» по западной социальной науке можно отнести «Современную буржуазную социологию (критический очерк)»

Г. В. Осипова (М., 1964) и «Современную психологию в капиталистических странах» под ред. В. Е. Шороховой (М., 1963). После окончания университета я получил более широкий доступ к книжным и журнальным фондам БАН и Публичной библиотеки, в том числе и хранящимся в спецхране. Намного доступнее была переводная литература, которая, несмотря на гриф «для научных библиотек», выходила довольно большими тиражами, благодаря чему удавалось доставать книги на время, а иногда и покупать. Моими настольными книгами стали: «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении» Г. Беккера и А. Боскова (М., 1961), «Социальная психология» Т. Шибутани (М., 1969), «Элементарные понятия социологии» Я. Щепаньского (М., 1969), «Методы социальных наук» Р. Пэнто и М. Гравитца (М., 1972), «Американская социология: перспективы, проблемы, методы» под ред. Т. Парсонса (М., 1972), «Философия и методология истории» под ред. И. С. Кона (М., 1977), «Структура научных революций» Т. Куна (М., 1977), «Новые направления в социологической теории» (М., 1978) и др. Иногда удавалось читать и оригинальную литературу на английском. Я познакомился с профессором философии ЛГУ Игорем Семеновичем Коном, обладавшим большой домашней библиотекой научной зарубежной литературы. Он давал мне читать на дом книги и журналы. Мне кажется, он снабжал научную литературу и других студентов, и аспирантов. Эффект от знакомства с зарубежной литературой был бы намного более глубоким, если бы можно было полученные знания в полной

мере использовать в своей исследовательской и педагогической работе. Однако под влиянием личного опыта на экономическом факультете я опасался это делать, старался камуфлировать и скрывать новые знания и мысли, которые они рождали.

Как оказалось в дальнейшем, мои самостоятельные занятия социологией и психологией не пропали даром. В 1980-е гг. мне удавалось публиковать работы, в которых немарксизм был закамуфлирован, не бросался в глаза, благодаря чему они проходили цензуру под прикрытием междисциплинарности и математических методов — то и другое вошли тогда в моду. Например: «Историк и социология» (Л., 1984), «Историческая психология и историческое знание» (Общественные науки. 1986. № 1), «Семья: Нужно ли оглядываться в прошлое» (В человеческом измерении. М., 1989). Некоторые работы печатались за границей, например: «The Russian Peasant Commune after the Reform of the 1860s» (Slavic Review. 1985. Vol. 44, no. 3), «In Search of Hidden Information: Some Issues in the Socio-Economic History of Russia in the Eighteenth and Nineteenth Centuries» (Social Science History. 1985. Fall. Vol. 9, no. 4), «Le mouvement des prix des céréales en Russie du XVIII-e siècle au début du XX-e siècle» (Annales: Économies. Sociétés. Civilisations. 1986. Vol. 41, no 1).

Во время перестройки и особенно после ее завершения появилась возможность писать без опаски, по своему разумению. Эту возможность я реализовал в полной мере в «Социальной истории Российской империи». Это

первая работа, где я откровенно критикую марксизм и пишу не по-марксистски. Русская версия моей книги называется «Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства». В самом названии содержится полемика с известной работой Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В книге мне удалось настолько интенсивно использовать накопленные знания по социологии и социальной психологии, что «Социальную историю» относят к исторической социологии. После публикации книги меня пригласили работать на факультет социологии СПбГУ, где я преподавал в 2003–2016 гг. на кафедре социологии культуры и коммуникации. Ее до сих пор возглавляет проф. Владимир Вячеславович Козловский. Он поручил мне читать курс социологии на историческом факультете СПбГУ и помог опубликовать в 2009 г. учебное пособие «Историческая социология России». Более 10 лет я читал всему истфаку (дневникам, вечерникам и заочникам) курс социологии в тесной связи с социальной историей России.

Мои научные взгляды сформировались в 1960–1970-е гг. — до того, как постмодернистская парадигма утвердилась в западной историографии во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. Мне импонировали теория модернизации, теория стадий экономического роста У.У. Ростоу, структурный функционализм, теория социального конфликта, символический интеракционизм и драматургическая социология. Очень нравился

институционализм — направление в политической экономии, изучающее эволюцию социальных институтов, таких как традиции, мораль, право, семья, общественные объединения, государство и др., и их влияние на формирование экономического поведения людей. Постмодернизм был мне знаком, но не вызывал и до сих пор не вызывает глубоких симпатий. Мне нравится заниматься не частными, экзотическими сюжетами, а «метарассказами», конструировать целое, следить за развитием социальных и политических структур, объяснять их изменения. Я продолжаю верить в объективность мира и исторического процесса, в закономерность, в эволюцию и т. д. Однако было бы неверно сказать, что постмодернизм не оказал на меня никакого воздействия. Я разделяю три фундаментальные идеи постмодернизма: 1) исторические документы должны восприниматься как тексты, созданные с определенной целью, в определенных системах значений, редко однозначных и бесспорных; 2) прошлое в значительной степени создается самими историками; 3) так называемая объективность исторических феноменов не может существовать вне человеческого сознания, она существует также в головах людей. В своей методологии и практической работе пытаюсь синтезировать все ценное, на мой взгляд, в дореволюционной, советской и западной русистике, т. к. глубоко верю в то, что разные интеллектуальные ориентации, включая марксизм, имеют свои плюсы и минусы.

С.Э. Аркадий Георгиевич Маньков в 1994 и 1995 гг. издал свой, можно сказать, антисталинский, дневник

о работе на заводе в 30-х гг. Многие подозревали, что он задним числом отредактировал свои записи. А как вы считаете, действительно ли мог в то время молодой рабочий придерживаться таких откровенно антисоветских взглядов?

Б.М. Маньков был не простым рабочим. Он окончил полную среднюю школу. Но не мог сразу поступить в университет из-за социального происхождения. А в рабочие он пошел для того, чтобы заработать стаж и потом поступить в вуз. В то время социальное происхождение играло важную роль; «бывшие» были поражены в правах. Его отец служил классным чиновником в Сенате. Так что А. Г. Маньков был номинальным, вынужденным рабочим. Сам по себе этот факт его биографии мог способствовать скорее негативному, чем позитивному отношению к советской власти — благородный вынужден работать на заводе. Кроме того, А. Г. Маньков в 1930-е гг. занимался литературным трудом и хотел стать не историком, а писателем. У него были даже публикации. Это потом уже так случилось, что он ушел в науку. В силу этого предпосылки для критики власти существовали. Если даже он впоследствии и редактировал свои дневниковые записи, то ради того, чтобы воспроизвести свои испытанные в молодые годы чувства хотя бы задним числом. Мне трудно предположить, что он мог написать о том, что с ним не происходило.

С.Э. Это, как говорится, была «подводка» к следующему вопросу. Так получилось, что в прошлом году я в один день брал два интервью: у недавно умершего на 99-м

году Ильи Семеновича Кремера и у вашего ровесника Габриэля Гавриловича Суперфина. Я спросил их, действительно ли они верили в советскую власть. Кремер ответил, что, несмотря на то что он был очевидцем и голодомора, и репрессий, он и его товарищи реально считали тогда, что в нашей стране существует лучшая в мире советская власть. Суперфин ответил, что, когда умер Сталин, он очень переживал и для него это была тяжелая потеря, как почти для любого советского человека того времени, но со временем, ближе к концу школы, он перешел на диссидентские рельсы. А когда вы, учась на экономическом факультете, опровергали марксистско-ленинский закон «относительного и абсолютного обнищания пролетариата», вы реально верили в то, что у нас все устроено правильно? Были ли вы советским человеком?

Б. М. В школьные годы я был активным комсомольцем — никаких сомнений не имел. Как мне казалось, не было их и у моих родных. Я тоже помню смерть Сталина и всеобщую скорбь. Вспоминаю, как в день объявления о его смерти шел из школы после траурной линейки, а все люди, шедшие мне навстречу, горько плакали. Но мои родители были спокойны. Мне было непонятно: в чем дело? Вся страна рыдает, а родители спокойны. Отец был офицером; я никогда от него не слышал никаких сомнений, какого-либо недовольства своим положением, властями или политическим строем. Энтузиазма, правда, тоже не было, но нигилизма не наблюдалось, сомнений не высказывалось. А ведь сомнения в душу ребенка кто-то должен был заронить.

Это могли быть родители, учителя или книги. Но родители, учителя и доступные книги власти не критиковали. В моей семье никто не был репрессирован, трагедии в семейной памяти отсутствовали. Теперь мы понимаем, что там, наверху, шла своя жизнь, а внизу — своя. Для огромного большинства людей жизнь была трудной, не хватало необходимого, и они думали о выживании, а не о политике.

Человек был погружен в экзистенциальные проблемы — как прокормиться, одеться, купить, «достать». То, что делалось на самом верху, держалось в большом секрете. До простых людей не доходило, и они об этом не задумывались. Политические пертурбации в основном волновали элиту, крупных хозяйственных, военных и политических деятелей, людей, входивших в номенклатуру, тех, кто вел борьбу за влияние и власть. Это, по оценке М. С. Восленского на 1970 г., лишь около 750 тыс. человек, вместе с членами семей — 3 млн, или менее 1,5% населения. Собственно в сталинское время численность номенклатуры была еще меньше. Родители с номенклатурными работниками не общались; я не имел дел с их детьми.

Пропаганда работала хорошо. Я, как и другие простые советские люди, не знал, что такое заграница, т. к. нигде не выезжал и не представлял, какая реальная жизнь происходила за пределами СССР. Поэтому подобно большинству относился к советской власти лояльно, если так можно говорить о подростке. Только те, кто от нее пострадал, что-то понимали, сомневались и испытывали к ней

негативные чувства. Но, как мы знаем, даже у большинства репрессированных не было никакой обиды; они являлись в массе убежденными советскими гражданами, лояльными власти. Маршал К. К. Рокоссовский, просидевший почти 4 года, в 1937–1940 гг., в тюрьме НКВД и подвергавшийся жестоким пыткам, считал И. Сталина «святым человеком». Что уж говорить о людях от власти далеких и не пострадавших!?

С. Э. Когда к вам пришла мысль, что в стране что-то идет не так?

Б. М. Можно твердо сказать, что 1961 г. — переломный момент в моей жизни. Именно с этого времени стали происходить изменения в моих представлениях и взглядах. После отчисления я начал размышлять: за что, почему и в чем дело?! Стал замечать то, на что раньше не обращал внимания. Больше всего меня угнетали цензура, отсутствие свободы мысли, устного и печатного слова, ограничения в чтении, наличие спецхранов в библиотеках и железный занавес. Моя идеологическая наивность постепенно испарялась, марксистские взгляды трансформировались, иллюзии исчезали. Лояльное отношение к советской власти сменилось скепсисом. Однако интерес к политике не появился. Меня увлекла наука. Я понимал, что заниматься политической или социальной историей и советским периодом мне противопоказано и опасно. Поэтому выбрал досоветскую экономическую историю. Причем взял совершенно новый и аполитичный сюжет, чтобы ни с кем не сталкиваться и на поприще науки: с третьего курса я стал из-

учать историю цен в России и много работать в архивах.

На истфаке меня встретили спокойно, студенты даже доброжелательно. Никто не обижал. Но я чувствовал некоторую настороженность со стороны студентов и преподавателей.

С. Э. Примечательно, что и со стороны студентов!

Б. М. Ну а как же иначе?! Все знали, почему я спустился с другого этажа — экономический факультет находился в том же здании, только на другом этаже. Помню, что где-то на 3-м или 4-м курсе, когда мне казалось, что все осталось позади и забыто, секретарь партбюро факультета мягко намекнул мне: «Боря, ну мы же все знаем, но доверяем вам! Так что вы уж там!..» — и предложил выполнить какую-то не очень приятную для меня в то время общественную работу. И я постоянно это чувствовал и позже, до конца перестройки. Правда, напоминая, что «никто не забыт и ничто не забыто», шли не со стороны студентов и преподавателей, а из других инстанций. Контакты с западными славистами были закрыты или затруднены. Долго не мог печататься в западных исторических журналах. Не мог выехать за границу, хотя меня приглашали на различные конференции. А очень хотелось посмотреть, как там люди живут, в частности коллеги по цеху. Я погрузился в цифры и цены, подальше от политики и идеологии. Честно скажу, опасался, как бы чего не вышло. И все же теперь не исключаю, что мои страхи были преувеличены — кто обжегся на молоке, дует на воду. Со стороны студентов было, наверное, скорее

любопытство, чем настороженность и недоверие. По правде говоря, если смотреть объективно, и студенты, и преподаватели, и вся истфаковская администрация ко мне относились хорошо. Может быть, не они, а я к ним относился настороженно. Экономический факультет изрядно испортил мой характер.

Тем не менее два года на экономическом факультете не пропали даром. Курсы математической статистики, экономической статистики, экономического анализа и некоторые другие оказались в будущем весьма полезными, когда я стал заниматься клиометрикой.

С. Э. Традиционные историки часто критикуют авторов клиометрических исследований на том основании, что они используют недостаточно надежные статистические данные, которые до нас дошли. Например, они указывают на расхождение статистики МВД, ЦСК и земств. Можно ли выявить реальные данные в сопоставлении двух источников? Критике подвергаются и данные, полученные на основе ре-визских сказок. Насколько надежно этот источник позволяет реконструировать социальную структуру империи в период крепостного права?

Б. М. Исследователи, занимающиеся экономической и демографической историей достаточно давно и много, хорошо усвоили, что абсолютно точных данных не существует в природе. Жалуются дилетанты, которые думают, что настоящая статистика должна быть абсолютно точной, иначе нет смысла ею пользоваться. Между

тем неточность сведений характерна для статистики любой страны во все времена, включая день сегодняшний. Выдающийся американский экономист немецкого происхождения О. Моргенштерн предпринял попытку оценить уровень точности в отдельных областях экономической статистики в развитых западноевропейских странах XX в. Его книга «О точности экономико-статистических наблюдений» переведена на русский язык в 1968 г. В результате кропотливого сравнения сведений разных источников об одном и том же предмете он обнаружил: расхождения в показаниях различных источников достигали по внешней торговле — 167%, по ценам — 100%, по добывающей промышленности — 30%, по сельскому хозяйству — 50%, по занятости — 30%, по безработице — 50%, по национальному доходу — 50%.

Отличается неточностью и демографическая статистика. Например, официальные российские данные по сравнению с официальной израильской статистикой занижали масштабы еврейской эмиграции в Израиль в 1,5 раза в 1993–2002 гг., в 2,7 раза в 2003–2010 гг. и в 4,1 раза в 2011–2015 гг. Общая эмиграция евреев из России в страны дальнего зарубежья в 2003–2010 гг. по сведениям Росстата занижена в 2,7 раза сравнительно с зарубежными источниками, в том числе в США — в 5 раз, в Германию — 1,3 раза.

В чем причина? Во-первых, первичные статистические сведения содержат неизбежные погрешности в точности, происходящие по причине неадекватности способов сбора

данных характеру этих данных, ввиду ошибок и неполноты наблюдения, а также из-за ошибок приборов, недостатка компетентности у «наблюдателей», отсутствия четких определений, классификаций и программ сбора данных. Подобные погрешности связаны с уровнем развития науки.

Во-вторых, статистические сведения относятся к социально-экономической сфере, к деятельности людей и поэтому прямо и непосредственно затрагивают их интересы. Вследствие этого в отличие, например, от данных в естественных науках социально-экономическая статистика нередко преднамеренно фальсифицируются. Недостоверность сведений проистекает из стремления людей, которые собирают или сообщают сведения, скрыть или исказить их. Мотивы для этого могут быть самые различные: ввести в заблуждение официальные органы с целью уменьшить налоги, приукрасить положение дел, обмануть конкурентов, обосновать собираемыми данными политические цели или правильность своих предположений и т.д. В точности или неточности сведений заинтересованы как лица, их собирающие, так и лица, их сообщающие. Этот факт неизбежно накладывает на них свою печать. Например, различия в данных статистических служб разных стран об эмиграции евреев из России имеют свое объяснение. Многие евреи, действительно эмигрировавшие из России, при пересечении российской границы по разным мотивам указывали в качестве цели отъезда не эмиграцию, а туризм, в гости, на лечение и т.д. При въезде же в страну эмиграции

они указывали истинную цель приезда, т. к. без этого не могли получить право в ней остаться.

В силу невозможности иметь абсолютно точные статистические сведения расхождение статистических данных из разных источников в пределах 15–20% экономисты и статистики считают допустимым и приемлемым. Иначе нужно забыть о научной работе со статистическими данными.

Теперь конкретно рассмотрим российскую урожайную и демографическую статистику по разным источникам. В 1800–1913 гг. важнейшим, а в 1800–1880 гг. единственным источником урожайных сведений являлись губернаторские отчеты. По единодушному мнению специалистов XIX в., они занижали урожайность и сборы зерновых на величины от 10 до 30%. На что имелись объективные причины. Во-первых, сама оценка посева, сбора и урожайности хлебов осуществлялась таким способом, что в принципе не могла дать точных данных. В октябре, после жатвы, по инициативе коронных властей в нескольких селениях каждого уезда производились пробные умолоты. На их основе устанавливалась урожайность зерновых в текущем году в «самах» (число «самов» показывает, во сколько раз сбор превосходил посев) для всего уезда. Далее предводители дворянства, палаты государственных имуществ и удельные конторы путем опроса земледельцев получали информацию о собранном хлебе в помещичьей, государственной и удельной деревне и представляли ее в губернские комиссии для продовольствия, где вся информа-

ция суммировалась. Основываясь на пробных умолотах и общем сборе хлеба, комиссии определяли величину посева путем деления величины сбора на урожайность. Точной инструкции о том, кому и как делать пробные умолоты, разработано не было. Никакого обоснованного подхода к выбору селений и их числа не существовало. Между тем российские уезды занимали огромную площадь, а урожайность в разных частях уезда, в отдельных селениях, у крестьян и помещиков существенно различалась. Измерение посевных площадей до 1880-х гг. не производилось, а с 1880-х гг. осуществлялось приблизительно. Точная оценка посевов в масштабе России требует огромных затрат времени и средств. Специальные органы и лица, ответственные за сбор урожайных сведений, отсутствовали. Сложное и тонкое дело оценки урожая отдавалось на усмотрение местных властей, а фактически находилось в компетенции сельских выборных, крестьян — ведь именно они выполняли пробные умолоты и определяли величину собранного хлеба.

Еще весомее были субъективные причины. Крестьяне и их выборные, которые производили пробные умолоты и со слов которых собирались сведения о сборе хлебов, были заинтересованы в занижении сведений из-за страха повышения налогов. Нужно быть полным идеалистом и совершенно не знать психологии крестьян, чтобы полностью доверяться данным губернаторских отчетов. Для крестьян представлялось насущной потребностью понизить как урожай, так и посевы и сбор хлеба в целом. И крестьяне, да и помещики

тоже, из-за опасения дополнительных поборов зерна и фуража стремились понизить величину сбора. Кроме того, наблюдалась и элементарная халатность и некомпетентность, соответствующая интеллектуальному уровню развития крестьянства. Ведь крестьяне не употребляли абстрактных мер веса и объема, которые использовались в отчетах и науке того времени. Они могли учитывать урожай в возах, снопах и т. д. Многие вообще думали, что измерять урожай — это грех! Урожай — подарок от Бога. А как можно считать то, что дал Бог?! Характерно, что крестьяне занижали не только урожайные сведения, а все вообще показатели, которые интересовали власть. Они придерживались стратегии слабых — при общении с властями всегда жаловались на нищету, голод, бедность, «сиротство». Эти жалобы хотя и не принимались за чистую монету, но всегда учитывались властями. Раз крестьяне жалуются на налоги, лучше налоги при возможности не повышать, а недоимки прощать, что верховная власть регулярно и делала.

В 1880-х гг. произошла реформа урожайной статистики. С 1880 г. появился второй источник сведений — Департамент земледелия при Министерстве государственных имуществ. Он стал собирать информацию от добровольных корреспондентов из числа крестьян и частных землевладельцев. С 1883 г. заработал третий источник — Центральный статистический комитет (ЦСК) при Министерстве внутренних дел. Он наладил сбор сведений через волостную администрацию: в каждую волость для обязательного заполнения посылались вопросные бланки

о посевах, сборе и урожае — по шесть для крестьян и для частных землевладельцев. Из поступивших материалов выводились средние цифры посева и сбора для каждого хлеба. С 1881 г. ЦСК стал регулярно собирать также сведения о величине посевных площадей. Они были тоже приблизительные, но мера искажения была меньше, чем до реформы.

Четвертым источником урожайных сведений с 1880-х гг. стали земства. Но их обследования проводились не одновременно, не каждый год и не во всех, а только в земских губерниях, которых в 1880 г. насчитывалось 34, в 1913 г. — 43.

Профессиональные статистики регулярно проводили оценки точности проступавших сведений. Суммируем итоги проверок урожайности из четырех источников за 1883–1915 гг., приняв за 100% данные губернаторских отчетов: ЦСК — 107, Департамент земледелия — 113, земства — 117. Считается, что земства давали самые точные данные, потому что в их сборе лично участвовали компетентные специалисты, каковыми являлись земские статистики. Они тщательно готовили программу обследования, разъясняли населению его цели, сами собирали и обрабатывали полученные сведения. Земские данные были точнее других, но тем не менее их нельзя считать совершенно точными. Они все равно были заниженными. Крестьяне, несмотря на разъяснительную работу, боялись учета и не вполне доверяли земским статистикам. Например, организатор обследований в Воронежской губернии в 1890–1900-е гг. Ф. М. Щербина засвидетельствовал,

что крестьяне видели в переписях недобрые признаки, указывающие на участие в деле чуть ли не антихриста, во всяком случае нечистой силы; перепись считали «нечистым» и вредным для них делом. Для отвращения нечистой силы старухи старались вкладывать кресты в ящики тех столов, на которых вели записи регистраторы; ставили крестики мелом на скамейках, на полу, иногда даже на спине или подошве сапога у регистраторов; читали молитвы, производили заклинания и т. п. Я привел хорошо известную специалистам информацию о несовершенстве статистики урожая. Но ведь занижались и все другие сведения — о посевах, о скоте и т. д. Занижение урожаев, умноженное на занижение посевов, дает преуменьшение сборов хлебов до 30%. Преуменьшение численности скота преувеличивает степень имущественного расслоения крестьянства. И, несмотря на это, находились и находятся историки, считающие урожайные сведения, в том числе из губернаторских отчетов, заслуживающими полного доверия и не нуждающимися в поправках, — А. С. Нифонтов, С. А. Нефедов, А. В. Островский. Мотив у всех один — доказать, что положение крестьян как до, так и после крестьянской реформы 1861 г. ухудшалось. Если в официальные данные сборов зерновых внести поправки на понижение, то идея обнищания деревни лишается твердой опоры.

Чтобы убедить читателей в реальности огромного дефицита зерновых для питания крестьян в пореформенный период, С. А. Нефедов и А. В. Островский используют еще два аргумента — «голодный экспорт»

и большой расход хлеба на корм скоту. На самом деле хлеба для экспорта хватало, за исключением лет больших неурожаев. Но тогда экспорт ограничивался не только правительством, но и самим рынком. Во время неурожая цены на внутреннем рынке настолько поднимались, что зерно выгодно было продавать внутри страны.

Столь же несостоятелен аргумент о фураже для скота. Для оценки расхода зерновых на корм крестьянского скота мои оппоненты принимают образцовые нормы, принятые наукой и рекомендованные для армии. Между тем земледельцы такой возможности не имели и кормили скот по своим, более низким крестьянским нормам. Я провел, что называется, мыслительный эксперимент. Для 1901–1910 гг. мы располагаем фактическими данными о производстве и расходовании зерновых и картофеля на все нужды, кроме фуража, — на личное питание крестьян и горожан по бюджетным обследованиям, на экспорт, винокурение, армию и на семена. Если принять для прокорма крестьянского скота образцовые нормы, то для питания людей останется хлеба на 27% меньше, чем необходимо по *физиологическим нормам* для выживания! При таком огромном дефиците хлеба крестьяне в течение нескольких лет буквально вымерли бы. Скот съел бы людей! (См.: Страсти по революции... С. 160–161).

Теперь по поводу ревизий и ревизских сказок. Ревизии — это, по существу, десять переписей населения, которые производились с 1719 по 1857 г. с интервалом примерно

в 20 лет. Интересно само название переписи — «ревизия» (от позднелат. *revision*), что означает «пересмотр» или «переоценка». До ревизий в России проводились подворные переписи, когда единицей учета и налогообложения служил двор. В 1710 г. Петр I решил провести новую подворную перепись, потому что после последней переписи 1678 г. прошло 32 года, численность населения и, соответственно, число налогоплательщиков должно было увеличиться. Однако вместо ожидаемого прироста число дворов сократилось почти на 20%. Повторная подворная перепись 1715–1717 гг. дала еще худшие результаты. Причина этого состояла в том, что население искусственно укрупняло дворы, чтобы не платить государственные налоги. Ради этого самостоятельные семьи поселялись в границах одного двора и, продолжая вести самостоятельное хозяйство, числились одним двором и, соответственно, платили налоги за один двор.

В ответ на это правительство решило ввести новую систему обложения — подушную и провести новую перепись, которая позволила бы пересмотреть и переоценить число налогоплательщиков. В 1718 г. провели первую ревизию, численность населения сравнительно с 1678 г. увеличилась, но незначительно — примерно на 10–12%. Власти заподозрили утайку душ и решили проверить результаты переписи. Проверка обнаружила: пропущенное население составило около 25% от всего податного населения. И это несмотря на серьезное наказание, грозившее за утайку. Пропущенные крестьяне церковных и монастырских имений

передавались в казну вместе с землями, которые они обрабатывали. Однодворцы и татары за утайку душ подлежали наказанию кнутом. Кроме того, за каждую утаенную душу у них должны были забрать одного человека в рекруты. Помещики должны были заплатить за утаенных крестьян двойную подать. Выборные крестьянские власти, которые не внесли крестьян в ревизию, подлежали смертной казни. Учитывая масштаб утайки, смертную казнь пришлось заменить другими наказаниями. С той поры после каждой ревизии проводилась проверка, которая уточняла число душ. Население извлекло уроки после первой ревизии. В последующих переписях утайка сильно уменьшилась, но не исчезла. По 3-й и 5-й ревизии она составила 5%, по остальным — около 3%. Разумеется, речь идет лишь о выявленной утайке. Действительное число пропущенного населения неизвестно, и узнать его невозможно.

Второй недостаток ревизий состоит в том, что только в 6 из 10 ревизий учитывалось женское население. А когда оно фиксировалось, то данные не обобщались в масштабе уездов, губерний и страны в целом, а оставались только в первичных переписных листах — ревизских сказках. Ввиду этого при оценке общей численности населения число женщин приравнивалось равным числу мужчин. На самом деле доля женщин в населении изменялась: в XVIII в. их было меньше мужчин, а в XIX в. больше.

Наконец, третий недостаток ревизий, прямо относящийся к вашему вопросу о возможности реконструиро-

вать социальную структуру империи в период крепостного права. Ревизии не регистрировали дворянство, духовенство и другие категории неподатного населения. Их численность была невелика — около 3% всего населения. Но это были очень важные strata, без которых социальная структура населения не может считаться достоверной. К счастью, имелись другие демографические источники, которые фиксировали привилегированные социальные группы — церковный и административно-полицейский учет.

С.Э. Я помню ваш доклад о росте рекрутов и призывников в СПб И РАН в начале 2000-х и был впечатлен тем, что вы открыли новый, неожиданный источник вычисления уровня благосостояния, прежде всего крестьян. Тем не менее ваши выводы по данной теме также подверглись критике на том основании, что измерения, которые в разное время делались по разным методикам, невозможно сопоставлять между собой. Что бы вы могли возразить вашим критикам?

Б.М. Не я открыл зависимость между уровнем и качеством жизни и ростом (длиной тела) населения. На шумерском языке сохранилась глиняная табличка, датированная 3500 г. до н.э., с записью о том, что знатные люди отличаются более высоким ростом и лучшим здоровьем по сравнению с людьми низкого общественного положения. Можно считать, что проблема социальной обусловленности длины тела была поставлена неизвестным наблюдателем из Мезоречья по крайней мере 5,5 тыс. лет тому назад. Древние египтяне, китайцы, индусы, греки и римляне

стали измерять человеческое тело. Однако и в древности, и много позднее, в Европе Нового времени, вплоть до XVIII в., главный интерес сосредоточивался на определении идеальных форм и пропорций тела, а не на оценках его размеров. Только в XVIII в. повсеместно в Европе возникла традиция измерения новобранцев для оценки пригодности к службе, и на этой почве появился интерес к собственно размерам тела, которые стали рассматриваться в качестве критериев уровня физического развития. В первой половине XIX в. в антропологии появилась школа, связывавшая повышение или понижение длины тела населения с изменением уровня жизни. С 1950-х гг. антропометрические данные приобрели многофункциональное назначение: стали использоваться в экономических, социальных, медицинских и даже политических целях.

Но как научное направление историческая антропометрия институционализировалась позже. Годом ее рождения считается 1969-й, когда известный французский историк Э. Ле Руа Ладюри опубликовал работу, доказывающую, что в XIX в. рост французских новобранцев и благосостояние населения изменялись согласованно, а вариации в длине тела между различными социальными группами зависели от их социально-экономических характеристик (социального статуса, образования и т.п.). Его исследование получило развитие в работах американского экономиста Роберта Фогеля и его коллег и стало важным направлением в экономической истории в Европе и США. В 1993 г. Фогель за свои исследования получил Нобелевскую премию. В России ан-

тропометрические данные в качестве показателя биологического статуса населения первыми стали использовать физические антропологи. А в социально-экономической истории России, насколько мне известно, первым применил этот подход я в 1994 г. в докладе на международной конференции в Мюнхене «Diet and Health of the Russian Population from the Mid-Nineteenth to the Beginning of the Twentieth Century», который в 1995 г. был опубликован.

Теперь что касается критики результатов моих исследований по исторической антропометрии. Антропометрические данные в российских публикациях я впервые использовал в 1999 г. в книге «Социальная история России периода империи». В большой книге они не были замечены. Зато маленькая статья 2002 г. «Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С. Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным» вызвала, мягко говоря, энергичную критику со стороны Б. В. Ананьича. Она сводилась к тому, что «бухгалтерский подход» — так автор называл антропометрический подход — дает искаженную картину прошлого: «Чисто бухгалтерский подход к событиям прошлого, без оценки исторических реалий (как это сделано в статье Б. Н. Миронова), не может служить основанием для того, чтобы представить читателю благодетную картину экономического развития России на рубеже XX в. Когда я читал статью Б. Н. Миронова, меня не покидала мысль, что это розыгрыш читателя, демонстрация искусства искаженного изображения прошлого с помощью ошеломляющего

обилия цифрового материала и отсылок на англоязычные издания». Мне потребовалось четыре года, чтобы добиться публикации ответа в том же ежегоднике «Экономическая история» (2006), и только благодаря вмешательству академика-секретаря ОИФН РАН Анатолия Пантелеевича Деревянко, посчитавшего полезным продолжить дискуссию.

После этого научные споры сосредоточились в Санкт-Петербургском институте истории РАН в связи с обсуждением рукописи моей новой монографии «Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века», подготовленной к печати. В общероссийском масштабе страсти разгорелись в 2010 г., после выхода ее в свет. Многим коллегам книга не пришлась по душе просто из-за негативного отношения к самому антропометрическому подходу. Они полагали, что зависимость между ростом людей и уровнем жизни — искусственная закономерность, это идея фикс, моя выдумка, за которой ничего резонного не стоит. Аргументы приводились разные, вроде: «У меня есть брат, мы росли в одной семье и нас кормили одинаково, а он выше меня ростом». Некоторые просто объявляли: «Не верится», «Сомнительно», «Неубедительно», не приводя никаких контраргументов. Меня это крайне удивило. Мне казалось, что любому человеку без предубеждений зависимость между условиями жизни в детстве (питанием, уходом и т.п.) и здоровьем и ростом кажется явлением нормальным, даже если ему это раньше в голову не приходило. Наверное, не найти взрослых людей, имеющих детей, которые бы не знали, что здоровье и рост

ребенка зависят от ухода за ним. Те, кто выращивает цветы или содержит домашних животных, знают: ухаживай за цветами — они вырастут красивыми; корми хорошо любимую кошку или собаку — будет она здоровой, рослой, с хорошей густой шерстью.

Ан нет! Если законы природы противоречат стереотипам, убеждениям и интересам, они отвергаются. Коперник, Галилей, Дарвин и сотни других пострадали по этой причине. Поэтому в нашем случае особенно взволновались те, чьи научные взгляды были поставлены под сомнение — творцы концепции системного кризиса позднеимперской России, сторонники происхождения русских революций по причине обнищания трудящихся, т.е. прежде всего историки, работающие в марксистской парадигме. Об этом свидетельствует тот факт, что опубликованные мною данные о динамике длины тела россиян в XVIII в. никого не взволновали — они говорили о снижении уровня жизни в это столетие.

Одни обвинили меня в биологическом детерминизме (д-р ист. наук А. А. Куреньшев), вторые заявили об опасности антропометрии, поскольку ее данные использовались в криминальной антропологии и расистских теориях фашизма (д-р ист. наук П. П. Щербинин). Третьи называли меня лжеисториком и в моей книге видели «самые худшие образцы банальной конспирологической беллетристики» (канд. филос. наук С. А. Ермолаев). Четвертые обвиняли в аморальности: «“Антропометрические” приемы Миронова аморальны — к истории людей нельзя подходить как к истории скотов, набирающих или теряю-

щих вес под наблюдением правительственных зоотехников» (д-р ист. наук В. П. Булдаков). Пятые утверждали, что я выполняю политический заказ, имеющий целью придать научную видимость представлениям, будто накануне 1917 г. в России все обстояло благополучно. И намекали на заказ от спецслужб США и на мое пребывание на содержании у врагов русского народа (д-ра ист. наук С. А. Нефедов и А. В. Островский). Здесь наука заканчивается и невольно вспоминаются времена, когда против ученых выдвигались подобные обвинения.

Вначале идея, лежащая в основе антропометрического подхода к уровню жизни, отвергалась значительной частью историков в принципе. Соответственно, не принимались и выводы, сделанные на базе антропометрических данных. Интересно, что социологи, экономисты, антропологи, политологи встретили антропологический подход весьма положительно. Однако позже, когда оппоненты узнали, что историческая антропометрия — направление в мировой историографии, что в каждой приличной в научном отношении стране есть историки (в основном экономические), этим занимающиеся, ситуация изменилась. Лобовая атака захлебнулась, критика антропометрии как направления утихла. Оппоненты (фактически их осталось уже трое — С. А. Нефедов, А. В. Островский и М. Элманн) стали искать ошибки в моей методике. Во-первых, они стали утверждать, что **ввиду изменений требований к росту новобранцев** данные о росте новобранцев являются несопоставимыми, вследствие чего правильную динамику роста на их основе построить невозможно. Это не соответству-

ет фактам. До введения всесословной воинской повинности в 1874 г. требования к росту к новобранцам действительно изменялись, как правило, в сторону понижения, что делало данные за разные годы не вполне сопоставимыми. Но в современной исторической антропометрии эта проблема успешно решается с помощью метода максимального правдоподобия, и для его применения разработана специальная компьютерная программа. Метод унифицирует выборки за разные годы и делает их однородными и сопоставимыми. Эта стандартная методика обработка ростовых данных, принятая в мировой антропометрии, в моих работах (особенно в книге «Благосостояние населения») подробно объяснена. Кроме того, если бы я не учитывал снижение ростового ценза, то полученные мною данные **занижали** бы средний рост новобранцев, и, значит, позитивная динамика длины тела преуменьшалась бы, а не преувеличивалась, как думают оппоненты.

Далее критики полагают, что даже данные о росте новобранцев, принятых на службу в 1874–1912 гг., нельзя считать сопоставимыми, т. к. в 1890 г. изменилась методика учета ростовых данных в воинских присутствиях. Объясню суть проблемы.

От рекрутских присутствий не требовалось вычислять **средний** рост новобранца в волости, уезде или губернии, и они его не считали. Чинovníки присутствий должны были лишь распределить рекрутов по 11 ростовым интервалам для удобства их последующего отправления в строй. Дело в том, что различные рода войск предъявляли разные

требования к росту: новобранцы ростом выше 2 аршин 8 вершков (от 175 см и выше) направлялись в гвардию и гренадеры, самые низкорослые — в пехоту и т.д. Согласно инструкции 1874 г. уездные присутствия в своих годовых отчетах распределяли освидетельствованных рекрутов по 11 интервалам:

- I) 2 аршина 2 ½ вершка00000
 II) до 2 аршин 3 вершков ...00000
 III) до 2 аршин 4 вершков ...00000
 IV) до 2 аршин 5 вершков....00000

 XI) до 2 аршин 12 вершков ...00000

На основании этих данных сами исследователи должны вычислять средний рост новобранцев в уезде, губернии или России в целом. Стандартная статистическая методика происходит следующим образом: (1) определяется середина каждого из 11 интервалов (в аршинах и вершках), (2) середина интервала умножается на число рекрутов в данной интервальной группе, и получается 11 произведений, (3) эти 11 произведений складываются, (4) полученная

общая сумма делится на число рекрутов во всех 11 группах (на общее число рекрутов). И здесь возникает вопрос: как чиновники конструировали интервалы при распределении рекрутов по интервалам? В инструкции ни верхняя, ни нижняя граница интервалов не были точно определены (в статистике это называется открытым интервалом). Например, 2-й интервал — до 2 аршин 3 вершков — не имеет точных границ. В силу этого перед чиновником возникал вопрос: если рост рекрута 2 аршина 3 вершка — в какую интервальную группу нужно его включать — во II или III? Если рост новобранца 2 аршина 4 вершка, то включать в III или IV? И т.д. В соответствии с решением о верхней границе интервала определялась нижняя граница интервалов. Чтобы решить этот вопрос, чиновник должен был, по сути дела, открытые границы интервалов превратить в закрытые (конечно, при этом он не размышлял в статистических категориях). Теоретически при конструировании интервалов с округлением исходных данных до 1/8 вершка можно использовать два варианта:

№ интервала	Конструирование интервалов		Середина интервала, см		Разница, см
	1-й вариант	2-й вариант	1-й вариант	2-й вариант	
I	2 арш. 2 4/8 вер.	2 арш. 2 4/8 вер.	153,4	153,4	0,0
II	2 арш. 2 5/8 верш. — 2 арш. 3 верш.	2 арш. 2 5/82 верш. — 2 арш. 2 7/8 верш.	154,7	154,5	0,2
III	2 арш. 3 1/8 верш. — 2 арш. 4 верш.	2 арш. 3 верш. — 2 арш. 3 7/8 верш.	158,1	157,5	0,6
IV	2 арш. 4 1/8 верш. — 2 арш. 5 верш.	2 арш. 4 верш. — 2 арш. 4 7/8 верш.	162,5	162,0	0,5
V	2 арш. 5 1/8 верш. — 2 арш. 6 верш.	2 арш. 5 верш. — 2 арш. 5 7/8 верш.	167,0	166,4	0,6
VI–X	
XI	2 арш. 11 1/8 верш. — 2 арш. 12 верш.	2 арш. 11 верш. — 2 арш. 11 7/8 верш.	193,6	193,1	0,5

Вследствие изменения границ 10 интервалов средний рост новобранцев, находившихся в этих интервалах, должен различаться на величину изменения границ интервала (потому что средний рост соответствует середине интервала). В первом и втором вариантах агрегирования **середина I интервала** одинакова, потому что в обоих случаях там указывается ростовой ценз; **во II интервале** различие составляет 1/16 вершка, или примерно 2,4 мм, поскольку увеличилась только верхняя граница интервала на 1/8 вершка. **Середина III–XI интервалов** в первом варианте агрегирования будет на 1/8 вершка, или на 5–6 мм, больше, чем во втором варианте, потому что верхняя и нижняя границы интервалов сдвинулись на 1/8 вершка, или 5,6 мм. Величина расхождений среднего роста, вычисленного по двум вариантам, зависит от степени округления исходных данных — чем грубее округление, тем различия больше, и наоборот. В монографии «Благополучие населения и революции в имперской России» при вычислениях средней длины тела применялась специальная компьютерная программа, которая позволяла округлять исходные данные до 1/16 вершка. В этом случае различия среднего роста, вычисленного по первому и второму варианту, уменьшились до 1/16 вершка — до 2,8 мм. Величина столь незначительная, что ею можно пренебречь.

В 1890 г. Управление по делам о воинской повинности МВД разослало во все воинские присутствия циркуляр, в котором требовалось несколько изменить форму представления годовых отчетов о длине тела новобранцев. Раньше форма имела следующий вид:

I) 2 аршина 2 ½ вершка	00000
II) до 2 аршин 3 вершков	00000
III) до 2 аршин 4 вершков	00000
IV) до 2 аршин 5 вершков	00000
.....	
XI) до 2 аршин 12 вершков	00000

С 1890 г. форма должна быть такой:

I) 2 аршина 2 ½ вершка.....	00000
II) до 2 аршин 3 вершков включительно	00000
III) до 2 аршин 4 вершков включительно	00000
IV) до 2 аршин 5 вершков включительно	00000
.....	
XI) до 2 аршин 12 вершков включительно	00000

«Включительно» — важное дополнение, потому что открытые интервалы для агрегирования ростовых данных стали закрытыми, и теперь чиновники без колебаний должны были использовать первый вариант агрегирования. Однако, как я выяснил, и до циркуляра 1890 г. в присутствиях использовался первый вариант. Циркуляр просто его формально подтвердил. Но по мнению моих оппонентов, ни на чем не основанному, до 1890 г. присутствия использовали второй способ агрегирования первичных данных, а после 1890 г. — первый, что привело к завышению среднего роста новобранцев примерно на полвершка, или на 2,5 см, в результате чего рост новобранцев, призванных в 1890–1912 гг., уменьшился, а не увеличился, как полагаю я. Этот вывод ошибочен. Само по себе изменение величины интервалов влияет только на средний рост и численность новобранцев в отдельных интервалах. Средний рост всех рекрутов из 12 интервальных групп остается

ся постоянным. Проблема может возникнуть в том случае, если чиновники при распределении новобранцев по росту использовали одни интервалы, а исследователи при подсчете среднего роста — другие. Например, чиновники применяли 1-й вариант интервалов, а я — 2-й вариант, или наоборот — чиновники использовали 2-й, а я — 1-й вариант. В подобных случаях различия среднего роста, подсчитанного по двум вариантам, будут отличаться на величину изменения середины интервалов, т.е. на 1/8 вершка или 5,6 мм, если рост оценивался с точностью до 1/8 вершка, или на 1/16 или 2,7 мм, если рост оценивался с точностью до 1/16 вершка.

Для всего изучаемого периода, 1874–1913 гг., я использовал единый 1-й вариант интервалов. Поэтому если интервалы в 1890 г. изменились, как полагают оппоненты, то надо вносить поправки в данные за 1874–1889 гг., уменьшая их на 3–6 мм. Но в таком случае увеличение среднего роста в 1890–1913 гг. будет на 3–6 мм больше, чем определил я, и тенденция повышения длины тела новобранцев будет еще явственнее. Однако вносить поправки не нужно, поскольку «включительно» не изменило интервалы агрегирования ростовых данных в воинских присутствиях. Слегка изменилась только форма представления годового отчета. Характерно, что циркуляр не содержал пояснений и объяснений, как по-новому распределять ростовые данные по возрастным интервалам. Между тем во всех случаях, когда в методику сбора или обработки любых официальных сведений вносились какие-либо изменения, они подробно разъяснялись. Отсутствие в циркуляре каких-либо пояснений

и объяснений привело воинские присутствия к выводу, что все остается по-прежнему, и они долгое время представляли годовые отчеты по старой форме, без слова «включительно». И они были правы — циркуляр не требовал изменить методику агрегирования ростовых данных. Само Управление по делам о воинской повинности и Центральное статистическое управление в ретроспективных сводках сведений о росте за 1874–1913 гг. указывали 11 ростовых интервалов единообразным способом, как было утверждено в 1874 г. В ежегодных отчетах Военного министерства также указывались единые ростовые интервалы для 1874–1912 гг.

Следующее замечание по методике работы с ростовыми данными состоит в том, что средний рост рабочих, вычисленный на основе *выборочных* индивидуальных данных по сведениям земских врачей, и средний рост новобранцев, вычисленный на основе *суммарных* данных в воинских присутствиях, полностью не совпадают. Математическая статистика утверждает: полного совпадения выборочных средних не должно быть вследствие наличия стандартных ошибок выборок. Во-первых, по причине различного числа наблюдений (измерений): индивидуальные данные о росте рабочих охватывали от нескольких десятков до нескольких тысяч рабочих на империю в год. Суммарные данные о новобранцах охватывали от 100 тыс. до 400 тыс. человек в год. Во-вторых, рабочие и новобранцы относились к различным социальным группам, отличавшимся социальным статусом, грамотностью, возрастом, семейным положением и другими характеристиками, оказывавшими влияние

на рост человека. Было бы странным, если бы при таких условиях выборочные средние полностью совпадали.

С.Э. Многие критикуют вашу концепцию успешной модернизации Российской империи в конце XIX — начале XX в. Даже те, кто не исходит из марксистского тезиса абсолютного и относительного обнищания рабочего класса, задаются вопросом, каким образом рост благосостояния привел к трем революциям?

Б.М. Никто не считал, сколько историков мою концепцию принимают или отвергают. Поэтому говорить «много» или «мало» критиков затруднительно. Если основываться на рецензиях или обсуждениях на круглых столах, то большинство участников мою концепцию поддержало. Кратко расскажу, в чем ее суть.

В имперской модернизации можно выделить два этапа: 1) раннеимперский — XVIII — первая треть XIX в., 2) позднеимперский — вторая треть XIX в. — 1917 г. Верхнюю границу второго этапа я датирую первой третью XIX в. К 1830-м гг. относится начало промышленного переворота в России, с которым традиционно связывается переход от аграрного общества к индустриальному.

Великие реформы 1860–1870-х гг. дали мощный толчок для продолжения модернизации — с этого момента она стала по-настоящему многомерной и глубокой. Получили особенное развитие такие процессы, как индустриализация, профессионализация, секуляризация, индивидуализация, распространение средств массовой информации, рост социальной и про-

фессиональной мобильности, демографический переход, семейная революция, нациестроительство и, что особенно важно, развитие конституционализма и гражданского общества, рыночной экономики и частной собственности. Во всех перечисленных сферах был достигнут прогресс. Качество жизни российских граждан повысилось во всех отношениях, что является критерием успешности модернизации. Мы можем поэтому назвать позднеимперскую модернизацию успешной, несмотря на все издержки, трудности и периодические кризисы.

Отметим две характерные особенности позднеимперской модернизации. Первая — высокий темп, о чем говорит тот факт, что в 1880–1913 гг. российская экономика развивалась самыми высокими среди крупных европейских держав темпами. Вторая — незавершенность. К 1914 г. модернизация не завершилась, вследствие чего Россия не соответствовала в полной мере ни одному из критериев современного общества. Империя находилась на полдороге от традиционного общества к современному.

Итак, революции начала XX в. произошли в условиях быстрого экономического и культурного роста, повышения уровня жизни, на фоне успешной, но незавершенной модернизации. Традиция и современность находились в состоянии острого конфликта, в чем и состоял важнейший источник социальной напряженности в обществе. И это не нонсенс, а закономерность. Прогрессивные по сути изменения, имеющие позитивные результаты, обнаруживают свою негативную сторону именно в силу того, что являются изменениями,

нарушают устоявшийся, стабильный порядок, нарушают равновесие, ставят под сомнение или лишают смысла прежние навыки и привычки. В России, как и везде, именно высокие темпы и успехи модернизации создавали новые противоречия, порождали неведанные прежде проблемы, вызывали временные и локальные кризисы, которые при благоприятных обстоятельствах и благоразумии элит и правящего класса могли бы благополучно разрешиться.

На нескольких конкретных примерах проиллюстрирую тезис о противоречивых последствиях прогрессивных изменений. Возьмем коммерциализацию экономики — явление, как считается, прогрессивное. С одной стороны, она способствовала рационализации экономической деятельности, росту эффективности производства, производительности труда и доходности, обеспечивала улучшение потребления. Об уровне коммерциализации в городе данных нет, но в деревне она как минимум удвоилась, т. к. товарность сельского хозяйства возросла в два раза. Под влиянием коммерциализации росла материальная дифференциация и одновременно с ней социальная вражда между богатыми и бедными. Особенно драматические последствия имела коммерциализация в деревне. Крестьянам приходилось мыслить категориями «выгодно», «невыгодно», в то время как прежде мыслили в категориях «хорошо» или «плохо», «грешно» или «добродетельно». Принципиально разрушалась вся системы традиционных ценностей. Человек человеку — не сосед и товарищ, а конкурент и соперник. За все надо платить. Все продается

и покупается. Представьте, как страдал в это переходное время традиционный крестьянин! Произведения Г. Успенского хорошо иллюстрируют стресс, испытываемый земледельцами под влиянием монетизации человеческих отношений. В итоге положительный в принципе и по далеким последствиям процесс принес в деревню в кратко- и среднесрочной перспективе массу социально-экономических проблем и увеличил социальную напряженность и вражду.

Урбанизация — не менее прогрессивный процесс. Земледельцы приезжали в город, устраивались на работу, получали там — по крестьянским меркам — приличную заработную плату. Одновременно они приобщались к городской культуре и цивилизации, овладевали новыми компетенциями и современными стандартами поведения. Но что за жизнь была у них в городе (по крайней мере на первых порах)? Оставшись без поддержки родственников, без дома и семьи, в отрыве от привычной жизненной обстановки, они фактически превратились в социальных маргиналов. А как чувствовали себя их семьи в деревне, оставшись без кормильца, хозяина и защитника?

В ходе прогрессивной индустриализации сотни тысяч крестьян изменили традиционный земледельческий образ жизни на новый индустриальный и благодаря этому повысили материальный достаток. Индустриализация способствовала росту их образования и культуры, приобщала к техническому прогрессу, изменяла образ жизни и менталитет. Но сделали ли жесткий и напряженный режим работы, строгая дисциплина, увеличение про-

должительности труда и прочие радости работы на заводе или фабрике их счастливыми? Если сравнить сельскохозяйственный и промышленный труд — это как рай и ад для крестьянина. Сельский труд на свежем воздухе. Когда нужно и есть охота — можно поработать больше, когда нет — меньше. Много праздников, свободная жизнь, сам себе хозяин. Есть дом, семья и всегда поддержка родственников. О «счастливой» жизни рабочих говорит тот факт, что по криминогенности (числу преступлений на 1000 человек) рабочие, в подавляющем числе крестьяне по сословной принадлежности, превосходили крестьян-хлебобопашцев, проживавших в деревне, в 19 раз! В силу своей маргинальности именно рабочие шли в авангарде борьбы с царским режимом.

Семья трансформировалась из патриархально-авторитарной в демократическую, из составной в малую. В ходе семейной революции женщины и дети получали права и защиту. Снохачество, тиранство, побои жен и детей стали считаться по закону преступлениями. Трудно придумать какое-нибудь более прогрессивное изменение. Но всем ли это нравилось и приносило ли спокойствие в деревню? Что чувствовали в деревне мужики, когда их жены и невестки выходили из подчинения и жаловались в мировой суд на запрещение работать на стороне, на рукоприкладство, на снохачество? Суды призывали мужиков за это к ответу и наказывали. На этой почве между мужчинами и женщинами в семье возникали ссоры, конфликты, противоречия. С другой стороны, дети становились самостоятельнее и грамотнее родителей и хотели устраивать свою жизнь по своему усмотрению.

Нравилось ли это родителям? Отцы, когда отдавали мальчиков (и много реже девочек) в школу, стремились ограничить их обучение годом-двумя, чтобы они могли научиться лишь писать, читать и считать, не стали умнее отца и не вышли из послушания. Составные или большие семьи становились малыми. Это способствовало возникновению и усилению противоречий между родителями и детьми, между братьями, увеличивало число имущественных разделов, которые почти всегда сопровождались ссорами и конфликтами. И позитивный, в сущности, процесс тоже создавал новые серьезные проблемы и увеличивал напряженность.

Аналогичные, прогрессивные по сути, процессы происходили в городе, и они, так же как в деревне, имели противоречивые последствия и способствовали росту социальных конфликтов и напряженности. Не избежали трудностей все городские социальные группы, включая мещан, ремесленников и дворян, значительная часть которых испытывала не только относительную, но и абсолютную депривацию.

Считается безусловным благом формирование гражданского общества со множеством добровольных общественных организаций; складывание правового государства с парламентом, верховенством закона, открытостью, гласностью, публичностью, многопартийностью. Однако эти прогрессивные процессы, составляющие суть политической модернизации, создали контрэлиту, породили настоящую борьбу за политическую власть, в ходе которой противники режима мобилизовали интеллигенцию

и народные массы в свою поддержку, организовали протесты, стачки и демонстрации, призывали к революционной замене существующего строя.

Таким образом, любой прогрессивный процесс модернизации имел противоречивые последствия и создавал массу проблем, в особенности на первом этапе. Это явление в социологии называется *травмой социальных изменений*.

Мои оппоненты часто искажают мою концепцию с помощью приема, который первым применил Б. В. Ананьич в статье против использования антропометрических данных. «Б. Н. Миронов, — писал он, — представил читателю благостную картину экономического развития России на рубеже XX в.». Слово «благостный» в толковых словарях трактуется как «приятный, умиротворяющий, приносящий благо». Следовательно, «благостная картина экономического развития» — это такое развитие, которое приносит всем благо, умиротворение и удовольствие. Что ни в коей степени не соответствует тому, что я имею в виду. Я говорю об улучшении, а не о том, что народ стал благоденствовать. «Положение улучшается» вовсе не означает, что «положение хорошее». Критики подменяют понятия. Лейтмотив всех моих работ, посвященных уровню жизни, совсем другой. Вот в подтверждение несколько цитат. «Несмотря на позитивную динамику зарплаты российских рабочих в конце XIX — начале XX в., было бы легкомысленно думать, что они благоденствовали. Тренд и уровень жизни — различные ракурсы при оценке благосостояния. Уровень жизни в России повышался, но, как и всюду в Европе, он был то-

гда низким» (Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. С. 205). «Народ жил скромно, но — подчеркну — не нищенствовал, как часто утверждается: основные материальные потребности удовлетворялись, причем с конца XVIII в. и вплоть до начала Первой мировой войны уровень жизни рос среди всех слоев населения, включая крестьян и рабочих» (Там же. Т. 3. С. 728). Этот вывод относился и к привилегированным слоям населения: «Преобладающая часть людей, относившихся формально к привилегированным слоям, на самом деле существовала скромно, вместе с огромным большинством россиян — крестьянством и мещанством» (Благосостояние населения. 2-е изд. С. 380). Как видим, оппоненты приписывают мне идеи, которые я категорически не разделяю.

Итак, в начале XX в. народ жил скромно, хотя его положение сравнительно с концом XVIII в. улучшилось. Кроме того, надо учесть, во-первых, что уровень скромности в начале XX в. был намного ниже, чем в настоящее время, и, во-вторых, — и в этом самое главное — что *рост потребностей постоянно обгонял возросший уровень жизни*. Все хотели больше того, что реально возможно было иметь при тогдашних экономических и финансовых ресурсах, культуре и производительности труда. Возникла *относительная депривация* — психологическая неудовлетворенность достигнутым повышением уровня жизни, разрыв между тем, что есть, и тем, что хочется и должно быть с точки зрения людей. Когда относительная депривация охватывает целые социальные группы, она становится причиной яростной агрессии против властей, элит и законов.

Конфликт традиции и современности можно назвать кризисом. Однако такой кризис не имеет ничего общего с тем пониманием системного кризиса, которое доминировало в советской историографии и до сих пор широко бытует в современной литературе, — как всеобщего и перманентного кризиса, превратившего российский социум в несостоятельную и нежизнеспособную систему, неспособную развиваться и приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни и обеспечивать благосостояние граждан. Кризис российского социума был болезнью роста, свидетельствовал о его развитии, а не о приближении его конца, представляя собой скорее мутацию и трансформацию, чем упадок. Кризис не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее предпосылки, только возможность, ставшую реальностью в силу особых обстоятельств — военных поражений, трудностей военного времени и непримиримой, ожесточенной борьбы за власть между оппозиционной общественностью и монархией.

Рост социальной напряженности, конфликтов, протестных движений в пореформенное время являлся результатом прогрессивных социальных изменений в обществе, последствием предоставленной свободы огромной массе прежде бесправных людей, результатом быстрого развития рыночной экономики и невероятного прежде роста потребностей и ожиданий. Высокие темпы модернизации создавали новые противоречия, порождали новые проблемы, вызывали временные и локальные кризисы, которые при неблагоприятных обстоятельствах перерастали

в большие, а при благоприятных могли бы благополучно разрешиться.

С.Э. Вроде даже есть закон, что все революции начинаются на экономическом подъеме, а на спаде их не происходит.

Б.М. Действительно, в последнее время историки обнаружили, что английская, французская и другие революции происходили на фоне позитивных изменений в обществе, им предшествовал не кризис, не обнищание населения, а экономический подъем и значительный прогресс во всех сферах жизни. Голодный человек думает о том, как и где найти пищу, а не о смене политического режима и революционных преобразованиях. Стало также очевидным, что положительные изменения в обществе на первых порах создают трудности и социальное напряжение. Даже если во время модернизации жизнь улучшается, социальное напряжение увеличивается. Это социологическая закономерность. «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен», — сказал Конфуций.

С.Э. Вы писали о том, что предреволюционная интеллигенция манипулировала данными, чтобы представить ситуацию в российской действительности как безысходную, и тем самым провоцировала «великие потрясения». Действительно, в сравнении с «реакционным» самодержавием «прогрессивный» сталинский социализм был адом. Есть ли послереволюционные свидетельства интеллигентов, в которых они признают свою ответственность в том, что произошло с Россией?

Б.М. Интересный вопрос. Некоторые видные лидеры интеллигенции признали свои ошибки в оценке пореформенного развития России, хотя в большинстве случаев косвенным путем. Ревизия парадигмы системного кризиса империи началась уже накануне Первой мировой войны. В декабре 1913 г. известный, уважаемый либерал и земский деятель Е. Н. Трубецкой в либеральном журнале «Русская мысль» опубликовал статью «Новая земская Россия», в которой почти с восторгом отмечал: «Два новых факта в особенности поражают наблюдателя русской деревни за последние годы — подъем благосостояния и поразительно быстрый рост новой крестьянской общности». Успехи были столь быстры и значительны, что Трубецкой опасался, как бы повышение уровня жизни не привело к забвению духовных ценностей. Статья Трубецкого вызвала большой резонанс; его выводы поддержали известные оппозиционные деятели. Например, ученый народнической ориентации Ф. А. Щербина отметил изменение менталитета крестьянства как первопричину позитивных сдвигов. Один из лидеров правых эсеров и известный публицист И. И. Бунаков-Фондаминский пенял городской интеллигенции, что она не заметила коренных сдвигов в деревне. П. Б. Струве подчеркнул отставание общности от быстро развивавшейся жизни. Начавшаяся война помешала этим взглядам оформиться в новую концепцию, т. к. не замечать очевидного прогресса в России становилось идеологической слепотой. Известный статистик-либерал А. А. Кауфман прямо признал ошибочность своих выводов относительно дина-

мики урожаев после крестьянской реформы, на которых в значительной степени основывались выводы об обнищании крестьянства. «Я приходил к выводу, что урожаи у нас в России остаются более или менее стационарными, — писал он в 1917 г. — Однако новейшие подсчеты заставляют отказать от этого вывода. Последовательный рост урожайности в течение последнего полувека не может подлежать сомнению. Средний урожай для 1901–1910 гг. для крестьянских земель почти наполовину, для владельческих — почти на две трети выше, чем в 1861–1870 гг. Рост урожайности как на владельческих, так и на крестьянских землях идет ускоряющимся темпом».

После Октябрьского переворота либералы, оказавшиеся в эмиграции, сформулировали новую точку зрения на пореформенное развитие страны в своих мемуарах, публицистике и исторических работах. Видные кадеты В. А. Маклаков, Н. И. Астров и М. М. Карпович сформулировали концепцию потерянных возможностей. В. А. Маклаков делал акцент на позитивной динамике гражданского общества и правового государства, М. М. Карпович — на «ошеломляющих» экономических успехах начала XX в. и возможности решения социальных проблем мирным путем. Н. И. Астров подчеркивал всесторонность прогресса. «Еще какой-нибудь десяток лет, — утверждал он, — и Россия стала бы непобедимой, могучей и уравновешенной в своих внутренних силах. Она выходила уже на путь правового порядка, свободной самостоятельности и свободного развития своих производительных сил». П. Н. Милуков, более сдер-

жанно оценивавший успехи страны в предвоенный период, признавал, что главные причины Февральской революции были отнюдь не экономическими, а лежали в плоскости политики и культуры. Даже в самый канун революции, по его мнению, не наблюдалось обеднения широких масс населения. В. А. Маклаков в своих воспоминаниях «Власть и общественность на закате старой России», написанных в эмиграции, прямо признал, что в развязывании гражданской войны между властью и оппозицией «вина общественности, пожалуй, больше, чем власти».

Поистине: что имеем — не храним, потерявши — плачем.

С. Э. Каковы ваши творческие планы?

Б. М. Начал работать над новой для меня темой — «Распад Советского Союза в человеческом измерении». На этот сюжет уже написано сотни статей и книг. Хочется на эту проблему посмотреть в другом ракурсе. Опираясь на данные всесоюзных переписей населения СССР 1926, 1939, 1959, 1979 и 1989 гг. о развитии человеческого капитала, оценить, какого прогресса достигли союзные и автономные республики за годы советской власти в различных сферах жизни, чем они были довольны и недовольны, как это повлияло на амбиции республиканских элит и их стремление к отделению. Работа по оцифровке материалов переписей практически закончена. На очереди анализ. Хотелось бы в течение трех лет написать на эту тему книгу.

“GOD FORBID YOU TO LIVE IN AN ERA OF CHANGE”. Interview with B. N. Mironov

Mironov Boris N. — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Key words: discussions about Russian modernization and revolution, anthropometry, cliometry, statistical sources, A. L. Shapiro, A. G. Mankov, B. N. Mironov.

Abstract. The most cited historian of Russia, laureate of the V. O. Klyuchevsky of the Russian Academy of Sciences for his outstanding contribution to the history and Slavic studies gave an interview to S. E. Erlich, scientific director of the journal “Historical Expertise”. It touches upon questions about the formation of B. N. Mironov as a historian in his student and postgraduate years, about his scientific advisers and professional career. In the conversation, most of all attention was paid to the heated discussions that are taking place around his research on modernization and Russian revolution of 1917, as well as his cliometric, in particular anthropometric, works and the quality of historical sources. B. N. Mironov shares his creative plans, which speak of a change in his research interests.

Д. Я. Травин

МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА МИРОНОВА

Ключевые слова: имперская Россия, модернизация, революция, Первая мировая война, исторические оптимисты и пессимисты.

Аннотация. Д. Я. Травин дает оценку модернизационной концепции революции, отмечает ее сильные стороны и делает некоторые замечания. Он соглашается с Б. Н. Мироновым в том, что российская революция являлась побочным продуктом успешной модернизации, что именно ее успехи породили проблемы, что ускоренное, а в ряде случаев и преждевременное проведение реформ потребовало больших издержек и жертв. По мнению автора, между имперской и советской модернизацией в действительности больше кардинальных различий, чем представляется Б. Н. Миронову. Он также сомневается, что авторитарный стиль управления может быть оптимальным для достижения максимальной эффективности труда и наилучшим образом обеспечивать общее благо.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-310-318

Книга доктора исторических наук Бориса Николаевича Миронова «Российская модернизация и революция» (Миронов 2019) относится скорее к исторической социологии, чем к истории как таковой (Миронов 2004). И в этом, думается, ее большое достоинство. Существует немало качественных исследований русской революции 1917 г. Из уже имеющихся в нашем распоряжении книг мы можем получить впечатляющую общую картину «красной смуты» и ее разнообразных последствий (Булдаков 2010; 2012), доскональный

анализ событий «революционного момента» в узком смысле слова (Рабинович 2008), серьезное исследование отдельных аспектов событий 1917 г. (Колоницкий 2001), а также яркие портреты ключевых фигур российской политики того времени (Колоницкий 2017). Работа над историей революции имеет, в свою очередь, долгую историю. Даже монографии, подготовленные в советское время, несмотря на идеологические и цензурные ограничения, приносили большую пользу читателям тех лет (Старцев 1982). Однако у чита-

© Д. Я. Травин, 2020

Травин Дмитрий Яковлевич — кандидат экономических наук, научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия); dtravin61@mail.ru

теля, интересующегося не столько этой конкретной (бесспорно, очень важной) страницей отечественной истории, сколько тем, что же происходит с нашей страной на протяжении «долгого времени», оставались серьезные вопросы даже после прочтения множества томов, посвященных революции. Почему эта революция привела к столь тяжелым последствиям для экономики и политики России, почему она привела к многочисленным жертвам? Можно ли сказать, что именно наша страна обречена на разрушительные революции, или все революции неизбежно приводят к трагедиям? Если эта проблема относится не только к России, то почему же мы сегодня видим, что наша страна отстает по многим экономическим и социальным показателям от других стран, в которых происходили известные революции Нового времени? Это все вопросы, скорее, не исторические, а социологические, но относящиеся именно к исторической социологии — той сфере науки, которая анализирует не сегодняшнее общество, а общество в развитии, в динамике.

В отечественной научной литературе наблюдается явный дефицит исследований по исторической социологии России. В то же время за рубежом историческая социология неплохо развивается, однако нечасто погружается глубоко в российские проблемы. Как по причине незнания ведущими западными социологами русского языка, так и потому, что наша страна вообще находится на периферии их внимания. В этой ситуации ответы на острые вопросы часто дают, к сожалению, авторы непрофессиональные, но готовые писать

много и доходчиво по любой из проблем, вызывающих интерес (Соловей 2008; 2016; Соловей, Соловей 2009). Б.Н. Миронов — один из немногих ученых, работающих в области исторической социологии ярко, профессионально и с большим успехом.

Думается, книгу «Российская модернизация и революция» следует изучать в связи с другими научными трудами автора, и в первую очередь с трехтомником «Российская империя: от традиции к модерну» (Миронов 2018а; 2018б; 2018в). Это широкомасштабное исследование, в основе которого лежала другая книга — двухтомник «Социальная история России» (Миронов 2003), фактически создавалось автором на протяжении нескольких десятилетий. Если слегка упростить, то можно сказать, что трехтомник представляет собой синтез 12 отдельных монографий (по числу входящих в него глав), каждую из которых можно читать и отдельно от других. Колонизация, социальная стратификация, демография, семья, город и деревня, крепостное право, община, государство, общественное мнение, право, уровень жизни, культура — все эти проблемы последовательно исследуются в трехтомнике. И завершается «Российская империя: от традиции к модерну» общими выводами, которые тоже фактически могут существовать как отдельная книга — краткая энциклопедия жизни нашей страны. Единственный важный аспект отечественной истории, отсутствовавший в трехтомнике в виде специальной главы, — это революция. Хотя о ней, конечно, много говорится в итоговой главе, а также в другой книге Б.Н. Миронова «Благосостояние населения и революции

в имперской России: XVIII — начало XX века» (Миронов 2012), специальный раздел в трехтомнике все же напрашивался. Трудно сказать, почему автор его не написал: был ли он еще не готов, или объем книги и так перешел за оптимальные рамки? Но через несколько лет раздел появился, как отдельная монография, которую мы сейчас и обсуждаем.

Думается, очень важно понимать связь этих двух книг Б. Н. Миронова. Если революция анализируется не просто как событие, а как результат российской модернизации (в трехтомнике даже точно и остроумно говорилось: «как побочный продукт успешной модернизации» (Миронов 2019: 3, 676), но в новую книгу этот оборот, к сожалению, не вошел), то для понимания причин революции мы должны видеть всю картину движения от традиции к модерну, нарисованную автором. Мы должны понимать, что происходило с российским обществом по мере развития экономики (особенно после отмены крепостного права). Мы должны видеть деревню и город, осознавая, кто, как и по каким причинам выбирался из сельской местности. Мы должны осознавать долгосрочные последствия трансформации крестьянского сознания. Без учета всех этих моментов наши представления о революции в историко-социологическом плане будут недостаточно полными. Книга «Российская модернизация и революция» содержит, естественно, некоторые выводы, следующие из анализа, проведенного в книге «Российская империя: от традиции

к модерну», но всю сложность большой картины нельзя передать в картине малой.

Б. Н. Миронов создает модернизационную концепцию Российской революции 1917 г., и в этом прежде всего состоит значение его труда. Автор убедительно опровергает представления, будто предреволюционная Россия находилась в состоянии тяжелого экономического кризиса (и тем более общего кризиса капитализма, как утверждалось порой в марксистской литературе прошлого). На самом деле наша страна находилась в состоянии модернизации. Возникали принципиально новые условия функционирования хозяйственной системы (особенно после отмены крепостного права). «С 1861 по 1913 г., — по данным автора, — темпы экономического развития стали сопоставимы с европейскими. Национальный доход за 52 года увеличился почти в 4 раза» (Миронов 2019: 16). Б. Н. Миронов приводит в своей книге не только статистические данные, но и важные оценки современника. Например, слова журналиста А. С. Суворина, сказанные в 1911 г.: «Все мы жалуемся каждый день, что ничего нам не удастся, во всем мы отстали... За мою жизнь, вот уже 50 лет, как я оглядываюсь сознательно, Россия до такой степени страшно выросла <...> что едва веришь»¹ (Там же: 71).

Здесь надо подчеркнуть следующее: Б. Н. Миронов говорит не о том, что Россия стала в результате модернизации беспроблемной богатой

¹ Примерно так же мы сегодня порой сетуем, что нам ничего не удастся в формировании демократического общества, но при этом за 30 лет Россия сильно изменилась в лучшую сторону.

страной (в такой стране революции, конечно, не случилось бы!), а лишь о том, что она успешно развивалась и к моменту революции сумела сдвинуться с мертвой точки. Однако при подобном движении вперед существует опасность напороться на «подводные камни». В полемике со своими оппонентами автор сам отмечал этот момент (Миронов 2014: 141–142).

И вот парадокс: именно из успехов произошли проблемы. Мы сможем это осмыслить, если откажемся от представления, будто модернизация — это только созидание, а революция — только разрушение. Отказ от черно-белой картины мира позволяет понять, что революция действительно является признаком успешной модернизации.

Успех модернизации для нас состоит, конечно, в том, что лучше работает экономика, повышается производительность труда, возрастают доходы населения, появляются разнообразные блага, доступные только человеку, живущему в современном обществе. Однако для обеспечения этого успеха должны произойти колоссальные перемены в структуре общества, связанные с урбанизацией и индустриализацией. Значительная часть сельского населения должна покинуть деревню, перебраться в город, устроиться на фабричную (заводскую) работу, целиком изменить свой образ жизни, привыкнуть, в частности, к той дисциплине труда, которой не знают крестьяне, работающие сами на себя в соответствии с природным циклом. Подобные перемены происходят для многих чрезвычайно болезненно. И дело здесь

не только в том, что в город уходят часто деревенские «скрытые безработные», т.е. те, кто уже не может обеспечить себя с помощью труда на земле и вынужден отправляться на заработки из-за плохой жизни, соглашаясь на самые тяжелые условия. Дело здесь и в том, что сам по себе городской образ существования является стрессом для многих плохо адаптирующихся к переменам людей из деревни. Даже если человек сознательно устремляется к новой жизни, надеясь на успех и благоприятные перспективы, даже если он находит хорошо оплачиваемую работу и обустраивается на новом месте, он испытывает значительные трудности, привыкая к тем правилам, по которым не жили раньше его отцы и деды и по которым он сам не жил прежде.

Модернизация формирует многочисленные конфликты разнообразных групп населения — и именно потому, что общество приходит в движение. Возникают конфликты между рабочими и буржуазией, между консервативной государственной администрацией и желающим обрести новые права обществом, между этносами, между регионами, между поколениями, между стремящейся к переменам образованной частью населения и той частью, которая предпочитает жить в соответствии с традициями. Реформаторская часть предлагает осуществлять преобразования, консервативная их тормозит. Если данный конфликт не находит разрешения при помощи компромисса, усиливается вероятность революции.

Россия, конечно, не была обречена на революцию именно в 1917 г.

Однако трудно представить, чтобы весь этот комплекс противоречий, связанных с модернизацией общества, в определенный момент не вызвал «взрыва». Обострить противоречия могла большая война (так и получилось на деле). Но обострить противоречия могла бы и Великая депрессия, если бы к моменту ее начала Россия по-прежнему оставалась страной с рыночной экономикой, серьезно зависящей от спроса на ее продукцию. Модернизация не обрекает страну неизбежно пройти через революционную ломку (здесь нет жесткого детерминизма), однако сложность общественного устройства, с одной стороны, и скорость осуществляемых перемен — с другой, серьезно повышают вероятность такого рода исхода. Через несколько революций прошли Англия, Франция, Германия, Австро-Венгрия, Испания. Трудно представить себе, что Россия смогла бы как-то без революции обойтись. Российский путь преобразований не является путем особым. Это путь европейской модернизации, хотя с естественной для любой страны спецификой (Травин 2018).

Книги Б. Н. Миронова позволяют увидеть многочисленные подробности протекания вышеописанных сложных процессов в России. В небольшой статье стоит, пожалуй, выделить лишь важнейший вывод, к которому приходит автор: «Таким образом, в социально-экономическом, социобиологическом и психологическом отношении российские рабочие представляли собой нездоровое сообщество — агрессивную и гремучую массу, готовую взорваться при неблагоприятных обстоятельствах. К тому же основная их часть концен-

трировалась в немногих промышленных центрах и особенно в двух столицах, что делало их еще более социально опасными» (Миронов 2019: 217). Подробное изучение книг Б. Н. Миронова, содержащих большой объем информации, позволяет увидеть общую картину, из которой этот вывод следует, а также понять, почему рабочие, ставшие продуктом модернизации, в свою очередь произвели иной продукт — революцию, которая нанесла по модернизации сильный удар. При этом об обратном влиянии революции на модернизацию следует сказать особо.

В книге Б. Н. Миронова немного таких положений, с которыми хочется поспорить, но все же они существуют, как, наверное, во всяком новаторском масштабном исследовании, затрагивающем широкий круг сложных вопросов. Автор «Российской модернизации и революции» оспаривает характерное для многих исследователей (и автора этих строк в том числе) «противопоставление имперской и советской модернизации» (Там же: 55). Отмечается, что «трем поколениям советских людей усиленно прививалось социалистическое отношение к труду, которое в ряде аспектов приближалось к буржуазному. Был разработан комплекс специфических мер (ударники, социалистическое соревнование, хозрасчет, самозакрепление, стахановское движение и т. д.) для стимулирования труда. Существенно повысился уровень образования у работников всех социальных групп. В результате этого к концу советской эпохи трудовая мораль российских граждан продвинулась в сторону буржуазной» (Там же: 59). Нет сомнения в том, что

в советской хозяйственной системе осуществлялись попытки стимулировать труд. И без них, скорее всего, в СССР производилось бы меньше продукции. Однако пороки административной системы были в большей степени связаны с отсутствием рынка как механизма макроэкономического регулирования, чем с отсутствием стимулов к труду непосредственно на рабочем месте. Например, с помощью ударного труда могло производиться много продукции, которая на самом деле была не нужна экономике и попадала в производственные планы из-за ошибок планирования или, точнее, из-за того, что без рынка плановые органы вообще не могли определить, что нужно, а что не нужно делать. Многочисленные начатые, но незаконченные стройки. Большое число станков, для которых невозможно было найти станочников. Обилие сельскохозяйственной техники, приходящей в негодность и уничтожаемой буквально за один сезон. Сырье и материалы, годами лежавшие на складах предприятий только потому, что «экономика дефицита», по Яношу Корнаи (*Корнаи* 1990), вынуждала снабженцев формировать запасы. Эти и многие другие примеры показывают, насколько неэффективно функционировала административная система в целом, и порой ударный труд приводил лишь к бессмысленной растрате ресурсов: если бы ударник трудился поменьше, больше ресурсов было бы сэкономлено для чего-то полезного, производимого на другом предприятии. В рыночной экономике (в том числе в описанной Б.Н. Мироновым экономике имперской России) существуют ограничители, препятствующие значительному производству

ненужной продукции (во всяком случае, в частном секторе). В административной экономике эти ограничители исчезли. В этом главное отличие советской «модернизации» от той модернизации, которая началась в России, но была прервана революцией.

Конечно, из вышесказанного ни в коем случае нельзя делать вывод, будто все, что создавалось в СССР, было не нужно. Данный момент следует оговорить, поскольку подобная примитивизация подхода рыночников популярна порой среди их противников. Революция не остановила развития, но сильно затруднила его. Трудом советских людей за 70 лет было создано много нужного, но в рыночной среде можно было бы при тех же усилиях сделать значительно больше. Именно то, что на протяжении десятилетий в советской экономике накапливались структурные перекосы, не выправлявшиеся рынком, привело в начале 1990-х гг. к серьезному трансформационному спаду. Он связан был вовсе не с ошибками реформаторов (во всех странах Центральной и Восточной Европы, осуществлявших рыночные реформы, спад имел место), а с тем, что существовало много предприятий, производивших ненужную обществу продукцию, но поддерживавшихся с помощью искаженной системы административного ценообразования и разнообразных дотаций (*Корнаи* 1990). Трансформационный спад 1990-х гг. стал трагедией для миллионов честных тружеников, обнаруживших внезапно, что советское государство создало такие рабочие места, содержать которые можно лишь за счет перераспределения в их

пользу денег успешно функционирующих предприятий.

«Получается, что в имперский, а также в раннесоветский и сталинский периоды (в последние два периода в том числе по причине мобилизационного характера модернизации) авторитарный стиль управления, — отмечает Б. Н. Миронов, — оказывался оптимальным для достижения максимальной эффективности труда и чтобы наилучшим образом обеспечить общее благо» (Миронов 2019: 59). Думается все же, что вряд ли можно признать эффективным труд, создававший продукцию, нужность которой определялась только авторитарными решениями плановых органов, а не рублем потребителя, готового за нее платить. Конечно, применительно к предвоенному периоду необходимо сделать неизбежную поправку на милитаризацию экономики, вынуждавшую создавать во всех странах какую-то часть продукции не на рыночных принципах. Но в США и некоторых других западных странах милитаризация более-менее нормально сочеталась с рынком (Травин и др. 2017: 36–45).

Таким образом, трудно все же не противопоставлять имперскую и советскую модернизацию. В первом случае мы имеем дело с нормальной догоняющей модернизацией, профессиональное изучение которой показывает успехи России (и это блестяще демонстрирует Б. Н. Миронов в своих книгах). Во втором случае мы имеем дело с системой, которая скорее мешала эффективно использовать труд советских людей, чем помогала, а потому слово «модернизация» применительно к ней стоит,

возможно, заключать в кавычки. Тем не менее спорность тезисов Б. Н. Миронова относительно советской «модернизации» нисколько не снижает общей ценности блестящего исследования «Российская модернизация и революция», поскольку данная проблема общем-то выходит за рамки основной тематики книги. Думается, книга, анализу которой посвящена данная статья, вполне может стать хорошей базой для дальнейших исследований сложностей и последствий модернизации России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Булдаков 2010 — *Булдаков В. П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. 965 с.

Булдаков 2012 — *Булдаков В. П.* Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 756 с.

Колоницкий 2001 — *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Дм. Буланин, 2001. 318 с.

Колоницкий 2017 — *Колоницкий Б. И.* «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). М.: Новое литературное обозрение, 2017. 511 с.

Корнаи 1990 — *Корнаи Я.* Дефицит. М.: Наука, 1990. 607 с.

Миронов 2003 — *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX века). В 2 томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

Миронов 2004 — Миронов Б.Н. Социология и историческая социология: взгляд историка // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 55–62.

Миронов 2012 — Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. 2-е изд. М.: Весь мир, 2012. 848 с.

Миронов 2014 — Миронов Б.Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. 2-е изд. М.: Весь мир, 2014. 336 с.

Миронов 2018а — Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дм. Буланин, 2018. Т. 1. 896 с.

Миронов 2018б — Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 томах. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 2. 912 с.

Миронов 2018в — Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 томах. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 3. 992 с.

Миронов 2019 — Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 528 с.

Рабинович 2008 — Рабинович А. Большевики у власти: первый год советской эпохи в Петрограде. М.: Новый хронограф, 2008. 622 с.

Соловей 2008 — Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М.: Русский мир, 2008. 473 с.

Соловей 2016 — Соловей В.Д. Revolution!: основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2016. 316 с.

Соловей, Соловей 2009 — Соловей Т.Д., Соловей В.Д. Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009. 434 с.

Старцев 1982 — Старцев В.И. Крах Керенщины. Л.: Наука, 1982. 271 с.

Травин 2018 — Травин Д.Я. «Особый путь» России: От Достоевского до Кончаловского. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 221 с.

Травин и др. 2017 — Травин Д.Я., Гельман В.Я., Заостровцев А.П. Российский путь: Идеи. Интересы. Институты. Иллюзии. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 301 с.

BORIS MIRONOV'S MODERNIZATION CONCEPT OF THE REVOLUTION

Travin Dmitry Ya. — PhD in Economics, Research Director of the Center for Modernization Research at the European University in Saint Petersburg

Key words: Imperial Russia, modernization, revolution, World War I, historical optimists and pessimists.

Abstract. D. Ya. Travin gives an assessment of the modernization concept of the revolution, notes its strengths and makes some comments. He agrees with B. N. Mironov that the Russian revolution was a by-product of successful modernization, that it was its success that created problems, and that the accelerated and in some cases premature implementation of reforms required great costs and sacrifices. According to the author, there are actually more cardinal differences between Imperial and Soviet modernization than B.N. Mironov thinks. He also doubts that an authoritarian management style can be optimal for achieving maximum labor efficiency and best ensuring the common good.

REFERENCES

- Buldaov V. P. *Krasnaia smuta: priroda i posledstviia revoliutsionnogo nasiliia*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN); Fond "Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina", 2010. 965 p.
- Buldaov V. P. *Utopiia, agressiia, vlast': psikhosotsial'naiia dinamika postrevoliutsionnogo vremeni*. Rossiia, 1920–1930 gg. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2012. 756 p.
- Kolonitskii B. I. "Tovarishch Kerenskii": *antimonarkhicheskaia revoliutsiia i formirovanie kul'ta "vozhdia naroda" (mart – iun' 1917 goda)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 511 p.
- Kolonitskii B. I. *Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast'. K izucheniiu politicheskoi kul'tury rossiiskoi revoliutsii 1917 goda*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2001. 318 p.
- Kornai Ia. *Defitsit*. Moscow: Nauka, 1990. 607 p.
- Mironov B. N. *Blagosostoianie naseleniia i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX veka*. 2nd ed. Moscow: Ves' mir, 2012. 848 p.
- Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 1. 896 p.
- Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 2. 912 p.
- Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 3. 992 p.
- Mironov B. N. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2019. 528 p.
- Mironov B. N. *Sotsial'naiia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX veka)*. In 2 Vols. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003.
- Mironov B. N. Sotsiologiia i istoricheskaiia sotsiologiia: vzgliad istorika. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2004, no. 10. pp. 55–62.
- Mironov B. N. *Strasti po revoliutsii. Navy v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii*. 2nd ed. Moscow: Ves' mir, 2014. 336 p.
- Rabinovich A. *Bol'sheviki u vlasti: pervyi god sovetskoi epokhi v Petrograde*. Moscow: Novyi khronograf, 2008. 622 p.
- Solovei T. D., Solovei V. D. *Nesostoiavshaiia revoliutsiia. Istoricheskie smysly russkogo natsionalizma*. Moscow: Feoriia, 2009. 434 p.
- Solovei V. D. *Krov' i pochva russkoi istorii*. Moscow: Russkii mir, 2008. 473 p.
- Solovei V. D. *Revolution!: osnovy revoliutsionnoi bor'by v sovremennuiu epokhu*. Moscow: Eksmo, 2016. 316 p.
- Startsev V. I. *Krakh Kerenshchiny*. Leningrad: Nauka, 1982. 271 p.
- Travin D. Ia., Gel'man V. Ia., Zaostrovtssev A. P. *Rossiiskii put': Idei. Interesy. Instituty. Illiuzii*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo Universiteta v Sankt-Peterburge, 2017. 301 p.
- Travin D. Ia. "Osobyi put'" *Rossii: Ot Dostoevskogo do Konchalovskogo*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018. 221 p.

И. В. Поткина

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНЫХ ДИСКУССИЙ

Ключевые слова: российская модернизация, революция, экономика, Первая мировая война, жизненный уровень, психологический облик, рабочие, крестьяне, интеллигенция.

Аннотация. В статье анализируются основные положения концепции известного историка-экономиста Б. Н. Миронова, изложенные в монографии «Российская модернизация и революция». Автор разработал свое видение исторического развития Российской империи на рубеже XIX–XX вв., и в особенности в 1914–1920 гг., создав оригинальную, логически последовательную, стройную и обоснованную концепцию. Наблюдения и выводы Б. Н. Миронова опираются на широкий и разнообразный круг источников, включая изобразительные. Автор задействовал также огромное число научных трудов отечественных и зарубежных ученых. Однако в этот обширный список не попали фундаментальные монографии крупнейшего специалиста в области финансовой и экономической истории России В. И. Бовыкина. Концепция Б. Н. Миронова получила бы таким образом мощную поддержку и расширила бы свою доказательственную базу.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-319-328

Особенности российской и советской модернизации, острые и противоречивые проблемы революции 1917 г. в течение длительного времени находились и еще долго будут находиться в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. Вышедшая в 2019 г. новая монография Б. Н. Миронова в который раз возвращает историческое сообщество к ситуации оживленной и часто непримиримой полемики, разгоревшейся с особой силой в результате много-

численных юбилейных публикаций. Как справедливо констатировал петербургский историк в предисловии, разногласия в ученой среде только усилились, и «все активные участники дискуссии остались при своих мнениях; появились новые и реанимированы забытые точки зрения» (Миронов 2019: 6). Очевидно, такая ситуация сохранится и в дальнейшем, с этим придется смириться. И книга Б. Н. Миронова подтверждает данный тезис, поскольку она в высо-

кой степени полемична, многие его выводы и наблюдения однозначно не примут старые и новые оппоненты. Однако в такой ситуации есть свой положительный момент: научные дискуссии стимулируют поиск новых источников, фиксирующих те или иные еще нераскрытые стороны явления, способствуют созданию более разнообразной документированной доказательственной базы, а значит, в конечном счете они приближают исследователя к той сокровенной истине, которая обладает свойством не до конца раскрываться даже при самом глубоком анализе всей совокупности имеющихся фактов. И насколько автор подступится к ней — зависит от него самого, и не в последнюю очередь от полноты источниковой и историографической базы. Указанным свойствам в полной мере соответствует новая книга Б. Н. Миронова.

Монографию «Российская модернизация и революция» можно одновременно рассматривать как в некоторой степени старое и в полной мере новое научное произведение Б. Н. Миронова, собственно говоря, в чем главным образом и заключается ее оригинальность. Объясняется это тем, что автор многие годы последовательно разрабатывает фундаментальную научную тему концептуального уровня: процесс социально-экономической и политической модернизации Российской империи и его итоги в связи с революцией 1917 г. в широком сравнительно-историческом контексте.

С одной стороны, первая и вторая главы книги 2019 г. — это квинтэссенция предыдущей многотомной монографии «Российская империя:

от традиции к модерну» (Миронов 2018а; 2018б; 2018в). Вместе с тем они дополняются новыми темами — например, такими как советская и постсоветская модернизация. Вторая глава «Модернизационная концепция Российской революции 1917 г.» хотя и опирается на материал, опубликованный в статьях о Первой мировой войне, все же представляет собой их расширенный и обновленный вариант с включением дополнительно привлеченных документов, научных трудов и близких по теме сюжетов. Именно в этой главе Б. Н. Миронов не только излагает, но и обосновывает центральные положения своих воззрений на состояние народного хозяйства Российской империи в годы Великой войны и причины революции. Междисциплинарный анализ туго затянутого узла социально-экономических, политических и идеологических проблем военного лихолетья привел к возникновению взаимосвязанной и логически выстроенной авторской концепции. Главными в ней являются следующие положения: отсутствие системного кризиса, вполне удовлетворительная адаптация народного хозяйства к чрезвычайным условиям, в целом позитивная оценка мобилизационных усилий царского правительства, сходный вектор развития экономической ситуации во всех воюющих странах, относительное повышение уровня жизни основной массы населения (крестьян и рабочих). Представляет интерес, на мой взгляд, объяснение причин революции, которые лежат, по мнению автора, в сферах идеологической, общественно-психологической и социально-политической, а не экономической. Это комплекс

взаимосвязанных пяти факторов, которые Б.Н. Миронов достаточно подробно описывает и обосновывает. В итоге автор заключает: «Таким образом, революция 1917 г. произошла не потому, что Россия после Великих реформ 1860-х гг. вступила в состояние глобального перманентного упадка, а потому, что общество не справилось с процессом перехода от традиции к модерну. Как и в других странах второго эшелона модернизации, ее ускоренное, а в ряде случаев и преждевременное проведение потребовало больших издержек и даже жертв» (Миронов 2019: 161).

Занимаясь изучением корпуса законодательных источников периода Великой войны и на этой основе проблем регулирования народного хозяйства в России, я также пришла к выводу о том, что причины Февральской революции лежат в области социально-политической, и в значительно меньшей степени — экономической¹. Сравнительный анализ различных источников показал, что правящая элита совсем неплохо справлялась с острыми текущими народно-хозяйственными проблемами даже на фоне противостояния общества и власти, а также непримиримой борьбы контрэллит. Что касается проблемы издержек социально-экономической модернизации, то на примере изучения истории конкретной фирмы мною было показано, насколько высока была цена рывка, которую пришлось заплатить и рабочим, и предпринимателям. Острые социальные взрывы стали «проявлением крайней напряженности и несбалан-

сированности модернизационного процесса в России на рубеже XIX–XX вв.» (Поткина 2004: 321). Таким образом, главные положения «модернизационной концепции революции» Б.Н. Миронова находят подтверждение при изучении экономической истории России на микроуровне.

Особое место в монографии Б.Н. Миронова занимают проблемы социально-экономического развития страны в 1914–1917 гг. и попытка дать максимально приближенную к действительности оценку состояния народного хозяйства накануне революции 1917 г. Авторский анализ непростых процессов в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте вписан в контекст существующих точек зрения ведущих специалистов в этой области, придерживающихся прямо противоположных взглядов. Б.Н. Миронов опирается на материалы официальной статистики, признавая ее неполноту и уязвимость. Как нам представляется, автор приходит к весьма рациональному решению, с которым трудно не согласиться: «Поскольку <...> абсолютно точных статистических данных <...> не существует, результаты любого анализа являются ориентировочными — при правильном и аккуратном их использовании они достаточно удовлетворительно отражают динамику изучаемых экономических явлений» (Миронов 2019: 79).

В современной российской историографии появились новые примеры сопоставительного анализа темпов промышленного роста в 1914–

¹ Рукопись монографии «Государство и экономика в России в годы Первой мировой войны: источники, историография, проблемы» подготовлена к печати и ждет своей публикации.

1917 г. Один из них был проведен А. С. Грузиновым в 2017 г., который сравнил подсчеты валового внутреннего продукта / национального дохода В. Е. Варзара, В. Г. Громена, П. Гэтрелла, С. Н. Прокоповича, А. М. Маркевича и М. Хариссона, а также динамику отдельных секторов экономики (сельского хозяйства, крупной и мелкой промышленности, строительства и транспорта). Автор проделал собственную работу со статистическими данными в контексте трудов указанных ученых, и в итоге он не склонен «снимать с Временного правительства ответственность за экономический коллапс 1917 г.». Тем не менее, как полагает А. С. Грузинов, «динамика российской экономики в годы войны, при сравнительном изначальном ее отставании, делала подобное развитие событий весьма вероятным (пусть и при, возможно, несколько меньшей глубине экономического спада) и при ином сценарии февральских событий» (Грузинов 2017: 230–231). Если перефразировать осторожный вывод автора, то российская экономика плохо справлялась с вызовами военного времени, что было обусловлено прежде всего ее общим отставанием от развитых стран Европы. Другими словами, А. С. Грузинов представляет точку зрения, которую последовательно оспаривает Б. Н. Миронов. И если воспользоваться определением петербургского историка, то он является сторонником основных положений «формационной концепции».

Второй пример исчисления валового внутреннего продукта и национального дохода принадлежит автору рецензируемой книги, который

проводит сравнительный анализ и верификацию темпов развития, представленных Н. Я. Воробьевым, Л. Б. Кафенгаузом, Я. А. Иоффе, С. Г. Струмилиным, А. М. Маркевичем — М. Харрисоном, и свое собственное расследование с учетом результатов работы предшественников. В этом списке нет А. С. Грузинова, с чьими расчетами Б. Н. Миронов, вероятнее всего, не успел ознакомиться до сдачи своей монографии в производство. Как это видно, давний спор сторонников двух разных точек зрения продолжился, и аргументы оппонентов достаточно хорошо освещены в новейшей литературе. Что выгодно отличает научно обоснованную позицию Б. Н. Миронова, так это его широкий взгляд на проблему не только как сугубо экономическую: параметры развития в военные годы рассматриваются в тесной связи с обострившимися в чрезвычайных обстоятельствах проблемами идеологическими, социально-психологическими и общественно-политическими (Миронов 2019: 185–188).

Во второй главе наибольший интерес представляет точка зрения Б. Н. Миронова на благосостояние разных категорий населения империи в период войны. Эту очень сложную тему историк разрабатывает давно, а в новой работе он ее пролонгировал на военные и послереволюционные годы. Влияние войны на уровень жизни населения волновало с особой силой непосредственных очевидцев, включая государственных деятелей того времени, и их точка зрения анализируется в книге. Столетие спустя проблема благосостояния стала предметом анализа историков-экономистов,

которые также разделились на две противостоящие друг другу группы. Однако в последние годы стало появляться все больше конкретно-исторических работ, пересматривающих советский тезис об обнищании народных масс и показывающих резкое падение уровня жизни россиян в течение 1917 г., когда у власти находилось Временное правительство (Бородкин 2017а; 2017б). На данный момент пока еще не сформирована полноценная картина происходившего, поскольку авторы опирались в основном на единичные свидетельства. Б.Н. Миронов расширил исследовательское поле, включив в него не только статистику, такие косвенные показатели, как вклады населения в сберегательных кассах, но и яркие письменные сообщения очевидцев. При этом личные источники сопровождаются репродукциями акварелей И.А. Владимирова, своеобразным живописным протоколом, беспристрастно фиксирующим события. В конечном счете, на мой взгляд, появилось убедительное и документированное описание материального положения крестьян, рабочих, работников умственного труда в 1914–1920 гг. (Миронов 2019: 114–136).

В третьей главе Б.Н. Миронов уделил пристальное внимание такой малоизученной в отечественной историографии проблеме, как психология масс в кризисный период развития страны, нарисовав психологический портрет больших групп людей, обладавших общностью взглядов и восприятия окружающей действительности, как то: правящая элита, либеральная оппозиция, крестьяне и рабочие. Этот раздел монографии

становится цементирующей основой для модернизационной концепции революции Б.Н. Миронова, без которой она была бы не только лабильной, но и не объемлющей. Его выводы и наблюдения идут в полный разрез со сложившейся в нашей стране традицией изучения облика и роли пролетариата, которую автор назвал «нормативной концепцией». Однако глава настолько фундирована источниками, что даже противников нового взгляда на «застрельщика революции» должна заставить если не пересмотреть, то хотя бы задуматься над политически ангажированной и широко растиражированной точкой зрения советских историков русского пролетариата. Как нам представляется, Б.Н. Миронову удалось на основе междисциплинарного подхода развенчать лакированный образ передового рабочего класса, который господствовал в историографии долгие годы.

В главе четвертой «Российская революция 1917 г. сквозь призму демографической модернизации» Б.Н. Миронов возвращается к проблемам семьи и брака, а также демографии, которые комплексно исследовал в монографии «Социальная история России». Данная тема становится конструктивным элементом его общей концепции. В работе 2019 г., опираясь на проведенный ранее анализ, Б.Н. Миронов подводит итоги демографической модернизации, растянувшейся на два столетия, и рассматривает их в связи с протестным движением в годы Великой войны и последовавшими за ними революционными событиями. Самое главное состоит в том, что историк делает попытку ответить на вопрос,

повлиял или нет переход от патриархально-авторитарных отношений в семьях, в которых формировались «пассивность, конформизм, ригидность мысли, склонность к стереотипам, отсутствие критической рефлексии, сексуальное подавление, страх и отвращение ко всему новому, непохожему и девиантному» (Миронов 2019: 299), к малой демократической семье, основой которой стала «новая активная индивидуалистическая личность». По его мнению, в демографическую революцию было вовлечено не более 14% населения империи. Данную цифру Б. Н. Миронов получает, как мне представляется, все-таки умозрительно, хотя и обосновывает свою точку зрения отсылками на статистические источники. В частности, он посчитал возможным опереться на итоги переписи населения 1897 г., взяв за основу этноконфессиональные и образовательные показатели. Согласно его точке зрения, к категории людей, которые наиболее восприимчивы к социальным, политическим и иным переменам, можно отнести «всех протестантов, католиков и иудеев, а также лиц с высшим и средним образованием среди православных, мусульман и других нехристианских конфессий мужского пола». Именно они, как полагает историк, изменились «психологически, ментально и культурно <...> и являлись наиболее подготовленными и желающими преобразований общественной жизни» (Там же: 300).

Нельзя не признать, что в таком решении вопроса есть разумное основание. Однако не уверена в том, что необходимо давать точную цифру, в любом случае это будет только

экспертная оценка. Больше того, из представленного в монографии материала ясно, что в Российской империи рубежа XIX–XX вв. насчитывалось совсем немного людей, готовых к глубоким переменам во всем жизненном укладе страны. И в этом смысле автор прав, подчеркнем только, что среди девиантов или пассивнариев превалировало, конечно, молодое поколение. Но главное заключается в другом. Вряд ли исторически оправданно, на наш взгляд, проводить столь жесткие границы по этноконфессиональному и культурно-образовательному признаку. Если обратиться к мировой художественной литературе тех лет, то можно без особых колебаний поставить под сомнение столь резкий водораздел. Например, к романам-эпопеям, многослойным в социально-психологическом плане семейным хроникам Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах» или Т. Манна «Будденброки». Простой житейский опыт подсказывает, что не все высокообразованные люди или не все протестанты, англикане, католики или иудеи жаждали кардинальных перемен в общественно-политической сфере. В своем поведении и отношении к действительности, какая бы она ни была, часть из них (и это константа, если следовать практикам современных избирательных кампаний) все-таки руководствовалась здравым смыслом по принципу «не буди лихо, пока оно тихо». И тем не менее, несмотря на высказанные соображения, финальный вывод Б. Н. Миронова о том, что сформировавшийся «инновационный человеческий капитал» в России был значительным и стал той необходимой критической массой «для медленной и постепен-

ной всеобъемлющей модернизации страны», не вызывает возражений, равно как и то, что его еще было недостаточно «для быстрых и глубоких революционных буржуазно-демократических преобразований». И в конечном счете итоги демографической модернизации, по мнению автора, также свидетельствовали о том, что «революция 1917 г. оказалась преждевременной» (Миронов 2019: 300).

Монографии Б.Н. Миронова, как правило, сопровождаются большим числом изобразительных источников, которые играют не последнюю роль в системе доказательств. Помимо фиксации события, они обладают огромной эмоциональной силой, несколько в этом смысле не уступающей материалам личного происхождения. Так случилось и в этот раз. Обращает на себя внимание широкое использование репродукций графических работ И.А. Владимирова, которого по праву называют художественным летописцем революции. Однако для полноты картины можно было бы обратиться к его рисункам периода Первой мировой войны, которые регулярно публиковались на страницах журнала «Нива». Военные репортажи И.А. Владимирова, а также его блестящие рекламные плакаты внутренних займов царского правительства уравнивали бы видеоряд, сделав его максимально приближенным к действительности и сбалансированным во всех частях. Заметим также, что журнал «Нива» печатал не только И.А. Владимирова, но и других художников, фронтовых корреспондентов, которые несколько не уступали ему в точной передаче реалий военных будней.

Например, известный иллюстратор и баталист того времени Н.С. Самокиш, который также являлся репортером популярнейшего в России периодического издания.

Что касается историографической базы монографии, то серьезным упущением Б.Н. Миронова является забвение монографий В.И. Бовыкина — крупного специалиста в области финансовой и экономической истории. Его книги имеют непосредственное отношение к проблемам, поднятым Б.Н. Мироновым в первых двух главах, в частности к итогам эволюции России к 1913 г. Это — советская и зарубежная историография вопроса, тенденции и особенности развития народного хозяйства страны, ее место в мировой капиталистической системе, национальный доход, динамика роста промышленности, денежный рынок, роль и объемы иностранных инвестиций (Бовыкин 1988; 2001). В противном случае петербургский историк вряд ли стал опираться на данные П.В. Оля, корректировка подсчетов которого давно вошла в историографию проблемы иностранного капитала. Более того, с точки зрения концепционной В.И. Бовыкин и Б.Н. Миронов во многих аспектах являются единомышленниками. И использование результатов исследования еще при жизни признанного за рубежом отечественного историка еще больше укрепило бы позиции Б.Н. Миронова в его споре с оппонентами.

Не менее интересна и важна для исследования Б.Н. Миронова позиция В.И. Бовыкина в вопросе об особенностях социально-экономической эволюции России, который

не отрицал ее своеобразие и определенное отличие от передовых стран Западной Европы. Петербургский историк весьма категоричен, утверждая, что «цивилизационная уникальность России в смысле неких культурно-национальных черт, не поддающихся влиянию времени, на мой взгляд, — миф» (Миронов 2019: 16). Конечно, ни в коем случае нельзя абсолютизировать уникальную культурно-историческую традицию России, но и игнорировать ее тоже нельзя. Все-таки она находит яркое проявление в религии, народном песенном творчестве, духовной и академической музыке, литературе, иконописи, живописи и т. д. На известное изречение древнегреческого мудреца можно возразить стихами величайшего писателя-философа XX в. Хорхе Луиса Борхеса: «...наперекор превратностям судьбы / и вопреки тому, что мы всего лишь капли / неверной Гераклитовой реки, / в нас остается нечто / незыблемое» (Борхес 2011: 38). Выражаясь по-научному, в интерпретации явлений истории должен присутствовать вероятностный подход.

Б. Н. Миронов выпустил в свет книгу, которая вновь привлечет внимание специалистов и породит дискуссию. Он предложил научному сообществу оригинальную, обоснованную и логически стройную концепцию российской модернизации и революции. Закljučая, воспользуюсь словами В. И. Бовыкина, сказанными им о его собственной работе. Во всех отношениях интересное и новаторское исследование Б. Н. Миронова все-таки «не лишило работы историков, которые последуют за ним» (Бовыкин 2001: 298).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бовыкин 1988 — *Бовыкин В. И.* Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1988. 155 с.

Бовыкин 2001 — *Бовыкин В. И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2001. 320 с.

Бородкин 2017а — *Бородкин Л. И.* Реальная заплата и снабжение населения городов России в годы Первой мировой войны: когда начался обвал? // Города империи в годы Великой войны и революции. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 491–508.

Бородкин 2017б — *Бородкин Л. И.* Уровень жизни населения городов России в годы Первой мировой войны: обвал 1917 г. // Память о прошлом — 2017. Материалы и доклады VI историко-архивного форума, посвященного 100-летию революции 1917 г. в России. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2017. С. 23–30.

Борхес 2011 — *Борхес Х. Л.* Собрание сочинений: в 4 т. 2-е изд. СПб.; Амфора, 2011. Т. 1. Произведения 1921–1941 годов. 591 с.

Грузинов 2017 — *Грузинов А. С.* Экономический коллапс в 1917 г.: последствия длительной войны или результат революции // Экономическая история. Ежегодник. 2016/17. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 201–240.

Миронов 2018а — *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дм. Буланин, 2018. Т. 1. 896 с.

Миронов 2018б — *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 2. 912 с.

Миронов 2018в — *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 3. 992 с.

Миронов 2019 — Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дм. Буланин, 2019. 528 с.

Поткина 2004 — Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М.: Главархив Москвы, 2004. 384 с.

RUSSIAN MODERNIZATION AND REVOLUTION IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC DISCUSSIONS

Potkina Irina — Dr. Sci. in History, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Key words: Russian modernization, revolution, economy, World War I, living standard, psychological image, working class, peasants, intellectuals.

Abstract. The article deals with the basic concept by the famous economic historian Boris Mironov, set out in the monograph “Russian Modernization and Revolution”. The author has developed his own vision of historical development of the Russian Empire at the turn of the 20th c., and especially during 1914–1920s. He created an original, coherent, well-founded concept. The Mironov’s observations and conclusions rely on a wide and varied range of sources, including graphic one. The author also used a huge number of scientific works by Russian and foreign scientists. However, his extensive list did not include the fundamental monographs of the largest specialist in the field of financial and economic history of Russia Valery Bovykin. The Mironov’s concept would thus receive strong support and would expand its evidentiary base.

REFERENCES

Borges J L. *Sobranie sochinenii* v 4 t. 2 izd. St. Petersburg: Amfora, 2011. Vol. 1. Proizvedeniia 1921–1941 godov. 591 p.

Borodkin L.I. Real’naia zarplata i snabzhenie naseleniia gorodov Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny: kogda nachalsya obval?. *Goroda imperii v gody Velikoi voiny i revoliutsii*. St. Petersburg: Nestor-istoriya, 2017. P. 491–508.

Borodkin L.I. Uroven’ zhizni naseleniia gorodov Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny: obval 1917 g. *Pamyat’ o proshlom — 2017. Materialy i doklady VI istoriko-arkhivnogo foruma, poshviashchennogo 100-letiiu revoliutsii 1917 g. v Rossii*. Samara: OOO :“Nauchno-tekhnicheskii centri”, 2017. P. 23–30.

Bovykin V.I. *Finansovui kapital v Rossii nakanune Pervoi mirovoi voiny*. Moscow: ROSSPEN, 2001. 320 c.

Bovykin V.I. *Rossiia nakanune velikikh svershenii. K izucheniiu social’no-ekonomicheskikh predposylok Velikoi Oktyabr’skoi sotsialisticheskoi revoliutsii*. Moscow: Nauka, 1988. 155 p.

Gruzinov A.S. Ekonomicheskii kollaps v 1917 g.: posledstviia dlitel’noi voiny ili rezul’tat revoliutsii. *Ekonomicheskaiia istoriia*. Ezhegodnik. 2016/17. Moscow: IRI RAN, 2017. Pp. 201–240.

Mironov B.N. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia*. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2019. 528 p.

Mironov B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 1. 896 p.

Mironov B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. In 3 vols. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2018. Vol. 2. 912 p.

Mironov B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 3. 992 p.

Mironov B.N. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2019. 528 p.

Potkina I.V. *Na Olimpe delovogo uspekha: Nikol'skaia manufaktura Morozovykh, 1797–1917*. Moscow: Glavarkhiv Moskvy, 2004. 384 p.

А. Б. Лярский

МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: МАКРОПРОЦЕССЫ В МИКРОДЕЙСТВИИ

Ключевые слова: имперская Россия, революция, образовательные стратегии, самоубийства учащихся, опасности модернизационного процесса, межпоколенный конфликт, демографическая трансформация, преемственность имперской и советской модернизации.

Аннотация. В статье основное внимание уделяется влиянию образовательных стратегий, характерных для позднеимперского периода, на поведение людей. А. Б. Лярский поддержал вывод Б. Н. Миронова о противоречивом и травматическом влиянии модернизации на общество и человека. Он полагает, что модернизация проявляется не столько в виде усвоения идей, сколько в виде «неотрефлексированных рутинизированных практик, которые постепенно расширяют сферу своего воздействия, превращая в норму то, что ранее считалось девиацией. Поэтому, по его мнению, демографическая модернизация России происходила менее сознательно и более стихийно, чем представлено в книге; уровень культуры не оказывал существенное влияние на подверженность пропаганде, а пиар в революционном движении не играл важной роли.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-329-342

Поскольку в своей новой книге Б. Н. Миронов по большей части развивает и уточняет уже не раз высказанные им идеи, то я не сомневаюсь в том, что только критика или поддержка этих положений с моей стороны будет совершенно излишней. Также несомненно, что и критика, и апология новой работы пройдут по той же интеллектуальной колее, которая была проложена предыдущими дискуссиями. По крайней

мере, мои критические замечания в основе своей не изменились, как не изменилось и представление о выдающихся достижениях Б. Н. Миронова в изучении истории России. Поэтому я хотел бы обратить внимание на близкие мне сюжеты, получившие в этой работе Бориса Николаевича новые существенные дополнения. Одновременно, поскольку наука — коллективный труд, основанный на кумулятивном эффекте, я буду

© А. Б. Лярский, 2020

Лярский Александр Борисович — кандидат исторических наук, доцент, Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия); lam732007@yandex.ru

обращаться к собственным материалам для обсуждения некоторых идей, высказанных Б. Н. Мироновым.

В своих работах Б. Н. Миронов использует разнообразные методики и подходы (Миронов 2018а; 2018б; 2018в). Я хотел бы всячески поддерживать близкий мне когнитивистско-антропологический «уклон» работ Б. Н. Миронова. Автор справедливо полагает, что та часть реальности, которую можно структурировать и описать с помощью математических выкладок, не может быть единственным источником человеческих действий. Не менее, а может быть и более важно, что именно думает человек об окружающем мире, на каких основаниях построены эти представления и как именно они влияют на поведение людей. Кроме того, немаловажен вопрос (и лично мне он наиболее интересен), как именно механизмы модернизации отражаются в конкретных людских биографиях. Что такое модернизация на индивидуальном уровне? Как макропроцессы превращаются в отдельную человеческую жизнь? Новая книга Б. Н. Миронова дает богатый материал и прочную основу для размышлений на эту тему. Опираясь на работу Бориса Николаевича и на свои материалы одновременно, я хотел бы и уточнить собственные интерпретации, и несколько скорректировать идеи, связанные с концепцией модернизации России. Основное внимание будет уделено образовательным стратегиям, характерным для позднимперского периода.

В отличие от Б. Н. Миронова я отдаю предпочтение не количественным, а качественным методикам. Поэто-

му начнем с казуса. Малоизвестный сейчас писатель Алексей Алексеевич Демидов родился в крестьянской семье в 1883 г. Согласно его автобиографии, учился в церковно-приходской школе, потом служил в помощниках у писаря, после — в конторщиках в имении графа Бобринского. После этого работал в Крестьянском банке мелким чиновником. Активно занимался самообразованием и экстерном сдал экзамен за 4 класса гимназии. В 1916 г. был призван на военную службу в Петроград и там попал в Главное артиллерийское управление, став, как он сам писал, «военным чиновником». В 1916 г. Алексей Демидов знакомится с Горьким и начинает писать самое значительное свое произведение — роман о крестьянском детстве «Жизнь Ивана» (Антология 1931: 325–329; Писатели 1928: 109–113). С источниковедческой точки зрения следует подчеркнуть, что сам автор пытался создать из собственной автобиографии документальное повествование. При всей наивности подобного утверждения, Демидов относился к своему замыслу чрезвычайно серьезно, как к научно-этнографическому труду, — вплоть до того, что, когда он узнал о существовании книги О. П. Семеновой Тянь-Шанской с таким же названием и похожим сюжетом, он подверг свою книгу редактуре, т. к., по его простодушным представлениям, один из основных признаков научной работы — новизна (Демидов 1923: 3). При этом автобиография Демидова воспринималась как адекватное описание реалий крестьянского детства и современными автору (Рыбников 1930), и позднейшими исследователями (Задков 2005). Однако нас интересует не столько

описание крестьянской реальности, сколько взаимодействие автора и его текста. А. А. Демидов сам является продуктом социальной трансформации и вглядывается в собственное крестьянское детство с новых социальных позиций. Как же выглядит крестьянская жизнь конца XIX в. глазами писателя, испытавшего модернизацию на собственном опыте? Прежде всего, А. А. Демидов будет описывать крестьянскую жизнь как жизнь грязную в самом прямом, санитарном смысле этого слова: с испражнениями животных, взятых на зиму в избу, со вшами в невымытых головах и тараканами на замызганных стенах. Описания яркие и неаппетитные настолько, что читателю сразу становится понятным все отвращение автора к этой стороне своего детства. Причем, по словам автора, его семья считалась зажиточной: его дядя, у которого жил маленький Ваня, мог взять (и вернуть) кредит в 100 рублей, мог за один год построить и мельницу, и каменный дом. Тем не менее пришлось познать Ване в детстве и тяжелейший крестьянский труд, например косьбу или пахоту: «...он чуть не плакал и от того, что лошадь его не слушалась, и от того, что ныли грудь, руки и спина от чирьев, растревоженных небрежными, невольными движениями. И к обеду он так измучался и устал, что едва отпряг свою лошадь и влез на нее, чтобы уехать домой... Невозможно передать, как измучался Ванька после обеда в непосильной работе... Весь организм его ныл, и слезы сами собой катились на поворотах, когда было нужно затаскивать соху и складывать с сошников на землю. Поднять соху, как это делают взрослые, он не мог... И много

горьких слез было пролито Ванькой в этом возрасте. Но не им одним. Его ровесники, попахав, тоже перемерились. Что-то тяжелое отражалось на их лицах, куда-то исчезла обычная живость и веселость; как будто они узнали и хранили в тайне души что-то нехорошее, горькое, что связало им руки...» (Демидов 1923: 175). Да, конечно, грязь может быть интерпретирована как метафора и художественное преувеличение, равно как и муки ребенка в страдную пору; стремление Демидова превратить роман в этнографическое описание можно считать невыполнимым. Однако выбор образов и метафор не случаен — для «окультуренного крестьянина», проводшего много лет на конторской работе, возвращение назад, к старым нормам гигиены и работы, невозможно. Именно грязь и тяжесть работы он выбирает в качестве главных метафор крестьянского быта, а в дополнение — изображение насилия и грубости в крестьянской жизни.

Я думаю, этот и подобные ему примеры демонстрируют, что модернизация проявляется не только в виде усвоения идей или повышения доходов. Она приходит в виде рутинизированных практик, которые постепенно расширяют сферу своего воздействия, превращая в норму то, что ранее казалось экзотикой. Часто неотрафлексированное воздействие измененных структур повседневности на представление человека о мире куда более существенно, чем воздействие любого PR. Прежде всего, и это подчеркивает Б. Н. Миронов, на изменение данных структур влияла возможность сравнения наличного существования с иными возможностями; часто такие знания приходят

извне. Так, в романе Демидова единственным человеком, который говорил о необходимости мытья рук, был время от времени приезжавший из города отец. Более того, модернизация проявляется в расширении перспектив и появлении новых социальных лифтов, которые позволяют избавиться от невероятно опостылевшей рутины крестьянского труда. В романе зависть главного героя к соседям вызывает вовсе не богатство — его семья богата, а образ жизни: сыну урядника мальчик завидует не потому, что его доход выше, а потому, что его отец получает жалованье и его детям не надо вставать на пахоту. И образование — доступный социальный лифт — в этом случае выглядит как спасение: «разговоры показывали Ваньке, что есть возможность какой-то другой жизни, лучшей, чем их, следует только учиться и для этого не нужно быть графом или вообще баринном», и когда, получив образование, герой оценивает свои перспективы, он прежде всего понимает, что не станет возвращаться к прежнему образу жизни: «...остаться в деревне и проводить жизнь бок о бок с Ильичем ему уже не хотелось — страшили грязь и зловоние, беспросветное будущее, как в могиле и тяжелый труд, который Ванька не один раз придумывал переложить на машины... словом, увидев в известной доле комфорт и наслушавшись в управе, как иногда хорошо на стороне люди живут, Ваньке было тяжело погребать себя в Екатерининском» (Демидов 1923: 171, 247). Мы знаем, что именно образование стало социальным лифтом для самого автора романа — грамотный и прошедший через «процесс цивилизации» крестьянский подросток поступил на работу

в банк и стал «офисным служащим». Сейчас, по прошествии столетия глобальных социальных изменений отход от «природной жизни» может и не выглядеть в глазах избалованного горожанина как социальный рост, но для самого А. А. Демидова и его современников это безусловный социальный успех, о котором стоило написать роман.

Следуя в русле рассуждений Б. Н. Миронова, необходимо подчеркнуть, что пример Демидова не единичен. Конечно, не все становились писателями, но отвлечение к крестьянскому образу жизни приобретали многие. Это вполне подтверждается и данными обследований крестьянских детей, проведенными Н. А. Рыбниковым как в 1916, так и в конце 1920-х гг. И в 1916-м, и в 1928-м крестьянские дети в равной степени не любят крестьянский труд. Из крестьянских детей 1928 г. сельскохозяйственный труд любили только 14,1% опрошенных (Рыбников 1930: 22), а в 1916-м и того меньше — 11,9% (Рыбников 1916: 109).

Б. Н. Миронов справедливо отмечает рост числа учащихся и рост числа учебных заведений в империи. Но важно указать то, что часто ускользает при количественном анализе — человеческий смысл этого роста. Модернизация как расширение возможностей и жизненных перспектив с помощью образования приходит не только к крестьянам — мы буквально повсюду можем наблюдать эти явления. Надежды на новое будущее — вот что приносит с собой образование. Незадолго до революции, в январе 1917 г. тот же Н. А. Рыбников провел анкетиро-

вание среди школьников городских училищ города Москвы. На вопросы отвечали школьники и школьницы 11–12 лет, учащиеся Четвертого Андроньевского городского женского начального училища и Четвертого Сретенского мужского городского начального училища. В анкете содержались вопросы о том, как дети представляют себе свое будущее, и о том, кто у них родители. У подавляющего большинства в основе их представлений о будущем был, если так можно выразиться, повышающий социальный тренд: сын служащего железной дороги собирался стать инженером, сын повара — учиться в реальном училище, сын плотника намеревается идти в торговую школу, сын дворника — служить «в контору», сын другого дворника нацелился в гимназию с перспективой будущего учительства (Архив РАО: Д. 1. Л. 52, 55, 58, 68). Причем многие указывают, что дальнейшее учение — это желание их родителей; дети рыночных торговков и кухарок должны быть отданы в реальное училище, а дочери кузнеца и слесаря пойдут в гимназию по решению своих отцов и матерей (Там же: Л. 68, 73, 79, 80, 101, 102). Кроме того, невозможность учиться уже требовала, с точки зрения самих учащихся, какого-то обоснования (чаще всего — это необходимость зарабатывать деньги для семьи (Там же: Л. 56, 61)), в то время как учеба уже не требовала никаких обоснований. И те, кто должен был, по мысли своих домашних, зарабатывать деньги, находились в явном меньшинстве по сравнению с теми, кто собирался продолжить ученье (в третьем классе сретенского училища таких было 6 к 20 из отдавших анкеты). Точно так же отметим, что из примерно

50 ответивших на анкеты учеников и учениц только трое написали, что будут заниматься тем же, что и их родители. Исходя из вышесказанного, антропологический смысл социальной трансформации часто можно описать как обретение будущего, как изменение социального времени. Б.Н. Миронов отмечает в своей работе изменение отношений крестьянина со временем. Тот, кто нацелен на воспроизводство опыта предков, не интересуется будущим, а тот, кто получает возможность иного опыта и иных переживаний, связывает с будущим определенные надежды. Модернизационный процесс трансформирует представление о социальном времени, и это представление (с необязательным прошлым и открытым будущим) становится основой построения траектории собственной судьбы (Ассман 2017). Открытое будущее позволяет видеть себя хозяином времени и жизни. Это порождает деятеля, созидającego мир. Причем речь идет не о сознательных идейных людях, а о тех, кто воспринимает возможность выбирать будущее — в профессиональном или социальном плане — как само собой разумеющуюся, неотъемлемую часть жизни. К сожалению, мы знаем, что надеждам учеников и учениц, записанным в январе 1917 г., не суждено сбыться, но у детей из Сретенского городского училища нет никаких сомнений, что им доступно открытое будущее с перспективами социального роста.

Стоит отметить, что именно в сфере образования хорошо видны неочевидные опасности модернизационного процесса. Б.Н. Миронов пишет о миллионе фрустрированных

рабочих, которые поставляли взрывоопасный материал для социальных конфликтов, вследствие невозможности жить нормальной семейной и сексуальной жизнью. Но отчаяние из-за невозможности воспользоваться плодами модернизации в сфере образования могло быть не менее сильным. Тот же А. А. Демидов приписывал своему герою, конторщику, попавшему на гимназический бал, следующие мысли: «В гимназии уже много было учащейся молодежи, когда пришел туда Иван. Все чистенько одеты, лица почти у всех веселые. Гуляют попарно и группами, хохочут, отчего в зале, ярко освещенном, легкий гул... Но этот праздник болью кольнул где-то внутри Ивана: какие они все счастливые и есть отчего?! Все учатся. А как же я?» В итоге именно недостаток образования воспринимался героем как главное препятствие и к финансовому благополучию, и к личному счастью с образованной девушкой (Демидов 1923: 300). И, как и в предыдущем случае, нетрудно найти подтверждение тому, что герой Демидова не одинок. Вот что пишет о подобных чувствах в своем дневнике жаждавший образования ученик аптекаря из Острогжска М. Мелентьев (1882 г. р.): «Четверг 11 октября. Вчера был выходным. Пошлялся один по улицам. Знакомых никого. Жду зимы — все веселее. На коньках побегаешь. Помню прошлую осень, сколько я мучился, скучал и страдал. В гимназиях мужской и женской были частые балы и вечера. Все там, а я один на пустых улицах. Тоска и зависть ужасные. Тогда-то вот особенно гимназисты казались мне людьми необыкновенными, изысканными милостью божией... Четверг 22 ноября.

Какая тоска была сегодня утром уходить из дома в аптеку. С завистью смотрел, как веселыми гурьбами шли гимназистки и гимназисты с нарядом от поздней обедни. Чем хуже я их!» (РГАЛИ).

И этот разрыв в возможностях преодолевался громадными усилиями. Один из корреспондентов Н. И. Кареева так описывал свой путь к образованию: «...двенадцати лет окончил двухклассное министерское училище и с тех пор живу своим горбом. Теперь мне 26 лет, и я студент-естественник Казанского университета. Прежде чем получить аттестат зрелости, мне пришлось побывать во всевозможных шкурах: письмоводителем у лесничего, пристава, помощником волостного писаря; позднее учителем; потом, по окончании лесной школы, живя в Томске, заниматься грошовыми уроками, быть помощником лесничего, наконец землемером. Короче говоря, промотать свое здоровье, а в общем все время олицетворять птичку с длинным клювом и хвостом» (ОР ИРЛИ). Уже не раз упомянутый А. А. Демидов вспоминал, что подготовка к сдаче экзаменов за 4-й класс гимназии стоила ему огромного труда и потери здоровья, а на аттестат зрелости подготовиться самостоятельно сил уже не хватило (Антология 1931: 327–328).

Кроме того что доступ к образовательным ресурсам был явно недостаточен и мог осознаваться как вопиющая несправедливость, еще и результат процесса образования мог быть очень травматичен. Прежде всего это было связано с огромным культурным разрывом, существовавшим

между теми, кто имел доступ к образованию, и теми, кто его был лишен. В книге Б. Н. Миронова эта проблема затрагивается только в аспекте взаимопонимания социальных слоев, но следует учитывать, что в Российской империи начала XX в. огромное количество учащихся оказывались первыми в семье, получающими систематическое начальное или среднее образование. Образовавшийся культурный разрыв между родителями и детьми часто порождал внутрисемейный межпоколенческий конфликт.

Сама мысль о том, что происхождение может быть препятствием к образованию, представляется нам кощунственной и воскрешает в памяти так называемый «циркуляр о кухаркиных детях». Любые разговоры о том, что для представителей низших классов должно быть иное образование, кажутся нам ухищрением власть имущих для сохранения собственных привилегий. Но, глядя на проблему глазами некоторых современников, мы понимаем, что у этих идей могли быть не только политические основания — контраст между образованными детьми и их необразованными родителями действительно мог быть очень травмоопасным, причем речь не обязательно шла о среднем образовании. Дела о самоубийствах учащихся, сохранившиеся в РГИА, в фонде Министерства народного просвещения, дают массу примеров подобных конфликтов.

Вот пример. Харьковский учебный округ, ученик Пензенского городского четырехклассного училища Павел Дубовлин, 17 лет. Согласно доне-

сениям директора училища и попечителя округа, у Дубовлина были постоянные трения с отцом, не терпевшим возражений, обладавшим характером властным и деспотичным. Мельник по роду занятий, отец часто ругал и бил сына, считая, что обучение и чтение книг отвлекает его от работ по хозяйству, и специально заставлял его таскать мешки с мукой, чтобы он понимал, в чем настоящее дело. После одной из ссор (кстати, по поводу кандидатов в выборщики для избрания членов Государственной думы) Павел назвал отца глупцом, был в очередной раз побит — и в этот же день покончил с собой. Причины самоубийства были квалифицированы как «семейные» (РГИА: Оп. 199. Д. 105. Л. 46–47, 67). Естественно, что и получение среднего образования могло приводить к резким конфликтам: так, в 1907 г. в городе Болхове (Орловская губерния) отравилась карболовой кислотой ученица прогимназии Мария Шестакова, четырнадцати лет. Ее семейное положение описывалось как тяжелое (отец безработный, брат — алкоголик, и в довершение всего мать в этот момент болела тифом). Сама ситуация, приведшая к самоубийству, выглядит так: отец приказал девочке сделать что-то по хозяйству, та отказалась, мотивируя тем, что ей еще нужно учить уроки. Отец ударил ее «по физиономии». «Это не жизнь, а каторга», — закричала вышедшая из терпения девочка и тут же нашла в стакане, приготовленном для дезинфекции, карболовую кислоту — и выпила. Комментируя ситуацию, председатель педагогического совета прогимназии указывал на то, что весь тон учебного заведения, в котором обучалась несчастная,

резко контрастировал с «болховским домостроевским укладом жизни»: «С одной стороны, “прогимназия”, “среднее учебное заведение”, “будущие учительницы”, “иностранные языки”, обращение на “Вы” и действительно гуманное отношение к детям, а с другой — чистка коровников, мордобитие, сквернословие (историческая особенность болховитян) и тому подобное». Да и реакция местного населения была любопытной: «Пока не было прогимназии, все было тихо, а теперь собственной дочери морду начистить нельзя» (РГИА: Оп. 199. Д. 106. Л. 134–135, 294–299). Девочка оказалась в тяжелейшем положении — на перекрестке культурных сред. По мысли комментатора, контраст оказался слишком велик, смертельно велик для этой девочки. Вообще, как доказывал автор донесения, для города Болхова прогимназии слишком много — для культурного уровня болховитян достаточно было бы открыть городское училище, однако на него денег не дадут, а на прогимназию, хоть она и дороже, дадут, поскольку наличие среднеучебного заведения «удовлетворяет тщеславию зажиточных горожан».

Данный контраст проявлялся не только в виде конфликтов с рукоприкладством. Наличие этого контраста — между низким положением семьи и процессом получения среднего образования с его перспективами новых возможностей — было очевидно и для современников, и для самих учеников. Сами дети могли тяготиться подобным контрастом, тем более когда он был чрезмерно велик. Происшествие, о котором далее пойдет речь, аккумулирует в себе много жизненных трагедий одного челове-

ка и не может быть сведено только к контрасту между образом жизни родителя и ребенка, но именно в этом случае он выступает наиболее резко.

В Лубне повесилась шестнадцатилетняя Викентия Сыкачева. К сожалению, девочку нашли поздно и спасти ее не удалось. О ней в отчете было написано, что ее «тяготило и раздражало сознание своей заурядности. Отличаясь прекрасными способностями, переходя из класса в класс с наградами, Сыкачева была все-таки недовольна собой и считала себя натурой малоодаренной. Вообще она относилась к себе слишком строго и преувеличивала свои нравственные и умственные недостатки». Кроме высокой успеваемости, Викентия увлеченно читала — в одном из писем она писала, что с книгами «в свои 17 лет она успела пережить то, что другие переживают в 40». Девушка очень хотела стать актрисой, мечтала о поступлении на сцену.

Однако, кроме всего прочего, ей еще был поставлен диагноз — эпилепсия (я сознательно не буду уделять внимание медицинским аспектам случая), что, как считала Викентия, полностью закрывало дорогу к карьере артистки. В предсмертном письме она написала следующее: «Когда-то я думала, что кому-нибудь пользу принесу, что у меня есть что-то выдающееся. Напрасно, ничего особенного нет, и я должна буду тянуть канитель, как и все люди, а я этого не могу. Как я страдала, как я-то боролась, сознавая свою посредственность... Утешьте маму и убедите ее, что иметь такую дочку грешно. С искалеченной душой, с испорченной натурой, быть может я дала бы жизнь

поколению психопатов и т. д.». И далее: «Прочтите маме то, что я напишу»: «Мамо. Чи я тебе не казала, що рано, чи пизно це буде. И не лучше тоби це, що мене нема. Меньше грошей пиде тих, що в тебе нема, и них-то тебе не буде грызты. Забудь мене. Пыдь в деревню... Прощай, мамо, не помынай лыхом...»

Из доклада, отправленного в министерство, выясняется, что Викентия была внебрачной дочерью кухарки, жила с матерью на кухне и спала с ней в одной постели. Заработная плата матери была 2 рубля 50 копеек в месяц. Были ли у этой зарплаты какие-то дополнительные условия вроде дарового жилья и еды, или что-то напутал автор документа, неизвестно, но сумма вызвала недоумение даже в министерстве, и чиновничий карандаш поставил напротив этих цифр доклада знак вопроса.

В отчете гимназии указывалось, что жизнь в кухне чрезвычайно ее тяготила и контраст между мечтами и действительностью был слишком велик. «Глубина этих переживаний еще увеличивалась от контраста домашней бедной обстановки с настойчивыми грезами Викентии о служении искусству и поступлении на сцену. Но этим грезам и мечтам был положен окончательный предел безотрадной действительностью» (РГИА: Оп. 199. Д. 185. Л. 249–262). Нельзя не обратить внимание на то, что мать гимназистки — безграмотная крестьянка, которая даже не говорила как следует по-русски, и Викентия переключается с одного языка на другой не только с точки зрения лексики, но и с точки зрения дискурса — в первой части предсмертного

письма, адресованного, видимо, грамотному и образованному человеку, обоснованием причин служит потеря смысла существования и сознание собственной заурядности, а в аргументах для матери — материальный аспект и мотив греха.

В определенном смысле следует согласиться и с чиновниками учебных заведений, и с теоретиками модернизации — контраст между надеждами, порожденными перспективами меняющегося общества, и реальностью, окружающей учащихся, мог быть слишком велик, порождая конфликты как внутри семьи, так и внутри отдельной личности. При этом отыграть ситуацию назад нельзя, изменить что-либо уже невозможно: так, когда один из крестьян просил не исключать его сына из реального училища, он мотивировал это тем, что сын не приучен к физическому труду и не сможет жить в деревне (РГИА: Оп. 165. Д. 250. Л. 164.). Также и начавший размышлять об устройстве мира, начитавшись В. Бельше, Макса Штирнера, Ч. Дарвина, пережил большое потрясение и перестал верить в Бога наш проводник в мир модернизации — крестьянский сын А. А. Демидов: «Перестав совершенно верить в бога, я испытал горечь отчаяния от пустоты душевной. Как мне хотелось вернуть свое неведение! Но, увы, этого нельзя было сделать. <...> Был момент, когда я проклинал книги, хотя уже и ценил их, как источник знания...» (Писатели 1928: 111). Ни неведение, ни гигиенические привычки, ни навыки жизни уже практически невозможно было вернуть — и эти внутренние конфликты носили, безусловно, массовый характер. Во всяком случае,

именно крестьянские дети дали основной прирост количества самоубийств во время так называемой эпидемии самоубийств 1907–1913 гг. (Лярский 2017: 365–366).

Как видно из представленных рассуждений, я поддерживаю тезис Б. Н. Миронова о травматичности модернизации и неоднозначной оценке ее последствий. Она не убирает, а обостряет и усиливает архаичные элементы жизни, иногда придает им новый импульс, и только при подобном усилении архаика проявляется, становится не само собой разумеющейся и может быть преодолена. Например, именно индустриальное развитие продемонстрировало несправедливость низкого статуса женщины и ребенка — через его использование в жестокой эксплуатации. Традиционная культура не видела в таком положении дел ничего особенного, и только фабричная жизнь показала, какую опасность может нести в себе низкий статус. Или религиозный фундаментализм, не представляя собой ничего нового, являет свою бесчеловечность с особой силой в эпоху Интернета и автоматического оружия и навязывает другому миру настоящую войну. Позитивистская наука подбирала аргументы для обоснования христианской морали и т. д. При этом следует обратить внимание на то, что социальная среда производит отбор, усиливая или приглушая те или иные трансформационные процессы в зависимости от их востребованности. История с автоматами, попавшими в руки воинственных племен Вьетнама, прекрасный тому пример: из спорадических контактов с западной

цивилизацией горцы заимствовали самое, по их мнению, необходимое.

С этой точки зрения демографическая трансформация России, о которой так уместно пишет Б. Н. Миронов, представляется мне менее сознательным и более стихийным явлением, чем это представлено в книге. Мужчины и женщины начинают ограничивать рождаемость не потому, что они стали более рациональны и, как пишет Б. Н. Миронов, способными «к самосознанию и самоанализу, к адекватной оценке своих личных интересов и мотивов поведения», чувствуящими себя «субъектом своих действий» и воспринимающими «окружающую среду как объект воздействия». Я же уверен, что речь должна идти не о сознательности человека, а о доступности блага, о простоте и удобстве в использовании. Модернизация, еще раз повторяюсь, в большинстве случаев входит в жизнь обычного человека не через сознательность, а через повседневность, не через вспышки революций, а через рутину ежедневных повторений. Потребность в ограничении рождаемости к концу XIX в. сформировалась уже во всех слоях населения, и, как только появилась возможность эту потребность реализовать, она была реализована. Эту потребность не раз отмечали исследователи, и ее же очень хорошо демонстрируют материалы автобиографий представителей разных слоев населения, собранные Н. А. Рыбниковым в 1920-х гг. Так, крестьянка, родившаяся в начале века, вспоминала (орфография и пунктуация оригинала сохранены): «...вообще у нас мама неразбиралась сребенком всегда кричала и била постоянно поголове иличто

станеш просить или говорить все лети колотушки а небыло разеснения и также и ласкова привета чтоббы хорошее отношение все как бутобы сердца говорит... и часто мама паминала когда осердица закричит да надавало вас араву нет вам пропасти както убогатых помирают дети а вас некуда недевает» (Архив РАО: Д. 23. Л. 138). Похожие настроения наложили отпечаток на воспоминания женщины из ремесленной среды: «Нас было 5 человек... Отец бросил мать... Мы бедствовали, живя у бабушки. Я понимала все это. Я видела и испытала бедность. Вдруг родился еще братец. Приходит бледная, исхудалая мать из приюта, неся братца. У меня это не вызвало никакой радости. Как, почему, зачем, когда мы бедны, мать еще родила? Братец кричал, а я негодовала и раздражалась от этого плача еще больше. Я всю вину сваливала на мать, а не на отца... ..Мать делает что-то нехорошее, недозволенное, нечестное. Говорит, что есть нечего, а сама родит. Значит, она нас не любит, а делает что-то ради удовольствия. После этого я перестала уважать мать и ненавижу и братца и новорожденных детей...» (Там же: Л. 50). Нам ничего не известно о том, как повлиял опыт жизни в многодетных семьях на репродуктивные практики этих конкретных женщин, но общая тенденция, очерченная Б.Н. Мироновым, демонстрирует снижение рождаемости.

И последнее. Работа Б.Н. Миронова убедительно связывает процесс модернизации дореволюционной России и постреволюционную трансформацию. Я по-прежнему думаю, что Борис Николаевич преувеличивает роль PR в развитии революции¹, но преемственность модернизационного процесса налицо. И это сыграет свою роль в поддержке революционных преобразований. Речь идет не только об уничтожении таких заметных явлений, как сословное неравноправие или монархическое правление. Любой «старый режим», «старый порядок» накапливает осадочные породы в виде массы мелких неудобств, конечно, исторически сложившихся, но сложившихся в запутанный и осложняющий повседневную жизнь лабиринт препятствий на пути к желанной цели. Революции подготавливаются не только пропагандой и интригами, не только военными катастрофами, но и набором мелких несправедливостей, накоплением массы неурядиц, например невозможностью получить образование из-за рождения в неподходящей среде. Очевидно, что реформа, открывшая широкий доступ к среднему и высшему образованию, создала большевикам если не большое количество сторонников, то большое количество одобрительно относящихся к новой власти людей в городах, например из числа тех, которые не могли добиться «аттестата

¹ Тезис о том, что особенности мышления крестьян делали их особенно подверженными влиянию пропаганды, представляется весьма спорным (если не считать Декрет о земле только пропагандой). С одной стороны, весь опыт европейской колонизации говорит о том, что никакая пропаганда не способна переломить влияние традиционной культуры, если она не сопровождается наглядной демонстрацией силы (тем самым предотвращая откат в традицию при первой возможности) или, что более эффективно, постепенным воздействием экономических и технологических преимуществ. С другой стороны, события последнего столетия (и последнего десятилетия в особенности) показали, что никакое высшее образование не является панацеей от воздействия PR, скорее наоборот.

зрелости» в силу финансовых или социальных причин. Но не менее важно и то, что дореволюционный старт подготовил кадры для будущей советской модернизации. Приведу еще один пример. Выше цитировался отрывок из воспоминаний безграмотной крестьянки. Вот что она писала о собственном образовании (сохраняется правописание оригинала): «Когда меня отдали в школу 8 л поучица непришлось изнедостатка было все нехватка а посмотриш вучилищ и училище все както сибя чувствуеш отсталой среди учениц чуть все нехватка первое нужен грифель попросиш денек у мамы то уней нет начинает кричать где я тебе взяла воровать штоли прикажеш итак остаюсь обиженной все желание отпадает училась одну только зиму и завсю зиму ненаодну тетрадь мне мама не давала. Когда учительница зделает тетради и просит принести денек по 2 к придеш мама дай денек натетрять она опять закричит незнаеш куда дватся и наговорит все и так придеш вучилище боися учительницы както сибя считаеш всегда отсталой... так зиму проучилась и больше непришлось...» (Архив РАО: Д. 23. Л. 146). И в той же папке с воспоминаниями хранится еще одна автобиография крестьянской девочки, чья жизнь была не менее тяжелой, но образовательная стратегия семьи была иной (что заметно и по орфографии): «Нимало было труда с тем, чтобы поступить в школу. Моя мама понимала так, что выучившись грамоте крестьянская девушка должна годиться только читать покойникам. Но не так понимал мой отец. Он всеми силами старался чтоб мы были грамотными и я проучившись три года сдала экзамен. За что получила свидетельство»

(Там же: Л. 154 об.). И судьба этих крестьянок в новой России 1920-х гг. сложилась в соответствии с уровнем образования, полученного в дореволюционной России, — первая была чернорабочей, а вторая, чьи родители более ответственно подошли к делу образования, стала начальницей бригады. То же можно сказать и о человеке, с биографии которого я начал свой небольшой комментарий, об Алексее Демидове. Как бы мы ни относились к кошмарам советского строительства, следует признать, что со стороны тех, кому новая власть дала возможности социального роста через образование и карьеру, многократно усилив доступность и открытость этих социальных лифтов, она, эта власть, пользовалась поддержкой. По крайней мере, А. А. Демидов, как и его герой в продолжении романа, искренне поддерживал новую власть именно за ее цивилизаторский подход. Но старт в этом «движении вверх» дала ему дореволюционная Россия.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Архив РАО — Научный архив Российской академии образования. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1. Л. 52, 55, 56, 58, 61, 68, 73, 79, 80, 101, 102; Д. 23. Л. 50, 138, 146, 154 об.

ОР ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома). Ф. 422. Д. 11. Л. 100 об. — 101.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1337. Оп. 3. Д. 55. Л. 6, 7.

РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 199. Д. 105. Л. 46–47, 67; Д. 106. Л. 134–135, 294–299; Д. 185. Л. 249–262; Оп. 165. Д. 250. Л. 164.

Демидов 1923 — Демидов А. Жизнь Ивана. М.: Земля и фабрика, 1923. 302 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антология 1931 — Антология крестьянской литературы послеоктябрьской эпохи. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1931. 659 с.

Ассман 2017 — Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: НЛО, 2017. 267 с.

Задков 2005 — Задков Ю. Трилогия А. А. Демидова «Вихрь», «Жизнь Ивана», «Село Екатеринбургское» — ценный источник по истории русской провинции // Провинция в контексте истории и литературы : материалы I Крапивенской краеведческой конференции [авт. вступ. ст.: О. С. Веневцева]. Тула: Ясная поляна, 2005. С. 137–145.

Лярский 2017 — Лярский А. Б. «Простите, дорогие папа и мама» : родители, дети и борьба с подростковыми самоубийствами в России конца XIX — начала XX века. СПб.: Крига, Победа, 2017.

Миронов 2018а — Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну.

В 3 т. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дм. Буланин, 2018. Т. 1. 896 с.

Миронов 2018б — Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 2. 912 с.

Миронов 2018в — Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 3. 992 с.

Миронов 2019 — Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 528 с.

Писатели 1928 — Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков / под ред. Вл. Лидина. 2-е изд., доп. и испр. М.: книгоизд-во «Современные проблемы» Н. А. Столляр, 1928. 395 с.

Рыбников 1916 — Рыбников Н. А. Деревенский школьник и его идеалы: Очерки по психологии школьного возраста. М.: Задруга, 1916. 122 с.

Рыбников 1930 — Рыбников Н. А. Крестьянский ребенок: Очерки по педологии крестьян. ребенка. М.: Работник просвещения, 1930. 111 с.

MODERNIZATION IN THE RUSSIAN EMPIRE: MACRO-PROCESSES IN MICRO-ACTION

Lyarsky Alexander B. — PhD in History, Associate Professor, Higher School of Printing and Media Technologies, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (St. Petersburg, Russia)

Key words: Imperial Russia, revolution, educational strategies, student suicides, dangers of the modernization process, intergenerational conflict, demographic transformation, continuity of Imperial and Soviet modernization.

Abstract. The paper focuses on the influence of educational strategies typical of the late Imperial period on people's behavior. A. B. Lyarsky supported B. N. Mironov's conclusion about the contradictory and traumatic impact of modernization on society and people. He believes that modernization manifests itself not so much in the form of assimilation of ideas, but in the form of "unreflexed routine practices that gradually expand the scope of their impact, turning into the norm what was previously considered deviation. Therefore, in his opinion, the demographic modernization of Russia took place less consciously

and more spontaneously, than is presented in the book; the level of culture did not have a significant impact on the exposure to propaganda; and PR did not play an important role in the revolutionary movement.

REFERENCES

Antologiiia krest'ianskoi literatury posleoktiabr'skoi epokhi. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khud. lit., 1931. 659 p.

Assman A. *Raspalas' sviaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna.* Moscow: NLO, 2017. 267 p.

Liarskii A. B. *"Prostitie, dorogie papa i mama": roditeli, deti i bor'ba s podrostkovymi samoubiistvami v Rossii kontsa XIX — nachala XX veka.* St. Petersburg: Kruga, Pobeda, 2017.

Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu.* 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 1. 896 p.

Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu.* 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 3. 992 p.

Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu.* In 3 vols. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2018. Vol. 2. 912 p.

Mironov B. N. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia.* St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2019. 528 p.

Pisateli. Avtobiografii i portrety sovremennykh russkikh prozaikov. Ed. by Vl. Lidina. 2nd ed. Moscow: knigoizd-vo "Sovremennye problemy" N. A. Stolliar, 1928. 395 p.

Rybnikov N. A. *Derevenskii shkol'nik i ego idealy: Ocherki po psikhologii shkol'nogo vozrasta.* Moscow: Zadruga, 1916. 122 p.

Rybnikov N. A. *Krest'ianskii rebenok: Ocherki po pedagogii krest'ian. rebenka.* Moscow: Rabotnik prosveshcheniia, 1930. 111 p.

Zadkov Iu. Trilogiia A. A. Demidova "Vikhr", "Zhizn' Ivana", "Selo Ekaterininskoe" — tsennyi istochnik po istorii russkoi provintsii. *Provintsiiia v kontekste istorii i literatury: materialy I Krapivenskoi kraevedcheskoi konferentsii* [avt. vstup. st.: O. S. Venevtseva]. Tula: Iasnaia poliana, 2005, pp. 137–145.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ЗЕРКАЛО ИМПЕРСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ключевые слова: Россия в начале XX в., модернизация, Первая мировая война, социальная помощь, семья, брак, демографический переход.

Аннотация. В концепции российской модернизации и революции Б. Н. Миронова важное место занимают вопросы семьи, брака, демографического поведения. Следует при этом обратить внимание на систему «призрения нижних воинских чинов и их семейств» как показатель роста требований к социальному обеспечению, как форму закрепления в правовом поле и коллективном сознании изменений семейных отношений и как практику общественной активности женщин.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-343-351

Модернизационная теория в лице Б. Н. Миронова имеет самого читаемого представителя в современной российской историографии. Появление новых трудов Бориса Николаевича нередко вызывает оживленные дискуссии в научной среде, причем не только в исторической. Последний по времени заметный пример — обсуждения в 2016–2017 гг. его трехтомника «Российская империя: от традиции к модерну», начавшиеся в Доме ученых Санкт-Петербурга (Обсуждение 2016) и продолжившиеся на конференции «Стены и мосты», в журнале «Былые годы» и других авторитетных изданиях (Смирнов 2017: 201). Памятна острая полемика вокруг «Благосостояния населения и революций в имперской России», после которой, по признанию автора, он не мог отступить в стороне от спо-

ров, которые вызвал 100-летний юбилей революции 1917 г. (Миронов 2012: 9–10).

Новая книга Б. Н. Миронова «Российская модернизация и революция» выросла из его отдельных статей и выступлений 2013–2018 гг. В самом ее заглавии обозначены как продолжение обсуждения вопросов, поднятых в упомянутом трехтомнике, так и переключка с «Благосостоянием населения и революциями». Однако отсылки к известным работам не означают простого «повторения пройденного». Завидная эрудиция и работоспособность при опоре на твердые научные и гражданские убеждения позволили автору по-новому определить круг проблем, связанных с изучением имперской модернизации и российской

революции, и подойти к их обсуждению в свете предложенной им концепции, которую, как он считает, «можно назвать модернизационной концепцией революции» (Миронов 2019: 185).

Среди наиболее важных процессов, анализируемых в новой книге Б. Н. Миронова, — модернизационные изменения, вызванные «семейной революцией» и «демографическим переходом». Обращение к ним нельзя назвать совершенно оригинальным. Достаточно вспомнить главы «Демографическая модернизация» и «Семья и внутрисемейные отношения» в «Российской империи: от традиции к модерну». Новым здесь является то, что «демографическое поведение» в позднеимперской России рассматривается прежде всего в «ракурсе готовности общества к реформам и преобразованиям», в том числе революционным путем (Миронов 2019: 12, 256). Не случайно, что в рецензируемой монографии основные наблюдения и выводы по проблемам семьи, брака, рождаемости и других демографических явлений объединены в одну главу, с характерным названием «Российская революция 1917 г. сквозь призму демографической модернизации» (Там же: гл. 4).

Б. Н. Миронов предпочитает количественные доказательства своих взглядов и выводов, даже когда это бывает сделать непросто. Напомним, как через антропометрические показатели нескольких поколений жителей России был «просчитан» уровень этого благосостояния, что представляется автору «самым надежным критерием при оценке эффективно-

сти экономики, государства и проводимых им реформ» (Миронов 2012: 16). Социальная интерпретация подсчетов не была однозначно воспринята учеными, стоявшими на разных теоретических и идейных позициях. Однако сами показатели были измерены и статистически проанализированы безупречно.

Теперь же специалистам и просто читателям вновь надо решать вопрос о качественной интерпретации собранных в книге богатых количественных данных пореформенного и предреволюционного времени, когда модернизация «стала по-настоящему многомерной и глубокой» (Миронов 2019: 15). Соглашаться ли с Б. Н. Мироновым в восприятии «тех, кто активно включился в демографический переход», как «людей, наиболее подготовленных и желающих преобразования общественной жизни», т.е. фактически разделяющих цели революции? Более того, автор книги полагает, что, «основываясь на демографических данных, число таких людей можно примерно оценить» (Там же: 12). Кто-то с подобной постановкой вопроса не согласится или примет ее с серьезными оговорками. Однако в любом случае такие количественные выкладки будут интересны как показатель наличия и глубины модернизации, и это вряд ли вызовет особые споры.

Повышенный интерес к данным аспектам модернизации, нам представляется, поддержан и еще одним обстоятельством. В литературе уже подчеркивалось наличие в предыдущих трудах Б. Н. Миронова оценки массового революционного движения в России как «антимодернист-

ского по своей сути» (Смирнов 2017: 879). В новой книге также содержатся высказывания об «антимодернистских» настроениях в русском обществе, о революции 1917 г., «во многих отношениях антимодернистской» (Миронов 2019: 45). Однако здесь автор счел нужным специально указать на то, что «революционное завершение» имперского проекта модернизации «не является доказательством его несостоятельности» (Там же: 54). В революционных событиях «плоды» имперской модернизации «не погибли, хотя и существенно пострадали», ее продолжением стала советская модернизация (Там же: 22). Среди прочего, по мысли Б. Н. Миронова, советская модель модернизации напоминала классическую именно по таким признакам, как «демократизация семьи» и «эмансипация женщин» (Там же: 25).

Из представленных подсчетов следует, что в течение XVIII — первой половины XIX в. в России «функционировала типичная модель традиционного воспроизводства населения» — с предельно высокими уровнями брачности и рождаемости, а также очень высокой смертностью (Там же: 256). С 1870–1880-х гг. начинается снижение самого доступного для регулирования из этих показателей — брачности, а вслед за ним рождаемости и смертности. Однако снижение ни одного из перечисленных показателей еще не выходило на уровень «демографического перехода», более того, за счет опережающего уменьшения смертности произошел новый скачок естественного прироста населения. Только тогда «давление на ресурсы», достигнув

критической отметки, вызвало начало «перехода от традиционной к современной модели демографического воспроизводства», поддержанного «общим ростом культуры населения» (Там же: 257). Под последним понимается ответственное отношение к браку, контроль рождаемости в семье, санитарная и медицинская грамотность.

В 4-й главе также поднимаются проблемы инноваций и девиаций в брачно-семейных отношениях: внебрачные дети, разводы, контрацепция, аборт и т. п. Весь материал главы сведен в многочисленные таблицы, комментарии к ним и выводы по этим количественным показателям с учетом социальных, половозрастных и прочих особенностей, взятых к тому же во временной динамике, а потому нет смысла и возможности пересказывать его в коротком отклике. Остается лишь признать, что знакомство с таким очень информативным и доказательным материалом может только порадовать.

Разговор о демографических и гендерных аспектах модернизации Б. Н. Миронов ведет не только в специально отведенных для этой темы разделах. Например, он обращается к ним в главе о рабочем классе, показывая половозрастной и семейный состав российских рабочих. Последний по сравнению с другими сословиями и социальными группами «отличался большой спецификой», прежде всего из-за наличия значительного числа неженатых мужчин и незамужних женщин. Всероссийская перепись населения 1897 г. зафиксировала 1199 тыс. холостых рабочих и 259 тыс. незамужних

работниц. Это означало, что в браке не состояли почти половина (около 45%) рабочих-мужчин и две трети (63%) женщин. Причиной тому было отсутствие условий для нормальной семейной жизни по стандартам крестьянского (большинство рабочих были выходцами из крестьян), мещанского или иного традиционного быта (Там же: 210).

В дальнейшем ситуация не изменилась к лучшему. К 1913 г. по стране в составе промышленных рабочих было «около 1 млн молодых одиноких мужчин и около полумиллиона одиноких молодых женщин... раздраженных и неудовлетворенных жизнью уже только потому, что в стране, где так ценились семья и дети, многие из них не имели ни того, ни другого» (Там же: 215).

Особенно усугубилось положение женщин, поскольку «к началу 1917 г. их доля среди рабочих поднялась до 40%». «Ненормальное соотношение полов» и иные причины, затруднявшие брак и семейную жизнь, были характерны не только для рабочих, но и вообще для населения городов, особенно крупных. Так, в Москве соотношение мужчин и женщин составляло 57:43, в Петербурге — 55:45 (Там же: 210, 214–215).

Сексуальное и эмоциональное неудовлетворение накладывалось на тяжелое материальное положение. Особенно болезненно все эти жизненные трудности воспринимались молодежью. Ее недовольство могло выливаться в девиантное поведение: алкоголизм, хулиганство или уход в криминалитет, а могло использоваться для привлечения

в радикальные антиправительственные движения.

В конкретном контексте и в проблематике рассматриваемой 4-й главы не всегда хватает объяснения некоторых наблюдений, на основании которых автор делает свои выводы о модернизационных изменениях, коснувшихся семьи и брака в России. В объемном труде Б. Н. Миронова, насыщенном огромной информацией, недостаточная детализация принятых в начале XX в. законов и практик их применения объяснима и не может, на наш взгляд, считаться недостатком. Однако это порождает естественное желание дополнить и уточнить некоторые выводы и наблюдения.

В этой связи обратим внимание на следующее высказывание: «Попечительские обследования 1915–1916 гг. среди семей столичных нижних воинских чинов обнаружили около 10% внебрачных семей, что стало сенсацией» (Там же: 261–262). Верное объяснение этого показателя тем, что «так называемые гражданские браки, т.е. длительное сожительство мужчины и женщины, не зарегистрированное церковью» к этому времени получили широкое распространение (Там же: 257), автор дополняет предположением, что в данном случае также сказались специфика Петрограда как столицы, где «изменения в брачной модели» более заметны (Там же: 261). Вместе с тем, возможно, продолжает он, сыграло роль присутствие «огромного числа» солдат, которые сконцентрировались здесь в «специфическое военное время» (Там же: 262).

По нашему мнению, более точной интерпретации и объяснению этого

факта способствовало бы обращение к одному важному законодательному акту и ходу его реализации. Б.Н. Миронов внимателен к тому, как модернизационные процессы находили отражение в структурных реформах. Например, в области социальной защиты его внимание привлёк закон 23 июня 1912 г. Он примечателен закреплением права рабочих на обеспечение по болезни и распространением на частные предприятия мер по страхованию от несчастных случаев, созданием структуры «центральных и местных страховых учреждений, обязанных непосредственно заниматься этой проблемой» (Там же: 74, 220). Напомним, что в одной из предыдущих работ автор монографии подчеркивал, что «социальное страхование рабочих в России после 1912 г. находилось примерно на европейском уровне» (Миронов 2018б: 201).

При этом вне поля зрения остался другой закон социальной направленности, который был принят два дня спустя, а именно 25 июня 1912 г., но в полной мере вступил в силу через два года. Имеется в виду «Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств» (Новые законы 1915: 1–30). Оно в первую очередь имело значение для введения в правовое поле системы помощи семьям лиц, призванных на военную службу, позволив регламентировать практику оказания такой помощи.

Историки уже отмечали, что данный законодательный акт, бесспорно, оказал большое влияние на вопросы социального призрения, которые собственно и регулировал, но, кроме того, он затронул и более широкий

круг аспектов общественной жизни. Так, Н.Л. Пушкарева и П.П. Щербинин на материалах преимущественно Тамбовской губернии подчеркивают его воздействие на рост «социального самосознания» российских женщин, переход их к «организованным коллективным действиям» (Пушкарева, Щербинин 2005: 160). О.М. Долидович, проанализировав документы Томской губернии, полагает, что недостатки и неудачи в реализации этого «Положения» в годы Первой мировой войны вели к нарастанию в семьях солдат ощущения «социальной несправедливости», недоверия к органам центральной и местной власти (Долидович 2017: 20).

Нетрудно увидеть, что отмеченные исследователями последствия встраиваются в ряд причин, приведших к революции в России. Дополнив их выводы материалами Самары, исследование которых было нацелено на выявление «семейной модернизации», приходим к выводу, что данные о солдатских семьях Петербурга сопоставимы с тем, что происходило в провинциальных тыловых городах, а не порождены спецификой милитаризированной столицы (Артамонова 2017: 88–90).

С началом Первой мировой войны, на основании Положения 1912 г., последовавших за ним законов и распоряжений о призрении воинских чинов и их семей, о пенсиях и пособиях им, в стране повсеместно активизировались уже имеющиеся и образовывались новые попечительства, комитеты, общества, занимавшиеся оказанием помощи воинам русской армии, а также их родным и близким. Именно тогда на практике был

обнаружен существенный пробел в законодательстве, которое не предусматривало поддержки и помощи от казны гражданским женам и внебрачным детям солдат. Для православных жителей империи иной формы регистрации брака, кроме церковного, формально не существовало. Но число женщин, не венчанных по установленному обряду, но создавших семьи, и детей, родившихся у них, повсеместно оказалось весьма значительным. Их нельзя было больше третировать или игнорировать на основе религиозных предписаний, как до войны. Пренебрежение к членам семей, возникших без церковного брака, грозило подорвать моральный и боевой дух слишком большого числа солдат, призванных в армию. Стало очевидно, что законодательство, ориентированное на освященную традицией семью, отставало от реалий эпохи модерна. Перекраивать его на общегосударственном уровне не было ни времени, ни желания. В результате один за другим органы городского самоуправления в разных местах начали принимать решения о выдаче таких пособий из собственных средств (для сельской местности подобные семьи были еще нехарактерны). Как правило, размер помощи приравнивали к «казенному» пайку «законных» жен и детей. Таким образом, первый шаг на пути правового признания брака, не являвшегося церковным, делался в чрезвычайных условиях военного времени — тогда, когда такой вид семьи уже имел широкое распространение в городской повседневности.

Имперские законы и решения местных властей о поддержке семей во-

еннослужащих имели еще одно важное следствие — рост общественной активности женщин. Во-первых, предоставление помощи имело заявительный характер. Женщинам, желавшим получить помощь на себя и детей, независимо от формы брака, полагалось самостоятельно обращаться в органы власти и самоуправления с просьбами о назначении пособия, внесении изменений в его размер, об учете материального положения семьи. Активно отстаивать свои интересы обучались даже многие домохозяйки, не говоря о женщинах — работницах, служащих, представителях интеллигентных профессий, численность которых заметно и быстро росла в предреволюционные десятилетия, а социальная активность еще больше выходила за пределы, свойственные традиционному обществу (Artamonova 2016: 902).

Во-вторых, усилению общественной активизации женщин способствовал состав попечительств о семьях нижних чинов, создававшихся в городах. За исключением направленного в них небольшого числа служащих, числившихся в штате местных органов управления и получавших жалованье, основную часть работы, особенно контактной с населением, выполняли добровольные помощники, среди которых численно преобладали женщины.

Действенность системы социальной поддержки семей военнослужащих можно иллюстрировать различными многочисленными примерами. Укажем из-за недостатка места только один, приведенный самим Б. Н. Мионовым. Получение «по-

собий от государства теми семьями, чьи кормильцы были мобилизованы», признается им в качестве одного из основных факторов увеличения доходов крестьян и горожан в годы Первой мировой войны. В деревне объем получаемых государственных пособий, на которые могли претендовать только «законные» семьи, увеличился с 82 млн руб. в 1914 г. до 1356 млн руб. в 1917 г., в городе соответственно с 9 млн руб. до 109 млн руб. «Однако галолирующая инфляция сильно уменьшала реальную помощь со стороны государства». Последнее замечание автора прежде всего относится к городским семьям, которые сталкивались с более высокими ценами, не имея возможностей удовлетворять часть потребностей натурой, как деревенские жители (Миронов 2019: 114–115, 122).

Усилия властей, органов самоуправления и попечительств оказались не в состоянии остановить падение жизненного уровня значительной массы солдатских семей, а тем более вернуть домой мужей и отцов с фронта или уже из небытия. Мобилизовано было в армию 47 % трудоспособных крестьян и 30 % горожан, общая их численность достигала 15 млн чел. Эти мужчины оставили без поддержки и в состоянии постоянной тревоги за свои судьбы 75 млн жен и детей, отцов и матерей, а также сотни тысяч невест. В итоге их семьи получили 1290 тыс. похоронок, 3250 тыс. писем и извещений о ранении, пропаже без вести, плене (Там же: 122, 160).

Объединения властей и общественности вокруг решения частной за-

дачи социальной помощи отдельной категории населения было недостаточно для того, чтобы воспрепятствовать тектоническим сдвигам в российском обществе и государстве. Согласимся с еще одним более ранним высказыванием Б.Н. Миронова, что «гражданское общество и его институты не дают гражданам индульгенцию от политических трагедий» (Миронов 2018а: 696).

Широкие массы женщин устали от невзгод войны, но за ее годы научились проявлять активность и самостоятельность в чрезвычайной ситуации выживания. У казны и органов самоуправления таяли материальные средства на поддержку обездоленных, чье количество росло. У общественности иссякал энтузиазм жертвенности и безвозмездного труда на благо Отечества. Те, кто до поры до времени получал помощь от государства, местных властей и dobroxотов, в итоге оказались готовы влиться в общий революционный поток.

Изложенные выше наблюдения являются еще одним подтверждением того, что перемены в демографическом поведении, семейных устоях, социальной активности женщин действительно как зеркало отражали ход имперской модернизации. Следует согласиться с тем, что люди, вовлеченные в эти процессы в качестве активных участников, становились менее зависимыми от консервативных традиций и более способными откликнуться на призывы к радикальному решению вставших перед ними, обществом и страной проблем.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Новые законы 1915 — Новые законы и распоряжения (распубл. по 10 октября 1914 г.) о призрении воинских чинов и их семейств, а также о пенсиях и пособиях им, с приложением узаконений об охране наследств после умерших воинских чинов, и о льготах по делам гражданским, уголовным и относительно квартирных договоров. М.: Правосудие, 1915. 87 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Артамонова 2017 — Артамонова Л. М. Материалы попечительства о семьях нижних чинов, призванных из запаса и ополчения, в фондах Центрального государственного архива Самарской области как источник по истории Самары в 1914–1917 гг. // Память о прошлом — 2017: материалы и доклады VI историко-архивного форума. Самара: ООО «НТЦ», 2017. С. 86–92.

Долидович 2017 — Долидович О. М. Попечительства о семьях призванных солдат в 1914–1917 гг. (на материалах Барнаульского уезда Томской губернии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. С. 349–372.

Миронов 2012 — Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М.: Весь Мир, 2012. 848 с.

Миронов 2018a — Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дм. Буланин, 2018. Т. 2. 912 с.

Миронов 2018б — Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дм. Буланин, 2018. Т. 3. 992 с.

Миронов 2019 — Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дм. Буланин, 2019. 528 с.

Обсуждение 2016 — Обсуждение книги Б. Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну»: в 3 т. СПб.: Дм. Буланин, 2014–2015. 896+912+992 с., 383 табл., 539 ил. // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 172–200.

Пушкарева, Щербинин 2005 — Пушкарева Н. Л., Щербинин П. П. Организация призрения семей низших чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3, № 2. С. 147–162.

Смирнов 2017 — Смирнов Ю. Н. Российская империя: от колонизации до революции // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 3. С. 869–881.

Artamonova 2016 — Artamonova L. M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41–1 (3). С. 899–907.

DEMOGRAPHIC BEHAVIOR AS A MIRROR OF IMPERIAL MODERNIZATION

Artamonova Lyudmila M. — Dr. Sci. in History, Professor, Head of the Department. Department of History of the Fatherland of the Samara State Institute of Culture (Samara)

Key words: Russia at the beginning of the XX century, modernization, World War I, social assistance, family, marriage, demographic transition.

Abstract. Issues of family, marriage, and demographic behavior play an important role in Mironov’s concept of Russian modernization and revolution. At the

same time, attention should be paid to the system of «charity of lower military ranks and their families» as an indicator of the growth of social security requirements, as a form of fixing changes in family relations in the legal field and in the collective consciousness, and as a practice of women's social activity.

REFERENCES

Artamonova L. M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society. *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal*, 2016, no. 41–1 (3), pp. 899–907.

Artamonova L. M. Materialy popechitel'stva o sem'iakh nizhnikh chinov, prizvannykh iz zapasa i opolcheniia, v fondakh Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Samarskoi oblasti kak istochnik po istorii Samary v 1914–1917 gg. *Pamiat' o proshlom – 2017: materialy i doklady VI istoriko-arkhivnogo foruma*. Samara: OOO “NTTs”, 2017, pp. 86–92.

Dolidovich O. M. Popechitel'stva o sem'iakh prizvannykh soldat v 1914–1917 gg. (na materialakh Barnaul'skogo uezda Tomskoi gubernii). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*. 2017, no. 45, pp. 349–372.

Mironov B. N. *Blagosostoianie naseleniia i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII – na-*

chalo XX veka. Moscow: Ves' Mir, 2012. 848 p.

Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2018. Vol. 2. 912 p.

Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2018. Vol. 3. 992 p.

Mironov B. N. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia*. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2019. 528 p.

Obsuzhdenie knigi B. N. Mironova “Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu”: v 3 t. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2014–2015. 896+912+992 p., 383 tabl., 539 il. *Istoricheskaiia ekspertiza*. 2016, no. 3, pp. 172–200.

Pushkareva N. L., Shcherbinin P. P. Organizatsiia prizreniia semei nizshikh chinov v gody Pervoi mirovoi voiny. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*. 2005, vol. 3, no. 2, pp. 147–162.

Smirnov Iu. N. Rossiiskaia imperiia: ot kolonizatsii do revoliutsii. *Quaestio Rossica*. 2017, vol. 5, no. 3, pp. 869–881.

РЕВОЛЮЦИЯ ПРОТИВ МОДЕРНИЗАЦИИ. ЧИТАЯ «РОССИЙСКУЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ И РЕВОЛЮЦИЮ» Б. МИРОНОВА

Ключевые слова: Б. Н. Миронов, модернизация, этапы модернизации, революция, пролетариат, крестьянство, стадии интеллектуального развития по Ж. Пиаже, симпрактическое мышление.

Аннотация. Новая работа Б. Н. Миронова является своего рода эпилогом к выпущенному ранее трехтомному труду «Российская империя: от традиции к модерну». Автор рассказывает о том, что произошло после падения монархии Романовых. Разбирается расширенное толкование российской модернизации и то, что автор назвал модернизационной концепцией революции. Рецензент констатирует, что глава о рабочем классе имеет характер антитезиса к положениям советской историографии о гегемоне социалистической революции, и высказывает замечания о применении в историческом исследовании схемы стадий интеллектуального развития Ж. Пиаже. В заключительной главе книги Б. Н. Миронов рисует портрет еще более инертного и атеоретического, чем промышленный пролетариат, деревенского большинства России. Он продолжает применять стадиальную схему интеллекта Ж. Пиаже, дополняя ее идеей симпрактического мышления. Рецензент вносит свои коррективы в трактовку указанного концепта. В заключение он дает оценку опытам по созданию исторической психологии и резюмирует свое понимание политико-мировоззренческой направленности книги.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-352-361

К моим прямым профессиональным интересам относятся вопросы исторической психологии, затронутые преимущественно в третьей — пятой главах монографии, но цельность мироновского замысла не позволяет мне миновать вводные части труда. Опыты ментальности доре-

волюционных рабочих и крестьян России даны в контексте развертывания стержневой идеи производства, обозначенной его названием — правда, несколько сглажено, ведь читать его следует так: «Революция против модернизации». Поскольку Б. Н. Миронов убежденный сторон-

© В. А. Шкуратов, 2020

Шкуратов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, кандидат психологических наук, Ростовский государственный университет — Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия); nagradigma94@yandex.ru

ник мирного безреволюционного развития страны, а революция все-таки состоялась, то в ход пускается набор приемов, доказывающих объективную ненужность, шаткость социальных оснований, условность и даже, в некотором роде, гносеологическую сомнительность досадного явления. В начале книги предпринята попытка затушевать разрывы между главными этапами развития страны. Автор соединяет имперский, советский и постсоветский отрезки отечественной истории в линию единой российской модернизации. Советский экономический рывок представлен как осуществление преобразовательных планов царского режима, положенных под сукно революцией и извлеченных оттуда новой властью с ее укреплением. В координатах мироновского девелопментализма преемственность столь велика, что два отрезка развития почти сливаются в дореволюционно-советскую модернизацию, разве что управленческие кадры стали хуже, цифры роста ниже, а издержки развития выше. Наиболее убедительно родство двух режимов показано автором на уровне технологического планирования ресурсного освоения страны. Планы ГОЭЛРО, переброски в засушливые регионы вод сибирских рек, ДнепроГЭС, Турксиб, Каракумский канал и другие атрибуты советской индустриализации оказываются подретушированными разработками дореволюционных инженеров и чиновников. Уместно добавить, что и культурно-типологическое сходство между прогрессистскими верхушками «проклятого царизма» и антисамодержавного блока вполне очевидно. Ведь это две фракции образованного сословия

России, тончайшая прослойка лиц со средним и высшим образованием европейского образца, интегрированная в когнитивном и ценностном универсуме западного происхождения и с представлениями о введении в этот универсум остального населения, т. е. «народа».

Не могу, однако, опустить очевидное. Кардинальный разлом, произведенный большевистским переворотом в отечественной, но также в мировой истории не сводится к ухудшению в исполнении модернизации страны, он миросистемный. С появлением страны «победившего рабочего класса и его союзника трудового крестьянства» политическая география планеты изменилась. Если раньше субъектом «прогрессивного развития» был «цивилизованный мир» с главными актерами, определившимися ко второй половине XVIII в. (Великобритания, Франция, Пруссия, Австрия, Россия), то теперь субъектов и, соответственно, миров, стало два. Россия, состоявшая в «цивилизованном», т. е. первом европейском мире на основе династийного, семейно-генеалогического, культурного-образовательного родства элит, общности их вкусов и манер, выходит из него, образуя собственный, «второй» мир современности. Она является его гегемоном и около трех десятилетий единственным представителем. После Второй мировой войны к этой конфигурации добавляется третий мир деколонизованных государств. Так создается покроя «короткого XX в.» vs «долгого XIX».

Никакой лавиной статистики не скрыть того, какой раскол в универсуме «цивилизованного

человечества» вызывает приход к власти в его крупнейшей стране радикальной интеллигенции. Если на Западе, хотя и со срывами, сохраняется либеральный консенсус между всеми основными слоями общества, то в антикапиталистических левых диктатурах это невозможно. Даже правопопулистские черно-коричневые режимы не искореняют экономической плюрализм и международные системные связи своих хозяйств, к тому же, к счастью, эти режимы недолговечны. Надо понимать, что потери процентов экономического роста из-за прекращения при СССР потока иностранных капиталовложений, утрата результатов Первой мировой войны, установление железного занавеса для научно-технических и других обменов есть не ситуативные и частные явления, а результат автаркического закрытия от бывших соседей по общему «цивилизированному миру», который теперь стал первым миром.

Трудно не заметить, что суждения Б. Н. Миронова о советской модернизации колеблются между полюсами объективизма и морально-гуманистической оценки прошлого. Как объективист автор убежден в поступательном европейском пути России от Петра I до советских вождей и далее. Но «изнутри», как свидетель своего времени, он не может обойтись без критики того, что в объективистском ключе именуется человеческими издержками роста. Нельзя сказать, что шкала суждений уравновешена. Но это особенность всей сегодняшней российской историографии и, может быть, всего российского исторического сознания.

Возникает вопрос и о сроках модернизации. Если модернизация есть переход от традиционализма к современному строю жизни, то почему она так затянулась в России? А если догоняющее развитие, то сколько раз и кого еще нам придется догонять? Б. Н. Миронов допускает регенерацию традиционализма при смене социально-политических режимов России, но признать возвратное, циклическое развитие страны (хотя бы «по спирали») ему не позволяет исторический оптимизм. Никакие катаклизмы не могут сбить поступательный, линейный ход российского развития. Такой стойкий прогрессизм в эру неопределенностей и пересмотра ценностей внушает уважение, но не может отменить кризисного состояния классической веберовской доктрины модернизации.

Вторая глава посвящена другой ключевой категории книги — революции. Она называется «Модернизационная концепция Российской революции 1917 г.», но теории в специальном значении слова Б. Н. Миронов не дает. Бегло перечислив имеющиеся концепции революции, автор предлагает следующее резюме: «Во всех этих концепциях есть рациональное зерно, каждая помогает найти в революции что-то новое и интересное, поскольку помещает ее в специфическую систему координат и дает определенный угол зрения, под которым изучается фактический материал. Однако слабость многих из них состоит в том, что предлагаемые объяснения избыточно спекулятивны и недостаточно основательно подтверждаются эмпирически. На мой взгляд, все предложенные объяснения предпосылок и причин револю-

ции целесообразно рассматривать как гипотезы, которые необходимо проверить на “фактах” (как бы ни понимать, что такое факт). И пусть полученные результаты покажут, какая или какие концепции оказались более, какие менее плодотворными или совсем бесполезными для решения поставленной задачи» (Миронов 2019: 68).

Очевидно, что Б.Н. Миронов придерживается принципа верификации, но причислить его методологию к позитивистской затруднительно из-за свободного отношения к теориям и ярко выраженной полемичности, доходящей до публицистики. Свой подход в «Российской империи...» (Миронов 2018) Миронов назвал интегральным. Пользуясь принятыми обозначениями эпистемологических ориентаций, можно сказать, что его метод сочетает жесткий эмпиризм естественнонаучного типа и близкий постмодернизму концептуальный релятивизм. Композиция «Модернизации и революции» имеет полемически-эмпирический рисунок. Гипотезы предлагаются в форме дискуссионно заостренных тезисов, вокруг которых наращиваются статистические данные (там, где количественный материал отсутствует, его место занимают описательные примеры). Из концептуальных заимствований предпочтение отдается инструментальным понятиям, укладываемым в авторскую аналитику. Некоторое удивление вызывает игнорирование Мироновым наиболее близких его историческим воззрениям теорий конвергенции, единого индустриального общества, стадий экономического роста. В обширнейшей библиографии и автор-

ских индексах «Модернизации и революции» нет Р. Арона, Дж. Гэлбрейта, У. Ростоу. Не углубляясь в этот парадокс, рискну предположить, что для Б.Н. Миронова их концепции оказались слишком «спекулятивными», запутанными и поэтому не попали в орбиту его мысли.

От методологических соображений перейду к обзору разделов о ментальности. Чтобы не повторяться и сэкономить место, я буду ссылаться на мою предыдущую рецензию (Shkuratov 2016), тем более что рецензируемые ниже главы «Модернизации и революции» пересекаются с соответствующими разделами «Российской империи...». Глава о рабочем классе имеет характер антитезиса к положениям советской историографии о гегемоне социалистической революции. Характеристика российского пролетариата вызывает ощущение холодного душа после оптимизма выкладок о российской имперской модернизации. Также закрадывается сомнение в необусловленности переворота 1917 г. Если эта модернизация порождала такую социально и психологически нездоровую массу народонаселения, агрессивную и готовую в любой момент взорваться, то о какой случайности революции речь?

Разъяснения Б.Н. Миронова о том, что быстрый поток изменений вызывает подъем напряжений, притязаний, недовольства, стрессов и колебаний самочувствия среди захваченных им и вырванных из рамок привычной жизни людей, оказываются весьма уместны. Объективное улучшение антропометрических, имущественных и бытовых показателей общей

человеческой массы прогресса не может нейтрализовать явления маргинализации и пауперизации значительной доли его исполнителей. Однако такова цена экономического роста, иначе обеспечить его тогда было невозможно. Миронов считает, что злонамеренные или недалекие деятели из российской интеллигенции, подстрекавшие фабричный люд, ошиблись в гегемоне своей революции, а потому и не добились целей последней. Вместе с тем они сорвали получение рабочими своей доли от капиталистической модернизации страны. В позднеимперский период происходит улучшение условий труда и быта тружеников индустрии, вводятся меры по их социальной защищенности, однако дело не в кардинальном изменении положения, а в том, что фабрично-заводское законодательство начинается с нуля. Стачечной активностью Россия начала XX в. превосходит Запад, однако требования рабочих Миронов считает завышенными.

Находя вполне достоверным предложенный им социально-психологический портрет отечественного промышленного пролетариата, я полагаю, что последний не являлся однородной массой и что изучение социальной истории этой группы народонаселения невозможно без изучения ее разнообразия, причем будет весьма полезно делать это в сопоставлении с рабочим движением главных капиталистических стран. Гипотеза Б.Н. Миронова состоит в том, что российский пролетариат не был столь образован, чтобы освоить программы своих социал-демократических вожakov, поэтому сбивался на самые обыденные и агрессивные толкования их

лозунгов. При таком гегемоне революция не могла достичь поставленных ей целей, что и требовалось доказать. Остановлюсь на главном пункте мироновской аргументации. т.е. на понимании рабочими программных установок рабочих партий. Положения программы-минимум РСДРП были сформулированы конкретно и в основном не требовали особых разъяснений. Вряд ли самоуправление, всеобщее избирательное право, восьмичасовой рабочий день, отмена штрафов и сверхурочных работ, передача земельной собственности от помещиков оставшимся в деревне крестьянским родственникам, а значит, и себе представляли мыслительную сложность для слабо подкованного в теориях фабрично-заводского люда.

Это условия держателя товара — рабочей силы. Именно вокруг них, со всякими дополнениями и уточнениями, велся торг между нанимателем и представителями нанимаемого — профсоюзами, тред-юнионами, лейбористами и всякого рода «оппортунистами» из социал-демократии на Западе. В конце концов условия выговаривались все более сносные, а рабочее представительство, отказавшись от радикальных требований свержения буржуазно-помещичьего строя, занимало места в парламентах и правительствах капиталистических стран. В России получилось иначе, но совсем не потому, что работник физического труда не понимал своей конкретной пользы. Если придерживаться тезиса о факторе образованности, то он касается программы-максимум РСДРП, в которой говорилось о более далеких целях революции — установлении диктатуры пролетариата для построения социалистического обще-

ства, а в перспективе — коммунистического будущего. Разобраться в данных категориях нелегко, и не только малограмотному. Они вообще не формулируются рационально и внятно. Начать с того, что основоположники научного коммунизма оставили нам только туманную риторику вместо научного описания этого коммунизма. На всем протяжении программирования светлого будущего партийные идеологи находятся в судорожных поисках сроков и признаков его приближения. То оно обещано «нынешнему поколению», то конкретно намечено на 1980 г., то определено как «советская власть плюс электрификация всей страны», то объявлено уже наступившим в качестве «всенародного государства», то отодвинуто подальше до полного стирания социально-бытовых различий в обществе и т.д. Но и эта чехарда вокруг официозных лозунговых этикеток меркнет перед напряженными попытками определить неопределимое левыми интеллектуалами, среди которых и самые выдающиеся умы XX в.

Однако возвращусь к образовательному цензу, которым Б. Н. Миронов пресекает ход к премудростям революционной идеи необразованному населению России. Логика прямолинейна и напоминает евангельское речение «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное». Если человек не имеет среднего или высшего образования — а в России конца XIX — начала XX в. его не имели 99,99% рабочих, — то путь в сокровищницу партийной мысли ему заказан. При этом в качестве научно-психологической опоры своего утверждения Миронов берет класси-

фикацию стадий интеллектуального роста Ж. Пиаже. Я уже высказывал замечания о сложностях использования наследия швейцарского ученого (Shkuratov 2016). Уповающих на универсализм стадийальных построений женеvской школы ожидают серьезные препятствия к их всеприменению. Во-первых, со стороны психологов, работавших с методиками Пиаже в третьем мире. Они обнаружили, что взрослые испытуемые, не получившие школьного образования, но адаптированные к жизни в городе и успешные в современной экономике, справляются с задачами операционального интеллекта. Фактор урбанизации отчасти заменяет хождение в классы. А работа со сложными техническими устройствами, наладка механизмов, чтение чертежей — все это безусловно развивает логическое мышление.

Но главное затруднение исходит от самой теории Пиаже. Ведь высшая стадия формальных операций достигается в 12–15 лет. Что дальше — об этом мы у швейцарского психолога не узнаем. «Мы можем сказать, что, когнитивно выражаясь, взрослый в нашем обществе имеет ментальность подростка» (Hallpike 1979: 39), — делает вывод последователь Пиаже К. Холлпайк. На родине Пиаже эти взрослые с ментальностью подростка не проявляют свойственных психологии переходного возраста негативизма, бравады, подверженности эпатажной моде и вызывающим взглядам. Швейцария — тихий, мирный островок среди бушующих со всех сторон мировых войн и революций XX в. Но то, что ее население до такой степени равнодушно ко всякого рода экстремизму,

только подчеркивает ее несовместимость с большими странами вроде России, охваченными эсхатологическими брожениями. Генетические построения Пиаже — шедевр адаптивной доктрины. Они ограничивают интеллектуальную планку среднестатистического взрослого населения старшими классами швейцарской школы. Обратимые операции дают возможность ассимилировать получаемую информацию в схематизмы групп и решеток. Очевидно, что это модернизированная формальная логика, а выражаясь по Канту — *Verstand*, рассудок. Следующая ступень умственного развития — *Vernunft*, разум — моделью интеллектуального роста не предусмотрена. Ни среднее, ни даже высшее образование не дают прямого хода к премудростям диалектики, которая ее адептами обозначалась как вершина познания, своего рода «тайная тайных», сходная с эзотеричностью Священного Писания.

Пропустив по недостатку места интересную и насыщенную главу о семейно-демографической трансформации предреволюционной России, обращаюсь к мироновскому изображению крестьянской ментальности. В этом завершении книги авторская задача раздваивается. Продолжая основную линию дезавуирования революции, Б.Н. Миронов набрасывает портрет еще более инертного и атеоретического, чем промышленный пролетариат, деревенского большинства России. Вместе с тем он выдвигает и самостоятельную цель — наметить основы науки об исторической психологии крестьянства. В первом случае в качестве образовательного ценза продолжает применяться ста-

диальная схема интеллекта Ж. Пиаже. Она дополняется идеей симпрактического мышления со ссылкой на книгу В.Н. Романова (*Романов 1991*). Миронов пишет: «Мышление крестьянина на рубеже веков было практически действенным, конкретным, ситуативным, непосредственно связанным с ощущениями и действиями. Некоторые антропологи называют его мифологическим или дологическим (Леви-Брюль). Российский культуролог В.Н. Романов назвал его симпрактическим... Он выделил два типа культуры: симпрактический, существующий в традиционных обществах, который предполагает передачу информации посредством “предметных схем действий” (Леви-Брюль)... и теоретический тип, развившийся в письменных модернистских обществах, при котором выделяется отдельный канал для передачи информации, отстроенный от непосредственной деятельности» (*Миронов 2019: 338*).

Сделаю ремарки к приведенной цитате. Леви-Брюль придерживался гносеологии Э. Дюркгейма. В учении последнего познавательные нормы, управляющие человеческим поведением, разделяются на два класса — индивидуальных представлений и коллективных представлений. Одни логические и практические, другие управляют групповыми аффектами. Пралогическое мышление, по Леви-Брюлю, не относится к сфере практической деятельности так называемых примитивных народов. Их трудовые навыки действительно погружены в наглядно-действенный опыт. Пралогическое же мышление имеет характер коллективных представлений, которые обеспечивают групповую со-

лидарность первобытных общностей. На изумленные вопрошания, как же туземцы при своих фантастических представлениях о мире могут выжить в природе, французский этнолог отвечал, что фантастические представления и выживание в природе — это разные вещи, они не смешиваются, как вода и масло. Относительно В. Н. Романова отмечу, что в издании, на которое ссылается Б. Н. Миронов, нет понятия симпрактического мышления, а есть упоминания «симпрактического информационного канала» (Романов 1991: 18), «симпрактических информационных процессов» (Там же: 49, 63, 67) «симпрактичности» (Там же: 163). Раздел «Исторического развития культуры...», в котором комментируются результаты этнопсихологической экспедиции 1931–1932 гг. в Среднюю Азию, называется «Традиционное мышление и самосознание». Романов разделяет первобытную и традиционную культуры, толкуя последнюю скорее в техническом смысле, как полевые материалы антропологов об «отсталых» народах.

Московский культуролог нашел оригинальный аспект многократно обсуждавшихся опытов А. Р. Лурии с узбекскими дехканами. Оказывается, неграмотные и малограмотные испытуемые воспринимали эксперименты по изучению их мышления не как специальные задания, а как беседы с экспериментатором. Их мотивация состояла не в решении задач, а в изложении своего мнения, иначе говоря, была коммуникативной. Батареи тестов были построены так, что выталкивали их к демонстрации собственного практического опыта. Однако вспомним, что испытуемые

были мусульманами, с кругозором, выходящим за пределы навязанной им симпрактичности. Коллективные представления, как правило, исключаются из обследований на сформированность формальной логики, но именно они создают контакт высших надпрактических (архетипических) ценностей как будто несовместимых партнеров.

Глава «Когнитивные практики русских крестьян и их изменения под влиянием модернизации» рецензируемого труда содержит массу информации. Читатель узнает, как российские земледельцы считали, измеряли пространство и время, понимали абстракции, запоминали, выражали эмоции и чувства, поддерживали идентичность и самооценку, чем гордились и что порицали; также о детских и первобытных рисунках, обратной и линейной перспективах, лубках. Он познакомится с биографией купца первой гильдии Ф. Д. Бобкова, получит сведения об инфантильности крестьян, их играх, эстетических вкусах, отношении к техническим новшествам и образованию, картине мира, демонологии, законам, психических расстройствах в их среде и уровне грамотности среди разных народов империи. Завершается глава разделом о культурном расколе в российском обществе с примечаниями о межполушарной асимметрии головного мозга. Всего этого достаточно для обоснования тезиса о несвоевременности и неудаче революции, что же касается проекта исторической психологии, то хотелось бы большей систематичности и обоснованности. Наиболее известные в XX в. попытки создать науку с указанным названием возвращаются

вокруг авторитетных философских разъяснений, почему сделать это невозможно, и, увы, скорее подтверждают их, чем преодолевают. Поэтому очередная заявка в клуб творцов почему-то не созданного до сих пор знания с приложенным рецептом «исторический материал плюс какие-нибудь психологические понятия» должна бы сопровождаться резолюцией о том, что рецепт слишком прост и многократно использовался без успеха. Хотя почему без успеха? Знакомство с пограничными областями знания расширяет исследовательские возможности и кругозор ученого. Только не надо считать, что так называемый междисциплинарный подход превращает его в знатока всяческих наук. Для меня историко-философские фигуры мироновского нарратива оказались интереснее психологических толкований им документального материала. На авансцене грандиозного исторического действия, представленного в книге, их две — пролетариат и крестьянство. Они — незрелые исполнители замыслов противоборствующих фракций российского образованного сословия — интеллигенции и бюрократии. Отсутствие глав об этих постановщиках исторического процесса в России воспринимается как пробел книги, хотя даже и Б. Н. Миронову, видимо, трудно объять необъятное. Богатый материал дореволюционной литературной этнографии, собранный им в главе о крестьянстве, теряет в ценности без объяснений того, что объективность приводимых фактов дана сквозь призму просветительских установок образованного сословия. Эти установки в основном дизъюнктивны. Но имеется и мощная конъюнкция эсхатологического возбу-

ждения, в котором одинаково живут интеллигенция и народ. Да и власти, этой веберовской рациональной бюрократии, в советском варианте положено бредить светлым будущим.

Единственный положительный герой мироновского повествования — правящий слой государства, этот, вспоминая Пушкина, «единственный европеец в России». Он руководит модернизацией России, и поэтому Б. Н. Миронов готов простить ему отклонения от человечности и морали. Заключительные выводы книги входят в когнитивный диссонанс с ее оптимистическим посылом. Оказывается, что потенциал революции закладывается турбулентностью социальных процессов и быстротой изменений на фоне инерционного состояния затронутой сдвигами человеческой массы и нетерпения пророков будущего. В этом, как я понимаю, на самом деле и состоит модернизационная концепция революции.

Намеренно или ненамеренно выводы книги служат оправданию консерватизма нынешнего политического курса и суммируют не только исторические уроки трехвековой российской модернизации, но и опасения от последствий быстрой смены правления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Миронов 2018 — *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 1. 896 с.

Миронов 2019 — *Миронов Б. Н.* Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 527 с.

Романов 1991 — Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М.: Наука, 1991. 192 с.

Hallpike 1979 — Hallpike C.R. *The Foundations of Primitive Thought*. Oxford: Clarendon Press, 1979. 516 p.

Shkuratov 2016 — Shkuratov V.A. Historical Psychology in Boris Mironov's «Russian Empire» // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2016. № 41–1 (3–1). С. 973–980.

REVOLUTION AGAINST MODERNIZATION. READING «RUSSIAN MODERNIZATION AND REVOLUTION» OF B. MIRONOV

Shkuratov Vladimir A. — Dr. Sci. in Philosophy, Professor, PhD in Psychology, South Federal University (Rostov-on-Don)

Key words: B. N. Mironov, modernization, stages of modernization, revolution, proletariat, peasantry, stages of intellectual development according to J. Piaget, sympractic thinking.

Abstract. New B.N. Mironov's book is a kind of epilogue to the previously published three-volume work "Russian Empire: from tradition to modernity". The author talks about what happened after the fall of the Romanov monarchy. Although the reviewer's direct professional interests include the issues of historical psychology touched upon in the second half of the monograph, the integrity of Mironov's plan did not allow him to bypass the introductory parts of the work. The expanded interpretation of Russian modernization and what the author called the modernization concept of the revolution is analyzed. The reviewer notes that the chapter on the working class has the character of an antithesis to the provisions of Soviet historiography about the hegemon of the socialist revolution and comments on the use of Piaget's scheme of stages of intellectual development in historical research. In the final chapter of the book, the author draws a portrait of an even more inert and atheoretical than the industrial proletariat, the rural majority of Russia. He continues to apply the stage-by-stage scheme of intelligence by J. Piaget, supplementing it with the idea of sympractic thinking. The reviewer makes his own adjustments to the interpretation of this concept. In conclusion, he appreciates the experiences in the creation of historical psychology and summarizes his understanding of the political and ideological orientation of the book.

REFERENCES

Hallpike C. R. *The Foundations of Primitive Thought*. Oxford: Clarendon Press, 1979. 516 p.

Mironov B. N. *Rossiiskaya imperia ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 2018. Vol. 1. 896 p.

Mironov B. N. *Rossiiskaya modernisatsia i revolutsia*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2019. 527 p.

Romanov V. N. *Istoricheskoe razvitie kultury. Problemy tipologii*. Moscow: Nauka. 1991. 192 p.

Shkuratov V. A. Historical Psychology in Boris Mironov's "Russian Empire". *Bylye Gody. Russian Historical Journal*. 2016, no. 41–1 (3–1), pp. 973–980.

ЭТЮДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПТИМИЗМА

Ключевые слова: имперская Россия, модернизация, революция, Первая мировая война, исторические оптимисты и пессимисты.

Аннотация. Б. Н. Миронов, автор обсуждаемой на круглом столе журнала «Историческая экспертиза» книги «Российская модернизация и революция», комментирует выступления участников, отвечает на их вопросы, замечания и предложения.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-362-376

Д. Я. Травин — экономист по основному образованию, последние 12 лет профессионально занимается исторической социологией, в частности модернизацией, и является научным руководителем Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге (Травин 2015; 2018). В его известной книге (Травин, Маргария 2004) российская модернизация рассматривается в контексте европейской модернизации — это единственное в отечественной науке сравнительно-историческое исследование на эту тему. Травин относит обсуждаемую книгу к исследованиям по исторической социологии России, что, на мой взгляд, не лишено оснований (Миронов 2004), и ищет в ней ответы скорее на социологические, чем исторические вопросы. Почему революция 1917 г. привела к столь тяжелым последствиям для экономики и политики России, почему она привела к многочисленным жертвам? Можно ли сказать, что именно наша страна

обречена на разрушительные революции, или все революции неизбежно приводят к трагедиям? Если эта проблема относится не только к России, то почему же мы сегодня видим, что наша страна отстает по многим экономическим и социальным показателям от других стран, в которых происходили известные революции Нового времени?

На мой взгляд, подобный подход к историческим исследованиям, не часто встречающийся, ставит их в контекст современной проблематики, показывает, что они на самом деле могут быть злободневными и актуальными, тем самым привлекает к ним общественный интерес, расширяет читательскую аудиторию. Нередко историки намеренно избегают актуальности, полагая, что она уводит их от науки к публицистике и политике. Такая опасность действительно существует. Однако постановка злободневных вопросов в исторических сочинениях стиму-

© Б. Н. Миронов, 2020

Миронов Борис Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); miroinov1942@yandex.ru

лирует историков входить в пограничные области знания, расширять программу, методологию, концептуальный аппарат, эвристические возможности и кругозор. А будет ли эта интервенция проведена на публицистическом или академическом уровне, зависит от самого исследователя. Вопросы, поставленные Д.Я. Травиным, меня тоже волнуют, и я искал на них ответы в своих работах, включая данную, за что некоторые оппоненты меня осуждали, обвиняя в политической ангажированности. Однако, на мой взгляд, это делается от неспособности найти убедительные аргументы против модернизационной концепции российской революции. Так часто бывает: когда оппонент исчерпывает арсенал рациональных аргументов, он переходит на личности.

Д.Я. Травин абсолютно прав, считая «Российскую модернизацию» своего рода эпилогом к выпущенному ранее трехтомнику «Российская империя», в котором формулируется модернизационная концепция революции. В ней революция анализируется не просто как событие, а как результат российской модернизации, можно сказать — как побочный продукт успешной модернизации, ведь именно успехи породили проблемы: ускоренное, а в ряде случаев и преждевременное проведение реформ потребовало больших издержек и даже жертв. «Мы сможем это осмыслить, если откажемся от представления, будто модернизация — это только созидание, а революция — только разрушение». Экономический рост в период империи я оцениваю как экономическое чудо, что вызывает удивление у одних и представля-

ется странным другим, поскольку такой рост не выдерживает сравнения с экономическим чудом ни в Западной Германии и Японии после Второй мировой войны, ни с Китаем и Южной Кореей в последние десятилетия. Слово «чудо» не экономический термин. Оно означает нечто поразительное, удивляющее своей необычностью. То, что произошло в российской экономике после Великих реформ 1860-х — начала 1870-х гг., действительно удивительно: после нескольких столетий нулевого роста душевого валового внутреннего продукта он стал быстро расти, прежде всего за счет развития промышленности, несмотря на феноменальный естественный прирост населения. Это чудо породило пролетариат и другие социально-экономические проблемы, вследствие чего стало одним из факторов революции.

Д.Я. Травин соглашается, что Россия не была обречена на революцию именно в 1917 г. Однако считает, что рано или поздно революция должна была произойти и в России, как во Франции, Германии, Австро-Венгрии, Испании и других странах, потому как модернизация создает проблемы, которые мирным путем не решаются. Такой интересный поворот проблемы закономерности революции заслуживает специального обсуждения.

Д.Я. Травин высказывает несогласие по двум аспектам. Он считает, что между имперской и советской модернизацией в действительности больше кардинальных различий, чем представляется мне. Близкое по смыслу замечание высказал и В.А. Шкуратов, поэтому отвечу обоим сразу.

Я удивился, пролистал «Российскую модернизацию» и обнаружил, что они правы. В книге принципиальные различия между имперской и советской модернизацией часто слишком сглажены. Акцент сделан на сходстве, хотя я напоминал, что имперский проект — либеральный, советский — консервативный, постсоветская модернизация вернулась к либеральному позднеимперскому проекту (Миронов 2019: 53, 439). Увлечшись идеей исторической колеи, я забыл о кардинальных различиях. Сыграло свою роль и мое понимание «Российской модернизации» как эпилога к «Российской империи», где принципиальные различия имперской и советской модернизации прописаны обстоятельнее. Травин верно описывает недостатки советской и преимущества имперской модернизации. Шкуратов правильно подчеркивает специфику советской модернизации. И все же не будем бросаться в другую крайность — будем помнить и о наличии большого сходства между ними.

Д. Я. Травин сомневается, что авторитарный стиль управления может быть оптимальным для достижения максимальной эффективности труда и наилучшим образом обеспечивать общее благо. Он уверен, что самым действенным средством повышения эффективности труда является рынок. Думаю, однако, что рынок не всегда выступает в качестве альтернативы авторитарному стилю управления. Мы знаем примеры успешного сочетания авторитаризма с рынком. Например, в XVIII — первой половине XIX в. во многих европейских странах крепостное право существовало в условиях рыночной

экономики, а в США — рабовладельческие хозяйства, где практиковалась высшая степень авторитаризма, успешно конкурировали со свободными фермерскими хозяйствами. В современном менеджменте во всех развитых странах авторитарный стиль используется наряду с двумя другими — демократическим и либеральным. Мировой опыт показывает, что все три стиля имеют достоинства и недостатки; их эффективность обуславливается обстоятельствами и культурно-психологическим профилем участников управления. В КНР авторитарный стиль управления практикуется не только в экономике, но и в политике. В условиях пандемии он признан более эффективным, чем демократический и либеральный.

На мой взгляд, заслуживают обстоятельного обсуждения вопросы об эффективности разных стилей управления в экономике, политике и других сферах общественной жизни и о возможности сочетания одного стиля в экономике, другого в политике, третьего в управлении культурой и наукой.

Чрезвычайно важным для дискуссии является выступление **И. В. Поткиной** — известного российского экономического историка, автора четырех монографий (Поткина 1994; 2004; 2009; Морозова, Поткина 1998), к тому же давно занимающейся проблемой модернизации (Поткина, Селунская 1990). Скоро увидит свет ее новая книга «Государство и экономика в России в годы Первой мировой войны: источники, историография, проблемы» (знаю о книге, потому что был ее рецензен-

том). Поткина разделяет мою концепцию модернизации и революции, но только потому, что результаты ее собственных исследований привели ее к аналогичным выводам — социальные взрывы стали «проявлением крайней напряженности и несбалансированности модернизационного процесса в России на рубеже XIX–XX вв. Изучая историю Никольской мануфактуры Морозовых, она на микроуровне — на примере конкретной фирмы — смогла оценить, какую высокую цену пришлось заплатить и рабочим, и предпринимателям за технологический рывок в промышленности (Поткина 2004: 321). Занимаясь исследованием проблем регулирования народного хозяйства в России в период Первой мировой войны (на основе корпуса законодательных источников), И. В. Поткина также пришла к выводу, что причины Февральской революции лежали в большей степени в области социально-политической, чем экономической. Тщательное изучение историографии и собственный анализ многочисленных источников, относящихся к 1913–1918 гг., убедил ее, что правящая элита даже на фоне таких воюющих стран, как Франция, Италия, Германия и Великобритания, достаточно удовлетворительно справлялась с острыми текущими народно-хозяйственными проблемами, несмотря на противостояние общества и власти и непримиримую борьбу контрэлит. Совпадение выводов, независимо полученных разными исследователями на основе изучения различных источников, под разным углом зрения, на макро- и микроуровне, — серьезный аргумент в пользу данных выводов. На всех, кто знает свойственную

И. В. Поткиной чрезвычайную научную добросовестность, ее наблюдения произведут сильное впечатление независимо от их взглядов на проблему.

Всегда стремлюсь, чтобы авторская концепция реализовывалась как триединство нарратива, статистики и иллюстраций. Но критики так редко обращают на это внимание, что у меня иногда закрадывается сомнение в эвристической ценности эго-документов и особенно иллюстраций (на подборку которых, между прочим, приходится тратить немало времени). И вот, наконец, услышал оценку: «Монографии Б. Н. Мирнова, как правило, сопровождаются большим числом изобразительных источников, которые играют не последнюю роль в системе доказательств. Помимо фиксации события, они обладают огромной эмоциональной силой, нисколько в этом смысле не уступающей материалам личного происхождения. Так случилось и в этот раз. Обращает на себя внимание широкое использование репродукций графических работ И. А. Владимирова, которого по праву называют художественным летописцем революции». Более того, И. В. Поткина полагает, что для полноты картины можно было бы обратиться к рисункам других художников, а также фронтовых корреспондентов. Мысль интересная, но в нашем контексте неисполнимая. В книге 99 иллюстраций, в большинстве цветных. Увеличение их числа могло превратить монографию в альбом и чрезвычайно удорожило бы книгу.

С некоторой тревогой ждал реакции на развенчание лакированного

образа «авангарда революции» — пролетариата. Публикация моей статьи о рабочих в американском журнале «Kritika» была встречена прохладно — в американской историографии с некоторых пор считается как бы неполиткорректным давать критические оценки социальным группам, находящимся в низшем классе (Mironov 2017a: 351–370; 2017b: 401–415). Возражений со стороны отечественных коллег на мои статьи о рабочих не встречал. Участники настоящей дискуссии поддержали меня, и наиболее ясно и определенно И. В. Поткина: «Глава (о рабочих. — Б. М.) настолько фундирована источниками, что даже противников нового взгляда на “застрельщика революции” должна заставить если не пересмотреть, то хотя бы задуматься над политически ангажированной и широко растиражированной точкой зрения советских историков российского пролетариата».

И. В. Поткина в принципе положительно воспринимает мою попытку оценить ориентировочно долю населения, подготовленного к проведению буржуазно-демографических реформ, по проценту людей, вовлеченных в демографический переход. Однако она «не уверена в том, что необходимо давать точную цифру, в любом случае это будет только экспертная оценка». Согласен, что моя оценка «умозрительна», поэтому долго сомневался, прежде чем ее обнародовать. Но все-таки решился ради чистоты моего стиля — давать по возможности всему количественные оценки. Но оговорил, что «это, вероятно, преувеличенная оценка, максимум максиморум», другими словами, к преобразованиям готовы

менее 14% населения. В таком виде это выглядит не точной цифрой, а пределом сверху. Диспутант также считает, что в отношении демографического поведения «вряд ли исторически оправданно проводить жесткие границы по этно-конфессиональному и культурно-образовательному признаку», потому что «не все высокообразованные люди или не все протестанты, англикане, католики или иудеи жаждали кардинальных перемен в общественно-политической сфере». Безусловно, не все. Однако значительная часть людей данных конфессий хотели преобразований, а большинство православных и мусульман не хотели, хотя среди последних встречались и жаждавшие реформ. Аналогичным образом обстоит дело с образованными и необразованными. Поведение людей в любых вопросах, даже экзистенциальных, является вероятностным. Например, некоторые стремятся к смерти или не хотят быть сытыми или любимыми вопреки инстинкту. Несмотря на это, мы не говорим, что люди предпочитают умирать или быть голодными и нелюбимыми. Как показывает математико-статистический анализ, в России позднеимперского периода демографические процессы находились в тесной корреляционной связи с конфессиональными и образовательными показателями населения. Поэтому в данном конкретном случае проведение конфессиональных и образовательных границ мне представляется оправданным, при условии признания таких границ вероятностными.

Совершенно согласен с И. В. Поткиной, что моим «серьезным упу-

щением является полное забвение монографии В.И. Бовыкина». Размышляя об этой досадной оплошности, полагаю, что причиной этого послужило застрявшее в моей памяти на бессознательном уровне его активное участие в 1970-е гг. в критике «нового направления» в советской экономической истории.

И.В. Поткина находит весьма категоричным мое утверждение: «Цивилизационная уникальность России в смысле неких культурно-национальных черт, не поддающихся влиянию времени, на мой взгляд, миф». Она думает, что нельзя игнорировать «уникальную культурно-историческую традицию России», которая находит яркое проявление в религии, народном песенном творчестве, академической музыке, литературе, иконописи, живописи и т.д.». Полагаю, что на самом деле между нами нет разногласия: мы говорим о разных вещах. Я — о том, что культурно-национальные особенности поддаются влиянию времени, т.к. *генетически не наследуются*. А оппонент — о том, что русская культура имеет своеобразие, передающееся *от поколения к поколению в ходе социализации*. Современная наука утверждает, что приобретенные признаки: черты характера, привычки, наклонности, традиции — не закрепляются в генах и не передаются по наследству. Все это составные части модели поведения, которые человек перенимает в ходе социализации от родителей и окружения. Моя категоричность объясняется тем, что в последнее время получила распространение идея о том, что особенности национального характера закреплены **генетически**. Некоторые современные

авторы относят русских к низшим социальным организмам, **генетически** не способным к развитию и решению проблем модернизации. «Массовый человек России не только XIX–XX вв., но и начала XXI столетия, с доминантой традиционного (мифологизированного) сознания, нуждался и нуждается в культе личности вождя. У русских сохраняется генетически обусловленное неприятие властной элиты. Оно сопряжено с исторически возникшим еще у праславян, сохраняющимся, по сути архаичным, латентным стремлением обрести волю, а не свободу» (*Кожурин 2007: 167, 169–171*).

Уже немало лет в своих исследованиях **А.Б. Лярский** использует когнитивистско-антропологический подход, отдавая предпочтение качественным, а не количественным методикам. Проблема детского суицида в России в конце XIX — начале XX в. занимает особое место в его творчестве (*Лярский 2010; 2017*). Эта проблема дала ему благоприятную возможность для проверки вывода о противоречивом воздействии модернизации на сознание и поведение людей. В его комментарии основное внимание уделяется влиянию образовательных стратегий, характерных для поздней имперской эпохи. В результате исследования он согласился с моим выводом о противоречивом и травматическом влиянии модернизации: «Она не убирает, а обостряет и усиливает архаичные элементы жизни, иногда придает им новый импульс, и только при подобном усилении архаика проявляется, становится не сама собой разумеющейся и может быть преодолена». Кажется, образование должно нести

свет и надежду всем людям, и прежде всего представителям непривилегированных слоев. Однако у многих простых людей не было реальной возможности воспользоваться плодами модернизации в сфере образования, что приводило к состоянию фрустрации: в их сердцах поселялись отчаяние, тоска, а кроме того, зависть к тем, кто такую возможность имел. Но последним, в свою очередь, стоило огромного труда и здоровья подняться хотя бы до уровня среднего образования. К тому же культурный разрыв, возникавший между родителями и образованными детьми, часто провоцировал внутрисемейный межпоколенный конфликт. А контраст между надеждами и реальностью, окружающей учащихся, порождал сильные противоречия также и внутри отдельной личности, что нередко приводило к самоубийству. Именно крестьянские дети дали основной прирост числа суицидов во время так называемой эпидемии самоубийств среди учащихся в 1907–1913 гг.

А. Б. Лярский обнаружил, что модернизация проявляется не столько в виде усвоения идей, сколько в виде «неотрефлексированных рутинизированных практик, которые постепенно расширяют сферу своего воздействия, превращая в норму то, что ранее казалось экзотикой». Это очень важное наблюдение, потому что еще в 1897 г. 70% населения империи в возрасте 9 лет и старше было неграмотным. Однако диспутант распространяет данное наблюдение и на те сферы жизни, где переменны в практиках могут происходить в результате изменений в менталитете и мировоззрении. Например, ему кажется, что демографическая

модернизация России происходила менее сознательно и более стихийно, чем представлено в книге. Люди начинали ограничивать рождаемость не потому, что стали более рациональными, а благодаря «доступности, простоте и удобству использования» противозачаточных средств. А. Б. Лярский смотрит на ограничение рождаемости с точки зрения современного светски образованного человека — как на обычный механический акт. Но в конце XIX — начале XX в. простой народ (примерно 95% населения страны) считал использование любых средств, направленных против деторождения, незамолимым грехом. Господствующая культура, церковь и закон относились к практике регулирования рождаемости как к запретному, греховному, а в некоторых случаях и преступному (например, в отношении аборта) отклонению от общепринятого и общепризнанного поведения. Непросто было решиться женщине на подобный поступок. В такой ситуации решение об ограничении рождаемости, конечно, должно было быть отрефлексированным. Жаль, что я не упомянул об этом в обсуждаемой книге, хотя писал в других работах (см., например: *Мионов* 2018а: 553–561; 2018б: 185–190).

Есть расхождения с А. Б. Лярским еще по двум вопросам. Он полагает, что уровень культуры не оказывает влияние на подверженность пропаганде и пиару. Однако психологи и специалисты пиара думают по-другому. Они экспериментально установили, что мера внушаемости у каждого человека разная и зависит от различных ситуативных и личностных факторов. В числе

последних — когнитивное развитие: индивиды с невысоким уровнем интеллекта, слабо развитым концептуальным мышлением и медлительностью мыслительных процессов обладают повышенной внушаемостью. В настоящее время «высшее образование не является панацеей от воздействия PR» вследствие, с одной стороны, чрезвычайного развития технологий манипуляции, с другой — готовности значительной части образованной молодежи (между прочим, более податливой манипуляции сравнительно со взрослыми) к восприятию определенных идей (*Кара-Мурза* 2007: 40–41, 127–128). Как писал А. С. Пушкин: «Ах, обмануть меня не трудно!.. // Я сам обманываться рад!»

А. Б. Лярскому также кажется, что я преувеличиваю роль PR в революционном движении. Невозможно количественно оценить роль пиара и других факторов в происхождении революции, и я не утверждаю, что пиар был главным. Думаю, однако, что его значение было бóльшим, чем обычно ему приписывается. Вспомним, о чем мечтали революционеры — о газете как коллективном пропагандисте, коллективном агитаторе и коллективном организаторе. Сколько сил и средств тратила оппозиция и правящий режим на пропаганду и агитацию, на издание брошюр и листовок, газет и журналов и на другие пиаровские мероприятия! Сильно сомневаюсь, что все это делалось впустую и без всяких значительных результатов.

Л. М. Артамонова умеет читать научные тексты медленно и внимательно, не пропуская деталей, как читает

опытный и умный детектив следы, оставленные преступником или жертвой. Современные читатели эту способность постепенно утрачивают под давлением гигантской информации, которая на них обрушивается.

Внимание Л. М. Артамоновой сосредоточилось на главе о демографической модернизации. В частности, она нашла правильное объяснение обнаруженному мной факту: попечительские обследования 1915–1916 гг. среди семей столичных нижних воинских чинов показали сенсационное по тем временам количество внебрачных семей — 10% от общего числа семей. Я объяснил это широким распространением к тому времени гражданских браков, особенно в столице, где изменения брачной модели были более распространены и заметны, а также огромной концентрацией военнослужащих, обусловленной идущей войной. Артамонова справедливо отметила, что при объяснении данного факта необходимо принять во внимание «Положение о признании нижних воинских чинов и их семейств 1912 г.», которое ввело в правовое поле систему помощи семьям лиц, призванных на военную службу. Положение ликвидировало пренебрежительное отношение к членам гражданских семей, грозившее подорвать моральный и боевой дух армии. Поскольку в относительных цифрах данные о распространении гражданских браков среди военнослужащих в Петербурге и провинциальных тыловых городах сопоставимы, то очевидно, что дело состояло не в специфике милитаризированной столицы. Артамонова обнаружила, что в условиях войны «Положение...» вызвало рост общественной активности

женщин в силу того, что предоставление помощи имело заявительный характер, а в составе попечительств преобладали женщины-волонтеры. Она установила, что активность женщин в годы Первой мировой войны стала продолжением той большой общественной работы, которую они проводили в 1912–1913 гг. во время войны на Балканах (Артамонова 2013: 12–15) и во время борьбы с последствиями неурожая 1911–1912 гг. (Артамонова 2016: 899–907). На основе приведенных данных Артамонова пришла к следующим выводам: 1) изменения в демографическом поведении, семейных устоях, социальной активности женщин действительно отражали ход имперской модернизации; 2) вовлеченные в эти процессы люди становились менее зависимыми от традиций, более способными откликнуться на призывы к реформированию общества, активно включались в общественную работу; 3) при всей приблизительности количественная оценка числа таких людей интересна как показатель наличия и глубины модернизации. Стоит заметить, что Л. М. Артамонова, подобно И. В. Поткиной, поддержала мои выводы после их верификации на основе собственного исследования. Аналогичным образом она согласилась и с моей характеристикой российского пролетариата.

Большой удачей для круглого стола, посвященного книге, имеющей прямое отношение к культурологии и исторической психологии, является участие в нем **В. А. Шкуратова** — историка по образованию, культуролога и психолога по призванию и научной деятельности. Он основатель российской школы исторической

психологии, которую понимает как изучение психологического склада отдельных исторических эпох, а также изменений психики и личности человека в истории (Шкуратов 1990; 1997; 2005; 2006; 2009; 2011; 2015). Я удовлетворен, что с основными выводами, хотя и с некоторыми оговорками, В. А. Шкуратов согласен. Вместе с тем он высказал ряд интересных соображений и замечаний.

Диспутант полагает, что «исторический оптимизм» и «стойкий прогрессизм» вплоть до настоящего времени «в эру неопределенностей и пересмотра ценностей не может отменить кризисного состояния классической доктрины модернизации». В принципе он прав. Объяснительная роль теории модернизации при изучении постмодернистских обществ действительно невысока, что совершенно естественно — она создана для анализа трансформации традиционных обществ в современные. Однако Россия во второй половине XX — начале XXI в. в некоторых аспектах еще не превратилась даже в общество модерна, поэтому актуальность теории для нее не совсем иссякла. О моральном износе теории можно определенно говорить применительно к современным постиндустриальным информационным обществам или к современным так называемым развивающимся странам Африки, Ближнего и Дальнего Востока или Латинской Америки. Потому что первые решили задачи модернизации и перешли на новый уровень, а вторые не являются ранними версиями современных обществ.

Нарисованный в книге портрет российского пролетариата заставил

В.А. Шкуратова усомниться в «необусловленности переворота» 1917 г. Действительно, российская модернизация во второй половине XIX — начале XX в. вырастила специфический пролетариат — «социально и психологически нездоровую массу народонаселения, агрессивную и готовую в любой момент взорваться». Однако на начало 1917 г. промышленных рабочих насчитывало около 3 млн, или около 4% всего самодеятельного населения 50 губерний Европейской России. В масштабе империи доля пролетариев была еще меньше. Массы социально здоровых крестьян сдерживали их агрессию. Но под влиянием войны к пролетариям присоединились 15 млн солдат, благодаря чему они превратились в мощную силу (Миронов 2019: 160).

В.А. Шкуратов резонно замечает, что пролетариат не являлся однородной массой, необходимо учитывать его разнообразие, желательно в сопоставлении с рабочим движением главных капиталистических стран. С таким замечанием не поспоришь. Однако об этом в монографии говорится, может быть, лаконичнее, чем хотелось (Миронов 2019: 202–209, 217–231, 244–247).

По мнению В.А. Шкуратова, слишком прямолинейно звучит мысль: если человек не имеет среднего или высшего образования, то путь «в сокровищницу партийной мысли ему заказан». Он считает, что необразованные пролетарии по своим когнитивным способностям были в состоянии усвоить программу-минимум РСДРП, ввиду чего могли сознательно участвовать в февральских событиях. Что касается про-

граммы-максимум, то вожди партии сами ее представляли смутно. Сильно сомневаюсь, что четыре основных пункта программы-минимум — свержение самодержавия и установление демократической республики; всеобщее избирательное право и демократические свободы; широкое местное самоуправление; право наций на самоопределение — рабочие понимали адекватно. Даже близкий им пункт о решении крестьянского и рабочего вопросов они трактовали весьма разнообразно и далеко не так, как хотелось их лидерам (Там же: 244–245). Кроме того, я не отрицаю наличие «передовых рабочих», «рабочих-интеллигентов», профессиональных революционеров из пролетариев, но их насчитывалось единицы. Наконец, подробно рассматриваю историю крепостного Ф.Д. Бобкова как раз для того, чтобы продемонстрировать, что самообразование могло заменить гимназию. В советский период таких индивидуумов насчитывалось миллионы, но до 1917 г. — единицы.

Согласен с В.А. Шкуратовым в том, что междисциплинарный подход расширяет исследовательские возможности и кругозор ученого, но не превращает его «в знатока всяческих наук». По моим наблюдениям, междисциплинарность нередко порождает дилетантизм, причем особенно ярко это проявляется у тех, кто приходит в историографию из точных и в меньшей степени из естественных наук.

Отсутствие разделов об интеллигенции и бюрократии — «этих постановщиках исторического процесса в России» — справедливо воспринимается В.А. Шкуратовым как пробел

книги. Но критик великодушно дает мне индульгенцию — «трудно объять необъятное».

Не могу не согласиться и с тем, что при интерпретации этнографического материала Бюро В. Н. Тенишева желательно было учесть, что приводимые корреспондентами факты даны сквозь призму просветительских установок образованных людей. Но все же сомневаюсь, что эти установки исказили характер когнитивных процессов у крестьян.

Замечания о применении в историческом исследовании схемы стадий интеллектуального развития Ж. Пиаже справедливы, о них в книге упоминается. Однако схема Пиаже остается влиятельной в психологической науке. К тому же серьезный пробел данной концепции (она не объясняет, как развивается интеллект после достижения стадии формальных операций) в моем исследовании не имеет значения — нам достаточно знания о первых четырех стадиях.

В. А. Шкуратову кажется, что «ключительные выводы книги входят в когнитивный диссонанс с ее оптимистическим посылом: потенциал революции закладывается турбулентностью социальных процессов и быстротой изменений на фоне инерционного состояния затронутой сдвигами человеческой массы и нетерпения пророков будущего». Когнитивный диссонанс — не критерий истины, но нередко указывает на свежесть мысли, его вызвавшей. Утверждение, что успешная модернизация ведет к революции, звучит непривычно и потому вызывает психи-

ческий дискомфорт. Если принять, что революция — побочный продукт успешной модернизации, дискомфорт исчезнет.

По мысли В. А. Шкуратова, «выводы книги служат оправданию консерватизма нынешнего политического курса и суммируют не только исторические уроки трехвековой российской модернизации, но и опасения от последствий быстрой смены правления». Думаю, это зависит от умонастроения читателя — каждый ищет и находит в книге то, что не вызывает у него когнитивного диссонанса, а то, что диссонанс вызывает, пропускает или переосмысливает на свой лад. В книге, например, есть и такие строки, которые можно понять как призыв к действию: «Традиция сильного дирижизма ослабнет тогда, когда общая и политическая культура населения достигнет высокого уровня, а гражданское общество станет сильным. Мера и степень вмешательства государства в жизнь людей обратно пропорциональна мощи гражданского общества. ...Недостаток общественной активности по необходимости замещается деятельностью агентов государства, а власть общества — властью государственных структур. Но здесь возникает опасность, которую мало кому удается избежать, — любая общественная или государственная организация в отсутствие всестороннего контроля со стороны граждан неумолимо, в соответствии с “железным законом олигархии” Р. Михельса, превращается в неповоротливую корумпированную машину, обслуживающую интересы узкого круга лиц, забывающих о народе и его нуждах. Чрезмерная мощь государства в ко-

нечном счете становится причиной упадка и разложения как его самого, так и общества, которым оно руководит» (Миронов 2019: 30). В монографии «Российская империя» об этом написано много больше, потому я не стал повторяться. «Российская интеллигенция проявила феноменальную общественную активность. Несмотря на свою малочисленность, она сыграла огромную позитивную роль в модернизации страны. И если бы радикальное крыло интеллигенции не поддержало террор, баррикады и революцию, этот вклад был бы еще больше и позитивнее» (Миронов 2018в: 720, 732–739).

Подведу итоги сказанному.

Прошедшее обсуждение книги я оцениваю как принципиальное одобрение моей концепции модернизации и революции. Сделанные замечания указывают, что проблема модернизации и революции не исчерпана и требует продолжения исследований и дальнейшего обсуждения. Каждое выступление на круглом столе можно считать этюдом исторического оптимизма, потому что оно укрепляет оптимистическую концепцию российской модернизации.

В заключение выражу глубокую благодарность всем участникам и коллегам журнала «Историческая экспертиза» за предоставленную возможность обсудить мою книгу. Обсудить без всякого давления на авторов и без всяких ограничений на аргументацию за или против. Это создало благоприятную, доброжелательную обстановку для дискуссии. Участники проявили редкую в наше время лояльность к другому мне-

нию, не соревновались в критицизме и оскорблениях (Миронов 2014). Автору обсуждаемой книги не пришлось опасаться, что каждое новое выступление изменит тональность дискуссии, переведет ее в пространство неакадемического спора. Именно такой стиль обсуждения способствует взаимопониманию, помогает участникам и автору прислушаться к чужому мнению и идти навстречу друг другу. Вряд ли ошибусь, если предположу, что С. Е. Эрлих, научный руководитель «Исторической экспертизы», является главным «виновником» подобного стиля работы круглого стола.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Артамонова 2013 — *Артамонова Л. М.* Организация в Самарской губернии помощи жертвам войны 1912–1913 годов на Балканах // Наука и культура России. 2013. Т. 1. С. 12–15.

Кара-Мурза 2007 — *Кара-Мурза С. Г.* Власть манипуляции. М.: Академический проект, 2007. 380 с.

Кожурин 2007 — *Кожурин Ю. Ф.* Модернизация и индустриализация России в контексте цивилизационного и стадийного подхода // Индустриальное наследие: материалы III Международ. науч. конф. (г. Выкса, 28 июня — 1 июля 2007 г.) / [редкол.: В. А. Виноградов, отв. ред. и др.]. Саранск: Изд. центр Историко-социологического ин-та, 2007. С. 183–197.

Лярский 2010 — *Лярский А. Б.* Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX–XX веков. СПб.: МИЭП, 2010. 383 с.

Лярский 2017 — *Лярский А. Б.* «Простите, дорогие папа и мама»: родители, дети и борьба с подростковыми самоубийствами в России конца XIX — начала XX века. СПб.: Крига: Победа, 2017. 599 с.

Мионов 2004 — Мионов Б.Н. Социология и историческая социология: взгляд историка // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 55–62.

Мионов 2014 — Мионов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. 2-е изд. М.: Весь мир, 2014. 336 с.

Мионов 2018а — Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 1. 896 с.

Мионов 2018б — Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 2. 912 с.

Мионов 2018в — Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 3. 992 с.

Мионов 2019 — Мионов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 528 с.

Морозова, Поткина 1998 — Морозова Т.П., Поткина И.В. Савва Морозов. М.: Русская книга, 1998. 205 с.

Поткина 1994 — Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России: Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М.: ИРИ, 1994. 231 с.

Поткина 2004 — Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М.: Главархив Москвы, 2004. 384 с.

Поткина 2009 — Поткина И.В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России, XIX — первая четверть XX в. М.: НОРМА, 2009. 302 с.

Поткина, Селунская 1990 — Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (в прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194–207.

Травин 2015 — Травин Д.Я. Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2015. 293 с.

Травин 2018 — Травин Д.Я. «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2018. 221 с.

Травин, Маргария 2004 — Травин Д., Маргария О. Европейская модернизация: в 2 кн. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. 665 с.; 572 с.

Шкуратов 1990 — Шкуратов В.А. Психика. Культура. История (Введение в теоретико-методологические основы исторической психологии). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1990. 251 с.

Шкуратов 1997 — Шкуратов В.А. Историческая психология. Изд. 2-е, расшир. М.: Смысл, 1997. 505 с.

Шкуратов 2005 — Шкуратов В.А. Интеллигенция в проекте современности // Логос. 2005. № 6 (51). С. 243–252.

Шкуратов 2006 — Шкуратов В.А. Искусство экономной смерти: (Сотворение видеомира). Ростов н/Д.: Наррадигма, 2006. 399 с.

Шкуратов 2009 — Шкуратов В.А. Новая историческая психология. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2009. 206 с.

Шкуратов 2011 — Шкуратов В.А. Психология в истории культуры и познания. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2011. 267 с.

Шкуратов 2015 — Шкуратов В.А. Историческая психология. Изд. 3-е, расшир. Книга первая: Введение в историческую психологию. М.: КРЕДО, 2015. 243 с.

Artamonova 2016 — Artamonova L. M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41–1 (3). С. 899–907.

Mironov 2017a — Mironov B. N. Cannon Fodder for the Revolution: The Russian Proletariat in 1917 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 18, no. 2 (Spring 2017). P. 351–370.

Mironov 2017b — Mironov B.N. The Workers Question and Revolutionary Gamesmanship in 1917 // *Kritika: Explorations in*

Russian and Eurasian History. Vol. 18, no. 2 (Spring 2017). P. 401–415.

ETUDES OF HISTORICAL OPTIMISM

Mironov Boris N. — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Key words: Imperial Russia, modernization, revolution, World War I, historical optimists and pessimists.

Abstract. B.N. Mironov, author of the book “Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia” discussed at the round table of the journal “Istoricheskaia ekspertiza”, comments on the participants’ speeches, answers their questions, criticism and suggestions.

REFERENCES

Artamonova L.M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society. *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal*, 2016, no. 41–1 (3), pp. 899–907.

Artamonova L.M. Organizatsiia v Samar-skoi gubernii pomoshchi zhertvam voiny 1912–1913 godov na Balkanakh. *Nauka i kul'tura Rossii*. 2013. Vol. 1. Pp. 12–15.

Kara-Murza S.G. *Vlast' manipuliatsii*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2007. 380 p.

Kozhurin Iu.F. Modernizatsiia i industrializatsiia Rossii v kontekste tsivilizatsionnogo i stadial'nogo podkhoda. *Industrial'noe nasledie: materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Vyksa, 28 iunია — 1 iulia 2007 g.)*. Saransk: Izdatel'skii tsentr Istoriko-sotsiologicheskogo instituta, 2007, pp. 183–197.

Liarskii A.B. “Prostitute, dorie papa i mama”: roditeli, deti i bor'ba s podrozkocnymi samoubiistvami v Rossii kontsa XIX — nachala XX veka. St. Petersburg: Kruga: Pobeda, 2017. 599 p.

Liarskii A.B. *Samoubiistva uchashchikhsia kak fenomen sistemy sotsializatsii v Rossii*

na rubezhe XIX–XX vekov. St. Petersburg: MIEP, 2010. 383 p.

Mironov B.N. Cannon Fodder for the Revolution: The Russian Proletariat in 1917. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 18, no. 2 (Spring 2017), pp. 351–370.

Mironov B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 1. 896 p.

Mironov B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 2. 912 p.

Mironov B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. Vol. 3. 992 p.

Mironov B.N. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2019. 528 p.

Mironov B.N. Sotsiologii i istoricheskaia sotsiologii: vzglyad istorika. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2004, no. 10, pp. 55–62.

Mironov B.N. *Strasti po revoliutsii: Nravny v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii*. 2-e izd. Moscow: Ves' mir, 2014. 336 p.

Mironov B.N. The Workers Question and Revolutionary Gamesmanship in 1917.

- Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 18, no. 2 (Spring 2017), pp. 401–415.
- Morozova. T.P., Potkina. I.V. *Savva Morozov*. Moscow: Russkaia kniga, 1998. 205 p.
- Potkina I.V. *Industrial'noe razvitie dorevolutsionnoi Rossii: Kontseptsii, problemy, diskussii v amerikanskoj i angliiskoi istoriografii*. Moscow: IRI, 1994. 231 p.
- Potkina I.V. *Na Olimpe delovogo uspekha: Nikol'skaia manufaktura Morozovykh, 1797–1917*. Moscow: Glavarkhiv Moskvy, 2004. 384 p.
- Potkina I.V. *Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoi deiatel'nosti v Rossii, XIX – pervaja chetvert' XX v.* Moscow: NORMA, 2009. 302 p.
- Potkina I. V., Selunskaja N. B. Rossiia i modernizatsiia (v prochtenii zapadnykh uchenykh). *Istoriia SSSR*, 1990, no. 4, pp. 194–207.
- Shkuratov V.A. *Intelligentsiia v proekte sovremennosti*. *Logos*, 2005, no. 6 (51), pp. 243–252.
- Shkuratov V.A. *Iskusstvo ekonomnoi smerti: (Sotvorenii videomira)*. Rostov n/D.: Narradigma, 2006. 399 p.
- Shkuratov V.A. *Istoricheskaia psikhologiia*. Izd. 2-e, rasshir. Moscow: Smysl, 1997. 505 p.
- Shkuratov V.A. *Istoricheskaia psikhologiia*. Izd. 3-e, rasshir. *Kniga pervaiia: Vvedenie v istoricheskuiu psikhologiu*. Moscow: KREDO, 2015. 243 p.
- Shkuratov V.A. *Novaiia istoricheskaia psikhologiia*. Rostov n/D.: Izd-vo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, 2009. 206 p.
- Shkuratov V.A. *Psikhika. Kul'tura. Istoriia (Vvedenie v teoretiko-metodologicheskie osnovy istoricheskoi psikhologii)*. Rostov n/D.: Izd-vo Rost. un-ta, 1990. 251 p.
- Shkuratov V.A. *Psikhologiia v istorii kul'tury i poznaniia*. Rostov n/D.: Izd-vo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, 2011. 267 p.
- Travin D.Ia. *“Osobyi put” Rossii: ot Dostoevskogo do Konchalovskogo*. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018. 221 p.
- Travin D.Ia. *Krutye gorki XXI veka: postmodernizatsiia i problemy Rossii*. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015. 293 p.
- Travin D., Margariia O. *Evropeiskaia modernizatsiia: v 2 kn.* Moscow: AST; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2004. 665 p., 572 p.

Д. В. Панченко

ПЕРЕЧИТЫВАЯ МАКСА ВЕБЕРА

Ключевые слова: Макс Вебер, античная цивилизация, аграрная история, протестантская этика.

Аннотация. Выдающееся значение научного наследия Макса Вебера связано с его оригинальностью и глубиной постановок проблем, универсальным историческим кругозором, исключительной эрудицией, относящейся и к самому предмету исследования, и к релевантной научной литературе. Вместе с тем добродетели историка — ясность и яркость письма, последовательная разработка выбранной темы, способность вживаться в характер и обстоятельства исторических персонажей — ему менее свойственны. Макс Вебер брался за трудноразрешимые проблемы и рано ушел из жизни. Его наследие в известном смысле предстает как великое начинание, не доведенное до конца.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-377-382

Сто лет назад, 14 июня 1920 г., предыдущая пандемия вырвала из жизни Макса Вебера; ему было пятьдесят четыре. Вышло так, что преподавательские обязанности и собственные интересы побудили меня недавно перечитать или перелистать несколько его работ. Поделюсь впечатлениями — устоявшимися и новыми.

Не помню, что и когда побудило меня начать читать Макса Вебера (в университетской программе, по которой меня учили в 1970-е, его не было); помню лишь, что «Протестантскую этику» и некоторые другие его сочинения

я прочитал еще до прихода гласности и перестройки. Макс Вебер поразил и продолжает поражать меня нетривиальностью своих идей и подходов. К чему бы он ни обращался, нет ничего более чуждого его манере, чем общие места, расхожие пути, движение по накатанным рельсам. Да и зачем все это тому, кто много знает и напряженно думает? Макс Вебер — мыслитель и человек невероятной начитанности в крупном и малом, и этим вызывает чувство преклонения.

И вместе с тем при чтении его сочинений к моему почтительному

© Д. В. Панченко, 2020

Панченко Дмитрий Вадимович — кандидат исторических наук; доцент кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук СПбГУ и Департамента истории Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге; panchenko.dmitri@gmail.com

изумлению регулярно примешивается чувство некоторой досады. Ни одной прочитанной мной работы Макса Вебера я не решусь назвать образцовой.

Возьмем раннюю — «Социальные причины падения античной культуры» (1896). Здесь, конечно же, полно всего интересного, а рассуждение выстроено ясно и движется энергично. Ключевым фактором в построении Вебера выступает судьба казарменного рабства, применявшегося в крупном землевладении начиная с поздней республики. «Казармы требовали постоянного подвоза рабов, они не могли пополняться изнутри. Они должны были пасть, лишь только подвоз надолго приостановился». Они и пали, когда империя исчерпала свои возможности к захватническим войнам. Хозяйство крупного землевладельца эволюционировало в сторону типа, аналогичного средневековому помещичьему двору. Однако «производить для сбыта при помощи крепостного труда в условиях обмена древнего времени было немислимо. Для производства на сбыт необходимым условием была тогда дисциплинированная казарма». Большие имения сосредотачиваются на покрытии собственных потребностей; они порывают связь с городским рынком. «В соответствии с этим масса средних и маленьких городов все более и более теряют почву, питающую их хозяйственную жизнь, лишаясь обмена труда и продуктов с окрестными поместьями. Поэтому и приходят в упадок города... С упадком городов и обмена и с возвращением к натуральному хозяйству для страны все более и более утрачивалась возможность добиться по-

вышения денежных налогов. А при недостатке рабочих рук, вызванном исчезновением рынка рабов, набор рекрутов из колонов [т.е. зависимых арендаторов] был для поместий разорительной повинностью, от которой они старались всеми силами отделаться». Соответственно войско все больше набиралось из варваров, что ослабляло оборону империи, тогда как замученное поборами население было зачастую безразлично к ее защите. «Распад империи был необходимым политическим следствием постепенного прекращения обмена и постепенного развития натурального хозяйства», — заключает Вебер и дарит нам эффектную фразу: «С прекращением обмена рухнули блиставшие мрамором античные города и вместе с ними все заключавшиеся в них духовные богатства, искусство и литература, наука и изощренное античное торговое право».

Первое впечатление от статьи восхитительное: шаг за шагом тебя привели к новому и убедительному знанию. Правда, автор не объяснил, почему Римская империя оказалась неспособной к дальнейшим завоеваниям, но он и не обязан был этого делать. Пожалуй, жаль, что остался без рассмотрения вопрос о том, почему нельзя было поддерживать работорговлю без войн, как с этим превосходно справлялись мусульмане и христиане в Африке, но и это не принципиально. Стоило, конечно, взвесить роль «кризиса III века» в упадке обмена и движения в сторону натурального хозяйства, но учет относящихся сюда исторических обстоятельств нетрудно совместить с идеями автора (в другой работе Макс Вебер отмечает, что достигшие

тогда неимоверных размеров выплаты и дары всемогущему войску привели к государственному банкротству, а с ним — к длившемуся целые поколения разрушению денежного хозяйства). Разочарование наступает, когда обращаешься к ключевому звену в построении: «Для производства на сбыт необходимым условием была тогда дисциплинированная казарма»; если это не так, то все оригинальное в рассуждении Вебера рассыпается. О том, что это ключевое звено — постулат, т.е. положение, принятое без доказательств и обоснований, — автор умалчивает. Тринадцать лет спустя, в «Аграрной истории древнего мира» (1909), Вебер в подходящем месте коротко замечает, что прежде придавал условиям рабского рынка слишком большое значение, но все же не следует их недооценивать.

Что же, с последним утверждением трудно спорить. И в «Аграрной истории» таких утверждений множество. Некоторые поразительны. Например, выясняется, что Вебер правильно представлял себе хозяйственно-политическое устройство микенского государства за полвека до расшифровки происходящих из микенских центров документов! В этой статье (объемом с книгу) читатель сплошь и рядом имеет дело с глубокими мыслями и меткими наблюдениями, с интереснейшими сопоставлениями, охватывающими отдаленные эпохи и регионы, но вот вопрос: действительно ли мы получили аграрную историю древнего мира или же скорее относящийся к ее разработке свод ценных соображений? И еще: Вебер по духу — социолог, а не историк: ему не хватает эмпатии.

Например, он утверждает (не первым и не последним), что Тиберий Гракх как реформатор стремился к восстановлению старых основ военного строя, ставя интересы крестьянства на службу своим целям. Но это психологически несовместимо с личностью Тиберия и дошедшими до нас отголосками его знаменитых речей: «И дикие звери в Италии имеют свои норы, у каждого есть свое место и пристанище, а у тех, кто сражается и умирает за Италию, нет ничего, кроме воздуха и света, бездомными скитальцами бродят они по стране вместе с женами и детьми». При этом Вебер упускает из виду (опять же не первым и не последним), что аграрный закон, предложенный Тиберием, хотя и восстанавливал старые основы комплектации римской армии, не решал новую и весьма существенную проблему — нежелание рядовых граждан нести многолетнюю службу в затяжных заморских войнах. Причем невнимание к этой проблеме привело Макс Вебера к фактической ошибке: доверяясь своей логике, а не свидетельствам, он заявляет, что военная реформа Мария, допустившая на службу добровольцев из неимущих граждан, была введена ввиду угрозы нашествия германцев на Италию; на деле это произошло раньше, когда Марий формировал войско для войны в Африке, зная, сколь недовольны службой тамошние ветераны. Опять же как социолог Макс Вебер пронизательно усматривает интересы римских торговцев и откупщиков за разрушением в 146 г. до н.э. Карфагена и Коринфа. В этом есть свой резон, однако историк не отказал бы себе в удовольствии вспомнить сакральную фразу влиятельнейшего

сенатора Катона Старшего: «Карфаген должен быть разрушен!»; историк уделил бы большее внимание тому обстоятельству, что решение о разрушении Карфагена и Коринфа принимали не торговцы и откупщики, а сенат, и свою проницательность он употребил бы в направлении, в принципе очень близком автору «Аграрной истории древнего мира»: во II в. до н.э. многие сенаторы, как тот же Катон, стали владельцами латифундий, где в массовом порядке использовался труд рабов, а появление на рынке десятков тысяч (по меньшей мере) рабов из разрушенных городов вело к снижению цены на данный товар; еще в 168 г. до н.э. по распоряжению сената были обращены в рабство 150 000 жителей Эпира.

Самая знаменитая работа Макса Вебера — «Протестантская этика и дух капитализма». О да! Мы думали, капитализм — это о жажде наживы, а оказывается без аскетизма тут никуда. Мы думали, что «скорее верблюд войдет в угольное ушко», но выясняется, что определенные формы христианской религиозности являются существенной предпосылкой современного капитализма. Мы бы и не подозревали, что учение Кальвина о предопределении порождает тип человека, преданного хозяйственной и приобретательской деятельности, а нам объясняют, что беспокойство кальвиниста, обусловленное неведением относительно того, предопределен ли он к спасению, толкает его как можно чаще убеждать в том, что его праведная жизнь и успешный ход его дел являются знаками чаемой им доли. Все это замечательно, как и, скажем, демонстрация того, что та-

кое дух капитализма, посредством наставлений Бенджамина Франклина. Я, правда, с самого начала недоумевал: почему столь проницательный автор проходит мимо того, что деловая этика, основанная на доверии и расчете, не может функционировать, если на дорогах хозяйничают разбойники или вместо них вымогательством занимаются так называемые государственные служащие? Были и другие недоумения, но все они отпали при чтении «Аграрной истории древнего мира». Дело в том, что в этой работе, написанной четыре года спустя после публикации «Протестантской этики», автор развивает — или, скорее, намечает — совсем другие и тоже весьма интересные идеи относительно происхождения капитализма, о которых я здесь скажу только то, что они не влекут за собой ни малейшего упоминания протестантской этики! Становится ясным, что классической работе Макса Вебера был придан статус, на который она не должна претендовать: интересный ответ на закономерный вопрос о том, почему одна религиозная группа (протестанты) систематически выглядит более успешной в капиталистическом мире, чем другая (католики), был превращен в вопрос о происхождении капитализма. Понятно, что главная ответственность тут лежит на интерпретаторах Макса Вебера, но и сам он не высказался с достаточной ясностью.

Что касается влияния этоса особой религиозной группы на ее экономическую деятельность, то параллельный случай экономического успеха старообрядцев указывает, с одной стороны, на оправданность подхода Макса Вебера в принципиальном

плане, но с другой — на чрезмерную оценку им роли учения о предопределении. Доктринальный аспект им переоценен и в целом, и в частности — в том, что касается аскетической составляющей протестантского этоса. Важнее тут, мне кажется, социально-психологические, исторические и организационные аспекты. Ведь чем можно угодить всемогущему христианскому Богу, который в отличие от языческих богов не приемлет жертвоприношений? Лишь неколебимой верой и самоотречением, аскезой. При этом суть реформационного движения была в преодолении раскола на церковь и мирян, так что новая аскеза должна была проявиться не в монашеском уединении, а в обычной жизни и деятельности. Логично, далее, что отказаться от опеки церкви и принять новый религиозный уклад были скорее расположены люди относительно самостоятельные и независимые — и по личному складу, и по характеру своей деятельности. Но при этом ради взаимной поддержки в столь необычном и трудном деле, как и в силу христианских традиций, они повсеместно формировали религиозные общины, хотя на доктринальном уровне это не вытекало ни из принципа *sola fide* (оправдание только верой), ни из учения о предопределении. Причастность к основанной на солидарности небольшой общине, где все знают друг друга, ведет к привычке быть особенно чутким к одобрению и порицанию со стороны других, к установке на самоконтроль и разумное (рациональное) поведение, к культивированию взаимного доверия — словом, к воспитанию и поддержанию особото этоса.

Другой знаменитый труд — «Общество и хозяйство». Уместно вспомнить, что такая книга Максом Вебером не была написана: она составлена после его смерти. Чтение великих книг должно доставлять удовольствие — кто скажет, что, открыв «Общество и хозяйство», не мог оторваться? Но равным образом едва ли кто станет отрицать, что этот текст включает кладезь глубоких и интересных мыслей — о типах господства, о бюрократии, о религии, и проч., и проч.

Макс Вебер оставил нам в наследие тысячу пригласительных билетов — возможностей для дальнейшего исследования, дальнейшего интеллектуального рассмотрения. Приведу еще пару примеров: намеченная им антитеза береговой (античной) и континентальной (европейской) культур или вопрос о том, почему формы культурной жизни, отмеченные такими характеристиками, как их рациональность и универсализм, сформировались на Западе и, по-видимому, только на Западе. На последний вопрос, насколько я знаю, никто не дал ответа. Быть может, Макс Вебер порой брался за решение задач, превосходящих человеческие силы. Быть может, поэтому его изложение подчас становится тяжеловесным, рассуждение расплывается, за мыслью следить трудно; быть может, поэтому его наследие в совокупности предстает как великое начинание, не доведенное до конца. В гуманитарных науках вероятность того, что кто-то обустроит и расширит проторенный путь, велика; вероятность того, что кто-то пойдет по намеченному пути, существует; вероятность того, что кто-то

додумает недодуманное другим, близка к нулю. Идеиные конструкции оказываются недодуманными в силу разных причин — в частности, потому что не хватило времени.

Кто знает — не был бы род людской лучше оснащен для понимания своей жизни, если бы пандемия обошла Макса Вебера стороной?

MAX WEBER REVISITED

Panchenko Dmitri V. — Ph.D, Saint Petersburg State University, Associate Professor; Higher School of Economics in Saint Petersburg, Associate Professor (St. Petersburg)

Key words: Max Weber, classical civilization, agrarian history, protestant ethics.

Abstract. The influence and significance of Max Weber derive from his originality of formulating problems, his ability to bring into consideration the phenomena of all historical places and times, his excellent knowledge of both the subject matter he addressed and related scholarly literature. A great sociologist he was not, however, equally strong in respect to the virtues of a historian. His exposition frequently lacks elegance and clarity, his treatment of the chosen subject seems sometimes erratic, he shows no empathy to historical figures. Max Weber addressed most difficult problems, and he lived a rather short life. His legacy looks like a great undertaken left without completion.

М. Ю. Коробко

«С КАЖДЫМ ДНЕМ СТОЛИЦА РОССИИ ХОРОШЕЕТ, МЕНЯЕТСЯ»

Рец.: *Гнилорыбов П.* Москва растет. М.: Б. С. Г.-Пресс, 2019. 95 с.¹

Ключевые слова: краеведение, графомания, история Москвы.

Аннотация. Рассматривается вторая вышедшая в одном и том же издательстве, под почти одним и тем же названием книга Павла Гнилорыбова, снабженная предисловием московского мэра, которая была опубликована заявленным фантастическим тиражом 120 тыс. экземпляров при финансовой поддержке Издательской программы правительства Москвы и распространялась среди учеников начальных школ. В обзоре отмечены наиболее грубые из ошибок, которыми изобилует рецензируемая книга. DOI 10.31754/2409-6105-2020-3-383-393

В 2018 г. на инаугурации С. С. Собянина всем присутствующим дарили толстую книгу на тот момент сотрудника Музея Москвы² и члена Совета Вольного исторического общества³ Павла Гнилорыбова «Москва растет: Книга о Москве, ее прошлом, настоящем и будущем». Я написал на нее рецензию (*Коробко* 2019), где указал,

что безграмотно написанная книга дискредитирует как издательскую программу Правительства Москвы, так и московского мэра. Однако ни автор рецензируемого труда, ни издательство, ни руководители издательской программы критику в свой адрес услышать не захотели и снова наступили на те же грабли. «Москва

© М. Ю. Коробко, 2020

Коробко Михаил Юрьевич — историк, методист Центральной библиотечной системы ЮЗАО г. Москвы; oigu@bk.ru

¹ Автор выражает признательность краеведу, правозащитнику, программисту, председателю правления международного общества «Мемориал» Яну Збигневичу Рачинскому за его замечания, благодаря которым рецензия стала лучше!

² Павел Гнилорыбов числился сотрудником этой институции в качестве «менеджера высшей категории научно-издательского сектора отдела научно-просветительских программ». В настоящий момент он там не работает (URL: t.me/s/Cultras?before=2183).

³ На 24 октября 2020 г. Павел Гнилорыбов уже не является членом Совета, но продолжает оставаться членом ВИО. URL: volistob.ru/users/gnilorybov_p_a.

растет» 2019 г. — это уже вторая книга Гнилорыбова, изданная в издательстве «Б.С.Г.-Пресс», за счет средств Издательской программы Правительства Москвы с заявленным — фантастическим по нынешним временам — тиражом 120 тыс. экземпляров.

В продажу эта книга, скорее всего, не поступала. Во всяком случае, на сайтах книжных магазинов ее следов обнаружить не удалось. Есть свидетельство, что рецензируемое издание вручалось в дар первоклассникам⁴. Это позволяет предположить, что на практике «Москва растет» 2019 г. (видимо, правильнее было бы именовать этот сиквел «Москва растет — 2») выступает в качестве учебного пособия по истории, несмотря на то, что ее название сбивает с толку. Глагол «растет» в настоящем времени настраивает читателя на рассказ о том, «как похорошела Москва при Сергее Семеновиче».

Тираж и название не единственные странности книги, появившейся на свет при поддержке административного ресурса. На ее последней (96-й) странице указана более чем странная аудитория: «В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 0 лет». Упомянутый закон предписывает «обозначение категории информационной продукции знаком информационной продукции и (или) текстовым предупреждением об ограничении распространения информационной продукции среди детей». Согласно требованиям этого закона, обозначение «в виде цифры “0” и знака “плюс”» делается «применительно к катего-

рии информационной продукции для детей, не достигших возраста шести лет» («О защите детей...»). Содержание книги и уже упоминавшийся факт ее раздачи первоклассникам не позволяют считать, что она предназначена «для детей, не достигших возраста шести лет», но иных указаний, на какую возрастную аудиторию рассчитана «Москва растет», обнаружить не удалось. Примечательно, что издание, фактически выступающее в качестве учебной книги, не проходило никакие научно-методические советы и даже не имеет официальных рецензентов (по крайней мере, таковые в книге не указаны). Видимо, все эти совершенно необходимые инстанции с успехом заменило имя мэра в предисловии. Можно предположить, что суровость Федерального закона № 436-ФЗ компенсируется необязательностью его исполнения, разумеется, в случаях, когда книга издается на средства Издательской программы Правительства Москвы.

Ознакомление с предложенным «источником знаний» позволяет увидеть, какую информацию могут из него извлечь «дети старше 0 лет».

Безусловно, для детей писать тяжело и нужно уметь это делать. Книга для школьников, несомненно, должна учитывать возрастной уровень их знаний, навыков и умений. Даже если книга рассчитана «на вырост», она должна принимать во внимание уровень «самого маленького корабля» этой «школьной эскадры». На самом деле автор это обстоятельство в расчет не берет и без всяких раз-

⁴ URL: m.vk.com/wall-143617457_217454?

яснений вводит множество фактов, знакомство с которыми, безусловно, вызовет затруднения у читателя, если этот читатель — первоклассник.

К сожалению, в книге имеется большое количество фактических ошибок и неточных формулировок, масштаб которых обесценивает издание. Вот некоторые из них:

Типичный пример приведения факта без необходимого разъяснения: «К сожалению, в огне [при пожаре Москвы 1812 г.] погибли красивейшие здания и ценности. К примеру, сгорел оригинал известного произведения “Слово о полку Игореве”» (с. 50). Достаточно ли назвать «Слово» «известным произведением», чтобы первоклассник мог понять, насколько большой потерей для русской культуры была утрата его оригинала? Таких упоминаний без пояснений в книге много: «древнее захватывающее место — Сходненский ковш в Тушине» (с. 13; при этом не уточняется, что с 2004 г. «ковш», этот объект, официально именуется Сходненской чашей; формулировку «захватывающее место» мы опустим).

И достаточно ли при упоминании Марины Цветаевой ограничиться лишь словами о том, что ее поэзию изучают в средней и старшей школе (с. 16)?

Согласно автору, «на территории Москвы люди селились и до того, как возник город. Курганы древних вятичей сохранились в районе Теплового Стана или Конькова. Недалеко от Коломенского было село Дьяково — тут сохранились старинные церкви» (с. 12). На самом деле вятские курганы в черте современ-

ной Москвы не исчерпываются территорией ландшафтного заказника «Теплый Стан». В селе Дьяково сохранилась одна старинная церковь, которая относится к XVI в., т.е. ко времени, когда Москва существовала уже несколько веков (Памятники архитектуры Москвы 2007). Тут логичнее было бы говорить про дьяковскую культуру (названа по Дьякову городищу в Коломенском), раз речь идет об истории заселения города в его современных границах.

«В 1238 году молодой Москве пришлось столкнуться с захватчиками — на город напали монголы под началом Батые» (с. 20). Из небрежной формулировки создается ложное впечатление, что Батый лично руководил взятием и разорением Москвы. «Столица билась пять дней, но силы были неравны — врагов оказалось слишком много» (с. 20). Москва действительно «билась», но тогда она еще не была столицей.

«В 1339 году вокруг Московского Кремля появились мощные дубовые стены. К тому времени заметно упало значение Киева — древней русской столицы. Многие жители нынешней Украины переселялись в Москву: в районе теперешней Остоженки даже существовало село Киевец. А Китай-город, кстати, никак не был связан с китайцами: “кита” — это мощная связка жердей в основании частокола» (с. 21–22). Догадка о том, что село Киевец было основано переселенцами из Киева, не имеет документального подтверждения, это не более чем гипотеза.

Также спорной является приведенная автором рецензируемой книги

«традиционная» версия об этимологии названия Китай-город, она далеко не единственная (Китай-город 2006). Такие спорные утверждения требуют пояснений и не могут подаваться как абсолютная истина.

«Иван Грозный <...> владел одной из самых больших библиотек того времени — эту библиотеку, “либерейю”, исследователи разыскивают до сих пор» (с. 30). На самом деле «исследователи», если под этим понятием подразумеваются профессиональные ученые, считают, что библиотека Ивана Грозного вошла в состав последующих царских собраний и разделила их судьбу (Зарубин 1982). Однако, благодаря живучести мифов, среди непрофессиональных любителей редкостей и древностей всегда находились энтузиасты продолжения поисков этого культурного фантома.

«Мальчиков начинают учить в школах — к примеру, в Сухаревой башне открылась школа для любителей математики, навигации, техники, морских дел» (с. 42). Важно иметь в виду, что Школа математических и навигацких наук, открывшаяся в 1701 г. и занявшая третий ярус башни, предназначалась не для загадочных «любителей», а для подготовки офицеров-артиллеристов, военных инженеров и моряков.

«В 1730 году улицы Москвы осветились первыми фонарями, в 1755 году открылся Московский университет. Первоначально он располагался в здании Земского приказа недалеко от Красной площади. Создан университет был по предложению великого русского ученого Михаила

Ломоносова» (с. 43). Улицы Москвы тогда освещали только в дни определенных событий, это было не регулярное освещение, в данном случае повод — приезд императорской фамилии. Надо сказать, что аналогичным образом поступали и раньше. Так, еще в 1602 г. во время приезда датского принца Иоанна, за которого Борис Годунов собирался выдать свою дочь Ксению, на улицах Москвы были устроены жаровни, в которых жгли костры для освещения города.

С основанием Московского университета тоже все сложнее: советский миф о М. В. Ломоносове как о его единственном создателе давно не выдерживает критики. Документально известно, что граф И. И. Шувалов, впоследствии куратор университета, сообщил М. В. Ломоносову об идее создания университета в письме от 19 мая 1754 г., изложив краткий план его устройства, а затем представил развернутый проект, над окончательным текстом которого И. И. Шувалов и М. В. Ломоносов вместе работали несколько недель, т.е. писать о «предложении» великого Ломоносова, не упоминая при этом Шувалова, означает воспроизводить давно опровергнутый миф советской пропаганды (Андреев 2010). Оставим на совести автора связь фонарей и университета в одном предложении...

«Спокойствие города нарушил Чумной бунт 1771 года: горожане, взбужденные слухами о болезни, ударили в набат и попытались взять Кремль штурмом» (с. 44). Читатель должен понимать, что чумной бунт был вызван не мифическими «слуха-

ми о болезни», а массовыми смертями в результате самой болезни. Горожане 15 сентября заняли Кремль и разграбили Чудов монастырь в Кремле, но тогда никакого штурма не было, т.к. никто не оборонялся. Штурм состоялся 16 сентября, но штурмовали не горожане, а горожан. Тогда Кремль взяли правительственные войска под командованием генерала П. Д. Еропкина. 17 сентября восставшие «подступили к Спасским воротам», что можно расценивать как попытку штурма, и были разогнаны картечью и штыками (*Алефиренко 1947*), т.е. события в Москве на самом деле оказались сложнее, чем это видится автору книги.

«В районе Таганки построили первый в Москве “вокзал, правда, ничего общего с железной дорогой он не имел. Тут веселились, слушали оркестр, любовались редкими растениями и фруктами, пили прохладительные напитки» (с. 47). Первый в Москве «вокзал», или «вокзал», открыл в 1772 г. в усадьбе князей Трубецких Нескучное близ Калужской заставы Мельхиор Гротти. А «вокзал» в районе Таганки близ Рогожской заставы и Дурного переуллка (ныне Товарищеский переулок, недалеко от нынешней Таганской площади) был открыт Михаилом Медоксом позже — в 1783 г.

«В 1812 году пришла армия Наполеона. <...> Захватчики мародерствовали больше месяца. Город сгорел почти дотла — огонь погубил две его трети» (с. 50). Соседство предложений о мародерах и пожаре подводит юного читателя к неверной мысли, что Москва сгорела исключительно по вине французских захватчиков.

Опять же их появление в Москве требует пояснений...

«Восточный колорит придавали Москве ее рынки и площади — Сухаревка и Охотный Ряд, где торговали дичью и мясом» (с. 71). К сведению автора, в Западной Европе торговали тем же, и никакого восточного колорита рынкам это почему-то не придавало.

«Большевики обстреливали Кремль из артиллерийских орудий. <...> На защиту города вышли даже мальчишки-юнкера — ученики военных училищ. Большинство из них пропали без вести и погибли. Убитых с честью похоронили на Братском кладбище. Александр Вертинский написал об этом знаменитую песню “То, что я должен сказать”» (с. 72). На самом деле никакого массового пропадания без вести юнкеров в Москве 1917 г. не было. Корреспондент газеты «Русское слово», опубликовавший большой материал о похоронах, утверждал, что тогда погибло 55 человек, сражавшихся против большевиков, но из них на Братском кладбище были похоронены не все, 18 тел забрали родственники для похорон в фамильных захоронениях, т.е. Братское кладбище не единственное место, где похоронены погибшие в октябрьских событиях 1917 г. (*Розенфельд 2005*).

К сожалению, автору очень плохо даются тексты об архитектуре. Он крайне поверхностно знаком с ее историей и теорией, зачастую пренебрегает фамилиями архитекторов и датами и путается в стилистике построек, о которых пытается рассказывать.

«При Иване III начинают отстраивать главную твердыню — Кремль. Приглашают итальянских мастеров. В 1490-е годы Марко Руффо и Пётр Антонио Солари возводят Грановитую палату — сегодня это одно из самых древних каменных зданий Москвы» (с. 24). Грановитая палата — хрестоматийный памятник архитектуры, имеющий четкую датировку постройки: 1487–1491 гг. (Вьюева 2003; Грановитая палата... 2013; Ульянов 1998). Датировать ее 1490-ми гг. — авторская небрежность.

Автор следующим образом характеризует московские постройки XVIII в.: «Архитектура стала похожей на европейскую — достаточно взглянуть на церковь Иоанна Воина на Якиманке, на церкви в стиле голицынского барокко в подмосковном поселке Дубровицы, на Меншикову башню» (с. 40). В поселке (ранее селе) Дубровицы стоит одна старинная церковь, а не «церкви». Она — уникальное явление во всем отечественном зодчестве, не укладывающееся в национальные архитектурные традиции и не имеющее аналогов. Определять ее как «голицынское барокко» — вопиющее упрощение.

«Из архитектурных памятников эпохи стоит отметить Царицынский дворец. Правда, его строительство было заброшено, а руины красовались целых два столетия» (с. 44). Профессиональному москвоведу стыдно не знать, что дворец в Царицыне изначально не был руиной, а являлся полностью построенным зданием, пусть без внутренней отделки. Лишь в 1880 г. после частичного обрушения кровли крыша дворца была ра-

зобрана во избежание несчастных случаев, и лишь тогда он достаточно быстро превратился в знакомую старым москвичам романтическую руину и оставался ею до реконструкции и превращения дворцового комплекса в музей в 2005–2007 гг. (Андреева 2005; Сергеев 1998; Смыслов, Смыслов 2017).

«Также императрица Екатерина II задумала перестроить Кремль на манер Римского форума, были даже разобраны некоторые части стены. Но государыня быстро охладела к проекту» (с. 44). Грандиозный проект Большого кремлевского дворца архитектора В.И. Баженова, увы, не упомянутого автором книги, имеет очень мало отношения к Римскому форуму...

«Для отдыха императорской фамилии в Москве возвели два “путевых дворца” — один в Покровском-Рубцове, другой — Петровский — недалеко от нынешней станции метро “Динамо”. Петровский дворец интересен своими украшениями в готическом и даже мавританском (восточном) стиле» (с. 48). Текст создает ложное ощущение, что оба дворца возведены одновременно, чего не было. Дворец в Покровском-Рубцове никогда не был путевым, он был сооружен для императрицы Елизаветы Петровны в 1742–1743 гг. архитектором М.Г. Земцовым. Соответственно времени строительства, детали Петровского дворца Екатерины II — неоготические, но автор в силу слабого знания истории архитектуры не увидел разницы. Почему-то нет и дат постройки дворца, и имени его создателя — выдающегося архитектора М. Ф. Казакова.

«Когда Владимир Ленин объявил о “новой экономической политике”, Москва как будто очнулась. По проектам Константина Мельникова строят клубы, в столицу приезжает гений мировой архитектуры — Ле Корбюзье. При его участии возводят здание на Мясницкой улице» (с. 76). Ле Корбюзье приезжал в Москву три раза — в 1928, 1929 и 1930 гг., когда НЭП уже умирал. Здание Центросоюза на Мясницкой улице, если быть точным, было сооружено не «при участии» мировой знаменитости, а непосредственно по его проекту при участии архитектора Николая Колли. Стоит ли говорить, что здания клубов в Москве сооружали по проектам не только Константина Мельникова, но и других архитекторов.

В книге полно анахронизмов, в особенности таких, когда события иллюстрируются рисунками и фотографиями другого времени.

«В 1701 году в Москве было шестнадцать тысяч дворов, но многие жители уехали в новую столицу, Петербург» (с. 43). Если быть совсем точным, в Москве в 1701 было 16 358 дворов, но ошибка, разумеется, не в том, что автор округлил данные. Главное, москвичи не могли в 1701-м уехать в Петербург просто потому, что Петербург был основан только в 1703-м!

Рассказывая о дореволюционной Москве, автор сообщает, что там: «Открываются музеи — например, Пушкинский» (с. 69). Нам понятно, что речь идет о Государственном музее изобразительных искусств им. Пушкина. Но было бы неплохо со-

общить школьникам, что этот музей был открыт не как «Пушкинский», а как Музей изящных искусств. Вообще профессиональный москвовед должен помнить, что краткое определение «Пушкинский», вполне возможно, вызовет в памяти школьника образ Государственного музея А. С. Пушкина, тем более что со сказками Пушкина и с музеем, посвященным его жизни и творчеству, дети начинают знакомиться еще в дошкольном возрасте.

Знаменитая московская благотворительность почему-то видится автору актами грубого насилия: «талантливый городской голова Николай Алексеев принуждает купцов оплачивать содержание больниц, богаделен» (с. 62). Реальность же была несколько другой...

Рассказ о купеческой благотворительности и трамвайной сети в дореволюционной Москве (с. 62) почему-то иллюстрируется фотографией Охотного ряда 1920-х гг. Автор не обратил внимания, что вывески на фото написаны с использованием «новой» орфографии, принятой большевиками, кроме того, его не насторожило обилие аббревиатур, присущих именно советскому периоду.

На с. 68 без подписи помещена иллюстрация, на которой изображен сад «Эрмитаж» в Москве (с рисунка художника Н. Каразина 1850 г.). Видимо, она должна иллюстрировать текст со следующей страницы: «Открываются частные театры и кино-театры, летние сады для прогулок публики. Некоторые сохранились до сих пор — “Аквариум” и “Эрмитаж”» (с. 69). Однако существующий

сейчас сад «Эрмитаж» — это не тот, который изображен Н. Каразиным. Автор, вероятно, не в курсе, что Эрмитажей в Москве было два: Старый, тот самый, который изображен на с. 68, не дошедший до наших дней (он находился на Божедомке), и Новый, существующий и ныне под названием Эрмитаж (в Каретном ряду). Да и зачем вообще было иллюстрировать события рубежа XIX–XX вв. (именно тогда стали открываться кинотеатры) рисунком дореформенного времени?

«...В районе Белорусского вокзала строят первую велосипедную дорожку» (с. 70). Велосипедная дорожка, устроенная в 1897 г., в районе вокзала лишь начиналась. Она доходила до села Всехсвятского в районе современной станции метро «Сокол», т. е. была весьма протяженной. А сам вокзал во время создания велодорожки и вплоть до сноса назывался Брестским. Белорусским в советское время стал называться ныне существующий вокзал, выстроенный в 1908–1912 гг.

«В дореволюционной Москве думали даже о строительстве метро, не раз возвращались к этому вопросу, но городские власти так за дело и не взялись» (с. 68). Нельзя ставить знак равенства между неосуществленными дореволюционными проектами московского метро, которое мыслилось, по сути, как городская надземная железная дорога, пусть с подземными участками и даже отдельными линиями, и московским метро в современном его понимании. Чтобы избежать формирования анахронистических представлений у школьников, автор был обязан указать на эти различия.

Поэтические строки А. Вертинского, публикуемые в связи с боями октября 1917 г. в Москве, почему-то иллюстрируются известной фотографией манифестации на Красной площади 1914 г., устроенной в связи с началом Первой мировой войны (с. 73).

Советский период в книге очень благодатный и почти полностью состоит из одних успехов и достижений, разве что церкви сносили.

«В 1938 году открывается канал Москва — Волга». Наверно, стоило упомянуть, что при его строительстве использовался труд заключенных, часть их была впоследствии реабилитирована. Канал, кстати, был открыт в 1937 г.

«Весь Ленинский проспект от аэропорта Внуково до центра был заполнен людьми» (с. 85). Автор явно преувеличивает масштабы Ленинского проспекта и слабо себе представляет, где находится аэропорт и как до него добираться...

«Символом оттепели стал Новый Арбат» (с. 86). Откроем автору тайну: нынешнюю улицу Новый Арбат проложили лишь в самом конце оттепели, и официально она была составной частью проспекта Калинина. При прокладке улицы было уничтожено много исторической застройки, поэтому она на долгое время стала символом разрушения исторической Москвы...

По загадочным причинам «историк и краевед» Гнилорыбов в обеих своих книгах постоянно использует весьма приблизительную хронологию, хотя ее вполне можно было бы выверить.

«Первое упоминание о Москве относится к 1147 году. Девятьсот лет назад она была лишь деревенькой на высоком холме» (с. 8). Поразительная небрежность в обращении с цифрами: Москве исполнится 900 лет только в 2047 г.!

«Еще одно древнее захватывающее место — Сходненский ковш в Тушине. В 1939 году здесь нашли человеческий череп — самое раннее свидетельство человеческого присутствия в этих местах. По мнению ученых, этому черепу от шести до десяти тысяч лет» (с. 13). Эта черепная крышка, а не череп, ныне хранящаяся в Музее Москвы (место работы автора бестселлера на время его написания), является самым ранним свидетельством проживания человека на современной территории Москвы и датируется периодом около 16–10 тыс. лет назад!

«В 1673 году в Москве открылся первый театр (придворная “комедийная хоромина”)» (с. 42). Если быть точными, комедийная хоромина — первое театральное здание в России, было построено в 1672 г. по указу царя Алексея Михайловича, но не в Москве, а в селе Преображенском под Москвой.

«В декабре 1905 года в Москве прошли уличные бои между войсками и протестующими. Погибло около тысячи человек. Но потом на какое-то время в город вернулось спокойствие — Российская империя существовала еще двенадцать лет, наступил Серебряный век» (с. 66). Автор без аргументации относит начало Серебряного века к 1905 г., чего до него никто не делал.

«В 1939 году вокруг Москвы возникли города Тушино, Бабушкин, Люблино, Перово и Кунцево. Сейчас они стали столичными районами» (с. 80). Тушино стал городом с 1938 г., Бабушкин, Люблино и Перово — с 1925-го, Кунцево — с 1926 г.

«В 1954 году открылась ВДНХ — были представлены рекордсмены всех областей советского народного хозяйства» (с. 84). В 1954 г. открылась, причем повторно, не ВДНХ СССР, а Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (в первый раз она открылась в 1939 г.). Название ВДНХ СССР (Выставка достижений народного хозяйства СССР) появилось только в 1958 г., причем это было не просто переименование, а объединение сельскохозяйственной, промышленной и строительной (на Фрунзенской набережной) выставок в Выставку достижений народного хозяйства СССР.

Интересующейся историей Москвы читатель легко сможет продолжить находить ошибки и неточности едва ли не на каждой странице издания.

По результатам прочитанного напрашиваются весьма неутешительные выводы. Под видом книги для школьников мы имеем дело с откровенной халтурой, изданной на деньги налогоплательщиков. Авторский текст изобилует грубыми, в том числе хронологическими, ошибками, разнообразными неточностями, не говоря уже о стилистических огрехах: такого казенного и бедного языка, каким написана книга, столица России просто не заслужила. На мой взгляд, вид деятельности автора можно однозначно определить

как графоманство. При этом создается ощущение, что издание имело целью лишь освоить бюджет, достаточно большой, судя по заявленному тиражу.

Существуют хорошие детские книги о Москве, среди которых — книги Сергея Голицына «Сказание о земле московской» (М., 1991), Олега Филимонова «Были на семи холмах» (М., 1997) и т.д., переиздание которых, возможно с новыми предисловиями, дополнениями и уточнениями, действительно принесло бы пользу детям. А теперь московские первоклассники получили странное издание, сверстанное «на коленке», с иллюстрациями без подписей, часто не имеющими отношения к описываемым событиям.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Коробко 2019 — Коробко М. Москва — не музей и будущего у Москвы нет! // REGNUM. 2019. 25 апреля. URL: regnum.ru/news/cultura/2619246.html.

«О защите детей...» — «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ). URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=324171&fld=134&st=1000000001,0&rnd=0.39155596217127075#06033790255897231.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алефиренко 1947 — Алефиренко П.К. Чумной бунт в Москве в 1771 г. // Вопросы истории. 1947. № 4.

Андреев 2010 — Андреев А.Ю. Проект об учреждении Московского университета // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. М.: Российская политиче-

ская энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 592–593.

Андреева 2005 — Андреева Л.В. Музей-заповедник Царицыно: дворцовый ансамбль, парк, коллекции. М.: Государственный музей-заповедник «Царицыно», 2005.

Вьюева 2003 — Вьюева Н. Грановитая палата. М.: Худож. и кн., 2003.

Грановитая палата... 2013 — Грановитая палата Московского Кремля. СПб.: Арт Деко, 2013.

Зарубин 1982 — Зарубин Н.И. Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982.

Китай-город 2006 — Китай-город // Словарь современных географических названий / Рус. геогр. о-во. Моск. центр; под общ. ред. акад. В.М. Котлякова. Институт географии РАН. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.

Памятники архитектуры Москвы 2007 — Памятники архитектуры Москвы. Окрестности старой Москвы (Юго-восточная и южная части территории от Камер-Коллежского вала до нынешней границы города) / под ред. А.И. Комеча. М.: Искусство — XXI век, 2007. С. 224–225.

Розенфельд 2005 — Розенфельд Б. А.Н. Вертинский «То, что я должен сказать» // Terra Nova: Журнал. 2005. № 5.

Сергеев 1998 — Сергеев И.Н. Царицыно. Суханово: Люди, события, факты. М.: Голос, 1998.

Смыслов, Смыслов 2017 — Смыслов А.Г., Смыслов П.А. Царицыно. Об истории юга Москвы. Энциклопедия. Т. 1–2. М.: Перо, 2017.

Ульянов 1998 — Ульянов О.Г. «ROMA QUADRATA III». К 500-летию строительства дворца великого князя Ивана III в Кремле // Вехи русской истории в памятниках культуры. Макариевские чтения. Вып. V. Можайск, 1998. С. 508–529.

“THE RUSSIAN CAPITAL IS CHANGING FOR BETTER EVERY DAY”

Rev.: Gnilorybov P. Moskva rastet. Moscow: B. S.G.-Press, 2019. 95 p.

Korobko Mikhail Yu. — historian, methodologist of the Central Library System (Moscow)

Key words: local history, graphomania, Moscow history.

Abstract. The review deals with the second work of Pavel Gnilorybov, which was published in the same publisher under the almost same name with financial support from the same Publishing Program of Moscow Government. The book is prefaced with an introduction signed by the Moscow Mayor and was printed with an announced fantastic circulation of 120,000 copies. It was distributed among primary schools' pupils. The review demonstrates the worst mistakes among the many that book contains.

REFERENCES

- Alefrenko P.K. Chumnoi bunt v Moskve v 1771 g. *Voprosy istorii*, 1947, no. 4.
- Andreev A.Iu. Proekt ob uchrezhdenii Moskovskogo universiteta. *Imperatorskii Moskovskii universitet: 1755–1917: entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2010, pp. 592–593.
- Andreeva L.V. *Muzei-zapovednik Tsaritsyno: dvortsovyi ansambl', park, kolleksii*. Moscow: Gosudarstvennyi muzei-zapovednik “Tsaritsyno”, 2005.
- Granovitaia palata Moskovskogo Kremliia*. St. Petersburg: Art Deko, 2013.
- Kitai-gorod. *Slovar' sovremennykh geograficheskikh nazvanii*, Rus. geogr. o-vo. Mosk. tsentr; pod obsch. red. akad. V.M. Kotliakova. Institut geografii RAN. Ekaterinburg: U-Faktoriia, 2006.
- Pamiatniki arkhitektury Moskvy. Okrestnosti staroi Moskvy (Iugo-vostochnaia i iuzhnaia chasti territorii ot Kamer-Kollezhskogo vavla do nyneshnei granitsy goroda)*, pod red. A.I. Komecha. Moscow: Iskusstvo — XXI vek, 2007, pp. 224–225.
- Rozenfel'd B.A.N. Vertinskii “To, chto ia dolzhen skazat’”. *Terra Nova: Zhurnal*, 2005, no. 5.
- Sergeev I.N. *Tsaritsyno. Sukhanovo: Liudi, sobytiia, fakty*. Moscow: Golos, 1998.
- Smyslov A.G., Smyslov P.A. *Tsaritsyno. Ob istorii iuga Moskvy*. Entsiklopediia. T. 1–2. Moscow: Pero, 2017.
- Ul'ianov O.G. “ROMA QUADRATA III”. K 500-letiiu stroitel'stva dvortsa velikogo kniazia Ivana III v Kremle. *Vekhi russkoi istorii v pamiatnikakh kul'tury*. Makarievskie chteniia. Vyp. V. Mozhaisk, 1998, pp. 508–529.
- V'ieva N. *Granovitaia palata*. Moscow: Khudozh. i kn., 2003.
- Zarubin N.I. *Biblioteka Ivana Groznogo: Rekonstruktsiia i bibliograficheskoe opisanie*. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1982.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски — 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и английском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной класси-

фикации), который приводится над фамилией автора слева.

Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25). Подробно о правилах оформления библиографии и внутритекстовых ссылок см.: <http://istorex.ru/rules.html>